This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

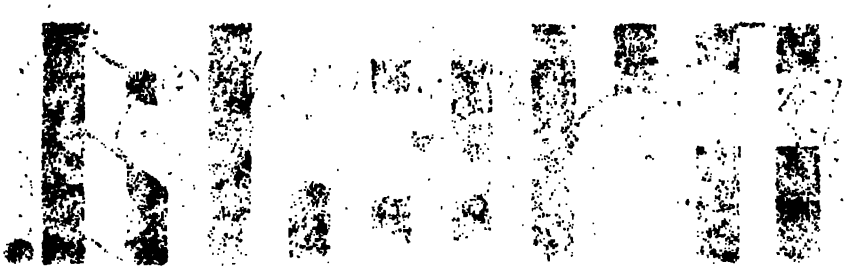
9854

ПЧЕЛА

СБОРНИКЪ

LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

ПЕСНЯ



ПЧЕЛА.

СБОРНИКЪ

ДЛЯ НАРОДНАГО ЧТЕНІЯ

и

ДЛЯ УПОТРЕБЛЕНІЯ ПРИ НАРОДНОМЪ ОБУЧЕНІИ.

Молодымъ людямъ на поученье,
Старымъ людямъ на послушенье.

(Изъ народныхъ стиховъ.)

Составилъ и издалъ

НИКОЛАЙ ЩЕРБИНА.

Второе исправленное и значительно дополненное изданіе.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1866.

DK 42
S57
1866

ДЕРЯ

ПЕТРА СЕЛИВОРСТА

Дозволено цензурою. Санктпетербургъ, 4 мая 1866 года.

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES
JUN - 2 1967

С.-Петербургъ.
Печатня В. Головина, у Владимірской церкви № 15.
1866 г.

ПОРТРЕТЪ

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА.

Мамаево побоище. — Мѣста, взятыя изъ древняго сказанія, подъ названіемъ: „*Задонщина*“ 35
Конецъ Татарскаго владычества надъ Россіею. — Изъ „*Русской Лѣтописи*“ по Воскресенскому списку 38
Взятіе Казанскаго Царства царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ въ 1552 году.— Изъ „*Степенной Книги*“. 41
Народная пѣсня про взятіе Казани 44
Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалаго купца Калашникова. — Стихотвореніе *Михаила Лермонтова* 45
Народная пѣсня о томъ, какъ Ермакъ взялъ Сибирь. 56
Изъ „*Строгоновской Лѣтописи:*“ „О взятіи Сибирскія земли“ 58
По взятіи Сибири. — Изъ древней „*Исторіи о Сибирской Земли*“ 59
Осада Пскова въ 1581—1582 году. — Мѣста изъ древней „*Повѣсти* о прихоженіи Литовскаго короля Степана съ великимъ и гордымъ воинствомъ на великій и на славный, Богомъ спасаемый градъ Псковъ“ 60
Народная пѣсня про осаду Пскова 63
Народная пѣсня про смерть царя Ивана Васильевича 64
Нашествіе Поляковъ на Россію. — Мѣста изъ “*Сказанія Авраамія Палицына*“ . . . 65
Народная пѣсня про Царевну Ксенію Борисовну Годунову 68
Окружная грамата Московскихъ людей, съ приложеніемъ: 1) воззванія изъ подъ Смоленска и 2) отписки Прокофія Ляпунова о всеобщемъ ополченіи на Поляковъ. 69
Народная пѣсня о Прокопѣ Ляпуновѣ 74
Народная пѣсня про князя Михайлу Скопина-Шуйскаго 75
Отписка Пермичей Казанцамъ 80
Козьма Мининъ, или Нижній-Новгородъ въ 1611 году. — (Изъ романа *Юрій Милославскій*). — *Михаила Загоскина* 82
Пожарскій и Мининъ. — Изъ „*Русской Лѣтописи*“ по Никонову списку 89
Ополченіе Нижегородцевъ. — *Александра Островскаго* 92
Освобожденіе Москвы. — *Константина Аксакова* 98
1613-й годъ. — Изъ „*Русской Лѣтописи*“ по Никонову списку 120
Народная пѣсня про Козьму Минина и князя Пожарскаго, про освобожденіе Москвы и про избраніе Михаила Ѳедоровича. 123
Мѣсто изъ грамматы утвержденной о избраніи на Россійскій престолъ царемъ и самодержцемъ Михаила Ѳедоровича Романова-Юрьевыхъ. 125
Народное сказаніе о пріѣздѣ въ Москву Филарета Никитича. 127
Малороссія въ семнадцатомъ вѣкѣ. — (Изъ „Исторіи Малороссіи“). — *Николая Маркевича* 128
Изъ повѣсти: „Тарасъ Бульба.“ — *Николая Гоголя* 129
Возсоединеніе Малороссіи съ Россіею въ 1653 году. — (Изъ „Исторіи Малой Россіи“). — *Дмитрія Бантышъ-Каменскаго* 139
Мѣсто изъ Грамматы въ Малороссію государя царя Алексѣя Михайловича. 141
Изъ народной былины про смерть царевича. 143
Народная пѣсня о рожденіи Петра Перваго 144
Избавитель. — Стихотвореніе *Льва Мея* . . . . . —
Казачья пѣсня 148
Бытъ Русскихъ царей въ Московское время. — *Ивана Забѣлина* 149

III.

(1694—1866 года.)

О зачатіи и зданіи царствующаго града Санктпетербурга. — *Изъ современной рукописи.* 158
Бытъ императора Петра Перваго. — Изъ книжки: „Русская Старина." — *Кортиловича.* 162
Анекдоты о Петрѣ Первомъ 166
Петръ Великій. — Стихотвореніе *Владиміра Бенедиктова.* 172
Полтавская Битва. — Стихотвореніе *Александра Пушкина* 174
Народная пѣсня про смерть Петра Перваго. 176
Ломоносовъ:
1. Рыбакъ. — *Николая Полеваго.* 177
3. Бѣгство Ломоносова 180
3. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, или чтеніе первыхъ стиховъ Ломоносова у императрицы Анны Іоанновны 184
4. Смерть Ломоносова. — *Ксенофонта Полеваго.* 186
Ломоносовъ. — Изъ стихотворенія *Аѳанасія Майкова* 188
Жалоба въ Святѣйшій Синодъ игумена Ѳеофана Яворскаго . . . . . —
Изъ рѣчи императрицѣ Екатеринѣ Второй, сказанной *Георгіемъ Конисскимъ* 189
День и вечеръ императрицы Екатерины Второй. — Изъ „*Записокъ*" *Адріана Грибовскаго.* 190
Анекдоты о Екатеринѣ Второй. — *П. Ш.* 193
Рескриптъ императрицы Екатерины Второй князю Репнину. 196
Кагульскій бой. — *Сергѣя Глинки.* 197
Чесменскій бой. — *Изъ записокъ очевидца* 199
Присоединеніе Крыма къ Россіи въ 1783 году. — I. — II. 201
Взятіе Измаила. — *Сергѣя Глинки* 203
Штурмъ Праги, Варшавскаго предмѣстія. — *Изъ разсказовъ стараго солдата* . . . 205
Входъ въ покоренную Варшаву, въ 1794 году. — *Изъ записокъ очевидца.* 210
Анекдоты о Суворовѣ 211
Насильственное распространеніе Поляками уніи и Римскаго-Католичества въ Западной и Южной Россіи:
I. Начало Латинства 215
II. Мѣсто изъ „Прошенія" Русскихъ Православныхъ людей, поданнаго Польскому правительству въ 1623 году 218
III. Бѣлорусская народная пѣсня 219
IV. Изъ разсказовъ Малороссійскихъ стариковъ про унію, при власти Поляковъ. — Изъ книги: „*Записки о Южной Руси.*" 220
V. Конецъ гоненія на Православіе. — (Изъ *епископской грамматы*). 222
Воззваніе и манифестъ 1812 года 223
Крестьяне въ 1812 году 224
О томъ же 231
Битва подъ Смоленскомъ и Бородинская битва. — *Ѳедора Глинки* . . . . . —
Два анекдота про Императора Александра Перваго 238
Бородино черезъ 52 дня послѣ битвы. — *Ѳедора Глинки* 239
Французы въ Москвѣ. — Стихотвореніе *Николая Языкова* 242
Великая паннихида. — Переводъ съ Чешскаго *Николая Щербины* . . . . . —
Сказанія про крестьянъ въ 1812 году. 243
Мѣста изъ манифеста объ изгнаніи изъ Россіи непріятеля 245
Набѣгъ Черкесовъ. — *Александра Бестужева* 246
Подвигъ двухъ Русскихъ офицеровъ за Кавказомъ. — *Александра Бестужева* . . . 251

Дѣло подъ Журжей, 26 іюня 1854 года. — *Разсказъ солдата* 254
Подъ Севастополемъ. — Изъ „Военныхъ Разсказовъ“ *Графа Льва Толстаго* . . . 259
Изъ „Записокъ объ осадѣ Севастополя“ *Николая Берга* 262
Высочайшій манифестъ 19-го Февраля 1861 года 266
На освобожденіе крестьянъ. — Стихотвореніе *Ивана Аксакова* 271
Всеподданнѣйшія письма Русскихъ людей къ Государю Императору Александру Николаевичу, по Польскому дѣлу (1863 года) . . . . . —
Россія. (Мѣсто изъ стихотворенія.) — *Михаила Ломоносова* 285
Клеветникамъ Россіи. — Стихотвореніе *Александра Пушкина* . . . . . —
О земскихъ учрежденіяхъ 1-го января 1864 года 287
О Судебныхъ Уставахъ 30-го ноября 1864 года . . . . . —
Годы, въ которые произошли важнѣйшія событія въ Русскомъ Государствѣ . . . 288

II.

БЫТОВОЕ.

Крестьянинъ и Работникъ. — Стихотвореніе *Ивана Крылова* 293
Крестьянинъ и Клячи. — Стихотвореніе *Александра Измайлова* 294
Крестьянинъ въ бѣдѣ. — Стихотвореніе *Ивана Крылова* 295
Друзья. — Стихотвореніе *Ивана Хемницера* 296
Мельникъ. — Стихотвореніе *Ивана Крылова* . . . . . —
Два мужика. — Стихотвореніе *Ивана Крылова* 297
Фролъ Силинъ. — *Николая Карамзина* 298
Мѣшокъ съ золотомъ. — Изъ повѣсти *Николая Полеваго* 299
Русакъ. — Разсказъ *Владиміра Даля* 310
Мѣста изъ повѣсти: „Рой-Ѳеодосій Саввичъ.“ — *Госпожи Кохановской* 313
Косарь. — Стихотвореніе *Алексѣя Кольцова* 328
Бурлакъ. — Стихотвореніе *Ивана Никитина* 329
Коробейники. — Изъ стихотворенія *Николая Некрасова* 331
Женихъ. — Стихотвореніе *Александра Пушкина* 332
Власъ. — Стихотвореніе *Николая Некрасова* 334
Масляница на чужой сторонѣ. — Стихотвореніе *князя Петра Вяземскаго* 337
Пѣсни Лихача-Кудрявича. I. — II. — Стихотвореніе *Алексѣя Кольцова* 338
„*Чтò ты спишь, мужичокъ.*“ — Стихотвореніе *Алексѣя Кольцова* 340
Въ деревнѣ. — Стихотвореніе *Николая Некрасова* . . . . . —
Пѣсня пахаря. — Стихотвореніе *Алексѣя Кольцова* 341
Въ праздникъ. — Стихотвореніе *Льва Мея* 342

III.

ОБЩЕ-СЛАВЯНСКОЕ.

О Славянахъ. — *Александра Гильфердинга* 343
Кириллъ и Меѳодій. — Изъ „*Несторовой Лѣтописи*“ по Кёнигсбергскому списку . . 350
Турки въ Босніи. — *Стаки Скендеровой* 352
Изъ письма въ Москву *Пермскаго епископа* 359

Славянскимъ городамъ. — Стихотвореніе *Алексѣя Хомякова* 360
Чеху Вячеславу Вячеславовичу Ганкѣ. — Стихотвореніе *Ѳедора Тютчева* 363
I. Народныя Сказанія Сербовъ:
Царь Лазарь и царица Милица. — Перевелъ съ Сербскаго *Николай Бергъ*. 364
Марко Кралевичъ. — Перевелъ *Иванъ Боричевскій* 370
Іово и Мара. — Перевелъ *Николай Щербина* 372
II. Болгарская пѣсня. — Перевелъ съ Болгарскаго *Николай Бергъ* 381
III. Словакская пѣсня. — Перевелъ *Николай Бергъ* 382
IV. Старинныя народныя пѣсни Чеховъ:
Бенешъ Германычъ 383
Людиша и Люборъ. — Перевелъ *Николай Бергъ* 384
V. Южно-русскія, или Малороссійскія народныя сказанія:
Самойло Кушка. — Переложилъ съ Малороссійскаго нарѣчія на Русскій языкъ *Александръ Аѳанасьевъ-Чужбинскій* 386
Три брата. — Переложилъ *Александръ Аѳанасьевъ-Чужбинскій* 392
Маруся-Богуславка. — Переложилъ *Пантелеймонъ Кулишъ* 393
Изъ думы о походѣ на Поляковъ. — Переложилъ *Михаилъ Максимовичъ* 395
Великорусскія народныя пѣсни и сказанія:
Народная величальная пѣснь Русскому царю. *(Съ нотами пѣнія)* 396
О богатырѣ Вольгѣ Святославичѣ и о пахарѣ Микулѣ Селяниновичѣ 397
Притча о Горѣ-Злочастіи 400
„Ахъ, ты поле мое, поле чистое!“ 407
„Ахъ-ти, горе великое!“ 408
Мать. (Свадебная пѣсня) . . . . . —
Мать. (Бѣлорусская народная пѣсня) 409
Дочь къ матери 410
Супружество . . . . . —
Похвальныя пѣсни крестьянину-пахарю . . . . . —

IV.

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ.

I.

Пѣсня бѣдняка. — Стихотвореніе *Василія Жуковскаго* 412
„Ахъ, ты, бѣдность горемычная.“ — Стихотвореніе *Ивана Никитина* 413
Англичане у Камчатки. — Стихотвореніе *Владиміра Бенедиктова* . . . . . —
Русскимъ юношамъ. — Изъ стихотворенія *Михаила Ломоносова* 414
Величальная пѣсня работѣ. — Стихотвореніе *Ѳедора Миллера* . . . . . —

II.

Изъ „Поученія“ дѣтямъ своимъ великаго князя Кіевскаго *Владиміра Всеволодовича Мономаха* 415
О чтеніи книгъ. — Изъ сочиненій епископа *Кирилла Туровскаго* 416
Изреченія, заимствованныя изъ *„Златой Цѣпи“* и другихъ Древне-русскихъ сборниковъ 417
Изъ книги: „О скудости и богатствѣ.“ — *Ивана Посошкова* 418
Изъ „Наказа“ императрицы *Екатерины Второй* 419

III.

Изъ „Хожденія“ игумена *Даніила* ко Святымъ Мѣстамъ 422
Страстная Суббота и Свѣтлое Воскресеніе во Іерусалимѣ. — *Ивана Аксакова* . . . 424
Свѣтлое Воскресеніе на Руси. — *Николая Гоголя* 430
Храмъ святыя Софіи въ Константинополѣ:
1. Изъ „Странника“ *Стефана-Новгородца* 431
2. Изъ „Путешествія“ *священника Іоанна Лукашевича* 433
Святая Гора Аѳонская. — Изъ „*Писемъ Святогорца*“ 435
Милешова Обитель въ Старой Сербіи 439
Дечанскій Монастырь въ Старой Сербіи. — Изъ сборника подъ названіемъ: „*Босния, Герцоговина и Старая Сербія,*“ составленнаго *Александромъ Гильфердингомъ* . . . 442
Кіевскія пещеры. — *Водина Пасека* 444

IV.

Начало Кіево-Печерской Лавры. — *Николая Карамзина* 445
Преподобный Сергій. — Основаніе Свято-Троицкой Сергіевой Лавры 446
Московскіе и всея Россіи Святители: — Петръ. — Алексій. — Іона. — Филиппъ. — Изъ „*Временника, сирѣчь лѣтописца*,“ изъ „*Русской Лѣтописи*“ по Никонову списку, изъ „*Степенной Книги*“ и проч. 453
Изъ книги: „*Училище Благочестія*“ 469

V.

Изъ твореній отцевъ вселенской церкви:
Святаго Василія Великаго 472
Святаго Григорія Богослова 476
Святаго Іоанна Златоустаго 478
Святаго Ефрема-Сирина 479
Святаго Іоанна-Дамаскина 481
Изъ твореній отцевъ Россійской церкви:
Святаго Димитрія, митрополита Ростовскаго 482
Святаго Тихона, епископа Воронежскаго и Елецкаго 485

VI.

Духовныя стихотворенія:
Сампсонъ. — *Николая Языкова* 495
Плачъ плѣнныхъ Іудеевъ. — *Ѳедора Глинки* 496
Христіанскіе мученики. — *Василія Жуковскаго* . . . . . —
Филаретъ Милостивый. — *Бориса Алмазова* 499
Всенощная въ селѣ. — *Ивана Аксакова* 509
Молитва. — *Александра Пушкина* . . . . . —
Христіанскія мысли передъ битвами. — *Владиміра Бенедиктова* 510
Богъ. — *Гавріила Державина* 511

КАРТИНКИ:

1) Портретъ Его Величества Государя Императора Александра Николаевича.
2) *Церковь Святаго Андрея Первозваннаго въ Кіевѣ* 12
3) *Соборъ Святыя Софіи въ Новгородѣ* 15
4) *Кремлевскія башни, въ Москвѣ* 30
5) *Царь-Колоколъ въ Московскомъ Кремлѣ* 32

6) *Кремль въ Москвѣ* 33
7) *Соборъ Срѣтенскаго Монастыря въ Москвѣ* 40
8) *Посольство Нижегородцевъ къ Пожарскому* 90
9) *Иверскія Ворота въ Москвѣ* 103
10) *Никольскія Ворота въ Москвѣ* 107
11) *Спасскія Ворота въ Москвѣ* 111
12) *Вознесенскій Дѣвичій Монастырь, въ Москвѣ* 115
13) *Колокольня „Иванъ-Великій" въ Московскомъ Кремлѣ* 118
14) *Ипатіевскій Монастырь въ Костромѣ, гдѣ жилъ Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ во время избранія его на царство* 121
15) *Памятникъ Минину и Пожарскому, въ Москвѣ* 125
16) *Благовѣщенскій Соборъ въ Московскомъ Кремлѣ* 147
17) *Архангельскій Соборъ въ Московскомъ Кремлѣ* 154
18) *Памятникъ Петру Первому въ Петербургѣ* 176
19) *Надгробный памятникъ Ломоносову, въ Петербургѣ* 187
20) *Храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ* 241
21) *Императорскій дворецъ въ Москвѣ* 275
22) *Царь-Пушка въ Московскомъ Кремлѣ* 300
23) *Церковь Василія Блаженнаго въ Москвѣ* 302
24) *Адмиралтейская площадь въ Петербургѣ* 310
25) *Сухарева Башня въ Москвѣ* 319
26) *Церковь Успенія на Покровкѣ, въ Москвѣ* 335
27) *Хорваты* 345
28) *Градчинъ въ Прагѣ, Чешской столицѣ* 348
29) *Черногорецъ* 357
30) *Бѣлградъ, главный городъ въ Сербіи* 361
31) *Вышеградъ въ Прагѣ, Чешской столицѣ* 363
32) *Сербъ* 367
33) *Словаки* 383
34) *Мостовая Башня въ Прагѣ, Чешской Столицѣ* 386
35) *Донской Монастырь въ Москвѣ* 405
36) *Монастыри въ Москвѣ* 450
37) *Золотыя ворота во Владимірѣ* 454
38) *Успенскій Соборъ въ Московскомъ Кремлѣ* 461
39) *Чудовъ-Монастырь въ Московскомъ Кремлѣ* 465

— *Ноты пѣнія народной величальной пѣсни (гимна)* 396

I.

РУ́ССКОЕ ІСТОРИ́ЧЕСКОЕ.

Помяните одно: только корѣнью основанье крѣпко, то и древо неподвижно; только корѣнья не будетъ, — къ чему прилѣпиться?

(Окружная Граммата Москвитянъ).

I.

(862—1328 г.)

НАЧАЛО РУСИ, ИЛИ ОТКУДА ПОШЛА РУССКАЯ ЗЕМЛЯ.

(862-й годъ.)

Мѣста изъ древней «Русской Лѣтописи» инока Кіевскаго Ѳеодосіева Печерскаго Монастыря, преподобнаго Нестора, родившагося около 1056 года. [1])

Днѣпръ течетъ въ Понтійское Море [2]) тремя жерелы, еже море словетъ Русское, по нему-же ходилъ и училъ святый Андрей, братъ Петровъ, яко-же рекоша: Андрею учащу въ Синопѣ [3]), и пришедшу ему въ Корсунь [4]), и увѣде, яко изъ Корсуня близъ устье Днѣпровское, и восхотѣ идти въ Римъ, и пріиде въ устье Днѣпровское, и оттолѣ пойде по Днѣпру горѣ, и по прилучаю пріиде, и ста подъ горами на березѣ, и вставъ заутра, и рече къ сущимъ съ нимъ ученикомъ: «видете ли горы сія? — яко на сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія, имать градъ великъ быть, и церкви многи имать Богъ воздвигнути». И вшедъ на горы сія, и благослови я, и постави крестъ, и помолись Богу, и слѣзе съ горы сея, идѣже послѣ бысть *Кіевъ*, и пойде по Днѣпру горѣ, и пріиде въ Словены, идѣже нынѣ *Новгородъ*....

1

.... И быша три братьи: единому имя Кій, другому Щекъ, а третьему Хоривъ, и сестра ихъ Лыбедь; и сѣдяше Кій на горѣ, гдѣ нынѣ Зборичевъ, а Щекъ сѣдяше на горѣ, идѣже нынѣ Щековица, Хоривъ на третіей горѣ, отъ него-же прозвася Хоривица, и сотвориша городокъ во имя брата ихъ старшаго, и нарекоша *Кіевъ*. И бяше около града лѣсъ и боръ великъ, и бяху ловяще звѣрь, бяху бо мудріи и смыслены, и нарицахусь Поляне, отъ нихъ же суть Поляне-Кіевы и до сего дни. Иніи же не вѣдуще глаголаху, яко Кій есть перевозникъ былъ: у Кіева бо бяше перевозъ былъ тогда съ оноя стороны Днѣпра; тѣмъ глаголаху: на перевозъ на Кіевъ. Аще бо бы перевозникъ Кій, то не бы ходилъ ко Царю-граду. Но сей княжаше въ роду своемъ, и приходившу ему ко царю, не свѣмы; но токмо о семъ вѣмы, яко же сказують, яко велику честь пріялъ есть отъ царя, котораго не вѣмъ, и при которомъ приходи цари.

.... Въ лѣто 6367 [5]) имаху дань Варязи изъ заморія въ Чуди, на Словенехъ, на Меряхъ и на всѣхъ Кривичехъ; а Козаре имаху на Полехъ и на Сѣверѣ, и на Вятичехъ, [6]) по бѣлѣй веверицѣ [7]) отъ дыма.

Въ лѣто 6368, въ лѣто 6369, въ лѣто 6370 [8]) быша Варяги изъ заморья, и не даша *(Славяне)* имъ дани, и почаша сами въ собѣ володѣти, и не бѣ въ нихъ правды, и возстаща родъ на родъ, и быша въ нихъусобицы. Воевати почаша сами на ся, и реша сами къ собѣ: «Поищемъ собѣ князя, иже бы владѣлъ нами, и рядилъ по праву». И идоша за море къ *Варягомъ-Руси*; сице бо тіи звахусь Варязи-Русь, яко се друзіи зовутся Свіе, друзіи-жь — Урмяне, Ингляне, друзіи — Готе. Тако же рѣша Руси, Чудь и Словене, и Кривичи, и вси: — «Земля наша велика и обильна, а наряда [9]) въ ней нѣтъ; да пойдете у насъ княжити и володѣти».

И избравшась тріе братья съ роды своими, и пояша собѣ всю Русь, и пріидоша къ Словеномъ первое, и срубиша городъ Ладогу, и сѣде въ Ладозѣ старѣй *Рюрикъ*, а другій Синеусъ сѣде на Бѣлѣ-Озерѣ, а третій Труворъ въ Изборску; и отъ тѣхъ Варягъ прозвася *Русская земля* — *Новгородъ*. Тіи суть людіе Новгородцы отъ рода Варяжска; прежъ бо бѣша *Словене* до Рюрика нарекошася.

По двою же лѣту умре Синеусъ и братъ его Труворъ. И прія всю власть Рюрикъ одинъ, и пришедъ ко Ильменю, и сруби городокъ надъ Волховомъ, и прозва *Новгородъ*, и сѣде ту княжа, раздая волости мужемъ своимъ и городы рубити: овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣло-Озеро; и по тѣмъ городомъ находници суть Варязи, и первыи насельницы въ Новѣгородѣ — Словене, въ Полоцку — Кривичи, въ Ростовѣ — Меря, въ Бѣлѣ-Озерѣ — Весь, въ Муромѣ — Мурома, и тѣми всѣми обладаше Рюрикъ.

И бѣста у него два мужа, *Аскольдъ* и *Диръ*, не племени его, но

боярина, и та испросистася съ родомъ своимъ ко Царю-Граду, и поидоста по Днѣпру. Идучи мимо, узрѣша на горѣ городокъ, вопрошаста, рекучи: — чій се городъ? Они же рекоша: — были суть три братья, Кій, Щекъ, Хоривъ, иже содѣлася градъ сей, и изгибоша, и мы сѣдимъ, платяче дань Козаромъ. — Аскольдъ же и Диръ остаста въ градѣ семъ, и многи Варяги совокуписта, и начаста княжити....

.... Въ лѣто 6390 пойде *Олегъ*, поимъ вои многи, Варяги, Чудь, Словене, Мерю и всѣ Кривичи, и пріиде къ Смоленску, и съ Кривичи прія градъ, и посади мужи свои. Оттуду пойде внизъ и взя Любечь, и посади мужи свои; и пріидоста къ горамъ Кіевскимъ, и увѣде Олегъ, яко Аскольдъ и Диръ княжиша, похорони воя въ лодьяхъ, а другія назади остави, а самъ пріиде, нося *Игоря* дѣтска, и приплы подъ Угорское, и посла ко Аскольду и Дирови, глаголя: «яко гости [10]) есьмо, и идемъ въ Греки отъ Олега и отъ Игоря княжича, да пріидеша къ намъ, къ родомъ своимъ». Аскольдъ же и Диръ пріидоста, и выскакавше вси прочіи изъ лодія, и рече Олегъ Аскольду и Дирови, глаголя: «вы нѣста князя, ни рода княжа»; и вынесоша Игоря: — «а се есть сынъ Рюриковъ», — и уби Аскольда и Дира. И несоша на гору, и погребоша, еже мѣсто нынѣ зовется Угорское, идѣже нынѣ Ольминъ дворъ. На той могилѣ поставилъ церковь, святаго Николу; а Дирова могила за святою Ориною. И сѣде Олегъ, княжа въ *Кіевѣ*, и рече Олегъ: «*се буди мати градомъ Русскимъ*». И бѣша у него Варязи и Словене, и прочіи, и прозвашася *Русью*.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) Эта лѣтопись, писанная на Древне-Русскомъ, или Славяно-Русскомъ языкѣ, въ концѣ одиннадцатаго и началѣ двѣнадцатаго вѣка, въ Кіевѣ, называется такъ: „*Повѣсть временныхъ лѣтъ черноризца Ѳеодосіева Монастыря Печерскаго, откуда есть пошла Русская земля, и кто въ ней началъ первое княжити*".

[2]) То-есть, въ Черное Море.

[3]) *Синопъ*, городъ при Черномъ Морѣ, въ нынѣшней Азіятской Турціи.

[4]) *Корсунь*, городъ въ Крыму, бывшій, какъ полагаютъ, близъ нынѣшняго Севастополя.

[5]) Здѣсь годы считаются отъ сотворенія міра, а не отъ Рождества Христова, какъ считаемъ мы теперь: такъ, 6367 годъ, считая отъ сотворенія міра, соотвѣтствуетъ 859 году отъ Рождества Христова.

[6]) Такъ назывались Славянскія и Финскія племена, населявшія, въ глубокую старину, землю теперешней Россіи. — Варяги же, или *Варто-Русь*, были одинъ родъ, или племя, завоевательнаго, удалого, мореходнаго народа, называемаго Норманами, обитавшаго за Балтійскимъ Моремъ, гдѣ нынѣ Швеція, пососѣдству съ землями, населяемыми нами — Славянами.

еверица — бѣлка, векша.

[8]) То-есть, въ 860-мъ, 861 и 862-мъ году. — Этотъ-то 862 годъ отъ Рождества Христова есть годъ, когда основалось, или съ котораго началось *Русское государство*, гдѣ первымъ государемъ или княземъ былъ *Рюрикъ*. Послѣ него княжилъ сынъ его *Игорь*, въ малолѣтство котораго — родичемъ его и правителемъ государства, *Олегомъ* —

была перенесена Русская столица изъ Новгорода въ Кіевъ. За Игоремъ наслѣдовалъ Русское государство, воинственный сынъ его, *Святославъ*, а за нимъ вступилъ на престолъ Кіевскій — *Владиміръ Святославовичъ*, принявшій со своими подданными отъ Грековъ Православную христіанскую вѣру. Онъ раздѣлилъ Русь между сыновьями своими на нѣсколько владѣтельныхъ или *удѣльныхъ* княжествъ, съ нѣсколькими *удѣльными князьями* и однимъ *великимъ княземъ*, что, впрочемъ, лѣтъ черезъ пятьсотъ слилось воедино, и собралось въ одномъ *Московскомъ государствѣ*, съ единымъ *царемъ* Русскимъ, *въ единой, цѣлой, всей Россіи*. Такъ пошли на Руси государи изъ *Рюрикова рода* до вступленія на престолъ въ 1613-мъ году *дома Романовыхъ*, родственниковъ *царей* Московскихъ изъ рода Рюрикова, когда этотъ царствующій родъ на престолѣ Московскомъ прекратился — за смертію послѣдняго царя Рюрикова колѣна.

[9]) Слово *нарядъ* на Древне-Русскомъ языкѣ значило: *порядокъ*.

[10]) *Гости* — купцы. *Щ.*

ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ОЛЬГА.

(Изъ «Исторіи Государства Россійскаго.»)

Въ 903 году Олегъ избралъ для Игоря супругу, сію въ нашихъ лѣтописяхъ безсмертную Ольгу, славную тогда еще однѣми прелестями женскими и благонравіемъ. Ее привезли въ Кіевъ изъ Плескова, или нынѣшняго Пскова: такъ пишетъ Несторъ. Но въ особенномъ ея «житіи» и въ другихъ новѣйшихъ историческихъ книгахъ сказано, что Ольга была Варяжскаго простого роду, и жила въ веси, именуемой Выбутскою, близь Пскова, что юный Игорь, пріѣхавъ изъ Кіева, увеселялся тамъ нѣкогда звѣриною ловлею; увидѣлъ Ольгу, говорилъ съ нею, узналъ ея разумъ, скромность, и предпочелъ сію любезную сельскую дѣвицу всѣмъ другимъ невѣстамъ.

.... Утвердивъ внутренній порядокъ государства *), Ольга возвратилась къ юному Святославу, въ Кіевъ, и жила тамъ нѣсколько лѣтъ въ мирномъ спокойствіи.

Ольга была язычница, — но имя Бога-Вседержителя уже славилось въ Кіевѣ. Она могла видѣть торжественность обрядовъ христіанства; могла изъ-любопытства бесѣдовать съ церковными пастырями и, будучи одарена умомъ необыкновеннымъ, увѣриться въ святости ихъ ученія. Плѣненная лучемъ сего новаго свѣта, Ольга захотѣла быть христіанкою, и сама отправилась въ столицу имперіи и Вѣры Греческой, чтобы почерпнуть его въ самомъ источникѣ. Тамъ патріархъ былъ ея наставникомъ и крестителемъ, а Константинъ Багрянородный воспріемникомъ отъ купели. Императоръ старался достойнымъ образомъ угостить княгиню народа знаменитаго, и самъ описалъ для насъ всѣ любопытныя

*) По смерти мужа своего, великаго князя *Игоря*, умерщвленнаго съ частію дружины его Древлянами, Ольга, наказавъ Древлянъ, начала управлять государствомъ — за малолѣтствомъ сына своего, *Святослава*. *Щ.*

обстоятельства ея представленія. Когда Ольга прибыла во дворецъ, за нею шли *особы княжескія*, ея свойственницы, многія знатныя госпожи, послы Россійскіе и купцы, обыкновенно жившіе въ Царѣградѣ. Константинъ и супруга его, окруженные придворными и вельможами, встрѣтили Ольгу, послѣ чего императоръ на-свободѣ бесѣдовалъ съ нею въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ жила царица. Въ сей первый день, 9 Сентября, былъ великолѣпный обѣдъ въ огромной, такъ называемой, *храминѣ Юстиніановой*, гдѣ императрица сидѣла на тронѣ, и гдѣ княгиня Россійская, въ знакъ почтенія къ супругѣ великаго царя, стояла до самаго того времени, какъ ей указали мѣсто за однимъ столомъ съ придворными госпожами. Въ часъ обѣда играла музыка, пѣвцы славили величіе царскаго дома, и плясуны оказывали свое искусство въ пріятныхъ тѣлодвиженіяхъ. Послы Россійскіе, знатные люди Ольгины и купцы обѣдали въ другой комнатѣ; потомъ дарили гостей деньгами.

На особенномъ золотомъ столикѣ были поставлены закуски: Ольга сѣла за него вмѣстѣ съ императорскимъ семействомъ.

Къ симъ достовѣрнымъ извѣстіямъ о бытіи Ольгиномъ въ Константинополѣ народное баснословіе прибавило, въ нашей древней лѣтописи, невѣроятную сказку, что императоръ, плѣненный ея разумомъ и красотою, предлагалъ ей руку свою и корону; но что Ольга — нареченная во святомъ крещеніи Еленою — отвергнула его предложеніе, напомнивъ воспріемнику своему о духовномъ союзѣ съ нею, который, по закону христіанскому, служилъ препятствіемъ для союза брачнаго между ними. Во-первыхъ, Константинъ имѣлъ супругу, во-вторыхъ, Ольгѣ было тогда уже не менѣе шестидесяти лѣтъ. Она могла плѣнить его умомъ своимъ, а не красотою.

Наставленная въ святыхъ правилахъ христіанства самимъ патріархомъ, Ольга возвратилась въ Кіевъ. Императоръ, по словамъ лѣтописца, отпустилъ ее съ богатыми дарами и съ именемъ дочери; но кажется, что она вообще была недовольна его пріемомъ; слѣдующее служитъ тому доказательствомъ. Скоро пріѣхали въ Кіевъ Греческіе послы, требовать, чтобы великая княгиня исполнила свое обѣщаніе, и прислала въ Грецію войско вспомогательное; хотѣли также даровъ: невольниковъ, мѣховъ драгоцѣнныхъ и воску. Ольга сказала имъ: «Когда царь вашъ постоитъ у меня на Почайнѣ столько же времени, сколько я стояла у него въ *судѣ*» (гавани Константинопольской): «тогда пришлю ему дары и войско», — съ чѣмъ послы и возвратились къ императору. Изъ сего отвѣта должно заключить, что подозрительные Греки не скоро впустили Ольгу въ городъ, и что обыкновенная надменность двора Византійскаго оставила въ ея сердцѣ непріятныя впечатлѣнія.

Ольга, воспаленная усердіемъ къ новой вѣрѣ своей, спѣшила открыть сыну заблужденіе язычества; но юный, гордый Святославъ не хотѣлъ

внимать ея наставленіямъ. Напрасно сія добродѣтельная мать говорила о счастіи быть христіаниномъ, о мирѣ, коимъ наслаждалась душа ея съ того времени, какъ она познала Бога истиннаго. Святославъ отвѣтствовалъ ей: «могу ли одинъ принять новый законъ, чтобы дружина моя посмѣялась надо мною?» Напрасно Ольга представляла ему, что его примѣръ склонилъ бы весь народъ къ христіанству. Юноша былъ непоколебимъ въ своемъ мнѣніи и слѣдовалъ обрядамъ язычества; не запрещалъ никому креститься, но изъявлялъ презрѣніе къ христіанамъ и съ-досадою отвергалъ всѣ убѣжденія матери, которая, не преставая любить его нѣжно, должна была наконецъ умолкнуть и поручить Богу судьбу народа Россійскаго и сына.

Сей князь, возмужавъ, думалъ единственно о подвигахъ великодушной храбрости, пылалъ ревностію отличить себя дѣлами и возобновить славу оружія Россійскаго, столь счастливаго при Олегѣ.... Суровою жизнію онъ укрѣпилъ себя для трудовъ воинскихъ, не имѣлъ ни становъ, ни обоза, питался кониною, мясомъ дикихъ звѣрей, и самъ жарилъ его на угляхъ; презиралъ хладъ и ненастье сѣвернаго климата; не зналъ шатра и спалъ подъ сводомъ неба, войлокъ подсѣдельный служилъ ему вмѣсто мягкаго ложа, и сѣдло изголовьемъ. Каковъ былъ военачальникъ, таковы и воины. — Древняя лѣтопись сохранила для потомства еще прекрасную черту характера его: онъ не хотѣлъ пользоваться выгодами нечаяннаго нападенія, но всегда заранѣе объявлялъ войну народамъ, повелѣвая сказать имъ: *иду на васъ!*

Мирное пребываніе въ Кіевѣ скоро наскучило дѣятельному князю. Страна завоеванная всегда кажется пріятною завоевателю, и сердце героя стремилось къ берегамъ Дунайскимъ. Собравъ бояръ, онъ — въ присутствіи Ольги — сказалъ имъ, что ему веселѣе жить въ Переяславцѣ, нежели въ Кіевѣ: «ибо въ столицѣ Болгарской», какъ въ средоточіи, стекаются всѣ драгоцѣнности искусства и природы: «Греки шлютъ туда золото, ткани, вино и плоды, Богемцы и Венгры серебро и коней, Россіяне мѣха, воскъ, медъ и невольниковъ». Огорченная мать отвѣтствовала ему, что старость и болѣзнь не замедлятъ прекратить ея жизнь. «Погреби меня» — сказала она — «и тогда иди, куда хочешь». Сіи слова оказались пророчествомъ: Ольга на четвертый день скончалась.

Она запретила отправлять по себѣ языческую тризну, и была погребена христіанскимъ священникомъ на мѣстѣ, ею самою для того избранномъ. Сынъ, внуки и благодарный народъ оплакали ея кончину.

Преданіе нарекло Ольгу *хитрою,* церковь *святою,* исторія *мудрою.* Отмстивъ Древлянамъ, она умѣла соблюсти тишину въ странѣ своей и миръ съ чужими — до совершеннаго возраста Святославова; съ дѣятельностію великаго мужа, учреждала порядокъ въ государствѣ обширномъ и новомъ; не писала, можетъ быть, законовъ, но давала уставы, са-

мые простые и самые нужнѣйшіе для людей въ юности гражданскихъ обществъ. Великіе князья — до временъ Ольгиныхъ — *воевали*: она *правила* государствомъ. Увѣренный въ ея мудрости, Святославъ, и въ мужескихъ лѣтахъ своихъ, оставлялъ ей, кажется, внутреннее правленіе, безпрестанно занимаясь войнами, которыя удаляли его отъ столицы. — При Ольгѣ Россія стала извѣстною и въ самыхъ отдаленныхъ странахъ Европы.

Наконецъ, сдѣлавшись ревностною христіанкою, Ольга, по выраженію Нестора, *денница* и *луна спасенія* — служила убѣдительнымъ примѣромъ для Владиміра и предуготовила торжество истинной вѣры въ нашемъ отечествѣ.

Николай Карамзинъ.

ПРИНЯТІЕ РУСЬЮ ХРИСТІАНСКОЙ ВѢРЫ.

(988 годъ).

Великій князь Владиміръ Святославовичъ.

(Изъ «Исторіи Государства Россійскаго».)

Древній лѣтописецъ нашъ повѣствуетъ, что нетолько Христіанскіе проповѣдники, но и Магометане, вмѣстѣ съ Іудеями, обитавшими въ землѣ Козарской, или въ Тавридѣ [1]), присылали въ Кіевъ мудрыхъ законниковъ склонять Владиміра къ принятію вѣры своей, и что великій князь охотно выслушалъ ихъ ученіе. Случай вѣроятный: народы сосѣдственные могли желать, чтобы государь, уже славный побѣдами въ Европѣ и въ Азіи, исповѣдывалъ одного Бога съ ними, и Владиміръ могъ также — увидѣвъ, наконецъ, подобно великой бабкѣ своей [2]), заблужденіе язычества — искать истины въ разныхъ вѣрахъ.

Первые послы были отъ Волжскихъ или Камскихъ Болгаровъ. [3]) На восточныхъ и южныхъ берегахъ Каспійскаго моря уже давно господствовала вѣра магометанская, утвержденная тамъ счастливымъ оружіемъ Аравитянъ: Болгары приняли оную и хотѣли сообщить Владиміру. Описаніе Магометова рая и цвѣтущихъ гурій [4]) плѣнило воображеніе сластолюбиваго князя; но обрѣзаніе казалось ему ненавистнымъ обрядомъ и запрещеніе пить вино уставомъ безразсуднымъ. — *Вино*, сказалъ онъ, *есть веселіе для русскихъ; не можемъ быть безъ него.* —

---

[1]) Нынѣшній Крымъ и, вообще, земля отъ Крыма до низовьевъ Волги.

[2]) Святой и великой княгинѣ Ольгѣ.

[3]) *Болгары Дунайскіе*, то-есть, жившіе по низовью рѣки Дуная — *Славянское племя;* но *Болгары Волжскіе*, то-есть, жившіе по Волгѣ и Камѣ, были совсѣмъ другой народъ, говорившій особымъ языкомъ и исповѣдывавшій Магометанскую вѣру.

[4]) *Гуріи* — красивѣйшія дѣвицы, назначенныя лже-пророкомъ Магометомъ въ жены праведникамъ, въ раю. *Щ.*

Послы Нѣмецкихъ католиковъ говорили ему о величіи невидимаго Вседержителя и ничтожности идоловъ. Князь отвѣтствовалъ имъ: — идите обратно; *отцы наши не принимали вѣры отъ папы.* — Выслушавъ Іудеевъ, онъ спросилъ, гдѣ ихъ отечество? «Въ Іерусалимѣ», отвѣтствовали проповѣдники: «но Богъ во гнѣвѣ своемъ расточилъ насъ по землямъ чужимъ». И вы, наказываемые Богомъ, дерзаете учить другихъ? сказалъ Владиміръ: — *мы не хотимъ, подобно вамъ, лишиться своего отечества.* — Наконецъ, безъименный философъ, присланный Греками, опровергнувъ въ немногихъ словахъ другія вѣры, разсказалъ Владиміру все содержаніе Библіи, Ветхаго и Новаго Завѣта: исторію творенія, рая, грѣха первыхъ людей, потопа, народа избраннаго, искупленія, христіанства, семи соборовъ, а въ-заключеніе показалъ ему картину Страшнаго Суда, съ изображеніемъ праведныхъ, идущихъ въ рай, и грѣшныхъ, осужденныхъ на вѣчную муку. Пораженный симъ зрѣлищемъ, Владиміръ вздохнулъ и сказалъ: — «благо добродѣтельнымъ и горе злымъ!» — Крестися, отвѣтствовалъ философъ, — *и будешь въ раю съ первыми.*

..... Владиміръ, отпустивъ философа съ дарами и съ великою честію, собралъ бояръ и градскихъ старцевъ, объявилъ имъ предложенія Магометанъ, Іудеевъ, Католиковъ, Грековъ, и требовалъ ихъ совѣта. «Государь!» сказали бояре и старцы: «всякій человѣкъ хвалитъ вѣру свою; ежели хочешь избрать лучшую, то пошли умныхъ людей въ разныя земли, испытать — который народъ достойнѣе поклоняется Божеству.» — И великій князь отправилъ десять благоразумныхъ мужей для сего испытанія. Послы видѣли въ странѣ Болгаровъ храмы скудные, моленіе унылое, лица печальныя; въ землѣ Нѣмецкихъ католиковъ — богослуженіе съ обрядами, но, по словамъ лѣтописи, *безъ всякаго величія и красоты;* наконецъ прибыли въ Константинополь. *Да созерцаютъ они славу Бога нашего!* сказалъ императоръ, и.... приказалъ вести пословъ въ Софійскую церковь, гдѣ самъ патріархъ, облеченный въ святительскія ризы, совершалъ литургію. Великолѣпіе храма, присутствіе всего знаменитаго духовенства Греческаго, богатыя одежды служебныя, убранство алтарей, красота живописи, благоуханіе ѳиміама, сладостное пѣніе клироса, безмолвіе народа, священная важность и таинственность обрядовъ изумили Россіянъ; имъ казалось, что самъ Всевышній обитаетъ въ семъ храмѣ и непосредственно съ людьми соединяется. Возвратившись въ Кіевъ, послы говорили князю съ-презрѣніемъ о богослуженіи Магометанъ, съ-неуваженіемъ — о Католическомъ и съ-восторгомъ — о Византійскомъ *), заключивъ словами: «всякій человѣкъ, вкусивъ сладкое, имѣетъ уже отвращеніе отъ горькаго; такъ и мы,

*) То-есть, Греческомъ. — Константинополь, или Царьградъ — назывался также и *Византіею.* Щ.

узнавъ вѣру Грековъ, не хотимъ иной.» Владиміръ желалъ еще услышать мнѣніе бояръ и старцевъ. «Когда бы законъ Греческій — сказали они — не былъ лучше другихъ, то бабка твоя, Ольга, мудрѣйшая изъ всѣхъ людей, не вздумала бы принять его». Великій князь рѣшился быть христіаниномъ.

..... Владиміръ могъ бы креститься и въ собственной столицѣ своей, гдѣ уже давно находились церкви и священники христіанскіе: но князь пышный хотѣлъ блеска и величія при семъ важномъ дѣйствіи; одни цари Греческіе и патріархъ казались ему достойными сообщить цѣлому его народу уставы новаго богослуженія.

.... Онъ вздумалъ, такъ сказать, *завоевать* вѣру христіанскую и принять ея святыню рукою побѣдителя.

Собравъ многочисленное войско, великій князь пошелъ на судахъ къ Греческому Херсону, котораго развалины донынѣ видны въ Тавридѣ, близь Севастополя.

Владиміръ, остановясь въ гавани, или заливѣ Херсонскомъ, высадилъ на берегъ войско, и со всѣхъ сторонъ окружилъ городъ. Издревле привязанные къ вольности, Херсонцы оборонялись мужественно. Великій князь грозилъ имъ стоять три года передъ ихъ стѣнами, ежели они не сдадутся: но граждане отвергали его предложенія, въ надеждѣ, можетъ быть, имѣть скорую помощь отъ Грековъ; стараясь уничтожать всѣ работы осаждающихъ, и сдѣлавъ тайный подкопъ, какъ говоритъ лѣтописецъ, ночью уносили въ городъ ту землю, которую Россіяне сыпали передъ стѣнами, чтобы окружить оныя валомъ, по древнему обыкновенію военнаго искусства. Къ счастію, нашелся въ городѣ доброжелатель Владиміру, именемъ Анастасъ. Сей человѣкъ пустилъ къ Россіянамъ стрѣлу, съ надписью: *за вами, къ востоку, находятся колодези, дающія воду Херсонцамъ черезъ подземельныя трубы; вы можете отнять ее.* Великій князь спѣшилъ воспользоваться совѣтомъ, и велѣлъ перекопать водоводы (коихъ слѣды еще замѣтны близь нынѣшнихъ развалинъ Херсонскихъ). Тогда граждане, изнуренные жаждою, сдались Россіянамъ.

Завоевавъ славный и богатый городъ, который втеченіи многихъ вѣковъ умѣлъ отражать приступы народовъ варварскихъ, Россійскій князь еще болѣе возгордился своимъ величіемъ, и черезъ пословъ объявилъ императорамъ, Василію и Константину, что онъ желаетъ быть супругомъ сестры ихъ, юной царевны Анны, или, въ случаѣ отказа, возьметъ Константинополь.

.... Анна ужаснулась: супружество съ княземъ народа, по мнѣнію Грековъ, дикаго и свирѣпаго, казалось ей *жестокимъ плѣномъ* и ненавистнѣе смерти.

.... Горестная царевна отправилась въ Херсонъ на кораблѣ, сопро-

вождаемая знаменитыми духовными и гражданскими чиновниками: тамъ народъ встрѣтилъ ее, какъ свою избавительницу, со всѣми знаками усердія и радости. Въ лѣтописи сказано, что великій князь тогда разболѣлся глазами и не могъ ничего видѣть, что Анна убѣдила его немедленно креститься, и что онъ прозрѣлъ въ самую ту минуту, когда святитель возложилъ на него руку. Бояре Россійскіе, удивленные чудомъ, вмѣстѣ съ государемъ приняли истинную вѣру (въ церкви святаго Василія, которая стояла на городской площади, между двумя палатами, гдѣ жили великій князь и невѣста его). Херсонскій митрополитъ и Византійскіе пресвитеры совершили сей обрядъ торжественный, за коимъ слѣдовало обрученіе и самый бракъ царевны съ Владиміромъ, благословенный для Россіи во многихъ отношеніяхъ и весьма счастливый для Константинополя: ибо великій князь, какъ вѣрный союзникъ императоровъ, немедленно отправилъ къ нимъ часть мужественной дружины своей, которая помогла Василію разбить мятежника Фоку и возстановить тишину въ имперіи.

Владиміръ отказался отъ своего завоеванія, и соорудивъ въ Херсонѣ церковь на томъ возвышеніи, куда граждане сносили изъ-подъ стѣнъ землю, возвратилъ сей городъ царямъ Греческимъ, въ изъявленіе благодарности за руку сестры ихъ. Вмѣсто плѣнниковъ, онъ вывелъ изъ Херсона однихъ іереевъ и того Анастаса, который помогъ ему овладѣть городомъ; вмѣсто дани — взялъ церковные сосуды, мощи святаго Климента и Фива, ученика его, также два истукана и четырехъ коней мѣдныхъ — въ знакъ любви своей къ художествамъ (сіи, можетъ быть, изящныя произведенія древняго искусства стояли въ Несторово время на площади стараго Кіева, близь нынѣшней Андреевской и Десятинной Церкви). Наставленный Херсонскимъ митрополитомъ въ тайнахъ и нравственномъ ученіи христіанства, Владиміръ спѣшилъ въ столицу свою озарить народъ свѣтомъ крещенія. Истребленіе кумировъ послужило пріуготовленіемъ къ сему торжеству: одни были изрублены, другіе сожжены. Перуна, главнаго изъ нихъ, привязали къ хвосту конскому, били тростями и свергнули съ горы въ Днѣпръ. Чтобы усердные язычники не извлекли идола изъ рѣки, воины княжескіе отталкивали его отъ береговъ и проводили до самыхъ пороговъ, за коими онъ былъ изверженъ волнами на берегъ (и сіе мѣсто долго называлось Перуновымъ). Изумленный народъ не смѣлъ защитить своихъ мнимыхъ боговъ, но проливалъ слезы, бывшія для нихъ послѣдней данію суевѣрія: ибо Владиміръ на другой день велѣлъ объявить въ городѣ, чтобы всѣ люди Русскіе — вельможи и рабы, бѣдные и богатые, шли креститься, — и народъ, уже лишенный предметовъ древняго обожанія, устремился толпами на берегъ Днѣпра, разсуждая, что новая вѣра должна быть мудрою и святою, когда великій князь и бояре предпочли ее старой вѣрѣ

отцовъ своихъ. Тамъ явился Владиміръ, провождаемый соборомъ Греческихъ священниковъ, и, по данному знаку, безчисленное множество людей вступило въ рѣку; большіе стояли въ водѣ по грудь и шею, отцы и матери держали младенцевъ на рукахъ, іереи читали молитвы крещенія и пѣли славу Вседержителя. Когда же обрядъ торжественный совершился, когда священный соборъ нарекъ всѣхъ гражданъ Кіевскихъ христіанами, тогда Владиміръ, въ радости и восторгѣ сердца, устремивъ взоръ на небо, громко произнесъ молитву: «Творецъ земли и неба! благослови сихъ добрыхъ чадъ твоихъ; дай имъ познать Тебя, Бога истиннаго: утверди въ нихъ вѣру правую. Будь мнѣ помощію въ искушеніяхъ зла, да восхвалю достойное святое имя Твое!.» Въ сей великій день, говоритъ лѣтописецъ, *земля и небо ликовали.*

Скоро знаменія вѣры христіанской, принятой государемъ, дѣтьми его, вельможами и народомъ, явились на развалинахъ мрачнаго язычества въ Россіи, и жертвенники Бога истиннаго заступили мѣсто идольскихъ требищъ. Великій князь соорудилъ въ Кіевѣ деревянную церковь святаго Василія на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ Перунъ, и призвалъ изъ Константинополя искусныхъ зодчихъ для строенія храма каменнаго во имя Богоматери — тамъ, гдѣ въ 983 году пострадали за вѣру благочестивый Варягъ и сынъ его. Между тѣмъ ревностные служители алтарей, священники, проповѣдывали Христа въ разныхъ частяхъ государства.

Николай Карамзинъ.

Кіевъ.

Высоко передо мною
Старый Кіевъ надъ Днѣпромъ:
Днѣпръ сверкаетъ подъ горою
Переливнымъ серебромъ....
Слава, Кіевъ многовѣчный,
Русской славы колыбель!
Слава, Днѣпръ нашъ быстротечный,
Руси чистая купель!
Сладко пѣсни раздалися,
Въ небѣ тихъ вечерній звонъ:
«Вы откуда собралися,
Богомольцы, на поклонъ?» —
«Я оттуда, гдѣ струится
Тихій Донъ, краса степей» —
«Я оттуда, гдѣ клубится
Безпредѣльный Енисей!» —
«Край мой — тёплый брегъ Эвксина!»*)
«Край мой — брегъ тѣхъ дальнихъ странъ,
Гдѣ одна сплошная льдина
Оковала океанъ».—
«Дикъ и страшенъ верхъ Алтая,
Вѣченъ блескъ его снѣговъ:
Тамъ страна моя родная!» —
«Мнѣ отчизна старый Псковъ.» —
«Я отъ Ладоги холодной,» —
«Я отъ синихъ волнъ Невы,» —
«Я отъ Камы многоводной,» —
«Я отъ матушки Москвы....» —
Слава, Днѣпръ, сѣдыя волны!
Слава, Кіевъ, чудный градъ!
Мракъ пещеръ твоихъ безмолвный
Краше царственныхъ палатъ....

*) *Эвксиномъ*, или *Эвксинскимъ Понтомъ* называлось у Грековъ въ древности *Черное Море. Щ.*

Знаемъ мы: въ вѣка былые,
Въ древню ночь и мракъ глубокъ,
Надъ тобой блеснулъ, Россія,
Солнца вѣчнаго востокъ!...

И теперь изъ странъ далёкихъ,
Изъ невѣдомыхъ степей,
Отъ полночныхъ рѣкъ глубокихъ, —
Полкъ молящихся дѣтей,

Церковь Святаго Андрея Первозваннаго въ Кіевѣ.

Мы, вокругъ твоей святыни,
Всѣ съ любовью собраны....
Братцы, гдѣ-жь сыны Волыни?
Галичь, гдѣ твои сыны?...

Горе, горе! ихъ спалили
Польши дикіе костры;
Ихъ сманили, ихъ плѣнили
Польши шумные пиры:

Мечь и лесть, обманъ и пламя,
Ихъ похитили у насъ;
Ихъ ведетъ чужое знамя,
Ими правитъ чуждый гласъ....
Пробудися, Кіевъ, снова!
Падшихъ чадъ своихъ зови:
Сладокъ гласъ отца роднова,
Зовъ моленья и любви....
И отторженныя дѣти,
Лишь услышатъ твой призывъ,
Разорвавъ коварства сѣти,
Знамя чуждое забывъ, —
Снова, какъ во время оно,
Успокоиться придутъ
На твое святое лоно,
Въ твой родительскій пріютъ....
И вокругъ знаменъ отчизны
Потекутъ они толпой
Къ жизни духа, къ духу жизни,
Возрожденные тобой!

Алексѣй Хомяковъ.

О КНИЖНОМЪ УЧЕНІИ. [1])

Великій князь Ярославъ Владиміровичъ.

Изъ «Несторовой Лѣтописи по Лаврентьевскому списку.» [2])

Сей же *(великій князь Ярославъ Владиміровичъ)*, насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людій, а мы пожинаемъ, ученье пріемлюще книжное. Велика бо бываеть польза отъ ученья книжного; книгами бо кажеми и учеми есмы пути покаянью, мудрость бо обрѣтаемъ и воздержанье отъ словесъ книжныхъ, се бо суть рѣки, напаяющи вселенную, се суть исходища мудрости; книгамъ бо есть неисчетная глубина, сими бо въ печали утѣшаеми есмы, си суть узда воздержанью. Мудрость бо велика есть, яко же и Соломонъ, хваля е, глаголаше: — азъ премудрость вселихъ, свѣтъ, разумъ и смыслъ, азъ призвахъ страхъ Господень, мои совѣти, моя мудрость, мое утверженье, моя крѣпость; мною цареве царствують, а сильніи пишуть правду, мною вельможи величаются; азъ любящая мя люблю, ищющи мене обрящють благодать. — Аще бо поищеши въ книгахъ мудрости прилежно, то обрящеши великую пользу души своей; иже бо книги часто чтеть, то бесѣдуеть съ Богомъ, или святыми мужи; почитая пророческія бесѣды, и евангельская ученья и апостольская, житье святыхъ отецъ, воспріемлеть душа велику пользу.

Ярославъ же се, яко же рекохомъ, любимъ бѣ книгамъ, многи написавъ, положи въ церкви Святой Софьи, юже созда самъ; украси ю златомъ и сребромъ, и сосуды церковными, въ ней же обычныя пѣсни Богу воздаютъ, въ годы обычныя. И ины церкви ставляше по градомъ и по мѣстомъ, поставляя попы и дая имъ отъ имѣнья своего урокъ, веля имъ учити люди, понеже тѣмъ есть поручено Богомъ, и приходити часто къ церквамъ; и умножишася пресвитери [3]), людье хрестьянстіи.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) Великаго князя Кіевскаго *Ярослава Владиміровича,* въ святомъ крещеніи *Георгія,* лѣтописцы называютъ *мудрымъ.* Онъ былъ сынъ святого князя Владиміра, окрестившаго Русь. Этотъ Ярославъ 1-ый строилъ церкви и монастыри, соорудилъ въ Кіевѣ Соборъ Святыя Софіи, читалъ денно и нощно книги, и даже самъ списывалъ ихъ для народнаго употребленія, заводилъ на Руси впервые народныя училища и покровительствовалъ священству. При немъ былъ поставленъ первый митрополитъ изъ Русскихъ — Иларіонъ, бывшій священникъ села Берестова. До Иларіона же высшее духовенство было у насъ изъ Грековъ.

Ярославъ украсилъ Кіевъ и учреждалъ добрые порядки въ государствѣ. Онъ первый составилъ первые *писанные* Русскіе законы, назвавъ ихъ *„Русская Правда“*, и взялъ ихъ изъ тогдашнихъ народныхъ судебныхъ обычаевъ.

Ярославъ скончался въ 1054 году въ Кіевѣ, гдѣ находится и теперь его гробница.

[2]) *Лаврентьевскимъ* этотъ списокъ Несторовой лѣтописи названъ потому, что онъ списанъ монахомъ *Лаврентіемъ* — для удѣльнаго князя Димитрія Константиновича Суздальскаго, въ 1377 году.

[3]) *Пресвитеры* — священники. *Щ.*

Новгородскій волхвъ.

Созвонили про вѣче.... Далече-далече
Загудѣлъ *благовѣстникъ Софійскій* про вѣче,
И созвалъ разудалыхъ, лихихъ молодцовъ,
Изо всѣхъ изъ *пятинъ,* изо всѣхъ изъ концовъ, —
Приподнялъ онъ и въ свѣтлой во гридницѣ княжей,
Со гагачей постели, съ подушки лебяжей,
Князя стольнаго Глѣба Мстиславича....
Всталъ,
И топоръ съ поворузой ремённою взялъ
Подъ рукавъ, и въ конюшнѣ сѣдлалъ *воронова;*
Но на вызовъ народный не выронилъ слова....
Какъ прошла про волхва издалёка молва:
— «Не бывало во-вѣки такого волхва!
Ворожбой онъ узнаетъ — гдѣ шито, да крыто?...
Гдѣ у бабъ и у дѣвокъ пшеница и жито?...
Все-про-все ужь доточно провѣдаетъ онъ,
И наружу, что крадено, высыплетъ вонъ, —
И не спрячешь за пазухой зернышка хлѣба....
Взглянетъ на небо, — нѣтъ-тебѣ синяго неба:
Звѣзднымъ свиткомъ свернется и скатится прочь,
И оставитъ одну непроглядную ночь....
Взглянетъ на море, — въ трепетномъ ужасѣ-страхѣ,
Волны рѣзвыя лижутъ, въ пескѣ и во прахѣ,
Слѣдъ отъ стопъ его мощныхъ....
Да что говоритъ: —
И убить, и въ тотъ мигъ-же опять воскресить

Можетъ онъ нерекомой своей ворожбою,
Можетъ, словно калиткой, ворочать душою....
Значитъ: знаетъ отъ Бога такія слова...
Не бывало во-вѣки такого волхва!»
Вотъ и вышелъ онъ, волхвъ и язычникъ, на «вѣче»,
Вотъ гудитъ — и гудитъ «*благовѣстникъ*» далече...
И съ пяти всѣхъ концовъ всѣ посадники тутъ,
И сошелся къ волхву добровольный весь людъ,

Соборъ Святыя Софіи въ Новгородѣ.

И собрались за нимъ горожане на вѣче;
И повелъ вѣщій волхвъ имъ безстудныя рѣчи....
Говоритъ:
— «Новугòроду слава и честь!....
Есть поклонъ вамъ отъ Бога и вѣсточка есть, —
Онъ глаголетъ:
«*Меня* вы не знаете, люди!

Вы язычники — болѣе Ями и Чуди,
И Литвы.... Вы глядите прилежно сюда....
Все равно предо *мною* земля, иль вода:
Поглядите-же всѣ вы очами, какъ мимо,
Вдоль по Волхову, сынъ *мой* пройдетъ невредимо
И на берегъ наступитъ нетлѣнной пятой,
Ибо сынъ онъ *мой* вѣщій и праведникъ *мой!*»
Сомутилися вѣчники-люди не въ мѣру,
И повѣрили всуе волхву-изувѣру....
Не повѣрилъ владыка Ѳеодоръ о нёмъ:
Предъ Соборомъ Софійскимъ онъ сталъ со крестомъ,
Возглашая:
— «Кто Господа Бога боится, —
Передъ страшнымъ Господнимъ крестомъ преклонится,
Кто-же грѣшенъ предъ Божіимъ страшнымъ крестомъ,
Тотъ ошую и стань съ окаяннымъ волхвомъ....»
Отъ епископа Новгородъ весь отщетился;
Волхвованіемъ дьявольскимъ весь соблазнился,
И засѣлъ, словно маковникъ, окрестъ волхва;
Да въ то время лѣвша не бывала права....
Ко епископу князь подошелъ со дружиной;
И крестомъ оградилися всѣ, какъ единый;
Приложились дружинники князя; потомъ
Оградился и князь всепобѣднымъ крестомъ,
И встряхнулъ, молодечества буйнаго ради,
Онъ кудрей темнорусыхъ шелковыя пряди,
Подъ собольею шапкой, и молвилъ Волхву
Очи-въ-очи:
— «Такъ ты не во снѣ, — на яву
Бредишь?... Ну! А скажи мнѣ: — о чемъ говорила
Ноньче зорька съ тобою, и что̀ посулила?»
— «Знаю всё и всегда, повседневно, точь-въ-точь,
Что̀ сулитъ мнѣ и зорька, и тёмная ночь.»
— «Право?— молвилъ князь Глѣбъ.— А скажи мнѣ, сегодня
Знаешь — ка̀къ тебя вызволитъ воля Господня?
— «Знаю: я сотворю чудеса!....»
Но, въ упоръ,
Перешибъ всѣ мозги зарукавный топоръ
И хвастливый языкъ, и гортань всю по груди....
И бѣжали со страхомъ всѣ вѣчники-люди.

Левъ Мей.

ИЗЪ СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ.

(*** Это «*Слово*» сложено въ 12-мъ столѣтіи, на Древне-Русскомъ, или Русско-Славянскомъ языкѣ. Оно разсказываетъ про несчастный походъ, въ 1185 году, князя Новгородъ-Сѣверскаго, Игоря Святославича, и брата его, князя Всеволода, съ его храброю Курскою дружиной, противъ Половцевъ, чтобы отмстить имъ за ихъ лютые набѣги на Русь. — Русская рать вступаетъ въ землю Половецкую. Половецкія полчища идутъ на нее и отъ моря, и отъ Дона, и со всѣхъ сторонъ. Русскіе отступаютъ, но Половцы путь имъ заграждаютъ, и бой идетъ два дня. Русскіе разбиты — послѣ упорной кровопролитной битвы; Всеволодъ раненъ, Игорь взятъ въ плѣнъ, — но онъ, изъ-подъ стражи, убѣжалъ въ свое княжество.

Помѣщаемъ здѣсь два отрывка изъ этого «*Слова*» въ переложеніи на теперешній нашъ Русскій языкъ, а, для образца, подъ переложеніемъ одного изъ этихъ отрывковъ, приводимъ его въ подлинникѣ, на старинномъ нарѣчіи.)

Щ.

1.

Битва.

Переложилъ Николай Гербель.

Вплоть до вечера съ разсвѣта,
И отъ вечера до свѣта —
Копья крѣпкія трещатъ,
Свищутъ стрѣлы каленыя,
Сабли острыя гремятъ
О шеломы боевые,
Средь невѣдомыхъ полей
Половецкихъ дикарей.
Степь истоптана, изрыта
Сталью конскаго копыта, —
И кругомъ была она
Нашей кровію полита,
А костьми удобрена:
И надъ Русскою землёю
Тотъ посѣвъ взошелъ бѣдою....
Что̀ за топотъ, что̀ за звонъ
Рано утромъ, предъ зарёю?
Это Игорь, это онъ
Вновь полки сзываетъ къ бою:
Сердцу вѣрному его
Жалко брата своего....
Бились день — не отступали,
Храбро билися другой,
Въ третій, въ полдень — подъ грозой
Стяги [1]) княжескіе пали.
Тутъ надъ берегомъ, гдѣ бились,
Оба брата разлучились,
Гдѣ, гульлива и буйна,
Мчится быстрая Кояла [2]),
Тутъ, кроваваго вина,
Не хватило, не достало!
Тутъ, у вражеской рѣки,
Наши братья-земляки
Пиръ кровавый довершили,

[1]) *Стяги* — знамена.

[2]) Рѣчка *Кояла* — нынѣшній Кагальникъ, впадающій въ Азовское Море, въ Екатеринославской Губерніи.

Жданыхъ сватовъ напоили,
И — за честь своей земли —
Сами трупами легли....
Вянетъ на полѣ былина
Подъ кручиною-тоской,
И къ землѣ тоска-кручина
Клонитъ яворъ молодой....

2.

Плачъ Ярославны. *)

Переложилъ Левъ Мей.

Ярославны голосъ слышенъ....
Перелётною кукушкой
По-утру она кукуетъ:
— «Полечу — княгиня молвитъ —
Я кукушкой по Дунаю,
Омочу рукавъ бобровый
Во Каялѣ во рѣкѣ,
Вытру раны я у князя
На его кровавомъ тѣлѣ!»
Ярославна рано плачетъ
Во Путивлѣ, на оградѣ,
Приговариваючи:
— «Охъ, ты, вѣтеръ, буйный вѣтеръ!
Для чего насильно вѣешь,
Для чего, на легкихъ крыльяхъ,
Ты стрѣлковъ наносишь Ханскихъ
На удалую дружину
Моего милова друга?
Али мало тебѣ вѣять
Вверхъ подъ облако, лелѣя
Корабли на синемъ морѣ?
Для чего мое веселье
По ковыль-травѣ развѣялъ?...»
Ярославна рано плачетъ
Во Путивлѣ, на оградѣ,
Приговариваючи:
— «Охъ, ты, Днѣпръ мой пресловутый!
Черезъ каменныя горы
Въ Половецкую страну
Ты пробился; ты лелѣялъ
Святославовы насады
До Кобякова полку:
Прилелѣй же мнѣ милова,
Чтобы на море по-утру
Мнѣ не слать къ милому слёзъ....»
Ярославна рано плачетъ
Во Путивлѣ, на оградѣ,
Приговариваючи:
— «Охъ, ты, солнце, мое солнце,
Солнце свѣтлое мое!
Всѣмъ тепло и всѣмъ красно ты: —
Для чего жь лучомъ горячимъ
Опалило ты дружину
Моего милова друга,
И въ безводномъ полѣ жаждой
У нея луки стянуло,
И колчаны ей истомой
Заложило, запекло?....»

*** *Вотъ это мѣсто въ подлинникѣ, на Древне-Русскомъ языкѣ:*

Ярославнинъ гласъ слышитъ; зегзицею незнаемь, рано кычеть: «Полечу, рече, зегзицею по Дунаеви; омочу бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ».

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: — «О, вѣтре, вѣтрило! чему, господине, насильно вѣеши? Чему мычеши Хи-

---

*) *Ярославна* — жена князя Игоря.

новьскыя стрѣлкы на своею нетрудною крылцю на моеи лады вои? Мало ли ти бяшетъ горъ подъ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему, господине, мое веселіе по ковылію развѣя?»

Ярославна рано плачетъ Путивлю городу на заборалѣ, аркучи: — «О, Днѣпре словутицю! Ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую... Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли насады до плъку Кобякова; възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано».

Ярославна рано плачетъ, въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: — «Свѣтлое и тресвѣтлое слънце! всѣмъ тепло и красно еси: чему, господине, простре горячюю свою лучю на ладѣ вои, въ полѣ безводнѣ жаждею ими лучи съпряже, тугою имъ тули затче?»

Татарскій погромъ.

(1237 года.)

I.

Въ это время Батый, царь неистовый.
На Рязань поднялъ всю свою силу безбожную,
И пошелъ прямо къ стольному городу;
Да на полѣ его вся дружина Рязанская встрѣтила,
А князья впереди: самъ великій князь,
Князь Давидъ и князь Глѣбъ, и князь Всеволодъ;
И кровавую чашу съ Татарами роспили.
Одолѣли-бъ Рязанскіе витязи,
Да не въ мочь было: по-сту Татариновъ
Приходилось на каждую руку могучую....
Изрубить-изрубили они тьму несмѣтную,
Наконецъ утомились-умаялись,
И сложили удалыя головы,
Всѣ, какъ билися, всѣ до единаго;
А князь Юрій легъ вмѣстѣ съ послѣдними,
Бороня свою землю и отчину,
И семью, и свой столъ, и княженіе....
Какъ объѣхалъ потомъ царь Батый поле бранное,
Какъ взглянулъ онъ на падаль Татарскую, —
Преисполнился гнѣва и ярости,
И велѣлъ всѣ предѣлы Рязанскіе
Жечь и грабить, и рѣзать безъ-милости
Всѣхъ — отъ стараго даже до малаго —
Благо, ихъ боронить было некому....
И нахлынули орды поганыя

На Рязанскую землю изгономъ неслыханнымъ:
Взяли Пронскъ, Ижеславецъ, и Бѣлгородъ,
И людей изрубили безъ-жалости,
И пошли на Рязань.... Сутокъ съ четверо
Отбивались отъ нихъ горожане Рязанскіе,
А на пятыя сутки Ордынцы проклятые
Ворвались-таки въ городъ по лѣстницамъ,
Сквозь проломы кремлевской стѣны, и сквозь полымя
Ворвалися и въ церковь соборную:
Тамъ убили княгиню великую,
Со снохами ея и съ княгинями прочими,
Перебили священниковъ, иноковъ,
Всенародно дѣвицъ осквернили и инокинь.
Храмы Божьи, дворы монастырскіе —
Всѣ пожгли; городъ предали пламени;
Погубили мечемъ всё живущее, —
И свершилось по слову Батыеву:
Ни младенца, ни старца въ-живыхъ не осталося.
Плакать некому было и не́-по-комъ....
Все богатство Рязанское было разграблено....
И свалило къ Коломнѣ Ордынское полчище.

II.

По зимѣ Игорь-князь изъ Чернигова
Прибылъ въ отчину, въ землю Рязанскую,
И заплакалъ слезами горючими,
Какъ взглянулъ на пожарище стольнаго города.
Подо льдомъ и подъ снѣгомъ померзлые,
На травѣ-ковылѣ обнаженны, терзаемы
И звѣрями, и птицами хищными,
Безъ креста и могилы, лежали убитые
Воеводы Рязанскіе, витязи,
И семейные князя, и сродники,
И всё множество люда Рязанскаго:
Всѣ одну чашу смертную выпили.
Повелѣлъ погребать ихъ князь Игорь немедленно;
Повелѣлъ іереямъ святить храмы Божіи
И очистить весь городъ; а самъ онъ съ Воронежа
Тѣло князя Ѳеодора Юрьича
Перенесъ къ чудотворцу Корсунскому,
И княгиню Евпраксію, съ сыномъ ихъ княжичемъ,
Схоронилъ въ одно мѣсто, и три креста каменныхъ
Надъ могилой поставилъ.....

***

Охъ, ты, батюшка, городъ Зарайскъ новоставленный!
На крутой на горѣ ты красуешься,
На Осётръ на рѣку ты любуешься,
И глядишься въ нее веселёхонекъ,
Словно впраду не знаешь, не вѣдаешь,
Гдѣ ты выросъ, надъ чьими могилами?...
Знать — гора и крута да забывчива,
Знать — рѣка и быстра да измѣнчива...
И правдива запѣвка старинная:
«На святой Руси быль и была,
Только быльемъ давно поросла!»

Левъ Мей.

ТАТАРСКОЕ НАШЕСТВІЕ.

Мѣсто изъ «Словъ» Серапіона, епископа Владимірскаго, жившаго во время нашествія Татаръ на Русскую землю и скончавшагося въ 1275 году.

Чего не приведохомъ на ся? Какія казни отъ Бога не воспріяхомъ? Не плѣнена ли бысть земля наша? Не взяти ли быша грады наши? Не вскорѣ ли падоша отци и братія наша трупіемъ на земли? Не ведены ли быша жены и чада наша въ плѣнъ?... И въ-сласть хлѣба своего изъѣсти не можемъ; и воздыханіе наше, и печаль сушитъ кости наши.

Разрушены божественныя церкви, потоптана быша святая; плоти преподобныхъ птицамъ на снѣдь повержены быша; кровь отець и братья нашея, аки вода многа, землю напои. Князей нашихъ, воеводъ крѣпость исчезе. Селы наши лядиною *) поростоша; красота наша погибе; богатство наше инѣмъ въ корысть бысть. Земля наша иноплеменникомъ въ достояніе бысть, поношеніе быхомъ живущимъ вскрай земли нашея, въ посмѣхъ быхомъ врагамъ нашимъ. Не бысть казнь, кая бы преминула насъ... Что̀-же подобаетъ намъ творити, да злая престануть, яже томять ны? Помяните честно: написано въ божественныхъ книгахъ, еже любите другъ друга; еже милость любити ко всякому человѣку; еже любити ближняго своего, аки и себѣ; еже не вздати зла противу злу. Ни чего же тако ненавидитъ Господь Богъ нашъ, яко злупамятива человѣка... Како речемъ: Отче нашъ, остави намъ грѣхи наша, — а сами не оставляюще? Въ нюже мѣру мѣрите, отмѣритъ вы ся.

---

*) Кустарною порослью. *Щ.*

ИЗЪ СКАЗАНІЯ О ВЕЛИКОМЪ КНЯЗѢ АЛЕКСАНДРѢ НЕВСКОМЪ.

Изъ «Софійскаго Временника». [1]

(1241 — 1263 г.)

Сей бѣ — князь великій Александръ — Богомъ роженъ отъ отца боголюбива и мужелюбца, паче же и кротка, великого князя Ярослава Всеволодича, и отъ матери, святыя великія княгини Ѳеодосіи....

Невское побоище.

Пріиде вѣсть, яко Свѣи [2]) идутъ къ Ладозѣ, и въ то время присла король послы, загордѣвся, къ великому князю Александру Ярославичу въ Новгородъ, а рекъ тако: — аще можеши противити ми ся, то се есмь здѣ уже, и плѣню землю твою. — Великій же князь Александръ Ярославичь, слышавъ словеса ихъ, и разгорѣся сердцемъ и вниде въ церковь святыя Софіи, паде на колѣну предъ алтаремъ, и нача молитися со-слезами святой Софіи, поминая исправленія родитель своихъ, и глаголя: — Боже хвальный, Боже праведный, Боже великій и крѣпкій, Боже превѣчный, сотворивый небо и землю, и поставивый предѣлы языкомъ, и жити повелѣвый, не преступая въ чужая части, — и, воспріимъ псаломскую пѣснь, рече: — суди, Господи, обидящимъ мя и возбрани борющимся со мною; пріими оружіе и щитъ, встани въ помощь мнѣ. — [3]) И кончивъ молитву, вставъ, и поклонися архіепископу, архіепископъ же Спиридонъ Новгородскій благослови его и отпусти съ-миромъ и Новгородцевъ. Великій же князь Александръ, идя изъ церкви, и нача крѣпити воя своя, и рече: не въ силахъ Богъ, но въ правдѣ; помянемъ пѣснописца Давыда, глаголюща: — сіи во оружіи, а сіи на коняхъ, мы же имя Господа Бога нашего призовемъ; и ти воспяти быша и падоша [4]). — И поиде на нихъ въ ярости мужества своего, въ малѣ вой своихъ, и не дожда многа вой своихъ съ великою силою, но уповая на Святую Троицу. Жалостно и слышати, яко отецъ его, честный князь Ярославъ Всеволодичь, не бѣ вѣдалъ таковаго встанія на сына своего милаго, великаго князя Александра, ни оному бѣ вѣсти, когда послати ко отцу, уже бо приближишася ратніи; тѣмъ же и мнози Новгородцы не совокупишася, понеже ускори великій князь Александръ Ярославичь поити противу ратныхъ. И пріиде на ня въ недѣлю на Со-

---

[1]) То-есть, изъ лѣтописи, составленной при Новгородскомъ Софійскомъ Соборѣ, или хранившейся въ немъ.

[2]) Шведы.

[3]) Псаломъ XXXIV. — 1. — 2.

[4]) Псал. XIX. — 8. — 9.

Щ.

боръ-святыхъ-отецъ 630, иже въ Халкидонѣ, на память святаго мученика Кирика и Улиты и святаго великаго князя Владиміра, крестившаго Русскую землю и нареченнаго (ему имя) въ святомъ крещеніи Василія.

Явишася въ полку великаго князя Александра Ярославича 6 мужъ храбрыхъ, иже съ нимъ крѣпко мужьствоваху. 1-ый именемъ Гавріило Олексичь, сей бо наѣха на шнеку [1]), и видѣ королевича мычаща подъ руки, и изъѣха за ними по досцѣ до самого корабля, по ней же схождаше; и втекоша въ корабль предъ нимъ, и паки обратившеся, свергоша его съ доски и съ конемъ въ море, Божіею же волею оттолѣ изиде невреженъ. И паки наѣха, бися крѣпко съ самимъ воеводою посредѣ полку ихъ, и ту убіенъ бысть воевода ихъ Спиридонъ; и бискупъ [2]) ихъ убіенъ бысть ту же. — 2-ой, Новгородецъ, именемъ Сбыславъ Якуновичь; сей же наѣхавъ, многажды біяшется единымъ топоромъ, не имѣя страху въ сердцѣ, нѣсколько отъ руки его паде, и подивишася силѣ его и храбрости. — 3-ій же, Яковъ Полочанинъ, ловчей бѣ у Князя; си наѣхавъ на полкъ съ мечемъ, и мужествовавъ крѣпко, и похвали его князь. — 4-ый же, Новгородецъ, именемъ Миша; си же пѣшь съ дружиною своею натече.... 5-ый же, отъ молодыхъ его нѣкто, именемъ Савва; сій же наѣхавъ великій шатеръ златоверхій, подсѣче столпъ ему, шатеръ же падеся, полци же великаго князя Александра Ярославича, видѣвши паденіе шатра, возрадовашася. — 6-й же, отъ слугъ его, именемъ Ратмиръ; си бися пѣшь, и оступиша его мнози и паде отъ многихъ ранъ, и тако скончася. Си же вся слышавъ отъ господина своего, князя Александра Ярославича, и отъ иныхъ, иже обрѣтошася въ то время въ той сѣчи.

....Остатокъ же ихъ *(Нѣмцевъ)* побѣже посрамлени, а трупія же мертвыхъ своихъ наметаша 3 корабли великихъ воеводъ и потопишася вси на мори, а прочимъ ископаша ямы и вметаша въ ня безчислено, а иніи многи язвени быша, и тое нощи побѣгоша. Новгородцевъ же ту паде: Константинъ Луготиничь, Юря Тапинящиничь, на мѣстѣ Недзиловъ сынъ Кожевниковъ, а всѣхъ 20 мужь паде и съ Ладожаны, или меньши, то Богъ вѣсть. Великій же князь Александръ Ярославичь съ Новгородци возвратися съ великою побѣдою, и пріиде въ Новгородъ, сохранени вси Богомъ и святою Софіею, хваля и славя святую Троицу, Отца и Сына и Святаго Духа, аминь.

Въ то же лѣто, по возвращеніи и побѣдѣ великаго князя Александра, тое же зимы, паки пріидоша отъ Западныя-страны Нѣмцы и Чюдь на Водь, и повоеваша все, и дань на нихъ возложиша, и срубиша городъ въ Копоріи, въ погостѣ, въ отечествѣ великаго князя Александра; но не

[1]) Судно.
[2]) Епископъ. *Щ.*

то бысть зло, но и Тѣсово взяша, гонишася за 30 верстъ до Новагорода, гость біючи, а сѣмо и до Лугу и до Савля. А великій князь Александръ отъѣха въ землю Суздальскую, въ Переяславль градъ, съ матерію, и со княгинею, и со всѣмъ дворомъ своимъ, распрѣвся [1]) съ Новгородци: Новгородцы же съ челобитіемъ послаша къ великому князю Ярославу Всеволодичу, просяще у него сына къ себѣ, и дастъ имъ сына своего, князя Андрея. Тогда же, сдумавше, Новгородцы послаша владыку Спиридона съ бояры опять къ великому князю Ярославу Всеволодичу съ челобитіемъ, просяще себѣ великаго князя Александра Ярославича (а на волость на Новгородскую въ то время наидоша Литва, Нѣмцы, Чюдь, и поимаша по Лугу кони вси и скотъ — не на чѣмъ и орати по селомъ); великій же князь Ярославъ дасть имъ сына своего, Александра князя, опять.

Въ лѣто 6749 пріѣхавъ князь великій Александръ Ярославичь въ Новгородъ, и изиде на нихъ вскорѣ съ Новогородцами, и съ Ладожаны, и съ Корелою, и съ Ижеряны на градъ Копорію, и изверже градъ изъ основанія, а самихъ Нѣмцевъ избиша, а они съ собою приведе въ Новогородъ, а иныхъ пожаловалъ — отпустилъ (бѣ бо милостивъ паче мѣры); а Вожанъ и Чюдцу перевѣтниковъ извѣшавъ, и отъѣха въ Русь. По побѣдѣ же великого князя Александра Ярославича, яко побѣди короля, въ третіе лѣто, въ зимнее время, бѣ собрашася Нѣмцы съ сея стороны, и пріидоша на Псковъ и Псковскія полки побѣдиша, и намѣстниковъ своихъ посадиша на Псковѣ. Се же слышавъ князь великій Александръ вельми оскорбѣ за кровь христіанскую, и не умедливъ ни мала, но разгорѣвся духомъ и своею ревностію по святой Троицѣ и по святой Софіи, и поимъ съ собою брата своего и вся воя своя, и пріиде къ Новугороду, и поклонися святой Софіи съ-мольбою и съ-плачемъ.

Побоище ледовое.

Въ лѣто 6750 поиде великій князь Александръ, съ братомъ своимъ Андреемъ, и съ Новогородци и съ Низовци, на Нѣмецкую землю, въ силѣ велицѣй, да не хвалятся ркуще: — укоримъ Словенскій языкъ, нежели себѣ; уже бо бяшетъ взять градъ Псковъ, и тіуни [2]) ихъ посажени въ градѣ. Великій же князь Александръ, зная всѣ пути до Пскова, и изгони градъ, и изымавъ Нѣмцы и Чюдь, и намѣстники Нѣмецкіе, и, сковавъ, поточи въ Новогородъ, а градъ Псковъ свободи отъ плѣна; а землю ихъ пожже и повоева, и полона много взя, а иныхъ изсѣче. Они же, гордые, совкупившеся, и реша: — поидемъ, погубимъ великого князя Александра и имемъ его руками; — и егда же приближишася, и

---

[1]) Разсорившись.
[2]) Судьи, чиновники.

Щ.

почудишася стражіе великого князя Александра силѣ Нѣмецкой, самъ великій князь Александръ Ярославичь поклонися Святой Троицѣ, и поиде на землю Нѣмецкую, хотя мстити кровь христіанскую. Бѣ бо зима въ то время, яко же бысть на земли ихъ, пусти вся полки своя въ зажитія, а Домашь Твердиславичь и Кербетъ быша въ розгонѣ; и убиша ту Домаша, брата посаднича, мужа добра, и иныхъ много избиша съ нимъ, а иныхъ руками яша, а иные прибѣгоша къ великому князю въ полки. Се же слышавъ, местеръ [1]) изиде противу имъ со всѣми бискупы [2]) своими и со всѣмъ множествомъ языка ихъ и власти ихъ, что ни есть на сей сторонѣ, и съ помочію королевою, и снидоша на озеро, глаголемо Чюдское. Великій же князь Александръ Ярославичь вспятися на озеро. Нѣмцы же и Чюдь поидоша по нихъ, князь же великій, поставя полки на озерѣ Чюдьскомъ, на Узмени [3]), у Воронія Камени, и укрѣпився силою крестною, ополчився пойде на нихъ; наступиша же озеро Чюдское, бысть же обоихъ множество вельми. Отецъ же его, великій князь Ярославъ Всеволодичь, прислалъ бѣ ему на помочь брата его меньшаго, князя Андрея, со множествомъ вой своихъ. Тако бо бяше у князя великаго Александра множество храбрыхъ: якоже древле у Давыда царя — силеніи и крѣпціи, тако же воя великаго князя Александра исполнишася духа ратна; бяху бо сердца, аки львомъ, и рекоша: — о, княже нашъ честный и драгій! нынѣ приспѣ время положити главы своя за тя. — Великій же князь Александръ воздѣвъ руцѣ на небо, и рече: — суди, Боже, и разсуди прю мою отъ языка велерѣчива; помози ми, Господи, яко же древле Моисееви на Амалика и прадѣду моему, великому князю Ярославу, на окаяннаго Святополка. — Бѣ бо тогда день субботный, солнцу всходящу, и съступишася обои полци; Нѣмцы же и Чюдь пробишася свиніею сквозѣ полки, и бысть ту сѣча зла и велика Нѣмцемъ и Чюди, и трускъ [4]) отъ копей ломленія, и звукъ отъ мечнаго сѣченія, яко же морю померзшу двигнутися, и не бѣ видѣти леду, покрыло бы есть все кровію..... И даша ратніи плещи своя, и сѣчахуть я, гоняще, аки по аеру [5]), и не бѣ имъ камо утещи, и быша ихъ на семи верстъ по леду до Суболичьскаго Озера; и паде Нѣмецъ 500, а Чюди безчисленное множество, а руками няша Нѣмецъ пятьдесятъ мужь нарочитыхъ воеводъ, и приведоша я въ Новгородъ, а иныхъ вода потопи, а иніи, злѣ язвени, отбѣгоша. Бысть же бой сій априля въ 5-ое, на Похвалу Святыя Богородица, на память святаго мученика Клавдія; здѣ же прослави Богъ великого князя Александра предъ всѣми

---

[1]) Магистръ — глава Нѣмецкихъ рыцарей.

[2]) Епископы, бывшіе тогда въ родѣ владѣтельныхъ князей у Нѣмцевъ.

[3]) *Узмень* — урочище въ Псковской Губерніи, у Чудскаго озера.

[4]) Трескъ.

[5]) По воздуху.

Щ.

полки, яко Іисуса Навина у Ерихона. Се же рекли Нѣмци: — имемъ великаго князя Александра руками; и сѣхъ ему предасть Богъ въ руцѣ его, и не обрѣтеся противникъ ему въ брани никогда же. — Возвратившу же ся великому князю Александру съ славною побѣдою (бише бо полона много въ полку его, ведяхуть бо я подлѣ конь, иже именуются риторы *), и яко же приближися великій князь Александръ къ граду Пскову, и срѣтоша его со кресты игумени и попове въ ризахъ и народъ многъ предъ градомъ, и поюще славу Господеви и великому князю Александру Ярославичу: — пособивый, Господи, кроткому Давыду побѣдити иноплеменники, и вѣрному князю нашему пособль оружіемъ крестнымъ свободити градъ Псковъ отъ иноязычныхъ и отъ иноплеменникъ рукою великого князя Александра Ярославича. —

И тако пріиде къ Новугороду съ великою побѣдою. Того же лѣта прислаша Нѣмци съ поклономъ безъ князя въ Новгородъ, а рекучи: — что есмя зашли мечемъ Псковъ, Водь, Лугу, Латыголу, и мы съ того всего отступаемъ; а что есмя изъимали въ полонъ мужей вашихъ, а тѣми ся размѣнимъ, мы вашихъ пустимъ, а вы нашихъ пустите, и Псковской полонъ пустимъ, — и умиришася; а полонъ весь отпустимъ обоихъ. — Въто же время умножишася языка Литовскаго, и начаша пакостити въ области великаго князя Александра; онъ же, выѣздя, нача ихъ избивати. Единою же ему ключися выѣхати, и побѣди семь ратей, и множество воеводъ изби, а иныхъ руками изъимиша; слуги же его, ругающеся имъ, начаша ихъ вязати конемъ къ хвосту и ведоша съ собою. Начаша же потомъ блюстися имени его. — Того же лѣта великій князь Ярославъ Всеволодичь поиде въ Орду; позванъ бысть посломъ Татарскимъ къ царю Батыю.

Въ лѣто 6753 воеваша Литва около Торжку и Бѣжичи; гони же ся по нимъ князь Ярославъ Володимеричь съ Новоторжци, и бишася съ ними, и отъяша у Новоторжцевъ кони, а самихъ биша, и поидоша прочь съ полономъ. И погони по нихъ Яведь и Кербетъ со Тверичи и Дмитровци, а князь Ярославъ Володимеричь съ Новоторжци, и бишася подъ Торопчемъ, а князи вбѣгоша въ Торопечь; и заутра приснѣ къ городу великій князь Ярославъ съ Новогородци, и полонъ отъяша у нихъ весь, а Князей изсѣче 50. Оттолѣ же съ Новогородци вспятишася, а князь великій Александръ погони по нихъ своимъ дворомъ, и би й подъ Жижичемъ, и не упусти ихъ ни единаго: ту избивъ останокъ ихъ, и сына своего поима изъ Витебска, поиде къ Новугороду въ малѣ дружинѣ, и срѣте иную рать, и бися съ ними, и ту ему Богъ поможе, изби ихъ, а самъ пріиде здоровъ и вся воя его.

---

*) Рыцаря. *Щ.*

Мѣсяца сентября въ 30 день преставися великій князь Ярославъ Всеволодичь въ Ордѣ нужною смертію. Яко же святое Писаніе глаголеть: — да кто положить душу свою за други своя *); — сій же великій князь положи душу свою за вся люди земли Русской, и причте его Господь ко избранному своему стаду, зане же бяше милостивъ ко всякому, требующимъ невзбранно даяше. Тако же великій князь Александръ, сынъ его, не остави пути отца своего, посылая ко царю въ Орду за люди своя, иже плѣнени быша отъ безбожныхъ Татаръ, и много злата и сребра издава на плѣнникѣхъ, искупая отъ безбожныхъ Татаръ, избавляя ихъ отъ бѣдъ и напастій.

По умертвіи же отца своего, великій князь Александръ пріиде въ Володиміръ въ силѣ тяжцѣ, и бысть грозенъ пріѣздъ его: проиде же вѣсть и до устія Волги, и начаша жены Моавитьскія полощати дѣти своя, а рекучи: — молчи, великій князь Александръ ѣдетъ! — И поиде великій князь Александръ въ Орду ко царю, и благослови его епископъ Кириллъ, и пріиде ко царю; видѣ же его царь Батый, и подивися, и рече вельможамъ своимъ: — воистину повѣдаша, яко нѣсть подобна сему князю! — И почти его царь многими дары, и отпусти съ великою честью на Русь.

Нѣкогда же присла къ нему послы папа изъ великого Рима, послы же реша великому князю Александру: — тако молвитъ папа нашъ: слышахомъ тя, княже, честна и дивна, и велика земля твоя; сего ради прислахомъ ти отъ двоюнадесять кардиналу два хитрѣйшіе, Галда и Гемонта, да послушаети ученія нашего. — Великій же князь Александръ сдумавъ съ мудреци своими, исписавъ къ нему отъ Адама и до потопа, а отъ потопа и до раздѣленія языкъ, а отъ раздѣленія языкъ до начала Авраамля, а отъ Авраама до проитія Израилева сквозѣ Чермное Море, а отъ исхода сыновъ Израилевъ до умертвія Давыда царя, а отъ начала царства Соломоня до Августа царя, а отъ начала Августа до рождества Христова и до страсти, и до воскресенія Его, а отъ воскресенія Его и на небеса вшествія и до царствія Великаго Константина и до Перваго Собора, и до Седьмаго Собора. — «Си вся свѣдаемъ добрѣ, а отъ васъ ученія не принимаемъ». — Они же возвратишася во свояси.

Преставленіе великаго князя Александра Ярославича.

Поиде великій князь Александръ въ Орду ко царю Беркаю, и удержа и царь и не пусти въ Русь, и зимова въ Ордѣ, тамо и разболѣся, и доиде до Новагорода-Нижняго, и пребывъ ту мало, и пріиде на Городець, и

*) Іоан. XV. 13.

постриженся въ черньцы, мѣсяца Ноября въ 14 день, тое же нощи и преставися. Положенъ бысть въ Володимери, въ церкви святыя Богородица.

Горе тебѣ, бѣдный человѣче, како можеши написати кончину господина своего, великаго князя Александра Ярославича? како не испадета зѣници твои вкупѣ со слезами? како ли не разсѣдѣся сердце твое отъ многія туги? отца бо человѣкъ можетъ забыти, а добра господина — аще бы съ нимъ и въ гробъ влѣзлъ. Пострада Богови крѣпко. Митрополитъ же Кириллъ глагола людемъ: — чада моя милая, разумѣйте, яко заиде солнце земли Русской; и ерея, и діаконы, и черноризца, нищіи, богатіи, и вси людіе мнозіи вопіяху, глаголюще: — уже погибаемъ! — Святое же тѣло его несоша къ граду Володимерю митрополитъ же Кириллъ съ чиномъ церковнымъ, вкупѣ же князи и бояре, и весь родъ, мали и велиціи, срѣтоша его у Боголюбова съ свѣщами и кандилы; отъ множества народа изъгнетахуся людіе, хотяще прикоснутися честнѣмъ тѣлѣ его, бысть же плачь велій, и кричаніе, и туга, яко же нѣсть такова бывала, токмо и земли трястися. Положиша же его въ Володимери въ церкви въ Рождествѣ Святыя Богородица, мѣсяца Ноября въ 23 день, на память святаго Амфилохія.

И прослави Богъ угодника своего, иже много тружшеся за землю Русскую, и за Новогородъ, и за Псковъ, и за все великое княженіе животъ свой отдавая, и за Правовѣрную вѣру.

УДѢЛЬНОЕ ВРЕМЯ НА РУСИ.

(1054—1328 года).

I.

Изъ «Русской Лѣтописи».

Заряди [1]) *(Ярославъ)* сыны своя, рекъ имъ: — Се азъ отхожу свѣта сего, сынове мои; имѣйте въ собѣ любовь, понеже вы есте братья единого отца и матере; да аще будете въ любви межю собою, Богъ будетъ въ васъ и покоритъ противныя подъ вы, и будете мирно живуще; аще ли будете ненавидно живуще въ распряхъ и которающеся [2]), то погибнете сами и погубите землю отецъ своихъ и дѣдъ, иже налезоша [3]) трудомъ своимъ великимъ: но пребывайте мирно, послушающе братъ брата. Се же поручаю въ собѣ мѣсто столъ старѣйшему сыну моему и брату вашему, Изяславу, Кіевъ: сего послушайте, яко же послушаете мене, да то вы будетъ въ мене мѣсто; а Святославу даю Черниговъ, а Всеволоду Переяславль, а Вячеславу Смоленескъ. — И тако раздѣли имъ

---

[1]) Устроилъ.
[2]) Которати — *которатися* — ссориться.
[3]) Пріобрѣли, нашли. *Щ.*

грады, заповѣдавъ имъ не преступати предѣла братня, ни изгонити. Рекъ Изяславу: аще кто хощетъ обидити брата своего, то ты помогай, его же обидятъ. — И тако уряди сыны своя пребывати въ любви.

II.

Изъ «Слова о полку Игоревѣ»,

въ переложеніи на теперешній Русскій языкъ.

1.

....Тогда сѣялись и всходили междоусобія, въ княжьихъ крамолахъ вѣкъ человѣческій сокращался. Тогда Русская земля рѣдко оглашалась крикомъ пахарей; но часто вороны каркали, дѣля промежь себя трупы, или галки перекликались, сбираясь летѣть на добычу....

2.

....Усобица ослабила силу князей на поганыхъ. Сказалъ братъ брату: — вотъ мое, и то мое же! — и начали князья молвить про малое: — это великое! — и сами на себя ковать крамолу.... А поганые со всѣхъ сторонъ приходили на землю Русскую.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Русь раздробилась, въ удѣльное время, между сыновьями великихъ князей — Владиміра и сына его, Ярослава, и ихъ потомками, на многія отдѣльныя княжества.

Все это время наполнено ссорами, неурядицами и безпрестанными войнами Русскихъ князей между собою за престолы и волости. Къ тому жь еще сосѣдніе непріятели, а въ-особенности лютая орда Половцевъ, нападали на Русь и раззоряли ее.

Кіевъ и другіе города и княжества часто переходили изъ рукъ въ руки. Дяди спорили и воевали съ племянниками, братья съ братьями — за владѣнія или за великокняжеское достоинство.

Великокняжескій же престолъ, по тогдашнему обычаю, долженъ былъ переходить не отъ отца къ сыну, но къ старшему въ родѣ родственнику.

Великіе князья Кіевскіе мало-по-малу теряли свое первенство, и другіе князья тоже стали называться великими, дѣлаясь независимыми.

Надъ Кіевомъ стало возвышаться княжество *Суздальское*, со своимъ городомъ *Владиміромъ*, въ области котораго возникла потомъ *Москва*, куда впослѣдствіи былъ перенесенъ великокняжескій престолъ Сѣверо-восточной-Руси.

Съ усиленіемъ Литвы и съ Татарскаго разгрома поослабли связи Юго-западной, то-есть, Кіевской-Руси съ Сѣверо-восточною, то-есть, Московскою. Чрезъ сто лѣтъ по покореніи Руси Татарами, Сѣверо-восточныя княжества мало-по-малу входили въ составъ Московскаго Государства, а Юго-западныя или захвачены были Литвою, или вынуждены, разными тяжкими обстоятельствами, примкнуть къ Литовскому княжеству, вмѣстѣ съ которымъ случайно достались Польшѣ. Но народъ Русскихъ областей, не смотря на это, всё-таки исповѣдывалъ свою Православную вѣру, говорилъ своимъ Русскимъ языкомъ, употреблялъ Русскую грамоту и жилъ по своимъ исконнымъ обычаямъ.

Литва была небольшимъ, совершенно особеннымъ племенемъ; сначала платила она дань Русскимъ, но потомъ значительно усилилась. Одинъ изъ государей ея, *Ягелло*, женился на Польской королевѣ *Ядвигѣ*, въ 1385 году, и получилъ въ-приданое за нею Польшу. Такимъ случаемъ соединились въ одно государство Литва и Польша. Ягелло, женившись, принялъ Римско-католическую вѣру и сталъ тѣснить въ своихъ владѣніяхъ

вѣру Православную, отчего чины Литовскаго государства избрали себѣ въ великіе князья его двоюроднаго брата *Витовта*. Послѣ него Литва иногда бывала отдѣльнымъ княжествомъ, но по-временамъ Польша присоединяла ее къ себѣ. Послѣднее же соединеніе ихъ — разными хитрыми происками, коварствомъ и насиліемъ — произошло въ 1569 году.

Московская же *Русь*, окрѣпнувъ и усилившись, начала собирать къ себѣ всѣ отторгнутыя Русскія земли во-едино, отъ чего, чрезъ нѣсколько столѣтій, и составилась огромная — единая и нераздѣльная — *Россійская Имперія*.

II.

(1338 — 1684 г.)

Москва.

Городъ чудный, городъ древній,
Ты вмѣстилъ въ свои концы
И посады, и деревни,
И палаты, и дворцы!
Опоясанъ лентой пашенъ,
Весь пестрѣешь ты въ садахъ....
Сколько храмовъ, сколько башенъ
На семи твоихъ холмахъ!
Исполинскою рукою
Ты, какъ хартія, развитъ,

Кремлевскія башни въ Москвѣ.

И надъ малою рѣкою
Сталъ великъ и знаменитъ.
На твоихъ церквахъ старинныхъ
Выростаютъ дерева;
Глазъ не хватитъ улицъ длинныхъ...
Это матушка-Москва!
Кто, силачъ, возьметъ въ охапку
Холмъ Кремля-богатыря?
Кто собьетъ златую шапку
У Ивана-звонаря?
Кто царь-колоколъ подниметъ?
Кто царь-пушку повернётъ?
Шляпы кто, гордецъ, не сниметъ
У святыхъ въ Кремлѣ воротъ?...
Ты не гнула крѣпкой выи
Въ бѣдовой своей судьбѣ, —
Развѣ пасынки Россіи
Не поклонятся тебѣ?....
Ты, какъ мученникъ, горѣла,
Бѣлокаменная!
И рѣка въ тебѣ кипѣла
Бурнопламенная...
И подъ пепломъ ты лежала
Полоненною,
И изъ пепла ты возстала
Неизмѣнною!...
Процвѣтай же славой вѣчной,
Городъ храмовъ и палатъ,
Градъ срединный, градъ сердечный,
Коренной Россіи градъ!

Ѳедоръ Глинка.

Московскій кремль.

Твой Кремль — алтарь нашъ и твердыня!
Онъ собралъ Русь, скрѣпилъ, воздвигъ;
Онъ — наша сила и святыня,
Молебникъ и архистратигъ.
Въ грозѣ и славѣ онъ воспитанъ,
Онъ — носитъ жезлъ и копіё,
За Русь онъ былъ огнемъ испытанъ,
За Русь страдалъ — и спасъ её...
Чье сердце Русское не дрогнетъ,
Когда съ твоихъ колоколовъ
Раздастся въ благовѣстѣ громкомъ
Къ народу православный зовъ?
Течетъ толпа за крестнымъ ходомъ,
Въ одинъ потокъ слилась Москва;
Все духовенство предъ народомъ,
Святое войско Божества,
Грядетъ во блескѣ облаченья,
Сіяетъ золотомъ парча,
Хоругви вьются, льются пѣнья,
Напѣвомъ неземнымъ звуча.
Благочестивая картина,
Народной памяти обрядъ!...
Годинѣ вслѣдъ прошла година,
Пройдетъ вѣковъ грядущихъ рядъ: —
На этотъ праздникъ ежегодный,
На эту тризну старины,

Съ-молитвой вновь — семьей народной —
Стекутся вѣрные сыны,
И мѣстный образъ поднимая,
Устроятъ тотъ-же крестный ходъ,
Обычай предковъ поминая —
Изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ.

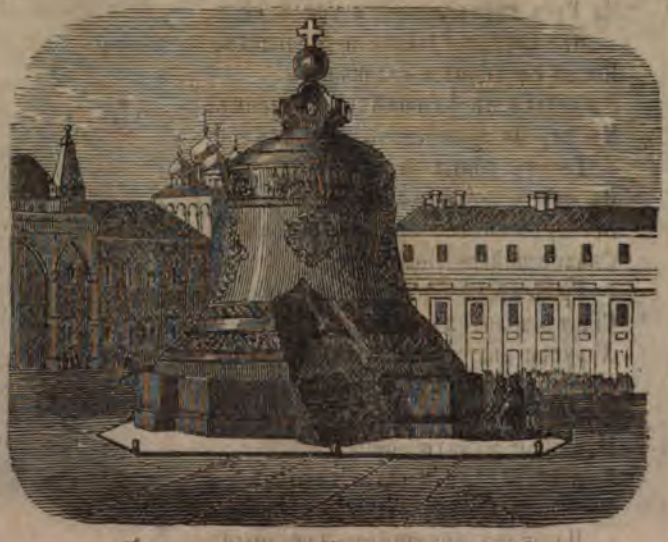
Князь Петръ Вяземскій.

Въѣздъ въ Москву.

Но вотъ ужь близко... Передъ ними
Ужь бѣлокаменной Москвы,
Какъ жаръ, крестами золотыми
Горятъ старинныя главы...
Ахъ, братцы! какъ я былъ доволенъ,
Когда церквей и колоколенъ,
Садовъ, чертоговъ полукругъ —
Открылся предо мною вдругъ!
Какъ часто, въ горестной разлукѣ,
Въ моей блуждающей судьбѣ,
Москва, я думалъ о тебѣ!
Москва... какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца Русскаго слилось,
Какъ много въ немъ отозвалось!

Вотъ, окруженъ своей дубравой,
Петровскій замокъ. Мрачно онъ
Недавнею гордится славой.
Напрасно ждалъ Наполеонъ,
Послѣднимъ счастьемъ упоенный,
Москвы колѣнопреклоненной,
Съ ключами стараго Кремля:
Нѣтъ, не пошла Москва моя
Къ нему съ повинной головою!...
Не праздникъ, не пріемный даръ, —
Она готовила пожаръ
Нетерпѣливому герою...
Отселѣ, въ думу погруженъ,
Глядѣлъ на грозный пламень онъ.

Александръ Пушкинъ.



Царь-колоколъ въ Московскомъ кремлѣ.

Кремль въ Москвѣ.

Въ Москвѣ.

(Отрывокъ.)

Здѣсь! — Да здравствуетъ Москва!
Вотъ небеса мои родныя!
Здѣсь наша матушка-Россія
Семисотлѣтняя жива!...
Здѣсь всё бывало: плѣнъ, свобода,
Орда и Польша, и Литва,
Французы, лавръ и хмѣль народа,
Всё, всё!... Да здравствуетъ Москва!
Какими думами украшенъ
Сей холмъ давнишнихъ стѣнъ и башенъ,
Бойницъ, соборовъ и палатъ?
Здѣсь нашихъ бѣдъ и нашей славы
Хранится повѣсть... Эти главы
Святымъ сіяніемъ горятъ...
О, проклятъ будь, кто потревожитъ
Великолѣпье старины,
Кто на неё печать наложитъ
Мимоходящей новизны?

Николай Языковъ.

МАМАЕВО ПОБОИЩЕ, ИЛИ БИТВА НА КУЛИКОВОМЪ ПОЛѢ, ВЪ 1380 ГОДУ.

(Мѣста, взятыя изъ древняго сказанія — подъ названіемъ: «Задонщина, или слово о великомъ князѣ Дмитріѣ Ивановичѣ и о братѣ его, князѣ Владимірѣ Андреевичѣ, яко побѣдили супостата своего царя Мамая».)

I.

О, соловей, лѣтняя птица, что бы ты, соловей, пощекоталъ славу великому князю, Дмитрію Ивановичу [1]) и брату его, князю Владиміру Андреевичу, и земли Литовской дву братомъ Олгордовичамъ [2]), Андрею и брату его Дмитрію, да Дмитрію Волынскому: тѣ бо суть сынове храбры, кречаты въ ратномъ времени и вѣдомы полеводцы, подъ трубами, подъ шеломы злачеными!

Въ Литовской земли, молвяше Андрей Олгордовичъ своему брату:— «брате, Дмитрій! сами есмя собѣ два брата, сынове Олгордовы [3]) и внуки мы Доментовы, а правнуки есми Сколомендовы. Сберемъ, брате, милые панове удалыя Литвы храбрыхъ удальцовъ, а сами сядемъ на добрые кони своя, и посмотримъ быстраго Дону, испытаемъ мечевъ своихъ Литовскихъ о шеломы Татарскіе, а сулицъ Нѣмецкихъ обое даны бусорманскіе.»

И рече ему Дмитрій: — Брате Андрей! не пощадимъ живота своего за землю Русскую, и за вѣру хрестьянскую [4]), и за обиду великаго князя Дмитрія Ивановича и брата его, князя Владиміра Андреевича... Гремятъ удальцы Русскіе злачеными доспѣхи и червеными щиты Московскими. Сѣдлай, брате Андрей, свой добрый конь, а мой готовъ, осѣдланъ; выѣдемъ, брате, въ чистое поле и посмотримъ своихъ полковъ, сколько съ нами храбрыя Литвы, а храбрыя Литвы съ нами 7000 окованыя рати...

Быти стуку великому на рѣчкѣ Напрядѣ [1]), межи Дономъ и Нѣпромъ [2]), пасти трупу человѣческому на Полѣ-Куликовѣ, пролитися крови на рѣчкѣ Напрядѣ: уже бо скрипѣли телеги между Дономъ и Нѣпромъ... А идутъ Хиновє [3]) поганые къ Русской земли: притекоша сѣрые волцы отъ усть Дону и Нѣпра, и ставши воютъ на рѣкѣ, хотятъ на Москву [4]) поступити въ Русскую землю, — и то были не сѣрые волцы — прінцоша поганые Татаровя, хотятъ пройдти воюючи всю Русскую землю.

II.

.... На томъ Полѣ сильныи тучи ступишася, а изъ нихъ часто сіяли молыньи и загремѣли громы велицыи: то ти ступишася Русскіе удальцы съ погаными Татарами за свою великую обиду, а въ нихъ сіяли сильные доспѣхи злаченые, а гремѣли князи Русскіе мечьми булатными о шеломы Хиновскіе: а билися изъ утра до полудни въ субботу, на Рожество Святѣй Богородицы....

III.

.... И въ то время по Рязанской землѣ, около Дону, ни ратаи, ни пастухи въ полѣ не кличютъ, но едины вороны граютъ — трупи ради человѣческіе: грозно и жалостно въ то время бяше тогды слышати: занеже трава кровію пролита бысть, а древеса тугою къ земли приклонишася, и воспѣли бяше птици жалостныя пѣсни.

Восплакашася вси княгини, и боярыни, и вси воеводскія жены о избіенныхъ: Микулина жена Васильевича, Ѳедосья, да Дмитріева жена, Марья, рано плакашася у Москвы града на забралахъ [9]) стоя, — а ркутъ [10]) тако: — «Доне, Доне! быстрая рѣка! прорыла еси ты каменныя горы и течеши въ землю Половецкую, прилелѣй моего господина, Микулу Васильевича, ко мнѣ;» — а Марья про своего господина тоже рекла; — а Тимоѳеева жена Волуевича тако же плакахуся, и рече тако: — «се уже веселіе мое пониче во славномъ градѣ Москвѣ, и уже не вижу своего государя: Тимоѳея Волуевича въ животѣ нѣту;» — а Андреева жена, Марья, да Михайлова жена, Оксинья, рано плакашася: — «се уже обѣма намъ солнце померкло въ славномъ градѣ Москвѣ». — Примахнули къ нимъ отъ быстраго Дону полоняныя вѣсти [11]), носяше великую бѣду, и сѣдоша удальцы съ добрыхъ коней на суженое мѣсто, на Полѣ-Куликовѣ, на рѣчкѣ Напрядѣ.

И восплакалися жены Коломенскія, а ркутъ тако: — «Москва, Москва, быстрая рѣка! чему еси залелѣяла мужей нашихъ, ркутъ, отъ насъ въ землю Половецкую?» — и тако: — «можешь ли, господине, князь великій, веслы Нѣпръ запрудить, — замкни, государь, Окѣ рѣкѣ ворота, чтобы потомъ поганые Татарове къ намъ не ѣздили, — уже мужей нашихъ рать трудила.»

IV.

..... Князь великій наступаетъ на рать-силу Татарскую, и гремятъ мечи булатные о шеломы Хиновскіе, и поганые бусорманы покрыша главы своя руками своими; тогда поганые борзо вся отступиша....

V.

..... Князь великій, Дмитрій Ивановичь, и братъ его, князь Владиміръ Андреевичь, полки поганыхъ вспять поворотили, и нача ихъ, бусормановъ, бити и сѣчи горазно, безъ милости, и князи ихъ падоша съ коней, загремѣли, а трупьми Татарскими поля насѣяша, и кровію ихъ рѣки протекли. Туто поганые разлучишася розно, и побѣгше неуготованными дорогами въ лукоморье, скрегчюще зубами своими, доруши лица своя; а ркуще такъ: — «уже намъ, брате, въ земли своей не бывать и дѣтей своихъ не видать, а въ Русь ратью намъ не хаживать, а выхода [12]) намъ у Русскихъ людей не прашивать!»

VI.

..... И сталъ великій князь Дмитрій Ивановичь, съ своимъ братомъ, съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, и съ остальными своими воеводами, на костѣхъ, на Полѣ-Куликовѣ, на рѣчкѣ Напрядѣ. Грозно бо и жалостно, брате, въ то время посмотрѣти, иже лежатъ труны хрестьянскіе на брезѣ, и Донъ рѣка три дня кровію текла. И рече князь великій Дмитрій Ивановичь: — «считайтеся, братія, сколько у насъ воеводъ нѣтъ и сколько молодыхъ людей нѣтъ.» — Тогды говоритъ, стоя, Михаилъ Александровичь, Московскій бояринъ, князю Дмитрію Ивановичу: — «государь, князь великій, Дмитрій Ивановичь! Нѣту, государь, у насъ сорока бояриновъ Московскихъ, двѣнадцати князей Бѣлозерскихъ, тридцати Новгородскихъ посадниковъ, двадцати бояриновъ Коломенскихъ, сорока бояръ Серпуховскихъ, тридцати пановъ Литовскихъ, двадцатипяти бояръ Костромскихъ, тридцати бояръ Володимірскихъ, осми бояръ Суздальскихъ, сорока́ бояръ Муромскихъ, семидесяти бояръ Рязанскихъ, тридцати-четырехъ бояриновъ Ростовскихъ, двадцати-трехъ бояръ Дмитровскихъ, шестидесяти бояръ Можайскихъ, тридцати бояръ Звенигородскихъ, пятнадцати бояръ Углецкихъ: а посѣчено отъ безбожнаго Мамая полтретья ста тысячь и три тысячи.... Слава тебѣ, Господи, Боже нашъ, помиловалъ насъ!»

И рече князь великій Дмитрій Ивановичь: — «братія, бояра и князи, и дѣти боярскія, то вамъ сужено мѣсто межь Дономъ и Нѣпромъ, на Полѣ-Куликовѣ, на рѣчкѣ Напрядѣ, и положили еста головы своя за святыя церкви, за землю Русскую, за вѣру хрестьянскую; простите мя, братія, и благословите, — всѣмъ вѣнецъ въ будущемъ!... И пойдемъ,

брате, князь Владиміръ Андреевичь, во свою Залѣсскую землю, къ слав ному граду Москвѣ, и сядемъ, брате, на своемъ княженіи, а чти [13] есми, брате, добыли и славнаго имени, Богу нашему слава!»

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) *Великій князь Московскій, Димитрій Іоанновичь,* прозванный *Донскимъ* — за побѣду одержанную имъ надъ Татарами при рѣкѣ Донѣ. Это была первая великая побѣда Рус скихъ надъ Татарами, которые владѣли Русскою землею отъ 1243 по 1480 годъ. Битв происходила у рѣкъ Дона и Непрядвы, на Куликовомъ-Полѣ. Въ память ея, установ лено поминовеніе усопшихъ, 8 сентября, что̀ называется въ народѣ *Димитріевско Субботою.*

[2]) Правильнѣе сказать: *Ольгердовичамъ.*

[3]) *Ольгердъ* — князь Литовскій.

[4]) Христіанскую.

[5]) *Непрядва* — рѣчка, впадающая въ Донъ.

[6]) Днѣпромъ.

[7]) Такъ сказаніе называетъ Татаръ, вѣроятно, производя это названіе отъ слова *Хит* что̀ значитъ *Китай,* такъ-какъ Татары, или Монголы, вышли изъ предѣловъ сѣверна Китая, — или, можетъ быть, это происходитъ отъ слова *Ханъ,* то-есть, царь Ордынскій.

[8]) *Меча* — рѣчка.

[9]) На крѣпостныхъ стѣнахъ.

[10]) *Ркутъ* — рекутъ, говорятъ.

[11]) Вѣсти съ полону, съ плѣна.

[12]) *Выходъ* — дань.

[13]) *Чти* — чести. *Щ.*

КОНЕЦЪ ТАТАРСКАГО ВЛАДЫЧЕСТВА НАДЪ РОССІЕЮ.

Изъ «Русской лѣтописи, по Воскресенскому списку» [1]).

(1480 годъ.)

Приде вѣсть къ великому князю [2]), яко до полна царь Ахматъ [3] идетъ со всею Ордою, и съ царевичи, и уланы, и князми, еще и ст королемъ въ единой думѣ съ Казимиромъ [4]): король бо повелъ ег на великаго князя, хотя разорити христіанство. Князь же великій пойд на Коломну, и самъ ста на Коломнѣ, а сына своего, великаго князя Ивана постави въ Серпуховѣ, а князь Андрей Василіевичь меншей въ Торусѣ прочіи же князи и воеводы по инымъ мѣстамъ у Оки по берегу. Слы шавъ же царь Ахматъ, что князь великій стоитъ на берегу съ всѣми силами, и поиде къ Литовской землѣ, обходя Оку рѣку, и ожидая к себѣ на помощь короля или силы его, и знахори ведяху его къ Угр рѣцѣ на броды. Князь же великій сына и брата своего и воеводъ н Угру посла съ всѣми силами; и пришедше ста на Угрѣ, и броды и пе ревозы отъяша. А самъ князь великій ѣха съ Коломны на Москву, к всемилостивому Спасу и пречистей госпожи Богородици и къ святым чудотворцемъ, прося помощи и заступленія православному христіан ству, и на совѣтъ и думу къ отцу своему и митрополиту Геронтію,

къ своей матери, великой княгинѣ Марѳѣ, и къ своему дядѣ, князю Михаилу Андреевичю, и къ духовному своему отцу, архіепископу Вассіану Ростовскому, и къ всѣмъ своимъ бояромъ: вси бо тогда быша въ осадѣ на Москвѣ. И молиша его великимъ моленіемъ, чтобы стоялъ крѣпко за православное христіанство противу бесерменству. Князь же великій, послушавъ моленія ихъ, и вземъ благословеніе, и поиде на Угру; и пришедъ, ста на Кременцѣ съ малыми людьми, а людей всѣхъ отпусти на Угру. Когда же, на Москвѣ, мати его, великая княгиня, и митрополитъ Геронтій, архіепископъ Вассіанъ и Троицкій игуменъ Паисій молиша великаго князя о братіи его, князь же великій пріемь моленіе ихъ, и повелѣ матери своей, великой княгинѣ, послати по нихъ, реклъ ся ихъ жаловати. Княгиня же великая посла къ нимъ, веля имъ идти прямо къ великому князю на помочь вборзѣ. Царь же [5]) съ всѣми своими Татары поиде по Литовской земли, мимо Мченескъ, и Любутескъ, и Одоевъ, и пришедъ, ста у Воротынска, ожидая къ себѣ королевы помощи, — король же не поиде къ нему, ни посла рати: быша бо ему свои усобици, тогда бо воева Менгирѣй, царь [6]) Перекопскій, королеву землю, служа великому князю. Ахматъ же приде къ Угрѣ съ всѣми силами, хотя перейти рѣку, — и пріидоша Татарове, начаша стрѣляти нашихъ, а наши на нихъ: иніи же пріидоша противу князя Андрея, а иніи же противу великаго князя мнози, а овіи противъ воеводъ вдругъ приступише; а наши стрѣлами и пищальми многихъ побиша, а ихъ стрѣлы межи нашихъ падаху и никого же уязвляху. И отбиша ихъ отъ берегу, и по многи дни приступаху біющеся, и не возмогоша, и стояша, ждуще егда рѣка станетъ: быша же мрази велици тогда, рѣка же нача ставитися. Бысть же страхъ на обоихъ: едини другихъ бояхуся.

Пріидоша же братія тогда къ великому князю на Кременецъ, князь Андрей и князь Борисъ; князь же великій съ-любовію пріятъ ихъ. Егда же ста рѣка, тогда князь великій повелѣ сыну своему, великому князю Ивану, и брату своему, князю Андрею, и всѣмъ воеводамъ со всѣми силами, пріидти къ себѣ на Кременецъ, боящеся Татарскаго прехоженія, яко да совокупльшеся брань сотворятъ съ противными. Въ градѣ же Москвѣ, всѣмъ пребывающимъ въ страсѣ, и долгъ общедательный въ умъ пріемлющи, ни отъ кого же помощи ожидающи, токмо къ Вседержителю Богу, Господу нашему Іесусу Христу, и пречистей его Матери, преславней Богородици со слезами и воздыханми молящеся непрестанно. Тогда же бысть преславное чюдо святыя Богородицы: егда отступиша отъ брегу наши, тогда Татарове, страхомъ одержими, побѣгоша, мняще, яко берегъ даяху имъ Русь, и хотятъ съ ними битися; а наши мняху Татаръ, за ними рѣку перешедшихъ, и за ними женутъ, и пріидоша на Кременецъ. Князь же великій съ сыномъ, и съ братьею, и со всѣми воеводами, поидоша къ Боровску, глаголаше, яко на тѣхъ полехъ бой съ ними по-

ставимъ, и слушающе злыхъ человѣкъ сребролюбцевъ, богатыхъ и брюхатыхъ предателей христіанскихъ, а норовниковъ бесерменскихъ, иже глаголють: «побѣжи, не можеши съ ними стати на бой»; самъ бо діаволъ ихъ усты глаголаше, той же, иже древле вшедъ въ змію и прелсти

Соборъ Срѣтенскаго монастыря въ Москвѣ.

Адама и Еву; и бѣ дивно тогда совершися Пречистыя чюдо: едини отъ другихъ бѣжаху и никтоже женяше. Царь же бѣжа въ Орду, и приде на него Нагайскій царь [7]) Ивакъ, и Орду взя, и его уби; единъ же ца-

ревичъ хотѣ за рѣкою имать Украйну, князь же великій посла братію свою, дву Андреевъ, и слышаша Татарове, и ти побѣгоша. И такъ избави Богъ и Пречистая — Русскую землю отъ поганыхъ.

О, храбріи, мужественніи сынове Рустіи! потщитеся сохранити свое отчьство, Русскую землю, отъ поганыхъ! Не пощадите своихъ главъ, да не узрятъ очи ваши расплѣненія и разграбленія домовъ вашихъ, и убіенія чадъ вашихъ, и поруганія надъ женами и надъ дщерми вашими: якоже пострадаша иніи велиціи и славніи зѐмли отъ Турковъ, еже глаголю — Болгари и Серби, и Греци, и Транезонъ, и Аморея, и Арбонасы, и Хорваты, и Босна, и Манкупъ, и Кафа, и иніи мнози земли, иже не сташа мужественнѣ, и погибоша, и отчество изгубиша и землю, и государьство, и скитаются по чюжимъ странамъ.....

Отъ таковыя бѣды пощади, Господи, православныхъ христіанъ и насъ грѣшныхъ, молитвами Богородицы и всѣхъ святыхъ, аминь.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) То-есть, изъ лѣтописи, найденной въ книгохранилищѣ *Воскресенскаго Монастыря.* — Воскресенскій Монастырь, или Новый Іерусалимъ, находится въ 46 верстахъ отъ Москвы. Построеніе его начато патріархомъ Никономъ въ 1656 году — по образцу Іерусалимскаго храма Воскресенія Христова.

[2]) То-есть: къ великому князю Іоанну Третьему Васильевичу (Великому), дѣду Іоанна Васильевича Грознаго. — Іоаннъ Третій первый назвался *Царемъ* Русскимъ.

[3]) Царемъ здѣсь названъ Татарскій ханъ Большой, или Золотой, Орды.

[4]) Польскій король Казимиръ, врагъ Россіи, согласившійся съ Татарами вмѣстѣ напасть на Русскую землю.

[5]) То-есть, Ахматъ, ханъ Татарскій.

[6]) Менгли-Гирей, ханъ *Крымскихъ* Татаръ, врагъ Татарскому хану Большой Орды и союзникъ великаго князя Московскаго Іоанна Третьяго.

[7]) То-есть, ханъ *Ногайской* Орды.

Щ.

ВЗЯТІЕ КАЗАНСКАГО ЦАРСТВА ЦАРЕМЪ ИВАНОМЪ ВАСИЛЬЕВИЧЕМЪ ГРОЗНЫМЪ ВЪ 1552 ГОДУ.

Изъ «Степенной Книги.» *)

Государь всячески хотяще кровопролитіе утолити: овогда грамоты свои посылаше въ Казань, иногда же воинство свое посылаше на нихъ, овогда же и самъ съ воинствомъ хождаше, и милостію наказаше ихъ, и потребити ихъ не хотяше, да быша исправилися. Древняя же злоба, Казанстіи людіе, гордостію объюродѣша и злобою омрачишася,

---

*) «*Степенная Книга*» составлена духовными лицами, въ царствованіе Іоанна Грознаго, по мысли и руководству митрополита Макарія. Она есть выборъ изъ лѣтописей съ прибавленіями церковнаго характера, въ которыхъ подробнѣе изображены дѣянія святителей Русскихъ. Книга эта названа *Степенною* — потому, что представляетъ происшествія *по степенямъ*, то-есть, *поколѣнно, по царствованіямъ государей.* *Щ.*

не требоваху прежняго присяганія къ благочестивому царю и великому князю, и царя отъ руки его вaимати къ себѣ не требоваху, аще же и пакости многи украиамъ Русскимъ содѣваху, разбойнически нападаху, и кровопролитіе многое безчеловѣчно сотвориша, и безчисленное множество христіанъ въ плѣнъ расхитиша, и землю свою исполниша христіанскаго плѣна, забыша многая благодѣянія и долготерпѣніе благочестиваго государя, и свою правду преступающе, самочиніемъ осуетишася, не восхотѣша правды держати, но лукавствомъ ожесточишася и отъ истины уклонишася, и тако извольше погибнути хотяще.

Благочестивый же царь и великій князь Иванъ, видя Казанскихъ людей многое къ себѣ неисправленіе, и колико нападеніе разбойнически сотвориша на православіе, и многія святыя церкви раззориша и пожгоша, и окрестъ многихъ градовъ многая мѣста пуста сотвориша, и много крови христіанскія проліаша, безчисленно же и въ плѣнъ расхитиша христіанства, и всяческими бѣдами утомиша ихъ, и многообразными страстьми осквернишa ихъ, вкупѣ же съ тѣлесы и души ихъ плѣниша — безчисленнаго христіанства.

И сихъ ради всѣхъ, христолюбивый царь, къ-тому не терпя лукавственнаго ихъ коварства, Божественною ревностію разгорѣся, и жалости многи исполнися, и душу свою тщашеся положити — избавы ради христіанскія, и помощію всесильнаго Бога вооружися, на премногую его милость надѣяся, готовляшеся самъ взыскати расхищенныхъ, и враждебнымъ супостатомъ возбранити, и отъ нечестивыхъ нашествія христіанство оборонити. Прежде же своего пошествія — разряди многое свое воинство, и на многія мѣста разсла ихъ по Волгѣ, и по Камѣ, и на всѣхъ островѣхъ, и по плесомъ, и по устьямъ.

По сихъ же и самъ Богомъ вѣнчанный царь и великій князь Иванъ подвижеся итти на Казань со многимъ своимъ воинствомъ, и со многимъ усердіемъ обхождаше по святымъ церквамъ, и многая молитва сотвори къ Богу и пречистой Богородицы, и великимъ чудотворцемъ Русскимъ, и всѣмъ святымъ, и вземъ благословеніе, якоже Давидъ отъ Самуила, тако и онъ отъ пресвященнаго Макарія митрополита, и отъ прочихъ святителей, и отъ всего освященнаго собора. И тако поиде въ путь — десницею Божіею направляемъ. Идый же на Казань, Крымскаго царя Девлетъ-Гирея прогна, пришедша тогда со многими силами, и яко поглотити православіе хотяща. И по-семъ отъ града Мурома поиде

частымъ лѣсомъ и чистымъ полемъ, и таковое многое воинство всюду, яко Богомъ уготованну пищу, пріобрѣтаху. На́ полигубо всякимъ благовоннымъ овощіемъ довляху, отъ животныхъ же лоси, яко самозванни, на заколеніе прихождаху, въ рѣкахъ же множество рыбъ ловяху, отъ воздуха же множество безчисленное птицъ прилетаху, и во всѣхъ полцѣхъ на землю припадаху, яко сами дающеся на пищу въ руцѣ человѣкомъ, ими же все безчисленное воинство нетрудно довляшеся.

Живущіи же въ тамошнихъ странахъ Черемиса и Мордва, и прочіи, иже прежде враждебни, тогда же покоряхуся, и приходящіе къ благочестивому царю и великому князю, дающеся во всю волю его государеву, и вся потребная приношаху, хлѣбъ, и медъ, и говяды, ова дарованіемъ, иная же продаваху, и мосты на рѣкахъ дѣлаху, и вездѣ станы стройны бяху, и все безчисленное воинство всякими потребами изобиловахуся.

Дошедъ же града Казани и вскорѣ оступиша градъ. Казанцы же нимало смиришася, наипаче кровопролитію желаху, выходяще изъ града и изъ лѣсовъ не престающе сопротивно брань творяху, — на нихъ же многи побѣды дарова Богъ христіанскому воинству у града и въ селѣхъ, и многіе Казанскіе люди побіени быша, тако же мнози и живы взяти быша, заплѣненныхъ же христіанъ мужеска пòлу и женска безчисленное множество отъ Татарскихъ жилищъ изведени быша, и упокоени во свояси отпущени быша. Христолюбивый же государь всегда посылаша во градъ писаніемъ и нарѣчіемъ, да быша покорилися, и милость предъявляя имъ.

..... Обстояще же градъ шесть седмицъ дней, разбивающе его пушками, и пищальми, и прочимъ стѣнобитнымъ устремленіемъ: вельми бо крѣпокъ градъ.

Самъ же *(царь)* часто ѣздя около града, соглядаяй всякія бранныя хитрости, и различныя стѣнобитныя орудія, на каткѣхъ же небычныя защиты высокія, своимъ людемъ учиненныя отъ Татарскаго стрѣлянія, и ина многа замышленія дивна, и подкопы на взятіе града устрояя. Мѣсяца октября въ 2 день ужѐ въ подкопѣ подъ градомъ и зѣліе со огнемъ готово суще, и повелѣ отъ всѣхъ странъ приступати ко граду, — самъ же, прося у Бога милости, дабы безъ кровопролитія одолѣніе на противныя даровалъ ему, къ церкви чюдотворца Сергія притече на молитву, якоже всегда обычай имяше, иже повелѣ немедленно пѣти Божественную литургію. И въ той часъ посла паки во градъ, яко же и прежде посылаше: да быша токмо повинулися ему, и брань престанетъ, милость предлагая имъ, и обѣщаваяся, ничимъ же вредити ихъ, и вир отдаваше имъ, не воспоминая имъ многаго къ себѣ клятвопреступлен

Свирѣпіи же Агаряне нимало о сихъ не внимаху, злобою помрачившеся, на брань готовляхуся. На литургіи же тогда чтущу діакону святое Евангеліе, и послѣднее возгласи, глаголя: *«и будетъ едино стадо и единъ пастырь»* и, вкупѣ со гласомъ, отъ подкопу многія части града отъ основанія испровергошася, и прочее града огнемъ воспалися. Многое же воинство, крестоносныя хоругви Богомъ подвизаеми, со всяцѣмъ дерзновеніемъ, яко облакомъ носими, скороустремительно на градныя стѣны и въ самый градъ скакаху, и, яко львы рыкающе, свирѣпо безбожныхъ Татаръ побивающе, и живыхъ безчисленно плѣняху. Благочестивый же царь, во время Богомъ дарованныя ему побѣды на противныя, дѣло велико твори и удивленію достойно: во время брани на поганыхъ Татаръ — никако же не уклонися отъ церкви, ни отъ слезныя молитвы преста, дондеже совершися Божественная литургія, и тако святыя дары и святыя воды причастився, и у святыхъ иконъ знаменався, и отъ служащаго іерея животворящимъ крестомъ ограженъ бысть. И тогда всѣдѣ на конь свой, и пріиде со избранными своими ко граду, съ нимъ же и князь Владиміръ Андреевичъ, и царь Шигалей, и до конца лукавіи Татарове побѣждени быша, мнози же и живы взяти быша.

И тако градъ взятъ бысть, и самый царь ихъ Едигеръ ухваченъ бысть, и сокровища царская, иже въ Казани, взята быша; вѣнецъ же царскій, и жезлъ, и знамя царей Казанскихъ, и прочая царская орудія, въ руцѣ благочестивому царю Богомъ преданы быша, въ плѣненіи христіане свободу улучиша, и со всяцѣмъ учрежденіемъ во свояси разосланы быша.

Народная пѣсня про взятіе Казани.

Вы послушайте, ребята,
Что мы станемъ говорить, —
А мы, старыя старушки,
Будемъ сказывати
Про грозна царя Ивана,
Про Васильевича,
Какъ онъ, царь-государь,
Подъ Казань подступалъ...
Онъ подъ рѣчку, подъ Казанку,
Подкопъ подкопалъ —
Сорокъ бочекъ закопалъ,
Что съ тѣмъ ли ярымъ зельемъ,
Чернымъ порохомъ,
А на бочки становили
Воску яраго свѣчи.
Злы Татаровя по городу
Похаживаютъ,
Похваляются,
Что не быть, дескать, Казанушкѣ
Подъ Бѣлымъ подъ Царемъ...
А и нашъ царь-государь
Распаляется,
Распаляется, прогнѣвляется:
А на-завтра пушкарей
Онъ велитъ всѣхъ казнить,
Всѣхъ пушкарчиковъ,
Зажигальщиковъ.
Какъ одинъ пушкарь
Посмѣлѣе всѣхъ былъ: —
«А за первое, царь, слово

Мнѣ нѣтъ казни;
За другое, царь, слово
Головы не сними...
А въ тиши-то свѣчи —
Онѣ тише горятъ;
На вѣтру-то свѣчи —
Онѣ шибче горятъ...»
Не успѣлъ пушкарь
Слово вымолвить,
Какъ и взорвало стѣну
Бѣлокаменную,
Поломало всѣ башенки
Узорчатыя...
Вдругъ нашъ царь-государь
Очень веселъ сталъ,
А наутро пушкарей
Велитъ жаловати:
И всѣмъ пушкарямъ
По пятидесяти рублей,
Одному пушкарю
Полтораста рублей.

Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодаго опричника и удалаго купца Калашникова.

Ахъ, ты, гой еси, царь Иванъ Васильевичъ!
Про тебя нашу пѣсню сложили мы,
Про твово любимаго опричника,
Да про смѣлаго купца, про Калашникова;
Мы сложили ее на старинный ладъ,
Мы пѣвали ее подъ гуслярный звонъ,
И причитывали да присказывали.
Православный народъ ею тѣшился,
А бояринъ Матвѣй Ромодановскій
Намъ чарку поднесъ меду пѣннаго;
А боярыня его бѣлолицая
Подносила намъ на блюдѣ серебряномъ
Полотенцо новое, шолкомъ шитое.
Угощали насъ три дня, три ночи,
И всё слушали — не наслушались.

I.

Не сіяетъ на небѣ солнце красное,
Не любуются имъ тучки синія:
То за трапезой сидитъ во златомъ вѣнцѣ,
Сидитъ грозный царь, Иванъ Васильевичъ.
Позади его стоятъ стольники,
Супротивъ его всё бояре да князья,
По бокамъ его всё опричники;
И пируетъ царь во славу Божію,
Въ удовольствіе свое и веселіе.
Улыбаясь, царь повелѣлъ тогда

Вина сладкаго, заморскаго,
Нацѣдить въ свой золочёный ковшъ
И поднесть его опричникамъ, —
И всѣ пили, царя славили...
Лишь одинъ изъ нихъ, изъ опричниковъ,
Удалой боецъ, буйный молодецъ,
Въ золотомъ ковшѣ не мочилъ усовъ;
Опустилъ онъ въ землю очи темныя,
Опустилъ головушку на широку грудь,
А въ груди его была дума крѣпкая.
Вотъ промолвилъ царь слово грозное, —
И очнулся тогда добрый молодецъ.
«Гей, ты, вѣрный нашъ слуга, Кирибѣевичъ,
Аль ты думу затаилъ нечестивую?
Али славѣ нашей завидуешь?
Али служба тебѣ честная прискучила?
Когда всходитъ мѣсяцъ, — звѣзды радуются,
Что свѣтлѣй имъ гулять по поднебесью,
А которая въ тучку прячется, —
Та стремглавъ на землю падаетъ...
Неприлично же тебѣ, Кирибѣевичъ,
Царской радостью гнушатися;
А изъ роду ты, вѣдь, Скуратовыхъ
И семьею ты вскормленъ Малютиной!...»
Отвѣчаетъ такъ Кирибѣевичъ,
Царю грозному въ-поясъ кланяясь:
— Государь ты нашъ, Иванъ Васильевичъ!
Не кори ты раба недостойнаго:
Сердца жаркаго не залить виномъ,
Думу черную не запотчивать!
А прогнѣвалъ я тебя — воля царская:
Прикажи казнить, рубить голову, —
Тяготитъ она плечи богатырскія,
И сама къ сырой землѣ она клонится. —
И сказалъ ему царь Иванъ Васильевичъ:
«Да объ чемъ тебѣ, молодцу, кручиниться?
Не истерся ли твой парчевой кафтанъ?
Не измялась ли шапка соболиная?
Не казна ли у тебя поистратилась?
Иль зазубрилась сабля закаленная?
Или конь захромалъ, худо-кованый?
Или съ ногъ тебя сбилъ на кулачномъ бою,
На Москвѣ-рѣкѣ, сынъ купеческій?»
Отвѣчаетъ такъ Кирибѣевичъ,
Покачавъ головою кудрявою:

— Не родилась та рука заколдованная
Ни въ боярскомъ роду, ни въ купеческомъ!
Аргамакъ мой степной ходитъ весело,
Какъ стекло горитъ сабля вострая, —
А на праздничный день, твоей милостью,
Мы не хуже другого нарядимся...
Какъ я сяду, поѣду на лихомъ конѣ
За Москву-рѣку покататися,
Кушачкомъ подтянуся шолковымъ,
Заломлю на-бочокъ шапку бархатную,
Чернымъ соболемъ отороченную, —
У воротъ стоятъ у тесовыихъ
Красны дѣвушки да молодушки,
И любуются, глядя, перешептываясь:
Лишь одна не глядитъ, не любуется,
Полосатой фатой закрывается...
На святой Руси, нашей матушкѣ,
Не найдти, не сыскать такой красавицы:
Ходитъ плавно, будто лебёдушка,
Смотритъ сладко, какъ голубушка,
Молвитъ слово — соловей поетъ.
Горятъ щеки ея румяныя,
Какъ заря на небѣ Божіемъ;
Во семьѣ родилась она купеческой,
Прозывается Алёной Дмитревной...
Какъ увижу ее — я и самъ не свой:
Опускаются руки сильныя,
Помрачаются очи бойкія...
Скучно, грустно мнѣ, православный царь,
Одному по свѣту маяться!
Отпусти меня въ степи Приволжскія,
На житье на вольное, на казацкое.
Ужь сложу я тамъ буйную головушку,
И сложу на копье бусурманское. —
И сказалъ, смѣясь, Иванъ Васильевичъ:
«Ну, мой вѣрный слуга! я твоей бѣдѣ,
Твоему горю пособить постараюся:
Вотъ возьми перстенёкъ ты мой яхонтовый,
Да возьми ожерелье жемчужное;
Прежде свахѣ смышлёной покланяйся,
И пошли дары драгоцѣнные
Ты своей Алёнѣ Дмитревнѣ...
Какъ полюбишься — празднуй свадебку,
Не полюбишься — не прогнѣвайся.»
— Охъ, ты, гой еси, царь Иванъ Васильевичъ!

Обманулъ тебя твой лукавый рабъ,
Не сказалъ тебѣ правды истинной,
Не повѣдалъ тебѣ, что красавица
Въ церкви Божіей перевѣнчана,
Перевѣнчана съ молодымъ купцомъ,
По закону нашему, христіанскому...

* * *

Ай, ребята, пойте — только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте — дѣло разумѣйте!
Ужь потѣшьте вы добраго боярина
И боярыню его бѣлолицую!

II.

За прилавкою сидитъ молодой купецъ,
Статный молодецъ Степанъ Парамоновичъ,
По прозванію Калашниковъ,
Шелковые товары раскладываетъ,
Рѣчью ласковой гостей онъ заманываетъ,
Злато, серебро пересчитываетъ...
Да не добрый день задался ему:
Ходятъ мимо баре богатые,
Въ его лавочку не заглядываютъ.
Отзвонили вечерню во святыхъ церквахъ;
За Кремлемъ горитъ заря туманная,
Набѣгаютъ тучки на небо, —
Гонитъ ихъ метелица распѣваючи;
Опустѣлъ широкій гостиный дворъ.
Запираетъ Степанъ Парамоновичъ
Свою лавочку дверью дубовою
Да замкомъ нѣмецкимъ со пружиною;
Злого пса-ворчуна зубастаго
На желѣзную цѣпь привязываетъ...
И пошелъ онъ домой, призадумавшись,
Къ молодой хозяйкѣ, за Москву-рѣку.
И приходитъ онъ въ свой высокій домъ,
И дивится Степанъ Парамоновичъ:
Не встрѣчаетъ его молодая жена,
Не накрытъ дубовый столъ бѣлой скатертью,
А свѣча передъ образомъ еле теплится, —
И кличетъ онъ старую работницу:
«Ты скажи, скажи, Еремѣевна,
А куда дѣвалась, затаилася
Въ такой поздній часъ Алена Дмитревна?
А что дѣтки мои любезныя,

Чай, забѣгались, заигралися,
Спозаранку спать уложилися?»
— «Господинъ ты мой, Степанъ Парамоновичъ!
Я скажу тебѣ диво дивное...
Что къ вечернѣ пошла Алёна Дмитревна;
Вотъ ужь попъ пришелъ съ молодой попадьей,
Засвѣтили свѣчу, сѣли ужинать, —
А по-сю-пору твоя хозяюшка
Изъ приходской церкви не вернулася;
А что дѣтки твои малыя
Почивать не легли, не играть пошли —
Плачемъ плачутъ, все не унимаются»...
И смутился тогда думой крѣпкою
Молодой купецъ Калашниковъ.
И онъ сталъ къ окну, глядитъ на улицу:
А на улицѣ ночь темнёхонька,
Валитъ бѣлый снѣгъ, разстилается,
Заметаетъ слѣдъ человѣческій.
Вотъ онъ слышитъ: въ сѣняхъ дверью хлопнули,
Потомъ слышитъ шаги торопливые;
Обернулся, глядитъ — сила крестная! —
Передъ нимъ стоитъ молодая жена,
Сама блѣдная, простоволосая,
Косы русыя расплетенныя
Снѣгомъ, инеемъ пересыпаны,
Смотрятъ очи мутныя, какъ безумныя;
Уста шепчутъ рѣчи непонятныя.
«Ужь ты гдѣ, жена, жена, шаталася,
На какомъ дворѣ, на площади,
Что растрепаны твои волосы,
Что одёжа вся твоя изорвана?
Ужь гуляла ты, пировала ты,
Чай, съ сынками все боярскими?...
Не на то предъ святыми иконами
Мы съ тобой, жена, обручилися,
Золотыми кольцами мѣнялися!...
Какъ запру я тебя за желѣзный замокъ,
За дубовую дверь окованную,
Чтобы свѣту Божьяго ты не видѣла,
Мое имя честное не порочила»...
И услышавъ то, Алёна Дмитревна
Задрожала вся, моя голубушка,
Затряслась, какъ листочекъ осиновый.
Горько-горько она восплакалась,
Въ ноги мужу повалилася:
«Государь ты мой, красно-солнышко,

Иль убей меня, или выслушай!
Твои рѣчи — будто острый ножъ,
Отъ нихъ сердце разрывается.
Не боюся я людской молвы,
А боюсь твоей немилости...
Отъ вечерни я домой шла нонече,
Вдоль по улицѣ, одинёшенька,
И послышалось мнѣ, будто снѣгъ хруститъ:
Оглянулася — человѣкъ бѣжитъ...
Мои ноженьки подкосилися,
Шелковой фатой я закрылася...
И онъ сильно схватилъ меня за руки,
И сказалъ мнѣ такъ тихимъ шепотомъ:
— Что́ пужаешься, красная красавица?
Я не воръ какой, душегубъ лѣсной,
Я слуга царя, царя грознаго,
Прозываюся Кирибѣевичъ,
А изъ славной семьи изъ Малютиной. —
Испугалась я пуще прежняго;
Закружилась моя бѣдная головушка...
И онъ сталъ меня цаловать-ласкать,
И цалуя, все приговаривалъ:
— Отвѣчай мнѣ, что тебѣ надобно,
Моя милая, драгоцѣнная!
Хочешь золота, али жемчугу?
Хочешь яркихъ камней, аль цвѣтной парчи?
Какъ царицу я наряжу тебя,
Станутъ всѣ тебѣ завидовать:
Лишь не дай мнѣ умереть смертью грѣшною...
Полюби меня, обними меня
Хоть единый разъ на-прощаніе! —
И ласкалъ онъ меня, цаловалъ онъ меня:
На щекахъ моихъ и теперь горятъ,
Живымъ пламенемъ разливаются
Поцалуи его окаянные...
А смотрѣли въ калитку сосѣдушки,
Смѣючись, на насъ пальцемъ показывали...
Какъ изъ рукъ его я рванулася,
И домой стремглавъ бѣжать бросилась.
И остались въ рукахъ у разбойника
Мой узорный платокъ — твой подарочекъ,
И фата моя бухарская. —
Опозорилъ онъ, осрамилъ меня,
Меня, честную, непорочную...
И что̀ скажутъ злые сосѣдушки?
И кому на глаза покажусь теперь?

Ты не дай меня, свою вѣрную жену,
Злымъ охульникамъ на поруганіе!
На кого, кромѣ тебя, мнѣ надѣяться?
У кого просить стану помощи?» —
Говорила такъ Алёна Дмитревна,
Горючьми слезами заливалася.
Посылаетъ Степанъ Парамоновичъ
За двумя меньшими братьями, —
И пришли его два брата, поклонилися,
И такое слово ему молвили:
«Ты повѣдай намъ, старшой нашъ братъ,
Что съ тобой случилось, приключилося,
Что послалъ ты за нами во темную ночь,
Во темную ночь, морозную?»
— Я скажу вамъ, братцы любезные,
Что лиха бѣда со мною приключалася:
Опозорилъ семью нашу честную
Злой опричникъ царскій, Кирибѣевичъ, —
А такой обиды не стерпѣть душѣ,
Да не вынести сердцу молодецкому...
Ужь какъ завтра будетъ кулачный бой
На Москвѣ-рѣкѣ, при самомъ царѣ,
И я выйду тогда на опричника,
Буду на-смерть биться, до послѣднихъ силъ:
А побьетъ онъ меня — выходите вы
За святую правду-матушку...
Не сробѣйте, братцы любезные!
Вы моложе меня, свѣжей силою,
На васъ меньше грѣховъ накопилося,
Такъ, авось, Господь васъ помилуетъ! —
И въ-отвѣтъ ему братья молвили:
«Куда вѣтеръ дуетъ въ поднебесьи,
Туда мчатся и тучки послушныя;
Когда сизой орелъ зоветъ голосомъ
На кровавую долину побоища,
Зоветъ пиръ пировать, мертвецовъ убирать,
Къ нему малые орлята слетаются...
Ты нашъ старшій братъ, намъ второй отецъ;
Дѣлай самъ — какъ знаешь, какъ вѣдаешь,
А ужь мы тебя, родного, не выдадимъ!»

* * *

Ай, ребята, пойте — только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте — дѣло разумѣйте!
Ужь потѣшьте вы добраго боярина
И боярыню его бѣлолицую!

III.

Надъ Москвой великой, златоглавою,
Надъ стѣной Кремлёвской — бѣлокаменной,
Изъ-за дальнихъ лѣсовъ, изъ-за синихъ горъ,
По тесовымъ кровелькамъ играючи,
Тучки сѣрыя разгоняючи,
Заря алая подымается....
Ужь зачѣмъ же ты, алая заря просыпалася?
На какой ты радости разыгралася?
Какъ сходилися, собиралися
Удалые бойцы Московскіе
На Москву-рѣку, на кулачный бой,
Разгуляться для праздника, потѣшиться.
И пріѣхалъ царь со дружиною,
Со боярами и опричниками,
И велѣлъ растянуть цѣпь серебряную,
Чистымъ золотомъ въ кольцахъ спаяную.
Оцѣпили мѣсто въ двадцать-пять саженъ
Для охотницкаго бою, одиночнаго.
И велѣлъ тогда царь Иванъ Васильевичъ
Кличъ-кликать звонкимъ голосомъ:
«Ой, ужь гдѣ вы, добры молодцы?
Вы потѣшьте царя нашего батюшку!
Выходите-ко во широкій кругъ:
Кто побьетъ кого, того царь наградитъ,
А кто будетъ побитъ, того Богъ проститъ!»
И выходитъ удалой Кирибѣевичъ,
Царю въ поясъ, молча, кланяется,
Скидаетъ съ могучихъ плечъ шубу бархатную,
Подпершися въ бокъ рукою правою,
Поправляетъ другой — шапку алую,
Ожидаетъ онъ себѣ противника...
Трижды громкій кличъ проклицали: —
Ни одинъ боецъ и не тронулся,
Лишь стоятъ, да другъ друга подталкиваютъ.
На просторѣ опричникъ похаживаетъ,
Надъ плохими бойцами подсмѣиваетъ:
«Присмирѣли, не бойсь, призадумались!
Такъ и быть, обѣщаюсь, для праздника,
Отпущу живого съ покаяніемъ,
Лишь потѣшу царя, нашего батюшку».
Вдругъ толпа раздалась въ обѣ стороны,
И выходитъ Степанъ Парамоновичъ,
Молодой купецъ, удалой боецъ,
По прозванію — Калашниковъ.

Поклонился прежде царю грозному,
Послѣ бѣлому Кремлю да святымъ церквамъ,
А потомъ всему народу Русскому.
Горятъ очи его соколиныя,
На опричника смотрятъ пристально;
Супротивъ его онъ становится,
Боевыя рукавицы натягиваетъ,
Могутныя плечи распрямливаетъ,
Да кудряву бороду поглаживаетъ.
И сказалъ ему Кирибѣевичъ:
«А повѣдай мнѣ, добрый молодецъ,
Ты какого рода, племени,
Какимъ именемъ прозываешься?
Чтобы знать, по комъ панихиду служить,
Чтобы было чѣмъ и похвастаться».
Отвѣчаетъ Степанъ Парамоновичъ:
«А зовутъ меня Степаномъ Калашниковымъ,
А родился я отъ честного отца,
И жилъ я по закону Господнему...
Не позорилъ я чужой жены,
Не разбойничалъ ночью темною,
Не таился отъ свѣта небеснаго....
И промолвилъ ты правду истинную:
По одномъ изъ насъ будутъ панихиду пѣть,
И не позже, какъ завтра въ часъ полуденный;
И одинъ изъ насъ будетъ хвастаться,
Съ удалыми друзьями пируючи...
Не шутку шутить, не людей смѣшить
Къ тебѣ вышелъ я теперь, бусурманскій сынъ,
Вышелъ я на страшный бой, на послѣдній бой!»
И услышавъ то, Кирибѣевичъ
Поблѣднѣлъ въ лицѣ, какъ осенній снѣгъ,
Бойки очи его затуманились,
Между сильныхъ плечъ пробѣжалъ морозъ,
На закрытыхъ устахъ слово замерло...
Вотъ молча оба расходятся,
Богатырскій бой начинается:
Размахнулся тогда Кирибѣевичъ
И ударилъ въ-первой купца Калашникова,
И ударилъ его посередь груди:
Затрещала грудь молодецкая,
Пошатнулся Степанъ Парамоновичъ.
На груди его широкой висѣлъ мѣдный крестъ
Со святыми мощами изъ Кіева, —
И погнулся крестъ, и вдавился въ грудь;
Какъ роса изъ-подъ него кровь закапала.

И подумалъ Степанъ Парамоновичъ:
«Чему быть суждено, то и сбудется;
Постою за правду до-послѣднева!»
Изловчился онъ, приготовился,
Собрался со всею силою,
И ударилъ своего ненавистника
Прямо въ лѣвый високъ со всего плеча.
И опричникъ молодой застоналъ слегка,
Закачался, упалъ за́мертво;
Повалился онъ на холодный снѣгъ,
На холодный снѣгъ, будто сосенка,
Будто сосенка, во сыромъ бору —
Подъ смолистый подъ корень подрубленная.
И увидѣвъ то, царь Иванъ Васильевичъ
Прогнѣвался гнѣвомъ, топнулъ о́ землю,
И нахмурилъ брови черныя;
Повелѣлъ онъ схватить удалого купца
И привесть его предъ лицо свое.
Какъ возго́ворилъ православный царь:
«Отвѣчай мнѣ по правдѣ, по совѣсти, —
Вольной волею, или не́хотя,
Ты убилъ на-смерть мово вѣрнаго слугу,
Мово лучшаго бойца, Кирибѣевича?»
— Я скажу тебѣ, православный царь:
Я убилъ его вольной волею,
А за что, про что — не скажу тебѣ,
Скажу только Богу единому.
Прикажи меня казнить и на плаху несть
Мнѣ головушку повинную:
Не оставь лишь малыхъ дѣтушекъ,
Не оставь молодую вдову
Да двухъ братьевъ моихъ своей милостью....
«Хорошо тебѣ, дѣтинушко,
Удалой боецъ, сынъ купеческій,
Что отвѣтъ держалъ ты по-совѣсти.
Молодую жену и сиротъ твоихъ
Изъ казны моей я пожалую,
Твоимъ братьямъ велю, отъ сего же дня,
По всему царству Русскому широкому
Торговать безданно, безпошлинно...
А ты самъ ступай, дѣтинушко,
На высокое мѣсто лобное,
Сложи свою буйную головушку.»

Какъ на площади народъ собирается,
Заунывно гудитъ-воетъ колоколъ,

Разглашаетъ всюду вѣсть недобрую;
А лихой боецъ, молодой купецъ,
Со родными братьями прощается.
«Ужь вы, братцы мои, други кровные,
Поцалуемтесь, да обнимемтесь
На послѣднее разставаніе.
Поклонитесь отъ меня Алёнѣ Дмитревнѣ,
Закажите ей меньше печалиться,
Про меня моимъ дѣтушкамъ не сказывать;
Поклонитеся дому родительскому,
Поклонитесь всѣмъ нашимъ товарищамъ;
Помолитесь сами въ церкви Божіей
Вы за душу мою, душу грѣшную!»

И казнили Степана Калашникова.
Схоронили его за Москвой-рѣкой,
На чистомъ полѣ, промежь трехъ дорогъ:
Промежь Тульской, Рязанской, Владимірской,
И бугоръ земли сырой тутъ насыпали,
И кленовый крестъ тутъ поставили...
И гуляютъ, шумятъ вѣтры буйные
Надъ его безъименной могилкою;
И проходятъ мимо люди добрые:
Пройдетъ старъ человѣкъ — перекрестится,
Пройдетъ молодецъ — пріосанится,
Пройдетъ дѣвица — пригорюнится,
А пройдутъ гусляры — споютъ пѣсенку...

* * *

Гей вы, ребята удалые,
Гусляры молодые,
Голоса заливные!
Красно̀ начинали, красно̀ и кончайте:
Каждому правдою и честью воздайте...
Тороватому боярину — слава!
И красавицѣ-боярынѣ — слава!
И всему народу христіанскому — слава!

Михаилъ Лермонтовъ.

Народная пѣсня о томъ, какъ Ермакъ взялъ Сибирь.*)

(1583 года.)

Какъ на славныхъ на степяхъ было Саратовскихъ,
Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Камышина,
Собирались казаки-други, люди вольные,
Собирались они, братцы, во единый кругъ,
Какъ Донскіе, Гребенскіе и Яицкіе;
Атаманъ у нихъ — Ермакъ сынъ Тимоѳеевичъ,
Есаулъ у нихъ — Асташка сынъ Лаврентьевичъ.
Они думали думушку всѣ единую: —
«Ужь какъ лѣто проходитъ, лѣто теплое,
А зима настаетъ, братцы, холодная,
Какъ и гдѣ то намъ, братцы, зимовать будетъ?...
На Яикъ намъ идти — переходъ великъ,
А на Волгѣ ходить — намъ ворами слыть,
Подъ Казань градъ идти — да тамъ царь стоитъ,
Какъ грозный-то царь, Иванъ Васильевичъ;
У него тамъ силы много-множество...
Да тебѣ, Ермаку, быть повѣшену,
А намъ, козакамъ, быть переловленымъ,
Да по крѣпкимъ по тюрьмамъ поразсаженымъ». —
Какъ не золотая трубушка вострубила,
Не серебряная рѣчь громко взговоритъ,
Рѣчь взговоритъ — Ермакъ сынъ Тимоѳеевичъ:
«Гей, вы, думайте, братцы, вы подумайте,
И меня, Ермака, братцы, послушайте...
Зазимуемъ мы, братцы, всѣ въ Астрахани,
А зимою мы, братцы, поисправимся;
А какъ вскроется весна красная,
Мы тогда-то, други-братцы, во походъ пойдемъ,
Мы заслужимъ предъ Грознымъ Царемъ вину свою». —
Какъ гуляли мы, братцы, по синю морю,
Да по синему морю по Хвалынскому,
Разбивали мы, братцы, бусы, корабли,
Какъ и тѣ-то корабли, братцы, не орленые,

---

*) *Именитые люди,* братья *Строгоновы,* жившіе въ Пермской области, на окраинѣ Россіи съ Сибирью, владѣвшіе тамъ многими землями, имѣвшіе свои богатыя промышленныя заведенія, а для охраненія ихъ небольшія крѣпостцы и своихъ ратныхъ людей, снарядили Ермака на покореніе Сибири: снабдили его оружіемъ, лодками, запасами, людьми и всѣмъ нужнымъ для войны противъ обитавшихъ въ Сибири ордъ и народцевъ, большею частію Татарскаго племени. *Щ.*

Мы убили посланничка — не царскаго,
Какъ того-то, вѣдь, посланничка Персидскаго. —
Какъ во славномъ было городѣ, во Астрахани,
На широкой, на ровной было площади,
Собирались казаки-други во единый кругъ,
Они думали думу крѣпкую,
Да и крѣпкую думушку единую: —
Какъ зима то проходитъ всё холодная,
Какъ и лѣто настаетъ, братцы, лѣто теплое,
Да пора ужь намъ, братцы, въ походъ идти...
Рѣчь возгóворитъ Ермакъ Тимоѳеевичъ: —
«Ой, вы, гой еси, братцы, атаманы-молодцы,
Эй, вы дѣлайте лодочки-коломенки,
Забивайте вы кочетá еловые,
Накладайте бабайчики сосновые:
Мы поѣдемте, братцы, съ Божьей помочью,
Мы пригрянемте, братцы, вверхъ по Волгѣ, по рѣкѣ,
Перейдемте мы, братцы, горы крутыя,
Доберемся мы до царства басурманскаго,
Завоюемъ мы царство Сибирское,
Покоримъ мы его, братцы, Царю Бѣлому,
А царя то Кучума въ-полонъ возьмемъ;
А за то-то государь-царь насъ пожалуетъ.
Я тогда-то пойду ко Бѣлу Царю,
Я надѣну тогда шубу соболиную,
Я возьму куньюю шапочку подъ-мышечку,
Принесу я Царю Бѣлому повинную: —
«Ой, ты гой еси, надёжа, православный царь!
Не вели меня казнить, да вели рѣчь говорить: —
Какъ и я-то, Ермакъ сынъ Тимоѳеевичъ,
Какъ и я-то, воровской Донской атаманушка,
Какъ и я-то гулялъ, вѣдь, по синю морю,
Что по синю морю, по Хвалынскому, —
Какъ и я-то разбивалъ, вѣдь, бусы, корабли,
Какъ и тѣ-то корабли всё не орленые...
А теперича, надёжа, православный царь,
Приношу тебѣ буйную головушку,
И съ буйной головой царство Сибирское». —
Рѣчь возгóворитъ надёжа, православный царь,
Какъ и грозный то царь, Иванъ Васильевичъ: —
«Ой, ты гой еси, Ермакъ, сынъ Тимоѳеевичъ,
Ой, ты гóй еси, войсковой Донской атаманушко!
Я прощаю тебя, да и со войскомъ твоимъ,
Я прощаю тебя — да за твою службу...

ИЗЪ СТРОГОНОВСКОЙ ЛѢТОПИСИ: «О ВЗЯТІИ СИБИРСКІЯ ЗЕМЛИ.»

1.

Вѣсть въ Москву о взятіи Сибири.

Атаманы и *казаки Волжстіи, Ермакъ Тимоѳеевъ* съ дружиною своею, изъ Сибири писаше къ Москвѣ — государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русіи — о взятіи града стольнаго Сибири, и о отгнаніи царя Кучума, и о ятіи царевича Маметкула, и о усмиреніи Сибирскія земли. И слышавъ государь милость Божію, что Богъ ему, государю, покорилъ Сибирскую землю и царевича Маметкула, взята жива, — и тѣхъ казаковъ пожаловалъ, кои къ нему, государю, приѣхали съ тою вѣстію, великимъ своимъ жалованьемъ, деньгами и сукнами, и камками, — а кои въ Сибири атаманы и казаки, и тѣмъ государь пожаловалъ: велѣлъ пожаловать имъ свое государево полное, большое жалованье, а воеводъ велѣлъ отпустить съ людьми служилыми въ Сибирскіе городы, которые ему, государю, Богъ поручилъ, а царевича Маметкула указалъ государь къ Москвѣ послати.

....Тогда *Семенъ,* и *Максимъ,* и *Никита Строгоновы,* изъ острожковъ своихъ по ихъ, атамановъ и казаковъ, отпискамъ, писаша къ Москвѣ благочестивому государю, царю и великому князю, Ивану Васильевичу всеа Русіи, о взятіи и одолѣніи Сибирскія земли и ятіи царевича Маметкула; послѣди же того, и сами, не во мнозѣ времени, пріѣхавше къ Москвѣ, и государю о всемъ о томъ извѣстиша вся по ряду: како *изъ острожковъ своихъ* казаковъ Волжскихъ *съ своими людьми* отпустиша въ Сибирскую землю, войною на Сибирскаго царя Кучума.... И государь, царь и великій князь, Иванъ Васильевичъ всеа Русіи — за ихъ службу и радѣнье — пожаловалъ городы: Солью-Большою, еже есть на Волгѣ, и Солью-Малою, и грамоту свою царскую на тѣ мѣста пожаловалъ за красною печатью, за приписью посольскаго дьяка Андрея Щолканова, почему ему тѣми городами владѣти; а Максима и Никиту Строгоновыхъ-же пожаловалъ: въ городкѣхъ и острожкѣхъ ихъ торговати имъ, и у нихъ всякимъ людемъ, безпошлинно.

Смерть Ермака.

....Мѣсяца августа въ 5-ый день, на предпразднество Преображенія Господня, на память святаго мученика Евсигнія, пріидоша вѣст-

ницы отъ Бухарцовъ, торговыхъ людей, атаманомъ и казакомъ къ Ермаку съ дружиною, и сказаша, что ихъ царь Кучумъ не пропуститъ. И Ермакъ же не со многими людьми поиде на встрѣчу по (рѣкѣ) Иртышу, и, пришедъ на Вогаи, Бухарцовъ не обрѣте, а доидоша до мѣста, зовомаго Атбашъ, и оттолѣ возвратишася — уже бо дни прешедшу и нощнѣй тьмѣ нашедши; казацы же зѣло утрудишася отъ многаго пути, и дошедше до перекопа, и обночевавшеся ту.

Царь же Кучумъ подсмотри ихъ, и разосла многихъ Татаръ, и повелѣ твердо стрещи. Тое жъ нощи бысть дождь великъ. — Время же бѣ наста яко къ полунощи, Ермакъ же съ дружиною спаху въ станѣхъ въ пологахъ; поганіи же, яко неистово дышуще, готовляшеся на пролитіе и разумѣша, яко время есть уже хотѣніе свое исполнити, и скоро оружіе свое извлекоша, и на станъ ихъ нападаютъ, и обнаженными мечи погубляютъ ихъ. И тако ту вси избіени быша, единъ токмо утече; а велеумный и храбрый риторъ *(рыцарь)* Ермакъ убіенъ бысть.

Послѣди-же нѣцы глаголятъ отъ языкъ о томъ, яко «воспрянувъ ту храбрый вашъ воинъ Ермакъ отъ сна своего, и видѣ дружину свою побиваемыхъ, и никоея надежды можно имѣти ему животу своему, и побѣже въ стругъ *) и не можетъ доити своихъ си, понеже бо вдали разстояніе, и туто ввержеся въ рѣку и утопе». Но, посланіемъ Божіимъ, пріиде на воиновъ, храбрыхъ и крѣпцыхъ казацевъ, внезапу смерть, и тако животъ свой скончаша. Слышано же бысть во градѣ атаману Матѳею Мещеряку съ дружиною, яко начальный атаманъ, велеумный Ермакъ съ дружиною побьени быша: они же во градѣ плакахуся по нихъ горько.

ПО ВЗЯТІИ СИБИРИ.

Изъ рукописной древней «Исторіи о Сибирстѣй земли».

Въ лѣто 7129-е *(то-есть, 1521 года)* поставленъ и посвященъ бысть въ Сибирь въ Тоболескъ во архіепископы Кипріанъ, бывый Хутынскаго Монастыря архимандритъ, и, во второе лѣто архипастырства своего, воспомяну атамана Ермака Тимоѳеева сына, Повольскаго *(то-есть, Волжскаго)*, и онъ, добрый пастырь, повелѣ спросити Ермаковыхъ казаковъ: како они пріидоша въ Сибирское Царство, и гдѣ у нихъ съ погаными были бои, и кого изъ нихъ поганіи убили? Казаки же принесоша ему списки — кàко они пріидоша въ Сибирь, и о бояхъ. Онъ же, добрый пастырь, повелѣ убитыхъ имена написати въ соборной церкви въ синодикъ и въ Православную Недѣлю кликати имъ вѣчную память. Синодикъ казакомъ написанъ сице, глава 33: «Въ

---

*) *Стругъ* — лодка, судно. *Щ.*

лѣто 7089 *(то-есть, 1481 года),* при державѣ государя, царя и великаго князя, Ивана Васильевича — избра Богъ и посла — не отъ славныхъ мужъ, ни отъ царскихъ воеводъ, очистити мѣсто святыни и побѣдити бесерманскаго царя Кучума, но отъ простыхъ людей вооружи Богъ славою Своею, и ратоборствомъ, и вольностію — атамана Ермака съ дружиною: забыша бо сіи воины свѣта сего честь, и всю славу, и плотскую сладость, и смерть въ животъ приложиша, и воспріяша щитъ истинныя вѣры, и показаша храбрость свою».

ОСАДА ПСКОВА ПОЛЬСКИМЪ КОРОЛЕМЪ СТЕФАНОМЪ БАТОРІЕМЪ ВЪ 1581—1582 ГОДУ.

Мѣста изъ древней «Повѣсти о прихоженіи Литовскаго короля Степана съ великимъ и гордымъ воинствомъ на великій и на славный, Богомъ спасаемый, градъ Псковъ.»

1.

Слышавше, яко уже *(Польскій король Стефанъ Баторій)* за 100 верстъ отъ Пскова, на городъ Вороначь пріиде, — бояре и воеводы со всѣмъ святымъ соборомъ обходятъ около всего великаго града Пскова съ честными кресты и со святыми мощьми князя Всеволода и съ иными святынями. По нихъ же шествуютъ Псковскіе народи, мужи и жены съ малыми младенцы. Паки же слышавъ, яко уже король подъ Островомъ, за 50 верстъ ото Пскова, и по городу изъ наряду [1]) біетъ, государевы бояре и воеводы всю окольную стѣну во Псковѣ промежъ себя раздѣлиша; всю же стѣну вооружиша людьми и наряды. — Отъ полуденныя же страны, аки дымъ теменъ, Литовская сила идяше на бѣлыя стѣны Псковскія, ихъ же ни вся Литовская земля очернити возможе....

2.

....Государевы же бояре, и всѣ воеводы съ ними же, и черньцы, и все воинство рекуще: — «днесь, о, друзи, умремъ вкупѣ, за Христову вѣру и за православнаго царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи, отъ Литовскихъ рукъ, а — не предадимъ государя нашего, града Пскова, Польскому кралю Степану». — Тако же великаго заступника Псковскаго, князя Всеволода, и князя Доманта [2]), и Николу Христа ради уродиваго, въ сердцахъ своихъ на помощь пріемше, и все воинство христіанское вкупѣ снемшеся, устремишася на Литовскую силу, на стѣны градныя на проломномъ мѣстѣ, и тако вси — Божіею милостію, и пречистыя Богородицы моленіемъ, и заступленіемъ святыхъ великихъ чудотворцовъ — съ проломнаго мѣста Литовскую силу сбиша. И благодатію Христовою, идѣже

---

[1]) *Нарядъ* — пушки, артиллерія.
[2]) Довмонта. *Щ.*

Литовскіе люди на Псковской стѣнѣ стояху, и паки христіанская сила на тѣхъ мѣстѣхъ утвердишеся; и за градомъ съ Литвою со стѣны снидоша бьющеся, и съ досталными еще въ Покровской башни оставшимися. Того же часу, егда христіанское одолѣніе надъ Литвою показа Богъ, и съ проломнаго мѣста Литовскихъ рохмистовъ съ гайдуки сбиша: тогда и та благодать Христова не утаися по всему граду Пскову оставльшимся женамъ, и промчеся то слово во весь градъ Псковъ, яко всѣхъ Литовскихъ людей Богъ пособилъ съ города сбити, — и вамъ, оставшимся женамъ, велѣно по Литовской нарядъ итти, и останокъ Литвы побивати, отъ пролома скопяся. Тогда же вси, еже во Псковѣ, жены по домамъ остававшіися — отъ печали мало и како радости благовѣстіе пріемше, и оставивше немощи женскія, и въ мужескую крѣпость оболкшеся, и всѣ вскорѣ, коиждо изъ своихъ дворовъ и каяждо по своей силѣ, оружіе ношаше: младыя же и сверстныя тѣлесы крѣпкія оружія ношаху, достали приступа Литву побивати. Старыя же жены и немощныя плотію, тѣ въ своихъ рукахъ малыя и краткія верви ношаше, и тѣми Литовскій нарядъ,по сказанію,въ городъ ввести помышляюще. И вси къ пролому бѣжаху, и всякая жена, другая паче, тщаніе скоростію показующе, сбѣжавшеся многое множество женъ къ проломному мѣсту, и ту великое пособіе и угодіе воинскимъ христіанскимъ людемъ показавше: овіи же каменіе воемъ приношаху и Литву изъ города и за градомъ побиваху, овіи же утруждьшимся воиномъ и изнемогшимъ отъ жажды воду приношаху, и ретивыя сердца ихъ водою отливаху. Пятку же тогда дню, яко же рекохъ, въ праздникъ Рождества пресвятыя Богородицы къ вечеру приспѣвающу, Литовскимъ же людемъ еще въ Покровской башни сѣдящимъ, и по крестьянѣхъ во градъ стрѣляющимъ, государевы же бояре и воеводы Бога на помощь призывающе, христіанскимъ языкомъ кликнувше, и вкупѣ снемшеся мужи и жены, и на достальную Литву въ Покровскую башню устремишася, коегождо и чимъ и какъ Богъ вразумитъ: овіи же изъ ручницъ стрѣляюще, иніи же огни зажигающе, на нихъ меташа, и всячески промышляюще, таже и подъ тою башнею зажгоша, и Божіимъ пособіемъ, и достальсъ Покровской башни Литву сбиша, и, Христовою благодатію, паки очистися каменная Псковская стѣна отъ скверныхъ Литовскихъ ногъ. Въ нощи же приспѣвши той намъ Божіимъ милосердіемъ свѣтъ благодати возсія, и отъ стѣны за градомъ отбиша, и тако Литва отъ града изъ станы побѣжа, изъ города же выскочивше христіане далече за ними гнашася, сѣкуще ихъ; которыя же во Псковскомъ рву заставше, и тѣхъ прибивающе, многія же живыя ухвативше, и въ городъ къ государевымъ боярамъ и воеводамъ приведоша нарочитыхъ языковъ съ набаты, и съ трубы, и съ знаменами, и съ ратными оружіи, и паки всѣ во Псковъ здоровы — со одолѣніемъ и безчисленнымъ богатествомъ — возвратишася; оружія же Литовская, и изрядныхъ нарочи-

тыхъ самопаловъ, и ручныхъ разныхъ всяки образы безчисленно много въ городъ внесоша. И тако — благодатію Христовою, и неизреченнымъ милосердіемъ пребожественныя Троицы, и молитвами Пречистыя Богородица честнаго и славнаго ея Рождества, и всѣхъ святыхъ великихъ чудотворцовъ — того дни спасенъ бысть великій градъ Псковъ, и великое одолѣніе показа Богъ христіанскому воинству надъ горделивою Литвою...

3.

....Кійждо начальниковъ розныхъ земель свой подкопъ поведоша сентября въ 17-ое — Польской, Угорской, Нѣмецкой. — Сіе же Литовскіе языки Государевымъ Воеводамъ сказаша, и преже-бывшій Русскій Полоцкій стрѣлецъ, именемъ Игнатъ, повѣда воеводамъ, противъ коего мѣста ведутъ подкопы, и велѣша противъ слухи копати, и сентября въ 23-ее съ подкопы Литовскими наши слухи сошлися, межъ Покровскихъ и Свиныхъ воротъ; иные же подкопы сами обрушишася. — Октября въ 24-ое нача король стрѣляти, разжигая ядра, въ городъ безвредно. — Октября въ 28-ое прискоча Литовскіе гайдуки подъ градную стѣну, и необычно отъ нихъ сотворенными щиты закрывся, почали каменную стѣну подсѣкати кирками и всякими каменнодѣльными запасы, — и въ тѣ поры изъ-за Великія-рѣки изъ снаряду стрѣляху. — Воеводы же наши повелѣваютъ смолье зажигати, и на нихъ, и на щиты ихъ метати, и противу ихъ подсѣканія частыя окна провертѣти сквозѣ древянную и каменную стѣну, и изъ тѣхъ оконъ изъ ручницъ стрѣляти и копьи колоти, такожь смолу горячую, и деготь, и врютокъ, и ленъ, осмоливъ, зажигая на нихъ метаху, такожь и кувшины съ зеліемъ; а кои подъ стѣну подсѣкошася, на тѣхъ сдѣлаша на шестахъ кнуты, по концамъ же привязываху желѣзныя пуги съ вострыми крюки, и тѣми гайдуковъ, за ризы ихъ и съ тѣломъ захватывая, изъ подъ стѣны выторгаху....

4.

....Бояре промышляютъ вылазку великую конными и пѣшими, генваря въ 4-ое, и въ той вылазкѣ добрѣ много славныхъ и именитыхъ пановъ побиша, болѣ 80 человѣкъ, такоже и языковъ много взяша нарочитыхъ. — Сія же конечная вылазка бяше изъ града; всѣхъ же вылазокъ бяше 46, приступовъ же Литовскихъ ко граду 31....

(*** *Дѣло кончилось тѣмъ, что Псковитяне съ воеводами и отрядомъ Московскимъ отстояли Псковъ отъ многочисленнаго и отборнаго войска Польскаго короля, который, оставивъ напрасную осаду Пскова, удалился въ Ливонскую землю, заключивъ миръ съ Русскими послами изъ Москвы. Щ.)*

Народная пѣсня про осаду Пскова.

Копилъ-то король, копилъ силушку,
Копилъ-то онъ, собака, двѣнадцать лѣтъ;
Накопилъ-то онъ силушки смѣты нѣтъ,
Много, смѣты нѣтъ, сорокъ тысячъ полковъ.
Накоплемши онъ силы, на Русь пошелъ,
Онъ на Русь пошелъ, на три города,
На три города, на три стольные:
На первый на городъ на Полотскій,
На другой-то на городъ Велики-Луки,
На третій — на батюшку на Опсковъ градъ.
Онъ и Полотскій городъ мимоходомъ взялъ,
А Велики-Луки онъ насквозь прошелъ;
Подходилъ онъ подъ батюшку подъ Опсковъ градъ,
Становился, собака, въ зеленыхъ лугахъ,
Садился онъ, собака, во золотъ стулъ,
Смекалъ-то онъ силушку по три дни,
По три дни и по четыре:
Много-ли силушки убыло,
А много-ли силушки прибыло?
Убыло силушки сорокъ сотъ,
А прибыло силушки сорокъ полковъ.
Тутъ-же онъ, собака, возрадуется:
«Охъ, вы гой еси, мои скорые хожатели,
Скорые хожатели и скорые поспѣшатели!
Мечитесь скоро въ зеленые луга,
Въ зеленые луга государевы!»
Посылаетъ онъ воеводу своего,
А самъ крѣпко наказываетъ:
«Бери свово коня Бахмута,
Поѣзжай во батюшку во Псковъ градъ:
Во городъ въѣзжай — не спрашивай,
Ко двору подъѣзжай — не докладывай,
Во палаты восходи — не бей челомъ,
Клади ярлыки на дубовы столы».
За столами сидитъ воевода царевъ,
Шуйскій князь Иванъ Петровичъ.
«Охъ, ты гой еси, воевода царевъ,
Шуйскій князь Иванъ Петровичъ!
Отдай городъ Опсковъ безъ бою,
Безъ бою и безъ драки великія,
Безъ того уголовія смертнаго.
Я на первомъ часу возьму Псковъ градъ,

На другіемъ часу стану чистити,
На третьемъ часу стану столъ становить,
Стану пить, веселиться, прохлажатися;
Князей твоихъ, бояръ всѣхъ въ полонъ поберу,
Донскихъ казаковъ всѣхъ подъ мечъ преклоню,
А тебя, воеводу, казнить буду!»
Возговоритъ воевода царевъ,
Шуйскій Иванъ Петровичъ:
«Блуденъ сынъ — король съ королевичемъ,
Съ паномъ гетманомъ Хоткѣвичемъ,
И съ воинскимъ конемъ Вороновичемъ!
Не отдамъ я тебѣ городъ безъ бою,
Безъ бою и безъ драки великія,
И безъ того уголовія смертнаго!»
Какъ со-вечера ратные причащалися,
Со-полуночи ружья чистили, —
Ко бѣлой зарѣ, какъ куры пропѣли,
Не туча съ тучей сходилася,
Не заря со зарей сомыкалася,
Сходилися два войска, два великія,
Бѣлаго царя съ королевскіимъ.
Тутъ ѣздитъ, разъѣзжаетъ, удалой добрый молодецъ,
Еще тотъ ли же воевода царевъ,
Шуйскій князь Иванъ Петровичъ....
Кому у насъ на бою, братцы, Божья помочь? —
Помогъ Богъ воеводѣ Московскому,
Шуйскому князю Ивану Петровичу,
Побить силу королевскую:
Всѣхъ латничковъ, сиповщичковъ,
Кольчужничковъ, барабанщичковъ;
Насилу король самъ-третей убѣжалъ.
Бѣгучи, онъ, собака, заклинается:
«Не дай, Боже, мнѣ во Руси бывать!
Ни дѣтямъ моимъ, и ни внучатамъ,
И ни внучатамъ, и ни правнучатамъ!»

Народная пѣсня про смерть царя Ивана Васильевича.

(1584 года.)

Ужь ты, батюшка, свѣтелъ мѣсяцъ!
Что̀ ты свѣтишь не постарому,
Не постарому, не попрежнему:
Изъ-за облочка выкатаешься,
Черной тучей закрываешься?...

У насъ было на святой Руси,
На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
Въ каменной Москвѣ, въ золотомъ Кремлѣ:
У Михайла у Архангела,
У собора у Успенскаго, —
Ударили въ большой колоколъ —
Раздался звонъ по всей матушкѣ сырой землѣ.
Соѣзжалися всѣ князья, бояре,
Собиралися всѣ люди ратные
Во Успенскій Соборъ Богу молитися.
Во Соборѣ-то во Успенскіимъ,
Тутъ стоялъ новъ кипарисовъ гробъ,
Во гробу-то лежитъ православный царь,
Православный царь — Иванъ Грозный Васильевичъ...
Въ головахъ у него стоитъ животворящій крестъ,
У креста лежитъ его царскій вѣнецъ,
Во ногахъ его вострый грозный мечъ.
Животворящему кресту всякій молится,
Золотому вѣнцу всякій кланяется,
А на грозный мечъ взглянетъ — всякъ ужахнется.
Вокругъ гроба горятъ свѣчи восковыя,
Передъ гробомъ стоятъ всё попы, архіереи:
Они служатъ, читаютъ — память отпѣваютъ,
Отпѣваютъ память царю православному,
Царю грозному, Ивану Васильевичу.

НАШЕСТВІЕ ПОЛЯКОВЪ НА РОССІЮ. [1])

(Съ 1607 по 1613 годъ.)

Изъ «Сказанія» Авраамія Палицына, келаря Свято-Троицкой Сергіевой Лавры [2]).

Инъ иноческій и священническій невскорѣ смерти предаяху [3]), но прежде злѣ мучаще всячески, и огнемъ жгуще, испытующе сокровищъ, и потомъ смерти предаяху. А ихже свѣдятъ иноковъ непреходимыхъ отъ мѣста на мѣсто, но во единомъ обѣщаніи живущихъ, и таковыхъ работами облагаху, и стражи бяху имъ, и вина и пива варяху имъ; такожь и кормы людскіе и конскіе готовяще, и пасяху стада ихъ. Такожде іереевъ у мелива, и у возовъ, и у древосѣчества моряху, и блудницъ стрежаху, и работающе блудницамъ, и воду ношаху имъ, и порты скверные мыюще на нихъ, и у коней ихъ все работающе повелѣнное имъ. И старые, и святолѣпные мужи у ногъ ихъ валяющеся, аки сиротки, и ругающеся имъ, повелѣваху пѣти пѣсни срамныя, и скакати, и плясати; непокоряющихжеся — смерти предаяху. И премѣнишася

тогда жилища человѣческая на звѣрская: дивіи бо, некроткое естество, медвѣди, и волки, и лисицы, и зайцы на градская и пространная мѣста пришедше; такоже и птицы отъ великихъ лѣсовъ, на велицей пищи — на трупѣ человѣческомъ — вселишася; и птицы, и звѣри малые во главахъ и въ трупѣхъ человѣческихъ гнѣзда содѣяша: горы бо могилъ тогда явишася побіенныхъ, по правдѣ ратовавшихся, ихъ же не лѣть изрещи подробну, но мало токмо помянути, яже быша велицыи бои на прошествіи отъ Тулы въ Колугу, и подъ Кромами, и на Ворсмѣ подъ Коширою, и подъ Орломъ, и подъ Нижнимъ-Новымъ-градомъ, и во многихъ мѣстѣхъ; и крыяхуся тогда человѣцы въ дебри непроходимыя, и въ чащи темныхъ лѣсовъ, и въ пещеры недовѣдомыя, и въ воды, между кустовъ отдыхающе, а плачущеся къ Содѣтелю, дабы нощь сихъ постигла, и поне мало бы отдохнути на сусѣ. Но ни въ нощь, ни въ день бѣгающимъ не бѣ покоя и мѣста ко скрытію; и вмѣсто луны, многіе пожары поля̀ и лѣса̀ освѣщеваху нощію, и никомуже не мощно бяше двинутися отъ мѣста своего: человѣкъ бо ожидаху, аки звѣрей отъ лѣсовъ исходящихъ, и оставиша тогда злодѣи за звѣрьми гоньбы, но женуще за своею братіею, и со псы, аки лютыхъ звѣрей, пути пытаху, и существенные звѣри человѣкъ бѣгающихъ поядаху, и произволительные звѣри, не естествомъ, но нравомъ, такожде поядаху. И звѣри убо едину смерть дающи: сіи же и тѣлесную, и душевную. Попусти же Господь нашъ и Богъ праведный гнѣвъ свой на насъ, не токмо злыхъ сихъ враговъ, но и звѣріе пакости дѣяху: нигдѣ бо, христіане и земледѣльцы бѣгающе, не могоша житъ сѣменныхъ всячески скрыти; вездѣ бо изъ ямъ звѣріе ископоваху и поядаху, иніи же звѣріи токмо по лѣсу и по грязи разсыповаху далече. Такоже и измѣнники, идѣже что останется каковыхъ житъ, то въ воду и въ грязь сыплюще, и коньми топчуще, а идѣже не пожгутъ домовъ, или немощно взяти домовныхъ потребъ, то все мелко колюще, и въ воду мещуще; входы же и затворы всякіе разсѣкающе, дабы никомуже жительствовати ту.....

...Непокорящихъ же ся ихъ злымъ совѣтомъ, по всей земли, всякъ возрастъ и всякъ чинъ, — овѣхъ съ башенъ съ высокихъ градныхъ долу метаху, инѣхъ же съ бреговъ крутыхъ во глубину рѣкъ съ каменіемъ верзаху, инѣхъ же, розвязавше, изъ луковъ и изъ самопаловъ разстрѣляюще, инѣмъ же голени на полы преломляху, у иныхъ же чадо восхитивше, и предъ очами родителей на огни пряжаху, инѣхъ же, отъ сосцу и отъ пазуху матерню отторгающе, о землю, и о пороги, и о каменіе, и о углы разбиваху, инѣхъ же, на копія и на сабли возткнувше, предъ родительми ношаху. Красныхъ же женъ и дѣвицъ на многъ блудъ взимаху, и тако во многомъ скверненіи нечисты умираху. Миози же и сами изрѣзывахуся, смерть пріимаху, дабы не оскверниться отъ поганыхъ, иніи же въ воду ввергшеся съ бреговъ высокихъ, не бѣ бо мѣста

ко скрытію. Матери же младенцевъ своихъ, плачущихся отъ глада и жажды, въ-невѣденіи задавляху, дабы ихъ ради гласа самимъ не погибнути: бѣгающе бо, захватываху рты тѣмъ, и послѣди обрѣтающе тѣхъ мертвыхъ; и, якоже пустынницы въ лѣсѣхъ, со звѣрьми во единыхъ пещерахъ живуще, и емуже съ кѣмъ невозможно, той отъ того отбѣгаше, аще и не обѣщавшеся иночествовати: но дождь, и снѣгъ, и варъ, и студь нагимъ тѣломъ терпяще.....

....Въ толико же безстудство вшедше нечестивіи измѣнницы и Поляки, безстрашно вземлюще святыя иконы мѣстныя и царскія двери, и сія подстилающе подъ скверныя постели..... Иныя же святыя иконы колюще, и вариво, и печиво строяще; изъ сосудовъ же церковныхъ ядяху и піяху..... Иніи же, яко наругающеся, святые сосуды преливающе и разбивающе на свою потребу и на конскую. Воздухи же и пелены, шитые и низаные — драгіе, тѣми покрываху кони своя и на плещу свою, вмѣсто приволокъ, ко брани воздѣваху, и поясы священными опоясывахуся по блуднымъ нѣдромъ, и хоругви церковныя вмѣсто знаменъ изношаху.

Сія же попусти все Господь за беззаконія наша, да не надѣемся на красоту церковную, ни на обложеніе драгое святыхъ иконъ, — сами же и въ блудѣ, и въ піянствѣ пребывающе. Добро убо сіе, и пріятно Богови украшеніе святыхъ церквей и честныхъ иконъ, но аще не отъ лихоимства, ни отъ неправды, ни отъ посуловъ, ни отъ прочаго лихоиманія, ни отъ гордости: писано бо есть, — яко вы есте храмъ Бога живаго, якоже рече Богъ: — вселюся въ ня, и похожду, и буду имъ въ Бога, и тіи будутъ мнѣ людіе сынове и дщери, глаголетъ Господь Вседержитель.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) Вотъ-что было поводомъ къ нашествію Поляковъ на Россію: по смерти *царя Іоанна Грознаго*, вступилъ на престолъ сынъ его, *Ѳеодоръ Іоанновичъ*. Этотъ государь, при слабомъ здоровьи, былъ единственно преданъ благочестію и дѣлу спасенія души, и потому управленіе государствомъ поручилъ брату жены своей, *Борису Ѳеодоровичу Годунову*, одному изъ умнѣйшихъ вельможъ въ Россіи, и правленіе его было мудро и благодѣтельно. Царь не имѣлъ дѣтей, но у него былъ малолѣтный братъ отъ другой матери, *царевичъ Димитрій*, который жилъ со своими родственниками, Нагими, въ Угличѣ... Царевичъ былъ зарѣзанъ подосланными убійцами, или, какъ показано слѣдствіемъ, играя, самъ накололся на ножъ — въ припадкѣ падучей болѣзни. Въ смерти его подозрѣвали Годунова, что будто-бы онъ лишилъ жизни наслѣдника престола, думая современемъ самъ воцариться. Дѣйствительно, по смерти Ѳеодора Іоанновича, былъ, по необходимости, выбранъ на царство Борисъ Годуновъ. Онъ управлялъ государствомъ около 7 лѣтъ, — какъ вдругъ разнеслась по Россіи молва, что царевичъ Димитрій не умеръ, но тайно спасенъ, и живетъ въ Польшѣ, покровительствуемый Польскимъ королемъ и сильными вельможами, и что онъ собираетъ тамъ войско, чтобы идти въ Россію на Бориса Годунова, добывать себѣ отеческій престолъ. Это былъ, какъ утверждали, бѣглый монахъ, дьяконъ-разстрига, *Гришка Отрепьевъ*. Онъ просваталъ за себя въ Польшѣ *Марину*, дочь Польскаго вельможи Юрія Мнишка. Къ нему собрались многіе Поляки и всякая вольница. Съ ними онъ выступилъ въ Россію, сражаясь сначала съ царскими воеводами съ перемѣннымъ счастіемъ; но потомъ къ нему

начали передаваться мало-по-малу войска и народъ, считая *самозванца*, въ самомъ дѣлѣ, за истиннаго сына царскаго. Между-тѣмъ Лжедимитрій подвигался къ Москвѣ. Это такъ подѣйствовало на царя Бориса, что онъ умеръ скоропостижно. Молодой сынъ его *Ѳеодоръ Борисовичъ* вступилъ на престолъ, но, чрезъ малое время, былъ умерщвленъ вмѣстѣ съ своею матерью — приверженцами Самозванца. Изъ семейства Годунова осталась только дочь Ксенія Борисовна, которая жила нѣкоторое время во дворцѣ при Самозванцѣ, а потомъ, предъ женитьбой его на Полькѣ Маринѣ, была пострижена и сослана въ монастырь. Димитрій-Самозванецъ съ-торжествомъ вступилъ въ Москву. Тутъ пошли пиры и всякое безобразіе. Поляки стали въ Москвѣ распоряжаться и своевольничать. Самозванецъ же презиралъ Русскіе обычаи и склонялся даже къ католической вѣрѣ, будучи въ рукахъ у Поляковъ. Обманъ началъ открываться, и Самозванецъ былъ убитъ. Москва возвела на царство боярина, князя *Василія Ивановича Шуйскаго*, главнымъ-образомъ содѣйствовавшаго низверженію Самозванца. Но такъ-какъ царя Василія выбрала одна Москва, а не вся Россія, то онъ и не имѣлъ многихъ сторонниковъ, и потому кратковременное царствованіе его было несчастно, шатко и смутно. — Явился *второй Самозванецъ*, котораго Марина признала за своего мужа, будто-бы спасшагося отъ смерти во время Московскаго бунта противъ него. Къ нему тогда пристали Поляки, Литва и всякая бродячая сволочь. Россія была наводнена пришлецами. Шайки и полчища этого второго Самозванца воевали съ царскими воеводами и опустошали Россію. Самозванецъ имѣлъ станъ свой въ селѣ Тушинѣ, подлѣ Москвы, и держалъ Москву почти-что въ осадѣ. Наконецъ, и онъ былъ убитъ въ Калугѣ. Польскій король осаждалъ Смоленскъ. Несчастный царь Василій, за неудачи свои, былъ сведенъ съ престола, постриженъ въ монахи и выданъ Полякамъ. Въ это шаткое, смутное и безгосударное время, Россія была доведена до такого крайняго положенія, что рѣшилась просить у Польскаго короля на царство Русское — юнаго сына его, королевича Владислава. Король согласился, но втайнѣ думалъ самъ завладѣть Россіею и присоединить ее къ Польшѣ. Поляки заняли Москву. Разгадавъ намѣреніе короля Польскаго, Россія встала на Поляковъ, какъ одинъ человѣкъ, и съ великими жертвами и борьбою освободившись отъ нашествія ихъ, избрала себѣ — православнаго, русскаго — царя, Михаила Ѳеодоровича.

[1]) Патріархъ *Гермогенъ*, архимандритъ Троицко-Сергіевой Лавры *Діонисій* и келарь той-же Лавры *Авраамій Палицынъ*, въ это трудное для Россіи время, были великими радѣльцами о благѣ отечества и печальниками о Русскомъ народѣ: они своими грамматами призывали народъ ополчиться на Поляковъ, собирали для-этого пожертвованія, сами жертвовали монастырскими деньгами, хлѣбомъ и другимъ имуществомъ, подавали совѣты и воодушевляли увѣщаніями.

[2]) Поляки и ихъ пособники и сторонники. *Щ.*

Народная пѣсня про царевну Ксенію Борисовну Годунову.

(1605 года.)

Сплачется на Москвѣ царевна,
Бориса дочь Годунова: —
«Ино, Боже, Спасъ милосердый,
За что́ наше царство загибло?
За батюшково ли согрѣшенье,
За матушкино ли немоленье?...
А, свѣты, вы, наши высокія хоромы,
Кому вами будетъ владѣти —
Послѣ нашего царскаго житья?...
А, свѣты, браные убрусы,
Берёза ли вами крутити?
А, свѣты, золоты ширинки,
Лѣсы ли вами дарити?
А, свѣты, яхонтны серёжки,
На сучье ли васъ задѣвати —
Послѣ царскаго нашего житья,
Послѣ батюшкова преставленья,
А свѣта Бориса Годунова?...

А что ѣдетъ къ Москвѣ разстрига,
Да хочетъ теремы ломати,
Меня хочетъ, царевну, поимати,
А на Устюжну на Желѣзную отослати:
Меня хочетъ, царевну, постричи,
А въ рѣшетчатый садъ засадити...
Ино, охти-мнѣ горевати:
Какъ мнѣ въ темну келью ступити,
У игуменеи благословиться!»

(Записано въ 1619 году для Англичанина Джемса, бывшаго тогда въ Россіи.)

ОКРУЖНАЯ ГРАММАТА МОСКОВСКИХЪ ЛЮДЕЙ КЪ РУССКИМЪ ГОРОДАМЪ И ЗЕМСТВУ, СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ: 1, — ВОЗЗВАНІЯ ИЗЪ-ПОДЪ СМОЛЕНСКА И 2, — ОТПИСКИ ПРОКОФІЯ ЛЯПУНОВА О ВСЕОБЩЕМЪ ОПОЛЧЕНІИ НА ПОЛЯКОВЪ.

(1611 годъ.)

Пишемъ мы къ вамъ, православнымъ хрестьяномъ, общимъ всѣмъ народомъ Московскаго государьства, господамъ братьямъ своимъ, православнымъ хрестьяномъ. — Пишутъ къ намъ братья наша, раззоренные плѣнные, которые отцовъ, матерей, и женъ, и дѣтей своихъ оставшихъ, въ послѣднее оскудѣнье дошедщихъ и неимущихъ гдѣ главы подклонити, какъ намъ, всему хрестьянскому народу Московскому, такъ и вамъ — ни чего для, токмо для единаго Бога всемогущаго — видячи въ конецъ погибели пришедшихъ всѣхъ насъ, — утвердить совѣтъ: ка̀къ намъ, всѣмъ православнымъ хрестьяномъ останку, не погибнути ото враговъ всего православнаго хрестьянства, Литовскихъ людей. Что къ намъ писали братья наша, и мы тое грамотку къ вамъ послали, и вы, увѣдѣвше, станете разумѣти неисцѣльную язву, Богопопустнымъ гнѣвомъ праведнымъ за наше согрѣшеніе, которую погибель видячи надъ собою, намъ извѣщаютъ. И мы не слухомъ слышимъ: до самихъ насъ на Москвѣ видѣніемъ конечная погибель приходитъ. Для Бога, судьи живымъ и мертвымъ, не презрите бѣднаго и слезнаго нашего рыданія: будьте съ нами обще, заодно, противъ враговъ нашихъ и вашихъ общихъ. Помяните одно: только коренью основанье крѣпко, то и древо неподвижно; только коренья не будетъ, — къ чему прилѣпиться? Здѣсь — образъ Божія Матери, вѣчныя заступницы хрестьянскія, Богородицы, её же Евангелистъ Лука написалъ, — и великіе свѣтильники и хранители, Петръ и Алексѣй, Іона чудотворцы. Или вамъ, православнымъ хрестьяномъ, то ни во что жь поставить? — се же и глаголати, и писати страшно! Только, того ради, не будете съ нами обще страдати, елико сила, елико милосердый Богъ помощи подастъ, и Богородица, и великіе чудотворцы помощь свою дадутъ: никто не мни и не вѣруй никоторому блазненному и льстивому слову, чтобъ пощаженымъ быти. Писали къ намъ истину братья наша, и нынѣча мы сами видимъ вѣрѣ хрестьянской

перемѣненіе въ латынство и церквамъ Божьимъ раззоренье; — а о своихъ головахъ что̀ и писати вамъ много? Сами правду вѣдаете, что̀ въ тѣхъ во всѣхъ городѣхъ сдѣлалось, гдѣ Литовскіе люди владѣютъ святыми церквами и надъ иконами о̀браза Божья: — не вездѣ ли раззорено и поругано? А вы ни единъ того мните, что надъ вами будетъ тоже. А чтобъ всѣмъ вамъ подлинно и достатно вѣдати вся нашедшая пагуба на все Московское государьство, на вѣру хрестьянскую раззоренье и людемъ на погубленіе — отъ немногихъ людей, предателей хрестьянскихъ, которые нынѣ на то стали, что безъ-останка до-конца раззорити православная вѣра и — безъ вѣсти сотворити: таково дѣлается отъ нихъ на Москвѣ. Пощадите насъ, бѣдныхъ, къ концу погибели пришедшихъ душами и головами; станьте съ нами обще противъ враговъ креста Христова, аще общаго нашего моленья услышитъ милосердый Богъ и дастъ намъ по̀мочь. И вамъ бы однолично, для всемилостиваго Бога, на него жь имѣемъ надежду, чтобъ послати вамъ грамоту тое, что писано къ вамъ отъ братьи нашей изъ-подъ Смоленска, и сю нашу грамоту, и свой совѣтъ отпишите во всѣ городы, чтобъ было вѣдомо смертная наша погибель конечная. Повѣрьте тому нашему письму: ей, поистинѣ, немногіе вслѣдъ идутъ съ предатели хрестьянскими, съ Михайломъ Салтыковымъ да съ Ѳедоромъ Ондроновымъ, съ своими совѣтники! А у насъ, православныхъ хрестьянъ, вначалѣ Божія милости и Пречистыя Богородицы, и Московскихъ чудотворцовъ, да первопрестольникъ апостольныя церкви святѣйшій Ермогенъ патріархъ прямъ, яко самъ пастырь, душу свою за вѣру хрестьянскую полагаетъ несумѣнно, а ему всѣ хрестьяне православные послѣдуютъ, лише неявственно стоятъ. И вамъ бы не презрѣти, ни восхотѣти видѣти поруганну образу Пречистыя Богородицы иконы Владимерскія, и великихъ Московскихъ чудотворцовъ, и насъ — братій своихъ, православныхъ хрестьянъ, не видѣти быти посѣченнымъ и въ плѣнъ разведеннымъ въ латынство.

I.

Господамъ братьямъ нашимъ всего Московскаго государьства. — Братія есми и сродницы, понеже отъ святыя купели святымъ крещеніемъ породихомся и обѣщахомся вѣровати во святую и единосущную Троицу, Богу живу, истинну. Вси православніи хрестьяне! вѣдомо вамъ смертная наша погибель, какъ мы и вы дались, безъ всякаго противленія, Литовскимъ людемъ — во своихъ городѣхъ и въ уѣздѣхъ, и принесли есмя свои головы и животы къ нимъ, для избавленія душъ своихъ, чтобъ не отбыть православнаго хрестьянства въ латынство, и въ конечной погибели, и въ посѣченьѣ, и во плѣненьѣ разведеннымъ не быть; и мы всѣ, изо всѣхъ городовъ и изъ уѣздовъ, безъ останка и безъ всякого

пощаженья — погибли, и не малыя милости и пощаженья не нашли. Во всѣхъ городѣхъ и въ уѣздѣхъ, гдѣ завладѣли Литовскіе люди, не поругана-ли наша хрестьянская вѣра, и не раззорены-ли Божія церкви, не сокрушены-ли и поруганы, злымъ поруганьемъ и укоризною, божественныя иконы и Божіи образы? — Все то зрятъ очи наши. — Гдѣ наши головы, гдѣ жены, и дѣти, и братья, и сродницы, и друзи? Не остались-ли есмя отъ тысящи десятый, или ото ста — единъ, токмо единою душею и единымъ тѣломъ? И та вся нашедшая намъ смертная наша погибель невѣдомо вамъ: — пришли есмя изъ своихъ раззоренныхъ городовъ и изъ уѣздовъ къ королю въ обозъ, подъ Смоленескъ, и живемъ туто не мало: иной больше году живетъ, иной мало не годъ, чтобъ намъ выкупити отъ плѣну, изъ латынства и отъ горькія смертныя работы, бѣдныхъ своихъ матерей, и женъ, и дѣтей... И никто не смилуется, и никто не пощадитъ... А многіе изъ насъ ходили въ Литву, въ Польшу, для своихъ матерей, и женъ, и дѣтей, — и тѣ свои головы потеряли. И собрано было Христовымъ именемъ окупъ, и то всё разграбили... И никто, ни единъ человѣкъ, отъ всѣхъ Литовскихъ людей, надъ бѣдными надъ плѣнными людьми, надъ православными хрестьяны и беззлобивыми младенцы не смилуется, и вси порабощены смертною работою, и въ латынство отдашеся. — Восплачемся предъ Господомъ, сотворшимъ насъ, аще пощадитъ и аще помилуетъ, аще отовратитъ отъ насъ свой праведный гнѣвъ, нанесенный намъ по праведному суду. Онъ есть Царь царьствующимъ и Господь господьствующимъ.... Не ото многихъ бо предателей хрестьянскихъ вся земля погибла, которые нашу хрестьянскую вѣру въ раззоренье и всѣмъ хрестьяномъ погибель, для своего ненасытнаго грабленья, свое учетно діяволомъ предательство совершити хотя къ погибели хрестьянской. И нынѣшняго году, за два дни предъ Рождествомъ Христовымъ, писали съ Москвы къ королю — Михайло Салтыковъ, да Ѳедоръ Ондроновъ, да князь Василей Мосальской *), и съ своими совѣтниками, что вора убили, которой назывался царевичемъ Дмитреемъ. И въ то время, на Москвѣ, Русскіе люди возрадовалися, и стали межь себя говорить: какъ-бы де во всей землѣ всѣмъ людемъ соединятись и стати противъ Литовскихъ людей, чтобъ Литовскіе люди изо всее земли Московскія вышли всѣ до-одного, на чемъ крестъ цѣловали. И послѣ того, послѣ Рождества Христова на пятой недѣлѣ, въ субботу, писали съ Москвы Ѳедоръ же Ондроновъ да Михайло Салтыковъ съ товарищи, что на Москвѣ патріархъ призываетъ къ себѣ всякихъ людей явно и говоритъ о томъ: — «будетъ королевичь не крестится въ Хрестьянскую вѣру, и не выйдутъ изъ Московскія земли всѣ Литовскіе люди, — и королевичь де намъ не государь»; — такія де свои

*) Державшіе сторону Польскаго короля. *Щ.*

перемѣненіе въ латынство и церквамъ Божьимъ раззоренье; — а о своихъ головахъ что̀ и писати вамъ много? Сами правду вѣдаете, что̀ въ тѣхъ во всѣхъ городѣхъ сдѣлалось, гдѣ Литовскіе люди владѣютъ святыми церквами и надъ иконами образа Божья: — не вездѣ ли раззорено и поругано? А вы ни единъ того мните, что надъ вами будетъ тоже. А чтобъ всѣмъ вамъ подлинно и достатно вѣдати вся нашедшая пагуба на все Московское государьство, на вѣру хрестьянскую раззоренье и людемъ на погубленіе — отъ немногихъ людей, предателей хрестьянскихъ, которые нынѣ на то стали, что безъ-останка до-конца раззорити православная вѣра и — безъ вѣсти сотворити: таково дѣлается отъ нихъ на Москвѣ. Пощадите насъ, бѣдныхъ, къ концу погибели пришедшихъ душами и головами; станьте съ нами обще противъ враговъ креста Христова, аще общаго нашего моленья услышитъ милосердый Богъ и дастъ намъ по̀мочь. И вамъ бы однолично, для всемилостиваго Бога, на него жь имѣемъ надежду, чтобъ послати вамъ грамоту тое, что писано къ вамъ отъ братьи нашей изъ-подъ Смоленска, и сю нашу грамоту, и свой совѣтъ отпишите во всѣ городы, чтобъ было вѣдомо смертная наша погибель конечная. Повѣрьте тому нашему письму: ей, поистинѣ, немногіе вслѣдъ идутъ съ предатели хрестьянскими, съ Михайломъ Салтыковымъ да съ Ѳедоромъ Ондроновымъ, съ своими совѣтники! А у насъ, православныхъ хрестьянъ, вначалѣ Божія милости и Пречистыя Богородицы, и Московскихъ чудотворцовъ, да первопрестольникъ апостольныя церкви святѣйшій Ермогенъ патріархъ прямъ, яко самъ пастырь, душу свою за вѣру хрестьянскую полагаетъ несумѣнно, а ему всѣ хрестьяне православные послѣдуютъ, лише неявственно стоятъ. И вамъ бы не презрѣти, ни восхотѣти видѣти поруганну образу Пречистыя Богородицы иконы Владимерскія, и великихъ Московскихъ чудотворцовъ, и насъ — братій своихъ, православныхъ хрестьянъ, не видѣти быти посѣченнымъ и въ плѣнъ разведеннымъ въ латынство.

I.

Господамъ братьямъ нашимъ всего Московскаго государьства. — Братія есми и сродницы, понеже отъ святыя купели святымъ крещеніемъ породихомся и обѣщахомся вѣровати во святую и единосущную Троицу, Богу живу, истинну. Вси православніи хрестьяне! вѣдомо вамъ смертная наша погибель, какъ мы и вы дались, безъ всякаго противленія, Литовскимъ людемъ — во своихъ городѣхъ и въ уѣздѣхъ, и принесли есмя свои головы и животы къ нимъ, для избавленія душъ своихъ, чтобъ не отбыть православнаго хрестьянства въ латынство, и въ конечной погибели, и въ посѣченьѣ, и во плѣненьѣ разведеннымъ не быть; и мы всѣ, изо всѣхъ городовъ и изъ уѣздовъ, безъ останка и безъ всякого

пощаженья — погибли, и не малыя милости и пощаженья не нашли. Во всѣхъ городѣхъ и въ уѣздѣхъ, гдѣ завладѣли Литовскіе люди, не поругана-ли наша хрестьянская вѣра, и не раззорены-ли Божія церкви, не сокрушены-ли и поруганы, злымъ поруганьемъ и укоризною, божественныя иконы и Божіи образы? — Все то зрятъ очи наши. — Гдѣ наши головы, гдѣ жены, и дѣти, и братья, и сродницы, и друзи? Не остались-ли есмя отъ тысящи десятый, или ото ста — единъ, токмо единою душею и единымъ тѣломъ? И та вся нашедшая намъ смертная наша погибель невѣдомо вамъ: — пришли есмя изъ своихъ раззоренныхъ городовъ и изъ уѣздовъ къ королю въ обозъ, подъ Смоленескъ, и живемъ туто не мало: иной больше году живетъ, иной мало не годъ, чтобъ намъ выкупити отъ плѣну, изъ латынства и отъ горькія смертныя работы, бѣдныхъ своихъ матерей, и женъ, и дѣтей... И никто не смилуется, и никто не пощадитъ... А многіе изъ насъ ходили въ Литву, въ Польшу, для своихъ матерей, и женъ, и дѣтей, — и тѣ свои головы потеряли. И собрано было Христовымъ именемъ окупъ, и то всё разграбили... И никто, ни единъ человѣкъ, отъ всѣхъ Литовскихъ людей, надъ бѣдными надъ плѣнными людьми, надъ православными хрестьяны и беззлобивыми младенцы не смилуется, и вси порабощены смертною работою, и въ латынство отдашеся. — Восплачемся предъ Господомъ, сотворшимъ насъ, аще пощадитъ и аще помилуетъ, аще отовратитъ отъ насъ свой праведный гнѣвъ, нанесенный намъ по праведному суду. Онъ есть Царь царьствующимъ и Господь господьствующимъ.... Не ото многихъ бо предателей хрестьянскихъ вся земля погибла, которые нашу хрестьянскую вѣру въ раззоренье и всѣмъ хрестьяномъ погибель, для своего ненасытнаго грабленья, свое учетно діяволомъ предательство совершити хотя къ погибели хрестьянской. И нынѣшняго году, за два дни предъ Рождествомъ Христовымъ, писали съ Москвы къ королю — Михайло Салтыковъ, да Ѳедоръ Ондроновъ, да князь Василей Мосальской *), и съ своими совѣтниками, что вора убили, которой назывался царевичемъ Дмитреемъ. И въ то время, на Москвѣ, Русскіе люди возрадовалися, и стали межь себя говорить: какъ-бы де во всей землѣ всѣмъ людемъ соединятись и стати противъ Литовскихъ людей, чтобъ Литовскіе люди изо всее земли Московскія вышли всѣ до-одного, на чемъ крестъ цѣловали. И послѣ того, послѣ Рождества Христова на пятой недѣлѣ, въ субботу, писали съ Москвы Ѳедоръ же Ондроновъ да Михайло Салтыковъ съ товарищи, что на Москвѣ патріархъ призываетъ къ себѣ всякихъ людей явно и говоритъ о томъ: — «будетъ королевичь не крестится въ Хрестьянскую вѣру, и не выйдутъ изъ Московскія земли всѣ Литовскіе люди, — и королевичь де намъ не государь»; — такія де свои

*) Державшіе сторону Польскаго короля. *Щ.*

словеса патріархъ и въ грамотахъ своихъ отъ себя писалъ во многіе городы; а Москвичи-де посадскіе всякіе люди, лучшіе и мелкіе, всѣ принялися и хотятъ стоять. — А тѣ предатели пишутъ къ королю, съ великимъ своимъ моленіемъ, что «далъ ему Богъ, ихъ службою, Москву, и ему бъ Москвы не потеряти: только де не прійдти самому королю со многими людьми къ Москвѣ, и не вывести съ Москвы лучшихъ людей, и Московскою-де землею не владѣти». — Если которые еще хотятъ въ Православной хрестьянской вѣрѣ скончатись, — начните таковому дѣлу душами своими и головами; чтобъ быти всѣмъ хрестьяномъ обще всѣмъ въ соединеньи, оставьте свой страхъ: или которымъ милосердіемъ и ласкою прельщаютъ, — и все ли чаете жити въ миру и въ покоѣ? Мы не противились, и животы свои всѣ принесли, — всѣ погибли, и въ вѣчную работу, и въ латынство пошли. Васъ же, всѣхъ Московскихъ людей, Литовскіе люди зовутъ собѣ противниками и врагами собѣ: — какую хотите милость и пощаду собѣ найти? Не будете только нынѣ въ соединеніи обще со всею землею, — горько будетъ плакати и рыдати неутѣшимымъ вѣчнымъ плачемъ; перемѣнена будетъ Вѣра Хрестьянская въ Латынство и раззорятся Божественныя церкви со всею лѣпотою, и убьенъ будетъ лютою смертью родъ вашъ хрестьянской: поработятъ, и осквернятъ, и розведутъ въ полонъ матерей, и женъ, и дѣтей вашихъ... Какимъ словомъ клятвеннымъ вѣрити: — что обѣщеваютъ вамъ все сладкое и лутчее Михайло Салтыковъ да Ѳедоръ Ондроновъ съ своими совѣтники?... И потому, знаете ли — не предатели ли своей вѣрѣ и землѣ? Польскіе и Литовскіе люди дали вамъ вѣру крестнымъ цѣлованьемъ всей землѣ Московской, — а что̀ на ихъ вѣрѣ вправду устояло? Не помните того и не смышляйте никоторыми дѣлы, что быть у насъ на Москвѣ королевичу государемъ: первое за то, что видятъ на Москвѣ надъ лутчими людьми непостоянство во всемъ — крестопреступленіемъ, да за то, что всѣ люди въ Польшѣ и въ Литвѣ никако того не поступятся, что дати королевича на Московское государьство мимо своего государьства; много о томъ было у Литвы на соймищѣ думы со всею землею, да и положено на томъ, чтобъ вывесть лутчихъ людей, и опустошить всю землю, и владѣти всею землею Московскою. Здѣ мы немало время живемъ и подлинно про то вѣдаемъ, для того и пишемъ къ вамъ. Для Бога, положите о томъ крѣпкій совѣтъ межь собя: пошлите въ Новгородъ и на Вологду, и въ Нижней нашу грамотку, списавъ, и свой совѣтъ къ нимъ отпишите, чтобъ всѣмъ было вѣдомо, всею землею обще стали за Православную хрестьянскую вѣру, покамѣста еще свободны, а не въ работѣ и въ плѣнъ не разведены. А то вы сами вѣдаете, что дѣлается въ Смоленскѣ: — не на Божію-ли помощь надѣятся? Стали за Православную хрестьянскую вѣру, и сѣдятъ крѣпко и несумѣнно, и милосердый Богъ, и пречистая Богородица не заступаетъ ли ихъ? И

послали есмя къ вамъ товарищевъ своихъ, а имянъ ихъ не написали, страха ради смертнаго; а будетъ мы вамъ, братьямъ своимъ, православнымъ хрестьяномъ, что ложно и непрямо писали про все для Православныя хрестьянскія вѣры, то свидѣтель Богъ въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ: все истинная правда написана, — можете ото всѣхъ людей Русскихъ то увѣдати.

2.

Въ преименитый Новгородъ-Нижній, священнаго причета архимаритомъ, и игуменомъ, и протопопомъ, и всему освященному собору, и государственнаго жь сана господамъ воеводамъ, и дьякомъ, и дворяномъ, и дѣтемъ боярскимъ Нижняго-Новагорода, и розныхъ городовъ и Нижняго-Новагорода головамъ Литовскимъ, и стрѣлецкимъ, и казачьимъ, и Литвѣ, и Нѣмцомъ, и земскимъ старостамъ, и цѣловальникомъ [1]), и всѣмъ посадскимъ людемъ, и пушкаремъ, и стрѣльцомъ, и казакомъ, и разныхъ городовъ всякимъ людемъ, обитающимъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, всему христоименитому народу — Прокофей Ляпуновъ [2]), и дворяне, и дѣти боярскіе, и всякіе служилые люди, и торговые, и черные Рязанскія области, челомъ бьютъ. — Генваря, господа̀, въ 24 день, писали вы къ намъ съ сыномъ боярскимъ, съ Иваномъ Оникіевымъ, что генваря жь въ 12-ый день пріѣхали съ Москвы къ вамъ въ Нижней — сынъ боярской Романъ Пахомовъ да посадской человѣкъ Родіонъ Мосѣевъ, которые посланы были отъ васъ къ Москвѣ, ко святѣйшему Ермогену, патріарху Московскому и всеа Русіи, и ко всей земли, съ отписками и для подлинныхъ вѣстей. А въ роспросѣ, господа, вамъ сказывали, что приказывалъ съ ними въ Нижней къ вамъ святѣйшій Ермогенъ, патріархъ Московскій и всеа Русіи, рѣчью: а письма̀, господа, къ вамъ не привезли, что де у него писати некому, діяки, и подьячіе, и всякіе дворовые люди поиманы, а дворъ его весь разграбленъ. Да вы жь, господа, прислали къ намъ на Рязань цѣловальную запись, по которой записи вы межь собою крестъ цѣловали и съ Балахонци: и намъ бы, господа, памятуя Бога, и пречистую Богородицу, и Московскихъ чудотворцевъ, по той записи такожь крестъ цѣловати и съ вами стати за Московское Государство за-одинъ; а вы, господа, по благословенью святѣйшаго Ермогена, патріарха Московскаго и всеа Русіи, и по совѣту всей земли, идете изъ Нижнего къ Москвѣ въ тотъ часъ, и намъ бы прислати къ вамъ въ Нижней всякихъ чиновъ добрыхъ людей для совѣту, и

---

[1]) *Цѣловальники* — присяжные люди, целовавшіе, въ своей присягѣ, крестъ на вѣрность служенія правительству или обществу — при поступленіи въ какую-либо должность.

[2]) *Прокофій Петровичъ Ляпуновъ* — воевода *Рязанскаго* ополченія, стоявшій крѣпко за Русскую землю, и вскорѣ погибшій чрезъ козни враговъ. *Щ.*

съ ними отписати — гдѣ намъ съ вами сходиться ..... А Володимеръ, господа, и иные городы съ нами одномышленны-жь: хотятъ за вѣру всѣ помереть. — И мы, господа, послали къ вамъ, о всякомъ договорѣ и о добромъ совѣтѣ, стряпчего Ивана Ивановича Биркина да дьяка Степана Пустошкина, съ дворяны, и всякихъ чиновъ людей. И вамъ бы, господа, прося у Бога милости, въ тотъ часъ итти со всѣми людьми къ царствующему граду Москвѣ — на раззорителей вѣры Хрестьянской, на Польскихъ и на Литовскихъ людей, на Володимеръ или вамъ на которые городы податнѣе; а къ намъ тотчасъ отписати, и мы со всѣми людьми и съ Понизовою силою, которые нынѣ стоятъ подъ Шацкимъ, пойдемъ на Коломну, а съ Тулы — Иванъ Заруцкой, а изъ Калуги бояромъ велимъ итти прямо къ Москвѣ, чтобъ намъ къ царствующему граду къ Москвѣ притти всѣмъ въ одинъ день. Да и во всѣ, господа, Понизовскіе городы, и Поморскіе, и къ Ондрею Просовецкому [1]) велите отписати, чтобъ они всѣ шли къ царствующему граду къ Москвѣ наспѣхъ, къ намъ же въ-сходъ; а мы, господа, къ нимъ о томъ писали жь. Да пришлите, господа, къ намъ съ тѣми, которыхъ къ намъ пошлете, пороху и свинцу пудовъ съ десять и съ двадцать, будетъ есть; а у насъ, господа, и здѣсь пороху мало, а съ Москвы, господа, къ намъ пороху не присылывали; а нынѣ, господа, на Москвѣ порохъ у торговыхъ людей въ лавкахъ весь поимали и ввезли въ Кремль городъ, и всякіе бои у всѣхъ людей поимали, и купити пороху промыслить не мочно. Да и на Вологду, господа, и въ иные Поморскіе городы отпишите, чтобъ, пошедъ къ намъ въ-сходъ, воеводы имали пороху и свинцу немало; а здѣсь, господа, въ Украйныхъ городѣхъ пороху оскудѣло. И на Коломнѣ, господа, воруетъ [2]) Василій Сунинъ, потому-что онъ былъ подъ Смоленскимъ у короля, и крестъ королю цѣловалъ, и король ему далъ совсѣмъ Коломну въ путь; [3]) а Коломенскіе, господа, дворяне, и дѣти боярскіе, и черные люди съ нами въ одной мысли.

Народная пѣсня о Прокопѣ Ляпуновѣ.

Какъ было то у насъ на святой Руси,
На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
Было время военное, времячко мятежное,
Заполонила-то Москву погана Литва,

---

[1]) *Заруцкій* и *Просовецкій* — казачьи атаманы.

[2]) *Воровать*, по старинной Русской рѣчи, значило вообще поступать противузаконно. *Воровствомъ* называлось всякое преступленіе.

[3]) *Въ-путь* — въ вѣдомство, въ управленіе и въ доходы отъ того. *Щ.*

Погана Литва, проклята Польска сторона.
Ужь одинъ то бояринъ, думный воеводушка, крѣпко вѣру защищалъ,
Крѣпко вѣру защищалъ, измѣнниковъ оттонялъ:
Ужъ какъ думный воевода былъ Прокофій Ляпуновъ.
Какъ Прокофій-то Петровичъ разослалъ своихъ гонцовъ,
Какъ Прокофій Ляпуновъ роздалъ письмы гонцамъ,
Роздалъ письмы гонцамъ, и приказъ имъ приказалъ:
«Поѣзжайте вы, гонцы, на всѣ Русскіе концы,
«На всѣ Русскіе концы, во большіе города!
«Вы просите воеводъ идти съ войскомъ сюда,
«Свободить городъ Москву, защищать вѣру Христа».
Какъ узналъ-то Жигимонтъ [1]) отъ своихъ измѣнниковъ бояръ,
Что разослалъ-то Ляпуновъ гонцовъ въ города,
Гонцовъ въ города, проситъ воеводъ съ войскомъ сюда.
Разсердился, распалился нечестивый Жигимонтъ;
Распалившись, велѣлъ воеводушку убить,
Того-ли воеводу Прокофья Ляпунова.
И убили злы измѣнники воеводушку!..
Какъ и двинулись думны воеводы со большихъ городовъ:
Всѣ большіе города — Казань, Нижній — пришли съ войскомъ сюда,
Какъ и начали Русаки погану Литву колоть-рубить, —
Удушили всё нечестивое племя, изъ Москвы повыгнали.

Народная пѣсня про князя Михайлу Скопина-Шуйскаго [2]).

(1610 года.)

Какъ бы во сто-двадцать-седьмомъ году,
Въ седьмомъ году, въ осьмой тысячи,
А и дѣялось, учинилося:
Кругомъ сильна царства Московскаго
Литва облегла со всѣ четыре стороны,
А и съ нею сила, Сорочина долгополая,
И тѣ Черкесы Пятигорскіе,
Еще ли Калмыки съ Татарами,
Со Татарами, со Башкирцами,
Еще Чукши со Люторами.

---

[1]) *Сигизмундъ,* король Польскій.

[2]) Молодой *Скопинъ* — племянникъ царя Василія Шуйскаго, Московскій воевода, имѣя помощниками себѣ Шведовъ, счастливо воевалъ съ Поляками и полчищами второго Самозванца, и вездѣ разбивалъ ихъ. На немъ покоилась вся надежда и любовь народная, но онъ былъ, какъ говорили, отравленъ на пиру, изъ зависти и опасеній, женой своего родственника Димитрія Шуйскаго. *Щ.*

Какъ были припасы многіе,
А и царскіе и княженецкіе,
Боярскіе и дворянскіе:
А нельзя ни пройдти, ни проѣхати
Ни конному, ни пѣшему,
И ни соколомъ вонъ вылетѣти
А изъ сильна царства Московскаго
И великаго государства Россійскаго.
А Скопинъ, князь Михайло Васильевичъ —
Онъ правитель царству Московскому,
Оберегатель міру крещеному
И всей нашей земли свѣтло-Русскія.
Что ясенъ соколъ вонъ вылетывалъ,
Какъ-бы бѣлый кречетъ вонъ выпархивалъ,
Выѣзжалъ воевода Московскій, князь Скопинъ,
Князь Михайло Васильевичъ, —
Онъ походъ чинилъ ко Новугороду.
Какъ и будетъ Скопинъ во Новѣградѣ,
Пріѣзжалъ онъ, Скопинъ, на съѣзжій дворъ,
Входилъ во избу во съѣзжую,
Садился Скопинъ на ременчатъ стулъ,
А и беретъ чернилицу золотую,
А и въ ней-то перо лебединое,
И беретъ онъ бумагу бѣлую,
Писалъ ярлыки скорописчаты
Во Свицкую землю, заморскую,
Ко любимому брату названому,
Ко Свицкому королю Карлусу, —
А отъ мудрости слово поставлено:
«А и гой еси, названый братъ,
А ты, Свицкой король Карлусъ!
А и смилуйся, смилосердуйся,
Смилосердуйся, покажи милость,
А и дай мнѣ силы на-подмочь...
Наше сильно царство Московское
Литва облегла со всѣ четыре стороны,
Приступила Сорочина долгополая,
А и тѣ Черкесы Пятигорскіе,
А и тѣ Калмыки со Башкирцами,
А и тѣ Чукши съ Люторами, —
И не можемъ мы съ ними управиться:
Я закладываю три города Русскіе».
А съ ярлыкомъ послалъ гонца скораго,
Своего любимаго шурина
А того Ивана Ивановича.
Какъ и будетъ гонецъ въ Свицкой землѣ,

У честна короля, честного Карлуса, —
Онъ въѣзжаетъ прямо на королевскій дворъ,
А ко Свицкому королю Карлусу.
Середи двора королевскаго
Соскочилъ гонецъ со добра коня,
Вязалъ коня къ дубову столбу,
Суму подхватилъ, самъ во палаты идетъ.
Ни за чѣмъ гонецъ не замѣшкался,
Приходитъ во палату бѣлокаменну,
Расковыривалъ суму, вынималъ ярлыки:
Онъ кладетъ королю на круглой столъ.
Принимавши, король распечатываетъ,
Распечаталъ, самъ просматриваетъ,
И печальное слово повыговорилъ, —
Отъ мудрости слово поставлено: —
Отъ любимаго брата названаго,
Скопина, Князя Михайлы Васильевича, —
Какъ проситъ силы на-подмочь,
Закладываетъ три города Русскіе.—
А честной король, честной Карлусъ
Показалъ ему милость великую,
Отправляетъ силы со трехъ земель:
А и первыя силы-то Свицкія,
А другія силы Саксонскія,
А третія силы Шиольскія, —
Того ратнаго люду ученаго
А немного-немало — сорокъ тысячей.
Прибыла сила ко Новугороду,
Изъ Новагорода въ каменну Москву, —
У ясна сокола крылья отросли,
У Скопина Князя думушки прибыло.
А по-утру, рано-ранёшенько,
Въ соборѣ Скопинъ онъ заутреню отслужилъ,
Отслужилъ, самъ въ походъ пошелъ,
Подымавши знаменье царское,
А на знаменьи написано
Чуденъ Спасъ со Пречистою,
На другой сторонѣ было написано
Михайло и Гаврило Архангелы,
Еще вся туто сила небесная.
Въ восточную сторону походомъ пошли,
Они вырубили Чудь бѣлоглазую,
И ту Сорочину долгополую;
Въ полуденную сторону походомъ пошли,
Прекрошили Черкесъ Пятигорскіихъ, —
А не много дрались, скоро сами сдались, —

Еще нонѣ тутъ Малороссія;
А на сѣверну сторону походомъ пошли,
Прирубили Калмыковъ со Башкирцами,
А на западну сторону и въ ночы пошли,
Прирубили Чукши со Люторами.
А кому будетъ Божья помочь?
Скопину Князю Михайлѣ Васильевичу.
Онъ очистилъ царство Московское
И велико государство Россійское.
На великихъ тѣхъ на радостяхъ
Служили обѣдни съ молебнами,
И кругомъ города ходили въ каменной Москвѣ,
Отслуживши обѣдни съ молебнами
И всю литургію великую,
На великихъ на радостяхъ пиръ пошелъ,
А пиръ пошелъ и великій столъ
Про Скопина князя Михайлу Васильевича
Про весь православной міръ, —
И велику славу до-вѣку поютъ
Скопину, князю Михайлѣ Васильевичу.
Какъ бы малое время замѣшкавши
А во той же славной каменной Москвѣ,
У того ли было князя Воротынскаго,
Крестили младаго княжевича,
А Скопинъ, князь Михайло, кумомъ былъ,
А кума была дочь Малютина,
Того Малюты Скуратова.
У того-то князя Воротынскаго
Какъ будетъ и почетный столъ,
Туто было много князей, и бояръ, и званыхъ гостей.
Будетъ пиръ во полу-пирѣ,
Княженецкой столъ во полу-столѣ, —
Какъ пьяненьки тутъ расхвастались:
Сильный хвастаетъ силою,
Богатый хвастаетъ богатествомъ...
Скопинъ князь Михайло Васильевичъ —
А и не пилъ онъ зелена вина,
Только одно пиво пилъ, сладкій медъ...
Не съ большого хмѣлю онъ похвастается:
«А вы, глупый народъ, неразумные!
А всѣ вы похваляетесь бездѣлицей...
Я, Скопинъ Михайло Васильевичъ,
Могу, князь, похвалитися,
Что очистилъ царство Московское
И велико государство Россійское;
Еще ли мнѣ славу поютъ до-вѣку,

Отъ стараго до малаго,
Отъ малаго до выше моего!
А и тутъ боярамъ на-бѣду стало,
Въ тотъ часъ они дѣло сдѣлали;
Поддернули зелья лютаго,
Подсыпали въ стаканъ, въ меды сладкіе,
Подавали куме его крестовой,
Малютиной дочери Скуратовой.
Она, знавши, кума его крестовая,
Подносила стаканъ меду сладкаго
Скопину, князю Михайлѣ Васильевичу.
Принимаетъ Скопинъ, не отпирается,
Онъ выпилъ стаканъ меду сладкаго,
А самъ говорилъ таково слово:
«Услышалъ во утробѣ неловко добрѣ!...
А и ты съѣла меня, кума крестовая,
Малютина дочь Скуратова:
А зазнаючи мнѣ со зельемъ стаканъ подала, —
Съѣла ты меня, змѣя подколодная!»
Голова съ плечъ покатилася, —
Онъ и тутъ, Скопинъ, скоро со пиру пошелъ.
Онъ садился, Скопинъ, на добра коня,
Побѣжалъ къ родимой матушкѣ,
А только успѣлъ съ нею проститися;
А матушка ему пенять стала:
«Гой еси, мое чадо милое,
Скопинъ, князь Михайло Васильевичъ!
Я тебѣ приказывала,
Не велѣла ѣздить ко князю Воротынскому,
А и ты меня не послушался...
Лишила тебя свѣту бѣлаго
Кума твоя крестовая,
Малютина дочь Скуратова!»
Онъ къ вечеру, Скопинъ, и преставился...
То старина, то и дѣянье, —
Какъ бы синему морю на утишенье,
А быстрымъ рѣкамъ слава до моря:
Какъ бы добрымъ людямъ на послушанье,
Молодымъ молодцамъ на перениманье,
Еще намъ, веселымъ молодцамъ, на потѣшенье,
Сидючи въ бесѣдѣ смиренныя,
Испиваючи медъ, зелено вино...
Гдѣ-ко пиво пьемъ, тутъ и честь воздаемъ
Тому боярину великому
И хозяину своему ласкову.

ОТПИСКА ПЕРМИЧЕЙ КАЗАНЦАМЪ

о клятвенномъ обѣщаніи всего Пермскаго народа — содѣйствовать обороне Православной Вѣры и Государства отъ Поляковъ, и объ отправленіи ратныхъ людей подъ Москву.

(1611 года, іюня 23.)

Господамъ, Василью Петровичу, Никонору Михайловичу, Степану Яковлевичу, и головамъ, и дворянамъ, и дѣтямъ боярскимъ, и сотникомъ стрѣлецкимъ, и стрѣльцомъ, и пушкаремъ, и затинщикомъ, и всякимъ служилымъ и жилецкимъ людемъ Казанскаго государьства, Иванъ Чемодановъ да Пятой Филатовъ, и Пермьскія землѝ старосты, и цѣловальники, и посадскіе, и уѣздные лутчіе, и середніе, и молодчіе, и всякіе жилецкіе люди, челомъ бьютъ. — Въ нынѣшнемъ, господа̀, въ 119 году *) іюня въ 12 день, писали вы къ намъ, въ Пермь Великую, съ Казанцомъ, съ посадскимъ человѣкомъ, съ Ортемьемъ Максимовымъ да съ Пермитиномъ съ Михайломъ Дементьевымъ, что въ нынѣшнемъ во 119 году, апрѣля въ 28 день, пріѣхали къ вамъ, въ Казань, изъ Володимера, князь Иванъ Семеновичъ Путятинъ, да изъ Ярославля Костянтинъ Никитичъ Львовъ, да посадской человѣкъ Богданъ Захарьевъ, съ грамотами; а грамоты съ ними изъ Володимеря, изъ Ярославля и съ Костромы; да маія въ 1-ый день пріѣхали къ вамъ, въ Казань, изъ полковъ, изъ-подъ Москвы, отъ бояръ и отъ воеводъ, и ото всее земли, съ грамотами, Казанцы, дѣти боярскіе, Воинъ Левашевъ да Семенъ Пелепелицынъ. А въ грамотахъ во всѣхъ, изъ-подъ Москвы, изъ полковъ и изъ городовъ, пишутъ, чтобъ вамъ быти со всею землею въ любви, и въ совѣтѣ, и въ соединеніи, и, собравъ бы вамъ Казанскихъ ратныхъ людей, итти подъ Москву, въ-сходъ, къ боярамъ и ко всей земли, очищати Московское государьство отъ враговъ, раззорителей вѣры Хрестьянскія, отъ Польскихъ и отъ Литовскихъ людей; и бояре, и ратные люди, которые были въ Колугѣ, всѣ подъ Москвою стоятъ со всею землею въ соединеньѣ. И вы, господа, всею землею Казанскаго государьства, цѣловали крестъ по записи, которая къ вамъ прислана изъ полковъ и ото всее земли, что вамъ быти со всею землею въ любви и въ совѣтѣ, и въ соединеньѣ, — и противъ враговъ, раззорителей Хрестьянскія вѣры, Польскихъ и Литовскихъ людей, со всею землею стояти заодинъ и итти подъ Москву, въ-сходъ, къ бояромъ и ко всей земли, очищати Московское государьство отъ Польскихъ и отъ Литовскихъ людей; да и въ Свіяжскомъ, и въ Чебоксарѣхъ, и во всѣхъ Понизовныхъ городѣхъ, по той записи, которая прислана къ вамъ изъ полковъ, крестъ цѣловали жь, что имъ съ вами и со всею землею быти въ любви и въ

*) Здѣсь считается годъ отъ сотворенія міра, то-есть, 7119; но, для сокращенія, тысячи не говорятся, а только однѣ сотни. *Щ.*

совѣтѣ, и въ соединеньѣ, и итти на земскую службу, подъ Москву, ко всей землѣ. А по которой, господа, записи вы и вся земля Казанскаго государьства — и въ Свіяжскомъ, и въ Чебоксарѣхъ, и во всѣхъ Понизовыхъ городѣхъ — крестъ цѣловали, и съ тое цѣловальныя записи, да и съ Володимерскія, и съ Костромскія, и съ Ярославскія грамотъ, которыя грамоты къ вамъ привезли князь Иванъ Путятинъ да Костянтинъ Львовъ, и съ грамоты, что писали къ вамъ изъ полковъ бояре, и воеводы, и вся земля съ Воиномъ Левашевымъ да съ Семеномъ Пелепелицынымъ, списавъ списки, прислали къ намъ, запечатавъ въ листъ печатью государьства Казанскаго. И намъ бы, господа, по той записи, по которой вы — въ Казанѣ, и въ Свіяжскомъ, и въ Чебоксарѣхъ, и въ иныхъ въ Понизовныхъ городѣхъ, крестъ цѣловали, — крестъ цѣловати же, и быти-бы намъ съ вами въ любви, и въ совѣтѣ, и въ соединеньѣ; и денегъ-бы къ вамъ, что вамъ давати ратнымъ людемъ, изъ Перми прислати тотчасъ; да и ратныхъ бы намъ Пермскихъ людей, съ лучнымъ и съ вогненнымъ боемъ, прислати къ вамъ вскорѣ, чтобъ Пермскимъ ратнымъ людемъ Казанскую рать въ Казанѣ застати и итти въ-сходъ, подъ Москву, съ ними-жь вмѣстѣ; да и торговыхъ бы людей со всякими товары изъ Перми къ вамъ отпущати безстрашно, а вамъ бы къ намъ въ Пермь торговыхъ людей со всякими товарами отпущати же. — И мы, господа, грамоту вашу, и цѣловальную запись, и списки съ грамотъ, въ Чердыни, во всемъ мірѣ чли и крестъ по той записи цѣловали, а иныхъ къ крестному цѣлованью приводимъ. А къ Солѣ, господа, къ Камской и въ Кайгородокъ писали, и списавъ со всѣхъ грамотъ и съ цѣловальныя записи списки, къ судьямъ, и къ старостамъ, и къ земскимъ людемъ послали, а велѣли имъ по той записи крестъ цѣловати тотчасъ; да и въ Сибирскіе, господа, городы съ тѣхъ грамотъ и съ цѣловальныя записи списки посылаемъ. А денегъ, господа, въ Перми Великой, въ государевѣ казнѣ нѣтъ, послати къ вамъ нечего — потому: что было денежныхъ доходовъ прошлыхъ годовъ, и тѣ, господа, всѣ деньги посланы къ Москвѣ: а что, господа, было въ сборѣ — данныхъ, и оброчныхъ, и таможенныхъ, и кабацкихъ денегъ нынѣшняго 119 году, и тѣхъ, господа, денегъ, по грамотамъ, триста восьмь рублевъ послано изъ Перми въ Сургутъ, служилымъ людемъ на жалованье: а иныя, господа, деньги даны Пермичемъ, за хлѣбные запасы нынѣшнего 119 году, которые отвезли на Верхотурье Сибирскимъ служилымъ людемъ на жалованье да за Вымскіе запасы прошлаго 118 году; а иныя, господа, деньги выданы въ Перми на жалованье, и на кабацкіе, и на избные расходы. А ратныхъ, господа, людей съ Перми Великія, съ лучнымъ и съ вогненнымъ боемъ, отпустили мы подъ Москву, къ бояромъ и къ воеводамъ въ-сходъ, на раззорителей вѣры Хрестьянскія — на Польскихъ и на Литовскихъ людей, и на богоотступниковъ — марта въ 17 день, въ Вербное Воскресе-

ніе. И впередъ-бы, господа, намъ съ вами быти въ любви, и въ совѣтѣ, и въ соединеньѣ, и стояти-бы намъ за истинную Хрестьянскую вѣру, на раззорителей вѣры Хрестьянскія и на богоотступниковъ, съ вами единомышленно. И какія у васъ вѣсти будутъ про Московское Государство, или изъ иныхъ городовъ, и вамъ бы, господа, о томъ къ намъ писати; да и торговыхъ бы людей съ товары изъ Казани въ Пермь Великую отпущати по-прежнему.

КОЗЬМА МИНИНЪ, ИЛИ НИЖНІЙ-НОВГОРОДЪ ВЪ 1611 ГОДУ.

(Изъ романа: «Юрій Милославскій».)

Темноголубыя небеса становились часъ-отъ-часу прозрачнѣй и бѣлѣе; величественная Волга подернулась туманомъ; востокъ запылалъ, и первый лучъ восходящаго солнца, осыпавъ искрами позлащенныя главы соборныхъ храмовъ, возвѣстилъ наступленіе незабвеннаго дня — дня, въ который раздался и прогремѣлъ по всей землѣ Русской первый общій кликъ: «умремъ за вѣру Православную и святую Русь!»

Солнце взошло, но тишина и молчаніе царствовали еще повсюду. Вдругъ прозвучалъ на соборной колокольнѣ первый ударъ колокола, за нимъ другой, вотъ третій — всё чаще, всё сильнѣе.... Призывный гулъ промчался по всей окрестности, — и всё ожило въ Нижнемъ-Новѣгородѣ.

— Ахти, никакъ пожаръ! — вскричалъ Алексѣй *), вскочивъ съ своей постели. Онъ подбѣжалъ къ окну, подлѣ котораго стоялъ уже его господинъ. — Чтобъ это значило? продолжалъ онъ; — къ заутрени, что-ль?... Нѣтъ! это не благовѣстъ!... Точно!... Бьютъ въ набатъ.... Ну, вотъ и народъ зашевелился.... Гляди-ко, бояринъ!... всѣ бѣгутъ сюда... Экъ ихъ высыпало!... Да этакъ скоро и на улицу не продерешься.

Въ двѣ минуты Милославскій и слуга его были уже совсѣмъ одѣты. Они съ-трудомъ могли выйдти за ворота дома; вся ихъ улица, ведущая на городскую площадь, кипѣла народомъ.

— Тише, дѣтушки, тише! говорилъ, запыхавшись, одинъ сѣдой старикъ, котораго двое взрослыхъ внучатъ вели подъ руки: — дайте духъ перевести!

---

*) Алексѣй — слуга молодого боярина, Юрія Милославскаго, пріѣхавшаго на-ту-пору изъ Москвы въ Нижній, съ порученіемъ отъ тогдашняго временнаго правительства, рѣшившагося избрать, въ трудныхъ обстоятельствахъ, Русскимъ царемъ Польскаго королевича Владислава. *Щ.*

— Ну, отдохни, дѣдушка! сказалъ одинъ изъ внучатъ: — да только поскорѣе, а то какъ опоздаемъ, такъ не продеремся къ лобному мѣсту.

— И не услышимъ, что будетъ говорить Козьма Миничъ, подхватилъ другой внукъ. — Ну, что̀, отдохнулъ-ли, родимый?

— Ухъ, батюшки!... Погодите!... вовсе уморился!

— Напрасно, дѣдушка, ты не остался дома.

— Что̀ ты, дитятко!... Побойся Бога! остаться дома, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы животъ свой положить за матушку, святую Русь!... Да еслибы и васъ у меня не было, такъ я ползкомъ бы приползъ на городскую площадь.

— Постой-ка!... Да вотъ и батюшка! сказалъ первый внукъ: — втроемъ-то мы тебя и на рукахъ донесемъ.

Сынъ и двое внучатъ, подхватя на руки старика, пустилися почти бѣгомъ по улицѣ.

— Да что̀-жь ты отстаешь, жена! сказалъ, пріостановясь, небольшого роста, но плотный посадскій, оборотясь къ толстой горожанкѣ, которая, спотыкаясь и едва дыша отъ усталости, бѣжала вслѣдъ за нимъ.

— Задохнулась, Терентій Никитичъ!... Видитъ Богъ, задохнулась!

— Вотъ то-то-же! и за-чѣмъ тебя нелегкая понесла! Сидѣла-бы дома на печи...

— И, батюшка! да развѣ я не хочу также послушать, о чемъ вы на площади толковать будете?

— Вѣстимо о чемъ: когда идти на супостатовъ.

— И ты пойдешь, Терентій Никитичъ?

— А какъ-же! развѣ я не такой-же православный, какъ и всѣ?...

— А ребятишки-то наши! На кого ихъ покинешь? вѣдь малъ-мала меньше!

— Да, жаль, что маленечки! Правда, старшему двѣнадцать годковъ, — такъ и онъ отъ меня не отстанетъ.

— Какъ, батюшка?... Ты хочешь?...

— А что̀-жь? Не подыметъ рогатины, такъ съ ножемъ пойдетъ... Авось хоть одного супостата на тотъ свѣтъ отправитъ, — и то бы слава Богу!

Тутъ новая толпа, хлынувъ рѣкою изъ поперечной улицы, увлекла съ собою посадскаго и жену его.

Какъ бурное море, шумѣлъ и волновался народъ на городской площади. Бояре и простолюдины, именитые граждане и люди ратные — всѣ тѣснились вокругъ лобнаго мѣста; на всѣхъ лицахъ изображалось нетерпѣливое ожиданіе. Вдругъ народъ зашумѣлъ болѣе прежняго, раздались громкія восклицанія: — «вотъ онъ!... вотъ Козьма Миничъ! Глядите! вотъ онъ!» — и человѣкъ среднихъ лѣтъ, весьма просто одѣтый, но осанистый и видный собою, взошелъ на лобное мѣсто. Оборотясь къ

соборнымъ храмамъ, онъ трижды сотворилъ крестное знаменіе, поклонился на всѣ четыре стороны, и, по мановенію руки его, утихло всё вокругъ лобнаго мѣста; мало-по-малу молчаніе стало распространяться по всей площади, шумъ отдалялся; глухой говоръ безчисленнаго народа становился все тише... тише... и, чрезъ нѣсколько минутъ, лишенный-зрѣнія могъ бы подумать, что городская площадь совершенно опустѣла.

— «Граждане Нижегородскіе! — началъ такъ безсмертный Мининъ. — Кто изъ васъ не вѣдаетъ всѣхъ бѣдствій царства Русскаго? Мы всѣ видимъ его гибель и раззореніе, а помощи и очищенія ни-откуда не чаемъ. Доколѣ злодѣямъ и супостатамъ напоять землю Русскую кровію нашихъ братьевъ? Доколѣ православнымъ стонать подъ позорнымъ ярмомъ иновѣрцевъ?... Отвѣтствуйте, граждане Нижегородскіе! Потерпимъ-ли мы, чтобъ царствующій градъ повиновался воеводѣ иноплеменному? Предадимъ-ли на поруганіе пречистый образъ Владимірскія Божія Матери и честныя, многоцѣлебныя мощи Петра, Алексія, Іоны и всѣхъ Московскихъ чудотворцевъ? Покинемъ-ли въ рукахъ иновѣрцевъ сиротствующую Москву?... Отвѣтствуйте, граждане Нижегородскіе!»

— Нѣтъ! нѣтъ! загремѣли тысячи голосовъ. Идемъ къ Москвѣ! Не выдадимъ святую Русь!...

— «Итакъ, во имя Божіе, къ Москвѣ!... Но чтобъ не безплодно положить намъ головы, и смертію нашей искупить отечество, мы должны избрать достойнаго воеводу. Я былъ въ Пурецкой Волости, у князя Димитрія Михайловича Пожарскаго: едва исцѣлившійся отъ глубокихъ язвъ, сей неустрашимый военачальникъ готовъ снова обнажить мечъ и грянуть Божіею грозой на супостата... Граждане Нижегородскіе! Хотите-ли его имѣть главою? Любъ-ли вамъ стольникъ и знаменитый воевода, князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій?»

— Хотимъ! хотимъ! Онъ любъ намъ! воскликнулъ народъ, волнуясь часъ-отъ-часу болѣе.

— «Граждане и братіи! — продолжалъ Мининъ. — Неужели, умирая за вѣру Христіанскую и желая стяжать нетлѣнное достояніе въ небесахъ, мы пожалѣемъ достоянія земного? Нѣтъ, православные! Для содержанія людей ратныхъ отдадимъ всё наше злато и серебро; а если мало и сего, продадимъ всѣ имущества, заложимъ женъ и дѣтей нашихъ... Вотъ всё, что я имѣю! — продолжалъ онъ, бросивъ на лобное мѣсто большой мѣшокъ, наполненный серебряною монетою; — и пусть выступитъ желающій купить домъ мой: съ сего часа онъ принадлежитъ не мнѣ, а Нижнему-Новгороду, и я самъ, мы всѣ, вся кровь наша — земскому дѣлу и всей землѣ Русской!»

— Отдаёмъ всѣ наши имущества! Умремъ за вѣру Православную и святую Русь! — загремѣли безчисленные голоса. — Нарекаемъ тебя

выборнымъ отъ всея земли человѣкомъ! Храни казну Нижегородскую! — воскликнулъ весь народъ.

Въ сію минуту общаго восторга разверзлись западныя двери соборнаго храма Преображенія Господня, и печерскій архимандритъ, Ѳеодосій, въ провожденіи многочисленнаго духовенства, во всемъ облаченіи, со святыми иконами и церковными хоругвями, вышелъ на городскую площадь. Народъ разступился, весь духовный синклитъ взошелъ на лобное мѣсто, раздался громкій благовѣстъ, іереи запѣли соборомъ: «Царю небесный! утѣшителю душе истинный!» — и Мининъ, а вслѣдъ за нимъ всѣ граждане преклонили колѣна. Когда-жь, благословляя оружіе христолюбиваго войска, благочестивый архимандритъ Ѳеодосій, возведя къ небесамъ взоръ, исполненный чистѣйшей вѣры, возгласилъ молитву: «Господи, Боже нашъ! Боже силъ! Сильный въ крѣпости и крѣпкій во бранѣхъ!...» народъ палъ ницъ, зарыдалъ, и всѣ мольбы слились въ одну общую молитву: «да спасетъ Господь царство Русское!» По окончаніи молебствія, Ѳеодосій, осѣнивъ животворящимъ крестомъ и окропивъ святой водою усердно молящійся народъ, произнесъ вдохновеннымъ голосомъ: «съ нами Богъ! разумѣйте, языцы, и покоряйтеся, яко съ нами Богъ! Спѣшите, избранные Господомъ, на спасеніе страждущей Россіи! Какъ огнь палящій, предъидетъ сила Господня предъ вами: и посрамится врагъ нечестивый, и возрадуются сердца православныхъ!... Воины Христовы! Не жалѣйте благъ земныхъ; слава нетлѣнная ожидаетъ васъ на землѣ и вѣчное блаженство на небесахъ. Грядите, вѣрные сыны Россіи! Грядите, во имя Господне! На васъ благословеніе всѣхъ пастырей духовныхъ! За васъ святыя молитвы страдальца Гермогена! Кто противъ васъ, кто противъ Господа силъ?»

Всѣ спѣшили по домамъ, чтобы сносить свои имущества на площадь, — и не прошло получаса, какъ вокругъ лобнаго мѣста возвышались уже горы серебряныхъ денегъ, сосудовъ и различныхъ товаровъ: простой холстъ лежалъ подлѣ куска дорогой парчи, мѣшокъ мѣдной монеты подлѣ кошелька, наполненнаго золотыми деньгами. Гражданинъ Мининъ принималъ всё съ равною ласкою, благодарилъ всѣхъ именемъ Нижняго-Новгорода и всей земли Русской, и хотя нѣсколько сотъ рабочихъ людей переносили безпрестанно эти дары въ приготовленныя для сего кладовыя на берегу Волги, но число ихъ, казалось, ни мало не уменьшалось.

Алексѣй находился также въ толпѣ гражданъ, которые тѣснились съ приношеніями вокругъ лобнаго мѣста. Обшаривъ свои карманы, и не найдя въ нихъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ монетъ, онъ снималъ уже съ себя серебряный крестъ, какъ вдругъ кто-то, ударивъ его по плечу, сказалъ: «нѣтъ, братъ! не разставайся съ отцовскимъ благословеніемъ; я положу и за себя, и за тебя.»

— А это ты, Кирша*)! сказалъ Алексѣй. — Какъ, и ты хочешь класть?

— Да, товарищъ! вотъ въ этомъ мѣшечкѣ всё, что я накопилъ; да Богъ съ нимъ! жаль только, что мало!... Эге, любезный, ты всё еще ревешь! Полно, братъ, что̀ ты расхныкался, словно малый ребенокъ!

— А ты самъ развѣ не плачешь? отвѣчалъ Алексѣй.

— Кто? я? вотъ вздоръ какой! вскричалъ Запорожецъ, утирая рукавомъ свои глаза. — А что̀ ты думаешь! продолжалъ онъ: никакъ въ самомъ дѣлѣ?.... кой прахъ!.. что̀ это, братъ Алексѣй? Мнѣ часто случалось у насъ, въ Запорожской Сѣчи, гулять и веселиться; пьешь, бывало, безъ-просыпу цѣлую недѣлю, и хоть нельзя сказать, чтобъ было очень весело, а пляшешь и поешь съ утра до вечера. Теперь-же, ну, вѣришь-ли Богу, — такъ сердце отъ радости выскочить и хочетъ, а вовсе не до пѣсенъ: всё бы плакалъ... да и всѣ также, на кого ни посмотришь... Что̀ за диво такое?

Въ самомъ дѣлѣ, всё многолюдное собраніе народа составляло въ сію минуту одно благочестивое семейство; не слышно было громкихъ восклицаній; проливая слезы радости и умиленія, какъ въ свѣтлый день Христовъ, всѣ съ братской любовію обнимали другъ друга....

Но кто̀ этотъ отверженный?... Кто̀ стоитъ, поодаль отъ всей толпы, съ померкшимъ взоромъ, съ отчаяньемъ на челѣ, блѣдный, полумертвый, какъ преступникъ, идущій на казнь, какъ блудный сынъ, взирающій издалека на пирующихъ своихъ братьевъ?... Ахъ! это Юрій Милославскій! это тотъ, кто отдалъ-бы тысячу жизней за то, чтобъ воскликнуть вмѣстѣ съ другими: «умремъ за вѣру Православную и святую Русь!» Не смотря на приглашеніе боярина Истомы, который, заливаясь слезами, кричалъ громче всѣхъ: «идемъ къ матушкѣ Москвѣ,» Юрій не хотѣлъ подойти вмѣстѣ съ нимъ къ лобному мѣсту, онъ не видѣлъ Минина, не слышалъ словъ его, но видѣлъ общій восторгъ народа, видѣлъ радостныя слёзы, усердныя мольбы всѣхъ Русскихъ и, словно отступникъ отъ вѣры отцовъ своихъ, не смѣлъ молиться вмѣстѣ съ ними. Ему казалось, что каждый гражданинъ Нижегородскій, проходя мимо его, готовъ былъ сказать: «презрѣнный рабъ Владислава, чего ты хочешь отъ свободныхъ сыновъ Россіи?... Бѣги, не оскверняй своимъ присутствіемъ сіе священное торжество вѣры и любви къ отечеству! ты не Русскій, ты не сынъ Милославскаго!» Тутъ вспомнилъ Юрій послѣднія слова умирающаго своего родителя.... благословляя его охладѣвшею уже рукою, онъ сказалъ: «Юрій! держись вѣры Православной, не своди дружбы съ врагами нашего отечества, и не забывай, что Милославскіе всегда стояли грудью за правду и святую Русь!»

*) Казакъ, обязанный спасеніемъ жизни своей Юрію Милославскому. *Щ.*

— Такъ! вскричалъ несчастный юноша: — присутствіе мое при семъ торжествѣ есть оскверненіе святыни; я не могу, я не долженъ оставаться здѣсь долѣе!

Онъ поспѣшилъ оставить площадь; но на каждомъ шагу встрѣчались ему толпы гражданъ, несущихъ свои имущества; вездѣ раздавались поздравленія, на всѣхъ лицахъ сіяла радость. Пробѣжавъ нѣсколько улицъ, онъ очутился наконецъ въ одномъ отдаленномъ предмѣстіи, и, не видя никого вокругъ себя, сѣлъ отдохнуть на скамьѣ, подлѣ воротъ небольшой хижины. Не прошло двухъ минутъ, какъ нѣсколько женщинъ и почти столѣтній старикъ подошли къ скамьѣ, на которой сидѣлъ Юрій. Старикъ сѣлъ возлѣ него. — «Какъ это, господинъ честной, сказалъ онъ, ты здѣсь, а не на площади?»

— Я сей-часъ оттуда, отвѣчалъ Юрій.

— И я на-старости ходилъ: славу Богу, кой-какъ дотащился! теперь готовъ умереть хоть завтра, — да и пора костямъ на покой!

— Ты, я думаю, очень старъ, дѣдушка? спросилъ Юрій, стараясь перемѣнить разговоръ.

— Да, молодецъ! Безъ малаго годовъ сотню прожилъ, а на всемъ моемъ вѣку не бывалъ такъ радостенъ, какъ сегодня. Благодареніе Творцу небесному, очнулись наконецъ православные!... Эхъ, жаль! Кабы Господь продлилъ дни бывшаго воеводы нашего, Димитрія Юрьевича Милославскаго: то-то былъ-бы для него праздникъ!... Дай Богъ ему царство небесное! Столбовой былъ Русскій бояринъ!... Ну, да если не здѣсь, такъ тамъ онъ вмѣстѣ съ нами радуется!

— Я слышала, дѣдушка, сказала одна изъ женщинъ: — что у него есть сынъ.

— Какъ-же, помнится, Юрій Димитріевичъ; если онъ пошелъ по батюшкѣ, то, вѣрно, будетъ нашимъ гостемъ, и въ Москвѣ съ Поляками не останется. Нѣтъ, дѣтушки! Милославскіе всегда стояли грудью за правду и за святую Русь!

— Ахти, — вскричала одна изъ женщинъ: — что́ это съ молодцомъ сдѣлалось? — никакъ онъ полуумный?... Смотри-ко, дѣдушка, какъ онъ пустился отъ насъ бѣжать! — прямёхонько къ Волгѣ... Ахъ, Господи, Боже мой! долго-ли до грѣха! какъ съ-дуру-то нырнетъ въ воду, такъ и поминай, какъ звали....

Какъ громомъ пораженный послѣдними словами старика, Юрій, не видя ничего передъ собою, не зная самъ, что дѣлаетъ, пустился бѣжать по узкой улицѣ, ведущей къ Волгѣ; въ ушахъ его раздавались слова умирающаго отца; ему казалось, что его преслѣдуютъ, что кто-то называетъ его по имени, что множество голосовъ повторяетъ: «вотъ онъ! вотъ Милославскій!» Вся кровь застыла въ его жилахъ. Вдругъ ему послышалось, что вслѣдъ за нимъ прогремѣлъ ужасный голосъ: «да

взыдетъ вѣчная клятва на главу измѣнника!» Волосы его стали дыбомъ, смертный холодъ пробѣжалъ по всѣмъ членамъ, въ глазахъ потемнѣло, и онъ упалъ безъ чувствъ въ двухъ шагахъ отъ Волги, на краю утесистаго берега, застроеннаго обширными сараями.

Юрій, при помощи Алексѣя, приподнялся на ноги, и только-что хотѣлъ итти, какъ вдругъ позади его кто-то сказалъ: — Здравствуй, бояринъ! Милости просимъ! добро пожаловать къ намъ въ Нижній-Новгородъ!

Милославскій невольно вздрогнулъ и, бросивъ быстрый взглядъ на того, кто его привѣтствовалъ, узналъ въ немъ тотчасъ таинственнаго незнакомца, съ которымъ ночевалъ на постояломъ дворѣ.

— Ну, вотъ, не отгадалъ-ли я? продолжалъ незнакомецъ: — Богъ привелъ намъ опять увидѣться.

— Такъ это ты! вскричалъ Алексѣй! — Я, было, и на площади призналъ тебя, да боялся вклепаться.... Ну, Козьма Миничъ, дай Богъ тебѣ здоровья! Красно ты говоришь.

— Какъ? сказалъ Юрій, ты тотъ знаменитый гражданинъ....

— И, бояринъ! я просто гражданинъ Нижегородскій и ничѣмъ другихъ не лучше. Развѣ ты не видѣлъ, какъ всѣ граждане, наперерывъ другъ передъ другомъ, отдавали свои имущества? На мнѣ хоть это платье осталось, а другой послѣднюю одежонку притащилъ на площадь: такъ мнѣ ли хвастаться, бояринъ!

— Но развѣ не ты первый....

— Ну, да... я первый заговорилъ, — такъ что-жь?... велико дѣло!... нельзя жь всѣмъ разомъ говорить: не я, такъ заговорилъ-бы другой, не другой, такъ третій... А скажи-ко, бояринъ, ужь не хочешь-ли и ты пристать къ намъ? Ты цѣловалъ крестъ королевичу Владиславу: а душа-то въ тебѣ всё-таки Русская.

— Къ-несчастію, ты говоришь правду! сказалъ со-вздохомъ Юрій.

— А почему-жь — къ-несчастію? Скажи мнѣ, легко-ль тебѣ было присягать Польскому королевичу?

— Ахъ!... видитъ Богъ, нѣтъ!

— А для чего-жь ты это сдѣлалъ?

— Для того, что былъ увѣренъ, будто сей жертвою мы спасемъ отъ гибели наше отечество?

— Вотъ видишь-ли: всё-таки у тебя отечество на умѣ. Послушай, я скажу тебѣ побасёнку, бояринъ. Одинъ мужичокъ, переплывая черезъ рѣку, сталъ тонуть. У него было три сына: меньшой, думая, что одинъ не спасетъ его, принялся кричать, рвать на себѣ волосы и призывать на помощь всѣхъ проходящихъ; между-тѣмъ мужикъ выбился изъ силъ, и когда старшій сынъ бросился спасать его, то насилу вытащилъ изъ воды, и чуть-было самъ не утонулъ съ нимъ вмѣстѣ. На берегу стоялъ третій сынъ, или, лучше сказать, пасынокъ; онъ не про-

силъ помощи, да и самъ не думалъ спасать утопающаго отца; а разсчитывалъ, стоя на одномъ мѣстѣ, какая прійдется ему часть изъ отцовскаго наслѣдія... Какъ ты думаешь, бояринъ? — хоть меньшому сыну и не-за-что сказать спасибо: а по мнѣ, всё-таки честнѣе быть имъ, чѣмъ пасынкомъ.

Юрій молча пожалъ руку Минина, который продолжалъ:

— Чему дивиться, что ты связалъ себя клятвеннымъ обѣщаніемъ, когда вся Москва сдѣлала тоже самое? Да вотъ, хоть на-примѣръ, князь Димитрій Мамстрюковичъ Черкасскій изволилъ мнѣ сказывать, что сегодня у него въ дому сберутся здѣшніе бояре и старшины, чтобъ выслушать гонца, который присланъ къ намъ съ предложеніемъ отъ пана Гонсѣвскаго... И какъ ты думаешь? Кто этотъ довѣренный человѣкъ врага нашего?... Сынъ бывшаго воеводы Нижегородскаго, боярина Милославскаго....

— Да это — господинъ мой! вскричалъ Алексѣй.

— Какъ? такъ это ты, Юрій Дмитричъ? сказалъ Мининъ, снявъ почтительно шапку, и устремивъ на Милославскаго взоръ, исполненный душевнаго состраданія. — Ну, жаль мнѣ тебя! Кому другому, а тебѣ куда должно быть тяжело, бояринъ!

— Да!.... я далъ обѣтъ служить Владиславу: — но есть еще клятва, передъ которой ничтò — всѣ обѣщанія и клятвы земныя!.... Такъ, самъ Господь ниспослалъ мнѣ эту мысль: она оживила мою душу!...[1]).

Михаилъ Загоскинъ.

ПОЖАРСКІЙ И МИНИНЪ.

(1611—1612 годы.)

(Изъ «Русской лѣтописи по Никонову списку[2])».)

Во всѣхъ городѣхъ Московскаго Государства слышаху такое душевредство подъ Москвою, и о томъ скорбяше и плакахуся, и креста не цѣловаху[3]) ни въ которомъ городѣ, а пòмочи никто не можаше содѣяти; ото всѣхъ же градовъ во единомъ градѣ, рекомомъ въ Нижнемъ-Новѣгородѣ, тѣже Нижегородцы, поревновавъ Православной Христіанской вѣрѣ, и не хотяху видѣти Православной вѣры въ латинствѣ, начаша мыслити, како бы помòщь Московскому Государ-

---

[1]) Мысль, которую задумалъ Юрій Милославскій, была: удалиться въ монастырь, гдѣ настоятель снялъ съ него клятву, данную Владиславу, и благословилъ стать въ ряды защитниковъ Россіи отъ Поляковъ.

[2]) То-есть, по списку лѣтописи, съ собственно-ручной надписью *патріарха Никона*, подаренному имъ Воскресенскому Монастырю.

[3]) По старинной нашей рѣчи, «*цѣловать крестъ*» значило: *присягать*; а «*бить челомъ*» значило: *просить, подавать прошеніе*. *Ш.*

ству. Единъ же отъ нихъ, Нижегородецъ, имѣяше торговлю мясную, Козма Мининъ, рекомый Сухорукъ, возопи во всѣ люди: — будетъ намъ похотѣть помочи Московскому Государству, ино намъ не пожалѣти животовъ своихъ, да не только животовъ своихъ, но и не пожалѣть и дворы свои продавать, и жены, и дѣти закладывать, и бити-че-

Посольство Нижегородцевъ къ Пожарскому.

ломъ, — кто бы вступился за истинную Православную вѣру, и былъ бы у насъ начальникомъ. — Нижегородцемъ же всѣмъ его слово любо бысть, и сдумаша послати — бити-челомъ къ стольнику, ко князю Дмитрію Михайловичю Пожарскому — Печерскаго Монастыря архимарита Ѳеодосія, да изо всѣхъ чиновъ всякихъ лучшихъ людей; князю же Дмитрію Михайловичу въ то время бывшу у себя въ вотчинѣ, лежащу отъ

ранъ, отъ Нижнево 120 поприщъ. Архимаритъ же и вси Нижегородцы пріидоша ко князю Дмитрею Михайловичю, и биша ему челомъ со-слезами, чтобы къ нимъ ѣхалъ въ Нижній-Новгородъ, и сталъ-бы за Православную Христіанскую вѣру, и помочь бы учинилъ Московскому Государству. Князь Дмитрій же ихъ совѣту радъ бысть, и хотяше ѣхати въ тотъ часъ, да вѣдаша у Нижегородцовъ усердья непослушаніе къ воеводамъ, и писаше къ нимъ, чтобъ они выбрали у себя изъ посадскихъ людей, кому быть съ нимъ у такова велика дѣла и казну сбирати, а съ Кузмою съ Мининымъ бысть у нихъ по-слову. Той-же архимаритъ и Нижегородцы говорища князю Дмитрію, что у нихъ такова человѣка во градѣ нѣтъ. Онъ-же имъ рече: — есть у васъ Кузма Мининъ, той бывалъ человѣкъ служивой, тому то дѣло за-обычай. — Нижегородцы же, слышавъ такое слово, наипаче рады быша, и пріидоша въ Нижній, и возвѣстиша вся. Нижегородцы же тому обрадовашеся, и нача Кузмѣ бити челомъ: Кузма же имъ для укрѣпленія отказываше, что не хотя быть у такова дѣла; они же ему съ-прилежаніемъ говоряху. Онъ же нача у нихъ прошати приговору, что имъ во всемъ быти послушливымъ и покорливымъ во всемъ, и ратнымъ людямъ давати деньги. Они же даша ему приговоръ. Онъ же написа приговоръ: не-токмо-что у нихъ имати животы, но и жены и дѣти продавати, а ратнымъ людямъ давати, и взя у нихъ приговоръ за руками, и посла тотъ приговоръ ко князю Дмитрію въ тотъ часъ, для того, чтобъ того приговору назадъ у него не взяли. Въ тоже время пріидоша изъ Арзамаса отъ Смольянъ челобитчики, чтобъ ихъ приняли къ себѣ въ Нижній. Нижегородцы же послаша ко князю Дмитрію, и тѣхъ челобитчиковъ, Смольянъ, послаша къ нему-же, и велѣху имъ бити челомъ, чтобъ шелъ въ Нижній не мѣшкая. Они же ко князю Дмитрію пріидоша и биша ему челомъ, чтобъ въ Нижній шелъ не мѣшкая. Онъ же поиде въ Нижній, а ихъ отпусти напередъ, а Смольяномъ повелѣ идти въ Нижній; на дорогѣ же къ нему пріидоша Дорогобужане и Вязьмичи, онъ-же приде съ ними въ Нижній. Нижегородцы же ево встрѣтиша и пріяша съ великою честію. Смольяне же въ Нижній пріидоша въ тоже время, онъ же имъ нача давати жалованье, что сбираху въ Нижнемъ.

Въ Нижнемъ же казны становяше мало, онъ же нача писати по городомъ, въ Поморскіе и во всѣ Понизовые, чтобъ имъ они помогали идти на очищеніе Московскаго Государства. Въ городахъ же, слышаху въ Нижнемъ собранія, рады быша, и посылаху къ нему на совѣтъ, и многую казну къ нему посылаху, и свезоша къ нему изъ городовъ многую казну. Слышаху же въ городѣхъ ратные люди, что въ Нижнемъ сбираются всѣ свободные, — нинъ поидоша изо всѣхъ городовъ: первое пріидоша Коломничи, потомъ Рязанцы, потомъ же изъ Украинскихъ городовъ многіе люди, и казаки, и стрѣльцы, кои сидѣли на Москвѣ, при

царѣ Васильѣ; они же и имъ даваше жалованье. Богу же призрѣвшу на ту рать, и даетъ межъ ими совѣтъ велій и любовь, что отнюдь межъ ими не бяше вражды никакія.

Ополченіе Нижегородцевъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Козьма Мининъ, земскій староста.
Аксеновъ, старикъ, торговый человѣкъ.
Поспѣловъ, боярскій сынъ.
Тѣмкинъ и Губанинъ, торговые люди.
Лапша, Решемскій крестьянинъ.
Князь Пожарскій, воевода.
Татьяна Юрьевна, жена Минина.
Марѳа Борисовна, молодая вдова.
Посадскіе. — Народъ. —

I.

Народныя пожертвованія.

Утро. — Площадь въ кремлѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ, недалеко отъ собора.

Поспѣловъ.

Выходишь отъ обѣдни, помолясь
Съ-усердіемъ и до-сыта поплакавъ,
И такъ тебѣ легко на сердцѣ станетъ,
И подъ ногами ты земли не чуешь,
И ногъ не слышишь.... И заря-то ярче
Горитъ на небѣ; точно сладкій медъ,
Пьешь воздухъ утренній. Такое диво!
Какая лёгость для души — молитва:
Взялся-бы съ мѣста, да и полетѣлъ!
А день прійдетъ — забота за заботой
Навалятся, опять отяжелѣешь.

Аксеновъ.

Вѣстимо, утромъ человѣкъ помягче,
Пока не заболтался въ суетѣ:
И разумъ крѣпче, да и воля тверже.
И особливо помолясь усердно.
Сейчасъ наказывалъ Кузьма Захарьичъ
Сказать народу, чтобъ не расходился.
Пожалуй, послѣ — всѣхъ и не сберешь.
Да и сердца-то огрубѣть успѣютъ.
Теперь въ соборѣ заказалъ молебенъ
Онъ ангелу-хранителю, Косьмѣ

Безсребреннику. Вы поговорите
Съ народомъ-то, пока молебенъ кончатъ.

(Темкинъ и Губанинъ отходятъ къ народу — одинъ въ одну сторону, другой въ другую).

Темкинъ.

Почтенные! Маленько подождите:
Кузьма Захарьичъ хочетъ говорить.

Губанинъ.

Коли не въ трудъ, повремените малость:
Кузьма Захарьичъ приказалъ просить.

(Мининъ выходитъ изъ собора.)

Тѣже и Мининъ (всходитъ на лобное мѣсто).

Мининъ *(Съ лобнаго мѣста).*

Друзья и братья! Русь святая гибнетъ!
Друзья и братья! Православной вѣрѣ,
Въ которой мы родились и крестились,
Конечная погибель предстоитъ,
Святители, молитвенники наши,
О помощи взываютъ, молятъ слезно.
Вы слышали ихъ слезное прошенье?...
Поможемъ, братья, родинѣ святой!
Что-жь! Развѣ въ насъ сердца окаменѣли?
Не всѣ-ль мы дѣти матери одной?
Не всѣ-ль мы братья отъ одной купели?

Голоса.

Мы всѣ, Кузьма Захарьичъ, всѣ хотимъ
Помочь Москвѣ и вѣрѣ Православной.

Мининъ.

И аще, братья, похотимъ помочь,
Не пожалѣемъ нашихъ достояній,
Не пощадимъ казны и животовъ;
Мы продадимъ дворы свои и домы, —
А будетъ мало: женъ, дѣтей заложимъ!

Голоса.

Заложимъ женъ! — Дѣтей своихъ заложимъ!

Мининъ.

Что мѣшкать даромъ, время насъ не ждетъ!
Нѣтъ дѣла ратнаго безъ воеводы:
Изыщемъ, братія, честнаго мужа,

Которому то дѣло за-обычай,
Вести къ Москвѣ и земскимъ дѣломъ править...
Кто воеводой будетъ?

Голоса.

Князь Дмитрій
Михайловичъ Пожарскій! — Князь Пожарскій! —
Другого намъ не надо.

Мининъ.

Воля Божья!
Пожарскаго избрали мы всѣмъ міромъ,
Ему и править нами. Гласъ народа —
Гласъ Божій. Выборныхъ людей пошлемъ
Просить и кланяться, чтобъ шелъ къ намъ на-спѣхъ...
Теперь, друзья, несите, кто что можетъ,
На дѣло земское, на помощь ратнымъ.
Я — Господи, благослови начало! —
Свои копленые и трудовые,
Всѣ до послѣдняго рубля, кладу.

Нѣсколько голосовъ.

И мы, и мы — всѣ за тобой готовы
Отдать свою копѣйку трудовую!

Другіе голоса.

Что деньги! Деньги дѣло наживное:
Какъ живы будемъ, наживемъ опять.

Мининъ.

Да изъ собора я послалъ Нефёда *),
Чтобъ изъ дому несли, что подороже:
Жены Татьяны поднизи и серьги,
Весь жемчугъ, перстни, ферязи цвѣтныя,
Камку и бархатъ, соболь и лисицу;
Да взяли-бъ у святыхъ иконъ взаймы,
На время только, ризы золотыя.
Пошлетъ Господь, — оправимъ ихъ опять.

Голоса.

Всё отдадимъ! — Теперь не до нарядовъ! —
Въ нарядахъ суета мірская ходитъ!

(Начинаются приношенія.)

Мининъ.

Ты, Петръ Аксенычъ, стань, блюди казну!

---

*) Нефедъ — сынъ Минина. *Щ.*

Ты, дѣдушка, — не знаю, какъ назвать-то —
Постой у денегъ!.... Принимайте вмѣстѣ!

(Аксеновъ и старикъ всходятъ на лобное мѣсто и принимаютъ приношенія. Мининъ сходитъ.)

II.

Выступленіе земской рати изъ Нижняго.

Нижній-Посадъ.

Мартъ 1612 года.

(Посадскіе: впереди Аксеновъ, за нимъ двое держатъ хлѣбъ-соль; подлѣ нихъ Решемскій крестьянинъ, Лапша. — Толпы народа. — Нѣкоторые проходятъ въ Кремль и изъ Кремля. — Потомъ Татьяна Юрьевна и Марѳа Борисовна.)

Голоса.

Напутственнный молебенъ поютъ. — Отпѣли. — Ратныхъ людей благословляютъ да кропятъ. — Ишь ты, наши Нижне-Посадскіе хотятъ съ хлѣбомъ-солью проводить. — Ужь это какъ и водится. — На Нижнемъ-Посадѣ всё и дѣло-то началось, съ гостиннаго двора пошло. — Здѣсь кашу-то заварили, а гляди, что вышло....

Аксеновъ. (*Лапшѣ*).

Честь-честью, мы проводимъ съ хлѣбомъ-съ солью —
И добраго пути имъ пожелаемъ.

Лапша.

Я слышалъ, что по нашей сторонѣ,
Нагорнымъ берегомъ пойдутъ по Волгѣ,
На Балхану, на Юрьевецъ, на Решму.

Аксеновъ.

Ну да, на Ярославль прямой дорогой.
И любо, братецъ, будетъ посмотрѣть:
Какъ есть, рѣка польется!... Ваши сёлы
И города, что мелкіе ручьи,
Воды прикопятъ, — взбухнетъ, пополнѣетъ,
И вдругъ широкимъ половодьемъ хлынетъ
На супостатовъ вѣры Православной:
Снесетъ и смоетъ ихъ съ лица земли!

Лапша.

Я съ Решемскими тоже потянуся.
Хоть кучка малая, а всё помога.
Хлопотъ-то вамъ — куда, чай, много было
Собрать такую силу?

Аксеновъ.

Ну, нельзя же....
Вотъ перво-на-перво пришли Смольяне,
Что тамъ изъ Дорогобужа да изъ Вязьмы
Бродили, бѣдные: вездѣ ихъ гнали, —
Какъ домы-то у нихъ пораззорили,
И въ Ярославлѣ и въ Арзамасъ садились;
Вотъ къ намъ пришли, и съ нами воедино
Хотятъ идти отмстить за кровь свою.
Потомъ Коломенцы пришли, Рязанцы,
За ними ополченье изъ Украйны,
Казаки и стрѣльцы, что при Васильѣ
Въ Москвѣ сидѣли, и своихъ довольно.
Охотой шли, — никакъ не остановишь!
И чудо, братъ, — откуда всё бралось!
Такъ и плыветъ, такъ и плыветъ богатство:
Со всѣхъ сторонъ казна — лишь принимай!
Кузьма кормы и жалованье ратнымъ
Самъ раздавалъ. И Божьей благодатью,
Такъ и спорилось всё въ его рукахъ.
Другіе — нищіе пришли, босые,
Безъ одежонки, — посмотри теперь!
Разбогатѣли, раскормились живо,
Всѣ молодцами смотрятъ, — заглядѣнье!
Повѣришь-ли, — коня сегодня купитъ:
Дня черезъ три его и не узнаешь...
Хозяинъ не узнаетъ, хоть божись, —
Такъ раздобрѣетъ! Смотримъ да дивимся...
Ужь истинно, что Богъ избралъ Кузьму:
Уменъ и счастливъ, да при всемъ при этомъ
Благословенье Божье помогаетъ.

Голосъ изъ толпы.

Никакъ коней ведутъ воеводамъ.

Другой голосъ.

Здѣсь не сядутъ, пѣши пойдутъ.

Татьяна Юрьевна.

Кузьма Захарьичъ только до Оки,
До переправы воеводъ проводитъ,
Потомъ домой пройдетъ проститься съ нами;
У насъ и столъ накрытъ... Зайди и ты.

Марѳа Борисовна.

Ужь я простилась. Только бы взглянуть.

Теперь на Божьихъ воиновъ. Изъ дома
Сегодня вышла я въ послѣдній разъ.
Вотъ постою съ народомъ, и глазами
Своими посмотрю, какъ избавленье
Пойдетъ на Русь святую; прошепчу
Молитву, да и въ келью, прочь отъ міра.

Татьяна Юрьевна.

Я стану заходить къ тебѣ. Безъ мужа,
Вѣдь, скучно будетъ, — стану навѣщать.

(Уходитъ.)

Голоса.

Идутъ. — Воеводы идутъ!

(Выходятъ: князь Пожарскій, Мининъ и за нимъ войско.)

Тѣже, Пожарскій и Мининъ.

Аксеновъ.

Нижегородцы Нижняго-Посада
Тебя, нашъ воевода, князь Димитрій
Михайловичъ, и съ выборнымъ, съ Кузьмою
Захарьичемъ, въ дорогу съ хлѣбомъ-съ-солью
Желаемъ проводить.

(Подаетъ хлѣбъ-соль.)

Пожарскій.

Спасибо вамъ!

Аксеновъ.

Челомъ вамъ бьёмъ, не брезгайте — примите!

Пожарскій принимаетъ хлѣбъ-соль и передаетъ Минину. Мининъ передаетъ войску.)

Пожарскій.

Нижегородцы! Мы за васъ идемъ
Съ врагами биться, жизни не жалѣя;
А вы всещедраго молите Бога,
Чтобы Московское намъ государство
Въ соединеньи видѣть, какъ и прежде,
Какъ при великихъ государяхъ было;
Кровопролитье бъ въ людяхъ перестало, —
А видѣть бы покой и тишину,
Какъ и доселѣ было въ государствѣ.

Мининъ.

Друзья, Нижегородцы! Ваше войско

Пошло къ Москвѣ: его вы снарядили
И проводили. Буде Богъ пошлетъ,
И нашимъ подвигомъ мы Русь избавимъ, —
Великую отъ Бога примемъ милость
За избавленье христіанскихъ душъ:
И во вся роды, въ будущіе вѣки,
Къ навѣчной похвалѣ намъ учинится,
На славу намъ и на поминъ душъ нашихъ.

Пожарскій.

Пойдемте съ Богомъ!

(Войско трогается.)

Народъ.

Прощайте, Божьи воины! — Помоги вамъ Господь! — Вы за насъ страдальцы, а мы за васъ богомольцы!....

(Трубы, колокольный звонъ, — войско, отрядъ за отрядомъ, выходитъ изъ Кремля.)

Александръ Островскій.

ОСВОБОЖДЕНІЕ МОСКВЫ.

(Лѣтопись въ лицахъ и въ дѣйствіи.)

I.

19 августа 1612 года.

Поле недалеко отъ Яузы, за 5 верстъ отъ Москвы. — Вечеръ.

Пожарскій и Мининъ; войско въ отдаленіи.

Пожарскій.

Слава Богу, недалеко до Москвы.

Мининъ.

Пять верстъ.

Пожарскій.

Я, какъ пришелъ, послалъ князя Семена Васильевича съ нѣсколькими людьми къ Арбатскимъ Воротамъ мѣсто посмотрѣть, гдѣ бы станомъ стать. Время позднее, — когда-то они еще воротятся, — идти подъ Москву нечего теперь: здѣсь лучше и остановимся, переночуемъ...

Мининъ.

Мы же шли скоро.... Вчера отъ Троицы выступили, — нынче вечеромъ подъ Москвой.

Пожарскій.

Вотъ, Козьма Миничъ, мы подъ Москвой!...

Мининъ.

Да, князь Дмитрій Михайловичъ, скоро прійдется схватиться.... Благослови, Господи!

Пожарскій.

Дай, Господи, намъ побѣдить, освободить Москву, домъ Пресвятыя Богородицы и всю Русскую землю. Дай, Господи, вѣрѣ Православной опять въ землѣ нашей православной сіять и славиться.

II.

Станъ князя Пожарскаго у самой Москвы.

Пожарскій, Черкасскій, князь Лопата, Козьма и другіе.

Пожарскій.

Ну, слава Богу! Помогъ намъ Господь въ первой битвѣ: теперь съ Богомъ же пойдемъ на вторую.

Черкасскій.

Трубецкой намъ не поможетъ.

Князь Лопата.

Да Богъ поможетъ, — уповаемъ.

Прозоровскій.

Надо правду сказать: вѣдь хоть немного, а всё къ намъ пришли казаки на помощь въ этой битвѣ.

Пожарскій *(воеводамъ).*

Вы станете тамъ, гдѣ былъ деревянный городъ.... Идите съ Богомъ!

Воеводы.

Прости, князь Дмитрій Михайловичъ!

Тѣже, безъ воеводъ.

Пожарскій.

Козьма Миничъ! Пойдемъ и сами на бой.

Мининъ.

Ну, князь Дмитрій Михайловичъ!... Милосердый Богъ, авось, поможетъ.

Пожарский.

Мы только Имъ и сильны *(Обнажаетъ мечъ)*... Ну, пора.... Впередъ, братья!

(Всѣ уходятъ, кромѣ двухъ часовыхъ.)

Двое часовыхъ.

Первый.

Оставили насъ здѣсь сторожить до приказу.

(Раздается гулъ оружія.)

Второй.

Чу, схватка началась....

Первый.

Дождались мы наконецъ. Деремся теперь за вѣру нашу Православную, Христіанскую.

Второй.

Мы-то съ тобою не деремся.

Первый.

Что-жь, и часовые не даромъ.... Какъ-же безъ нихъ?

(Спустя нѣсколько времени.)

Второй.

Вонъ Кузьма Миничъ....

Козьма *(входитъ)*.

Вы здѣсь, — ступайте и вы за мной: теперь не до сторожки. Надобны всѣ ратные люди, сколько ни-на-есть, въ дѣло.... Князь Дмитрій Михайловичъ велѣлъ мнѣ брать, кого хочу.... За мною же, къ Крымскому-Броду.

Первый.

Слава Богу!

Второй.

Что̀, какъ идетъ?

Козьма.

Полегче немного.... Да вотъ мы отъ Крымскаго-Брода ихъ примемъ. Я возьму цѣлый отрядъ.... Ну, братья, — дай, Господи, намъ удачи!

Оба часовыхъ.

Съ Богомъ!

(Всѣ уходятъ.)

III.

Поле. — Берегъ Москвы-Рѣки.

Князь Лопата, съ противоположной стороны князь Пожарскій.

Князь Лопата.

Бѣжитъ Хоткѣевъ!... Козьма Миничъ дѣло порѣшилъ.

Пожарскій.

Побѣда! Слава Тебѣ, Господу нашему! Побѣда, побѣда!

Прозоровскій.

Побѣда! Слава Богу! Побѣда!

Козьма *(входитъ).*

Князь Дмитрій Михайловичъ, побѣда!

Всѣ.

Побѣда! Слава Богу, слава Богу!

Пожарскій.

Молодецъ ты, Козьма Миничъ!.... Славно ты ихъ отъ Крымскаго-то Брода принялъ.

Козьма.

Далъ намъ Господь удачу, укрѣпилъ насъ.

Пожарскій.

Неизреченно милостивъ Господь.

Прозоровскій.

И казаки усовѣстились, помогли.

Образцовъ.

Говорятъ, имъ Авраамій казну монастырскую посулилъ.

Мансуровъ.

А, можетъ, и такъ ихъ усовѣстилъ.

Пожарскій.

Спасибо и имъ за то.... Ну, Козьма Миничъ, ну, воеводы — слава Богу.— побѣда! Милость Господня на насъ.

Тѣже и князь Черкасскій съ ратными людьми.

Пожарскій.

Дмитрій Мамстрюковичъ! Стой! Куда ты?

Черкасскій.

Въ погоню.... Поляки бѣгутъ: рать такъ и рвётся за ними.

Пожарскій.

Зачѣмъ? — Стойте!... Чтобъ не было погони! — Пусть ихъ бѣгутъ... Въ одинъ день не бываетъ двухъ радостей.... Пойдемте благодарить Бога за неизреченную его милость.

Всѣ.

Пойдемъ, князь Дмитрій Михайловичъ, пойдемъ.... Слава Богу нашему!

(Уходятъ.)

IV.

25 октября 1612 года.

Москва. — У стѣнъ Кремля. — Троицкія ворота. — Каменный мостъ черезъ Неглинную.

Толпа казаковъ.

Первый казакъ.

Ну, товарищи, знаете ли вы? — Голодная Литва проситъ боярынь и всѣхъ бабъ выпустить изъ Кремля-города.

Второй.

Что̀ ты?

Первый.

Ишь, говорятъ: бабы ѣдятъ много, — всѣхъ крысъ переѣли, однѣ мыши остались; такъ мышей-то ужь сами они ѣсть хотятъ, — не дадутъ бабамъ, — за тѣмъ ихъ выпускаютъ....

Третій.

Молчи, что̀ ты мелешь! Тамъ еще полъ-собаки не доѣдено, да вороній носъ не обглоданъ.... Такъ вонъ оно сколько!

(Хохотъ.)

Первый.

Такъ, — да поживиться-то намъ можно: вѣдь, чай, боярыни всѣ выдутъ въ монистахъ; шубъ да жемчугу, чай, не съѣли.

(Хохотъ.)

Иверскія ворота въ Москвѣ.

Второй.

Ну, держитесь, боярыни!

Третій.

Вонъ Пожарскій лѣзетъ съ цѣлымъ отрядомъ.... Отойдемте.

(Удаляются.)

Тѣже, Пожарскій, Мининъ и ратные люди.

Пожарскій.

Ну, слава Богу! Китай-городъ взятъ, а кажется, и Кремль недолго Поляки держать будутъ. Изъ Кремля просили выпустить боярынь и другихъ женщинъ. Примемъ ихъ, братья, съ честью.... Вонъ никакъ онѣ выходятъ.

(Растворяются Кремлевскія ворота: боярыни показываются на мосту.)

Пожарскій *(смотритъ).*

Вонъ это княгиня Мстиславская.... Какъ исхудала, бѣдная!... Вышли вонъ.... Вонъ и ворота затворили *(Боярыни приближаются).* Вонъ это....

(Казаки съ крикомъ кидаются на боярынь.)

Пожарскій *(кидается къ нимъ).*

Что вы?... Грабить?... Прочь, разбойники.... Не дадимъ!

(Пожарскій съ отрядомъ заграживаетъ боярынь.)

Казаки.

Убирайся, князь Дмитрій Михайловичъ, ты всему помѣха! Убирайся, — не твое дѣло!

Мининъ.

Убирайтесь сами вы, бездѣльники!

Первый казакъ.

Молчи, сухая рука!

(Кидаются вновь. Пожарскій и его отрядъ не пускаютъ.)

Ратные люди.

Прочь, воры!

Казаки *(обнажаютъ сабли).*

Ну, коли такъ, мы васъ напередъ перещупаемъ.

Пожарскій и ратные люди *(обнажая сабли).*

Ну, суньтесь, воры, ну!...

Второй казакъ.

Ишь, сами богаты, — такъ намъ поживиться не даютъ.

Пожарскій.

Поживиться, разбойники!... Своихъ грабите, да еще женъ слабыхъ....

Третій казакъ.

Ну ты, расхныкался!

(Хотятъ снова броситься.)

Пожарскій.

Ну такъ что-же?... Суньтесь!...

(Казаки, ворча, отходятъ.)

Первый казакъ.

Мужики эти всё наперекоръ...

Второй казакъ.

Ступайте землю пахать!

Третій казакъ.

Траву косить.

Четвертый казакъ.

Хлѣбъ жать.

Пятый казакъ.

Снопы молотить!

Первый ратникъ.

Вотъ мы васъ вспашемъ!

Второй ратникъ.

Подкосимъ вамъ ноги!

Третій ратникъ.

Сожнемъ васъ всѣхъ!

Четвертый ратникъ.

Да и отмолотимъ....

Казаки.

Ишь, забіяки, — добро!...

Первый казакъ.

Охъ, ужь этотъ Пожарскій! Я бъ его на пожаръ....

Пожарскій.

Ну, дальше отходите!

Мининъ.

Убирайтесь!

Ратные люди.

Ну, ну, проваливайте!

(Казаки удаляются съ ропотомъ.)

Никольскія ворота въ Московскомъ Кремлѣ.

Пожарскій *(княгинѣ Мстиславской и всѣмъ женщинамъ).*

Здорова ли ты, княгиня? Здоровы ли вы всѣ?

Княгиня Мстиславская.

Не пуще здорова, — истомилась вся.

Шереметева.

Ахъ, напугали, было, казаки, — да спасибо тебѣ, князь Дмитрій Михайловичъ, не далъ въ обиду.

Женщины.

Испужались, было, мы.... Спасибо тебѣ, князь Дмитрій Михайловичъ.

(Кланяются.)

Пожарскій.

Не-на-чемъ.... Отдохните, боярыни. Пройдите въ мой станъ: милости прошу. Проводи ихъ, Козьма Миничъ.

Женщины *(кланяются).*

Спасибо тебѣ.... Прости, князь Дмитрій Михайловичъ!

Пожарскій.

Не-на-чемъ.... Простите.

(Женщины съ Мининымъ и частью ратныхъ людей уходятъ.)

Тѣже и Польскій ротмистръ.

Ротмистръ.

Князь Дмитрій Михайловичъ! Панъ Струсь сдаётъ вамъ Кремль. Онъ прислалъ прежде меня сказать вамъ о томъ. Напередъ онъ выпуститъ бояръ.... Онъ ихъ сейчасъ и выпуститъ.

Пожарскій.

Сдаётъ!... Слава тебѣ, Господи!... Такъ сдаётъ? — Ты сходи къ князю Дмитрію Тимоѳѣевичу Трубецкому: мы съ нимъ теперь съ-обща дѣла дѣлаемъ.

Ротмистръ.

Только вотъ что, князь.... панъ Струсь проситъ, чтобы всѣмъ намъ быть плѣнными у тебя.

Пожарскій.

Этого нельзя сдѣлать: свои — другое дѣло. А, вѣдь, вы плѣнниками будете.... Какъ-же? — Мы, вѣдь, городъ съ Трубецкимъ вмѣстѣ возьмемъ, такъ, вѣдь, по-обычаю, и полонъ пополамъ: онъ тоже плѣнныхъ взять себѣ можетъ; а взять онъ захочетъ.

Ротмистръ.

Постарайся, князь: защити насъ отъ казаковъ.

Пожарскій.

Что можно, то сдѣлаю.... А плѣнныхъ всѣхъ взять себѣ не могу.

Ротмистръ.

Намъ дѣлать нечего, намъ уже всё равно: приходится сдаться.

Пожарскій.

Радость великую ты мнѣ сказалъ, что сдаете вы намъ Кремль, — такъ иди къ князю Трубецкому, скажи и ему.

Тѣже безъ ротмистра, потомъ Козьма Мининъ.

Пожарскій.

Такъ Москва наша, и бояре сейчасъ выйдутъ.... Господи! *(Козьма входитъ).* Козьма Миничъ! Москва наша! — Струсь сдаётъ Кремль.... Сейчасъ приходилъ ко мнѣ ротмистръ отъ него и сказывалъ. Пошелъ онъ теперь къ князю Трубецкому. Струсь выпуститъ сперва бояръ, — сейчасъ ихъ выпуститъ.

Мининъ.

Господи, слава тебѣ!... Такъ Москва скоро освободится? Мы войдемъ въ Кремль!

Пожарскій.

Вотъ радость, вотъ милость Господня! *(Ратнымъ людямъ).* Люди ратные, люди православные! Слышите-ли вы?... Намъ сдаютъ Москву: Москва наша!

Ратные люди.

Наша! наша! Слава тебѣ, Господи!

Пожарскій.

Милосердъ Богъ нашъ.... Наконецъ-то наша — Москва!... Поздравляю тебя, Козьма Миничъ! Поздравляю васъ, люди православные!... Обнимемся...

(Обнимаются.)

Спасскія ворота въ Московскомъ Кремлѣ.

V.

Тамъ же у Кремля.

Князь Мстиславскій и другіе бояре, бывшіе сторонники Поляковъ, и сидѣвшіе въ осадѣ вмѣстѣ съ ними, выходя изъ Кремля, сходятъ съ моста. Пожарскій и другіе встрѣчаютъ ихъ и кланяются, они — тоже.

Пожарскій.

Здравствуйте, бояре, дворяне, торговые люди и всѣ люди православные! Здоровы-ли?

Всѣ *(кланяются).*

Здоровы... Благодаримъ тебя, князь Дмитрій Михайловичъ.

Пожарскій *(Мстиславскому).*

Князь Ѳедоръ Ивановичъ!

Мстиславскій *(со-слезами).*

Ахъ, князь Дмитрій Михайловичъ... Слава Богу, видимъ мы васъ! Богъ помогъ намъ на насъ грѣшныхъ.

Пожарскій.

Слава Господу: освобождаемъ землю Русскую и вѣру Православную!

Шереметевъ.

Грѣшны мы: не понадѣялись, что защититъ Господь и спасетъ Русскую землю.

Куракинъ.

Подумали мы, что помощь королевская нужна: не думали мы, чтобы сама Русская наша земля, одна да съ Божьей помощью, спаслася...

Шереметевъ.

А Господь милосердый спасаетъ Русскую землю и вѣру Православную; обличилъ и постыдилъ насъ грѣшныхъ... Слава Господу!

Мстиславскій.

Грѣшны мы, виноваты передъ вами: простите насъ, православные люди!

(Мстиславскій и всѣ, кто съ нимъ, кланяются.)

Народъ *(кланяется).*

Богъ проститъ.

Мстиславскій *(Пожарскому).*

А который Козьма Миничъ?

Пожарскій.

Вотъ Козьма Миничъ.

Мстиславскій.

Ахъ, Козьма Миничъ! Слышали мы о тебѣ много: спасибо тебѣ.

Пожарскій.

Я безъ его совѣту ничего не дѣлалъ.

Всѣ *(кланяются Козмѣ Миничу).*

Спасибо тебѣ, Козьма Миничъ.

Мининъ.

Князь Дмитрій Михайловичъ, князь Дмитрій Михайловичъ! Не нужна тебѣ людская похвала: не хочешь ты ея.... Богъ тебя знаетъ, и видитъ Онъ твое смиреніе.

Шереметевъ.

Спасибо и князю Дмитрію Михайловичу, и тебѣ, Козьма Миничъ, и вамъ — всѣмъ добрымъ людямъ.

Пожарскій.

Одному Богу благодаренье... Хваленье Господу, Владыкѣ нашему, воздадимъ. Пойдемъ, князь Ѳедоръ Ивановичъ, и ты, князь Иванъ Семеновичъ, и ты, Ѳедоръ Ивановичъ, и вы всѣ, православные люди, пойдемте въ мой станъ... Радость сегодня великая... Пойдемте же всѣ, — возблагодаримъ Господа, люди православные, за его къ намъ неизреченную милость.

(Всѣ уходятъ.)

VI.

Внутренность Кремля. — Вечеръ.

Человѣка четыре ратныхъ людей: иные сидятъ на грудѣ камней, иные стоятъ. — Стрѣльцы стоятъ на стражѣ, въ нѣкоторомъ отдаленіи, на стѣнахъ, на башняхъ и у воротъ.

Елизаръ.

Вечерѣетъ.... День какой добрый!

Антонъ.

Легко какъ-то: точно гора съ плечъ свалилась.... Опять въ Кремлѣ сидишь да поглядываешь около.

Иванъ.

Да, легко на душѣ.... Опять обѣдню въ Успенскомъ Соборѣ отслушали.

Ермилъ.

Благодатный денёкъ!... Какъ въ Кремль-то вошли, — какъ, вѣдь, радостно. Вышелъ къ намъ навстрѣчу архіепископъ Арсеній съ иконою Владимірскія Божія Матери, съ колокольнымъ звономъ: — хорошо!

Вознесенскій Дѣвичій Монастырь, въ Московскомъ Кремлѣ.

Антонъ.

Слава Господу! Смиловался надъ нами: спасъ царствующій градъ нашъ Москву и Русскую землю спасаетъ: и вѣра Православная опять въ Москвѣ славится.

Всѣ.

Слава Богу!

Ермилъ *(поглядывая).*

Повычинить стѣны надобно.

Иванъ.

Вычинимъ теперь, вычинимъ.

Антонъ.

Мало-ли еще чего сдѣлать, поправить.

Еливаръ.

Поправимъ теперь, Богъ дастъ.

Иванъ.

Куда ни взглянешь по улицамъ, — вездѣ нашихъ ратныхъ людей видишь: ходятъ теперь по всему городу безъ-помѣхи. Наша опять — Москва: освободилась Божіею милостію.

Всѣ.

Слава Богу!

Тѣже и Еремей.

Антонъ.

Еремей, откудова ты?

Еремей.

Всѣ церкви обходилъ, къ образамъ прикладывался, и всѣ стѣны въ Кремлѣ обошелъ, инда усталъ.

Иванъ.

Ну садись, отдохни.

(Еремей садится.)

Антонъ.

Теперь всѣ мы словно отдыхаемъ — по милости Божіей.

Всѣ.

Да.

Елизаръ *(Еремею).*

Ну что̀, много попорчено?

Еремей.

Есть... Ничего, — Богъ дастъ, всё выправимъ!

Антонъ.

Еще краше прежняго Москва будетъ.

Еремей.

Вонъ князь Дмитрій Михайловичъ....

(Всѣ встаютъ.)

Тѣже и князь Пожарскій.

Всѣ.

Здравствуй, князь Дмитрій Михайловичъ!

Князь Пожарскій.

Здравствуйте.... Что̀, отдыхаете?

Иванъ.

Да вотъ, князь Дмитрій Михайловичъ, сидимъ въ Кремлѣ да поглядываемъ.... Какъ-то радостно.

Князь Пожарскій.

Радостно-то — радостно, по неизреченной милости Божіей.... Въ Успенскомъ Соборѣ опять, какъ прежде, хвалу Богу воздавали.

Тѣже и Козьма Мининъ.

Князь Пожарскій.

Вотъ и Козьма Миничъ.... Ну что̀, Козьма Миничъ?

Козьма Мининъ.

Да что̀, князь Дмитрій Михайловичъ: — одно благодареніе Господу нашему!

Всѣ.

Слава Богу нашему!

Князь Пожарскій.

Однако поздно.... Прощайте, братья! — Пойдемъ Козьма Миничъ.

Мининъ.

Прощайте.

Всѣ.

Прощай, князь Дмитрій Михайловичъ, — прощай, Козьма Миничъ!

Колокольня «Иванъ-Великій» — въ Московскомъ Кремлѣ.

Тѣже — безъ князя Пожарскаго и Минина.

Елизаръ.

Опять стрѣльцы, какъ прежде, по стѣнамъ и по всѣмъ мѣстамъ, въ Кремлѣ на-стражѣ стоятъ.

Еремей *(оглядываясь).*

Да.

Еремей.

Вотъ этакіе люди, какъ князь Дмитрій Михайловичъ да Козьма Миничъ, вотъ это — люди святые.

Антонъ.

Да, благослови ихъ Господь.

Иванъ.

Князь-то Дмитрій Михайловичъ смиренъ какъ....

Елизаръ.

Да, нечего и говорить: чистъ передъ Богомъ, правъ передъ людьми.

Антонъ.

Онъ, слышно, храмъ Казанской Божіей Матери заложить хочетъ, въ-память спасенія нашего.

Еремей.

Какъ онъ съ Козьмой Миничемъ — душа-въ-душу!

Иванъ.

Сердце сердцу вѣсть подаетъ.... Козьма Миничъ, вѣдь, тоже такой человѣкъ.

Елизаръ.

Благослови Господь ихъ обоихъ, князь Дмитрій Михайловича да Козьму Минича. Благослови, Господи, всѣхъ православныхъ людей! Благослови, Господи, всю Русскую землю!

Всѣ.

Благослови, Господи!

Еремей.

Совсѣмъ темно становится: скоро стрѣльцы начнутъ свою перекличку.... Пойдемте по домамъ.

(Уходятъ.)

Еремей и Елизаръ *(стоятъ еще нѣсколько времени и потомъ — другъ другу:)*

Пойдемъ....

(Всѣ расходятся. Остаются только караульные стрѣльцы).

Стрѣльцы начинаютъ свою перекличку.

Первый стрѣлецъ.

Славенъ городъ Москва!

Второй стрѣлецъ.

Славенъ городъ Кіевъ!

Третій стрѣлецъ.

Славенъ городъ Владиміръ!

Четвертый стрѣлецъ.

Славенъ городъ Суздаль!

Пятый стрѣлецъ.

Славенъ городъ Ростовъ!

Шестой стрѣлецъ.

Славенъ городъ Смоленскъ!

Седьмой стрѣлецъ.

Славенъ городъ Новгородъ!

Константинъ Аксаковъ.

1613 ГОДЪ.

(Изъ «Русской лѣтописи по Никонову списку».)

Пріидоша изо всѣхъ городовъ и изъ монастырей къ Москвѣ митрополиты и архіепископы, и изо всякихъ чиновъ всякіе люди, и начаша избирати государя.

Богу же произволившу на Православную Христіанскую вѣру, и хотящу утвердити на Россійскомъ Государствѣ благочестивый корень, яко же древле Израилтескому роду царя Саула, тако убо и на наши слезы призрѣ Богъ, и даде намъ праведна государя. Родъ бо праведныхъ благословится, рече пророкъ, и сѣмя ихъ во благословеніи будетъ: тако благослови Богъ и прослави племя и средство царское — достославнаго, и святаго, и блаженныя памяти государя, царя и великаго князя Ѳедора Ивановича всея Русіи — племянника: благовѣрнаго, и Богомъ избраннаго, и Богомъ соблюдаемаго отъ всѣхъ скорбей, царя, государя и великаго

князя Михаила Ѳедоровича всея Русіи самодержца, сына великаго, боярского роду, боярина Ѳедора сына Никитича Юрьева, и положися во всѣ люди мысль, не токмо въ вельможи или въ служивые люди, но и въ простые, во всѣ православные хрестьяне, и въ сущіе младенцы, — и возопиша всѣ велегласно, что любъ всѣмъ на Московское Государство — Ми-

Ипатіевскій Монастырь въ Костромѣ, гдѣ жилъ Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ во время избранія его на царство.

хайло Ѳедоровичъ Юрьевъ. Въ той же день бысть радость велія на Москвѣ, и поидоша въ соборную апостольскую церковь Пречистыя Богородицы, и пѣша молебны съ звономъ и со слезами, и бяша радость велія, како изо тьмы человѣцы выидоша на свѣтъ.... И кто можетъ судьбы Божія испытати: — иные убо подкупаху и засылаху, хотяше не въ свою степень, — онъ же, благочестивый государь, того и въ мысли не имяше и не хотяше; бывшу бо ему въ-то-время у себѣ въ вотчинѣ, того и не вѣдяше, да Богу онъ угоденъ бысть, и за-очи помаза его Богъ елеемъ святымъ и нарече его — царемъ.

Власти же, и бояре, и всѣ людіе начаша избирати изо всякихъ чиновъ послати бити-челомъ къ его матери, къ великой государынѣ, старицѣ, инокѣ Марѳѣ Ивановнѣ, чтобъ всѣхъ православныхъ христіанъ пожаловала и благословила бы сына — царя, государя и великаго князя, Михаила Ѳедоровича всея Русіи — на Московское Государство и на всѣ Россійскія царства, — и у него, государя, милости прошать, чтобы не презрилъ горькихъ слезъ православныхъ хрестьянъ, и послаша на Кострому, изо властей, Рязанскаго архіепископа Ѳеодорита, и съ нимъ многихъ властей черныхъ *), а изъ бояръ — Ѳедора Ивановича Шереметева, и изо всѣхъ людей — всякихъ людей многихъ; они же поидоша, и пріидоша на Кострому, ему-же, государю, въ то время бывшу въ Ипатскомъ Монастырѣ.

Архіепископъ же Ѳеодоритъ, и бояринъ Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ, и всѣ люди, пріидоша въ соборную церковь Пречистыя Богородицы, и пѣша молебны, — и взяша честные кресты, и мѣстный чудотворный образъ Пречистыя Богородицы Ѳедоровскія, и многія иконы, и поидоша въ Ипатской монастырь, и пѣша молебны у Живоначальныя Троицы, — и придоша къ нему, государю, и къ матери его, великой государынѣ, старицѣ, инокѣ Марѳѣ Ивановнѣ, и падоша вси на землю, не токмо-что плакаху, но и воплю велію бывшу, и молиша его, государя, чтобы шелъ на свой царскій престолъ, на Московское Государство. Онъ же, государь, и мати его, великая государыня, со-слезами имъ отказываше и нарицаше его юна суща. И бывшу же плачю и прошенію на многій часъ: — и кому убо противу Божія десницы стояти, коли чему Богу повелѣвшу быти; — едва ево, государя, и мати его, великую государыню, умолиша, — и пожаловала она, благословила на Московское Государство сына своего, государя, царя и великаго князя, Михаила Ѳедоровича всея Русіи. Бысть-же въ тотъ день на Костромѣ радость велія, и составиша праздненство чудотворной иконѣ Пречистыя Богородицѣ Ѳе-

---

*) *Черныя власти* — высшее монашествующее духовенство. — *Щ.*

доровской; къ Москвѣ-же, къ бояромъ и ко всей землѣ, послаша и возвѣстиша имъ всѣмъ: бысть же радость на Москвѣ велія наипаче первыя.

На Москвѣ же всѣ люди поцѣловаше крестъ, и послаша властей и дворянъ во всѣ городы приводити къ крестному цѣлованію, во всѣхъ же городахъ съ-радостію цѣловали крестъ.

Поиде государь, царь и великій князь, Михайло Ѳедоровичъ всея Русіи, съ Костромы въ Ярославль; Ярославцы-жь, власти и всѣ люде, встрѣчаху его, государя, радостно со образами, и съ хлѣбами, и съ великими дары, — отъ радости-жь не можаху промолвити въ слезахъ.

Царь-же, государь и великій князь, Михайло Ѳедоровичъ всея Русіи, приде подъ Москву: люди же Московскаго Государства встрѣтоша его съ хлѣбами, а власти и бояре встрѣтоша за городомъ со крестами. И пріиде государь къ Москвѣ — на свой царскій престолъ — въ лѣто 7121-ое, послѣ Велика Дня въ другое Воскресеніе Святыхъ Женъ Мироносицъ; на Москвѣ же паки бысть радость велія, и пѣша молебны....

Людіе же увидѣша себѣ свѣтъ, не имяху себѣ вѣры, не чаяху такія себѣ радости, и придоша къ государю всею землею со-слезами — битичеломъ, чтобы государь вѣнчался своимъ царскимъ вѣнцомъ: онъ же не презри ихъ моленія, и вѣнчался своимъ царскимъ вѣнцомъ того-же лѣта, а вѣнчалъ его, государя, Казанскій митрополитъ Ефремъ и всѣ власти Московскаго Государства....

Народная пѣсня про Козьму Минина и князя Пожарскаго, про освобожденіе Москвы, и про избраніе Михаила Ѳедоровича.

Какъ въ старомъ-то было городѣ,
Во славномъ и богатомъ Нижніемъ,
Какъ ужь жилъ тутъ поживалъ богатый мѣщанинъ,
Богатый мѣщанинъ, Кузьма Сухорукій сынъ.
Онъ собралъ-то себѣ войско изъ удалыхъ молодцовъ,
Изъ удалыхъ молодцовъ, Нижегородскихъ купцовъ.
Собравши ихъ, онъ рѣчь имъ взговорилъ:

«Охъ, вы, гой еси, товарищи, Нижегородскіе купцы!
«Оставляйте вы свои домы́,
«Покидайте вашихъ женъ, дѣтей,
«Вы продайте всё ваше злато-серебро,
«Накупите себѣ вострыихъ копіёвъ,
«Вострыихъ копіевъ, булатныхъ ножей, —
«Выбирайте себѣ изъ князей и бояръ удало̀ва молодца̀,
«Удалова молодца, воеводушку....
«Пойдемъ-ко мы сражатися
«За матушку родну землю,
«За родну́ землю, за славный го̀родъ Москву.
«Ужь заполонили-то Москву проклятые народы — Поляки злы!
«Разобьемъ ихъ, много перевѣшаемъ,
«Самого-то Жигмонта короля ихъ въ полонъ возьмемъ;
«Освободимъ мы матушку-Москву отъ нечестивыхъ жидовъ,
«Нечестивыхъ жидовъ-Поляковъ злыхъ!»
Ужь какъ выбрали себѣ молодые ратнички,
Молодые ратнички, Нижегородскіе купцы,
Выбрали себѣ удало̀ва молодца̀,
Удалова молодца, воеводушку,
Изъ славнаго княжескаго роду —
Князя Дмитрія, по прозванію Пожарскаго.
Ужь повелъ ихъ славный князь Пожарскій
За славный Москву-городъ сражатися,
Съ нечестивыми жидами-Поляками войной бра̀нитися...
Ужь привелъ-то славный князь Пожарскій своихъ храбрыхъ воиновъ,
Привелъ ко Московскіимъ стѣнамъ;
Становилъ-то славный князь Пожарскій своихъ добрыхъ воиновъ
У Московскіихъ у крѣпкихъ стѣнъ...
Выходилъ-то славный князь Пожарскій передъ войско свое;
Какъ ужь взговорилъ онъ своимъ храбрымъ воинамъ:
«Охъ, вы, гой еси, храбрые вы ратнички,
«Храбрые вы ратнички, Нижегородскіе купцы!
«Помолимся мы на Святыя на Врата на Спасскія,
«На пречистый образъ Спасителя!»
Помолившись, дѣло начали:
Какъ разбили-проломили Святыя Врата,
Ужь взошли-то храбрые ратнички въ бѣлокаменный Кремль,
Какъ и начали-то ратнички Поляковъ колоть, рубить,
Колоть рубить, въ большія кучи валить.....
Собралися всѣ князья, бояре Московскіе,
Собралися думу думати....
Какъ и взго̀ворютъ старшіе бояре, воеводы Московскіе:
«Вы скажите, вы, бояре, кому царемъ у насъ быть?»
Какъ и взго̀ворютъ бояре, воеводы Московскіе:
«Ужь мы выберемъ себѣ въ православные цари

«Изъ славнаго, изъ богатаго дома Романова —
«Михаила сына Өедоровича.»
И выбрали себѣ въ цари — Михаила сына Өедоровича.

Памятникъ Минину и Пожарскому въ Москвѣ.

МѢСТО

изъ грамматы утвержденной о избраніи на Россійскій престолъ царемъ и самодержцемъ Михаила Өедоровича Романова-Юрьевыхъ, за подписаніемъ бывшихъ при выборѣ всякаго чина и званія людей. — Писана 1613 года, въ маѣ мѣсяцѣ.

Всѣ православные Крестьяне всего Московскаго Государства, отъ мала и до велика, и до сущихъ младенецъ, яко едиными усты вопіяху и взываху, глаголюще: что быти на Владимерскомъ, и на Московскомъ, и на Ноугоротцкомъ государствахъ, и на царствахъ Казанскомъ и, на Астороханскомъ, и на Сибирскомъ, и на всѣхъ великихъ и преславныхъ государствахъ Російскаго Царствованія — Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ, всеа Русіи Самодержцемъ прежнихъ великихъ,

благородныхъ и благовѣрныхъ, и Богомъ вѣнчанныхъ Російскихъ Государей Царей, отъ ихъ Царского благороднаго корени, блаженные памяти и хваламъ достойнаго великаго Государя Царя и Великаго Князя Федора Ивановича всеа Русіи Самодержца, сродичю, благоцвѣтущие отрасли, отъ благочестиваго корени родившуся, Михаилу Федоровичу Романову-Юрьеву: да приметъ скифетръ Російского царствія, для утверженія истинные нашіе православные вѣры, и чтобъ Господь Богъ его Государскимъ призрѣньемъ во всемъ Московскомъ Государстве расточенные и раззоренные исправилъ, и во едино благочестіе совокупилъ, и межъусобье въ Московскомъ Государстве утолилъ, и вся благая Московскому Государству устроилъ, яко же бысть въ Московскомъ государстве тишина и благоденствие при сродиче его, великомъ Государе нашемъ, блаженные памяти, при Царѣ и Великомъ Князе Федоре Ивановиче, всеа Русіи Самодержце. Всѣ великие окрестные Государи отъ его Царскаго имени трепетали, и любительные дары ему, Великому Государю, приношаху, по Его Царского Величествия достоянию, и въ дружбе, и въ любви съ Его Царскимъ Величествомъ быти желаху; а окрестные недруги и непослушники тѣ всѣ у Его превысочайшие царские степени Величества послушны учинилися, и отторженные грады и земли отъ его великого Государства многими лѣты, паки во своя возврати. И, по данней благодати отъ святаго Духа, вси во единомыслие совокупившеся, и утвердившеся по Христѣ вѣрою, Московского Государства богомолцы, Митрополиты, и Архиепископы, и Епископы, и Архимариты, и Ігумены, и весь освященный соборъ, и розныхъ земель Цари и царевичи, которые служатъ въ Московскомъ Государстве, и Бояре, и Околничие, и Чашники, и Стольники, и Стряпчие, и Дворяне болшие, и Дворяне-жъ, и Дьяки думные, и Дворяне изъ городовъ, и Дьяки, и жильцы, приказные всякие люди, и дѣти боярские, и Головы, и Сотники, и Атоманы, и казаки, и стрелцы, и торговые, и посатцкие, и всего Московского Государства всѣхъ чиновъ всякіе люди, всенародное безчисленное множество, всѣ православные Християне, всякъ возрастъ отъ мала и до велика, обрали на Владимерское, и на Московское и на Ноугоротцкое государства, и на царства Казанское и Астороханское, и Сибирское, и на всѣ великие и преславные государства Російского царствія Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ, всеа Русіи Самодержцемъ, прежнихъ великихъ, благородныхъ, и благовѣрныхъ, и Богомъ вѣнчанныхъ Російскихъ Государей Царей, отъ ихъ Царского благороднаго корени благоцвѣтущую отрасль, Михаила Федоровича Романова. А избравъ и нарекши его, великаго Государя Царя, великого Князя Михаила Федоровича, всея Русіи Самодержца, на Владимерское, и на Московское, и на Ноугоротцкое государства, и на царства Казанское, и Астороханское, и Сибирское, и на всѣ великие и

преславные государства Росийского Царствія, Московского Государства Митрополиты, и Архиепископы, и Епископы, и Архимариты, и Ігумены, и весь освященный соборъ, въ Богомъ спасаемомъ и преименитомъ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ соборной Апостолстей церкви пречистые Богородицы честнаго и славнаго Ея Успения, и по монастыремъ, и по всѣмъ церквамъ царствующаго града Москвы, пѣли молебны соборне, съ звономъ, и молили всесильнаго, въ Троице славимаго Бога, и Пречистую Его Матерь, и всѣхъ святыхъ о многолѣтномъ здравіи благовѣрнаго, и Христолюбиваго, и Богомъ избранного, великаго Государя, Царя и Великого Князя Михаила Федоровича всеа Русіи, чтобъ всемилостивый Господь Богъ, отъ своея святыя и велелѣпные славы величествия своего, послалъ на него, великого Государя, Свою святую милость, и умножилъ бы Господь Богъ лѣтъ живота его, Царство его устроилъ мирно, и немятежно, и ото всѣхъ врагъ непоколебимо на вѣки, и возвысилъ бы Господь Богъ его Царскую десницу надо всѣми враги его и недруги, и покорилъ бы подъ нозѣ его вся враги, востающая на ны, и чтобъ наша святая и непорочная истинная православная Христіанская вѣра Греческаго закона во всемъ Російскомъ Государстве была нерушима по прежнему, а все бъ православное Християнство было въ тишинѣ, и въ покое, и во благоденстве, и его бъ Царское пресвѣтлое имя передо всѣми великими Государи славно было къ очищенью, и къ расширенью, и къ прибавленію великихъ его государствъ, яко же вѣсть святая Его воля, сподобилъ бы Господь Богъ его, великого Государя, венчатися Царскимъ венцомъ и диадимою на всѣ великие и православные государства всего Російского Царствия — по древнему обычаю....

НАРОДНОЕ СКАЗАНІЕ О ПРІѢЗДѢ ВЪ МОСКВУ ФИЛАРЕТА НИКИТИЧА.

(1619 года.)

Возрадовалося царство Московское и вся земля Святорусская: умолилъ православный царь, князь великій, Михайло Ѳедоровичъ....

А что̀ скажутъ, — въѣхалъ батюшка, государь, Филаретъ Никитичъ изъ невѣрной земли изъ Литовской. Съ собою онъ вывезъ много князей-бояръ; еще онъ вывезъ государева боярина, князя Михайла Борисовича Шеина.

Съѣзжалися многіе князья, бояря и многія власти ко сильному царству Московскому: хотятъ встрѣчать Филарета Никитича....

Изъ славнаго града, каменно́й Москвы, не красное солнце катилося: пошелъ государь, православный царь, встрѣчати своего батюшка, государя, Филарета Никитича. Съ Государемъ пошелъ его дядюшка, Иванъ Никитичъ, бояринъ....

— Дай, Господи, здоровъ былъ государь, мой батюшка, а батюшка Филаретъ Никитичъ!...

А какъ будутъ они въ каменной Москвѣ, — не пошли они въ хоромы въ царскія, а пошли они къ Пречистой Соборной, а пѣти честныхъ молебновъ....

Благословлялъ своего чада милаго: — и дай, Господи, здоровъ былъ православный царь, князь великій, Михайло Ѳедоровичъ, а ему содержати царство Московское и вся земля Святорусская!...

(Записано въ 1619 году для Англичанина Ричарда Джемса, бывшаго тогда въ Россіи.)

МАЛОРОССІЯ ВЪ СЕМНАДЦАТОМЪ ВѢКѢ, ПРИ ПОЛЯКАХЪ.

(Изъ «Исторіи Малороссіи».)

Малороссія доведена была до послѣдняго изнеможенія. Вельможи превратили козаковъ въ наемное войско, раздѣлили между собою помѣстья. Потоцкіе, Вишневецкіе выводили въ степи жителей Малороссіи, коммиссары раззоряли ихъ; изъ звѣриной и рыбной ловли отнимали у козаковъ лучшую добычу, разсылали ихъ съ письмами, поручали имъ присмотръ за собаками, чистить лошадей; приказывали выметать соръ изъ дворовъ, топить печи; удерживали ежегодное жалованье, присыланное для нихъ королемъ и рѣчью-посполитою *); медъ, горѣлку, пиво и брагу вовсе запрещали, сыновей козацкихъ употребляли на панщину; чрезъ дикія степи въ отдаленнѣйшіе города ходили козаки отъ пана къ пану съ подарочнымъ орломъ, ястребомъ или собакою. Ихъ полковниками были шляхтичи, а вельможи Польскіе, будучи отдалены отъ безчисленныхъ своихъ помѣстьевъ Украинскихъ, не знали, что подарки, имъ приносимые отъ старостъ и Евреевъ-арендаторовъ, сопряжены съ раззореніемъ ихъ подданныхъ, и не чувствовали того, говоритъ одинъ лѣтописецъ, «что имъ кожу мажутъ ихъ собственнымъ саломъ». Никто изъ жителей не зналъ, кому принадлежитъ не только его собственность, но даже жена и дѣти его... Вотъ до чего доведена была Малороссія!

Но гроза уже созрѣла и повисла надъ вѣроломными губителями народа благороднаго и долготерпѣливаго, надъ губителями того народа, который былъ свободенъ, какъ и они, который столько крови пролилъ за ихъ отечество. Клятвопреступники, варварски тѣшившіеся надъ присягою и человѣчествомъ, душегубцы, умерщвлявшіе безпощадно младенцевъ и женъ неповинныхъ, изувѣры, издѣвавшіеся надъ людскими мнѣніями и вѣрою, грабители чужой собственности, насилователи дѣвъ,

---

*) *Рѣчь-посполитая* значитъ: Польскіе паны, шляхта и духовенство, — то-есть, Польское государство. *Ш.*

опьянѣлые кровію, одѣвшись въ ризы священническія, послѣ плясокъ и пѣнія на площадяхъ, гдѣ совершались казни чудовищныя — они какъ-будто обезумѣли, и, проводя дни и ночи въ самохвальствахъ, буйствѣ, юродствѣ и бражничаньѣ, заснули умомъ и чувствами... Проснулись — лицемъ къ лицу предъ ними стоялъ Богданъ Хмѣльницкій!

Николай Маркевичъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Между Малороссіянами были многіе славные витязи, которые отстаивали свою Православную вѣру и Русскую народность отъ Поляковъ, или бились съ врагами христіанства — Турками и Татарами.

Вотъ имена главнѣйшихъ изъ этихъ истинно-Русскихъ и христіанскихъ воиновъ:

Гетманъ **Ѳедоръ Богданъ**, знаменитый въ преданіяхъ и лѣтописяхъ, и асаулъ **Нечай** прославились своимъ нашествіемъ на Крымъ и походами на Турцію. Они дошли даже до самаго Константинополя. — Гетманъ **Павелъ Подковъ** извѣстенъ своею необычайною силою, и тѣмъ, что занялъ было Валахскій престолъ. — **Наливайко**, очищавшій свою родную Русскую землю отъ Поляковъ, ксендзовъ и уніатовъ. Онъ былъ мучительно казненъ Поляками въ Варшавѣ. — **Тарасъ Трясило**, давшій себя знать Полякамъ. — **Сѣрко**, Запорожскій кошевой атаманъ, — гроза и ужасъ Туркамъ и Татарамъ. — **Карпо Полтора-Кожуха**, старавшійся освободить родину отъ Польскаго ига. Онъ, воюя съ Поляками, между прочимъ, захватывалъ часто Польскихъ воинскихъ начальниковъ, продавалъ ихъ въ Крымъ Татарамъ, или мѣнялъ ихъ на быковъ и барановъ. — Знаменитый гетманъ **Богданъ Хмѣльницкій**, при которомъ возсоединилась Малороссія съ Россіею. — Полковникъ **Семенъ Палій**, по подвигамъ похожій на Сѣрка. Онъ извѣстенъ своею необыкновенною удалью и своими приключеніями и богатствомъ, добытымъ войною. Человѣкъ — съ именемъ, ничѣмъ незапятнаннымъ.

По возсоединеніи Малороссіи съ Великороссіею, спустя извѣстное время, когда вовсе уже не было надобности, въ томъ краѣ, защищать мечомъ Русскую вѣру и Русскую народность, — Малороссійское казачество упразднилось, и затѣмъ многіе изъ Малороссіянъ стали появляться дѣятелями въ Великороссіи. — Изъ нихъ особенно замѣчательны: въ *духовенствѣ* — **Святой Димитрій, Митрополитъ Ростовскій**, жившій при Императорѣ Петрѣ Первомъ; между *государственными людьми* — наиболѣе извѣстные министры: при Императрицѣ Екатеринѣ Второй и при Императорѣ Павлѣ — **Князь Безбородко**, при Императорѣ Александрѣ Первомъ — **Князь Кочубей и Трощинскій**; наконецъ между *Русскими* отечественными *писателями* признанъ однимъ изъ первыхъ — уроженецъ Полтавской губерніи, Николай Васильевичъ **Гоголь**, жившій въ царствованіе Николая Перваго. *Щ.*

ИЗЪ ПОВѢСТИ «ТАРАСЪ БУЛЬБА».

I.

Въ Запорожской Сѣчи.

Паромъ началъ причаливать къ берегу. Стоявшая на немъ толпа людей еще издали махала руками. Это были козаки въ оборванныхъ свиткахъ. Безпорядочный нарядъ (у многихъ ничего не было, кромѣ рубашки и коротенькой трубки въ зубахъ) показывалъ, что они — или избѣгнули какой-нибудь бѣды, или-же до того разгулялись, что прогуляли всё, что ни было на тѣлѣ. Изъ среды ихъ отдѣлился и сталъ впереди приземистый плечистый козакъ, лѣтъ пятидесяти. Онъ кричалъ и махалъ рукою сильнѣе всѣхъ, но — за стукомъ и крикомъ рабочихъ — не было слышно его словъ.

— «А съ чѣмъ пріѣхали?» спросилъ кошевой [1]), когда паромъ приворотилъ къ берегу. Всѣ рабочіе, остановивъ свои работы и поднявъ топоры и долота, смотрѣли въ-ожиданіи.

«Съ бѣдою!» кричалъ съ парома приземистый козакъ.

— «Съ какою?»

«Позвольте, панове Запорожцы, рѣчь держать!»

— «Говори!»

«Или хотите, можетъ быть, собрать раду?» [2]).

— «Говори, мы всѣ тутъ.»

Народъ весь стѣснился въ одну кучу.

«А вы развѣ ничего не слыхали о томъ, что дѣлается въ гетманщинѣ?» [3]).

— «А что̀?» спросилъ одинъ изъ куренныхъ *ота̀мановъ* [4]).

«Э! что̀?... Видно вамъ Татаринъ заткнулъ клейтухомъ уши, что вы ничего не слыхали.»

— «Говори-же, что̀ тамъ дѣлается?»

«А то дѣлается, что и родились, и крестились, еще не видали такого.»

— «Да говори намъ, что̀ дѣлается, собачій сынъ?» закричалъ одинъ изъ толпы, какъ видно, потерявъ терпѣніе.

«Такая пора теперь завелась, что ужь церкви святыя теперь не наши.»

— «Какъ не наши?»

«Теперь у Жидовъ онѣ на арендѣ. Если Жиду впередъ не заплатишь, то и обѣдню нельзя править.»

— «Что̀ ты толкуешь?»

. . . . . .

«Слушайте! еще не то разскажу: и ксендзы [5]) ѣздятъ теперь по всей Украйнѣ въ таратайкахъ.... Да не то бѣда, что въ таратайкахъ, а то бѣда, что запрягаютъ уже не коней, а православныхъ христіанъ.... А вы тутъ сидите на Запорожьи, да гуляете, да, видно, Татаринъ такого задалъ страху, что у васъ уже ни глазъ, ни ушей, ничего нѣтъ, и вы не слышите, что дѣлается на свѣтѣ.»

— «Стой, стой!» прервалъ кошевой, дотолѣ стоявшій, потупивъ глаза въ землю, какъ и всѣ Запорожцы, которые въ важныхъ дѣлахъ никогда не отдавались первому порыву, но молчали, и между-тѣмъ въ тишинѣ совокупляли грозную силу негодованія. «Стой! и я скажу слово...

---

[1]) *Кошъ* — становище, станъ. Кошевой атаманъ — главный атаманъ надъ Запорожцами, выбираемый ими изъ своей среды.

[2]) *Рада* — мірской сходъ, мірской совѣтъ, суёмъ, вѣче.

[3]) *Гетманщина* — Малороссія (земщина и казатчина) подъ управленіемъ Малороссійскаго гетмана, или военнаго главноначальствующаго. Она была тогда подъ Польшей.

[4]) Запорожская Сѣчь состояла изъ шестидесяти *куреней*, или военныхъ братствъ. У каждаго куреня былъ свой выборный *куренной атаманъ*, свое помѣщеніе, свое хозяйство, свой общій столъ и прочее.

[5]) *Ксендзы* — Польскіе католическіе попы. *Щ.*

А что̀-жь вы, — такъ-бы и этакъ поколотилъ чортъ вашего батька, — что̀-жь дѣлали сами? Развѣ у васъ сабель не было, что-ли?... Какъ-же вы попустили такому беззаконію?»

«Э, какъ попустили такому беззаконію? а попробовали-бы вы, когда пятьдесятъ тысячъ было однихъ Ляховъ [1]), да и нечего грѣха таить, были тоже собаки и между нашими: ужь приняли ихъ вѣру!»

— «А гетманъ вашъ [2]), а полковники что̀ дѣлали?»

«Надѣлали полковники такихъ дѣлъ, что не приведи Богъ никому.»

— «Какъ?»

«А такъ, что ужь теперь гетманъ, зажаренный въ мѣдномъ быкѣ, лежитъ въ Варшавѣ, полковничьи руки и головы развозятъ по ярмаркамъ на-показъ всему народу.... Вотъ-что надѣлали полковники!»

Всколебалась вся толпа. Сначала пронеслось по всему берегу молчаніе, подобное тому, какъ бываетъ передъ свирѣпою бурею, а потомъ вдругъ поднялись рѣчи, и весь заговорилъ берегъ: «Ка̀къ, чтобы Жиды держали на арендѣ христіанскія церкви! чтобы ксендзы запрягали въ оглобли православныхъ христіанъ! Ка̀къ, чтобы попустить такія мученія на Русской землѣ отъ проклятыхъ недовѣрковъ! чтобы вотъ-та̀къ поступали съ полковниками и гетманомъ!... Да не будетъ-же сего, не будетъ!» Такія слова перелетали по всѣмъ концамъ. Зашумѣли Запорожцы и почуяли свои силы.

. . . . . .

Всѣ бросили въ-мигъ берегъ и снарядку челновъ, ибо предстоялъ теперь — сухопутный, а не морской походъ [3]), и не суда да козацкія чайки, а понадобились телеги и кони. Теперь уже всѣ хотѣли въ походъ — и старые, и молодые, всѣ, съ-совѣта старшинъ, куренныхъ, кошевого и съ-воли всего Запорожскаго войска, положили идти прямо на Польшу, отмстить всё зло и посрамленье вѣры и козацкой славы.

(Предъ этимъ временемъ пріѣхалъ къ Запорожскимъ козакамъ изъ Украйны Малороссійскій полковникъ, старый удалой боецъ, Тарасъ Бульба съ двумя своими молодыми сыновьями — Остапомъ и Андріемъ. Онъ привезъ въ Запорожье дѣтей своихъ поучиться у Запорожцевъ военному дѣлу въ ихъ отважныхъ набѣгахъ на Татаръ, Турокъ и Поляковъ. Теперь Запорожцы собрались идти войною на Поляковъ, чтобъ отмстить имъ за родную Малороссію. Къ нимъ присоединился Тарасъ съ сыновьями, а потомъ и полкъ его изъ Малороссіи. Они тайкомъ подошли къ городу Дубно и осадили его. Тутъ начались битвы съ Поляками. — Щ.)

---

[1]) *Ляхи* — Поляки.

[2]) То-есть, гетманъ Малороссіи. — Были и Польскіе гетманы, или главнокомандующіе.

[3]) Часть Запорожцевъ собиралась-было сдѣлать, чрезъ Черное Море, въ лодкахъ *(чайкахъ)* нападеніе на Турецкіе берега, чтобы поживиться добычею. *Щ.*

II.

Осада козаками города Дубно.

Въ городѣ не узналъ никто, что половина Запорожцевъ выступила въ погоню за Татарами. Съ магистратской башни примѣтили только часовые, что потянулась часть воловъ за лѣсъ, но подумали, что козаки готовились сдѣлать засаду; тоже думалъ и Французскій инженеръ. Между тѣмъ въ городѣ оказался недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ: по обычаю прошедшихъ вѣковъ, войска не разочли, сколько имъ было нужно. Попробовали сдѣлать вылазку, но половина смѣльчаковъ была тутъ-же перебита козаками, а половина прогнана въ городъ ни-съ-чѣмъ. Жиды однакоже воспользовались вылазкою и пронюхали всё: куда и зачѣмъ отправились Запорожцы, и съ какими военачальниками, и какіе именно курени, и сколько ихъ числомъ, и сколько было оставшихся на-мѣстѣ, и что они думаютъ дѣлать, — словомъ, чрезъ нѣсколько уже минутъ въ городѣ всё узнали. Полковники ободрились и готовились дать сраженіе. Тарасъ уже видѣлъ то — по движенію и шуму въ городѣ, и расторопно хлопоталъ, строилъ, раздавалъ приказы и наказы, уставилъ въ три табора курени, обнесши ихъ возами въ-видѣ крѣпостей — родъ битвы, въ которой бывали непобѣдимы Запорожцы; двумъ куренямъ повелѣлъ забраться въ-засаду, убилъ часть поля острыми кольями, изломаннымъ оружіемъ, обломками копьевъ, чтобы при-случаѣ загнать туда непріятельскую конницу; когда-же было всё сдѣлано, какъ нужно, сказалъ рѣчь козакамъ не для того, чтобы ободрить и освѣжить ихъ, — зналъ, что и безъ того крѣпки они духомъ, — а просто, самому хотѣлось высказать всё, что было на сердцѣ.

«Хочется мнѣ вамъ сказать, панове, что такое есть наше товарищество. Вы слышали отъ отцовъ и дѣдовъ — въ какой чести у всѣхъ была земля наша: и Грекамъ дала знать себя, и съ Царьграда брала червонцы, и города были пышные, и храмы, и князья, а не католическіе недовѣрки.... Всё взяли бусурманы, всё пропало; только остались мы, сирые, да — какъ вдовица, послѣ крѣпкаго мужа — сирая, также-какъ и мы, земля наша!... Вотъ въ какое время подали мы, товарищи, руку на братство: вотъ на чемъ стоитъ наше товарищество..... Пусть-же знаютъ они всё, что такое значитъ въ Русской землѣ товарищество! Уже, если на то пошло, чтобы умирать, такъ никому-жь изъ нихъ не доведется такъ умирать!... Никому, никому! Не хватитъ у нихъ на то мышиной натуры ихъ!»

.....

Такъ говорилъ отаманъ.

..... А изъ города выступало уже непріятельское войско, гремя въ литавры и трубы, и, подбоченившись, выѣзжали паны, окруженные

несмѣтными слугами. Толстый полковникъ отдавалъ приказы. И стали наступать они быстро на козацкіе таборы, грозя, нацѣливаясь пищалями, сверкая очами и блестя мѣдными доспѣхами. Какъ только увидѣли козаки, что подошли они на ружейный выстрѣлъ, всѣ разомъ грянули въ семипядныя пищали и, не прерывывая, всё палили изъ пищалей. Далеко понеслось громкое хлопанье по всѣмъ окрестнымъ полямъ и нивамъ, сливаясь въ безпрерывный гулъ; дымомъ затянуло всё поле: а Запорожцы всё палили, не переводя духу: задніе только заряжали, да передавали переднимъ, наводя изумленіе на непріятеля, немогшаго понять — какъ стрѣляли козаки, не заряжая ружей. Уже не видно было, за великимъ дымомъ, обнявшимъ то и другое воинство, не видно было, какъ — то одного, то другого — не ставало въ рядахъ.

Такъ какъ-будто и не бывало половины Незамайковскаго Куреня! Какъ градомъ выбиваетъ вдругъ всю ниву, гдѣ, что полновѣсный червонецъ, красуется всякій колосъ, такъ ихъ выбило и положило.

Какъ-же вскинулись козаки, какъ хватились всѣ! Какъ закинѣлъ куренной отаманъ Кукубенко, увидѣвши, что лучшей половины куреня его нѣтъ! Вбился онъ съ остальными своими Незамайковцами въ самую средину, въ-гнѣвѣ изсѣкъ, какъ капусту, перваго попавшагося, многихъ конниковъ сбилъ съ коня, доставши копьемъ и конника, и коня, пробрался къ пушкарямъ, и уже отбилъ одну пушку; а ужь тамъ, видитъ, хлопочетъ Уманскій куренный отаманъ, и Степанъ Гуска уже отбилъ главную пушку. Оставилъ онъ тѣхъ козаковъ и поворотилъ съ своими въ другую непріятельскую гущу: такъ, гдѣ прошли Незамайковцы — такъ тамъ и улица, гдѣ поворотили — такъ ужь тамъ и переулокъ.

— «А что, паны?» сказалъ Тарасъ, перекликнувшись съ куренными: «есть еще порохъ въ пороховницахъ? не ослабѣла ли козацкая сила? не гнутся-ли козаки?»

— «Есть еще, батько, порохъ въ пороховницахъ; не ослабѣла еще козацкая сила; еще не гнутся козаки!»

И наперли сильно козаки: совсѣмъ смѣшали всѣ ряды. Низкорослый полковникъ ударилъ сборъ, и велѣлъ выкинуть восемь малёванныхъ знаменъ, чтобы собрать своихъ, разсыпавшихся далеко по всему полю. Всѣ бѣжали Ляхи къ знаменамъ: но не успѣли они еще выстроиться, какъ уже куренной отаманъ, Кукубенко ударилъ вновь съ своими Незамайковцами въ средину и напалъ прямо на толстопузаго полковника. Не выдержалъ полковникъ и, поворотивъ коня, пустился въ скачь; а Какубенко далеко гналъ его черезъ всё поле, не давъ ему соединиться съ полкомъ.

Завидѣвъ то съ боковъ куреня, Степанъ Гуска пустился за нимъ въ погоню, съ арканомъ въ рукѣ, пригнувши голову къ лошадиной

шеѣ, и, улучивши время, съ-одного-разу накинулъ арканъ ему на шею: весь побагровѣлъ полковникъ, ухватясь за веревку обѣими руками и силясь разорвать её; но уже дюжій размахъ вогналъ ему гибельную пику. Тамъ и остался онъ, пригвожденный къ землѣ. Но не сдобровать и Гускѣ! Не успѣли оглянуться козаки, какъ уже увидѣли Степана Гуску, поднятаго на четыре копья. Только и успѣлъ сказать бѣднякъ: «Пусть же пропадутъ всѣ враги и ликуетъ вѣчные вѣки Русская земля!» И тамъже испустилъ духъ свой.

Оглянулись козаки, а ужь тамъ съ-боку козакъ Метелиця угощаетъ Ляховъ, шеломя того и другого; а ужь тамъ, съ другого — напираетъ съ своими отаманъ Невеличкій; а у возовъ ворочаетъ врага и бьетъ Закрутигуба; а у дальнихъ возовъ третій Писаренко отогналъ уже цѣлую ватагу; а ужь тамъ, у другихъ возовъ, схватились и бьются на самыхъ возахъ.

— «Что̀, паны?» перекликнулся отаманъ Тарасъ, проѣхавши впереди всѣхъ: «есть-ли еще порохъ въ пороховницахъ? крѣпка-ли еще козацкая сила? не гнутся-ли уже козаки?»

— «Есть еще, батько, порохъ въ пороховницахъ; еще крѣпка козацкая сила, еще не гнутся козаки!»

А ужь упалъ съ воза Бовдюгъ: прямо подъ самое сердце пришлась ему пуля; но собралъ старый весь духъ свой, и сказалъ: «Не жаль разстаться съ свѣтомъ.... Дай Богъ и всякому такой кончины!.... Пусть же славится до конца вѣка Русская земля!» И понеслась къ вышинамъ Бовдюгова душа — разсказать давно отшедшимъ старцамъ, какъ умѣютъ биться на Русской землѣ, и еще лучше того, ка̀къ умѣютъ умирать въ ней за святую вѣру!

Балабанъ, куренный отаманъ, скоро послѣ того грянулся также на землю. Три смертельныя раны достались ему отъ копья, отъ пули и отъ тяжелаго палаша, — а былъ одинъ изъ доблестнѣйшихъ козаковъ, много совершилъ онъ подъ своимъ отаманствомъ морскихъ походовъ.

.....

Козаки, козаки! не выдавайте лучшаго цвѣта вашего войска.... Уже обступили Кукубенка, уже семь человѣкъ только оставалось изо всего Незамайковскаго куреня, уже и тѣ отбиваются черезъ-силу, уже окровавилась на немъ одежда. Самъ Тарасъ, увидя бѣду его, поспѣшилъ на-выручку. Но поздно подоспѣли козаки: уже успѣло ему углубиться подъ сердце копье прежде, чѣмъ были отогнаны обступившіе его враги.

.....

Повелъ Кукубенко вокругъ себя очами и проговорилъ: «Благодарю Бога, что довелось мнѣ умереть при глазахъ вашихъ, товарищи! Пусть же послѣ насъ живутъ лучше, чѣмъ мы, и красуется — вѣчно любимая Христомъ Русская земля!» И вылетѣла молодая душа.

.....

И рванулись снова козаки, какбы и потерь никакихъ не понесли. Уже три только куренныхъ отамана осталось въ-живыхъ; червонѣли уже всюду красныя рѣки; высоко гатились мосты изъ козацкихъ и вражьихъ тѣлъ. Взглянулъ Тарасъ на небо, а ужь по небу потянулась вереница кречетовъ.... Ну, будетъ кому-то пожива! А ужь тамъ подняли на копья Метелицу; уже голова другого Писаренка, завертѣвшись, захлопала очами; уже подломился и бухнулся о землю на-четверо изрубленный Охримъ Гуска. «Ну!» сказалъ Тарасъ, и махнулъ платкомъ. Понялъ тотъ знакъ Остапъ и ударилъ сильно, вырвавшись изъ засады, въ конницу. Не выдержали сильнаго напора Ляхи, а онъ ихъ гналъ, и нагналъ прямо на мѣсто, гдѣ были вбиты въ землю колья и обломки копьевъ. Пошли спотыкаться и падать кони и летѣть черезъ ихъ головы Ляхи. А въ это время Корсунцы, стоявшіе послѣдніе за возами, увидѣли, что уже достанетъ ружейная пуля, грянули вдругъ изъ самопаловъ. Всѣ сбились и растерялись Ляхи, и пріободрились козаки. «Вотъ и наша побѣда! раздались со всѣхъ сторонъ Запорожскіе голоса, затрубили въ трубы и выкинули побѣдную хоругвь. Вездѣ бѣжали и крылись разбитые Ляхи. «Ну, нѣтъ, еще не совсѣмъ побѣда!» сказалъ Тарасъ, глядя на городскія ворота, и сказалъ онъ правду..... *(Тутъ изъ города выступили на Запорожцевъ новыя Польскія силы. Большая часть козаковъ, храбро сражаясь, легли на мѣстѣ. Немногіе успѣли удалиться и увезти кое-кого изъ своихъ раненныхъ. Нѣсколько козаковъ, и съ ними сынъ Тараса Бульбы — Остапъ, попались въ плѣнъ Полякамъ, которые приговорили ихъ къ казни въ Варшавѣ. — Самого Тараса, всего изрубленнаго, едва успѣлъ увезти въ Сѣчь одинъ его пріятель. Какъ только онъ излѣчился отъ ранъ, тотчасъ поѣхалъ въ Умань къ знакомому Еврею, Янкелю, который — тайно и съ большою опасностію — повезъ его, въ возѣ подъ кирпичемъ, въ Варшаву. Старикъ думалъ — какъ-нибудь, за большія деньги, и чрезъ хитрость Евреевъ — повидаться и даже освободить своего сына изъ тюрьмы: но только могъ, переодѣтый Нѣмецкимъ графомъ, видѣть, въ толпѣ — на площади, казнь своего любимаго сына. — Щ.)*

III.

Казнь плѣнныхъ козаковъ въ Варшавѣ.

Площадь, на которой долженствовала производиться казнь, не трудно было отыскать: народъ валилъ туда со всѣхъ сторонъ. Въ тогдашній грубый вѣкъ это составляло одно изъ замѣчательнѣйшихъ зрѣлищъ — не только для черни, но и для высшихъ классовъ. Множество старухъ самыхъ набожныхъ, множество молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ самыхъ трусливыхъ, которымъ, послѣ, всю ночь грезились окровавленные

трупы, которыя кричали съ-просонья такъ громко, какъ только можетъ крикнуть пьяный гусаръ, не пропускали, однако-же, случая полюбопытствовать. «Ахъ, какое мученье!» кричали изъ нихъ многія съ истерическою лихорадкой, закрывая глаза и отворачиваясь, однако-же простаивали иногда довольно времени. Иной, и ротъ разинувъ, и руки вытянувъ впередъ, желалъ бы вскочить всѣмъ на головы, чтобы оттуда посмотрѣть повиднѣе. Толпа вдругъ зашумѣла, и со всѣхъ сторонъ раздались голоса: «Ведутъ! ведутъ!... Козаки!»

Они шли съ открытыми головами, съ длинными чубами; бороды у нихъ были отпущены. Они шли ни боязливо, ни угрюмо, но съ какою-то тихою горделивостью; ихъ платья, изъ дорогого сукна, износились и болтались на нихъ ветхими лоскутьями; они не глядѣли и не кланялись народу. Впереди всѣхъ шелъ Остапъ.

Что̀ почувствовалъ старый Тарасъ, когда увидѣлъ своего Остапа, что̀ было тогда въ его сердцѣ!... Онъ глядѣлъ на него изъ толпы и не проронилъ ни одного движенія его. Они приблизились уже къ лобному мѣсту. Остапъ остановился. Ему первому приходилось выпить эту тяжелую чашу. Онъ глянулъ на своихъ, поднялъ руку вверхъ и произнесъ громко: «дай-же, Боже, чтобы всѣ, какіе тутъ ни стоятъ еретики, не услышали, нечестивые, какъ мучится христіанинъ, чтобы ни одинъ изъ насъ не промолвилъ ни одного слова!» Послѣ-этого онъ приблизился къ эшафоту.

— «Дòбре, сынку, дòбре!» сказалъ тихо Бульба, и уставилъ въ землю свою сѣдую голову.

Палачъ сдернулъ съ него ветхія лохмотья; ему увязали руки и ноги въ нарочно сдѣланные станки, и... Не будемъ смущать читателей картиною адскихъ мукъ, отъ которыхъ дыбомъ поднялись-бы ихъ волосы. Остапъ выносилъ терзанія и пытки, какъ исполинъ. Ни крика, ни стона не было слышно даже тогда, когда стали перебивать ему на рукахъ и ногахъ кости, когда ужасный хрясъ ихъ послышался среди мертвой толпы отдаленными зрителями, когда панянки отворотили глаза свои: — ничто̀, похожее на стонъ, не вырвалось изъ устъ его, не дрогнулось лицо его. Тарасъ стоялъ въ толпѣ, потупивъ голову, и въ тоже время, гордо приподнявъ очи, одобрительно только говорилъ: «Дòбре, сынку, дòбре!»

Но когда подвели его къ послѣднимъ смертнымъ мукамъ, казалось, какъ-будто стала подаваться его сила. И повелъ онъ очами вокругъ себя... Боже! всё невѣдомыя, всё чужія лица! Хоть-бы кто-нибудь изъ близкихъ присутствовалъ при его смерти! Онъ не хотѣлъ-бы слышать рыданій и сокрушенія слабой матери, или безумныхъ воплей супруги, исторгающей волосы и бьющей себя въ бѣлыя груди: хотѣлъ-бы онъ теперь увидѣть твердаго мужа, который-бы разумнымъ словомъ освѣжилъ его и утѣшилъ при кончинѣ... И упалъ онъ силою, и воскликнулъ въ душевной немощи: «Батько! гдѣ ты? Слышишь-ли ты всё?»

— «Слышу!» раздалось среди всеобщей тишины, и весь милліонъ народа въ одно время вздрогнулъ. Часть военныхъ всадниковъ бросилась заботливо разсматривать толпы народа. Янкель поблѣднѣлъ, какъ смерть, и когда всадники немного отдалились отъ него, онъ со-страхомъ оборотился назадъ, чтобы взглянуть на Тараса; но Тараса уже возлѣ него не было: его и слѣдъ простылъ.

IV.

Смерть Тараса Бульбы.

А что-же Тарасъ? — А Тарасъ гулялъ по всей Польшѣ съ своимъ полкомъ: выжегъ восьмнадцать мѣстечекъ, близь сорока костеловъ, и уже доходилъ до Кракова. Много избилъ онъ всякой шляхты, разграбилъ богатѣйшіе и лучшіе замки: распечатали и поразливали по землѣ козаки — вѣковые меды и вина, сохранно сберегавшіеся въ панскихъ погребахъ; изрубили и пережгли дорогія сукна, одежды и утвари, находимыя въ кладовыхъ. «Ничего не жалѣйте!» повторялъ только Тарасъ.

«Это вамъ, вражьи Ляхи, поминки по Остапѣ!» приговаривалъ только Тарасъ. И такія поминки по Остапѣ отправлялъ онъ въ каждомъ селеніи, пока Польское правительство не увидѣло, что поступки Тараса были побольше, чѣмъ обыкновенное разбойничество, и тому-же самому Потоцкому [1]) поручено было съ пятью полками поймать непремѣнно Тараса.

Шестой день уходили козаки проселочными дорогами отъ всѣхъ преслѣдованій: едва выносили кони необыкновенное бѣгство и спасали козаковъ. Но Потоцкій на сей разъ былъ достоинъ возложеннаго порученія: неутомимо преслѣдовалъ онъ ихъ и настигъ на берегу Днѣстра, гдѣ Бульба занялъ, для роздыха, оставленную развалившуюся крѣпость.

Надъ самой кручей, у Днѣстра рѣки, виднѣлась она своимъ оборваннымъ валомъ и своими развалившимися остатками стѣнъ. Щебнемъ и разбитымъ кирпичемъ усѣяна была верхушка утеса, готовая всякую минуту сорваться и слетѣть внизъ. Тутъ-то съ двухъ сторонъ, прилежащихъ къ полю, обступилъ его коронный гетманъ Потоцкій. Четыре дня бились и боролись козаки, отбиваясь кирпичами и каменьями. Но истощились запасы и силы; рѣшился Тарасъ пробиться сквозь ряды. И пробились было уже козаки и, можетъ быть, еще разъ послужили-бы имъ вѣрно быстрые кони, какъ вдругъ, среди самаго бѣгу, остановился Тарасъ и воскликнулъ: «Стой! выпала люлька [2]) съ табакомъ; не хочу, чтобы и люлька досталась вражьимъ Ляхамъ!» И нагнулся старый атаманъ, и сталъ отыскивать въ травѣ свою люльку съ табакомъ, неот-

---

[1]) Польскій гетманъ.

[2]) *Люлька* — коротенькая трубка. *Щ.*

лучную сопутницу на моряхъ, и на сушѣ, и въ походахъ, и дома... А тѣмъ временемъ набѣжала вдругъ ватага и схватила его подъ могучія плечи. Двинулся было онъ всѣми членами, но уже не посыпались на землю, какъ бывало прежде, схватившіе его гайдуки. «Эхъ, старость, старость!» сказалъ онъ, и заплакалъ дебелый старый козакъ. Но не старость была виною: сила одолѣла силу. Чуть не тридцать человѣкъ повисло у него по рукамъ и по ногамъ. «Попалась ворона!» кричали Ляхи: «теперь нужно только придумать, какую-бы ему, собакѣ, лучшую честь воздать»! И присудили, съ гетманскаго разрѣшенья, сжечь его живого въ-виду всѣхъ. Тутъ-же стояло голое дерево, вершину котораго разбило громомъ; притянули его желѣзными цѣпями къ древесному стволу, гвоздемъ прибивши ему руки и приподнявъ его повыше, чтобы отвсюду былъ виденъ козакъ, и принялись тутъ-же раскладывать подъ деревомъ костеръ. Но не на костеръ глядѣлъ Тарасъ, не объ огнѣ онъ думалъ, которымъ собирались жечь его: глядѣлъ онъ, сердечный, въ ту сторону, гдѣ отстрѣливались козаки; ему съ высоты всё было видно, какъ на ладони. «Занимайте, хлопцы, занимайте скорѣе», кричалъ онъ, «горку, что за лѣсомъ: туда и не подступятъ они!» Но вѣтеръ не донесъ его словъ. «Вотъ пропадутъ, пропадутъ ни-за-что!» говорилъ онъ отчаянно, и взглянулъ внизъ, гдѣ сверкалъ Днѣстръ. Радость блеснула въ очахъ его. Онъ увидѣлъ выдвинувшіеся изъ-за кустарника четыре кормы, собралъ всю силу голоса и зычно закричалъ: «Къ берегу! къ берегу, хлопцы! спускайтесь подгорной дорожкой, что на лѣво.... У берега стоятъ челны: всѣ забирайте, чтобы не было погони!»

На этотъ разъ вѣтеръ дунулъ съ другой стороны, и всѣ слова были услышаны козаками. Но за такой совѣтъ достался ему ударъ обухомъ по головѣ, который переворотилъ всё въ глазахъ его.....

.....

— «Прощайте, товарищи!» кричалъ онъ имъ сверху, «вспоминайте меня, и будущей-же весной прибывайте сюда вновь, да хорошенько погуляйте!... Что, взяли, чортовы Ляхи? Думаете — есть что на свѣтѣ, чего-бы побоялся козакъ? Постойте-же, прійдетъ время, будетъ время, узнаете вы, что такое Православная Русская вѣра! Уже и теперь чуютъ дальніе и близкіе народы: подымется изъ Русской земли свой царь, и не будетъ въ мірѣ силы, которая-бы не покорилась ему!...» А уже огонь подымался надъ костромъ, захватывалъ его ноги и разостлался пламенемъ по дереву... Козаки быстро плыли на узкихъ двухрульныхъ челнахъ, дружно гребли веслами, осторожно миновали отмели, всполошивая подымавшихся птицъ, и говорили про своего отамана.

Николай Гоголь.

ВОЗСОЕДИНЕНІЕ МАЛОРОССІИ СЪ РОССІЕЮ ВЪ 1653 ГОДУ.

(Изъ «Исторіи Малой-Россіи.»)

I.

Собранъ былъ соборъ въ Грановитой Палатѣ, гдѣ — въ-присутствіи царя Алексѣя Михайловича — предложено: «что Казимиръ, король Польскій, отказалъ примириться съ Запорожцами по Зборовскому договору [1]), уніаты [2]) покушаются истребить огнемъ и мечомъ живущихъ въ Польшѣ и Литвѣ обывателей Греческаго исповѣданія и что гетманъ Хмѣльницкій проситъ принять его въ вѣчное Россійское подданство, оказать вспомоществованіе трехъ-тысячнымъ войскомъ».

Духовенство и бояре приговорили: «Присоединить гетмана Богдана Хмѣльницкаго къ Россіи со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ, съ городами и съ землями, уважая не только единовѣріе Малороссіянъ, многократныя просьбы ихъ о томъ, но и опасность имъ предстоящую отъ Поляковъ и Литовцевъ, угрожающее иго Турецкое и Татарское.»

II.

.... Исполнилось желаніе Хмѣльницкаго и Малороссіянъ: 9 Октября 1653 года, отправлены были въ Украйну, для присоединенія оной къ Россіи, царскіе полномочные — ближній бояринъ и намѣстникъ Тверской, Василій Васильевичъ Бутурлинъ, окольничій и намѣстникъ Муромскій, Иванъ Васильевичъ Алферьевъ, и думный дьякъ, Ларіонъ Димитріевъ сынъ Лопухинъ.

Свита пословъ состояла изъ слѣдующихъ чиновниковъ: при Бутурлинѣ было семь стольниковъ, одинъ стряпчій и три дворянина, при Алферьевѣ — стольникъ, стряпчій и четыре дворянина, при Лопухинѣ — стольникъ. Сверхъ-сего въ посольствѣ находились: тогдашній голова Московскихъ стрѣльцовъ, Артемонъ Матвѣевъ, три сотника, два переводчика и двѣсти стрѣльцовъ.

Декабря 31, Россійское посольство приблизилось къ Переяславлю. За пять верстъ отъ сего города, полковникъ Павелъ Тетеря ожидалъ полномочныхъ съ сотниками, атаманами и шестью стами козаковъ. Когда послы начали подъѣзжать къ тому мѣсту, гдѣ развѣвалось полковое знамя, полковникъ и старшина козацкіе сошли съ лошадей;

---

[1]) *Сборовскій договоръ* заключенъ гетманомъ Богданомъ Хмѣльницкимъ съ Поляками. Въ этомъ договорѣ главными условіями были: признаніе бо́льшей самостоятельности Малороссійскаго гетмана, право засѣданія православнаго митрополита въ Польскомъ Сенатѣ и увеличеніе числа реестровыхъ козаковъ.

[2]) *Уніаты* — бывшіе православные, но, по проискамъ и насилію Поляковъ, признавшіе надъ своею церковью главенство и власть папы Римскаго, съ перемѣною нѣкоторыхъ церковныхъ обрядовъ и постановленій Восточнаго Православія и съ заимствованіями изъ Римско-католической церкви. *Щ.*

музыканты заиграли въ трубы, ударили въ литавры. Тетеря привѣтствовалъ пословъ рѣчью. Близь городскихъ воротъ разставленные по обѣимъ сторонамъ козаки производили бѣглый огонь изъ ружей; предъ въѣздомъ въ городъ, протопопъ Переяславскій Григорій и всё духовенство встрѣтили пословъ въ полномъ облаченіи, съ крестами, образами, хоругвями. Народъ заглушалъ пѣніе церковно-служителей радостными восклицаніями. Послы вышли изъ дорожныхъ экипажей, приложились ко крестамъ и иконамъ; протопопъ окропилъ ихъ святою водою и произнесъ рѣчь, въ которой, описывая желаніе Малороссіянъ поступить подъ крѣпкую руку великодержавнаго, благочестиваго царя, изъявлялъ общую радость по случаю прибытія пословъ для совершенія сего великаго дѣла, и приглашалъ ихъ въ Богоспасаемый градъ. Послы шествовали въ городъ за образами, при колокольномъ звонѣ во всѣхъ церквахъ. Передъ ними несли царскую икону, изображающую Спасителя. Въ Соборѣ Успенія Пресвятыя Богородицы духовенство Переяславское молилось о здравіи и долгоденствіи царя, царицы и благовѣрныхъ царевенъ. Изъ собора послы отправились въ своихъ экипажахъ на подворье — въ-сопровожденіи полковника, сотниковъ, атамановъ, козаковъ и народа, при громѣ орудій, на площади разставленныхъ. Хмѣльницкій находился въ Чигиринѣ, не могъ встрѣтить пословъ, по причинѣ хилости льда, покрывавшаго тогда Днѣпръ.

Января 6, гетманъ пріѣхалъ, вечеромъ, въ Переяславль, и вслѣдъ за нимъ — генеральный писарь Иванъ Виговскій, прочіе старшины, полковники и сотники Малороссійскіе. 7 числа Хмѣльницкій посѣтилъ пословъ *за-просто* и условился, какимъ образомъ долженствовалъ происходить обрядъ торжественнаго присоединенія Малой-Россіи къ Россійскому Государству.

Въ назначенный день, Января 8, гетманъ пригласилъ къ себѣ, на разсвѣтѣ, всѣхъ старшинъ для совѣщанія: положено собрать народъ и объявить оному о предпринимаемомъ важномъ дѣлѣ. Раздался барабанный бой, съ-часъ продолжавшійся; народъ стекался со всѣхъ сторонъ къ дому гетмана. Хмѣльницкій явился подъ своимъ бунчукомъ среди многочисленнаго собранія, въ-сопровожденіи старшинъ и всѣхъ полковниковъ, и произнесъ рѣчь, въ коей сильно описалъ претерпѣнныя Малороссіянами отъ Поляковъ бѣдствія, объявилъ о желаніи трехъ государей: султана Турецкаго, короля Польскаго и хана Крымскаго обладать Украйною, равно-какъ и о согласіи Россійскаго самодержца присоединить сію страну къ своимъ обширнымъ владѣніямъ. Рѣчь свою кончилъ онъ слѣдующими словами: «Кромѣ его царскія высокія руки благотишнѣйшаго пристанища мы не обрящемъ, а будетъ кто съ нами не согласуетъ теперь, — куды хочешь — вольная дорога!»

«*Волимъ* — воскликнулъ единогласно народъ — *подъ царя восточ-*

наго, православнаго, крѣпкою рукою въ нашей благочестивой вѣрѣ умирать, нежели ненавистнику Христову, поганину достаться.»

Тогда Хмѣльницкій, съ генеральнымъ писаремъ Иваномъ Виговскимъ, обозными судьями, есаулами, полковниками, сотниками и атаманами, отправился къ Россійскимъ посламъ, принялъ отъ нихъ, съ величайшею радостью, государеву грамоту, поцѣловалъ оную и, распечатавъ, отдалъ Виговскому, съ тѣмъ, чтобъ она была прочтена вслухъ — при всемъ войскѣ Запорожскомъ. Потомъ бояринъ Бутурлинъ спросилъ гетмана, старшинъ и войско, отъ имени государя, о здравіи ихъ, и въ произнесенной рѣчи объявилъ: «что великій государь, его царское величество, вступаясь за Православную Христіанскую вѣру, гонимую королемъ Яномъ Казимиромъ, велѣлъ принять подъ свою высокую руку гетмана Богдана Хмѣльницкаго и всё войско Запорожское съ городами и съ землями, будетъ вспомоществовать имъ противъ недруговъ ратными людьми.»

Слова сіи исполнили восторгомъ Хмѣльницкаго и Малороссіянъ: хваля милосердіе государя, они сцѣшили излить благодарность и предъ алтаремъ.

Дмитрій Бантышъ-Каменскій.

III.

Мѣсто изъ грамматы въ Малороссію государя царя Алексѣя Михайловича.

Божею милостію, отъ великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи самодержца, и многихъ государствъ и земель восточныхъ, и западныхъ, и сѣверныхъ отчича, и дѣдича, и наслѣдника, и государя, и обладателя — нашего царского величества войска Запорожскаго, Полтавского полку полковнику, и сотникомъ, и асауломъ, и всякимъ начальнымъ людемъ, и козакомъ, также войтомъ, бурмистромъ, райцомъ, лавникомъ, и всему посполитству *), и всей черни — наше царского величества милостивое слово. — Въ прошлыхъ годѣхъ присылали къ намъ — великому государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи самодержцу, къ нашему царскому величеству, гетманъ Богданъ Хмѣльницкій и вы, все войско Запорожское, бити челомъ многажды, что Польскій Янъ Казимиръ король и паны рада, и вся рѣчь посполитая на Православную Христіянскую вѣру, Греческаго закону, и на святыя Божія восточныя церкви возстали, и гоненіе учинили большое истинной Православной Христіянской вѣрѣ, въ которой вы издавна жили и нынѣ живете; учали васъ отлучать и неволить къ своей Польской вѣрѣ, и всякое надъ вами поруганіе и злости нехристіянскія чинити. А послѣ-того и по мирахъ съ вами подъ Зборовомъ и подъ Бѣлою-Церквою, на правдѣ своей не устояли, войска свои на васъ собрали, и многіе городы и мѣста, и въ тѣхъ городѣхъ и мѣстахъ святыя Божія церкви осквернили и обругали и разорили, и православныхъ хрис-

*) *Посполитство* — гражданѣ. *Щ.*

тіянъ духовнаго и мирскаго чина многихъ невинныхъ замучили. И вы, не хотя благочестивыя Христіянскія вѣры отбыть, и святыхъ Божіихъ церквей въ раззореніи видѣть, просили милости у насъ, великого государя, чтобъ мы, великій государь, наше царское величество, Православныя Христіянскія вѣры искоренить и святыхъ Божіихъ церквей раззорить гонителемъ вашимъ и нашимъ не попустили, не дали, и надъ вами умилосердились, велѣли-бы васъ, все войско Запорожское, принять нашего царского величества подъ высокую руку, съ городами и землями, и вы, все войско Запорожское, намъ великому государю, нашему царскому величеству, учнете служити, и за наше царское здоровье, противъ всякого нашего непріятеля стояти во вѣки неотступно. А буде мы, великій государь, наше царское величество подъ нашу государскую высокую руку приняти васъ не изволимъ, и намъ-бы, великому государю, нашему царскому величеству, пожаловати, для православныя Христіянскія вѣры за васъ вступитися, и велѣти съ Польскимъ королемъ и съ паны-рады помирити чрезъ нашихъ государскихъ великихъ пословъ, и мы, великій государь, наше царское величество, по вашему челобитью послали нашихъ царского величества великихъ и полномочнихъ пословъ къ Польскому королю Яну Казимиру, боярина и намѣстника Велико-Пермскаго князя Бориса Александровича Репнина съ товарищи, а велѣли королю и паномъ-радѣ о томъ миру и посредствѣ говорити накрѣпко. И нашего царского величества послы королю и въ отвѣтѣхъ паномъ-радѣ учинили, чтобъ король и паны-рада Православныя Христіянскія вѣры Греческаго закона не гонили, и церквей Божіихъ не отнимали, и неволи вамъ, войску Запорожскому, не чинили: а учинили-бъ съ вами миръ по Зборовскому договору. И Польскій Янъ Казимиръ король и паны-рада нашего царского величества посломъ отказали, а говорили: — помірятся-де они съ вами, войскомъ Запорожскимъ, въ тое время, какъ вы, войско Запорожское, сабли на своей шеи положите. И въ прошломъ во 162 году мы, великій государь, наше царское величество, видя на Православную Христіянскую вѣру и на святыя Божія церкви великое гоненіе, и не хотя того слышати, чтобъ церквамъ Божіимъ въ запустѣніи и поруганіи отъ Латинъ, и вамъ, единовѣрнымъ православнимъ христіяномъ, въ конечномъ раззореніи быти, гетмана Богдана Хмѣльницкаго, и васъ, все войско Запорожское, подъ нашу царского величества высокую руку, по вашему челобитью, съ городами и съ землями принять изволили, и нашими, царского величества ратными людьми, на непріятелей вашихъ помощь чинити велѣли. И гетманъ Богданъ Хмѣльницкій, и вы, полковники, и всякіе начальные люди, и козаки, и мѣщане, и вся чернь войска Запорожского, которые были на радѣ въ Переяславлѣ, видя о благочестіи нашего царского величества тщаніе, и о васъ, православныхъ христіянѣхъ, веліе попеченіе, намъ, великому государю, нашему царскому величеству, въ соборной апостольской церкви предъ святымъ евангеліемъ, по святой непорочной евангельской заповѣди Христовой, вѣру учинили, при ближнемъ нашемъ бояринѣ и намѣстникѣ Тверскомъ, при Василіѣ Василіевичѣ Бутурлинѣ съ товарищи. А которые начальные люди, и козаки, и мѣщане, и чернь войска Запорожского, на радѣ съ гетманомъ въ Переяславлѣ не были, и тѣ всѣ потому-же вѣру учинили во всѣхъ городѣхъ и мѣстѣхъ, по полкамъ всего войска Запорожскаго, во святыхъ Божіихъ церквахъ, предъ святымъ евангеліемъ, при стольникахъ нашихъ и дворянѣхъ, на томъ, что служити вамъ, всему войску Запорожскому, и мѣщанамъ, и всей черни — намъ, великому государю и сыну нашего царского велице-

ства, благовѣрному царевичу и великому князю Алексѣю Алексѣевичу, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи, и нашимъ государскимъ наслѣдникомъ, а ко инымъ государемъ и Польскому, Нѣмецкому королемъ, и къ Турскому солтану, и Крымскому хану, и къ инымъ никоторымъ царемъ и королемъ не приставать, и опричь насъ великого государя и сына нашего царского величества, благовѣрнаго царевича и великого князя Алексѣя Алексѣевича, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи, и нашихъ государскихъ наслѣдниковъ, на Московское и Владимірское государство, и на всѣ великія государства Россійскаго царства, и на великое княжество Кіевское и Черниговское, и на всю Малую и Бѣлую Русь иного государя никого не хотѣть и не мыслити, и быти всему войску Запорожскому подъ нашею царского величества высокою рукою на-вѣки неотступно. И какъ гетманъ Богданъ Хмѣльницкій и вы, все войско Запорожское, у насъ, великого государя, у нашего царскаго величества въ подданствѣ учинилися, и Янъ Кизимиръ король и паны-рада, и вся рѣчь посполитая учали на православную Христіянскую вѣру и на васъ, православныхъ христіянъ, умышлять всякое зло, пуще прежняго. И мы, великій государь царь, наше царское величество, за избаву Православныя Христіянскія вѣры и за васъ, православныхъ христіянъ, изволили итти на Польского короля Яна Казимира, и ходили со многими ратьми своею государскою особою: а къ вамъ, нашего царского величества въ войско Запорожское, на оборону противъ непріятелей посылали нашихъ царского величества бояръ и воеводъ съ многими ратьми.

И гетманъ Богданъ Хмѣльницкій, намъ, великому государю, служилъ до смерти своей вѣрно, по своему обѣщанію: да и вы, нашего царского величества войско Запорожское, намъ, великому государю, нашему царскому величеству, и донынѣ служили вѣрно безъ всякой шатости.....

Изъ народной былины про смерть царевича Алексѣя Алексѣевича, сына царя Алексѣя Михайловича.

Погасала свѣча мѣстная,
Упадала звѣзда поднебесная,
Померкало на Руси красно солнышко:
Не стало у насъ молодого царевича!
Лежитъ нашъ царевичъ — не двигнется,
Порасправлены его руки бѣлыя,
Позакрылися его очи ясныя,
Призамолкнули его уста алыя....
Ты возстань, возстань, царевичъ младъ!
Изрони слово жемчужное,
Что жемчужное слово ласковое....
Не вставать, видно, солнышку отъ запада —
Не вставать изъ гроба царевичу!

Народная пѣсня о рожденіи Петра Перваго.

(1672 года.)

А что свѣтелъ, радошенъ во Москвѣ
Благовѣрный царь Алексѣй, царь Михайловичъ:
Народилъ Богъ ему сына царевича, Петра Алексѣевича,
Перваго императора по землѣ....
Всѣ-то Русскіе какъ плотнички-мастеры
Во всю ноченьку не спали — колыбель-люльку дѣлали
Они младому царевичу;
А нянюшки, мамушки, сѣнныя красныя дѣвушки
Во всю ноченьку не спали — одѣялицо вышивали
По бѣлу рыту бархату онѣ красныимъ золотомъ.
Бояре тюрьмы всѣ съ покаянными всѣ распущали,
А погребы царскіе они всѣ растворяли.
У царя благовѣрнаго еще пиръ и столъ на радости:
А князи сбиралися, бояре съѣзжалися и дворяне сходилися,
А всё народъ Божій....
На пиру пьютъ, ѣдятъ, прохлажаются:
Во весельи, въ радости не видали, какъ дни прошли
Для младого царевича Петра Алексѣевича,
Перваго императора.

Избавитель.

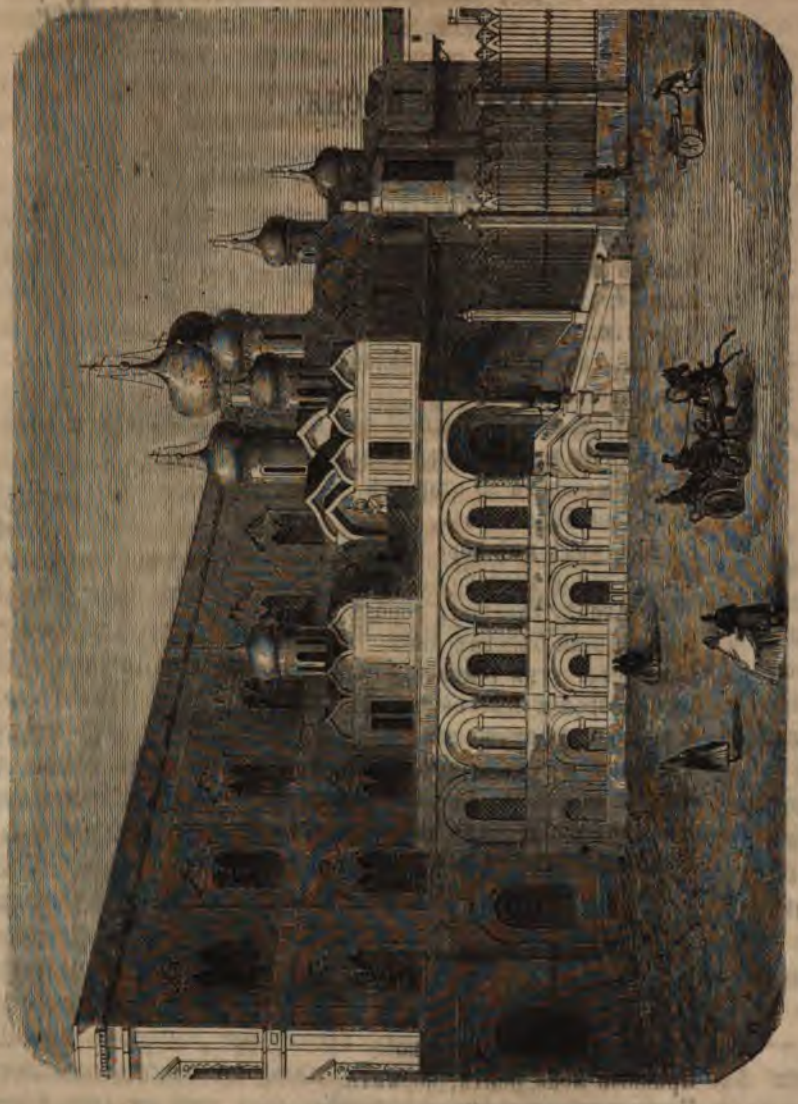
(Монастырское преданіе.)

Какъ любилъ государь, православный царь,
Алексѣй государь, свѣтъ Михайловичъ,
Какъ любилъ государь больно жаловалъ
Ту потѣху свою государскую,
Ту охоту свою соколиную;
Да любилъ государь позабавиться —
Заоблавить въ дубровѣ сохатаго,
Аль расправить плечо неподатное,
И медвѣдя поднять на рогатину....
Вотъ и было къ веснѣ, о Грачевникѣ,
Пріѣзжалъ государь со боярами
Въ свою отчину, городъ Звенигородъ —
Помолиться святому угоднику;
Въ келью сталъ къ самому настоятелю.
Будетъ — такъ, о полуднѣ на третій день,
Мужичекъ и приходитъ къ келейнику:
«Обошелъ я медвѣдя для батюшки,

Для царя Алексѣя Михайловича,
Тамъ и тамъ.... Матерой да породливый,
Только царской рукѣ и угодливый.»
Доложили царю — усмѣхается,
А съ самимъ-съ-собой думушку думаетъ:
«Аль пойдти въ-одиночку помѣриться,
Въ молодецкой удачѣ провѣриться?»
И пошелъ.... За плечами рогатина,
А у пояса ножъ златокованный,
И пошелъ монастырскою пущею....
Видитъ — тропка проложена по снѣгу
И промерзлые сучья надломлены: —
«Быть сюда!» И пошелъ, не задумавшись,
По тропѣ снѣговой, межъ берёзами.
Что ни шагъ, то нога оступается,
Въ снѣгъ уходитъ по берцу, а охобень
Заметаетъ сугробы, а инеемъ
Вся бобровая шапка осыпана....
Засвѣтилась полянка.... Подъ соснами
Куча хвороста снѣгомъ надавлена,
Бѣлый паръ такъ и валитъ въ отдушины:
Тутъ берлога.... И царь сноровляется:
У рогатины жало осматривалъ,
Поясокъ свой шелкóвый подтягивалъ,
Съ плечъ спускалъ соболиный свой охобень,
И задумалъ загадку мудрёную:
«Быть — не быть, а свалить косолапаго....
Не управлюсь — и Русь не управится,
А управлюсь — на-вѣки прославится.»
И поднялъ онъ корягу изъ-пóдъ снѣга,
И ударилъ корягой по хворосту:
И медвѣдь заревѣлъ, инда дерево
Надъ берлогой его закачалося:
Показалъ онъ башку желтоглазую,
Вылѣзъ онъ изъ берлоги съ-оглядкою,
Дыбомъ сталъ и полѣзъ на охотника,
А полѣзъ — угодилъ на рогатину.
Подъ косматой лопаткою хруснуло;
Чернобурая шерсть побагровѣла.
Обозлился медвѣдь, и рогатину
Перешибъ по-поламъ, словно жердочку,
И подмялъ подъ себя онъ охотника,
И налегъ на него всею тушею.
Не сробѣлъ государь — руку къ поясу —
Хвать! — анъ ножъ-то его златокованный
И сорвался съ цѣпочки серебряной....

Воздохнулъ государь, и въ-послѣднее
Осѣнилъ онъ себя крестнымъ знаменьемъ....
Вдругъ скользнула съ плеча его царскаго
Стопудовая лапа медвѣжая;
Разогнулися когти и замерли,
И медвѣдь захрапѣлъ, какъ удавленный,
И свалился онъ на-бокъ колодою....
Глянулъ царь, — видитъ старца маститаго:
Ряса инока, взглядъ благовѣстника,
Въ шуйцѣ крестъ золотой, а десницею
Опустилъ онъ топоръ окровавленный....
Поднялся государь, — нѣту инока, —
Какъ во снѣ приходилъ, и ни-кѣмъ-кого
На полянкѣ и между деревьями, —
Только звѣрь околѣлый валяется,
И башка у него вся раскроена.
Постоялъ государь, поглядѣлъ кругомъ,
И пошелъ въ монастырь призадумавшись....
А пришелъ, всё сказалъ настоятелю,
И велѣлъ привести честныхъ иноковъ
Передъ очи свои государевы;
Всѣ пришли, а его избавителя
Между честными старцами не было.
Царь и крѣпче того призадумался:
«Помощь свыше, десница Господняя!...»
Молвилъ онъ, и пошелъ въ церковь Божію.
Тамъ на царское мѣсто, у клироса,
Становился и началъ молитися
Передъ образомъ свѣтлымъ угодника....
Да какъ глянулъ на ликъ преподобнаго, —
Такъ и палъ на чело свое царское:
Понялъ — кто̀ былъ его избавителемъ.
На другой день, за ранней обѣднею,
Отслужилъ онъ молебенъ угоднику....
И вернулся къ Москвѣ бѣлокаменной;
И вернувшись къ Москвѣ бѣлокаменной,
Ко двору своему златоверхому,
Приходилъ государь — не откладывалъ —
Въ терема къ государынѣ ласковой,
Что своей-ли Натальѣ Кирилловнѣ;
Слезно съ ней обнимался, здоровался,
И сажалъ государь, ухмыляючись,
На колѣни меньшого царевича,
Государя Петра Алексѣича,
Цѣловалъ, миловалъ, приговаривалъ: —
«Охъ, ты, дитятко, сердце строптивое,

«Спозаранокъ въ тебѣ, мое дитятко,
«Расходилася кровь богатырская —
«На румяныхъ щекахъ заалѣлася....
«Подростешь ты, лучится безвременье,
«Разобидятъ завистники недруги,
«Аль наступятъ на Русь, на кормилицу, —



Благовѣщенскій Соборъ въ Московскомъ Кремлѣ.

«И пойдешь ты войною на вороговъ, —
«Не надѣйся на силу могучую,
«А надѣйся на милость Господнюю,
«Да попомни ты слово отцовское: —
«Охраняютъ святые угодники,
«И Господь благодатью пожаловалъ
«Домъ Честной Пресвятой Богородицы,
«Вседержавную Русь православную.»

Левъ Мей.

Казачья пѣсня.

Ахъ, таланъ-ли мой, таланъ таковъ,
Или участь моя горькая?...
Ты звѣзда моя злосчастная!
Высоко звѣзда восходила,
Выше свѣтлаго млада мѣсяца,
Что затмило солнце красное....
Ахъ, таланъ-ли мой, таланъ таковъ,
Или участь моя горькая?...
На-роду-ли мнѣ написано,
На-дѣлѣ-ли мнѣ досталося,
Что со младости до старости,
До сѣдова бѣла волоса,
Во весь вѣкъ мнѣ горе мыкати,
Что до самой гробовой доски?...
Во Азовѣ, славномъ городѣ,
Во стѣнѣ-ли бѣлокаменной,
Какъ была тутъ темна темница,
Безъ дверей и безъ окошечекъ,
А во той-ли темной темницѣ,
Что сидитъ тутъ добрый молодецъ,
Добрый молодецъ, Донской Казакъ,
Въ заключеньи ровно двадцать лѣтъ,
Ровно двадцать лѣтъ и два года.
Случилось тутъ мимо ѣхати
Самому царю Турецкому,
Что султанскому величеству....
Какъ возгóворитъ добрый молодецъ: —
«Ой, ты, гой еси, Турецкій царь,
Ты султанское величество!
Прикажи меня поить, кормить;
Не прикажешь ты поить, кормить —

Прикажи скорѣй казнить;
Не прикажешь ты меня скорѣй казнить —
Прикажи ты на-волю выпустить;
Не прикажешь ты вонъ выпустить: —
Напишу я вскорѣ грамату,
Не перомъ и не чернилами,
А своими горючьми слезьми,
Ко товарищамъ на тихій Донъ.
Славный тихій Донъ взволнуется,
Весь казачій кругъ взбунтуется, —
Разобьютъ силу Турецкую,
И тебя, царя, въ полонъ возьмутъ....»
Ай, какъ возгóворитъ Турецкій царь,
Что султанское величество,
Ко своимъ-ли ко фельдмаршаламъ: —
«Выпускайте добра молодца,
Добра молодца, Донского Казака —
Во его-ли землю Русскую,
Ко его да Царю Бѣлому!»

БЫТЪ РУССКИХЪ ЦАРЕЙ ВЪ МОСКОВСКОЕ ВРЕМЯ, ТО-ЕСТЬ, ДО ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ПЕРВАГО.

I.

Государь вставалъ обыкновенно часа въ четыре утра. Постельничій, при пособіи спальниковъ и стряпчихъ, подавалъ государю платье и убиралъ его. Умывшись, государь тотчасъ-же выходилъ въ Крестовую, гдѣ его ожидали духовникъ — *крестовый попъ и крестовые дьяки*. Духовникъ, или крестовый священникъ, благословлялъ государя крестомъ, возлагая на чело и ланиты, при чемъ государь прикладывался ко кресту и потомъ начиналъ утреннюю молитву. Въ тоже время одинъ изъ крестовыхъ дьяковъ поставлялъ предъ иконостасомъ на налоѣ образъ святого, память котораго праздновалась въ тотъ день. По совершеніи молитвы, которая продолжалась около четверти часа, государь прикладывался къ этой иконѣ, а духовникъ окроплялъ его святою водою. Святая вода, которую употребляли въ этомъ случаѣ, привозилась иногда изъ весьма отдаленныхъ мѣстъ, изъ монастырей и церквей, прославленныхъ чудотворными иконами.

Послѣ моленья, крестовый дьякъ читалъ духовное *слово* — поученіе изъ особеннаго сборника словъ, распредѣленныхъ для чтенія въ каждый день на весь годъ. Сборники эти извѣстны были подъ именем *Златоустовъ, Златоструевъ, Измарагдовъ, Торжественниковъ.*

составлялись изъ поученій отцевъ церкви, и преимущественно Іоанна Златоуста, отчего и назывались Златоустами.

Окончивъ утреннюю крестовую молитву, государь, если почивалъ особо, посылалъ ближняго человѣка къ царицѣ въ хоромы спросить ее *о здоровьи,* какъ почивала? потомъ самъ выходилъ здороваться съ нею въ ея переднюю или столовую. Послѣ того они вмѣстѣ слушали въ одной изъ верховыхъ церквей заутреню, а иногда и раннюю обѣдню. Между тѣмъ съ-утра-же рано собирались во дворецъ всѣ бояре, окольничіе, думные и ближніе люди — «челомъ ударить государю», и присутствовать въ Царской Думѣ. Они собирались обыкновенно въ *передней,* гдѣ и ожидали царскаго выхода изъ внутренняго покоя, или комнаты. Нѣкоторые, пользовавшіеся особою довѣренностью государя, выждавъ время, входили и въ комнату.

Поздоровавшись съ боярами, поговоривъ о дѣлахъ, государь, въ-сопровожденіи всего собравшагося синклита, шествовалъ, часу въ девятомъ, къ поздней обѣднѣ въ одну изъ придворныхъ церквей. Если-же тотъ день былъ праздничный, то выходъ дѣлался въ соборъ, или къ празднику, то-есть, въ храмъ или монастырь, сооруженный въ память празднуемаго святого. Обѣдня продолжалась часа два. Въ удобное время и здѣсь государь принималъ отъ думныхъ людей доклады, разговаривалъ о дѣлахъ съ боярами, отдавалъ приказанія. При всемъ томъ, едва-ли кто былъ такъ приверженъ къ богомолью и къ исполненію всѣхъ церковныхъ обрядовъ, службъ, молитвъ, какъ цари.

Послѣ обѣдни, въ *комнатѣ,* въ обыкновенные дни, государь слушалъ доклады, челобитныя и, вообще, занимался текущими дѣлами. Съ докладами входили начальники приказовъ, и сами ихъ читали предъ государемъ. Думный-дьякъ докладывалъ челобитныя, вносимыя въ комнату, и помѣчалъ рѣшенія. Когда, особенно по пятницамъ, государь открывалъ обыкновенное *сидѣнье съ бояры,* или засѣданіе Думы, то бояре садились по лавкамъ, отъ царя поодаль, бояре подъ боярами, окольничіе подъ окольничими, думные дворяне также.

Засѣданіе и слушаніе дѣлъ въ комнатѣ оканчивалось около двѣнадцати часовъ утра. Бояре, ударивъ челомъ государю, разъѣзжались, а государь шелъ къ *столовому кушанью,* или обѣду, къ которому иногда приглашалъ и нѣкоторыхъ изъ бояръ, самыхъ уважаемыхъ и близкихъ; но большею-частью государь кушалъ одинъ. Обыкновенный столъ его не былъ такъ изысканъ и роскошенъ, какъ столы праздничные, посольскіе и другіе.

Въ домашней жизни цари представляли образецъ умѣренности и простоты. Къ столу царя Алексѣя Михайловича подавались всегда самыя простыя блюда, ржаной хлѣбъ, немного вина, овсяная брага, или легкое пиво съ коричнымъ масломъ, а иногда только коричная вода.

Но и этотъ столъ никакого сравненія не имѣлъ съ тѣми, которые государь держалъ во время постовъ. Усердное соблюденіе постовъ было выраженіемъ строгой приверженности государя къ Православію, во всѣмъ уставамъ и обрядамъ церкви.

Впрочемъ, не смотря на такое постничество и особенную умѣренность, за обыкновеннымъ столомъ государя, въ *мясные* и *рыбные* дни, подавалось около семидесяти блюдъ; но почти всѣ эти блюда расходились на *подачи* боярамъ, окольничимъ и другимъ лицамъ, которымъ государь разсылалъ эти подачи, какъ знакъ своего благоволенія и почести. Для близкихъ лицъ онъ иногда самъ выбиралъ извѣстное любимое блюдо. Подавались сначала холодныя и печенья, разное *тѣльное*, потомъ жареное, и затѣмъ уже похлебки и ухи, или ушное.

Послѣ обѣда государь ложился спать и, обыкновенно, почивалъ до вечерень, часа три. Въ вечерню снова собирались во дворецъ бояре и прочіе чины, въ-сопровожденіи которыхъ царь выходилъ въ верховую церковь къ вечернѣ. Послѣ вечерни иногда также слушались дѣла или собиралась Дума. Но обыкновенно всё время послѣ вечерни до *вечерняго кушанья*, или ужина, государь проводилъ уже въ семействѣ или съ самыми близкими людьми. Время это было отдыхомъ, и потому оно посвящалось домашнимъ развлеченіямъ и увеселеніямъ. По свидѣтельству иностранцевъ, цари отличались большою любознательностью. Чтеніе составляло одно изъ любимѣйшихъ занятій — во время отдыха. Какъ поборники и хранители Православія, цари предпочитали чтеніе духовно-назидательное и церковно-историческое.

Но, изучая во всей подробности церковную исторію и догматы Православія, цари удѣляли не мало времени и отечественнымъ лѣтописямъ и сказаніямъ.

Кромѣ чтенія, цари любили живую бесѣду, любили разсказы бывалыхъ людей о далёкихъ земляхъ, объ иноземныхъ обычаяхъ и особенно о старинѣ. Царь Алексѣй Михайловичъ держалъ во дворцѣ стариковъ, имѣвшихъ по сту лѣтъ отъ роду, и очень любилъ слушать ихъ разсказы о старинѣ. Это были, такъ называемые, *верховые* (придворные) *богомольцы*, весьма уважаемые за ихъ благочестивую жизнь и древность лѣтъ. Они жили подлѣ царскихъ хоромъ — въ особомъ отдѣленіи дворца и на полномъ содержаніи и попеченіи государя. Въ длинные зимніе вечера государь призывалъ ихъ къ себѣ въ комнату, гдѣ, въ-присутствіи царскаго семейства, они повѣствовали о событіяхъ и дѣлахъ, проходившихъ на ихъ памяти, о дальнихъ странствіяхъ и походахъ. Особенное уваженіе государя къ этимъ старцамъ простиралось до того, что государь нерѣдко самъ бывалъ на ихъ погребеніи, которое всегда отправлялось съ большею церемоніею. Присутствіе царя на подобныхъ церемоніяхъ всегда ознаменовывалось щедрою милостынею, которая раз-

давалась нищимъ, разнымъ бѣднымъ людямъ и, по тюрьмамъ, колодникамъ и заключеннымъ.

Верховые богомольцы назывались также и *верховыми нищими*. Царица и взрослыя царевны имѣли также при своихъ комнатахъ *верховыхъ богомолицъ*. Верховые богомольцы пѣвали государю *Лазаря* и всѣ тѣ духовные стихи, которые можно еще слышать и теперь отъ странствующихъ слѣпцовъ...

Въ числѣ обыкновенныхъ и самыхъ любимыхъ развлеченій государя была игра въ шахматы, и однородныя съ нею игры — *тавлеи, саки и бирки*.

Во дворцѣ была особая *Потѣшная Палата*, въ которой разнаго рода потѣшники забавляли царское семейство пѣснями, музыкою, пляскою, танцованьемъ по канату.

Весьма часто государь проводилъ время въ разсматриваніи разныхъ работъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ, иконописцевъ, серебряниковъ, оружейниковъ. Зимою, особенно по праздникамъ, цари любили смотрѣть *медвѣжье-поле*, то-есть, бой охотника съ дикимъ медвѣдемъ. Раннею весною, лѣтомъ и во всю осень, они часто выѣзжали въ окрестности Москвы на соколиную охоту.

Вообще лѣто государь проводилъ большею-частью въ загородныхъ дворцахъ, развлекаясь охотою и хозяйствомъ. Зимою онъ хаживалъ иногда самъ на медвѣдя, на лося, охотился за зайцами.

Оканчивая день, послѣ вечерняго кушанья, государь снова шелъ въ Крестовую, и — точно также, какъ и утромъ — молился около четверти часа. Когда государь почивалъ одинъ, именно, въ тѣ дни, которые для того установлены были церковью, то въ томъ-же покоѣ ложился и *постельничій*, который всегда убиралъ и охранялъ царскую постелю, а иногда *стряпчій съ ключомъ*, и одинъ или два *спальника*, самыхъ приближенныхъ. Въ смежной комнатѣ ложились еще шестеро другихъ лицъ изъ *стряпчихъ* и *спальниковъ*.

Благочестивые Московскіе цари совершали богомольные выходы — въ каждый церковный праздникъ, присутствовали при всѣхъ обрядахъ и торжествахъ, отправляемыхъ церковью въ-теченіе года. Здѣсь государь являлся народу въ несказанномъ великолѣпіи.

Къ обѣднѣ государь выходилъ обыкновенно пѣшкомъ, если было близко и позволяла погода, или въ каретѣ, а зимою въ саняхъ, всегда въ-сопровожденіи бояръ и прочихъ служилыхъ и дворовыхъ чиновъ. Лѣтомъ онъ выходилъ въ легкомъ шелковомъ опашнѣ и въ золотой шапкѣ съ мѣховымъ околомъ, зимою въ шубѣ и въ горлатной лисьей шапкѣ, осенью и вообще въ ненастную погоду — въ суконной однорядкѣ. Въ рукахъ всегда былъ посохъ инроговой (единороговый) или Индѣйскій, изъ чернаго дерева. Во время большихъ празднествъ и торжествъ, каковы

были Рождество Христово, Богоявленіе, Недѣля Вaій, Свѣтлое Воскресенье, Троицынъ день, Успеніе и нѣкоторые другіе, государь облекался въ *нарядъ царскій,* къ которому принадлежали: царское *платно,* собственно порфира, царскій становой кафтанъ, царская шапка или корона, діадима или бармы; наперстный крестъ и перевязь, возлагаемые на грудь; вмѣсто посоха — царскій жезлъ. Всё это блистало золотомъ, серебромъ и дорогими каменьями. Тяжесть этого наряда, безъ сомнѣнія, была очень значительна, и потому, въ подобныхъ церемоніяхъ, государя всегда поддерживали подъ руки стольники, а иногда и бояре изъ ближнихъ людей.

Свита, окружавшая государя, была также одѣта болѣе-или-менѣе богато, смотря по значенію празднества и соотвѣтственно одеждѣ государя. Для-этого изъ дворца отдавался приказъ, въ какомъ именно платьѣ быть на выходѣ. Если-жь бояринъ былъ недостаточенъ и не имѣлъ богатой одежды, то — на время выхода — такую одежду ему выдавали изъ царской казны.

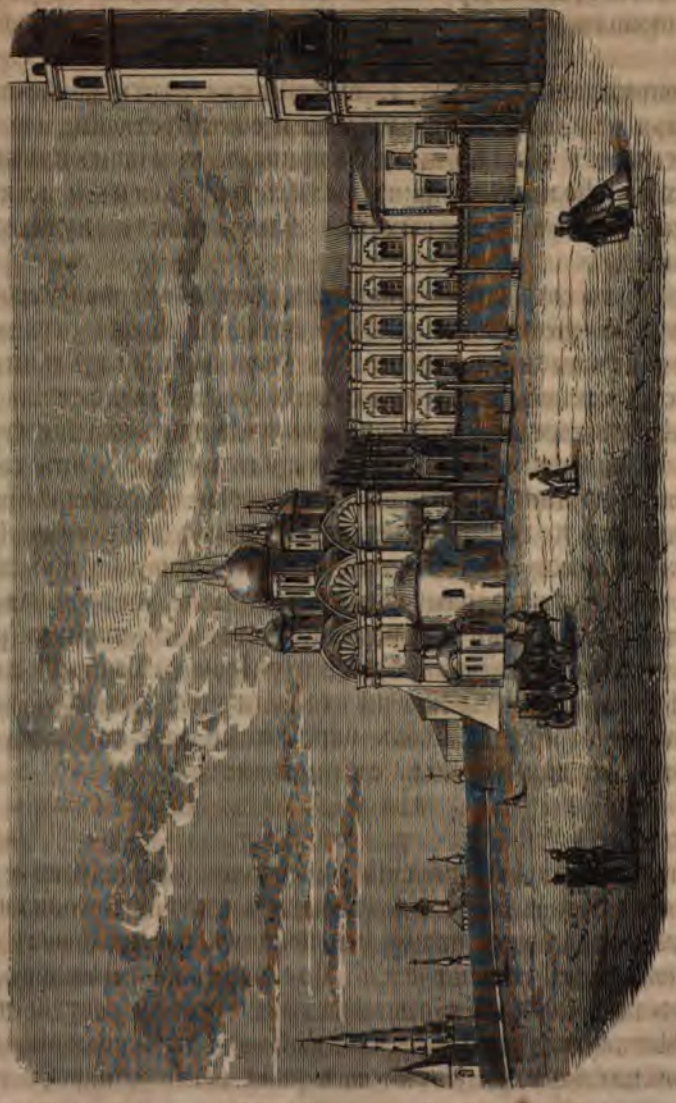
24 декабря, въ сочельникъ, наканунѣ Рождества, рано утромъ, государь дѣлалъ *тайный-выходъ,* въ-сопровожденіи только отряда стрѣльцовъ и подъячихъ тайнаго-приказа, въ тюрьмы и богадѣльни, гдѣ изъ собственныхъ рукъ раздавалъ милостыню тюремнымъ сидѣльцамъ, полоняникамъ (плѣннымъ), богадѣленнымъ, увѣчнымъ и всякимъ бѣднымъ людямъ. По самымъ улицамъ, гдѣ проходилъ государь, онъ также раздавалъ милостыню нищимъ и убогимъ, которые, безъ сомнѣнія, во-множествѣ собирались даже изъ отдаленныхъ мѣстъ къ такимъ боголюбивымъ царскимъ выходамъ. Въ тоже время, какъ государь навѣщалъ такимъ образомъ всѣхъ заключенныхъ и сирыхъ, довѣренныя лица изъ стрѣлецкихъ полковниковъ или подъячихъ тайнаго приказа раздавали милостыню на Земскомъ Дворѣ, также и у Лобнаго Мѣста, и на Красной Площади. И можно сказать, что ни одинъ бѣдный человѣкъ въ Москвѣ не оставался въ этотъ день безъ царской милостыни: каждому было чѣмъ разговѣться, каждый былъ съ «праздникомъ».

II.

Ни одинъ праздничный царскій выходъ не отправлялся съ такимъ торжествомъ и великолѣпіемъ, какъ выходъ съ день Богоявленія. Государь являлся въ это время народу въ полномъ блескѣ своего сана, со всѣмъ великолѣпіемъ и пышностью. По словамъ иностранцевъ, стеченіе народа въ этотъ день было необыкновенное: со всего государства съѣзжались въ Москву видѣть торжественный обрядъ освященія воды, совершавшійся патріархомъ на Москвѣ-рѣкѣ. Число народа простиралось иногда до трехъ и до четырехъ-сотъ тысячъ; изъ этого невѣроятнаго показанія ужь видно, какъ велико было торжество этого дня и ка-

кое значеніе оно имѣло для Русскаго народа, еще въ глубокой древности назвавшаго этотъ день *водокрестіемъ, водокрещами*.

Кремлевская площадь у царскаго дворца, между соборами, вся покрывалась въ это время густою толпою. Только одно мѣсто оставалось свободнымъ: отъ Успенскаго собора и до самой Москвы-рѣки, гдѣ нахо-



Архангельскій Соборъ въ Московскомъ Кремлѣ.

дилась *іордань:* строй стрѣльцовъ въ цвѣтномъ служиломъ платьѣ, съ знаменами и барабанами, со всѣмъ ратнымъ строемъ, двумя линіями пролагалъ широкую дорогу для крестнаго хода.

Часу въ 4-мъ дня или, по нашему счету, въ 12-мъ утра, въ то время, какъ патріархъ въ Успенскомъ соборѣ полагалъ начало службѣ, звонъ колоколовъ на Иванѣ Великомъ возвѣщалъ народу, что государь началъ шествіе изъ своихъ комнатъ. Государь выходилъ въ соборъ, обыкновенно, въ сопровожденіи бояръ и прочихъ сановниковъ, по *Красному Крыльцу*.

При его появленіи, народъ, увидѣвъ «пресвѣтлыя царскія очи,» билъ челомъ. Государь шелъ тихо, въ обыкновенномъ выходномъ платьѣ, опираясь на посохъ Индѣйскаго дерева. Иногда случалось, что онъ выходилъ въ *большомъ царскомъ нарядѣ*. Но обыкновенно *царское платье* онъ надѣвалъ всегда въ соборѣ, въ придѣлѣ Димитрія Селунскаго; вошедъ въ соборъ и возложевъ на себя въ этомъ придѣлѣ *царскій санъ,* государь, при пѣніи, молился святымъ иконамъ и святымъ мощамъ, и потомъ принималъ у патріарха благословеніе. Между тѣмъ звонъ на Иванѣ-Великомъ продолжался, и прекращался только въ то время, какъ царь вступалъ на свое мѣсто.

Когда изъ западныхъ вратъ собора начинался крестный ходъ, царь выходилъ и останавливался въ южныхъ вратахъ. Патріархъ, проходя мимо, осѣнялъ его животворящимъ крестомъ, а духовныя власти отдавали ему по два поклона.

Торжественное шествіе открывали стрѣльцы въ числѣ 400 или 600 человѣкъ, иногда и болѣе. За этимъ блестящимъ отрядомъ стрѣльцовъ слѣдовалъ крестный ходъ, замыкавшійся шествіемъ патріарха. Здѣсь, въ преднесеніи хоругвей, крестовъ и св. иконъ, шли митрополиты, архіепископы, епископы, архимандриты, игумены, соборяне и весь священническій чинъ, по степенямъ, младшіе впереди, всѣ въ богатѣйшемъ облаченіи. Однихъ приходскихъ священниковъ бывало до трехъ сотъ и до двухъ-сотъ дьяконовъ.

Потомъ начиналось шествіе государя.

На Москвѣ-рѣкѣ, куда тихо и торжественно слѣдовало шествіе, предъ Тайницкими воротами, надъ мѣстомъ, гдѣ должно было совершиться дѣйство погруженія въ воду честнаго креста, была устроена красивая *іорданная сѣнь,* поддерживаемая четырьми колоннами съ карнизомъ, расписаннымъ красками, серебромъ и золотомъ, и украшенная золоченымъ-же крестомъ наверху.

Подлѣ іордани стояли особыя мѣста для царя и патріарха. Царское мѣсто, поставляемое на іордани обыкновенно *шатерничимъ,* было въ видѣ небольшого круглаго храма съ пятью главами, сдѣланными изъ слюды и украшенными золочеными крестами.

Патріархъ раздавалъ всѣмъ свѣчи, начиная съ государя, и совер-

шалъ *дѣйство* по чину. Въ то время, какъ онъ погружалъ въ воду животворящій крестъ, начальные люди всѣхъ полковъ и знаменщики съ знаменами подступали къ іордани, для окропленія знаменъ святою водою. Послѣ погруженія креста, патріархъ серебрянымъ ведромъ черпалъ воду изъ іордани, и отдавалъ ключарю; потомъ онъ наполнялъ также святою водою государеву *стопу,* которую относили во дворецъ и окропляли тамъ всѣ комнаты и иконы. Послѣ-этого патріархъ трижды осѣнялъ государя крестомъ, кропилъ святою водою, и поздравлялъ съ торжествомъ. Государь, вмѣстѣ со всѣмъ синклитомъ, прикладывался ко кресту, поздравлялъ патріарха, и потомъ принималъ поздравленіе отъ духовенства, бояръ, окольничихъ, думныхъ и ближнихъ людей, причемъ одинъ изъ первостепенныхъ бояръ говорилъ поздравительную рѣчь. Послѣ-того два архимандрита кропили знамена и войско, стоявшее по Москвѣ-рѣкѣ.

Крестный ходъ возвращался въ томъ-же торжественномъ порядкѣ.

III.

Предъ наступленіемъ Свѣтлаго Дня государь посѣщалъ тюрьмы и богадѣльни, раздавалъ вездѣ щедрою рукою милостыню нищимъ и заключеннымъ, освобождалъ преступниковъ, выкупалъ неимущихъ.

Бояре, окольничіе и всѣ другіе сановники и служилые люди должны были непремѣнно явиться въ это время во дворецъ и сопровождать государя къ утрени, а потомъ къ обѣднѣ.

Послѣ крестнаго хода вокругъ собора, государь входилъ въ храмъ и становился на своемъ мѣстѣ; за нимъ входили всѣ высшіе чины и тѣ изъ низшихъ, которые были въ золотныхъ кафтанахъ.

Во время заутрени, послѣ *хвалитныхъ стихиръ,* государь, по обычаю, прикладывался къ образамъ и «творилъ цѣлованіе во уста» съ патріархомъ и властями, то-есть, митрополитами, архіепископами и епископами, а архимандритовъ, игуменовъ и протопопа Успенскаго, съ соборомъ, жаловалъ къ рукѣ, причемъ тѣмъ и другимъ жаловалъ также красныя яйца. Бояре, окольничіе и всѣ, которые были въ соборѣ, также прикладывались къ образамъ, подходили къ патріарху, цаловали его руку и получали либо золоченыя, либо красныя яйца, высшіе по три, средніе по два, а младшіе по одному.

Приложившись къ иконамъ и похристосовавшись съ духовенствомъ, государь шествовалъ на свое *мѣсто* у южныхъ дверей собора, на которомъ жаловалъ къ рукѣ и раздавалъ яйца боярамъ, окольничимъ, думнымъ дворянамъ и думнымъ дьякамъ, крайчему, ближнимъ и приказнымъ людямъ, стольникамъ, стряпчимъ и дворянамъ Московскимъ.

Отъ заутрени, изъ Успенскаго Собора, государь шествовалъ прежде въ Соборъ Архангельскій, гдѣ, соблюдая древній обычай, приклады-

вался къ иконамъ и святымъ мощамъ, и *христосовался съ родителями,* то-есть кланялся ихъ праху. Протопопа-же, съ братіею, жаловалъ къ рукѣ и яйцами. Изъ Архангельскаго Собора царь шелъ въ Благовѣщенскій, въ которомъ также прикладывался къ образамъ и мощамъ. Благовѣщенскій протопопъ, какъ извѣстно, всегда былъ царскимъ духовникомъ: государь въ это время жаловалъ своего духовника яйцами и *цаловался съ нимъ во уста,* а ключарей, священниковъ и весь соборъ жаловалъ къ рукѣ и яйцами. Въ это-же время государь посѣщалъ иногда монастыри, Вознесенскій и Чудовъ, и подворья — Троицкое и Кирилловское.

Изъ Благовѣщенскаго Собора государь шелъ прямо въ *верхъ,* то-есть, во дворецъ, и жаловалъ тамъ, въ столовой или передней, къ рукѣ и яйцами бояръ и другихъ сановниковъ, которые были оставлены во дворцѣ. Потомъ въ золотой, а иногда въ столовой, царь принималъ патріарха и властей, приходившихъ *славить Христа* и поздравлять; отсюда, съ патріархомъ и властями, въ сопровожденіи бояръ, окольничихъ и прочихъ чиновъ, онъ шествовалъ къ царицѣ, которая и принимала ихъ въ своей золотой палатѣ, окруженная дворовыми и пріѣзжими боярынями. Государь христосовался съ нею, патріархъ и власти духовные благословляли царицу иконами и цаловали у ней руку. Чины свѣтскіе, ударивъ челомъ, также цаловали ея руку. Въ это время обѣ руки государыни поддерживали боярыни изъ близкихъ родственницъ. Раннюю обѣдню государь слушалъ большею-частію въ одной изъ дворцовыхъ церквей, вмѣстѣ съ семействомъ, съ царицею и дѣтьми. Къ поздней государь выходилъ обыкновенно въ Успенскій Соборъ, въ большомъ царскомъ нарядѣ.

Пришедъ отъ обѣдни, государь — въ покояхъ царицы — жаловалъ къ рукѣ и раздавалъ крашеныя яйца мамамъ, верховымъ боярынямъ, кравчимъ, казначеямъ и постельницамъ. Потомъ жаловалъ своихъ дворовыхъ людей.

Совершая, въ день пасхи, великолѣпныя церемоніи христосованья, при которыхъ всё было такъ торжественно, всё горѣло и блистало золотомъ и дорогими камнями, государь удѣлялъ нѣсколько времени и для другихъ — менѣе пышныхъ, но зато не менѣе достопамятныхъ — церемоній. Онъ посѣщалъ, въ этотъ радостный для всѣхъ день, городскія тюрьмы, больницы и богадѣльни. «По древнему обыкновенію», говоритъ Карамзинъ, «цари, въ первый день пасхи — между заутреней и обѣдней, ходили въ городскую темницу и, сказавъ преступникамъ: «*Христосъ воскресъ и для васъ*», дарили каждаго изъ нихъ новою шубою, и, сверхъ того, присылали имъ, чѣмъ разговѣться.» Такъ, посѣщая Вознесенскій Монастырь, государь нерѣдко заходилъ оттуда въ каменный *застѣнокъ,* у Спасскихъ Воротъ, и жаловалъ тамъ раненныхъ и нищихъ. Въ 1664

году, 10 апрѣля, государь пожаловалъ на Англійскомъ Дворѣ плѣннымъ Полякамъ, Нѣмцамъ и Черкесамъ, а также и колодникамъ, всего 427 человѣкамъ, каждому — чекмень (родъ шубы), рубашку и порты, и потомъ приказалъ накормить ихъ; — «а ѣствъ имъ давать лучшихъ по части жаркой, да имъ же и достальнымъ всѣмъ по части вареной, по части бараньѣ, по части ветчины; а каша изъ крупъ грешневыхъ, пироги съ яйцами или мясомъ, что пристойнѣе; да на человѣка-же купить по хлѣбу да по калачу двуденежному, а питья: вина — лучшимъ по три чарки, а достальнымъ по двѣ, меду — лучшимъ по двѣ кружки, а достальнымъ по кружкѣ». Кромѣ того, въ этотъ-же день государь давалъ столъ на нищую братію въ царициной золотой палатѣ.

Иванъ Забѣлинъ.

III.

(1694 — 1866 г.)

О ЗАЧАТІИ И ЗДАНІИ ЦАРСТВУЮЩАГО ГРАДА САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГА, [1])

въ лѣто отъ перваго дни Адама 7211, по рождествѣ Іисуса Христа 1703.

Май.

14-го. — Царское величество [2]) изволилъ осматривать, на взморьѣ, устья Невы рѣки и острова, и усмотрѣлъ удобный островъ къ строенію города (оный островъ тогда былъ пустъ, обросши былъ лѣсомъ, а именовался Люистрандъ, то-есть, веселый островъ). Когда вшелъ на средину того острова, почувствовалъ шумъ въ воздухѣ, — усмотрѣлъ орла парящаго, и шумъ отъ паренія крылъ его былъ слышанъ; взявъ у солдата багинетъ, вырѣзавъ два дерна, положилъ дерно на дерно крестообразно и сдѣлалъ крестъ изъ дерева и, водружая въ писанные дерны, изволилъ говорить: «Во имя Іисуса Христа на семъ мѣстѣ будетъ церковь во имя верховныхъ апостоловъ Петра и Павла» (нынѣ на ономъ мѣстѣ каменная соборная церковь верховныхъ апостоловъ Петра и Павла). По довольно многомъ осмотрѣніи около острова, изволилъ перейти по плотамъ, стоящимъ въ протокѣ, который нынѣ межъ городомъ и кронверкомъ имѣетъ теченіе (въ одномъ протокѣ стояли, въ плотахъ, лѣса, заготовленные въ отпускъ въ Стокгольмъ); по прешествіи протока и сшествіи на островъ, который нынѣ именуется Санктъ-Петербургомъ, изволилъ шествовать, по берегу, вверхъ Невы рѣки и, взявъ топоръ, ссѣкъ кустъ ракитовый (на ономъ мѣстѣ нынѣ церковь Живоначальныя Троицы) и, мало отшедъ, ссѣкъ второй кустъ (нынѣ на ономъ мѣстѣ первый

[1]) Изъ рукописи того времени.
[2]) Петръ Первый. *Щ.*

дворецъ), и, сѣвъ въ шлюпку, шествовалъ вверхъ Невою рѣкою къ Канецкой крѣпости.

15-го. — Изволилъ послать нѣсколько ротъ солдатъ, повелѣвая берега онаго острова очистить, кусты вырубя, скласть въ кучи. При оной высѣчкѣ усмотрѣли гнѣздо орлово того острова въ деревѣ.

16-го, — то-есть, въ день Пятидесятницы, по Божественной литургіи, съ ликомъ святительскимъ, генералитетомъ и статскими чины, отъ Канецъ изволилъ шествовать на судахъ рѣкою Невою и — по прибытіи на островъ Люистрандъ, и по освященіи воды, и по прочтеніи молитвы на основаніе города, и по окропленіи святою водою, — взялъ заступъ и первый началъ копать ровъ: тогда орелъ съ великимъ пареніемъ крылъ отъ высоты спустился и парилъ надъ онымъ островомъ. Царское величество, отшедъ мало, вырѣзалъ три дерна и изволилъ принести къ означенному мѣсту; въ то время зачатаго рва выкопано было земли около двухъ аршинъ глубиною, и въ немъ былъ поставленъ четыреугольный ящикъ, высѣченный изъ камня, и по окропленіи того ящика святою водою, изволилъ поставить въ тотъ ящикъ ковчегъ золотой, въ немъ мощи святаго апостола Андрея Первозваннаго, и покрыть каменною покрышею, на которой вырѣзано было: «Отъ воплощенія Іисуса Христа 1703, Мая 16-го, основанъ царствующій градъ Санктъ-Петербургъ великимъ государемъ, царемъ и великимъ княземъ Петромъ Алексѣевичемъ, самодержцемъ Всероссійскимъ», — и изволилъ на покрышку того ящика полагать рѣченныя три дерна съ глаголомъ: «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. Основанъ царствующій градъ Санктъ-Петербургъ.»

Тогда его царское величество — отъ лика святительскаго, генералитета и отъ всѣхъ тутъ бывшихъ — поздравленъ былъ съ царствующимъ градомъ Санктъ-Петербургомъ; царское величество всѣхъ поздравляющихъ изволилъ благодарить, при томъ была многая пушечная пальба. Орелъ видѣнъ былъ надъ онымъ островомъ парящій. Царское величество, отшедъ къ протоку, который теченіе имѣетъ между Санктъ-Петербургомъ и кронверкомъ, по отслуженіи литургіи и окропленіи того мѣста святою водою, изволилъ обложить другой раскатъ: тогда была вторичная пушечная пальба, и между тѣми двумя раскатами изволилъ размѣрить, гдѣ быть воротамъ, велѣлъ пробить въ землѣ двѣ дыры и вырубилъ двѣ берёзы тонкія, но длинныя, и вершины тѣхъ берёзъ свертѣлъ, а низы поставилъ въ пробитыя дыры въ землю на-подобіе воротъ, и когда первую берёзу въ землю утвердилъ, а другую поставилъ, тогда орелъ, спустясь отъ вышины, сѣлъ на оныхъ воротахъ; ефрейторомъ Одинцовымъ оный орелъ съ воротъ снятъ.

Царское величество о семъ добромъ предзнаменованіи весьма былъ обрадованъ: у орла перевязавъ ноги платкомъ и надѣвъ на руку пер-

чатку, изволилъ посадить у себя на руку и повелѣлъ пѣть литію; по литіи и окропленіи воротъ святою водою, была пушечная изъ пушекъ пальба, и изволилъ выдти въ оныя ворота, держа орла на рукѣ и шедъ на яхту: шествовалъ въ домъ свой царской Канецкой. Ликъ святительской, и генералитетъ, и статскіе чины были пожалованы столомъ; веселіе продолжалось до двухъ часовъ полуночи, при-чемъ была многая пушечная пальба.

Оный орелъ былъ во дворцѣ — по построеніи на Котлинѣ островѣ *) крѣпости святаго Александра, и отъ его царскаго величества въ оную Александровскую крѣпость отданъ (жители острова, который нынѣ именуется Санктъ-Петербургскій, и близь онаго по островамъ жившіе, сказывали, будто оный орелъ былъ ручной, а житье его было на островѣ, на которомъ нынѣ Санктъ-Петербургъ; выгружались по берегамъ рѣки Невы мачтовые и брусовые королевскіе лѣса, и караульными солдатами тѣхъ лѣсовъ оный орелъ былъ пріученъ къ рукамъ).

Санктъ-Петербургской крѣпости планъ и основаніе — собственнаго труда его императорскаго величества Петра Великаго.

24-го (Мая). — На острову, который нынѣ именуется Санктъ-Петербургскій, царское величество повелѣлъ рубить лѣсъ и изволилъ обложить дворецъ. Генералъ, свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ сынъ Меньшиковъ предлагалъ его царскому величеству: въ Канецкихъ слободахъ отъ пожару многіе домы въ остаткѣ, строены по архитектурѣ изъ лѣсу брусоваго, — не соизволитъ ли перевесть и построить дворецъ? Царское величество изволилъ говорить: «для того и велѣно на семъ мѣстѣ рубить лѣсъ, изъ того лѣсу строить дворецъ — впредь для знанія, въ какой пустотѣ оный островъ былъ».

25-го. — Около дворца, по берегу рѣки Невы вверхъ и по Малой Невѣ внизъ, повелѣлъ вырубить лѣсъ, и мѣсто разровнять, и прежнихъ служебъ боярамъ и прочимъ чинамъ поставить шатры и наметы, а Санктъ-Петербургской крѣпости на обложенныхъ первыхъ двухъ раскатахъ поставить пушки, — а свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ Меньшиковъ на всѣхъ назначенныхъ мѣстахъ шести раскатовъ пушки поставилъ, и въ Шлюшенбургъ послалъ указъ, чтобъ 28 числа двѣ шнявы и яхта, въ 3-часу по полудни, подъ флагомъ и вымпеломъ пришли и Санктъ-Петербургскую крѣпость пушечною пальбою поздравляли.

26-го. — Дворца строенія работа окончилась, и близь онаго дворца поставлены были два великіе шатра Персидской работы, изъ шелковыхъ богатыхъ матерій, полы были устланы коврами, и прочіе шатры и наметы были поставлены.

28-го. — Царское величество, съ ликомъ святительскимъ и съ генера-

---

*) Въ Кронштадтѣ. *Щ.*

литетомъ и статскими знатными чинами на 63-хъ судахъ изволилъ шествовать рѣкою Невою къ новопостроенному дворцу. По приближеніи къ крѣпости, со всѣхъ шести раскатовъ поздравляемъ былъ пушечною пальбою; по вшествіи на островъ, на которомъ построенъ былъ дворецъ, изволилъ спрашивать свѣтлѣйшаго князя Меньшикова (оный князь Меньшиковъ былъ при ономъ дворцѣ) о пальбѣ съ шести раскатовъ Санктъ-Петербургской крѣпости. Свѣтлѣйшій князь объявилъ, что въ прошедшей ночи на назначенныхъ всѣхъ раскатахъ Санктъ-Петербургской крѣпости пушки поставлены. За сіе изволилъ благодарить. По вшествіи во дворецъ, и освященіи воды, и окропленіи дворца святою водою, изволилъ наименовать островъ — святаго Петра, дворецъ — Петергофъ (Петровъ домъ). Отъ лика святительскаго, въ благословеніе новаго дома, поднесенъ былъ образъ Живоначальныя Троицы и хлѣбъ-и-соль, и отъ рѣченнаго свѣтлѣйшаго князя и прочихъ — хлѣбы, и посуда золотая и серебряная, и многія дорогія вещи были принесены же. Царское величество изволилъ всѣхъ благодарить. Тогда изъ Санктъ-Петербургской крѣпости и стоящей при ономъ дворцѣ артиллеріи, и со шнявы изъ пушекъ, и отъ гвардіи, стоящей въ парадѣ, изъ ружьевъ была троекратная пальба. Царское величество въ великомъ былъ обрадованіи, всѣхъ поздравляющихъ благодарилъ, жаловалъ къ рукѣ, а потомъ — приказною водкою, и изволилъ сѣсть кушать съ ликомъ святительскимъ въ новомъ дворцѣ, потомъ изволилъ выдти и кушать въ шатрѣ съ генералитетомъ и статскими знатными чинами.

По полудни, въ половинѣ 3-го часа, еще обѣдъ не отошелъ, двѣ шнявы и яхта шли Невою рѣкою къ Санктъ-Петербургу, украшенныя флагами и вымпелами, и, не дошедъ города, поздравляли Санктъ-Петербургскую крѣпость пушечными выстрѣлами. Тогда свѣтлѣйшій князь Меньшиковъ докладывалъ царскому величеству, что пришли отъ Шлиссельбурга двѣ шнявы и яхта, и поздравляли его царское величество съ царствующимъ градомъ Санктъ-Петербургомъ и новымъ домомъ. Хотя царскому величеству и видимы были, изъ шатра, идущія двѣ шнявы и яхта, но изволилъ выдти на берегъ рѣки Невы и изволилъ говорить: «Генералъ-губернаторъ Санктъ-Петербургскій, свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ! много доволенъ я вашею службою». И сѣвъ въ шлюпку, изволилъ шествовать на пришедшія шнявы и яхту, съ двумя шнявами, которыя взяты были на взморьѣ 6-го мая; на ономъ флотѣ изволилъ шествовать мимо Санктъ-Петербургской крѣпости, съ которой поздравляемъ былъ многою пушечною пальбою; съ шнявъ и яхты благодарилъ пушечною же пальбою и, поставя флотъ на якорь, по вшествіи на берегъ, изволилъ войти въ шатеръ. Свѣтлѣйшій князь, со всѣми бывшими тутъ, поздравлялъ его царское величество съ новымъ флотомъ. Оное торжество продолжалось до 3-го часа по полуночи.

БЫТЪ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ПЕРВАГО.

(1672—1725).

Изъ книжки «Русская Старина».

Петръ Первый былъ слишкомъ 2 аршинъ 14 вершковъ, и столько отличался ростомъ отъ другихъ, что — во время пребыванія его въ Голландіи, въ Заандамѣ — жены корабельщиковъ, работавшихъ на тамошней верфи, унимали дѣтей своихъ отъ шалостей, грозя гнѣвомъ высокаго плотника изъ Московіи. Онъ былъ крѣпкаго сложенія, имѣлъ лицо круглое, нѣсколько смугловатое, черные волосы, обыкновенно прикрытые парикомъ, большіе черные глаза, густыя брови, маленькій носъ, небольшой ротъ и усы, придававшіе ему нѣсколько суровый видъ.

Сила его была соразмѣрна необыкновенному росту. Заспоривъ однажды съ Августомъ, королемъ Польскимъ, въ Биржѣ въ 1701 году, онъ велѣлъ подать себѣ штуку сукна и, бросивъ вверхъ, кортикомъ прорубилъ ее на воздухѣ. Въ другой разъ, сидя съ нимъ-же за ужиномъ, онъ свертывалъ въ трубку по двѣ серебряныя тарелки вдругъ, и потомъ между ладоньми сплющилъ большую серебряную же чашу. Въ Амстердамѣ въ 1697 году, въ довольно сильный вѣтеръ, останавливалъ рукою мельничныя крылья, чтобъ лучше разсмотрѣть механизмъ нѣкоторыхъ частей. Впрочемъ, однажды Петръ чуть-было не заплатилъ жизнію за подобную самонадѣянность. Это случилось въ 1717 году, въ Утрехтѣ, на шелковой фабрикѣ купца Фанъ Моллена. Дабы узнать быстроту воды, приводившей въ обращеніе колёса фабрики, государь вздумалъ было, во время дѣйствія оныхъ, остановить самое большое колесо; но оно подняло его, и, вѣрно, Петръ сдѣлался бы жертвою своего любопытства, еслибъ одинъ изъ бывшихъ тутъ работниковъ, схвативъ его обѣими руками, не оторвалъ насильно отъ колеса. — Походка его, обыкновенно скорая, дѣлалась еще скорѣе, когда онъ занятъ былъ какою-нибудь мыслію или увлекался разговоромъ.

Петръ любилъ веселиться въ обществахъ, на праздникахъ, которые давались ему въ честь, любилъ видѣть вокругъ себя блескъ и пышность: но въ частной жизни представлялъ во всемъ образецъ строжайшей умѣренности. Обыкновенная одежда его была самая простая: лѣтомъ — черный бархатный картузъ или треугольная поярковая шляпа, французскій кафтанъ изъ толстаго сукна сѣраго или темнаго цвѣта, съ фабрики купца Сѣрикова, тафтяные камзолъ и нижнее платье, цвѣтные шерстяные чулки и башмаки на толстыхъ подошвахъ и высокихъ каблукахъ, съ мѣдными или стальными пряжками; зимою — тотъ-же нарядъ, кромѣ того, что, вмѣсто бархатнаго картуза, носилъ онъ шапку

изъ калмыцкихъ барашковъ, вмѣсто суконнаго кафтана надѣвалъ другой — изъ красной матеріи, въ коемъ переднія полы подбиты были соболями, а спинка и рукава бѣличьимъ мѣхомъ, и вмѣсто кожанныхъ башмаковъ, родъ сапоговъ изъ сѣвернаго оленя, мѣхомъ вверхъ.

Были однакожъ дни, въ которые и онъ любилъ наряжаться съ нѣкоторою пышностію: такъ, напримѣръ, при спускахъ кораблей, Петръ встрѣчалъ гостей, всходившихъ на вновь спущенное судно, въ богатомъ, шитомъ золотомъ, адмиральскомъ мундирѣ и въ Андреевской лентѣ черезъ плечо. Въ день коронаціи императрицы Екатерины имѣлъ онъ на себѣ голубой гродетуровой кафтанъ, шитый серебромъ самою государынею. Когда она поднесла его супругу, Петръ взялъ кафтанъ въ руки и, взглянувъ на шитье, тряхнулъ имъ, отъ чего нѣсколько канители осыпалось на полъ: «Смотри, Катенька», сказалъ онъ ей, указывая на упавшія блестки, «слуга смететъ это вмѣстѣ съ соромъ, а вѣдь здѣсь слишкомъ дневное жалованье солдата».

Вообще Петръ, щедрый въ награжденіи заслугъ, показывалъ чрезвычайную бережливость во всемъ, что касалось до него собственно.

Въ первое путешествіе свое по чужимъ краямъ, прибывъ вечеромъ съ небольшою свитою въ Нимвегенъ, онъ остановился въ трактирѣ и потребовалъ ужинать. Ему дали 12 яицъ, сыру, масла и двѣ бутылки вина. Когда надлежало расплачиваться, трактирщикъ, вѣроятно узнавъ кто̀ былъ его гость, запросилъ сто червонныхъ. Петръ велѣлъ гофмаршалу своему Шепелеву заплатить эти деньги, но не могъ забыть такой издержки, и угощая въ Петербургѣ пріѣзжавшихъ на судахъ Голландцевъ, всякій-разъ почти съ-упреками напоминалъ имъ о корыстолюбіи Нимвегенскаго трактирщика. «*Мнѣ мотать не изъ чего*», говаривалъ онъ въ другое время; «*жалованья заслуженнаго у меня немного, а съ государственными доходами надлежитъ поступать осторожно: я долженъ отдать въ нихъ отчетъ Богу*». Часто ходилъ онъ въ башмакахъ, имъ самимъ заплатанныхъ, и чулкахъ, штопанныхъ его супругою.

Ѣздилъ онъ лѣтомъ въ длинной, выкрашенной въ красную краску, одноколкѣ, на низкихъ колесахъ, парою; зимою — въ саняхъ, запряженныхъ въ одну лошадь, съ двумя денщиками: однимъ, который сидѣлъ съ нимъ рядомъ, и другимъ, ѣхавшимъ сзади верхомъ. Одинъ только разъ, 25 мая 1723 года, удивилъ онъ Петербургскихъ жителей необыкновенною пышностію. Увидѣли его, окруженнаго отрядомъ гвардіи, въ выложенномъ краснымъ бархатомъ длинномъ фаэтонѣ тогдашняго вкуса, цугомъ, съ лакеями позади въ ливреѣ. Онъ поѣхалъ за городъ на-встрѣчу князю Долгорукому и графу Головкину, которые, пробывъ около 15 лѣтъ въ званіи посланниковъ при разныхъ иностранныхъ дворахъ, возвращались въ Россію просвѣщенными Европейцами. Петръ, остановившись въ 4 верстахъ отъ города, ждалъ ихъ около

верти часа. Когда они подъѣхали, посадилъ ихъ къ себѣ въ фаэтонъ, провезъ по главнымъ улицамъ столицы во дворецъ, куда созваны были знатнѣйшія особы, и тутъ, передо всѣми, изъявивъ имъ свое благоволеніе, принесъ новую дань уваженія ихъ познаніямъ и утонченной образованности.

Таже простота, какую наблюдалъ царь въ одеждѣ и въ экипажѣ своемъ, господствовала и въ его обращеніи. «*Если хотите остаться моими друзьями*», говорилъ онъ Заандскимъ корабельщикамъ въ 1698 году, «*то обходитесь со мною не какъ съ царемъ; иначе я не буду ученикомъ вашимъ. Я ищу не почестей, но полезныхъ знаній. Оставьте всѣ церемоніи; мнѣ свобода въ тысячу разъ милѣе, нежели несносное принужденіе, котораго требуетъ свѣтъ*».

Въ Петербургѣ царь былъ тоже, что отецъ въ большомъ семействѣ. Онъ крестилъ у однихъ, при чемъ родильницамъ давалъ на зубокъ, при поцѣлуѣ въ голову, по рублю серебромъ; пировалъ съ другими; плясалъ на свадьбѣ у такого-то, и ходилъ за гробомъ у иного. Случалось ли ему имѣть къ кому-нибудь дѣло, къ вельможѣ, купцу или ремесленнику, онъ часто, взявъ съ собою камышевую трость съ набалдашникомъ изъ слоновой кости, болѣе извѣстную подъ именемъ *дубинки*, отправлялся къ нему запросто пѣшкомъ, и если находилъ хозяина за обѣдомъ, то безъ-чиновъ садился за столъ; приказывалъ подавать себѣ тоже, что подносили другимъ, толковалъ съ мужемъ, шутилъ съ женою, заставлялъ при себѣ читать и писать дѣтей, требуя, чтобъ обходились съ нимъ безъ-чиновъ.

Часто видали его на улицахъ идущимъ подъ-руку съ фабрикантомъ или съ иноземнымъ матросомъ; иногда бродящимъ въ толпѣ, прислушиваясь къ молвѣ народной.

Но обращаясь открыто со всѣми, онъ того-же требовалъ отъ всѣхъ для себя, и худо тому, кто вздумалъ бы — въ разговорахъ или поступкахъ съ нимъ — позволить себѣ малѣйшую ложь. «*За признаніе прощеніе; за утайку нѣтъ помилованія,*» повторялъ онъ часто: «*лучше грѣхъ явный, нежели тайный.*»

Онъ любилъ правду, даже въ такихъ случаяхъ, когда она могла бы другому показаться оскорбительною.

Случалось иногда, что въ пылу гнѣва, увлеченный пламеннымъ характеромъ, Петръ обнаруживалъ негодованіе противу тѣхъ, которые безъ покрова открывали ему истину; но зато какое раскаяніе показывалъ онъ послѣ, какъ щедро награждалъ потерпѣвшихъ въ такомъ случаѣ отъ его горячности.

Во время своего пребыванія въ Петербургѣ, царь жилъ лѣтомъ во дворцѣ Лѣтняго Сада, зимою — въ Зимнемъ.

Онъ ложился въ десять часовъ, вставалъ, лѣтомъ и зимою, въ три

часа утра, и ходилъ часъ по комнатѣ; читалъ въ это время «*Петербургскія Вѣдомости*».

Въ четыре или пять часовъ Петръ, безъ чаю и кофе, выпивъ рюмку анисовой водки, отправлялся, съ тростію въ одной и записною книжкою въ другой рукѣ, смотрѣть производившіяся въ Петербургѣ работы.

Въ шесть или семь часовъ Петръ отправлялся, въ сенатъ или которую-нибудь изъ коллегій, и оставался тамъ до одинадцати, слушалъ дѣла и споры сенаторовъ, излагалъ свои мнѣнія, надписывалъ на дѣлахъ рѣшенія. Дѣятельность его, при семъ случаѣ, достойна удивленія. Одинъ современный писатель говоритъ, что онъ въ одинъ часъ дѣлалъ болѣе, нежели другой успѣлъ бы сдѣлать въ четыре. Зато государь умѣлъ и беречь время.

Въ одинадцать часовъ Петръ обыкновенно уходилъ изъ сената, при чемъ подносили ему рюмку анисовой водки и крендель. Время до полудня назначено было для пріема просителей.

Въ двѣнадцать часовъ ворота Лѣтняго Сада запирались. Царь садился за столъ и всегда почти обѣдалъ въ своемъ семействѣ. Чтобъ кушанья не простывали, столовая его была обыкновенно рядомъ съ кухнею; поваръ передавалъ въ первую — блюда прямо изъ печи, чрезъ окошко, и всегда одно за другимъ, а не вмѣстѣ. Молодой радисъ, лимбургскій сыръ, тарелка щей, студень, ветчина, каша и жареная утка въ кисломъ соусѣ, который приправлялся лукомъ съ огурцами или солеными лимонами, были любимыми кушаньями Петра. Мозельскія и Венгерскія вина предпочиталъ онъ всѣмъ прочимъ. У прибора его клались всегда деревянная ложка, оправленная слоновою костью, ножикъ и вилка съ зелеными костяными черенками, и дежурному денщику вмѣнялось въ обязанность — носить ихъ съ собою и класть передъ царемъ, если даже ему случалось обѣдать въ гостяхъ.

Петръ не терпѣлъ многочисленной прислуги; дежурный денщикъ служилъ государю, императрицѣ и великимъ княжнамъ. Онъ находился при царѣ безотлучно днемъ и ночью, былъ довѣренною его особой и занималъ мѣсто камердинера, адъютанта, секретаря.

Государь столько любилъ денщиковъ своихъ, что часто въ большихъ собраніяхъ, прервавъ важный разговоръ, обращался къ нимъ и шутилъ съ ними по цѣлымъ часамъ.

Онъ садился за столъ по нѣскольку разъ въ день, а если ему случалось заходить куда-нибудь въ послѣобѣденное время, то хозяинъ, вышедъ къ нему на-встрѣчу, приводилъ его прямо въ комнату, гдѣ накрытъ былъ столъ съ разными холодными кушаньями. Впрочемъ, пріёмъ такого рода дѣлался не для одного царя, а былъ въ нравахъ тогдашняго времени.

Откушавъ, Петръ обыкновенно читалъ Голландскія газеты и дѣлалъ

на поляхъ замѣчанія карандашемъ, потомъ уходилъ на свою яхту, стоявшую передъ дворцемъ, ложился тутъ и отдыхалъ часъ или два. Иногда, во время торжественныхъ обѣдовъ, онъ для этого вставалъ изъ-за стола, приказавъ однакожъ гостямъ не расходиться прежде его возвращенія. Въ четыре часа уходилъ онъ въ токарную или въ кабинетъ: сюда приходили къ нему по дѣламъ.

Одни только князь Ромадановскій и фельдмаршалъ Шереметевъ могли входить безъ доклада; ихъ однихъ государь всегда провожалъ до двери своего кабинета; всѣ прочіе, даже сама императрица Екатерина Алексѣевна, должны были напередъ сказаться. Окончивъ дѣла государственныя, Петръ развертывалъ свою записную книжку, въ которой отмѣчалъ всё, что ему приходило въ тотъ день на мысль.

По дѣятельности Петра, по его любви ко всему полезному мы можемъ судить, сколько занятія его были разнообразны, — но, не смотря на это разнообразіе, всѣ имѣли одну, постоянную, неизмѣнную цѣль. «*Трудиться надобно, братецъ,*» говорилъ Петръ Неплюеву, когда опредѣлялъ его лейтенантомъ во флотъ, «*я и царь вамъ, а у меня на рукахъ мозоли, а всё для того, чтобъ показать вамъ примѣръ, и хотя-бъ подъ старость увидѣть мнѣ достойныхъ изъ васъ помощниковъ и слугъ отечеству*».

Корниловичъ.

АНЕКДОТЫ О ПЕТРѢ ПЕРВОМЪ.

Князь Долгоруковъ, вслѣдствіе учиненнаго королемъ Шведскимъ подъ Нарвою договора, задержанъ былъ въ плѣну, вмѣстѣ съ прочими генералами, и отведенъ въ Стокгольмъ; а такъ-какъ Карлъ Двѣнадцатый никогда не хотѣлъ согласиться на размѣнъ плѣнныхъ, то князь, вмѣстѣ съ прочими, содержался, какъ плѣнникъ, до 1711 года.

Шведское правительство разсудило перевезти часть плѣнныхъ, содержавшихся въ Стокгольмѣ, моремъ въ Готенбургъ; въ числѣ ихъ находился и князь Долгоруковъ. Такъ-какъ на фрегатѣ томъ Россіянъ находилось больше, нежели Шведовъ, то этого довольно было, чтобъ внушить ему мысль овладѣть фрегатомъ и уѣхать на немъ въ Россію. Онъ сообщилъ объ этомъ намѣреніи своимъ товарищамъ, и они охотно согласились во всемъ слѣдовать его примѣру. На исполненіе предпріятія своего князь опредѣлилъ вечеръ субботы, то-есть: когда въ вечернюю службу запоютъ «*дерзайте убо, дерзайте, людіе Божіе!*», то вмигъ броситься всѣмъ имъ на Шведовъ, обезоружить ихъ и овладѣть фрегатомъ. Всё это исполнено было въ-точности. При послѣднемъ словѣ, Русскіе, какъ львы, бросились на Шведовъ, отнюдь того не ожидавшихъ,

обезоружили ихъ, а противившихся, однихъ покололи, другихъ потолкали въ море, третьихъ перевязали и заключили подъ палубу. Оставили свободнымъ одного только шкипера, и князь, приставивъ къ груди его шпагу, сказалъ: «ежели хочешь быть живъ, то вези насъ въ Кронштадтъ или въ Ревель, но берегись измѣнить!» Шкиперу ничего не оставалось какъ умереть, или повиноваться. Когда князь прибылъ къ монарху, то его Величество обнялъ его и, неоднократно цѣлуя, выхвалялъ его неустрашимую рѣшительность. Вскорѣ потомъ государь пожаловалъ князя сенаторомъ и сверхъ-того поручилъ ему коммиссаріатъ.

— Петръ Великій, имѣвшій нужду облегчать душевныя силы свои, истощеваемыя всегдашними напряженіями размышленій, удалялся иногда въ свою токарню и занимался трудами рукъ своихъ, что̀ было единственнымъ его отдохновеніемъ. Въ одно время, проходя свою токарню, государь приказалъ солдату, стоявшему у дверей на часахъ, не впускать къ себѣ никого во всё время пребыванія своего въ ней. Черезъ четверть часа пришелъ князь Меньшиковъ и, спрося часового: — здѣсь ли государь? — хотѣлъ войдти къ нему; но солдатъ отвѣчалъ: «государь здѣсь, но не велѣлъ никого къ себѣ впускать.» — Меня ты можешь впустить! — сказалъ князь. «Не пущу!» снова отвѣчалъ солдатъ. — Но ты знаешь, кто я? — «Знаю, но не пущу.» — Я имѣю до государя нетерпящую время нужду. — «Что ты ни говори, а я знаю, что̀ мнѣ приказано.» — Знаешь ли ты, дерзкій, что я, какъ подполковникъ твой, велю тебя тотчасъ смѣнить и жестоко наказать. — «Послѣ часовъ ты воленъ поступить со мною какъ хочешь; но прежде-времени смѣнить меня не можешь, да и смѣняющему меня я долженъ отдать тотъ-же приказъ государевъ.» Меньшиковъ въ-досадѣ хотѣлъ было, оттолкнувъ часового, войдти; но тотъ, уставя противъ груди его штыкъ, «отойди» — закричалъ грозно — «или я тебя заколю!» Князь принужденъ былъ отступить на нѣсколько шаговъ отъ солдата. Государь, услышавъ происшедшій отъ того шумъ, отворилъ двери и, увидя солдата, стоящаго въ такомъ положеніи, спросилъ: «что̀ это такое?» Меньшиковъ разжаловался на солдата, что едва было онъ его не закололъ. Монархъ спросилъ у часового о причинѣ такого поступка. «Вы приказали мнѣ» — отвѣчалъ солдатъ — «не впускать къ себѣ никого, а онъ хотѣлъ-было силою войдти, оттолкнувъ меня; мнѣ-жь не оставалось ничего иного дѣлать, какъ заколоть его, ежели бъ онъ еще сталъ усиливаться!» При-чемъ разсказалъ и весь свой разговоръ съ княземъ, и угрозы его себѣ.

Великій государь, выслушавъ это, сказалъ Меньшикову: «Данилычъ! онъ больше знаетъ свою должность, нежели ты; мнѣ бы жаль было, ежели-бы онъ закололъ тебя.» И потомъ запретилъ ему наказывать

солдата, котораго похвалилъ за поступокъ его, пожаловалъ ему пять рублей, и тогда-же приказалъ придворному живописцу своему — на дверяхъ той комнаты изобразить часового — въ такомъ точно положеніи, въ какомъ увидѣлъ его государь, отворя двери.

— Великій государь посѣщалъ часто и нечаянно города, когда граждане отнюдь того не ожидали. Въ одинъ изъ таковыхъ пріѣздовъ, монархъ, прибывъ въ Олонецъ, прямо пошелъ въ Воеводскую Канцелярію и засталъ въ ней воеводу, украшеннаго сѣдинами, простосердечіемъ и непорочностію, какъ видно изъ слѣдующаго:

Его величество спросилъ его — «какія есть въ Канцеляріи челобитныя дѣла?» Воевода въ-страхѣ повергается въ ноги государю и дрожащимъ голосомъ говоритъ: — виноватъ, всемилостивѣйшій государь, никакихъ нѣтъ! — «Какъ никакихъ?» вопрошаетъ снова монархъ. — Никакихъ, надёжа-государь! — со-слезами повторяетъ воевода: — виноватъ, государь, я никакихъ челобитень не принимаю и до Канцеляріи не допускаю, а всѣхъ таковыхъ соглашаю на миръ, и слѣдовъ ссорныхъ не оставляю въ Канцеляріи. — Монархъ удивился такой винѣ; поднявъ воеводу, поцѣловалъ его въ голову и сказалъ: «Я бы желалъ и всѣхъ воеводъ видѣть виноватыми, какъ ты; продолжай, другъ мой, твою службу, — Богъ тебя не оставитъ, и я не забуду!»

Черезъ нѣкоторое время, государь, примѣтивъ въ Адмиралтейской Коллегіи, между членами, а особенно между Чернышевымъ и Крейцомъ, несогласія, послалъ указъ къ упомянутому воеводѣ, чтобы онъ прибылъ къ нему въ Петербургъ, и, по прибытіи, опредѣлилъ его прокуроромъ въ Коллегію, сказавъ: «Старикъ! я желаю, чтобъ ты и здѣсь былъ столько-же виноватъ, какъ и въ Олонцѣ, и, не принимая никакихъ ссорныхъ объясненій отъ членовъ, мирилъ ихъ. Ты ничѣмъ столько не услужишь мнѣ, ежели поселишь между ними миръ и согласіе.»

— Троицкаго Собора священникъ, коихъ онъ каждаго зналъ по имени, просилъ его величество сдѣлать ему милость воспріятіемъ отъ купели новорожденнаго сына его.

Великій государь, снисходя на сію просьбу, обѣщалъ прійдти къ нему въ домъ на другой день послѣ обѣда, назнача и часъ тому. Священникъ спросилъ, кого благоволитъ назначить кумою? «Какую ты изберешь изъ твоихъ родственницъ,» отвѣчалъ государь.

Священникъ, къ назначенному дню, приготовился принять такого кума; но монархъ, сверхъ обыкновенія своего, занявшись случившимися на тотъ день важными дѣлами, забылъ данное слово, и не прежде вспомнилъ о томъ, какъ уже легши спать.

«Ахъ!» — сказалъ онъ супругѣ своей — «я забылъ данное мною слово священнику. Въ какомъ должны быть безпокойствѣ онъ и весь домъ его, ждавъ меня столь долго, и я думаю, что они теперь еще ждутъ меня!» И хотя былъ уже одиннадцатый часъ вечера, и время стояло осеннее и ненастное, однакожь онъ, тотъ-же-часъ вставши, потребовалъ одѣться, а между-тѣмъ велѣлъ сыскать перевозное чрезъ Неву судно; найдена была верейка, и монархъ съ дневальнымъ денщикомъ своимъ, Татищевымъ, переѣхавъ на ней Неву, пришелъ къ дому священника, но тотъ, не ожидавши уже монарха такъ поздно, отпустя куму, легъ спать. На стукъ отперли вороты. Можно себѣ представить изумленіе хозяина, узнавшаго о приходѣ монарха: онъ едва могъ встрѣтить его величество въ дверяхъ своей спальни, но великій государь, недопуская его до объясненія, просилъ простить себя, что надѣлалъ столько безпокойства. «Я — продолжалъ государь — за суетами забылъ, что обѣщалъ быть къ тебѣ.... Здѣсь ли еще кума?» Узнавши, что она уже уѣхала, велѣлъ послать за нею, сказавъ: «я виноватъ предъ нею, заставивъ ее такъ-долго ждать себя. Прошло не болѣе получаса, какъ пріѣхала кума, и государь, увидя ее, просилъ у нея прощенія за причиненное имъ безпокойство.

По крещеніи младенца, монархъ принесъ его къ родильницѣ, поцѣловался съ нею и съ кумою, выкушалъ стаканъ пива и, пожелавъ доброй ночи, пріѣхалъ опять на томъ же суднѣ во дворецъ.

— Одинъ московскій купецъ билъ-челомъ на сосѣда, что корова его, ворвавшись къ нему въ огородъ, поѣла его капусту, и надѣлала ему убытку на 300 рублей, и потому просилъ убытокъ сей взыскать съ него, а какъ его величество въ это время находился въ Москвѣ, то и не скрылась отъ него подобная ябеда. Онъ приказалъ Суду освидѣтельствовать огородъ его, сколько поѣдено капусты и причинено убытку. Слѣдствіемъ дознано, что весь убытокъ тотъ состоялъ — не болѣе, какъ рубля на три. Донесено о семъ государю, и монархъ повелѣлъ съ безсовѣстнаго просителя взыскать 300 руб. и отдать ихъ отвѣтчику, сосѣду его, а сверхъ-того и взыскать съ него-же, просителя, въ казну 300 рублей и употребить ихъ на мундиры солдатамъ Преображенскаго полка. А чтобы коварный проситель и всё Московское купечество не забыли такого рѣшенія, то повелѣлъ впредь писаться ему Капустинымъ. (Изъ *Голикова* и *Штелина*).

— Однажды, находясь въ Архангельскѣ, при рѣкѣ Двинѣ, онъ увидѣлъ довольное число барокъ и прочихъ подобныхъ простыхъ судовъ, и

спросилъ: «какія то были суда и откуда?» На это было ему донесено, что мужики изъ Холмогоръ везутъ въ городъ на баркахъ разный товаръ для продажи. Но, не удовлетворясь этимъ отвѣтомъ, царь пожелалъ самъ поговорить съ ними, и потому, отправясь на барки, увидѣлъ, что онѣ были нагружены повозками съ горшками и другою глиняною посудою. Между-тѣмъ-какъ онъ старался всё пересмотрѣть, и для того ходилъ по судамъ, — вдругъ подъ нимъ переломилась доска, и онъ упалъ въ нагруженное горшками судно, и хотя этимъ паденіемъ не причинилъ себѣ никакого вреда, но горшечнику сдѣлалъ довольно убытку.

Горшечникъ, которому это судно съ грузомъ принадлежало, посмотрѣвъ на свой разбитый товаръ, почесалъ голову и съ-простоты сказалъ царю: «батюшко, теперь я немного денегъ съ рынка привезу домой.» — Сколько же ты думалъ домой привезти? спросилъ царь. «Да, ежели бы всё было благополучно, то бы алтынъ съ 46 или бы и больше выручилъ.» Петръ Великій, вынувъ изъ кармана червонецъ и подавая его мужику, сказалъ: «вотъ тебѣ тѣ деньги, которыя ты выручить надѣялся. Сколько тебѣ это пріятно, столько и съ моей стороны пріятно мнѣ, что ты послѣ не можешь назвать меня причиною твоего несчастія.»

(Сообщено Ломоносовымъ, уроженцемъ Холмогоръ, слышавшимъ это отъ своего отца.)

— Во время пребыванія Петра Великаго въ Лондонѣ, случилось ему видѣть англійскихъ бойцовъ, бившихся другъ-съ-другомъ лбами; въ числѣ этихъ бойцовъ былъ одинъ, который побивалъ всѣхъ. Возвратясь домой, Петръ разсказалъ объ этомъ боѣ своей свитѣ, и спросилъ: — нѣтъ ли охотниковъ изъ гвардейскихъ гренадеровъ, ему сопутствовавшихъ, побиться съ лондонскимъ силачемъ? Вызвался одинъ гренадеръ — мощный, плотный, бывшій въ Москвѣ часто на кулачныхъ бояхъ и на себя надѣявшійся; онъ просилъ у государя дозволенія прежде посмотрѣть на такую битву; и когда тщательно вникъ во всѣ ухватки бойцовъ, то увѣрялъ Петра, что этого перваго и славнаго бойца онъ сразитъ разомъ такъ, что онъ съ Русскими впредь биться не пожелаетъ. Государь, улыбнувшись, спросилъ:

«Полно, такъ ли?... Вѣдь я намѣренъ держать закладъ, — не постыди насъ.» — Изволь, государь, смѣло держать закладъ и надѣяться; я не только этого удальца, да и всѣхъ съ нимъ товарищей вмѣстѣ, однимъ кулакомъ размечу! Неоднажды, царь государь, за Сухаревою Башнею я хаживалъ въ кулашномъ бою противъ цѣлой стѣны. Я зубы съ челюстями и ребры Англичанину высажу! —

Спустя нѣсколько дней, его величество, сидя за обѣдомъ у одного герцога, завелъ разговоръ о бойцахъ, которыхъ онъ видѣлъ, и сказалъ, что гренадеръ его побѣдитъ ихъ перваго бойца. Бывшіе тутъ лорды,

увѣренные въ силѣ и мастерствѣ своего витязя, противъ котораго никто не могъ стоять, предложили — не угодно ли будетъ государю подержать закладъ.

«А сколько?» спросилъ Петръ.

— Пятьсотъ гиней.

«Пятьсотъ... хорошо. Но знайте, господа, что мой боецъ лбомъ не бьетъ, а кулакомъ обороняется.»

Къ бою назначенъ былъ садъ герцога Камартена. Свита царская и многіе лорды прибыли туда. Оба бойца явились. Англичанинъ, своимъ богатырскимъ видомъ, при первомъ взглядѣ на своего противника увѣрялъ уже почти всѣхъ зрителей, что Русскій гренадеръ для него ничтожная жертва, и всѣ думали, что онъ не устоитъ. Англичанинъ началъ вызывать своего соперника, но послѣдній, поджавъ руки, стоялъ прямо и, не спуская глазъ съ своего противника, ожидалъ его къ себѣ. Англичанинъ, по обыкновенію, нагнувъ голову направилъ свой твердый лобъ противъ груди гренадера и въ такомъ положеніи приближался къ нему, чтобы сразить его. Всѣ въ-молчаніи ожидали рѣшительнаго удара, какъ вдругъ увидѣли, что гренадеръ, не допустивъ англичанина до себя, кулакомъ своимъ мгновенно треснулъ его по нагбенной шеѣ въ становую жилу такъ мѣтко и проворно, что гигантъ упалъ и растянулся.

Зрители, вскричавъ «браво! браво!» захлопали въ ладоши, поклонились царю и подали ему выигранный закладъ. Петръ, оборотясь къ своимъ, весело сказалъ:

«Русскій кулакъ стòитъ англійскаго лба... Я думаю, что несчастный боецъ теперь безъ шеи.»

Сраженному бойцу немедленно пустили кровь — думали, что онъ умретъ, но къ-счастью онъ очнулся. Этимъ кончился бой, и слава этого бойца затмилась. Государь желалъ, чтобы пораженнаго вылѣчили и, подозвавъ къ себѣ лѣкаря, просилъ пользовать бойца, и на излѣченіе далъ ему, изъ выиграннаго заклада, двадцать гиней; изъ этой же суммы пожаловалъ побѣдителю-гренадеру двадцать гиней, бойцу англичанину двадцать гиней, бывшимъ съ нимъ гренадерамъ тридцать гиней, народу бросилъ пятьдесятъ гиней: остальныя деньги отослалъ въ инвалидный домъ. Послѣ этого Петръ приказалъ тутъ же, всѣмъ бывшимъ при немъ гренадерамъ, прежде бороться, а послѣ-того сдѣлать между собою кулачный бой, чтобы показать лордамъ и прочимъ зрителямъ проворство, силу и ухватки Русскихъ богатырей, чему все собраніе весьма удивлялось, потому-что всѣ гренадеры, бывшіе при Петрѣ Великомъ, въ его путешествіе, отличались своимъ ростомъ, стáтью, силою, и вполнѣ похожи были на древнихъ богатырей.

(Сообщено Андреемъ Нартовымъ.)

Петръ Великій.

Много дѣлъ, «зѣло» успѣшныхъ,
Тѣмъ царемъ совершено.
Имъ заложено въ *Потѣшныхъ*[1])
Войска дивнаго зерно.
Взялъ топоръ, и первый ботикъ
Онъ устроилъ, сколотилъ,
И родилъ тотъ ботикъ — флотикъ,
Этотъ флотикъ [2]) флотъ родилъ.
Онъ — за истину прямую —
Дерзость дерзкому прощалъ,
А за ложь, неправду злую,
Живота «весьма» лишалъ; —
А иному напоминки
Кой-о-чемъ, на-чистоту,
Дѣлалъ съ-помощью дубинки
Дома въ дружескомъ быту;
А, подъ совѣсти порукой,
Правдой тычь не въ бровь, а въ глазъ,
И, какъ Яковъ Долгорукой,
Смѣло рви царевъ указъ.
Царь вспылитъ, но вмигъ почуетъ
Силу истины живой,
И тебя онъ расцалуетъ
За порывъ правдивый твой...
И близь жаркой царской груди
Были люди хороши,
Люди правды, чести люди,
Люди сердца и души:
Другъ Лефортъ сердцеотвѣтный
Вплоть до двери гробовой,
Шереметевъ мужъ совѣтный,
Князь Голицынъ боевой, —
Князь Голицынъ — другъ побѣдамъ,
Личный недругъ Репнину,
Предъ царемъ, за дѣло съ Шведомъ,
Тяжко впавшему въ вину.
Левенгавпта безъ-пощады
Бьетъ Голицынъ, весь — война:
«Князь, проси себѣ награды!»
— Царь, помилуй Репнина! —
Царь съ Данилычемъ [3]) велъ дружбу,
А по службѣ всё въ-строку, —
Спуску нѣтъ: самъ началъ службу
Барабанщикомъ въ полку.
Подъ протекціею женской
Не проскочишь въ верхній санъ!
Царь и самъ — Преображенской
Сталъ не даромъ капитанъ.
Нѣтъ! Онъ бился подъ Азовомъ,
Рыскалъ въ полѣ казакомъ,
И съ тяжелымъ, и суровымъ
Бытомъ воина знакомъ...
И лишь только отвоюетъ —
Свѣжимъ лавромъ осѣнёнъ,
Чинно князю рапортуетъ
Ромодановскому онъ;
И, вступая постепенно
Въ чинъ за чиномъ, говорилъ:
«Князь-де милостивъ отмѣнно, —
Право, я не заслужилъ.»
.....
— Какъ бы въ мудрость иноземцевъ
Намъ проникнуть? — думалъ онъ:
— Дай, поучимся у Нѣмцевъ!...
Только первый шагъ мудрёнъ.
Сердце бойко застучало...
Всталъ онъ, время не губя:
«На Руси всему начало —
Царь; — начну же я съ себя!»
И съ ремесленной науки
Началъ онъ, и — въ дѣлѣ скоръ —
Крѣпко въ царственныя руки
Взялъ онъ плотничій топоръ.
Съ бодрымъ духомъ въ бодромъ тѣлѣ,

[1]) Когда Петръ былъ еще отрокомъ, то — для потѣхи его — собирали мальчиковъ, которые вмѣстѣ съ нимъ, забавляясь, обучались военному строю и пріёмамъ на иноземную стать. Эта — вначалѣ *потѣшная — рота* сдѣлалась потомъ зерномъ, основой новаго Русскаго войска, новаго военнаго искусства въ Россіи, по образцу лучшихъ Европейскихъ армій. Изъ Потѣшныхъ образовались — пѣхотные гвардейскіе полки, Преображенскій и Семеновскій.

[2]) Балтійскій флотъ основанъ въ 1703 году.

[3]) Съ Меншиковымъ.

Щ.

Славно плотничаетъ царь;
Тамъ — успѣлъ въ столярномъ дѣлѣ,
Тамъ — глядишь — ужь и токарь.
Къ мужику прійдетъ: «Богъ помочь!»
Тотъ трудится, лобъ въ поту...
— «Что̀ ты дѣлаешь, Пахомычъ?» —
«Лапти, батюшка, плету;
Только дѣло плоховато, —
Ковыряю, какъ могу,
Черезъ пятое въ десято...»
— «Дай-ко, я тѣ помогу!» —
Сѣлъ, продёрнетъ, стянетъ дырку, —
Знаетъ, гдѣ и какъ продѣть,
И плетётъ въ-частоковырку,
Такъ-что любо поглядѣть!
Въ поле къ праздному владѣльцу
Выйдетъ онъ, найдетъ досугъ,
И исправитъ земледѣльцу
Борону его и плугъ.
А на трудъ свой съ-недовѣрьемъ
Самъ всё смотритъ... «Нѣтъ, пора
Перестать быть подмастерьемъ, —
Время выдти въ мастера.»
И, покинувъ царедворскій
Штатъ, и чинъ, и скипетръ свой,
Онъ поѣхалъ въ край заморскій:
«Человѣкъ-де я простой —
Петръ Михайловъ, плотникъ, слесарь,
Подмастерье», — говоритъ...
А на царствѣ тамъ князь-кесарь
Ромодановскій сидитъ —
Ѳедоръ Юрьичъ... Онъ, вѣдь, спроситъ
Отъ Петра и то, и сё, —
И рапортомъ онъ доноситъ
Князю-кесарю про всё.
«Вотъ — онъ пишетъ — дѣло наше
Подвигается; тружусь, —
И о здравьи Вашемъ, Ваше
Я Величество, молюсь.»
И припишетъ вдругъ: «однако
Всё я знаю: не дури!
Не грызи людей, собака!
Худо будетъ, князь, — смотри!»

Навострившись у Голландцевъ,
Заглянувъ и въ Альбіонъ [1]),
У Цесарцевъ [2]), Итальянцевъ
Поучился также онъ.
Для уроковъ же изустныхъ,
Что онъ Руси дать желалъ,
Онъ учителей искусныхъ
Ей изъ-за-моря прислалъ...
— Полно втунѣ волочиться,
Дворянинъ! Сади сынка
Буквѣ, цифири учиться,
Землемѣрію слегка. —
Только всё успѣхи плохи,
И ученье ни-къ-чему.
Русскій смотритъ: скоморохи
Въ Нѣмцахъ видятся ему, —
И учителямъ не хочетъ
Вѣрить, что-ни-говори;
Нѣмецъ — думаетъ — морочитъ,
Всё фигляры, штукари!...
И державный нашъ работникъ
Посмотрѣлъ, нахмурилъ взоръ,
Снова вспомнилъ, что онъ плотникъ,
Да и взялся за топоръ...
И давай рубить онъ съ корня:
Роскошь прочь! Кафтанъ съ плеча!
Прочь хоромы, пышность, дворня!
Прочь и бархатъ, и парча!
Раззолоченныя тряпки,
Блёстки — прочь! Всё въ печь вались!
Скидывай собольи шапки:
Просто — Нѣмцемъ нарядись!
Царь велѣлъ: слова коротки.
Простоты-жь примѣръ въ глазахъ:
Самъ, подкинувъ онъ подмётки,
Ходитъ въ старыхъ сапогахъ.
Изъ завѣтныхъ, тайныхъ горницъ,
Изъ невѣдомыхъ свѣтлицъ
Вывесть велѣно затворницъ —
И дѣвицъ, и молодицъ —
Въ ассамблею... [3]) Душегрѣйки
Съ плечъ долой! Таковъ приказъ...
Страхъ подумать, — бѣлы шейки,

[1]) *Альбіонъ* — Англія.
[2]) *Цесарцы* — Австрійцы.
[3]) *Ассамблея* — вечеринка, бесѣда.

Щ.

Бѣлы плечи на-показъ!
Да чего? — Полъ-груди видно:
Такъ и въ танецъ выходи.
Идутъ, жмурятся... такъ стыдно!
Ручки къ глазкамъ, — не гляди!...
А приказу всё послушно..
Женки слёзы трутъ платкомъ,
Царь-же подчуетъ радушно
Муженьковъ ихъ — табакомъ.
Табакерки! Трубки!... Въ глотку
Хоть не лѣзетъ, а тяни!
Порошку возьми щепотку —
Въ носъ пихни, нюхни, чихни!
Тянутъ, нюхаютъ... Ну, зелье!
Просто, одурь отъ него..
Эко знатное веселье! —
А привыкнешь — ничего,
Самъ попросишь...Въ плясъ Голландскій
Хоть не хочется, — иди!...
— Эй, ты тамъ, сыновъ дворянскій,
Выходи-ко, выходи!
Либеръ Августинъ [1]) по звуку
На Нѣмецкій ладъ кружи;
Откружилъ — ступай въ науку,
А научишься — служи!
Мало дома школьныхъ храминъ —
За-границу поѣзжай;
А воротишься — экзаменъ
Царь задастъ: не оплошай!
Самъ допроситъ: выложь знанья —
Цифирь, линіи, круги,
А не сдержишь испытанья,
И жениться не моги...
Не позволитъ! — Оглянулся:
Онъ ужь тамъ, — и снова весь
Мысль и дѣло; — покачнулся,
Задремалъ ты — онъ ужь здѣсь.
Тамъ нашелъ онъ ключъ цѣлебный,
Тамъ — серебряный рудникъ,
Тамъ устроилъ домъ учебный,
Тамъ богатствъ открылъ родникъ;
Тамъ взрываетъ камней груду,
Тамъ дворянъ зоветъ на смотръ...
А межь-тѣмъ наука всюду,
И въ наукѣ всюду — Петръ.
Разъ, замѣтивъ захолустье —
Лѣсъ, болотный уголокъ,
Глушь кругомъ, при Невскомъ устьѣ —
Заложилъ онъ городокъ [2])...
— Шатокъ грунтъ — да съ-боку море:
Расхлеснёмъ къ Европѣ путь!
Эта дверь не на-затворѣ:
Дѣло сладимъ какъ-нибудь. —
Нынче сказана граница,
Завтра срублены лѣса, —
Чрезъ десятокъ лѣтъ — столица,
Черезъ сотню — чудеса!
Смерть смежила царски очи:
Но безсмертныя дѣла,
Но слѣды широкой мочи
Русь въ-наслѣдье приняла.
.....

Владиміръ Бенедиктовъ.

Полтавская битва.

(27-го іюня 1709 года.)

Горитъ востокъ зарёю новой.
Ужь на равнинѣ, по холмамъ,
Грохочутъ пушки. Дымъ багровый
Кругами всходитъ къ небесамъ —
Навстрѣчу утреннимъ лучамъ.
Полки ряды свои сомкнули;
Въ кустахъ разсыпались стрѣлки;
Катятся ядра, свищутъ пули;
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые побѣды,
Сквозь огнь окоповъ рвутся Шведы;
Волнуясь, конница летитъ,
Пѣхота движется за нею,
И — тяжкой твердостью своею —

---

[1]) Названіе одной Нѣмецкой плясовой пѣсни.
[2]) Петербургъ. *Щ.*

Ея стремленія крѣпитъ.
И битвы поле роковое
Гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ;
Но явно счастье боевое
Служить ужь начинаетъ намъ.
Пальбой отбитыя дружины,
Мѣшаясь, падаютъ во прахъ;
Уходитъ Позенъ сквозь тѣснины,
Сдается пылкій Шлиппенбахъ.
Тѣснимъ мы Шведовъ, рать за ратью;
Темнѣетъ слава ихъ знамёнъ,
И Бога браней благодатью
Нашъ каждый шагъ запечатлѣнъ...
Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный гласъ Петра:
«За дѣло, съ-Богомъ!» Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ; ликъ его ужасенъ,
Движенья быстры; онъ прекрасенъ;
Онъ весь — какъ Божія гроза...
Идетъ. Ему коня подводятъ:
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь;
Почуя роковой огонь,
Дрожитъ, глазами косо водитъ,
И мчится въ прахѣ боевомъ,
Гордясь могучимъ сѣдокомъ.
Ужь близокъ полдень; жаръ пылаетъ;
Какъ пахарь, битва отдыхаетъ;
Кой-гдѣ гарцуютъ казаки;
Равняясь, строются полки;
Молчитъ музыка боевая;
На холмахъ пушки, присмирѣвъ,
Прервали свой голодный ревъ...
И се — равнину оглашая,
Далече грянуло *ура*: —
Полки увидѣли Петра!...
И онъ промчался предъ полками, —
Могучъ и радостенъ, какъ бой,
Онъ поле пожиралъ очами.
За нимъ во-слѣдъ неслись толпой
Сіи птенцы гнѣзда Петрова—
Въ премѣнахъ счастія земнова,
Въ трудахъ державства и войны —
Его товарищи, сыны:
И Шереметевъ благородный,
И Брюсъ, и Боуръ, и Репнинъ,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ... [1])
И передъ синими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ, —
Несомый вѣрными слугами
Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ,
Страдая раной, — Карлъ [2]) явился....
Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тихо погрузился;
Смущенный взоръ изобразилъ
Необычайное волненье:
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье...
Вдругъ слабымъ маніемъ руки
На Русскихъ двинулъ онъ полки.
И съ ними царскія дружины
Сошлись въ дыму, среди равнины, —
И грянулъ бой — Полтавскій бой!
Въ огнѣ, подъ градомъ раскалённымъ,
Стѣной живою отражоннымъ,
Надъ падшимъ строемъ свѣжій строй
Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей —
Браздами, саблями звуча —
Сшибаясь, рубятся съ-плеча.
Бросая груды тѣлъ на груду,
Шары чугунные повсюду
Межь ними прыгаютъ, разятъ,
Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
Шведъ, Русскій — колетъ, рубитъ, рѣжетъ;
Бой барабанный, клики, скрежетъ,
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ —
И смерть, и адъ со всѣхъ сторонъ!
.....
Ура! мы ломимъ: гнутся Шведы...
О, славный часъ! о, славный видъ!...
Еще напоръ, — и врагъ бѣжитъ:
И слѣдомъ конница пустилась.

---

[1]) *Меншиковъ*, вышедшій изъ простонародья и возведенный Петромъ на степень перваго вельможи.

[2]) *Карлъ Двѣнадцатый* — король Шведскій. *Щ.*

Убійствомъ тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась,
Какъ роемъ черной саранчи.
Пируетъ Петръ. И гордъ, и яснъ,
И славы полонъ взоръ его,
И царскій пиръ его прекрасенъ.
При кликахъ войска своего,
Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И — за учителей своихъ —
Заздравный кубокъ поднимаетъ.

Александръ Пушкинъ.

Памятникъ Петру Первому въ Петербургѣ.

Народная пѣсня про смерть Петра Перваго.

(1725 года.)

Ахъ, ты, батюшка, свѣтелъ мѣсяцъ,
Что̀ ты свѣтишь не постарому,
Не постарому — не попрежнему,
Не во всю землю Святорусскую, —
Всё ты прячешься за облаки,
Закрываешься тучей черною!
Какъ у насъ было на святой Руси,
Въ Петербургѣ, славномъ городѣ,
Молодой сержантъ на часахъ стоялъ, —

Стоючи-то, онъ призадумался,
Призадумавшись, слёзно плакать сталъ...
И онъ плачетъ, что рѣка льётся,
Ужь и слёзы льетъ, что ручей течетъ;
Воздыхаетъ онъ — словно лѣсъ шумитъ,
Возрыдаетъ онъ — ровно громъ гремитъ,
Возрыдаючи, онъ возгóворилъ: —
Вы подуйте съ горъ, вѣтры буйные!
Разнесите съ небесъ снѣжки бѣлые,
Растолкните, вѣтры, бѣлъ-горючь камень,
Расшатайте-ко мать сыру землю
Вы на всѣ на четыре стороны!
Расколите, вѣтры, гробову доску,
Разверните вы золоту парчу,
Распахните вы бѣлъ тонкій саванъ...
Ужь ты встань-проснись, православный царь,
Православный царь, Петръ Алексѣевичъ!
Подыми ты свою головушку,
Посмотри на свою силушку:
Твоя силушка во строю стоитъ,
Во строю стоитъ — не шелохнется,
На войну она отлучается,
Всё тебя она дожидается...

ЛОМОНОСОВЪ*).

1.

Рыбакъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Василій Ѳедотычъ, рыбакъ Холмогорскій.
Ѳекла Ефимовна, жена его.
Михайло Ломоносовъ, сынъ ихъ.
Хавронья Лукишна, всеобщая кумушка.

Дѣйствіе — въ деревнѣ Денисовой, близь Холмогоръ, въ 1728 году.

Берегъ рѣки Сѣверной-Двины.—Домы и хижины рыбаковъ.—Рыболовные снаряды, сѣти и прочее.

Михайло Ломоносовъ.

Не обвиняй меня, мой родимый! Не спознался я ни-съ-кѣмъ, — чиста душа моя.... Не оставлю я твоей старости, — но отпусти меня.

Василій Ломоносовъ.

Отпустить? Куда отпустить?...

Михайло Ломоносовъ.

Самъ не знаю! Не надобны мнѣ твои деньги: твое богатство — передъ тобой оно! Есть у меня сокровища дороже твоихъ!

Василій Ломоносовъ.

Да что ты? Въ полномъ-ли умѣ?... Какія сокровища?

*) *Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ* (родился въ 1711 году, умеръ въ 1765), изъ простолюдиновъ, славный писатель и ученый, съ котораго началась нынѣшняя наша наука и словесность. *Щ.*

Михайло Ломоносовъ *(Вынимая изъ-подъ полы платокъ, въ которомъ что-то завязано).*

Вотъ они!

Василій Ломоносовъ.

Да ужь не кладъ ли ты нашелъ?

Михайло Ломоносовъ.

Кладъ великій, драгоцѣнный кладъ!

Василій Ломоносовъ.

Ахъ, ты, радость моя неоцѣненная!... Гдѣ? Когда?... Покажи.

Михайло Ломоносовъ.

Здѣсь только малая часть тѣхъ сокровищъ, которыми могу я обладать.... Нѣтъ счету имъ, нѣтъ мѣры!

Василій Ломоносовъ.

Покажи, другъ ты мой, сынъ ты мой умоленный!

(Онъ спѣшитъ развязать платокъ, жена вырываетъ у него; онъ выхватываетъ у нея.)

Хавронья Лукишна.

Такъ вотъ узнаемъ-таки, что̀ таилось на душѣ у Михайла Васильевича! Экой счастливый, да какой умникъ, разумникъ да скромникъ!... Тише, тише, вы — этакъ.... Какъ разсыплется серебро, либо золото....

(Развязываетъ платокъ: изъ него выпадаютъ двѣ старыя книжки.)

Василій Ломоносовъ.

Что̀ это?

Ѳекла Ефимовна.

Книжки какія-то!

Хавронья Лукишна.

Да въ книжкахъ-то нѣтъ ли чего?

Михайло Ломоносовъ.

Если ты ищешь въ нихъ серебра и злата — въ нихъ нѣтъ его!

Василій Ломоносовъ.

Да о какихъ-же ты сокровищахъ говорилъ?

Михайло Ломоносовъ.

О тѣхъ сокровищахъ, которыя «ни тля тлитъ, ни татіе подкапываютъ», которыя скрыты на небесахъ и о которыхъ только догадываться можетъ человѣкъ на землѣ!

Василій Ломоносовъ.

Да, вѣдь, есть же этимъ сокровищамъ имя какое-нибудь: безъ имени и овца — баранъ!

Михайло Ломоносовъ.

Имя имъ — премудрость, а ключъ къ ней — ученье!

Василій Ломоносовъ.

Что̀? Что̀? Да какой же тебѣ премудрости надо и какого ученья?... Вѣдь ты читать и писать умѣешь?

Михайло Ломоносовъ.

Знать я хочу — всё знать, что только позволилъ знать человѣку Господь Богъ!

Василій Ломоносовъ.

А позволь-ко знать, сынокъ любезный, откуда набрался ты такихъ мыслей?

Михайло Ломоносовъ.

Самъ Богъ вложилъ ихъ въ душу мою.

Василій Ломоносовъ.

А для чего бы это хочешь знать такъ много?... Что̀, это ученье, оно накормитъ тебя хлѣбомъ?

Михайло Ломоносовъ.

Не о единомъ хлѣбѣ живъ будетъ человѣкъ!

Василій Ломоносовъ.

Да что̀, Михайло, съ ума-то уже сошелъ, или только еще сходить началъ?

Хавронья Лукишна.

Ахти! Да и въ самомъ дѣлѣ не тово-воно-ли онъ?... Онъ что-то отъ писанія говорилъ, да я ужь и понять-то не умѣю....

Василій Ломоносовъ.

Я вотъ дамъ ему писаніе, — краснобай ты этакой! Что̀ ты мнѣ говоришь!... Какая тебѣ наука! Не изъ этихъ ли книжонокъ твоихъ начитался ты такихъ бредней? *(поднимаетъ ихъ)* Вотъ я тебя научу по своему!... Книги твои въ огонь....

Михайло Ломоносовъ.

Мои книги!...

Василій Ломоносовъ.

Бѣсово навожденіе!

Михайло Ломоносовъ.

Отдай ихъ мнѣ.

Василій Ломоносовъ.

Въ огонь ихъ, проклятыя! Изорву въ клочки....

Михайло Ломоносовъ.

Батюшка! Ради Бога, постой, постой!... Дѣлай, что хочешь — отдай только ихъ мнѣ....

Василій Ломоносовъ.

Нѣтъ! нѣтъ!

Михайло Ломоносовъ *(вырывая ихъ).*

Власть твоя: а я не отдамъ ихъ!

Василій Ломоносовъ.

Какъ? Ты на отца руки поднимать? — Да я тебя убью! Да я тебя прокляну!... Отдай мнѣ ихъ!

Михайло Ломоносовъ *(на колѣняхъ).*

Бей меня — убей — не отдамъ!

Василій Ломоносовъ *(отталкивая жену).*

Прочь!... Я тебя выучу, книжника Нѣмецкаго! Ты учиться хочешь? Что̀ ты, звѣзды что-ли считать думаешь, говорунъ окаянный? Вотъ я изъ тебя дурь-то выколочу.... Нѣтъ-ли здѣсь дубины хорошей гдѣ-нибудь.... Я тебя отвожу....

Михайло Ломоносовъ.

Отецъ мой! помилуй! Не заставь меня.... О, Господи! Удержи языкъ мой и помышленія мои....

Николай Полевой.

2.

Бѣгство Ломоносова.

Зима 1728 года на Руси была жестокая. Путешественники отмораживали себѣ лица, а волки безбоязненно приходили въ деревни распѣвать свои жалобы на голодъ. Замѣтливые люди увѣряли даже, что въ эту зиму птицы на лету падали мертвыми.

. . . . . .

Въ одну лунную ночь, когда утренняя заря уже боролась со свѣтомъ потухавшаго мѣсяца, обозъ съ рыбою тянулся верстахъ въ семидесяти отъ Холмогоръ къ Москвѣ. Подлѣ одного изъ возовъ шелъ, припрыгивая и постукивая руками, закутанный въ овчинный тулупъ и въ поярковый армякъ, обозный прикащикъ.

. . . . . .

Въ это время — то бѣгомъ, то шагомъ — приблизился къ самому обозу парень, лѣтъ семнадцати, пріятный наружностью, высокій, стройный и полуокоченѣвшій отъ холода, потому-что онъ былъ одѣтъ въ одинъ нагольный тулупъ, совсѣмъ не по-дорожному. На головѣ его была ветхая шапка; на ногахъ, сверхъ онучъ, надѣты коты; онъ былъ даже не опоясанъ. Поровнявшись съ заднимъ возомъ, онъ пошелъ обыкновеннымъ шагомъ, и, какъ гусь въ чужомъ стадѣ, казалось, не смѣлъ ни къ кому обратиться. Пименъ Никитичъ *(прикащикъ)* оглянулся раза два, но, видя, что отъ-этого любопытству его не легче и что молодой человѣкъ не говоритъ ничего ни-съ-кѣмъ, остановился и, дождавшись того воза, подлѣ котораго шелъ новый сопутникъ, пошелъ съ нимъ рядомъ.

— «А что́, братъ, тебѣ надобно?» спросилъ онъ у молодого человѣка.

— Мнѣ?... ничего....

— «Ка̀къ — ничего? Да куда ты идешь?»

— Коли ваша милость позволитъ, такъ иду въ Москву...

— «Въ Москву? Да кто ты таковъ? откуда?»

— Я Денисовскій крестьянинъ. Вы, чай, и батюшку моего знаете.

— «Денисовскій крестьянинъ? Мы третьяго дня изъ Денисовскаго.... А какъ зовутъ отца твоего?»

— Василій Ломоносовъ. Я видѣлъ, какъ вы нагружали рыбу въ нашей деревнѣ и съ батюшкой моимъ говорили.

— «Ну, Василья Ломоносова я знаю. Да зачѣмъ же ты идешь въ Москву? И какъ дойдешь туда?»

— Ваша милость! позвольте мнѣ идти подлѣ вашего обоза!... Я вамъ буду служить доро̀гой, и въ Москвѣ готовъ работать, только позвольте идти съ вами!

— «Да ты, братъ, не ряхнулся-ли? Что́ тебѣ за надобность въ Москву? Отецъ что-ли послалъ? Только этому быть нельзя. Говори правду: зачѣмъ ты идешь въ Москву?»

— Да.... такъ.... мнѣ хочется посмотрѣть Москву.

— «Э, э, братъ, такъ ты, видно, безъ отцовскаго позволенія махнулъ!... Ты убѣжалъ отъ отца?»

— Сказать правду, такъ убѣжалъ... Но, право, я не за худымъ дѣломъ иду въ Москву.

— «А кто тебя знаетъ!» Безъ отцовскаго позволенія, на добрыя дѣла не ходятъ. Вижу, братъ, я, что ты малый — шалунъ, забулдыга. Дѣлать тебѣ въ Москвѣ нечего, — есть тамъ много вашей братьи!... Воротись-ко добромъ къ отцу, а не-то я тебя турну инымъ порядкомъ.»

— Ваша милость!... не гоните меня! Право я заслужу вамъ!...

— «Пошелъ ты, негодяй, съ своими услугами! Да что̀ я за сумасшедшій, что возьму съ собой въ Москву бѣглаго мальчишку!... Пошелъ!»

— Ахъ, господинъ купецъ! право, я не какой-нибудь негодникъ!

Тутъ грозный прикащикъ хотѣлъ поворотить бѣднаго мальчика назадъ толчками, — но, замѣтивъ у него подъ мышкой узелокъ, спросилъ:

— «А это что̀ у тебя подъ мышкой?»

— Это... да это я взялъ съ собой?...

— «Вижу, что ты это взялъ съ собой, а, по-просту сказать, укралъ! Да... а говори: что̀ у тебя въ узелкѣ?»

— Господинъ купецъ! Я не укралъ этого, потому-что это столько же мое, какъ моя голова. Только голову даетъ человѣку Богъ, а это мнѣ дали добрые люди.

— «Ахъ, ты, краснобай деревенскій! Видно у тебя голова-то начи-

нена такъ-же, какъ этотъ узелъ? Да что въ немъ? чья казна, — или изъ отцовскаго сундука мошна?»

У незнакомаго парня сверкнули въ глазахъ слёзы. Видно было, что не морозъ ихъ выжалъ; горе стеснило его дыханіе. Онъ остановился и былъ такъ изумленъ словами прикащика, что въ-недоумѣніи глядѣлъ на него и не говорилъ ни слова.

Казалось, это сдѣлало впечатлѣніе на допросчика.

— «Ну? не правду ли я говорилъ, что ты воришка! Что-же ты оторопѣлъ!»

— Не оторопѣлъ, а одурѣлъ отъ твоихъ словъ, господинъ купецъ. Я воръ? я укралъ деньги, казну?... Господи, Боже мой! — Съ этими словами онъ зарыдалъ, и, бросивъ свой узелокъ къ ногамъ прикащика, сказалъ сквозь слезы:

— «На, посмотри, что я несу, и Богъ съ тобой! Не безъ добрыхъ людей на свѣтѣ: дойду и безъ тебя до Москвы.»

Пименъ Никитичъ поднялъ узелокъ и, развернувъ его, пробормоталъ съ-удивленіемъ:

— «Что это? книги? Да на какой прахъ ты несешь въ Москву такую дрянь? Тамъ, братъ, не дадутъ гроша за это.»

— Да я и не возьму за нихъ тысячи рублей! Эти книги мнѣ дороже всего твоего обоза... Тебѣ чудно это, господинъ купецъ? Видно, что милы они мнѣ, когда я для нихъ-то оставилъ отца и родимую сторону!

— «Чудно», сказалъ Пименъ Никитичъ. «Ну, пойдемъ до первой упряжки, а тамъ увидимъ.»

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе... Наконецъ, прикащикъ заговорилъ снова:

— «Теперь вижу я, что ты не таковъ, какъ думалъ я сначала, но всё-таки не догадываюсь, зачѣмъ ты идешь въ Москву.»

Въ глазахъ юноши стало свѣтло, хоть и не весело.

— Не знаю и самъ — отвѣчалъ онъ — что со мной станется въ Москвѣ, но мнѣ тошно стало жить въ нашей нелюдной сторонѣ, гдѣ не-съ-кѣмъ поговорить, какъ-бы мнѣ хотѣлось, и не-у-кого спросить, о чемъ бы подумалось. По этимъ книгамъ, которыя видѣла ваша милость, выучился я грамотѣ и ариѳметикѣ; хочется знать еще больше, а отъ кого и какъ узнаешь? Вотъ я и рѣшился идти въ Москву: тамъ, говорятъ, много людей ученыхъ, и есть училища для всякаго, кто вздумаетъ учиться. Заговорилъ я объ этомъ отцу своему, да онъ никакъ не могъ смекнуть, чего я хочу, — еще началъ поносить книги и книгочіевъ. Я рѣшился убѣжать, когда увидѣлъ, что съ нимъ не сговоришь.... Хочу въ Москвѣ учиться.

— «Я, дружокъ, самъ человѣкъ, нехвастовски сказать, грамотный», отвѣчалъ Пименъ Никитичъ. «Спросилъ-бы ты у меня, такъ я бы тебѣ далъ толкъ. Ну, да ужь теперь поздно: видно, такова твоя часть. Всё — Богъ!»

— Богъ меня и не оставитъ! — Промолвилъ юноша съ робкою довѣренностью.

.....

Въ-это-время одинъ изъ возовъ закатился въ глубокій ухабъ; лошадь затаращилась съ нимъ, и вся эта нестройная громада съ-трескомъ остановилась.

— Та-та, ай-та? закричало нѣсколько голосовъ мужицкихъ со всѣхъ сторонъ. — Э-а-та, Терёхъ, Ванькъ!

....Всѣ бросились подымать лошадь и вытаскивать возъ.

Когда порядокъ былъ возстановленъ и возы пошли впередъ, прикащикъ обернулся къ юношѣ, также помогавшему другимъ во время суматохи, и, отряхивая снѣгъ съ своего армяка, сказалъ:

— «Вотъ, братъ! не пойдетъ на умъ ученость... А?»

— «Да, правда» отвѣчалъ тотъ.

Безъ дальнѣйшихъ событій пріѣхали на мѣсто роздыха. Сѣверное нарѣчіе зашумѣло, когда извощики, а съ ними и обозный прикащикъ, сѣли за столъ и начали работать за горячими щами. Новый спутникъ ихъ, удалившись въ уголъ и вынувъ изъ кармана кусокъ самаго нероскошнаго хлѣба, хотѣлъ имъ пообѣдать. Добрая Русь не вытерпѣла этого.

Одинъ изъ мужиковъ, котораго лице уже горѣло, какъ на огнѣ, отъ множества проглоченныхъ имъ щей, возвысилъ голосъ:

— «А что̀-жь ты, родимый, не поѣшь съ нами? Садись-ко, благословясь!»

Молодой человѣкъ раздумывалъ.

— «Садись, голубчикъ, садись! Отъ хлѣба-соли не отнѣкиваются,» примолвилъ Пименъ Никитичъ.

Дѣло сладилось. Робкій юноша присоединился къ другимъ и не отсталъ отъ нихъ.

— «Ну, вотъ, оно-тко и повеселѣе!» сказалъ одинъ изъ извощиковъ, помоляся Богу.

— Да вотъ, ребята!» — началъ Пименъ Никитичъ. — Малый идетъ въ Москву, Христосъ его знаетъ, зачѣмъ, а ѣсть у него нечего..... Возьмемъ, что-ли, его?

— «Почто нѣтъ?» отвѣчалъ одинъ извощикъ.

— «Вѣстимо, пускай себѣ идетъ!» примолвилъ другой.

— Да я одинъ платить за него не буду! — поспѣшилъ сказать Пименъ Никитичъ.

— «Ну, съ-обча заплатимъ!» — проговорилъ одинъ извощикъ.

— «Съ артели заплатимъ!» промолвилъ другой. «Пожалуй, ты хоть и не плати».

— Нѣтъ, и я съ вами! — сказалъ прикащикъ.

3.

Черезъ-нѣсколько-лѣтъ, или: чтеніе первыхъ стиховъ Ломоносова у императрицы Анны Іоанновны.

Дворецъ въ Петербургѣ блисталъ огнями...

Но что̀ дѣлалось во дворцѣ? — Тамъ былъ царскій вечеръ у императрицы Анны Іоанновны.

. . . . . .

Собраніе было многочисленное и, повидимому, веселое. Вельможи и придворные расхаживали по заламъ. Между-тѣмъ императрица облокотилась на стоявшаго подлѣ нея пажа, и взоры ея упали на камергера Корфа, который приближался съ улыбающимся видомъ.

— «А что̀-же, баронъ!» — сказала она: — принесли-ли вы мнѣ то̀ сочиненіе?...

— «Приказаніе вашего величества исполнено!» отвѣчалъ Корфъ, подавая небольшую кипку печатныхъ листочковъ.

Императрица взяла ихъ, немного откатилась на креслахъ своихъ отъ столика, за которымъ играла, и обратила рѣчь къ окружавшимъ ее.

— «Вотъ, господа, я подарю вамъ чудо. Вчера, при нашемъ новомъ торжествѣ надъ Турками, баронъ Корфъ поднесъ мнѣ стихи, написанные рыбачьимъ сыномъ....»

— «Рыбачьимъ сыномъ!...» — воскликнуло нѣсколько голосовъ. Но въ этихъ словахъ не было выраженія, потому-что еще не знали, какое придать имъ — шутливое или торжественное. Императрица любила иногда приводить въ недоумѣніе своихъ придворныхъ шутками и загадочными словами, и они ждали объясненія.

— «Да, рыбачьимъ сыномъ!» — повторила она. «Вотъ возьмите: это стихи на взятіе Хотина и на побѣду надъ Турками.... Да какіе стихи!... Такихъ не пишетъ Тредьяковскій, ни Грекъ Антіохъ Кантемиръ.»

Придворные спѣшили принимать изъ рукъ императрицы листочки. Она сама раздала ихъ нѣкоторымъ и, отдавая остальные опять Корфу, сказала: «На, дай имъ всѣмъ!... Я нарочно велѣла Корфу напечатать ихъ больше, чтобы вы всѣ, господа, могли полюбоваться новымъ стихотворцемъ нашимъ.

Между-тѣмъ, получившіе стихотвореніе прежде другихъ — спѣшили къ свѣчамъ; старики надѣвали очки, а иные уже разбирали по складамъ: *враче.... врачеб.... ной.... да.... ли.... мнѣ.... воды....* И отвсюду слышно было: «безподобно!... удивительно!... прекрасно!»

Между-тѣмъ императрица сама снова отзывалась о стихахъ Ломоносова чрезвычайно благосклонно и, наконецъ, сказала Корфу:

— «А гдѣ-бишь теперь этотъ Ломоносовъ?»

— Въ Марбургѣ, ваше величество, учится у профессора Вольфа.

— «Ну, да разскажи имъ, какъ получилъ ты эти стихи. Разскажи подробно. Это страсть-какъ любопытно, господа!»

Умы всѣхъ настроились. Корфъ, съ поклономъ къ императрицѣ, началъ:

— «Ломоносовъ учится на-счетъ Академіи, щедротами всемилостивѣйшей государыни. Онъ присылаетъ ко мнѣ, какъ къ президенту Академіи, отчеты о своихъ успѣхахъ. Въ послѣдній разъ, при письмѣ и отчетѣ, я получилъ отъ него и стихи, написанные имъ, когда услышалъ онъ о преславной побѣдѣ, одержанной войсками ея императорскаго величества. Онъ говоритъ, что побѣда отозвалась въ Германіи, какъ громъ, и что онъ, въ избыткѣ чувствъ, осмѣлился воспѣть торжество Россійскаго оружія.»

— «Удивительно! превосходно!...» начались опять восклицанія.

— «Но кто этотъ Ломоносовъ?» спросилъ наконецъ Остерманъ *), оставшійся на своемъ мѣстѣ противъ императрицы, за карточнымъ столомъ, потому-что подагра давала ему право меньше другихъ утомлять свои ноги, даже при императрицѣ.

— «Ломоносовъ, Холмогорскій уроженецъ, сынъ рыбака» — отвѣчалъ Корфъ: — Въ достославное царствованіе нашей всемилостивѣйшей государыни, когда науки вмѣстѣ со всѣми другими отраслями государственнаго хозяйства....

Императрица улыбнулась; но Корфъ, нимало не смѣшавшись, продолжалъ:

— Когда всё процвѣтаетъ и благоденствуетъ, и науки находятъ покровительство, Ломоносовъ пришелъ пѣшкомъ въ Москву изъ Архангельска....

— «Пѣшкомъ?» — спросили нѣкоторые.

— Да, милостивые государи, пѣшкомъ. Въ Москвѣ, разумѣется, встрѣтилъ онъ покровительство и опредѣлился въ Духовную Академію, откуда, какъ отличнаго ученика, отправили его въ нашу Академію. Мы, для вящшаго усовершенствованія, послали его въ Марбургъ, къ профессору Вольфу, и тамъ-то онъ написалъ оду....

— «Нѣтъ, разскажи, какъ удивилъ онъ васъ своими стихами.»

— Да, ваше величество! я истинно удивился, прочитавши стихи его, и отдалъ ихъ на разсмотрѣніе господамъ академикамъ. Они единогласно подтвердили мое мнѣніе, что стихи прекрасны и достойны

---

*) Министръ. *Щ.*

воззрѣнія всемилостивѣйшей нашей государыни. Я велѣлъ напечатать ихъ, и удостоился, во вчерашній торжественный день, поднести ея величеству....

— «А я велѣла напечатать побольше этихъ листочковъ, и поздравляю васъ, господа, съ новымъ стихотворцемъ!» — прибавила императрица.

4.

Смерть Ломоносова.

Смерть Ломоносова пробудила въ современникахъ его глубокое чувство. Спокоенъ и величественъ лежалъ предъ ними въ гробѣ Ломоносовъ.

Въ день, назначенный для погребенія, съ-утра начали сбираться въ жилище Ломоносова всѣ, знавшіе его больше или меньше. Императрица *), изъявляя участіе къ смерти человѣка, украшавшаго ея царствованіе, приказала отпустить значительную сумму на его похороны, которыя и были устроены великолѣпно. Главнымъ распорядителемъ при этомъ былъ неизмѣнный покровитель его, Шуваловъ. Слезы невольно выступили изъ глазъ Шувалова, когда онъ отдавалъ разныя приказанія вблизи гроба своего друга. Множество знатныхъ присутствовало при этомъ, и можно сказать, что всё блестящее и великолѣпное, бывшее тогда въ Петербургѣ, собралось отдать послѣдній долгъ знаменитому согражданину. Наконецъ длинный поѣздъ потянулся въ Александро-Невскую Лавру.

За знатью шли многіе изъ простолюдиновъ, знакомцы Ломоносова. Иные изъ нихъ добродушно, но съ чувствомъ, изъявляли свою печаль. Между-прочимъ, мастеръ Соколовъ, которому Ломоносовъ обыкновенно заказывалъ разныя машины, воскликнулъ послѣ долгаго молчанія: «оставилъ насъ — батюшка, Михайло Васильевичъ!... оставилъ!... Отецъ былъ нашей братьи!... Такой головушки нескоро дождется Россія!»

Великолѣпная процессія достигла Александро-Невскаго Монастыря, и тамъ, въ дверяхъ церкви, встрѣтилъ ее митрополитъ Димитрій Сѣченовъ. «Такъ ли я думалъ встрѣтиться съ тобой?» почти въ-слухъ сказалъ митрополитъ; но онъ затаилъ свое чувство, и началъ отправленіе службы вмѣстѣ съ Петербургскимъ архіепископомъ и со всѣмъ знатнѣйшимъ духовенствомъ.

Когда наступила минута вѣчнаго разставанія, многіе зарыдали искренно; всѣ чувствовали, что видятъ въ-послѣдній-разъ ликъ необыкновеннаго человѣка, и стенаніе сдѣлалось почти общимъ; но, при

*) Екатерина Вторая. *Щ.*

новыхъ молитвахъ и пѣніи духовенства, все смолкло.... Тихо опустился въ могилу гробъ Ломоносова....

И не стало его!... Но не всё кончилось и въ здѣшней жизни для человѣка, озареннаго справедливою славою. Только послѣ смерти

Надгробный памятникъ Ломоносову, въ Петербургѣ, на кладбищѣ Александро-Невской Лавры.

его начали понимать, какую потерю понесла Россія. Сама императрица грустила нѣсколько-времени, и это отразилось на вельможахъ ея, которые, впрочемъ, сами уважали и любили славнаго своего современника.

Ксенофонтъ Полевой.

Ломоносовъ.

Его избралъ Господь отъ малыхъ,
Ему открылся въ блескѣ льдовъ,
Въ сіяньи звѣздъ и въ зóряхъ алыхъ,
Въ раскатѣ волнъ, въ шуму лѣсовъ...

И, повелѣвъ оставить сѣти,
Повелъ его изъ града въ градъ,
Чтобъ Русь позналъ — отъ темной клѣти
До свѣтлыхъ княжескихъ палатъ.

Повелъ его на Западъ славный,
Чтобъ воспріялъ онъ въ разумъ тамъ
Всё — откровенное издавна
Великимъ, избраннымъ мужамъ, —

Чтобъ отъ свѣтильника ихъ знаній
Свѣтильникъ свой онъ воспалилъ —
И, высоко держа во длани,
Весь край родной имъ озарилъ.

Аполлонъ Майковъ.

ЖАЛОБА ВЪ СВЯТѢЙШІЙ СИНОДЪ ѲЕОФАНА ЯВОРСКАГО, ИГУМЕНА ПРАВОСЛАВНАГО ПЕТРОПАВЛОВСКАГО МОНАСТЫРЯ.

(1757 года.)

Римскіе и Уніятскіе духовные безмѣрно во узилищахъ благочестивый народъ утѣсняютъ, безъ пощадѣнія до смерти убивая, и насильно принуждая на Римскую и Уніятскую свою вѣру; и таковымъ насиліемъ множество народа отъ благочестивой святой вѣры въ Римскую и въ Унію уже превратили, за счастіе себѣ то почитая, когда кого отъ благочестивой святой вѣры въ свою введутъ. Ибо, когда случится къ больному, благочестивому нашему человѣку, пойти Іеромонаху, для исповѣди святой и сообщенія Божественныхъ Христовыхъ тайнъ, тогда оные Римскіе и Уніятскіе попы прилѣжно того наблюдаютъ, дабы священника въ домъ къ больному не допустить, но ругаютъ, *проклятымъ схизматикомъ* называя, и безъ-пощадѣнія бьютъ, а свое Римское, или Уніятское причастіе во уста больному, благочестивому нашему человѣку, насильно влагаютъ. Также, когда случится быти провожденію мертваго правовѣрнаго человѣка; то оные же Римскіе и Уніятскіе попы съ-крикомъ на улицахъ нагло нападая, безчестіе и поруганіе дѣлаютъ; кресты, хоругви и свѣчи, при погребеніи мертваго тѣла, насильно отнимаютъ; мірскій благочестивый народъ и духовный чинъ, безчестно ругая, каменіемъ нещадно бьютъ, грязью въ глаза бросаютъ, дерутъ одежду на священникахъ, и обыкновеннымъ путемъ мертваго человѣка несть не дозволяютъ, повелѣ-

вая — тѣсными жидовскими переулками къ церкви и Монастырю *Минскому* съ мертвымъ идти тѣломъ, а временемъ и къ церкви несть не допускаютъ, но на распутіяхъ, внѣ города *Минскаго,* благочестивыхъ христіанъ погребати насильно принуждаютъ, къ крайнему безчестію и поруганію благочестивой вѣры нашей. Когда же приспѣетъ праздникъ Богоявленія Господня и, по обыкновенію, собранія мірскаго и духовнаго чина пойдутъ изъ Монастыря Петро-Павловскаго Минскаго къ рѣкѣ — для освященія воды: тогда оные-жь попы, нагло съ людьми своими на благочестивое собраніе духовнаго и мірскаго чина нападая, идти на рѣку, для освященія воды, всячески возбраняютъ. Сверхъ-того, оные же Римскіе и Уніятскіе попы — дѣтей, отъ благочестивыхъ родителей родившихся, крестить въ церкви и въ монастырѣ *Минскомъ* возбраняютъ, но сами насильно ихъ крестятъ въ свою Римскую и Уніятскую вѣру. Также брачитися благочестивымъ людямъ нашимъ и вѣнчать ихъ въ церкви и Монастырѣ Минскомъ не токмо не допускаютъ, но и вѣнчанныхъ уже благочестивыхъ людей нашихъ паки въ костеляхъ своихъ, Римскихъ и Уніятскихъ, насильно перевѣнчиваютъ и въ свой законъ приводятъ.

.....

ИЗЪ РѢЧИ, СКАЗАННОЙ ЕПИСКОПОМЪ БѢЛОРУССКИМЪ ГЕОРГІЕМЪ КОНИСКИМЪ ИМПЕРАТРИЦѢ ЕКАТЕРИНѢ ВТОРОЙ, ВЪ ДЕНЬ ЕЯ КОРОНОВАНІЯ.

(22 Сентября 1762 года.)

Между подданными народами Вашего Императорскаго Величества, о всерадостнѣйшей коронаціи торжествующими, приноситъ и *Бѣлорусскій народъ,* чрезъ меня — подданника Вашего Величества, всеподданнѣйшее поздравленіе. Знаю, какъ далече отстоитъ благословенная Богомъ Палестина отъ тѣснаго Израилю Египта, состояніе, сказую, людей предѣлами Россійскими огражденныхъ, отъ состоянія людей, хотя единовѣрныхъ, но въ Польской области заключенныхъ. Здѣсь свѣтильникъ вѣры, отъ дней *Владиміровыхъ* зажженный, блистаетъ доселѣ: у насъ свѣтильникъ оный свирѣпствующіе отъ Запада вихри на многихъ мѣстахъ совсѣмъ превратили. Здѣсь храмы Господни славословіемъ имени Его свободно гремятъ: у насъ храмы Божіи множайшіе отняты, прочіе опустошены и запечатаны, развѣ совъ и врановъ гнѣздящихся гласы издаютъ. Здѣсь — чѣмъ кто благочестивѣе, тѣмъ и честнѣе: у насъ *благочестивымъ* именоваться въ студъ ставятъ; за благочестіе — раны, узы, темницы, домовъ раззореніе, а нерѣдко и живота лишеніе издревле терпимъ... Однако и въ толикихъ Египетскихъ озлобленіяхъ, и столько отстоя отъ благополучія подданныхъ Вашего Императорскаго Величества, не хотимъ уступити имъ въ разсужденіи настоящей радости... Смѣемся, и сквозь слёзы утѣшаемся, и въ горести души торжествуемъ и въ послѣднемъ утѣсненіи.... А для чего такъ? — Надежда избавленія нашего веселитъ насъ, надежда не въ травѣ, какъ говорятъ, ниже въ одномъ цвѣтѣ, но въ самомъ уже плодѣ состоящая.

.....

Ломоносовъ.

Его избралъ Господь отъ малыхъ,
Ему открылся въ блескѣ льдовъ,
Въ сіяньи звѣздъ и въ зóряхъ алыхъ,
Въ раскатѣ волнъ, въ шуму лѣсовъ...

И, повелѣвъ оставить сѣти,
Повелъ его изъ града въ градъ,
Чтобъ Русь позналъ — отъ темной клѣти
До свѣтлыхъ княжескихъ палатъ.

Повелъ его на Западъ славный,
Чтобъ воспріялъ онъ въ разумъ тамъ
Всё — откровенное издавна
Великимъ, избраннымъ мужамъ, —

Чтобъ отъ свѣтильника ихъ знаній
Свѣтильникъ свой онъ воспалилъ —
И, высоко держа во длани,
Весь край родной имъ озарилъ.

Аполлонъ Майковъ.

ЖАЛОБА ВЪ СВЯТѢЙШІЙ СИНОДЪ ѲЕОФАНА ЯВОРСКАГО, ИГУМЕНА ПРАВОСЛАВНАГО ПЕТРОПАВЛОВСКАГО МОНАСТЫРЯ.

(1757 года.)

Римскіе и Уніятскіе духовные безмѣрно во узилищахъ благочестивый народъ утѣсняютъ, безъ пощадѣнія до смерти убивая, и насильно принуждая на Римскую и Уніятскую свою вѣру; и таковымъ насиліемъ множество народа отъ благочестивой святой вѣры въ Римскую и въ Унію уже превратили, за счастіе себѣ то почитая, когда кого отъ благочестивой святой вѣры въ свою введутъ. Ибо, когда случится къ больному, благочестивому нашему человѣку, пойти Іеромонаху, для исповѣди святой и сообщенія Божественныхъ Христовыхъ тайнъ, тогда оные Римскіе и Уніятскіе попы прилѣжно того наблюдаютъ, дабы священника въ домъ къ больному не допустить, но ругаютъ, *проклятымъ схизматикомъ* называя, и безъ-пощадѣнія бьютъ, а свое Римское, или Уніятское причастіе во уста больному, благочестивому нашему человѣку, насильно влагаютъ. Также, когда случится быти провожденію мертваго правовѣрнаго человѣка; то оные же Римскіе и Уніятскіе попы съ-крикомъ на улицахъ нагло нападая, безчестіе и поруганіе дѣлаютъ; кресты, хоругви и свѣчи, при погребеніи мертваго тѣла, насильно отнимаютъ; мірскій благочестивый народъ и духовный чинъ, безчестно ругая, каменіемъ нещадно бьютъ, грязью въ глаза бросаютъ, дерутъ одежду на священникахъ, и обыкновеннымъ путемъ мертваго человѣка несть не дозволяютъ, повелѣ-

вая — тѣсными жидовскими переулками къ церкви и Монастырю *Минскому* съ мертвымъ идти тѣломъ, а временемъ и къ церкви несть не допускаютъ, но на распутіяхъ, внѣ города *Минскаго*, благочестивыхъ христіанъ погребати насильно принуждаютъ, къ крайнему безчестію и поруганію благочестивой вѣры нашей. Когда же приспѣетъ праздникъ Богоявленія Господня и, по обыкновенію, собранія мірскаго и духовнаго чина пойдутъ изъ Монастыря Петро-Павловскаго Минскаго къ рѣкѣ — для освященія воды: тогда оные-жъ попы, нагло съ людьми своими на благочестивое собраніе духовнаго и мірскаго чина нападая, идти на рѣку, для освященія воды, всячески возбраняютъ. Сверхъ-того, оные же Римскіе и Уніятскіе попы — дѣтей, отъ благочестивыхъ родителей родившихся, крестить въ церкви и въ монастырѣ *Минскомъ* возбраняютъ, но сами насильно ихъ крестятъ въ свою Римскую и Уніятскую вѣру. Также брачитися благочестивымъ людямъ нашимъ и вѣнчать ихъ въ церкви и Монастырѣ Минскомъ не токмо не допускаютъ, но и вѣнчанныхъ уже благочестивыхъ людей нашихъ паки въ костеляхъ своихъ, Римскихъ и Уніятскихъ, насильно перевѣнчиваютъ и въ свой законъ приводятъ.

.....

ИЗЪ РѢЧИ, СКАЗАННОЙ ЕПИСКОПОМЪ БѢЛОРУССКИМЪ ГЕОРГІЕМЪ КОНИСКИМЪ ИМПЕРАТРИЦѢ ЕКАТЕРИНѢ ВТОРОЙ, ВЪ ДЕНЬ ЕЯ КОРОНОВАНІЯ.

(22 Сентября 1762 года.)

Между подданными народами Вашего Императорскаго Величества, о всерадостнѣйшей коронаціи торжествующими, приноситъ и *Бѣлорусскій народъ*, чрезъ меня — подданника Вашего Величества, всеподданнѣйшее поздравленіе. Знаю, какъ далече отстоитъ благословенная Богомъ Палестина отъ тѣснаго Израилю Египта, состояніе, сказую, людей предѣлами Россійскими огражденныхъ, отъ состоянія людей, хотя единовѣрныхъ, но въ Польской области заключенныхъ. Здѣсь свѣтильникъ вѣры, отъ дней *Владиміровыхъ* зажженный, блистаетъ доселѣ: у насъ свѣтильникъ оный свирѣпствующіе отъ Запада вихри на многихъ мѣстахъ совсѣмъ превратили. Здѣсь храмы Господни славословіемъ имени Его свободно гремятъ: у насъ храмы Божіи множайшіе отняты, прочіе опустошены и запечатаны, развѣ совъ и врановъ гнѣздящихся гласы издаютъ. Здѣсь — чѣмъ кто благочестивѣе, тѣмъ и честнѣе: у насъ *благочестивымъ* именоваться въ студъ ставятъ; за благочестіе — раны, узы, темницы, домовъ раззореніе, а нерѣдко и живота лишеніе издревле терпимъ... Однако и въ толикихъ Египетскихъ озлобленіяхъ, и столько отстоя отъ благополучія подданныхъ Вашего Императорскаго Величества, не хотимъ уступити имъ въ-разсужденіи настоящей радости... Смѣемся, и сквозь слёзы утѣшаемся, и въ горести души торжествуемъ и въ послѣднемъ утѣсненіи.... А для чего такъ? — Надежда избавленія нашего веселитъ насъ, надежда не въ травѣ, какъ говорятъ, ниже въ одномъ цвѣтѣ, но въ самомъ уже плодѣ состоящая.

.....

ДЕНЬ И ВЕЧЕРЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ.

(1762 — 1796 года).

Изъ «Записокъ» о ней одного изъ секретарей ея, Адріана Мойсеевича Грибовскаго.

Время и занятія императрицы распредѣлены были слѣдующимъ порядкомъ: она вставала въ 8 часовъ утра, и до 9 занималась въ кабинетѣ письмомъ (а въ послѣднее время — сочиненіемъ сенатскаго указа). Однажды она мнѣ, между разговорами, сказала, что, *«не попсавши, нельзя и одного дня прожить»*. Въ это же время пила одну чашку кофею безъ сливокъ. Въ 9 часовъ переходила въ спальню, гдѣ, у самаго почти входа изъ уборной, подлѣ стѣны садилась на стулѣ, имѣя передъ собою два выгибные столика, которые впадинами стояли одинъ къ ней, а другой въ противоположную сторону, и передъ симъ послѣднимъ поставленъ былъ стулъ. Въ сіе время на ней былъ, обыкновенно, бѣлый гродетуровой шлафрокъ или капотъ, а на головѣ флеровый бѣлый же чепецъ, нѣсколько на лѣвую сторону наклоненный. Не смотря на 65 лѣтъ, государыня имѣла еще довольную въ лицѣ свѣжесть, руки прекрасныя, всѣ зубы въ цѣлости, отъ-чего говорила твердо, безъ шиканья, только нѣсколько мужественно, читала въ очкахъ и притомъ съ увеличительнымъ стекломъ.

Однажды, позванъ будучи съ докладами, увидѣлъ я ее читающую тихимъ образомъ. Она улыбаясь сказала: *«Вѣрно вамъ еще не нуженъ этотъ снарядъ?... Сколько вамъ отъ роду лѣтъ?»* и когда я сказалъ— двадцать шесть, то она прибавила: *«А мы въ долговременной службѣ государству притупили зрѣніе и теперь принуждены очки употреблять.»*

Государыня, занявъ свое мѣсто, звонила въ колокольчикъ, и стоявшій безъотходно у дверей спальни дежурный камердинеръ входилъ, и, вышедъ, звалъ, кого приказано было. Въ сіе время собирались въ уборную ежедневно оберъ-полиціймейстеръ и статсъ-секретари; въ одинадцатомъ же часу пріѣзжалъ графъ Безбородко; для другихъ чиновъ назначены были въ недѣлѣ особые дни: для вице-канцлера, губернатора и губернскаго прокурора Петербургской губерніи — суббота, для генералъ-прокурора — понедѣльникъ и четвергъ; среда — для синоднаго оберъ-прокурора и генералъ-рекетмейстера, четвергъ для главнокомандующаго въ Петербургѣ. Но всѣ сіи чины, въ случаѣ важныхъ и нетерпящихъ времени дѣлъ, могли и въ другіе дни пріѣхать и по онымъ докладывать. Первый, по позыву, являлся къ государынѣ оберъ-полиціймейстеръ, бригадиръ Глазовъ, съ словеснымъ донесеніемъ о благосостояніи столицы и о другихъ происшествіяхъ, и съ запиской на одной четверткѣ листа,

написанной въ полиціи некрасиво и неправильно, о пріѣхавшихъ и выѣхавшихъ изъ города, наканунѣ того дня, разнаго званія людяхъ, которымъ угодно было о себѣ на заставѣ сказать: ибо часовые никого изъ проѣзжающихъ черезъ заставу не останавливали и ни о чемъ ихъ не спрашивали, да и шлахъ-баумовъ тогда не было; выѣздъ за долги изъ столицъ не былъ запрещенъ, каждый получалъ отъ губернатора подорожную во всякое время и безъ всякой платы, и выѣзжалъ изъ города, когда хотѣлъ. Посему реэстръ пріѣзжихъ и выѣхавшихъ не могъ быть длинный.

По выходѣ оберъ-полиціймейстера, статсъ-секретари черезъ камердинера докладывались, и по-одиночкѣ были призваны (въ семъ числѣ и я находился). При входѣ въ спальню, наблюдалъ я слѣдующій обрядъ: дѣлалъ государынѣ низкій поклонъ, на который она отвѣчала наклоненіемъ головы, съ улыбкою подавала мнѣ руку, которую я, взявъ въ свою, цаловалъ, и чувствовалъ сжатіе моей собственной руки, потомъ говорила мнѣ: *«садитесь»*. Сѣвши на поставленномъ противъ нея стулѣ, клалъ я на выгибной столикъ принесенныя бумаги и начиналъ читать. Я полагаю, что и прочіе, при входѣ къ государынѣ, тоже самое дѣлали и такой же пріемъ имѣли. Около одиннадцатаго часа пріѣзжали и, по докладу, предъ государыню были допущаемы и прочіе чины, а иногда и фельдмаршалъ графъ Суворовъ-Рымникскій, бывшій тогда, послѣ завоеванія Польши, въ Петербургѣ. Сей, вошедши въ спальню, дѣлалъ прежде три земныхъ поклона передъ образомъ Казанскія Богоматери, стоявшимъ въ углу на правой сторонѣ дверей, передъ которымъ неугасимая горѣла лампада; потомъ, обратясь къ государынѣ, дѣлалъ и ей одинъ земной поклонъ, хотя она и старалась его до этого не допускать, и говорила, поднимая его за руки: *«помилуй, Александръ Васильевичъ, какъ тебѣ не стыдно это дѣлать?»* Но герой обожалъ ее и почиталъ священнымъ долгомъ изъявлять ей такимъ образомъ свое благоговѣніе. Государыня подавала ему руку, которую онъ цаловалъ, какъ святыню, и просила его на вышеозначенномъ стулѣ противъ нея садиться, и черезъ двѣ минуты его отпускала. Сказывали, что такой же поклонъ дѣлалъ и графъ Безбородко, и нѣкоторые другіе, только безъ земныхъ поклоновъ передъ Казанскою. При сихъ докладахъ и представленіяхъ въ Зимнемъ и Таврическомъ Дворцахъ, военные чины были въ мундирахъ со шпагами и въ башмакахъ, въ праздники же въ сапогахъ, а статскіе — въ будничные дни — въ простыхъ французскихъ кафтанахъ и въ башмакахъ, а въ праздничные — въ парадныхъ платьяхъ. Но въ Царскомъ-Селѣ, въ будничные дни — какъ военные, такъ и статскіе — носили фраки и, только въ праздники, надѣвали: первые — мундиры, а послѣдніе — Французскіе кафтаны со шпагами.

Государыня занималась дѣлами до 12 часовъ. Послѣ, во внутренней уборной, старый ея парикмахеръ, Козловъ, убиралъ ей волосы — по ста-

ринной модѣ съ небольшими назади ушей буклями: прическа невысокая и очень простая. Потомъ выходила въ уборную, гдѣ мы всѣ дожидались, чтобъ еще ее увидѣть, и въ это время общество наше прибавлялось четырьмя пожилыми дѣвицами, которыя приходили для служенія государынѣ при туалетѣ. Одна изъ нихъ, Алексѣева, подавала ледъ, которымъ государыня терла лице, можетъ быть, въ доказательство, что она другихъ притираній не любила; другая, Палакучи, накалывала ей на головѣ флеровую наколку, а двѣ сестры Звѣревы подавали ей булавки. Туалетъ сей продолжался не болѣе десяти минутъ, въ которое время государыня разговаривала съ кѣмъ-нибудь изъ присутствовавшихъ.

Платье государыня носила въ простые дни шелковое, однимъ почти фасономъ сшитое, который назывался тогда Молдаванскимъ; верхнее было по-большей-части лиловое или дикое, безъ орденовъ, и подъ нимъ бѣлое; въ праздники же парчевое съ тремя орденами — звѣздами: Андреевскою, Георгіевскою и Владимірскою, а иногда и всѣ ленты сихъ орденовъ на себя надѣвала, и малую корону; башмаки носила на каблукахъ не очень высокихъ.

Обѣденный ея столъ былъ въ сіе время во 2-мъ часу пополудни.

Вседневный обѣдъ государыни не болѣе часа продолжался. Въ пищѣ была она крайне воздержна. Никогда не завтракала, и за обѣдомъ не болѣе-какъ отъ трехъ или четырехъ блюдъ умѣренно кушала; изъ винъ же одну рюмку рейнвейну или венгерскаго вина пила; и никогда не ужинала, черезъ что до 65 лѣтъ, несмотря на трудолюбивый образъ жизни, была довольно здорова и бодра; хотя же иногда на ногахъ у ней и оказывалась опухоль и открывались раны, но припадки сіи болѣе служили къ очищенію мокротъ, слѣдовательно, и къ поддержанію ея здоровья. Увѣряютъ, что смерть приключилась ей единственно отъ закрытія на ногахъ ранъ.

Послѣ обѣда, всѣ гости тотчасъ уѣзжали. Государыня, оставшись одна, лѣтомъ иногда почивала, но въ зимнее время — никогда; до вечерняго собранія слушала иногда иностранную почту, которая два раза въ недѣлю приходила.

Въ шесть часовъ собирались извѣстныя государынѣ, и ею самою назначенныя, особы — для провожденія вечернихъ часовъ.

Въ десятомъ часу государыня уходила во внутренніе покои, гости уѣзжали; въ одиннадцатомъ часу она была уже въ постели, и во всѣхъ чертогахъ царствовала глубокая тишина.

Великіе князья съ супругами нерѣдко у государыни обѣдали и на вечернихъ собраніяхъ бывали, особливо въ Царскомъ-Селѣ; выходы и пріемныя аудіенціи были двоякія: малыя, по воскресеньямъ, и церемоніальныя; въ первомъ случаѣ — государыня приходила въ 10 часовъ утра въ церковь изъ внутреннихъ покоевъ, черезъ столовую, малою боковою

церковною дверью, безъ большого штата, и становилась на своемъ мѣстѣ позади праваго клироса; за нею стояли два камеръ-пажа, съ мантильей и платками; нѣсколько отступя назадъ, стояли (въ большіе торжественные дни): наслѣдникъ съ супругою, а еще далѣе — молодые великіе князья съ своими супругами. Послѣ обѣдни выходили изъ алтаря архіереи для поздравленія; благословляя ее, давали ей цаловать руку, и сами у нея руку цаловали. Послѣ-сего государыня выходила изъ церкви въ западную большую дверь чрезъ такъ называемую большую пріемную залу, гдѣ представлялись ей чужестранные министры и другія особы.

Государыня входила въ тронную, со всею своею свитою, куда входили также и всѣ тѣ, имѣвшіе входы за кавалергардами, которые стояли у дверей сего покоя. Здѣсь государыня, остановясь, принимала поздравленія и допускала къ рукѣ всѣхъ знатнѣйшихъ обоего пола особъ, изъ которыхъ со многими разговаривала, но съ нѣкоторыми никогда ничего не говорила. Она стояла одна, шага на четыре передъ собраніемъ и подходила къ тому, съ кѣмъ говорить хотѣла; разумѣется, что никто изъ собранія разговора съ нею начинать не могъ. Большіе выходы отличались отъ сихъ тѣмъ, что, по особому церемоніалу, государыня выходила въ церковь слушать литургію черезъ Брилліантовую, Тронную и Кавалерскую залы — съ большею свитой и въ богатыхъ платьяхъ, — и тѣмъ же путемъ въ тронную возвращалась.

АНЕКДОТЫ О ЕКАТЕРИНѢ ВТОРОЙ.

Екатерина сохраняла чрезвычайную осторожность при подписаніи бумагъ, особливо если дѣло касалось до обвиненія людей. Однажды, читая одну бумагу, она хотѣла уже подписать, но вдругъ остановилась и спрятала ее. «*Я не подпишу теперь этого приговора*», сказала она, обратясь къ дѣвицѣ Энгельгардтъ, бывшей при ней, «*потому-что чувствую себя не въ совершенно спокойномъ расположеніи духа, а я испытала на себѣ, что въ подобномъ состояніи я всегда дѣлаюсь суровѣе.... Надобно подумать и потомъ — рѣшить.*»

— Въ четвертое путешествіе свое по Россіи, Екатерина посѣтила Москву и, встрѣченная священнослужителями со крестами, она, не останавливаясь, прямо пошла въ Успенскій Соборъ, гдѣ въ этотъ разъ совершалъ службу Платонъ. Въ этотъ достопамятный день — царствованію Екатерины исполнилось 25 лѣтъ, и онъ ознаменованъ былъ многими милостями и щедротами. Здѣсь Екатерина успѣла сказать тайно протодіакону нѣсколько словъ, — и онъ, возглашая многолѣтіе, при словахъ: *приносящаго святые дары,* именуетъ Платона *митрополи*

томъ. Платонъ, вслушиваясь въ слова его, и думая, что протодіаконъ ошибается, дѣлаетъ ему знакъ поправить ошибку; но протодіаконъ и вторично провозглашаетъ его митрополитомъ. Тогда Платонъ, понявши сокровенную милость, поклонился императрицѣ и сказалъ ей рѣчь краткую, неприготовленную, но внушенную истинною благодарностію. Такъ Екатерина любила награждать истинныя заслуги!

— Однажды Екатерина посылаетъ въ Сенатъ указъ о нѣкоторомъ важномъ постановленіи, съ-тѣмъ-чтобы, напечатавши его, обнародовать во всеобщее свѣдѣніе. Чиновникъ, которому приказано было отнести указъ въ типографію, положилъ его въ карманъ, и, озабоченный хлопотами службы, забылъ объ немъ совершенно, и послѣ, по-неосторожности, разорвалъ его вмѣстѣ съ другими бумагами. Замѣтивши ошибку свою, онъ пришелъ почти въ отчаяніе... Что̀ ему осталось дѣлать?

Екатерина въ это время жила въ Царскомъ-Селѣ. Чиновникъ, зная, что она по-утрамъ прогуливается въ одномъ изъ садовъ, поспѣшно бѣжитъ туда, и съ трепещущимъ сердцемъ дожидается появленія императрицы. Увидѣвъ ее, онъ бросается на колѣна, и подаетъ ей разодранный указъ. Екатерина, выслушавши его, приказываетъ ему явиться на другой день, въ этотъ самый часъ, на это же мѣсто. И на другой день, когда онъ явился, Екатерина отдаетъ ему вновь подписанный ею указъ съ этими словами: *«бѣги же скорѣй въ типографію, да смотри — никому не сказывай объ этомъ происшествіи!»* Послѣ она сама разсказала генералъ-прокурору, приказавши ему, чтобы онъ не ставилъ этого неосторожнаго поступка въ вину чиновнику, и чтобъ съ нимъ обращались по-прежнему.

— Екатерина очень рѣдко выѣзжала зимой. Однажды, почувствовавъ сильную головную боль, которою она очень часто страдала, приказала подать сани, и, послѣ прогулки, почувствовала облегченіе. Но на другой день головная боль усилилась еще болѣе. Зная, что наканунѣ прогулка сдѣлала облегченіе императрицѣ, придворные совѣтовали ей употребить опять тоже средство; но Екатерина не согласилась на это предложеніе: *«что̀ подумаетъ обо мнѣ народъ, увидѣвши, что я сряду два дни прогуливаюсь!»*

— Сердце Екатерины не было жестоко и къ животнымъ, и вообще всѣ животныя изъявляли ей чрезвычайную привязанность. Собаки въ обширномъ дворцѣ находили ходы и, черезъ множество комнатъ, прибѣгали и ложились у ногъ императрицы. Американскіе во-

роны, попугаи и другіе любили только одну Екатерину, бросаясь на всѣхъ, подходящихъ къ нимъ, даже и на тѣхъ, которые давали имъ кормъ и ходили за ними. Обезьяны ползали вокругъ нея съ изъявленіемъ ласки и огрызались на всѣхъ другихъ. Голуби, послѣ сильнаго пожара, бывшаго въ Петербургѣ, стаями слетались къ ея окнамъ, и Екатерина опредѣлила имъ кормъ и не приказала трогать новое выбранное ими жилище.

— Екатерина не терпѣла наушничествъ и не любила тѣхъ людей, которые привыкли къ этому. Однажды, прогнѣвавшись на одного изъ своихъ приближенныхъ, она сказала другому, который, обрадованный этимъ случаемъ, захотѣлъ совершенно очернить непріятеля своего въ мнѣніи императрицы: «*Я сама недавно очень худо объ немъ заключала, но теперь ваши слова доказываютъ мнѣ, что онъ совсѣмъ не такъ худъ, какъ было я объ немъ думала.*»

— Послѣ праздника, даннаго народу передъ самымъ дворцомъ Екатерины, нѣсколько человѣкъ принялись разламывать столы, на которыхъ передъ-тѣмъ находились жареные быки и прочее. Екатерина въ это время стояла у окна и смотрѣла, но, увидя, что начали разгонять похитителей, она приказываетъ сказать: «*не трогайте ихъ.... Дѣти не обидятъ своей матери; я это имъ позволила, только забыла приказать.*»

— Екатерина чрезвычайно любила своихъ служителей, въ особенности болѣе-приближенныхъ къ ней. Когда умеръ ея любимый слуга Поповъ, она приказала опустить занавѣси у своихъ оконъ, изъ которыхъ можно было видѣть домъ покойнаго, и болѣе мѣсяца не приказывала поднимать ихъ. «*Какъ я могу не сожалѣть объ этомъ вѣрномъ слугѣ моемъ,* говорила она: — *онъ былъ добрый христіанинъ и никогда не говорилъ ни объ комъ худа.*»

— На рынкахъ, въ царствованіе Екатерины, продавалось чрезвычайное множество ея портретовъ, очень дурно нарисованныхъ, и еще хуже того раскрашенныхъ. Простой народъ раскупалъ эти портреты, такъ-какъ они продавались дешовою цѣною. Приближенные императрицы, узнавши объ этомъ, докладываютъ ей: не угодно-ли будетъ ея величеству, чтобъ запретили продажу подобныхъ портретовъ, не имѣющихъ въ себѣ рѣшительно ни малѣйшаго сходства? *Оставьте ихъ,* отвѣчала Екатерина: — «*если они не могутъ купить хорошихъ портретовъ,*

пусть покупаютъ худые! Мнѣ очень пріятно знать, что мои подданные любятъ меня не за красоту лица моего, но за мою любовь къ нимъ и за попеченіе о ихъ благѣ!»

— Однажды, во время пребыванія императрицы Екатерины въ Царскомъ-Селѣ, вечеромъ, нѣсколько солдатъ гвардейскихъ полковъ, собравшихся въ круговую, тихимъ голосомъ начали пѣть пѣсни. Екатерина въ это время сидѣла на галлереѣ и вслушивалась въ тихое пѣніе солдатъ, которые продолжали свое занятіе тихо и стройно. Вдругъ передъ ними является посланный и говоритъ имъ: «Императрица приказала спросить васъ: — за что̀ вы ея не любите?» Изумленные солдаты, не зная что дѣлать, говорятъ: «вѣрно государыня прогнѣвалась на насъ за то, что мы осмѣлились пѣть; а мы готовы сію минуту пожертвовать жизнью для матушки-императрицы!» «Нѣтъ,» отвѣчаетъ посланный, «она не прогнѣвалась на васъ за это, а только приказала сказать вамъ: *вѣрно вы ея не любите, когда боитесь пѣть громче, и думаете, что ваше веселье можетъ когда-нибудь оскорбить ее.»* Въ одну минуту обрадованные солдаты грянули хоромъ, и Екатерина махнула имъ бѣлымъ платкомъ въ-знакъ своего удовольствія.

— Однажды, находясь у окна, Екатерина замѣтила одного кучера, который все ходилъ около лошадей, гладилъ и ласкалъ ихъ. «*Видно онъ любитъ лошадей,*» сказала она, «*и, вѣрно, добрый человѣкъ.*» Узнавши, что кучеръ этотъ принадлежалъ князю Шаховскому, она подошла къ князю, и сказала ему: «*вашъ кучеръ вѣрно отличнѣйшій человѣкъ въ своемъ званіи, и поэтому ему непремѣнно должно сдѣлать приличное награжденіе.*» Князь тутъ же прибавилъ кучеру по пятидесяти рублей ежегодно, и Екатерина поблагодарила князя.

П. Ш.

РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ

Русскому послу при Варшавскомъ Дворѣ, князю Николаю Васильевичу Репнину, которымъ она повелѣваетъ требовать отъ Варшавскаго двора и Польскаго министерства прекращенія гоненій, воздвигнутыхъ на православныхъ обитателей Украйны со стороны Поляковъ и Уніатовъ.

(1765 года, октября 30.)

Божіею милостію, Мы, Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица всероссійская, и прочая, и прочая —

Генералу-Маіору, чрезвычайному и полномочному послу, Николаю Васильевичу князю Репнину.

Переяславскій въ Малой Россіи епископъ Гервасій, присланными имъ въ нашъ

Синодъ доношеніями, представилъ: коимъ образомъ вкоренившееся въ Уніатовъ на Греческихъ исповѣдниковъ гоненіе дошло и до принадлежащихъ издревле къ епархіи его — монастырей и церквей, состоящихъ въ Польской области, за Днѣпромъ; ибо въ мартѣ мѣсяцѣ нынѣшняго 1765 года присланной туда отъ Уніатскаго архимандрита Овруцкого коммиссаръ Сичинскій — какъ словесно, такъ и письменно — угроживаетъ: два благочестивые монастыря, одинъ Троицкій Мотренинскій, а другой Вознесенскій Мошногорскій, отобрать на Унію, а прочія, тамо находящіяся, церкви Уніатами уже отняты, да и достальныя нынѣ отнимаютъ, а священниковъ тѣхъ церквей мучатъ и въ крайнее раззореніе приводятъ, какъ вы то обстоятельно усмотрите изъ приложенныхъ при семъ копій изъ означенныхъ епископскихъ доношеній. Вы имѣете о семъ двору и министерству Польскому представить, и при-томъ учинить въ такой силѣ домогательство, чтобъ — какъ упомянутый коммиссаръ Сичинскій, такъ и подобные ему своевольники — не только отъ самыхъ насильствъ, но и отъ угрозъ пристойнымъ-образомъ воздержаны, а напротивъ-того — наши единовѣрные, ихъ церкви и монастыри, отъ обидъ и утѣсненія совершенно ограждаемы и защищаемы были.

ЕКАТЕРИНА.

КАГУЛЬСКІЙ БОЙ.

(1770 годъ.)

Изъ книги «Русское Чтеніе.»

Въ половинѣ іюля, визирь, со всѣми силами своими, перешелъ отъ Исакчи въ станъ, расположенный подлѣ озера Кагула. Румянцевъ подвинулся ближе къ непріятелю. 17-го іюля главное войско соединилось съ корпусами своими, стоявшими при рѣчкѣ Кагулѣ. Татары, переправясь за рѣку Салгу, напали на часть обоза подвижного магазейна. Покушенія ихъ были отражены. Въ слѣдующіе два дня, Турецкіе наѣздники обозрѣвали станъ Русскій. Донскіе козаки полка Иловайскаго, за три дня предъ тѣмъ прибывшіе къ войску, первые изъ легкихъ Русскихъ полковъ отважились въ эту войну нападать на Турецкихъ наѣздниковъ.

20-го іюля, въ станѣ Турецкомъ начались новыя распоряженія. Румянцевъ съ возвышенія наблюдалъ въ зрительную трубку всѣ движенія непріятеля. Сперва казалось, что визирь намѣренъ напасть, потомъ вдругъ остановился. Въ это время Румянцевъ, обратясь къ генераламъ, сказалъ: «Если Турки осмѣлятся тамъ раскинуть хотя одну палатку, я въ эту же ночь нападу на нихъ.» Турки потянулись съ лѣвой стороны рѣки Кагула и заняли лагерь верстахъ въ семи отъ нашего стана.

Сблизясь съ Русскими, Турки полагали напасть спереди въ то время, когда Крымскій ханъ, съ многочисленными скопищами своими, ударитъ въ тылъ. Бѣдственно было положеніе Русскихъ. Они издерживали послѣднія *крохи* продовольствія; сто пятьдесятъ тысячъ Турокъ угрожали имъ въ лицо; сто тысячъ Татаръ тѣснили тылъ. За отдѣле-

ніемъ тринадцати тысячъ для обезпеченія подвоза запасовъ, до Кагульской битвы — войска оставалось только семнадцать тысячъ.... Но съ ними былъ Румянцевъ. Въ ночь на 20-е іюля, всё учреждено было къ нападенію. По какому-то предзнаменованію, Турки почитали 21-е число — днемъ счастливымъ. Не видя еще рядовъ Русскихъ, они готовились къ битвѣ. Наше войско, раздѣленное на пять частей, построилось въ боевой порядокъ и приблизилось на-разсвѣтѣ къ дорогѣ, получившей названіе отъ Римскаго императора Трояна; Румянцевъ шелъ по слѣдамъ его. При переходѣ Русскихъ за Троянову дорогу, Турки явились на высотахъ, окружавшихъ ихъ станъ, и ударили конницею, занимавшею необозримое пространство. Генералъ Мелиссино вскорѣ отразилъ и разсѣялъ ихъ — пушечными выстрѣлами съ баттареи своей.

Тщетно возбуждалъ визирь войска свои къ оборонѣ; Турки, не смѣя устремиться въ лицо Русскимъ, восклицали: *«нѣтъ силъ нашихъ сбить съ мѣста Русскихъ, — они разятъ огнемъ, какъ молніей.»*

Между-тѣмъ сильныя толпы Турокъ, пользуясь лощиною, спѣшили обойти нашихъ. Сквозь дымъ и огонь наблюдая всѣ шаги непріятеля, Румянцевъ, быстрымъ поворотомъ полковъ своихъ, угрожалъ отрѣзать его отъ его стана. Турки съ крикомъ и непомѣрною быстротою понеслись туда; вся ихъ конница, нападавшая на карѐ [1]) Племянникова, поколебалась. Уничтожа первый порывъ враговъ и находясь въ непрерывномъ огнѣ съ пятаго часа утра до осьми, Русскіе очистили себѣ путь и двинулись къ стану Турецкому. Пушечные выстрѣлы со стороны непріятельской обратились на каре, гдѣ находился Румянцевъ, и на каре Племянникова, шедшее по лѣвую сторону. Непріятель въ одну ночь сдѣлалъ укрѣпленіе, обведенное тройными рвами, наполненными Янычáрами [2]). Румянцевъ былъ подъ тучею ядеръ. Уже Турецкія баттареи начинали умолкать, уже каре Племянникова простирало руки къ овладѣнію укрѣпленіемъ, — внезапно десять тысячъ янычаръ выскочили изъ лощины, ударили на правую сторону каре, ворвались въ средину, смяли нѣсколько полковъ и принудили ихъ бѣжать къ каре генерала Олица. Въ этотъ день на вѣстяхъ у графа былъ мой отецъ [3]). Румянцевъ послалъ его сказать Озерову, чтобы онъ удерживалъ и держался съ полкомъ своимъ. Озеровъ устоялъ, а Румянцевъ, сказавъ принцу Брауншвейгскому — *«теперь настало наше дѣло,»* полетѣлъ къ бѣгущимъ толпамъ и воскликнулъ: *«Стой, ребята! Отцы ваши и матери смотрятъ на васъ!.. Стой!»* — и всё остановилось. Каре Племянникова сдвинуло ряды свои и устремилось впередъ. Чрезъ тройные рвы Русскіе взлетѣли

---

[1]) *Карѐ* — оборонительное построеніе пѣхоты, дѣлаемое противъ нападеній конницы.

[2]) *Янычáры* — лучшая часть Турецкаго войска.

[3]) То-есть, отецъ разсказчика — *Николай Глинка*, лично извѣстный Императрицѣ Екатеринѣ Второй. *Щ.*

на укрѣпленія. Визирь, устрашенный пораженіемъ янычаръ, составлявшихъ *первую его стѣну*, бѣжалъ; смерть, стыдъ преслѣдовали его; Турки, спасшіеся отъ штыковъ, толпами гибли въ волнахъ Дуная. Русскіе воины, видѣвшіе Румянцева въ непрестанномъ огнѣ, привѣтствуя его съ побѣдою, восклицали: «*Ты прямой солдатъ!*»

Сергѣй Глинка.

ЧЕСМЕНСКІЙ БОЙ, ОПИСАННЫЙ ОЧЕВИДЦЕМЪ КНЯЗЕМЪ ЮРІЕМЪ ВЛАДИМІРОВИЧЕМЪ ДОЛГОРУКИМЪ.

(1770 годъ.)

Послѣ многихъ походовъ и переходовъ, я отправился къ графу Алексѣю Григорьевичу Орлову; а флотъ пустился искать славы въ Архипелагѣ [1]), оставя одинъ корабль и фрегатъ, на которомъ я съ братомъ моимъ отплылъ въ Морею. [2]) Появленіе флота Русскаго нагнало на Турокъ сильный страхъ. *Наваринъ* сдался горсти Русскихъ и Грековъ. Нашихъ было только двѣнадцать человѣкъ. Вскорѣ подоспѣлъ къ намъ адмиралъ *Эльфистонъ* съ тремя кораблями и присоединился къ прежнимъ нашимъ шести линейнымъ кораблямъ. Было также у насъ и нѣсколько фрегатовъ; долетѣла до насъ вѣсть, что въ море вышли шестнадцать Турецкихъ кораблей и множество различныхъ судовъ. Составился совѣтъ, на которомъ были два графа Орлова, контръ-адмиралъ *Спиридовъ*, капитанъ нашего корабля *Грейгъ* и я; начинали колебаться. Но мы съ *Грейгомъ* рѣшительно сказали: — «*должно плыть къ Турецкому флоту и напасть на него*». Долго мы боролись; наконецъ настойчивость наша увѣнчалась успѣхомъ. Мы вовлекли въ наше мнѣніе графа Алексѣя Григорьевича. — Грейгъ былъ мореходецъ искусный, опытный, умный и чрезвычайно распорядительный....

Кораблямъ предписано было идти одному за однимъ, на пистолетный выстрѣлъ отъ непріятеля, и, ложась въ *линію*, производить пальбу...

На другой день мы увидѣли Турецкій флотъ на якорѣ между островомъ *Хіо* и Азіятскимъ берегомъ; корабль *капитанъ-паши* — въ той-же линіи на правомъ крылѣ флота.

Загремѣлъ знакъ къ нападенію... Корабль *Европа*, перешедъ на надлежащее разстояніе, поворотился вдоль Турецкаго флота съ пальбою, за нимъ двинулся *Евстафій*, а потомъ *Януарій*. Ставъ предъ капитанъ-пашинскимъ кораблемъ, *Януарій* встрѣтилъ мель и, опасаясь сѣсть на нее, повернулъ назадъ. Тоже предпринималъ и *Евстафій*, но паруса его были повреждены, и его наклонило на корабль капитанъ-паши. Въ это время Адмиралъ Спиридовъ и графъ Ѳедоръ Григорье-

---

[1]) Собраніе многихъ небольшихъ острововъ на морѣ, омывающемъ берега Греціи и Турціи.
[2]) Полуостровъ, на которомъ находится нынѣшнее Греческое королевство. *Щ.*

вичъ Орловъ сѣли въ шлюпку и погребли къ фрегату, стоявшему въ отдаленіи отъ флота. Вслѣдъ за Спиридовымъ не поспѣлъ сынъ его, а за графомъ Ѳедоромъ Григорьевичемъ — задушевный другъ его, князь *Козловскій.*

Капитанъ Крузъ, на послѣдней шлюпкѣ своей, отправилъ адмиральскаго сына къ графу Алексѣю Григорьевичу — прокричать *ура!* то-есть: поздравить со взятіемъ Турецкаго корабля. Горестно было это *ура!* Перескочивъ на корабль, наши встрѣтили дымъ, клубившійся съ-низу. Бросились назадъ, пламя обхватило корабль Турецкій. Не со страхомъ, но объятые изумленіемъ, наши сподвижники ожидали жребія своего. И вдругъ съ Турецкаго корабля на нашъ корабль съ-трескомъ рухнулась мачта. Съ быстротою молніи полетѣли и посыпались отъ нея искры въ пороховую камеру, открытую во время боя. Мгновенно корабль нашъ взлетѣлъ на воздухъ. Спаслись только капитанъ *Крузъ* и еще четыре человѣка. Всѣ прочіе погибли.

Между-тѣмъ закипѣло дѣйствіе. Корабль *Трехъ-Святителей* первый прошелъ сквозь Турецкую линію. *Три-Іерарха* и *Ростиславъ,* повернувъ противъ Турецкаго флота, двинулись къ нему какъ-можно ближе, и огромляли его пальбою. Флотъ Турецкій, отрубя якори, стремительно и въ чрезвычайномъ разстройствѣ ринулся въ глубокій заливъ при Чесмѣ; а нашъ авангардъ *(состоявшій изъ союзныхъ Англійскихъ кораблей),* убавляя паруса, прибылъ уже тогда, когда обложили упомянутый заливъ. Во время сраженія, онъ далеко былъ отъ насъ и, изъ одного хвастовства, палилъ на воздухъ изъ пушекъ: а потому иностранные писатели несправедливо говорятъ, будто-бы слава Чесменскаго боя принадлежитъ Англичанину Ельфистону. Онъ былъ зрителемъ, а не дѣйствующимъ лицомъ. Онъ сражался съ воздухомъ и воздушными зàмками, а не съ флотомъ Оттоманскимъ.

При взрывѣ Евстафія, казалось, что душа графа Алексѣя Григорьевича вырывалась изъ груди его, сильно взволнованной печальной мыслію, что море поглотило брата его Ѳедора Григорьевича; въ этомъ сердечномъ порывѣ горести, онъ бросилъ на палубу табакерку съ бриллiантами и вскричалъ: *«ахъ, братъ! братъ любезный!»* и слезы брызнули изъ очей его... Но вдругъ явился сынъ *Спиридова* съ извѣстіемъ, что и графъ Ѳедоръ Григорьевичъ, и отецъ его живы. Восхищенный вѣстію, графъ Алексѣй Григорьевичъ позвалъ меня къ себѣ, и мы пустились отыскивать графа Ѳедора Григорьевича. Флотъ Турецкій не думалъ тревожить насъ. Свѣтлое, спокойное море, въ которомъ очаровательно отражался волшебный небосклонъ Греціи, какъ-будто приглашало насъ не на бой, а на пиръ. Не стану описывать свиданія двухъ братьевъ: у кого горячо бьется въ груди сердце родственное, тотъ и безъ меня пойметъ то мгновеніе. Братья бросились въ объятія другъ друга, плакали, ры-

дали, и слышно было — «*братъ! любезный братъ!*» Тутъ же обнялись они и съ нашимъ адмираломъ, на груди котораго былъ большой образъ.

Снова поговоря съ Грейгомъ, мы немедленно оснастили четыре *брандера*[1]), и ночью, подъ прикрытіемъ корабля *Европы, Колкачевъ* вплылъ въ заливъ и сблизился съ Турецкимъ флотомъ. Грозная туча сгущалась надъ флотомъ Оттоманскимъ. Мы встрѣтили его въ такомъ суматошномъ расплохѣ, что иной корабль стоялъ къ намъ кормою. Нѣсколькими зажигательными выстрѣлами отважный Колкачевъ сжегъ Турецкій флотъ до тла. Изъ четырехъ *брандеровъ* одинъ *брандеръ* Ильина сцѣпился съ фланговымъ Турецкимъ кораблемъ. Разъѣзжая съ Грейгомъ на шлюпкѣ, мы увидѣли на-разсвѣтѣ, что одинъ корабль Родосъ уцѣлѣлъ. Онъ тотчасъ былъ взятъ и отведенъ въ Русскій флотъ, гдѣ громкое *ура!* оглашало небосклонъ Греціи. Домогались вытащить и другой корабль, но съ сосѣдняго сгорѣвшаго корабля упала на него мачта.

Ужасно, неописанно было зрѣлище въ Чесменскомъ портѣ! И Азія, и Европа видѣли пламя, пожиравшее флотъ Оттоманскій, — и Азія, и Европа слышали ужасные громы отъ взрыва кораблей Турецкихъ. Кровь смѣшалась съ волнами морскими; обгорѣлые трупы и дымящіеся корабельные обломки до-того затѣсняли портъ, что едва можно было пробраться и на шлюпкѣ.

ПРИСОЕДИНЕНІЕ КРЫМА КЪ РОССІИ ВЪ 1783 ГОДУ.

I.

Изъ «Примѣчанія и историческихъ объясненій», написанныхъ Русскимъ Правительствомъ противъ «Объявленія» Шведскаго короля.

Россія, чрезъ нѣсколько сотъ лѣтъ, претерпѣвала отъ Татаръ раззоренія. Послѣ Кучукъ-Кайнарджинскаго мира[2]), надобно было ей укрощать и утушать, Богъ вѣдаетъ, сколько возмущеній и раздоровъ, безпрестанно отъ Порты вновь заводимыхъ, по причинѣ независимости Татарскаго хана; пока напослѣдокъ государыня императрица — для обезпеченія тишины своей имперіи, и по собственному желанію, и прошенію Крымскихъ племенъ, принуждена была сіе гнѣздо разбойниковъ превратить въ область ея имперіи, и тѣмъ вдругъ положить конецъ всѣмъ безпокойствамъ.

---

[1]) Зажигательныя суда.

[2]) Миръ, выгодный для Россіи, заключенный съ Турціею, 10 Іюля 1774 года, въ селеніи *Кучукъ-Кайнарджи*. — По этому миру Крымъ признанъ независимымъ отъ Турціи, предоставлена свобода плаванія всѣмъ кораблямъ по Черному Морю, и проч. *Щ.*

II.

Высочайшая Граммата Императрицы Екатерины Второй Князю Потемкину-Таврическому.

Божіею поспѣшествующею милостію, Мы, Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссійская.

«Свѣту извѣстно, что Мы поставляли и поставляемъ непремѣннымъ Себѣ правиломъ награждать всегда вѣрность, отличныя заслуги и изящныя дарованія въ вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, которые, обращаясь, по волѣ Нашей, въ военномъ или гражданскомъ чиноначальствѣ, докажутъ оныя отечеству и Намъ — на самомъ дѣлѣ. Симъ образомъ, желая себя учинить достойнымъ Монаршаго Нашего воззрѣнія и милости, вы, Князь Григорій Александровичъ Потемкинъ, съ самаго начала бывшей между Россійскою Имперіею и Портою Оттоманскою войны, изъ единой ревности обратились на службу, находясь, по собственному произволенію, при войскахъ Нашихъ и сражаясь неустрашимо противъ враговъ отечества, вступя потомъ въ начальство и, съ разными вамъ поручаемыми отрядами войскъ, нанося непріятелямъ повсюду страхъ и гибель во всѣхъ военныхъ дѣяніяхъ, какъ предводитель, спомощникъ и сотрудникъ, оказывали вы отличное искусство, непоколебимую бодрость духа и прозорливость, подкрѣпляемую храбростію. Ни военныя укрѣпленія, ни трудныя чрезъ рѣки переправы, ни вымыслы и покушенія противныхъ, ни стремительное упорство ихъ въ нападеніи, ни превосходство непріятельскихъ силъ не могли нанести вамъ препоны: но, будучи готовы къ преодолѣнію всѣхъ трудовъ и опасности, съ честію и славою приводили къ окончанію предпріятое вами на пользу отечества. Когда же, изнуренный силою, непріятель, почувствовавъ свою слабость, искалъ мира, то вы, по всегдашнему къ службѣ Нашей усердію, къ поспѣшествованію мирнаго дѣла, преподавали полезные совѣты, послужившіе къ возстановленію взаимнаго и славнаго между двумя Имперіями союза. Сіи ваши достохвальные подвиги не могли сокрыты быть отъ Нашего вниманія, а по-временамъ и удостоены были Монаршаго Нашего благоволенія, что̀ самое еще и вящше васъ поощрило повсюду искать случаевъ, и гдѣ только оные ни представлялись, оказывать знаменитыя услуги, къ Нашей благодарности. Неспособность Татаръ ко вкушенію плодовъ дарованной имъ отъ Насъ свободы, происшедшіе отъ нихъ мятежи, подавали Портѣ причину вступиться паки въ исправленіе верховной власти на земляхъ Татарскихъ, преклонили Насъ на тѣ мысли, чтобъ, для утвержденія блага и безопасности отечества, взять подъ державу Нашу полуостровъ Крымскій, островъ Таманъ и всю Кубанскую сторону. При такихъ обстоятельствахъ, когда, съ одной стороны, Порта не могла на сіе, хотя и справедливое, присоединеніе Татаръ къ Нашей державѣ взирать спокойнымъ окомъ, а съ другой — предлежалъ долгъ привести оныя страны въ желаемое устройство, вы, Князь Григорій Александровичъ Потемкинъ, явили новый опытъ вашей къ Намъ и отечеству преданности, вспомоществуя — совѣтомъ и дѣломъ — въ достиженіи постояннаго съ Портою мира. На такой конецъ, сколько для подкрѣпленія дѣлаемыхъ Портѣ мирныхъ предложеній, столько для введенія сходствен-

наго волѣ Нашей въ управленіи новыми областями порядка, обозрѣвъ самолично на мѣстѣ, устроили во всѣхъ частяхъ, на пользу общую, и исполнили съ-успѣхомъ Наше о всѣхъ оныхъ земляхъ предположеніе, простирая между-тѣмъ труды ваши и въ-разсужденіи новаго постановленія въ принятіи подъ верховную власть Всероссійскихъ Императоровъ — Карталинскаго и Кахетинскаго царя со всѣми его царствами и областями. — Сими вашими распоряженіями предѣлы Имперіи Нашей постановлены въ совершенную безопасность, и вмѣсто недоразумѣній и распрей, обнадеженъ между имперіями миръ и дружба. Таковъ былъ плодъ неусыпнаго вашего попеченія въ выполненіи Нашей воли. За сіи, оказанныя вами, усердіе, ревность и служенія, не можемъ оставить безъ изъявленія вамъ Нашего монаршаго благоволенія, и содержа оныя въ Нашей памяти незабвенно, сею Нашею грамматою всемилостивѣйше похваляемъ оныя — къ вашей славѣ и въ поощреніе наиотдаленнѣйшимъ потомкамъ, которые бы, равно зря ваши заслуги отечеству и Наше признаніе, стремились подражать вашему усердію и служенію, чего Мы во всѣхъ Нашихъ подданныхъ видѣть желаемъ. Для вящшаго увѣренія, Мы сію Нашу похвальную граммату Нашею собственною рукою подписали. — Дана въ столицѣ Нашей, въ Санктпетербургѣ, лѣта отъ Рождества Христова 1784 Марта 14, Государствованія же Нашего въ двадесять второе лѣто.»

ЕКАТЕРИНА.

ВЗЯТІЕ ТУРЕЦКОЙ КРѢПОСТИ ИЗМАИЛА.

(1790 годъ.)

Изъ книги: «Русское Чтеніе».

I.

Наступила глубокая осень; двукратное намѣреніе Русскихъ взять Измаилъ не состоялось; Русскіе отступали; князь Потемкинъ-Таврическій поручилъ графу Суворову-Рымникскому покореніе крѣпости, почитаемой неприступною и Турціею, и Россіею. Пославъ изъ Галаца предписаніе войскамъ, чтобы они держались непоколебимо, Суворовъ съ небольшимъ отрядомъ пошелъ къ Измаилу. Полковникъ, князь Лобановъ-Ростовскій вызвался сопровождать его со ста-пятьюдесятью мушкетерами Апшеронскаго полка. Принявъ, 6-го Декабря, начальство надъ войскомъ подъ Измаиломъ, Суворовъ немедленно предпринялъ всё нужное для приступа. Работа кончилась 5 Декабря, а 6-го войско, умножившееся прибытіемъ Фанагорійскаго полка Апшеронскихъ мушкетеръ и нѣсколькихъ отрядовъ Донцевъ и Арнаутъ, расположилось вокругъ города. 7 Декабря отправленъ былъ къ Сераскиру нарочный съ письмомъ отъ Потемкина, требовавшаго сдачи крѣпости. Сераскиръ отвѣчалъ: «скорѣе Дунай остановится въ своемъ теченіи и небо соединится съ землею, нежели Измаилъ сдастся». Суворовъ ускорилъ свои распоряженія. Говорятъ, что въ это время онъ получилъ отъ Потемкина

позволеніе удалиться, если онъ не увѣренъ въ удачномъ приступѣ. Суворовъ отвѣчалъ: «Два уже раза Русскіе были у стѣнъ Измаила; стыдно будетъ, если въ третій не кончимъ своего дѣла». 9 Декабря, на высокомѣрный отвѣтъ Сераскира данъ ему словесный отзывъ, что *никому уже не будетъ пощады*. Немедленно былъ собранъ военный Совѣтъ. Извѣстно, что младшіе подаютъ первые голоса: графъ Платовъ, бывшій тогда бригадиромъ, первый написалъ — *штурмовать*. Всѣ тоже подтвердили. Суворовъ вбѣжалъ въ ставку, и сказалъ: «одинъ день Богу молиться: другой учиться; третій день славная смерть или побѣда»! 9 Декабря окончена была работа четырехъ баттарей.

Приступъ былъ назначенъ 11 Декабря.

Съ 10 на 11 число, въ три часа ночи сухопутное войско и гребная флотилія подвинулись къ Измаилу; въ пять часовъ двинулись на приступъ...

.....

II.

На-разсвѣтѣ всѣ наши войска были уже внутри крѣпости. Здѣсь начался новый бой, безпримѣрный дотолѣ въ лѣтописяхъ военныхъ. Турки поклялись или умереть, или отразить Русскихъ; Русскіе поклялись или умереть, или побѣдить. Непріятель, отбитый отъ крѣпостного вала, защищался упорно. Къ открытію Броскихъ воротъ усиленъ былъ отрядъ Графа Мелица, а Фанагорійскій полковникъ Золотухинъ прогналъ Турокъ до Хотинскихъ воротъ и отбилъ ихъ. Неподалеку, въ каменномъ строеніи, засѣлъ сераскиръ Мехметъ-Паша. Золотухинъ требовалъ сдачи. Сераскиръ отвѣчалъ: «Не сдадимся!» Золотухинъ ворвался во внутренность строенія. Сераскиръ и воины его умерли со славой: ни одинъ изъ нихъ не просилъ пощады и ни одинъ не обратился въ бѣгство. Вмѣстѣ съ Золотухинымъ дѣйствовалъ маіоръ Островскій, со ста-тридцатью гренадерами и съ тремя орудіями. Полковникъ Волковъ съ тремя эскадронами Воронежскаго Гусарскаго полка открылъ заваленныя Бендерскія Ворота, исправилъ испорченный мостъ, напалъ на непріятеля и взялъ въ плѣнъ восемьсотъ Турокъ.

Четыре тысячи непріятелей, укрывавшихся въ мечети, въ двухъ каменныхъ *ханахъ* *) и въ казематной баттареѣ, просили пощады и получили ее.

Измаилъ, почитавшійся непобѣдимымъ, взятъ мужественною грудью и штыками. Ими опрокинуты обширныя и огромныя укрѣпленія; ими поражены болѣе тридцати тысячъ Турокъ, умершихъ достойными защитниками ввѣренной имъ крѣпости. Русскихъ пало до 1,800 человѣкъ. Тысяча раненныхъ Турокъ были снабжены всѣмъ нужнымъ.

---

*) *Ханъ* — постоялый дворъ. *Щ.*

Къ числу Измаильскихъ героевъ принадлежатъ также графъ Чернышевъ и князь Волконскій. Служа при дворѣ Екатерины дѣйствительными камергерами, они охотно вызвались на приступъ. Графъ Чернышевъ замѣчалъ движеніе войскъ, бросался во всѣ опасности и исполнялъ важныя препорученія. Князь Волконскій не отставалъ отъ него.

Суворовъ поздравилъ Кутузова комендантомъ крѣпости въ то самое мгновеніе, когда многочисленный непріятель отразилъ его. Послѣ молебствія, Кутузовъ сказалъ Суворову: «*Вы поздравили меня комендантомъ Измаила въ то самое время, когда я долженъ былъ уступить многочисленному и упорному врагу*». Суворовъ отвѣчалъ: «*Я знаю Кутузова, а Кутузовъ знаетъ Суворова. Еслибъ Измаилъ не былъ взятъ, мы бы оба умерли подъ его стѣнами*».

Извѣщая Екатерину о покореніи Измаила, Суворовъ писалъ: «Гордый Измаилъ палъ къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества». Князя Потемкина увѣдомилъ онъ въ слѣдующихъ словахъ: «*Знамена Русскія развѣваются на стѣнахъ Измаила*».

Сергѣй Глинка.

ШТУРМЪ ПРАГИ, ВАРШАВСКАГО ПРЕДМѢСТІЯ, ВЪ 1794 ГОДУ.

(Изъ разсказовъ стараго солдата.)

22-го Октября утромъ рано армія наша двинулась изъ лагеря при мѣстечкѣ Кобылкѣ тремя колоннами. Съ распущенными знаменами, съ звукомъ трубъ и музыки и съ грохотомъ барабановъ, подошла на видъ къ укрѣпленной Прагѣ, и часу въ одиннадцатомъ предъ полуднемъ была расположена на показанныхъ мѣстахъ, на пушечный выстрѣлъ отъ укрѣпленія.

Съ 22-го на 23-е число ночью устроены наши баттареи и поставлены всѣ пушки. Съ раннею зарею, къ удивленію и страху Поляковъ, они начали дѣйствовать шибко и безпрерывно по непріятельскимъ укрѣпленіямъ; днемъ 23-го числа во всѣхъ полкахъ были сплетены плетни; предъ сумерками, наканунѣ страшнаго для Поляковъ часа, всё у насъ было готово къ штурму.

Запылали костры и собирались воины каждой роты въ-кругъ, какъ одно семейство, поговорить съ радостною шуткою о наступающемъ времени, часѣ, въ который должно испить, кому Богъ приведетъ, чашу смертную. Въ семь часовъ вечера читанъ былъ нашъ полковой приказъ. Вотъ, сколько могу припомнить, точныя слова, въ немъ написанныя: «Его сіятельство, графъ Александръ Васильевичъ Суворовъ, приказалъ —

1. *Взять* штурмомъ Прагскій ретраншаментъ. — И для того

2. На-мѣстѣ полкъ устроится въ колонну по-ротно. Охотники съ своими начальниками станутъ впереди колонны, съ ними — рабочіе. Они

понесутъ плетни — для закрытія волчьихъ ямъ предъ вражескимъ укрѣпленіемъ, фашинникъ — для закидки рва, и лѣстницы, чтобы лѣзть изъ рва чрезъ валъ. Людямъ съ шанцовымъ инструментомъ быть подъ началомъ особаго офицера и стать на правомъ флангѣ колонны. У рабочихъ ружья черезъ плечо на погонномъ ремнѣ. Съ нами егерѝ, Бѣлорусцы и Лифляндцы; они у нихъ направо.

3. Когда пойдемъ, — воинамъ идти въ тишинѣ, не говорить ни слова, не стрѣлять.

4. Подошедъ къ укрѣпленію, кинуться впередъ быстро, по приказу кричать: ура!

5. Подошли ко рву, — ни секунды не медля, бросай въ него фашинникъ, и ставь къ валу лѣстницы; охотники стрѣляй на врага по головамъ. — Шибко, скоро, пара за парой лѣзь! — Коротка лѣстница? — штыкъ въ валъ — лѣзь, по немъ — другой, третій. Товарищъ товарища обороняй; ставши на валъ, опрокидывай штыкомъ непріятеля — и мгновенно стройся за валомъ.

6. Стрѣльбой не заниматься; безъ нужды не стрѣлять; бить и гнать врага штыкомъ; работать быстро, скоро, храбро, *по-русски!* Держаться своихъ въ срединѣ; отъ начальниковъ не отставать! — Вездѣ фронтъ.

7. Въ дома не забѣгать; непріятеля, просящаго пощады, щадить; безоружныхъ не убивать; съ бабами не воевать; малолѣтковъ не трогать.

8. Кого изъ насъ убьютъ, — царство небесное; живымъ — слава! слава! слава!

Старики говорили: «мы знаемъ, что̀ отцу Александру Васильевичу угодно; не-въ-первину намъ; мы усердно исполнимъ святую его волю. Теперь-то намъ и послужить матушкѣ нашей, государынѣ-царицѣ!».... «Ну, господа̀ Поляки! къ раздѣлкѣ!» — крутя усы свои, говорили гренадеры: — «къ раздѣлкѣ за кровь нашихъ, измѣннически пролитую въ Варшавѣ на страстной недѣлѣ!... Пора васъ убаюкать!» — Всё было весело; всѣ радовались, и будто сбирались на пиръ какой. — Съ такими людьми, ей-же, ей-ей, смерть была красна. Да о ней, правду сказать, и не думали. Тогда между ратниками была, сходная съ ихъ богатырскою удалью, пословица: «смерть — копѣйка! голова — наживное дѣло!»

Всѣ мы, какъ подъ-вѣнецъ, надѣли на себя чистое бѣлье, и ждали исполнить волю Александра Васильевича. — Предъ полуночью былъ поставленъ близь огней нашихъ ротный образъ святого угодника Божія, Николая Чудотворца, и затеплена передъ нимъ свѣча въ фонарѣ. Богатырь, нашъ начальникъ — Харламовъ, явился въ кругу роты, и говорилъ: «слышите, дѣти! надобно намъ, какъ христіанамъ, какъ Русскимъ, помолиться Господу Богу и Его святому угоднику Николаю; попросить у Господа Бога милосердія о побѣдѣ надъ врагами и покровительства надъ нами. Да и помиримся со всѣми. — Слышите, друзья мои! это хорошо

будетъ, это по нашему, это *по-русски;* это нужно!» — «А мы только хотѣли просить о томъ васъ, ваше высокоблагородіе, отецъ нашъ», заговорили гренадеры... И вотъ вся рота окружила образъ святого Николая Чудотворца. Впереди сталъ нашъ начальникъ съ офицерами, и онъ, старикъ-великанъ, перекрестясь, сказалъ громко: «дѣти, Господу помолимся!» — и ратники говорили, крестясь: «Господи, помилуй насъ!» — Отецъ нашъ начальникъ опустился на колѣни, и вся рота за нимъ тожь сдѣлала. Всякій, воззрѣвши на образъ угодника, тихо про себя творилъ съ душевнымъ умиленіемъ Господу Богу молитву, и упалъ челомъ своимъ къ землѣ. Не въ одной нашей ротѣ, но въ цѣломъ полку, да и во всей арміи приносимо было Господу Богу Создателю моленіе.

Послѣ молитвы, ротный начальникъ тутъ-же говорилъ намъ: «Слышите, дѣти! въ дракѣ помнить Бога; напрасно непріятеля не убивать; они такіе же люди; бить — храбро, дружно вооруженнаго непріятеля, и слушать моего голоса. Теперь спать я вамъ не совѣтую: скоро настанетъ время идти на пиръ къ друзьямъ, которые ждутъ насъ со страстной недѣли.» Отецъ нашъ сѣлъ на обрубкѣ дерева. Между многими наставленіями онъ разсказывалъ намъ примѣры Русскаго богатырства въ былое время, и между прочимъ говорилъ: «Чѣмъ ближе къ врагу, тѣмъ лучше. Храбрый впереди, — и живъ; трусишку и позади убиваютъ, какъ собаку; ему, если и живъ останется, ни чести, ни мѣста нѣтъ.» — Послѣ многихъ подобныхъ наставленій намъ, онъ приказалъ старшему сержанту Шульгину принесть водки, и наливъ рюмку, сказалъ: «за здоровье ваше, дѣти!» — Выпилъ, и велѣлъ поднесть по манерочной крышкѣ всѣмъ, кто пьетъ.

Ночь была слишкомъ темная, мглистая; погода сырая, холодная. — Въ три часа мы стали во фронтъ, и въ тишинѣ двинулись впередъ. Колонна наша была въ самой срединѣ арміи; на правой сторонѣ нашего полка были два егерскихъ баталіона. Отошедши на довольное разстояніе, остановились, и около часу дожидали знака — идти къ укрѣпленію. Между нами тишина была гробовая. Мы были такъ близко къ непріятелю, что ясно слышали отклики его наружныхъ часовыхъ, — и говоръ въ непріятельскомъ укрѣпленіи, какъ прибой волнъ морскихъ, гудѣлъ.

Вдругъ взвилась сзади насъ ракета, лопнула, и тысяча искръ, и сотни звѣздъ разсыпались и заблистали въ темной высотѣ. Всякъ изъ насъ, перекрестясь, сказалъ въ душѣ своей: — Господи, благослови и помилуй! — И колонна въ глубокой тишинѣ ускореннымъ шагомъ двинулась впередъ. Охотники и рабочіе — съ плетнями, съ лѣстницами и фашинникомъ — понеслись бѣгомъ.

Ни зги не было видно.

Непріятель осыпалъ насъ съ фронта своего пулями, а съ баттарей картечью и ядрами; но мы добрались до него безъ выстрѣла, и онъ самъ

ринулся на нашихъ со штыками. Штыкъ съ штыкомъ и грудь съ грудью въ темнотѣ сшиблись. Борьба была на смерть! — Храбро, отчаянно, даже съ-остервенѣніемъ дрались Поляки. Съ бывшими тогда Русскими богатырями трудно было бороться. — Долго наши жестоко бились, и непріятель палъ; остальные спаслись бѣгомъ во второе укрѣпленіе при самой Прагѣ. Стало свѣтать. Въ это мгновеніе, по приказанію Александра Васильевича, прибыли наши резервы, а съ ними и это послѣднее укрѣпленіе — скоро и быстро, но не безъ сильнаго самоотверженія — взято.

Александръ Васильевичъ слѣдилъ за ходомъ штурма: онъ былъ слишкомъ близко насъ. «Мѣсто пушкамъ!» закричалъ сзади насъ, — и орудія заревѣли, и ядра, гранаты и картечь загрохотали по строеніямъ. «Впередъ, дѣти!» закричалъ громовымъ голосомъ богатырь нашъ, и всё ринулось впередъ по улицѣ. Поляки, военные и жители, осыпали нашихъ пулями, каменьями; даже женщины кидали на насъ всё, что только попадалось имъ въ руки, и все, чѣмъ только могли язвить, летѣло на насъ изъ оконъ. Пришлось штурмовать дома, и кровь вновь полилась.

Мостъ, ночью, въ самый разгаръ штурма, взорванъ — по приказанію Александра Васильевича — Черноморскими Козаками, подплывшими по рѣкѣ на лодкахъ; и Поляки, не имѣя нигдѣ спасенія и не желая сдаться въ плѣнъ, отчаянно защищаясь, пали на штыкахъ нашихъ воиновъ, и множество побросалось въ рѣку и потонуло.

И такъ — часа за три до полудня — всё было кончено. Тридцать тысячъ непріятельскаго лучшаго войска, съ страшными своими укрѣпленіями, на коихъ было до сотни дѣйствовавшихъ пушекъ, не существовало. Слышны были только стонъ и вопль раненыхъ да выстрѣлы изъ пушекъ со стороны Варшавы.

Прага пылала. Восточный вѣтръ раздувалъ огонь.

Мы осмотрѣлись... Господи, Боже нашъ! какой ужасный видъ! Всѣ ратники были въ крови; всѣ мѣста, гдѣ кипѣлъ бой, устланы были толпами раненныхъ Поляковъ. Воины дивились — какимъ чудомъ вся эта преграда была ими взята, и говорили: — Богъ, одинъ Онъ милосердый помогъ намъ взять всё это грозное укрѣпленіе!.. Да и безъ Александра Васильевича едва-ли бы мы успѣли это сдѣлать. А съ нимъ, при помощи Божіей, все трынъ-трава!

Александръ Васильевичъ, по окончаніи боя, отдыхалъ нѣсколько времени на соломѣ въ разбитой на укрѣпленіи палаткѣ. Одинъ обрубокъ дерева служилъ ему стуломъ, а другой — столомъ. Здѣсь онъ благодарилъ собравшихся къ нему генераловъ и полковыхъ начальниковъ, и здѣсь принималъ съ ласкою и добродушіемъ плѣнныхъ Поляковъ.

Уронъ непріятельскій былъ великъ. Съ нашей стороны уронъ былъ также великъ.

Теперь въ Прагѣ, по берегу Вислы, въ закрытыхъ мѣстахъ поставлены

были наши пушки, а предъ мостовымъ укрѣпленіемъ расположена главная артиллерія. Во всё остальное время дня (24 числа), и даже ночью — съ вечера, шумъ, крикъ и вопль, нерѣдко съ ружейными выстрѣлами, неслись къ намъ чрезъ Вислу. Варшава буйствовала. Изрѣдка, днемъ и часа два вечеромъ, Зависленская непріятельская баттарея посылала къ намъ привѣтствіе — ядрами, гранатами и дальнею картечью.

25-го числа, часу въ восьмомъ утра, разнесся слухъ, что Варшава безусловно покоряется Александру Васильевичу, и проситъ помилованія. Вскорѣ за этимъ, Польскіе посланники возвратились къ берегу съ радостными лицами, и сѣвши на лодки, отправились въ Варшаву. Народъ, покрывавшій лѣвый берегъ рѣки, радостно — съ крикомъ удовольствія, принялъ ихъ.

На другой день, то-есть, 26-го числа, тѣже посланные прибыли къ нашему берегу, и были отправлены къ Александру Васильевичу. Скоро они возвратились съ поникшею головою, и отправились въ Варшаву.

Съ 26-го на 27-е, ночью мы услышали шумъ, крикъ, вопль и ружейные выстрѣлы въ Варшавѣ; тамъ вновь возстали.

27-го числа, вслѣдъ одинъ за другимъ, прибыли три посланника, и были тогда-жь отправлены къ Александру Васильевичу, и отъ него вскорости были отпущены. Войску приказано приготовиться на-завтра ко вступленію въ покорившуюся Варшаву.

Наканунѣ вступленія нашего въ столицу Польши, приказано было нашей колоннѣ отъ Буксгевдена зарядить ружья и пушки, но тайно, чтобы никто не зналъ этого изъ постороннихъ. Разсказывали, будто-бы Буксгевденъ говорилъ: «Полякамъ вѣрить нельзя. Они, за милосердіе Александра Васильевича, довольно его помучили своими безпутными и лживыми переговорами. Если-жь и узнаетъ Александръ Васильевичъ, что у насъ пушки и ружья заряжены, то побранитъ только: хоть это и важное дѣло, но снесёмъ; осторожность имѣть съ каварными врагами не мѣшаетъ».

Съ 25-го октября ни одного дня не проходило, чтобы Александръ Васильевичъ не объѣзжалъ войска, и не говорилъ съ воинами. Рѣчь его была проста, доступна нашей душѣ. Помню только, что онъ въ-заключеніе сказалъ: «видите ли, братцы, — ученье — свѣтъ, неученье — тьма!... Какія грозныя укрѣпленія вы взяли! это другой Измаилъ. Съ любовію къ Богу, да съ преданностію къ матушкѣ-царицѣ, да съ послушаніемъ, да съ усердіемъ — всё возможно! Помилуй Богъ! — всё, всё, всё!...»

Въ эти же дни собраны были окружныхъ селеній жители, и глубокія, большія могилы ими ископаны, и всѣ павшіе Поляки въ нихъ зарыты. Наши убитые были похоронены, съ подобающею честію, особо и по христіанскому обычаю.

ВХОДЪ ВЪ ПОКОРЕННУЮ ВАРШАВУ, ВЪ 1794 ГОДУ.

(Изъ записокъ очевидца.)

24-го октября, рано утромъ, народъ въ Варшавѣ покрывалъ крыши прибрежнаго строенія. Всѣ окна въ домахъ наполнены имъ, и тѣсныя толпы его плотились по берегу рѣки Вислы. Онъ ждалъ нашего вступленія, какъ тишины и покоя послѣ землетрясенія, послѣ ужасной бури. Ждалъ и — молчалъ.

Мы были готовы, какъ на парадъ. Всё вымылось, вычистилось, и ждало повелѣнія идти. Явились казаки Исаевцы, одѣтые на-славу; даже лошади ихъ, противъ обыкновенія, были вычищены. Прага наполнилась нашими войсками; колонны входили въ нее съ музыкою, съ боемъ барабановъ и съ игрою на трубахъ. Всё было готово. Насталъ десятый часъ утра, и Александръ Васильевичъ явился къ намъ. Громкое ура! воиновъ привѣтствовало отца своего. Онъ шибко объѣхалъ нашу колонну, здоровался съ нами, и радостное лице его утѣшило, порадовало нашихъ. Тьма народу кипѣла въ Варшавѣ.

По мановенію Суворова, всё двинулось впередъ къ мосту. Военная музыка огласила воздухъ. Наша колонна, подъ командою боевого генерала Буксгевдена, вступила первая на мостъ. Впередъ понеслись быстро Исаевцы; за ними двинулись баталіоны егерей, Лифляндскій и Бѣлорусскій, а затѣмъ и нашъ полкъ; за нимъ два эскадрона Ольвіопольскихъ гусаръ, Кіевскіе конные егеря, и въ-заключеніе Рижской пѣхотный полкъ. Полковая артиллерія была при полкахъ. Крикъ встрѣчающаго насъ народа оглашалъ воздухъ: «Да здравствуетъ, да здравствуетъ Екатерина! Да здравствуетъ Суворовъ! Да здравствуютъ Русскіе!» Предъ самымъ входомъ съ моста въ городъ, городскія власти дожидались — съ хлѣбомъ-солью и съ ключами города — встрѣтить великаго *(Суворова)*. Буксгевденъ оставилъ при нихъ своего адъютанта — указать *побѣдоносца*. Мы шли въ городъ на взлобье горы по улицѣ. Народъ покрывалъ крыши домовъ; окна и улицы были имъ полны: онъ тѣснился возлѣ взводовъ нашихъ и пробѣгалъ въ ихъ промежуткѣ. Многіе — старость и молодость — цаловали руки, даже платье офицеровъ.

Александръ Васильевичъ — въ простой курткѣ, въ каскѣ, съ короткимъ мечомъ по поясу — ѣхалъ вслѣдъ за нашею колонною. Разсказывали послѣ, что властелины Польши, именемъ ея и именемъ короля, поднесли хлѣбъ-соль и ключи Варшавы побѣдоносцу, милосердому полководцу, привѣтствовали его со-слезами, обнимали колѣна, цѣловали его ноги, даже стремена сѣдла его, и повергали участь Польши въ его милосердіе. Александръ Васильевичъ, тронутый до глубины души, съ навернувшимися на глазахъ слезами, принимая хлѣбъ-соль и ключи, возвелъ глаза свои къ предсѣдящему превыше небесъ Богу милосердому, внутренно

благодарилъ Его величіе, что это вступленіе — безъ крови и слёзъ. Отъ преизбытка чувствъ своихъ онъ могъ только сказать представшимъ властямъ: «Миръ, цѣлость вашего имущества и спокойствіе даруетъ вамъ всемилостивѣйшая государыня-царица.» Послѣ того войска̀ двинулись вслѣдъ за нашею колонною, и представители ѣхали съ величайшимъ нашимъ полководцемъ. *Вива̀тъ, ура* народа разсѣкали воздухъ и оглашали всю Варшаву. Между этимъ радостнымъ крикомъ слышны были хриплые голоса: «пусть будетъ такъ, какъ было!... да живетъ Польша!» Это былъ откликъ приверженцевъ стороны возставшихъ (которыхъ подстрекнули къ возстанію Французы), откликъ любви къ отечеству, но любви людей, неумѣвшихъ, какъ бы нужно было, любить своего отечества.

Такъ прошли мы весь городъ, и за нимъ расположились лагеремъ въ огромномъ укрѣпленіи.

АНЕКДОТЫ О СУВОРОВѢ. *)

Князь Александръ Васильевичъ Суворовъ не могъ увидѣть бѣднаго или нищаго, чтобы не сдѣлать ему подаянія. А такъ-какъ у него никогда не было при себѣ денегъ, то онъ весьма часто занималъ у предстоявшихъ. Однажды, въ продолженіе обѣда, вошелъ нечаянно въ горницу девяностолѣтній нищій, приходившій ежедневно къ хозяйкѣ дома за подаяніемъ. Увидя многочисленное собраніе, онъ испугался, и хотѣлъ-было уйдти. Но князь вскочилъ самъ, усадилъ его и угащивалъ. Тотъ-часъ занялъ нѣсколько червонцевъ, велѣлъ сдѣлать складчину: Русскіе щедры. Старецъ со слезами признательности удалился. Тутъ съ-чувствительностію произнесъ Суворовъ: «Добрые друзья мои! кто теперь благополучнѣе — этотъ ли старецъ, получившій отъ насъ дары, или мы, подкрѣпившіе болѣзненную его дряхлость? Тогда только, когда человѣкъ простираетъ на помощь ближнему руку, уподобляется онъ Творцу. Дивлюсь,» продолжалъ онъ, «вездѣ благотворительныя заведенія, а нищета не уменьшается!» Но когда у него въ другой разъ просилъ милостыни здоровый, то онъ велѣлъ купить ему топоръ, сказавъ: «Руби дрова — не умрешь съ голоду.»

— Старожилы въ Новой-Ладогѣ помнятъ и разсказываютъ, что князь Александръ Васильевичъ, находясь тамъ полковникомъ Астраханскаго Полка, учредилъ училище для солдатскихъ дѣтей, на своемъ иждивеніи выстроилъ для него домъ, былъ самъ учителемъ ариѳметики, и сочинялъ учебныя книги, какъ-то: молитвенникъ, краткій катехизисъ

---

*) Александръ Васильевичъ *Суворовъ*, князь Италійскій, графъ Рымникскій, генералиссимусъ всѣхъ сухопутныхъ и морскихъ войскъ, родился въ Москвѣ 13 ноября 1729 года, умеръ въ Петербургѣ 6 мая 1800 года. *Щ.*

и начальныя правила ариѳметики. Можно себѣ представить, — какою любовію платили ему отцы, за воспитаніе дѣтей своихъ.

— Замѣтя отличную расторопность и храбрость въ одномъ унтеръ-офицерѣ союзныхъ войскъ [1]), велѣлъ фельмаршалъ тотчасъ представить его въ офицеры. Но что же? — получается въ отвѣтъ на нѣсколькихъ большихъ листахъ отписка, въ которой излагаются причины невозможности удовлетворить этому желанію, отъ-того-что означенный унтеръ-офицеръ не изъ дворянъ, и не выслужилъ срочныхъ лѣтъ. Въ подкрѣпленіе сего, приведены были законы, воспрещающіе такое производство. Оскорбленный графъ вырываетъ бумагу, и бросаетъ ее на полъ, съ восклицаніемъ: «Боже мой! я начальникъ арміи, — и не могу быть ея отцемъ и благодѣтелемъ. Дарованіе въ человѣкѣ есть бриллiантъ въ корѣ. Отыскавъ его, надобно тотчасъ очистить и показать его блескъ. Талантъ, изъ толпы выхваченный, преимуществуетъ предъ многими другими: онъ всѣмъ обязанъ не породѣ, не случаю и старшинству, но самому-себѣ... Нѣтъ, родимая Россія! сколько изъ унтеровъ возлелѣяла ты героевъ!» — Весь этотъ день графъ былъ скученъ и сердитъ.

— Отъ фельдмаршала было приказаніе — представлять ему лично каждаго солдата, который отличится или храбростію, или какимъ-либо рѣдкимъ поступкомъ, и часто такихъ обнималъ, цаловалъ и потчивалъ изъ своихъ рукъ водкою. Въ сраженіи при Требіи [2]), полка Ферстера солдатъ Митрофановъ взялъ, съ своимъ товарищемъ, трехъ Французовъ въ плѣнъ. Они отдали свои кошельки, часы и всё, что имѣли. Митрофановъ принялъ, и возвратилъ имъ нѣсколько денегъ на кормъ. Подбѣжавшіе наши солдаты хотѣли-было ихъ въ-ярости изрубить: но Митрофановъ не допустилъ, сказавъ: «нѣтъ, ребята, я далъ имъ пардонъ. Пусть и Французъ знаетъ, что Русское слово твердо.» Послѣ съ товарищами раздѣлилъ добычу. — Митрофановъ былъ тотчасъ представленъ, и на вопросъ Суворова: «кто тебя научилъ быть такъ добрымъ?» отвѣчалъ: — «Русская азбука — С, Т *(слово, твердо)*, и словесное вашего сіятельства намъ поученіе: солдатъ — христіанинъ, а не разбойникъ.» Съ-восторгомъ обнялъ его фельдмаршалъ, и тутъ-же на-мѣстѣ произвелъ въ унтеры.

— Князь Багратіонъ разсказывалъ за столомъ у генералиссимуса [3]) объ одномъ старомъ, заслуженномъ, рѣдкаго поведенія, полку его солдатѣ, который принесъ ему пять червонныхъ, съ сими словами: «эти

---

[1]) Мы воевали тогда вмѣстѣ съ Австрійцами противъ Французовъ, и Суворовъ былъ главнокомандующимъ надъ обѣими арміями.

[2]) Въ Италіи.

[3]) Суворовъ имѣлъ тогда самый высокій военный чинъ *генералиссимуса*, то-есть, генерала изъ генераловъ, генерала надъ генералами. *Щ.*

деньги достались мнѣ, при раздачѣ добычи, отъ моихъ товарищей; но Богъ послалъ ихъ девяностолѣтнимъ родителямъ моимъ, въ Нижегородской губерніи. Сдѣлайте милость, ваше сіятельство, прикажите ихъ къ нимъ туда отправить по этой надписи», что князь тотчасъ и исполнилъ. Александръ Васильевичъ, восхитясь такимъ поступкомъ, велѣлъ привесть солдата, и, разцѣловавъ его, произнесъ: «спасибо тебѣ, христіанинъ, что ты помнишь заповѣдь Божію — *чти отца и матерь твою.*» Узнавъ, что онъ былъ съ нимъ въ Турецкихъ и Польскихъ походахъ, вскрикнулъ князь: «давай мнѣ за него дюжину рекрутъ, — нѣтъ, мало! — и сотни не возьму... Поздравляю тебя унтеромъ.» — «Благодарю, ваше сіятельство», отвѣчалъ солдатъ: «я не грамотный, служилъ рядовымъ, — прикажите мнѣ умереть въ рядахъ.» Суворовъ, обратясь ко всѣмъ, сказалъ: «гдѣ это услышимъ?»

— Князь любилъ ходить часто между солдатъ, въ солдатской курткѣ, или въ изодранной своей родительской шинели, и былъ всегда доволенъ, когда его не узнавали. Тутъ бывали съ нимъ нерѣдко весьма забавныя встрѣчи, которыя если описывать, то надобно писать новую книгу его анекдотовъ. Часто находили его въ арміи спавшаго на-повалъ съ солдатами. Такъ однажды закричалъ въ-слѣдъ фельдмаршалу, бѣжавшему въ солдатской простой курткѣ, присланный отъ генерала Дерфельдена съ бумагами сержантъ: «Эй, старикъ, постой!... скажи, гдѣ присталъ Суворовъ?» — Чортъ его знаетъ, — отвѣчалъ онъ. «Какъ!» вскрикнулъ сержантъ: «у меня отъ генерала къ нему бумаги.» — Не отдавай, — былъ второй отвѣтъ: — онъ теперь или мертвецки пьянъ, или горланитъ пѣтухомъ. — Тутъ посланный поднявъ на него палку, вскрикнулъ: «моли ты Бога, старичишка, за свою старость!... не хочу и рукъ марать... Ты, видно, не Русскій, что такъ ругаешь нашего отца и благодѣтеля.» Суворовъ — давай Богъ ноги. Черезъ часъ возвращается онъ домой. Сержантъ, узнавъ его, хочетъ броситься къ его ногамъ; но графъ, обнявъ его, сказалъ: «Ты доказалъ любовь ко мнѣ на дѣлѣ — хотѣлъ поколотить меня за меня», — и изъ рукъ своихъ подчивалъ его водкой.

— Одинъ офицеръ, впрочемъ достойный, нажилъ нескромностію своею много враговъ въ арміи. Однажды графъ позвалъ его къ себѣ въ кабинетъ и изъявилъ ему сердечное сожалѣніе, что онъ имѣетъ одного сильнаго злодѣя, который ему много вредитъ; тотъ началъ его спрашивать, — не такой-ли Н. Н.? — «Нѣтъ», отвѣчалъ Александръ Васильевичъ. — Не такой ли графъ Б.? — Опять отвѣчаетъ: — «нѣтъ». Наконецъ, съ осторожностію, чтобы никто не подслушалъ, заперъ онъ дверь ключемъ: — «теперь,» сказалъ онъ ему тихонько, «высунь языкъ — вотъ твой врагъ!»

— Князь, какъ всѣмъ извѣстно, любилъ забавляться странными вопросами; а удачные отвѣты его веселили. Однажды онъ спросилъ встрѣтившагося съ нимъ: «далеко ли отсюда къ небу?» Отвѣтъ: «два Суворовскіе перехода.» И Суворовъ расцаловалъ его. — Также спросилъ онъ, въ трескучій морозъ, стоявшаго на часахъ: «сколько на небѣ звѣздъ?» — Тотъ отвѣчалъ: «сейчасъ перечту», — и началъ: «разъ, два, три, и такъ далѣе.» Когда онъ насчиталъ до тысячи и болѣе, тогда Александръ Васильевичъ, сильно прозябнувъ, спросилъ его имя и ускакалъ. На другой день онъ былъ пожалованъ унтеромъ, — и Суворовъ сказалъ: «Нѣтъ, онъ меня перехитрилъ.»

Егоръ Фуксъ.

— Когда Суворовъ, за взятіе Праги и Варшавы и за водвореніе спокойствія въ Польшѣ, былъ пожалованъ въ фельдмаршалы [1]), князь Николай Васильевичъ Репнинъ отправилъ къ нему — съ поздравленіемъ — маіора, весьма расторопнаго и на словахъ бойкаго.

Суворовъ принялъ его вѣжливо, но, стараясь всячески уловить на *немогузнайствѣ* [2]), никакъ не могъ въ томъ успѣть. На вопросы: *сколько на небѣ звѣздъ? Сколько въ рѣкѣ рыбъ?* — маіоръ сыпалъ милліоны. Наконецъ фельдмаршалъ спрашиваетъ:

«А какая разница между княземъ Николаемъ Васильевичемъ и мною?

Отвѣтъ на подобный вопросъ былъ затруднителенъ, но маіоръ, не теряя присутствіе духа, сказалъ:

— Разница та, что князь Николай Васильевичъ желалъ бы меня произвести въ полковники, но не можетъ; а вашему сіятельству стоитъ только лишь захотѣть.

Этотъ неожиданный отвѣтъ такъ понравился Суворову, что онъ тутъ-же, по данной ему власти, поздравилъ находчиваго маіора съ этимъ чиномъ.

— Располагая планъ нѣкотораго сраженія, Суворовъ поручилъ отрядъ войскъ одному полковнику, котораго почиталъ опытнымъ воиномъ. Сраженіе было выиграно, и одинъ только этотъ полковникъ, по неосторожности, очень худо выполнилъ порученіе Суворова, былъ разбитъ и лишился большей части ввѣреннаго ему отряда.

Фельдмаршалъ сзываетъ весь свой штатъ и приказываетъ также явиться полковнику. Тотъ въ-смущеніи ожидаетъ строжайшаго выговора, ареста, а, можетъ быть, и болѣе важнаго наказанія; но Суворовъ, къ-удивленію, принимаетъ его очень ласково и говоритъ ему:

---

[1]) Императрицею Екатериною Второю.

[2]) Суворовъ терпѣть не могъ, когда кто, на какой либо вопросъ его, отвѣчалъ: «*не могу знать.*»

Щ.

«Не безпокойся, — виноватъ тотъ, кто сдѣлалъ дурной выборъ. Это ошибка фельдмаршала, — онъ и долженъ быть за то наказанъ... Господинъ адъютантъ, возьмите мою шпагу! Суворовъ арестуетъ фельдмаршала на два часа.»

Адъютантъ принялъ шпагу, а Суворовъ удалился въ особенную комнату, въ которой и пробылъ до тѣхъ поръ, пока адъютантъ не объявилъ, что *арестъ кончился*.

— Суворовъ любилъ, чтобы каждаго начальника подчиненные называли именемъ и отчествомъ, какъ водится по-русски. У присланнаго отъ адмирала Ушакова офицера, родомъ Нѣмца, съ извѣстіемъ о взятіи Корфу, Александръ Васильевичъ спросилъ:

«Здоровъ ли другъ мой — Ѳедоръ Ѳедоровичъ?

Офицеръ, мало понимавшій по-русски, не зналъ, о чемъ спрашиваютъ. Ему шепнули, что объ Ушаковѣ.

— Ахъ, да!... господинъ адмиралъ фонъ-Ушаковъ здоровъ! спѣшилъ отвѣчать Нѣмецъ.

«Возьми назадъ свое *фонъ*, — гнѣвно сказалъ фельдмаршалъ, — «и раздавай кому хочешь, а побѣдителя Турецкихъ флотовъ на Черномъ Морѣ, потрясшаго Дарданеллы и покорившаго Корфу, называй: Ѳедоръ Ѳедоровичъ Ушаковъ.»

— Суворовъ сказалъ однажды генералу Курису:

«Надобно, чтобы меня какъ-можно скорѣе послали противу генерала Бонапарте; а безъ-этого онъ кончитъ тѣмъ, что побьётъ Нѣмцевъ и наконецъ придетъ въ Россію.»

Это удивительное предсказаніе сбылось — къ погибели Наполеона.

С. О.

НАСИЛЬСТВЕННОЕ РАСПРОСТРАНЕНІЕ ПОЛЯКАМИ УНІИ И РИМСКАГО КАТОЛИЧЕСТВА ВЪ ЗАПАДНОЙ И ЮЖНОЙ РОССІИ.

I.

Начало Латинства.

Поляки, опасаясь дурныхъ для себя послѣдствій отъ близкаго сосѣдства съ Литвой и Русью, стали думать: какъ бы имъ избавиться отъ этой опасности и, если можно, подчинить себѣ Литовско-Русское Государство. Для этого они воспользовались слабодушіемъ Литовскаго князя Ягайлы, котораго, обѣщаніями Польско-литовской короны и польской королевны Ядвиги въ супружество, успѣли не только склонить къ принятію Римско-католической вѣры, но даже и ко введенію ея на Литвѣ. Въ 1386 году былъ совершенъ бракъ Ягайлы съ Ядвигой, при которомъ онъ совершилъ тяжкій грѣхъ: отрекся отъ Православной вѣры и прежняго имени Якова,

принялъ Латинство съ новымъ именемъ Владислава, и, возвратившись на Литву, силою сталъ крестить народъ въ Латинство. Въ Вильнѣ, гдѣ уже половина населенія исповѣдывала Православіе и гдѣ язычество было значительно ослаблено постоянными сношеніями съ Русскими, Ягайло, принужденіями и подарками, успѣлъ въ своемъ предпріятіи; но на Жмуди онъ не имѣлъ никакого успѣха. Основавши въ Вильнѣ нѣсколько костеловъ, Ягайло возвратился въ Польшу, предоставивъ дальнѣйшее распространеніе Римско-католической вѣры своимъ намѣстникамъ и Полякамъ. Съ этихъ-то поръ и начало распространяться въ Западно-Русскомъ краѣ Латинство, погубившее сотни тысячъ православныхъ христіанъ, а вмѣстѣ съ Латинствомъ начала распространяться въ Западномъ-Краѣ такъ-называемая *Польщизна*, то-есть польскій языкъ, польскіе нравы и обычаи, которыхъ до той поры никто въ немъ ни видомъ не видалъ, ни слыхомъ не слыхалъ.

Дѣла эти, какъ и слѣдовало ожидать, устраивались Поляками съ разными хитростями и насиліями. Начиная съ Ягайлы, они постоянно выбирали своими королями великихъ князей Литовскихъ, которые жили большею-частію въ Польшѣ, принимали Латинскую вѣру и дѣлались самыми ревностными гонителями Православія и покровителями Латинства и Польщизны. Примѣру великихъ князей слѣдовали многіе князья удѣльные и бояре, также дѣлавшіеся сторонниками Польши. Отъ князей и бояръ не отставали и нѣкоторыя духовныя лица, надѣявшіяся получить отъ Римскихъ папъ денежныя выгоды и мірскія почести. Вѣрными же Православной вѣрѣ и Русской народности долѣе другихъ оставались: низшее духовенство, горожане и простой народъ, которыхъ нельзя было совратить ни ласками, ни угрозами. Это совращеніе въ Латинство и ополячиваніе совершалось самымъ коварнымъ образомъ. Тѣ изъ князей и бояръ, которые дѣлались отступниками, получали великія милости и почести, вѣрные же сыны Православія были гонимы и преслѣдуемы въ государствѣ: имъ не позволяли ни участвовать въ сенатѣ, ни занимать высшихъ государственныхъ должностей. Наконецъ, и изъ оставшихся вѣрными православію — нѣкоторые, долго терпя обиды и оскорбленія, завидуя также своимъ отщепившимся собратьямъ, стали дѣлаться невѣрными, такими же точно отступниками, какъ и первые. При содѣйствіи этихъ-то отступниковъ, Поляки и начали сѣять первыя сѣмена Латинства въ Западномъ-Краѣ: начали заводить ксендзовъ, строить костёлы. Но, наславши ксендзовъ и настроивши костеловъ, Поляки должны были еще добыть и прихожанъ, чтобы пришлые ксендзы не сидѣли безъ дѣла; прихожанъ же для нихъ, за исключеніемъ небольшого числа совратившихся помѣщиковъ, въ Западномъ-Краѣ совершенно не было: сплошное населеніе его давнымъ-давно уже исповѣдывало Православную вѣру и имѣло свои Православные храмы и Православныхъ священниковъ. Что же тутъ было дѣлать Полякамъ? Конечно, имъ нужно было перевернуть Православныхъ въ Римскихъ католиковъ. Вотъ и стали они думать, какъ перевернуть ихъ. Съ князьями и боярами, легко поддававшимися соблазну земныхъ выгодъ, много терявшими отъ уменьшенія ихъ правъ, Полякамъ удалось справиться скоро: они перешли въ Латинство, не желая подвергаться оскорбленіямъ, насмѣшкамъ, утратѣ благъ мірскихъ, власти и значенія; но съ народомъ, полагавшимъ всё свое богатство въ Православной вѣрѣ и въ своей Русской старинѣ, имъ нельзя было этого сдѣлать. Поляки пытались-было сначала силою обратить народъ въ Латинство, но увидѣли грозное сопротивленіе, и притихли.

Не надѣясь на собственное искусство, они обратились за помощью къ хитрѣйшимъ людямъ — *ксендзамъ-езуитамъ*. Езуиты, какъ и слѣдовало ожидать, скоро уладили это нечистое дѣло: выдумали *Унію*, то-есть, соединеніе Православной вѣры съ Латинскою — чрезъ признаніе православными главою своимъ Римскаго папы. Научивши Поляковъ поднять противъ православныхъ гоненія, езуиты, какъ-будто ничего не зная, говорили имъ такъ: «васъ гонятъ и преслѣдуютъ со всѣхъ сторонъ, но папа не дастъ васъ въ обиду. Всѣ ваши православные обряды оставьте безъ измѣненій, только папу Римскаго признайте своимъ главою!» Такъ они говорили, но не такъ поступали на дѣлѣ. Лишь только нѣкоторые православные, поддавшись обману, признали папу главою своей Церкви и стали поминать его во время богослуженія вмѣсто своихъ православныхъ митрополитовъ и архіереевъ, какъ въ это же время езуиты и Поляки потребовали отъ нихъ и другихъ нововведеній: потребовали, чтобы они заводили въ своихъ церквахъ органы, скамьи, латинскія мши, молитвы, а наконецъ и ксендзовъ, вмѣсто священниковъ, словомъ сказать — потребовали всего того, что составляетъ чистое Латинство. Такъ на дѣлѣ выходило, что принимавшіе Унію принимали и Латинство, а вмѣстѣ съ нимъ и Польщизну. Мало по малу, православные князья и бояре, совратившіеся, начинали говорить по-польски, жить по-польски, обзаводиться ксендзами и костелами, и начинали угнетать свою православную братью; Такъ совратились въ Латинство православные роды: Тышкевичей, Гедройцевъ, Воловичей, Хребтовичей, и прочіе. Православные священники, совратившіеся, брили бороды, сбрасывали съ себя священническія одежды и одѣвались въ ксендзовскія сутаны, ходили по костеламъ, дружились съ ксендзами и ничѣмъ почти отъ нихъ не отличались; простой народъ, совратившійся, старался какъ-можно-болѣе походить на своихъ пановъ — и по языку, и по вѣрѣ, чтобы не быть хлопами и не исповѣдывать хлопской (то-есть, Православной) вѣры, къ которой принадлежали его предки и которую исповѣдывали его православные собраты.

Но гораздо легче было выдумать Унію, чѣмъ ввести ее. Унія сначала невзлюбилась всему православному русскому населенію, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ совратившихся духовныхъ и помѣщиковъ. Ласки и угрозы тутъ не имѣли успѣха: Поляки взялись за оружіе, и начали вводить Унію силою. Послышались жалобы со всѣхъ сторонъ на притѣсненія Поляковъ, но Поляки не обращали на эти жалобы вниманія; поднялся народъ на защиту своей вѣры и народности, но противъ него Поляки высылали вооруженныя арміи жолнеровъ и ксендзовъ, и долго поливалась Русскою кровью и засѣвалась Русскими костями Русская земля, пока наконецъ не пала — подъ ударами Русскихъ — Польша.

Чтобы имѣть болѣе ясное понятіе о томъ, какъ вводилась въ Западномъ-Краѣ Унія, мы приведемъ въ подлинникѣ два документа, современные ей, изъ которыхъ дѣло скажется само собой.

Въ прошеніи, поданномъ отъ имени всего православнаго народонаселенія Западнаго-Края Польскому правительству въ 1632 году, говорится слѣдующее:

„Всему свѣту извѣстно, въ какомъ состояніи былъ славный, древній Русскій народъ — за нѣсколько предъ этимъ лѣтъ; а теперь онъ, подобно возлюбленному нѣкогда Богомъ народу Израильскому, съ-плачемъ о состояніи своемъ вопіетъ: вотъ, мы теперь уничижены болѣе всѣхъ людей, живущихъ на землѣ; мы не имѣемъ ни князя,

ни вождя, ни пророка, ни жертвъ, которыми бы могли умилостивить милосердаго Бога; но въ сердцѣ сокрушенномъ и смиренномъ да будемъ пріятны предъ Тобою, Господи! Но какая тому причина? что терзаетъ наши утробы? То, что права наши поруганы, вольность попрана, святые храмы, издавна сооруженные, иные запустѣли, иные и до-нынѣ запечатаны, чтобы возбранить намъ входъ въ нихъ для поклоненія Единому въ Троицѣ Богу. Знаменитѣйшія наши особы изгнаны изъ правительства за то только, что они Русскіе... и никто не защищаетъ насъ отъ сихъ и симъ подобныхъ обидъ и притѣсненій. Многіе изъ гражданъ съ сердечною горестію доносили, что, при разграбленіи и раззореніи церквей, при всякомъ личномъ нашемъ угнетеніи, дѣти наши въ младенчествѣ умираютъ безъ крещенія, или очищенія грѣховъ; совершенно возрастные живутъ внѣ законнаго брака, а что всего хуже, безъ исповѣди и причастія Святыхъ Таинъ лишаются временной и вмѣстѣ вѣчной жизни; мертвецы наши погребаются безъ подобающихъ Православной Церкви обрядовъ. Не насиліе ли это совѣсти? не нарушеніе ли это прежней нашей золотой вольности? Чье не содрогнется сердце, чья не подвинется на сожалѣніе душа?... Не довольно, что знаменитый народъ Русскій доведенъ до такой бѣды и тяжкаго угнетенія, будучи, Богъ вѣсть, за что гонимъ; — лишили насъ еще и безцѣннаго сокровища — золотой свободы, наглымъ образомъ присвоивъ оную себѣ, подъ предлогомъ, будто исповѣдующіе только Римскую вѣру могутъ получить прежнюю вольность"...

Въ другомъ памятникѣ говорится слѣдующее:

„Вкратцѣ описываемъ и исчисляемъ въ Королевствѣ Польскомъ и Великомъ Княжествѣ Литовскомъ причиняемыя гоненія. Въ Кіевѣ церковь Святыя Софіи и другія опустошены. Монастырь Выдубицкій уніятами ограбленъ. Въ Луцкѣ храмы Божіи обращены въ питейные домы. Въ Хелмѣ, Львовѣ и другихъ мѣстахъ открыто ходить со Святыми Тайнами къ больнымъ и погребать тѣла умершихъ христіанъ запрещено. Въ Вильнѣ церкви на кабаки, кухни и на гостинные домы превращены. Въ Минскѣ церковную землю на построеніе Татарской мечети употреблено. Въ Полоцкѣ — кандалами — къ Уніи православныхъ принуждали. Въ Туровѣ насильно церкви, со всею утварью и имуществомъ, отобраны, и епископъ благочестивый оттуда выгнанъ..."

Такъ распространялась въ Западномъ-Краѣ Римско-католическая вѣра!

(Изъ статьи: *«Православіе и Латинство въ Западно-Русскомъ Краѣ»*.)

II.

Мѣсто изъ «Прошенія» Русскихъ православныхъ людей, поданнаго Польскому правительству въ 1623 году.

Въ Бѣлоруссіи, въ Оршѣ и въ Могилевѣ владыка Полоцкій, приверженецъ уніатства *(Іосафатъ Кунцевичъ)*, запечаталъ церкви, и уже пять лѣтъ держитъ ихъ такъ. Въ Полоцкѣ и Витебскѣ мы не можемъ имѣть для богослуженія ни церкви, ни дома. Мѣщане тамошніе въ воскресные и праздничные дни, чтобы не оставаться безъ богослуженія, выходятъ за городъ въ поле и совершаютъ его, да и-то — безъ священника, потому-что не дозволено имѣть священника ни въ городѣ, ни вблизи города. Бѣдный народъ, не желая оставить вѣры, въ которой родился, и предаться другой, возитъ дѣтей для крещенія дальше-чѣмъ за десять миль *(около ста верстъ)*, при чемъ многія дѣти уми-

раютъ безъ крещенія — отъ дальности и неудобствъ пути. Точно также далеко должны ѣздить вступающіе въ бракъ. Много уже есть такихъ, что во всю жизнь не могли сподобиться ни исповѣди, ни причастія, и отходятъ на тотъ-свѣтъ безъ христіанскаго напутствія. Но что всего хуже, что составляетъ варварство и звѣрство выше вѣроятія, — въ томъ же Бѣлорусскомъ Полоцкѣ — тотъ же отступникъ, владыка Полоцкій *(Кунцевичъ)*, чтобы досадить тамошнимъ мѣщанамъ, приказалъ вырыть недавно похороненныя подлѣ церкви христіанскія тѣла умершихъ, и бросить на съѣденіе собакамъ, какъ какую падаль... О, нечестіе! О, невыносимая неволя! И подобныя беззаконія и притѣсненія, подобную неволю, хуже Турецкой неволи, терпимъ по всѣмъ воеводствамъ и повѣтамъ — мы, народъ Русскій, несдѣлавшій ничего дурного ни противъ его величества *(короля)*, ни противъ отечества. Двадцать-восемь уже лѣтъ, каждый сеймъ, говоримъ о нихъ, плачемъ, умоляемъ о милосердіи, справедливости, — и не можемъ получить ихъ.

(Перевелъ съ Польскаго Михаилъ Кояловичъ.)

---

* Выведенный изъ терпѣнія — насиліями и жестокостями Іосафата Кунцевича, Русскій народъ, въ отчаяніи, и обороняя Православную вѣру, убилъ этого мучителя и гонителя своего. Римскій папа настаивалъ на томъ, чтобъ король Польскій «не пожалѣлъ ни огня, ни желѣза» для наказанія жителей Витебска и окрестныхъ мѣстъ за смерть Іосафата, — и Поляки казнили смертію за это пять-тысячъ человѣкъ Русскаго православнаго народа, и залили кровью Витебскъ — въ угоду Римскому папѣ и Польскимъ ксендзамъ.

Нынѣшній-же Римскій папа недавно причислилъ этого самаго гонителя Православія, Іосафата Кунцевича, къ лику своихъ, Католическихъ, святыхъ. *Ш.*

III.

Бѣлорусская народная пѣсня.

(Записана въ Минской губерніи.)

Изъ-за Слуцка, изъ-за Клецка,
Ѣдзе дружба [1]) молодецка,
Отъ княжати, изъ подъ Минска,
Воевати мѣста Пинска,
Мѣста Пинска воевати,
Одъ Ляховъ [2]) обороняти.
Хоть пришли — не дали рады [3]),
Погинули вси отъ здрады... [4])

---

[1]) *Дружина*, полкъ.
[2]) *Ляхи* — Поляки.
[3]) *Рада* — совѣтъ.
[4]) *Здрада* — измѣна.

А я пойду — въ постъ великій —
До Турова, до владыки,
Щобъ молебенъ отслужити....
Дай покаюсь за грѣхи:
День и ночь буду молити,
День и ночь буду просити,
Щобы сгинули Ляхи!

IV.

Изъ разсказовъ Малороссійскихъ стариковъ.

1.

Въ Никольской церкви былъ священникъ, Евстаѳій Каряка. Поляки стали подбивать его, чтобъ поѣхалъ въ Польшу и высвятился на *Унію:* «Поѣзжай, поѣзжай, Евстаѳій, тебѣ лучше будетъ (тòбѣ лѣпѣй бѐндзѣ)». Онъ и поѣхалъ — посвятился и воротился *уніатомъ*.... Вотъ въ Троицкой церкви *благочестіе**), а у насъ *Унія,* и такъ прошло, лѣтъ, можетъ быть, нѣсколько. Вотъ какъ пойдемъ, бывало, въ какой-нибудь монастырь говѣть, то монахи насъ и учатъ: — «Добейтесь — говорятъ — у преосвященнаго, чтобы и у васъ было *благочестіе.*»

А эта эпархія принадлежала тогда къ Переяславу. А преосвященнымъ въ Переяславѣ былъ Гервасій. Вотъ отецъ мой поѣхалъ туда съ работникомъ Шпакомъ: — «Ваше преосвященство! Мы пріѣхали просить, чтобы и у насъ было *благочестіе,* какъ у другихъ людей; а у насъ *Унія*, которой мы и терпѣть не можемъ». Преосвященный говоритъ: — Дѣтки! Просите Каряку, пускай ко мнѣ пріѣдетъ. Я благословлю его на *благочестіе*». А отецъ говоритъ: — «Святой владыко! Мы просили его всѣмъ обществомъ, — да онъ не вѣритъ.... Онъ говоритъ: тогда у васъ будетъ *благочестіе,* какъ у меня на ладони выростутъ волосы». Вотъ преосвященный и говоритъ: «Люди добрые, обождите же; онъ опомнится да не въ пору.... Поѣзжайте — говоритъ — дѣтки, домой: священникъ вамъ будетъ».

А въ то время былъ въ Ревовкѣ молодой священникъ, Максимъ Левитскій. Ляхи его мучили, чтобъ сдѣлался *уніятомъ:* сыпали ему за голенища раскаленныя уголья и на колесо тянули: но онъ ушелъ и явился въ Переяславѣ къ преосвященному. Тамъ мой отецъ и видѣлъ его. Былъ на ту пору въ Переяславѣ и церковный староста (ктиторъ) изъ Мліева. Онъ взялъ Ляшскій антиминсъ изъ церкви и привезъ къ преосвященному. Такъ отецъ и его видѣлъ тамъ....

Ну, вотъ — какъ сказалъ преосвященный: «Поѣзжайте домой, а священникъ вамъ будетъ», то отецъ и поѣхалъ назадъ со Шпакомъ. Пе-

---

*) *Благочестіе,* то-есть, Православная, Восточная, Греко-Россійская Церковь, почитающая *главою* своимъ самого *Господа нашего Іисуса Христа;* тогда-какъ Римское Католичество и Унія признаютъ *главою* своимъ *Папу Римскаго.* *Щ.*

реправа черезъ Днѣпръ была тогда только въ Сокирной да въ Домонтовѣ. По сю сторону стояла вездѣ на пикетахъ Польская стража, а по ту — Гетманцы*) на редутахъ. Ночью, бывало, и кричатъ (намъ въ Черкасахъ и слышно) — одинъ: «Славенъ городъ Петербургъ!», а другой: «Славенъ городъ Переяславъ!» Всё города славили: такой, вишь, сигналъ былъ. Такъ два перевоза только было тогда. Заплатишь, бывало, индукту, такъ и пропустятъ. Пріѣзжаетъ отецъ въ Домонтовъ, такъ тутъ — отъ брата гонецъ. Братъ нанялъ гонца и передалъ черезъ него на словахъ: «Пускай», говоритъ, «не ѣдетъ на Черкасы; уже Ляхи провѣдали, и караулятъ на дорогѣ, чтобъ поймать». Тогда отецъ со Шпакомъ — въ Богушкову слободку. Нанялъ тамъ рыбака, чтобъ переправилъ его тайно на сю сторону, а лошадей и Шпака оставилъ за Днѣпромъ. Пришелъ домой — бѣда: ищутъ его Ляхи, чтобы извести. Онъ — къ зятю, и жилъ тамъ съ мѣсяцъ въ загородѣ, пока всё успокоилось.

Какъ успокоилось, то началъ отецъ жить уже дома; только всё еще опасался.... Какъ присылаетъ за нимъ однажды панъ эскадронный. Въ то время стояла у насъ въ Черкасахъ команда, и отецъ обшивалъ для ней ладунки. Пошелъ онъ къ эскадронному, на то самое мѣсто, гдѣ теперь присутственныя мѣста стоятъ. «Прихожу — говоритъ — туда, смотрю, привезли Млѣвскаго церковнаго старосту, что видѣлъ я у преосвященнаго. Руки у него связаны назади, а самъ онъ привязанъ къ телегѣ. Я — говоритъ — какъ увидѣлъ, такъ и замеръ: думалъ, что и меня затѣмъ призвали. Какъ тутъ выходитъ эскадронный: — «ну, цехмистеръ, смотри же, чтобы у тебя были къ средѣ ладунки готовы» — «Будутъ, говорю, вельможный панъ!» А онъ: — «Ступай же», говоритъ, «да чтобъ были». У меня — говоритъ отецъ — и на душѣ немного легче стало. Скорѣй оттуда....

А того церковнаго старосту повезли въ Млѣвъ, и есть тамъ возлѣ Млѣва плотинка и верба: то на тѣхъ вербахъ повѣсили его за руки и всячески мучили. Обмотаютъ пенькою, обмажутъ пеньку смолой и зажгутъ. А замучивши, отсѣкли ему голову и выставили на выгонѣ, на высокомъ столбѣ.... Но кто-то ночью укралъ ту голову и свезъ въ Переяславъ къ преосвященному. Тогда преосвященный началъ больше прежняго стараться, чтобы у насъ было *благочестіе*.

Вотъ однажды приходитъ къ отцу одинъ человѣкъ. — «Подите» — говоритъ — «сюда, панъ цехмистеръ: пріѣхалъ какой-то священникъ и зоветъ васъ къ себѣ». Пошелъ отецъ, смотритъ — это тотъ самый Левитскій, что былъ у преосвященнаго. — «Люди добрые», говоритъ, «прислалъ меня преосвященный, чтобъ я былъ у васъ священникомъ». А наши говорятъ: «хорошо, батюшка! Мы того и желаемъ». — «Пой-

*) Малороссіяне.

демте же» говоритъ «въ церковь». Пошли въ церковь. Онъ отслужилъ акаѳистъ, освятилъ церковь; обошли вокругъ церкви; а потомъ и говоритъ: «Люди добрые, дайте же мнѣ квартиру. У меня есть жена и двое дѣтокъ». Наши дали ему отъ общества хату. А потомъ уже онъ посылалъ въ Ревовку подводу: привезли ему попадью и двое дѣтей. Дочка была у него Евдокія да сынъ Алексѣй. И какъ пожилъ у насъ тотъ священникъ года два, то сдѣлали его протопопомъ.

2.

....Людей гоняли насильно къ присягѣ, и отецъ мой присягалъ на *Унію;* а иные не хотѣли и прятались. Не хотѣли нарушать вѣры, и ожидали такого времени, когда опять настанетъ *благочестіе:* И я тогда родился, когда появилась Магдебургія [1]). Отецъ не хотѣлъ крестить меня у *унгата*, а хотѣлъ везть въ Виногородскій Монастырь; наконецъ нашли какъ-то здѣсь священника и крестили меня тайно ночью.

3.

Базиліяне [2]), бывало, учатъ народъ Вѣрѣ *по-польски*, и который мальчикъ или дѣвочка проговоритъ заповѣдь, тому жена пана старосты [3]) давала по пятаку, по гривнѣ, или по крестику... Извѣстное дѣло — заманивала.

(Изъ книги: «Записки о Южной-Руси», изданной Пантелеймономъ Кулишомъ.)

V.

Конецъ гоненія на Православіе.

(Изъ епископской грамматы.)

(1795 года.)

Божіею милостію,

Аѳанасій, Епископъ Могилевскій и Полоцкій.

Съ самаго того времени, какъ великая часть Россійскихъ подданныхъ, Православную Греческую Вѣру исповѣдующихъ, въ смутныя времена Россіи — отъ истиннаго ея тѣла подъ иго Польское отторгнутая, и потомъ насильственно въ Унію съ Латинами приведенная, всесильною десницею Вышняго — возвращена подъ кроткій скипетръ законнаго своего Государя, — и какъ Ея священнѣйшее Величество Благочестивѣйшая Государыня Императрица Екатерина Вторая, попечительнѣйшая Христовой церкви защитница, — для сего единоплеменнаго, отъ нѣдръ Христіанскаго благочестія отторгнутаго и бѣдственно, ради Православія, отъ Поляковъ угнетаемаго народа, соизволила — въ губерніяхъ: Минской, Изяславской и Брацлавской установить священноначаліе, — оказалась во всей силѣ

---

[1]) Такъ разсказчикъ называлъ Польское военное управленіе.

[2]) Уніатскіе монахи.

[3]) Польскаго начальника. *Щ.*

похвальная ревность, съ каковою совращенные прежде въ ту Унію спѣшили возвратиться во объятія матери своей Восточной Церкви. Болѣе милліона разнаго пола и возраста, которыхъ праотцы, отцы, или сами они страхомъ и лестію совращены были съ пути истиннаго, присоединились нынѣ безбоязненно къ словесному Христову стаду. Быстрый успѣхъ сего спасительнаго обращенія тѣмъ вожделѣннѣе, что таковое соединеніе послѣдовало не насильственно; но каждый руководимъ къ тому былъ съ одной стороны святостію ученія, Греко-Россійскою Церковію исповѣдуемаго, съ другой Высочайшимъ — благочестивѣйшія самодержицы — удостовѣреніемъ, что когда Ея Величество дозволяетъ свободно и иновѣрнымъ исповѣдывать законъ, отъ предковъ каждымъ наслѣдованный: то не попуститъ отнюдь, чтобъ кто-либо, обращающійся въ вѣру Православную, въ Имперіи ея господствующую, — кольми же паче тѣ, которыхъ предки, или сами они изъ нѣдръ благочестія коварно и насильственно исторгнуты, — хотя малѣйшія обиды или угнетенія претерпѣли, въ чемъ, по волѣ Ея монаршей, установленныя начальства имѣютъ и имѣть будутъ бдѣніе, и озлобляемымъ подадутъ всегда руку законныя помощи.

ВОЗЗВАНІЕ И МАНИФЕСТЪ ИМПЕРАТОРА ВСЕРОССІЙСКАГО АЛЕКСАНДРА ПЕРВАГО, ВЪ 1812 ГОДУ, ВО ВРЕМЯ НАШЕСТВІЯ НА РОССІЮ ИМПЕРАТОРА ФРАНЦУЗОВЪ НАПОЛЕОНА.

1.

(Къ войску.)

Съ давняго времени замѣчали Мы непріязненные противъ Россіи поступки Французскаго императора, но всегда — кроткими и миролюбивыми способами — надѣялись отклонить оные. Наконецъ, видя безпрестанное возобновленіе явныхъ оскорбленій, при всемъ нашемъ желаніи сохранить тишину, принуждены Мы были ополчиться и собрать войска Наши, — но и тогда, ласкаясь еще примиреніемъ, оставались въ предѣлахъ Нашей Имперіи, не нарушая мира, а бывъ токмо готовыми къ оборонѣ. Всѣ сіи мѣры кротости и миролюбія не могли удержать желаемаго нами спокойствія. Французскій императоръ — нападеніемъ на войска наши при Ковно — открылъ первый войну. Итакъ, видя его никакими средствами непреклоннаго къ миру, не остается намъ ничего иного, какъ, призвавъ на помощь — свидѣтеля и защитника правды, Всемогущаго Творца небесъ, поставить силы Наши противъ силъ непріятельскихъ. Не нужно Мнѣ напоминать вождямъ, полководцамъ и войскамъ Нашимъ о ихъ долгѣ и храбрости. Въ нихъ издревле течетъ, громкая побѣдами, кровь Славянъ... Воины! вы защищаете вѣру, отечество, свободу. Я съ вами! — На начинающаго Богъ.

2.

(Ко всему народу Русскому.)

Непріятель вступилъ въ предѣлы наши, и продолжаетъ нести оружіе свое внутрь Россіи, надѣясь — силою и соблазнами — потрясть спокойствіе великой сей державы. Онъ положилъ въ умѣ своемъ разрушить славу ея и благоденствіе. Съ лукавствомъ въ сердцѣ и лестію въ устахъ, несетъ онъ вѣчныя для нея цѣпи и оковы. Мы, призвавъ на помощь Бога, поставляемъ въ преграду ему войска Наши, кипящіе мужествомъ попрать, опрокинуть его, и то, что остается неистребленнымъ, согнать съ лица земли Нашей. Мы полагаемъ на силу и крѣпость ихъ твердую надежду, но не можемъ и не должны скрывать отъ вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, что собранныя имъ разнодержавныя силы велики, и что отважность его требуетъ неусыпнаго противъ него бодрствованія. Сего ради, при всей твердой надеждѣ на храброе Наше воинство, полагаемъ Мы за необходимо нужное — собрать внутри государства новыя силы, которыя, нанося новый ужасъ врагу, составили бы вторую ограду въ подкрѣпленіе первой и въ защиту домовъ, женъ и дѣтей, каждаго и всѣхъ. Мы уже воззвали къ первопрестольному нашему граду Москвѣ, а нынѣ взываемъ ко всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ, ко всѣмъ сословіямъ и состояніямъ, духовнымъ и мірскимъ, приглашая ихъ, вмѣстѣ съ Нами, единодушнымъ и общимъ возстаніемъ, содѣйствовать противу всѣхъ вражескихъ замысловъ и покушеній. Да найдетъ онъ на каждомъ шагу вѣрныхъ сыновъ Россіи, поражающихъ его всѣми средствами и силами, не внимая никакимъ его лукавствамъ и обманамъ. Да встрѣтитъ онъ въ каждомъ дворянинѣ — Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ — Палицына, въ каждомъ гражданинѣ — Минина! Благородное дворянское сословіе! ты, во всѣ времена, было спасителемъ отечества. Святѣйшій Сунодъ и духовенство! вы всегда, теплыми молитвами своими, призывали благодать на главу Россіи. Народъ Русскій! Храброе потомство храбрыхъ Славянъ! ты неоднократно сокрушалъ зубы устремлявшихся на тебя львовъ и тигровъ... Соединитесь всѣ — со крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ, — никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ!

КРЕСТЬЯНЕ ВЪ 1812 ГОДУ.

(По разсказу сельскаго священника.)

Въ 50 верстахъ отъ большой Смоленской дороги (въ Сычевскомъ уѣздѣ) течетъ рѣчка Разуза: на правомъ берегу этой рѣчки, по пригорку, въ-безпорядкѣ разбросана усадьба хутора Лёвшина.

Въ полуверстѣ отъ хутора, по другую сторону рѣчки, находится большое село Дугино.

Помѣщикъ почти каждое лѣто проводилъ въ селѣ Дугинѣ; оно было однимъ изъ лучшихъ и любимѣйшихъ его помѣстій.

Я обучался грамотѣ не въ сельской школѣ, а подъ руководствомъ сельскаго священника, отца Василія, который за понятливость и прилежаніе полюбилъ меня, какъ сына своего. Нерѣдко по цѣлымъ недѣлямъ проживалъ я въ домѣ его, въ кругу семейства, которое также любило и принимало меня, какъ своего родного.

Въ одинъ іюньскій вечеръ, старикъ священникъ, вставъ съ дивана и обратясь ко мнѣ, сказалъ: «пойдемъ, сынъ мой, подышать вечерней прохладой; сегодняшній вечеръ какъ-то особенно прекрасенъ».

Мы вышли изъ дома, и молча направились къ церкви, откуда поворотили вправо, и вошли чрезъ калитку на кладбище.

Священникъ, проходя мимо чернаго деревяннаго креста, остановился и снялъ шляпу.

Предпочтеніе, отданное священникомъ черному кресту предъ другими, подстрекнуло мое любопытство, и я спросилъ: «кто погребенъ подъ тѣмъ крестомъ, предъ которымъ мы останавливались?»

«На крестѣ этомъ», отвѣчалъ онъ, «на мѣдной дощечкѣ написано»:

«Староста Тимоѳей Архиповъ, сраженный пулею непріятельскихъ фуражировъ, 15 августа 1812 года».

Священникъ вздохнулъ и, перекрестясь, сказалъ: «Царство ему Небесное! Хорошій былъ человѣкъ, Тимоѳей Архиповъ! Набоженъ въ высшей степени, смиренъ, честенъ, правдивъ и вѣренъ своей совѣсти; его любили всѣ — и старые, и малые. Онъ былъ старостой хутора Лѣвшина».

Такъ началъ разсказъ свой священникъ о старостѣ Тимохѣ.

«Это было 15 августа 1812 года, вскорѣ послѣ осады Французами Смоленска. Староста Тимохъ, съ семействомъ своимъ — женой и двумя дочерьми, сидѣлъ на завалинкѣ избы и о чемъ-то разговаривалъ; тутъ находился и сынъ сельскаго бурмистра, Иванъ — женихъ старшей дочери его, Дуняши.

Въ это время, въ концѣ хутора, послышался заунывный гулъ колокольчика.

Облако пыли, всё ближе и ближе клубясь, неслось къ нимъ; изъ-за него не видно было ни лошадей, ни сѣдока; наконецъ телега своротила вправо отъ дороги, и стороной направилась прямо къ дому старосты.

— Гляди, гляди, дядя Тимохъ, вскричалъ Иванъ, — да никакъ это Вавила выборный?

Пара лошадей, покрытыхъ потомъ и пылью, бойко подкатила къ дому телегу, и остановилась, тяжело дыша.

Вавила, запыленный съ головы до ногъ, проворно соскочилъ съ телеги. «Дядя Тимохъ, Французы идутъ къ намъ», сказалъ пріѣзжій, и

затѣмъ принялся разсказывать въ короткихъ словахъ: какъ онъ-де былъ въ селѣ Торбеевѣ, и видѣлъ, какъ тамъ Французы наваливали на телеги мѣшки съ хлѣбомъ и гнали крестьянскій скотъ по дорогѣ къ Вязьмѣ; а нѣкоторые, отдѣлясь отъ команды, направились по нашей дорогѣ. Вотъ я и спѣшилъ упредить своихъ, добавилъ Вавила. На пути я останавливался въ деревняхъ, и строго приказывалъ вывозить всѣ пожитки въ лѣсъ и самимъ убираться туда же.

Тимохъ всталъ, провелъ рукою по окладистой бородѣ и, обратясь къ Вавилѣ, сказалъ: «поѣзжай скорѣй въ село, — мѣшкать некогда».

Вавила отправился, а староста тотчасъ-же отрядилъ одного изъ своихъ работниковъ сообщить хуторскимъ о скоромъ прибытіи Французовъ.

Въ-мигъ весь хуторъ пришелъ въ движеніе. Люди бѣгали изъ дому въ домъ, изъ одного конца хутора въ другой; суетились, таскали на подводы пожитки, укладывали воза̀, увязывали ихъ, привязывали и вновь развязывали. Дѣти плакали, скотъ ревѣлъ.

Черезъ два часа потянулись по дорогѣ къ рощѣ длинные обозы крестьянскихъ пожитковъ и стада̀ рогатаго скота; снова всё смолкло.

Въ избѣ старосты происходило другое: Тимохъ, послѣ сдѣланнаго распоряженія объ уборкѣ изъ амбаровъ хлѣба и отправленія изъ хутора семейства своего, собралъ десятка три молодыхъ парней и говорилъ имъ:

— А что̀, братцы, я задумалъ сдѣлать хорошее дѣло, да не знаю, какъ оно вамъ понравится?

Всѣ молчали: каждый увѣренъ былъ, что Тимохъ неспособенъ на худыя дѣла, и что уже онъ задумалъ сдѣлать, къ тому смѣло приступай: и хорошо будетъ, и прочно.

Тутъ Тимохъ расказалъ имъ вотъ-что:

«Вчера я былъ въ селѣ по своему дѣлу. Управляющій много говорилъ со мной, и подъ-конецъ разсказалъ мнѣ такую знатную исторію про нашихъ православныхъ мужичковъ, что и теперь еще сердце прыгаетъ отъ радости, да забылъ я, какой они были деревни... Ну, да всё равно, какой-бы тамъ ни были.

«Вотъ собралось къ мірской избѣ мужичковъ человѣкъ эдакъ съ 50, и всѣ они — парни молодые, дюжіе; посидѣли, какъ водится, покалякали, да и порѣшили идти на Француза.

«Пошли и снарядились. Взявъ въ руки, кому что приглянулось, — кто топоръ, а кто багоръ, одинъ дубину, другой ружье, у кого оно было, — привалили всей ватагой къ избѣ своего старосты. Требуютъ его къ себѣ.

«У старосты проживалъ служивый братъ его, отставной солдатъ на деревяшкѣ; — сердцемъ здоровый и натурой крѣпкій человѣкъ. Вышелъ онъ къ нимъ и спрашиваетъ: «что̀, братцы, вамъ нужно?»

— «На̀большаго, прокричали въ-одно-слово удальцы: — на Француза хотимъ идти!»

— «Хорошее дѣло задумали вы, братцы — сказалъ солдатъ — примите и меня въ свою компанію: можетъ быть, и я вамъ буду на что-нибудь пригоденъ».

— «Милости прошу къ нашему шалашу, служба», проговорилъ одинъ изъ бойкихъ и красивыхъ парней, выйдя нѣсколько впередъ. — «Старый конь борозды не портитъ, говоритъ пословица. Силой не приневоливаемъ, и желающихъ не гонимъ отъ себя».

— «Сейчасъ-же, братцы, мы приготовимся и выйдемъ», сказалъ солдатъ и заковылялъ въ избу.

«Черезъ полчаса, партія православныхъ удальцовъ, подъ командою своего старосты и отставного солдата, съ пѣснями прошла по селу и направилась къ большой Смоленской дорогѣ, гдѣ, раздѣлясь на двѣ партіи (въ одной за нàбольшаго былъ поставленъ староста, а въ другой — отставной солдатъ), засѣла по обѣимъ сторонамъ ея, на опушкѣ лѣса, въ густомъ кустарникѣ, и ожидала непріятеля.

«Въ передніе ряды — солдатъ распорядился поставить людей съ ружьями, за ними — съ топорами, а потомъ — съ дубьемъ и баграми.

«Были сумерки. Французовъ прошло видимо-невидимо! Наши сидѣли въ кустахъ смирно, ни-гу-гу! Вотъ, часу эдакъ въ 10-мъ, удальцы замѣтили непріятельскія повозки, числомъ около 15, а при нихъ и солдатъ, числомъ съ 20, съ ружьями.

«Дорога начиналась тяжелая, песчаная; измученныя лошади то-и-дѣло останавливались. Французы разсудили лучше переночевать на дорогѣ, чѣмъ надрывать животину, а потому и свернули на лужайку, гдѣ, распрягши лошадей, развели огонь, и, повѣсивши надъ нимъ котелокъ, сѣли всѣ въ кружокъ. Нѣкоторые, не желая дожидаться ужина, сняли съ повозки ранцы и тотчасъ же улеглись спать. Такъ прошло часа съ два; вскорѣ послѣ ужина и остальные стали расходиться на покой; подъ-конецъ, часу во второмъ, всё смолкло, и огонь потухъ, только и слышны были шаги часового у ружей, да всхрапыванье спавшихъ.

«Удальцы наши, пообождавъ маленько и давъ сну поразмаить хорошенько усталыхъ Французовъ, свисткомъ подали другъ другу знакъ къ началу дѣйствія.

«Вотъ вышли они изъ кустовъ и поползли на четвереньках къ лужайкѣ. Ночь была свѣтлая, лунная. Часовой, замѣтивъ движеніе нашихъ, выстрѣлилъ по нимъ. Въ это время удальцы, не давъ Французамъ очнуться отъ сна, съ-крикомъ бросились на спящихъ, а нѣкоторые на повозки ихъ, и чрезъ полчаса большая часть непріятеля была положена на мѣстѣ, а остальная, связанная по рукамъ возжами, стояла у повозокъ.

«Нашихъ Богъ помиловалъ: всѣ до-одного оказались на лицо.

«Съ-разсвѣтомъ наши вступили въ село съ пѣснями, — за ними шли

плѣнные Французы, и тянулись повозки ихъ, наполненныя съѣстными припасами.

«Всё село, отъ стараго до малаго, высыпало на-встрѣчу побѣдителямъ Французовъ, которые направились прямо къ дому управляющаго, гдѣ и остановились.

«Вышелъ управляющій, подивился смѣлости своихъ удальцовъ и приказалъ разойдтись по домамъ, а самъ тотчасъ-же распорядился отвести квартиру для плѣнныхъ, и, развязавъ имъ руки, поставилъ къ дому караульщиковъ; лошади были отведены на конюшни, а телеги поставлены въ сарай.

«Чрезъ двѣ недѣли, царь, въ газетахъ, благодарилъ всѣхъ удальцовъ, побѣдившихъ Французовъ, и кромѣ-того пожаловалъ старостѣ и брату его, отставному солдату, по серебряной медали.

«Плѣнные Французы, ихъ оружіе и повозки были отправлены въ городъ.

«Такъ вотъ, братцы — прибавилъ староста — какое знатное дѣло сдѣлали наши православные мужички. Два десятка уходили непріятельскихъ солдатъ: и о славномъ дѣлѣ ихъ прозвонили по всей нашей матушкѣ-Руси.

«О такомъ дѣлѣ, для памятки, не мѣшало бы и намъ, братцы — какъ Русскимъ — посильнѣе зарубить у себя на носу, и при-случаѣ доказать народу на дѣлѣ, что и мы — Русскіе, крѣпко любящіе свое отечество.

«Вотъ и я, задумавши взяться за такое дѣло, напередъ собралъ васъ для того, чтобы съобща пораскинуть умомъ-разумомъ: хорошо ли оно и понравится ли вамъ? Коли понравится, да выйдетъ случай поработать, понатѣшиться надъ Французами, такъ и мы на свою руку охулки не положимъ... Такъ ли я говорю, братцы?» спросилъ староста.

Разсказъ Тимохи произвелъ желанное дѣйствіе на молодыхъ крестьянъ.

— Правду матку говоришь ты, дядя Тимохъ! Согласны мы на твои разумныя рѣчи, и готовы идти съ тобой хоть на край свѣта.

«Куда такъ далеко! замѣтилъ имъ Тимохъ, — да мы дальше хутора и носа не покажемъ. Сами пожалуютъ къ намъ непрошенные гости».

Въ это время, бойко прискакалъ къ крыльцу верховой, и объявилъ, что Французы — въ пяти верстахъ отъ хутора, въ деревнѣ Рябиновкѣ, и тотчасъ же отправился въ село.

Чрезъ часъ, передъ домомъ старосты собралась партія молодыхъ парней, числомъ около 30 человѣкъ, вооруженныхъ топорами, баграми и дубинами; передъ ними, въ красной рубахѣ и съ ружьемъ черезъ плечо, стоялъ плечистый староста Тимохъ; онъ училъ неловкихъ, какъ должно дѣйствовать, и воодушевлялъ несмѣлыхъ. Наконецъ, поворотясь лицомъ къ церкви и сдѣлавъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, сказалъ:

«Безъ Бога никакое дѣло, братцы, не начинается, а если и начнется, такъ неспорно оно выходитъ и непрочно».

Сказавши это, Тимохъ повелъ партію въ огородъ, гдѣ и засѣлъ съ нею въ густомъ коноплянникѣ.

Не долго пришлось имъ ждать непріятеля. Въ 4 часа по полудни, стукъ колесъ возвѣстилъ удальцамъ о вступленіи Французовъ; въ концѣ хутора, на пригоркѣ, мелькнули штыки непріятельскихъ ружей, вскорѣ показалась телега, а за нею другая и третья, наконецъ и весь фуражирскій обозъ, состоявшій изъ 10 повозокъ, ввалился въ хуторъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ солдатъ, и остановился вблизи каменной стѣны, въ видѣ крѣпости, окружавшей хуторскіе амбары.

Судя по громадности стѣны, Французы, вѣроятно, подумали, что внутри ея есть вооруженные люди, приготовившіеся дать имъ отпоръ, а потому съ-полчаса стояли они на одномъ мѣстѣ, не рѣшаясь идти ни впередъ, ни назадъ; наконецъ, одинъ изъ смѣльчаковъ, отдѣлясь отъ толпы, подошелъ къ самой стѣнѣ, а потомъ къ воротамъ, осторожно отворилъ ихъ и вошелъ внутрь, гдѣ, пробывъ съ четверть часа, возвратился къ командѣ.

Обозъ приблизился къ воротамъ. Солдаты вошли внутрь, и вскорѣ вынесли оттуда нѣсколько мѣшковъ овса, забытые въ амбарѣ подводчиками, и, положивъ ихъ на телегу, направились къ избѣ старосты.

Тутъ они бросились обшаривать всѣ углы въ комнатахъ, въ чуланахъ и на чердакѣ; но, не нашедши ничего, вышли на улицу; здѣсь сошлись они всѣ вмѣстѣ, и, поговоривъ между собою, приставили ружья одно къ другому, сняли съ плечъ сумки съ порохомъ, повѣсили ихъ на ружья, и, приставивши часового, вошли всей командой въ домъ старосты.

Наконецъ, изъ трубы показался дымокъ, возвѣстившій нашимъ удальцамъ, что Французы затопили печь и намѣрены здѣсь откушать; вскорѣ за тѣмъ, появилось въ огородѣ человѣкъ съ 5 непріятелей, которые, засѣвъ въ картофельной грядѣ, съ-усердіемъ принялись таскать его за ботву изъ гряды.

Забурлила Русская кровь — при видѣ непріятеля на своей землѣ, да еще истребляющаго ихъ собственность. Нѣкоторые изъ смѣльчаковъ порывались было напасть на дерзкихъ Французовъ и тутъ-же положить ихъ; но благоразумный Тимохъ удержалъ ихъ порывъ, и строго приказалъ не только не показываться непріятелю, но и не перешептываться между собою.

Давъ Французамъ удовлетворить желудочную потребность, Тимохъ между-тѣмъ указалъ каждому свое мѣсто, кому и гдѣ должно находиться при нападеніи на непріятеля. Ивану бурмистрову поручилъ, послѣ выстрѣла по непріятельскому часовому, поджечь домъ съ двухъ заднихъ угловъ и дѣйствовать съ нимъ вмѣстѣ; вооруженнымъ же топорами и баграми — стать у оконъ избы и поражать непріятеля, который будетъ спасаться бѣгствомъ чрезъ окошки, а дубинщикамъ — овла-

дѣвъ оружіемъ, вооружиться самимъ тѣмъ же оружіемъ и бить непріятеля; затѣмъ остальное, что было у непріятеля, вмѣстѣ съ его обозомъ, отправить немедленно въ село съ тремя удальцами.

Въ 6 часовъ вечера, Тимохъ, съ партіею удальцовъ, ползкомъ двинулся къ своей избѣ, гдѣ, остановясь за задней стѣной, выходящей на огородъ, высматривалъ расположеніе обоза и оружія, потомъ, съ ружьемъ въ рукахъ, поползъ къ плетню, откуда замѣтивъ, что часовой у ружей, не обращая ни на что никакого вниманія, любовался красотою мѣстности, просунувъ сквозь плетень ружье, ловко прицѣлился — пафъ! — и часового какъ не бывало.

Вмигъ сверкнуло пламя на углахъ крыши, и домъ загорѣлся.

Тимохъ бросился въ сѣни и коломъ подперъ дверь лѣвой избы, а дверь противоположной избы подперъ своимъ могучимъ плечомъ.

Въ это время Французы, при всемъ усиліи выскочить чрезъ дверь на улицу, не могли, а потому, выстрѣливъ изъ пистолетовъ, имѣвшихся при нихъ и пробивъ дверь насквозь, нанесли смертельную рану въ животъ отважному Тимохѣ. Но Тимохъ, не смотря на сильную боль, не покидалъ своего мѣста до тѣхъ поръ, пока не прибылъ Иванъ съ коломъ и не подперъ имъ дверь.

Иванъ, увидавъ кровь и рану, съ помощію другихъ, отнесъ Тимоху въ огородъ, гдѣ, наскоро перевязавъ ему рану полотенцомъ, бросился доканчивать начатое дѣло.

Домъ весь былъ объятъ пламенемъ, и огонь начиналъ уже врываться внутрь комнатъ. Французы въ-отчаяніи бросались въ окна — сразу по два и по три человѣка, но тутъ встрѣчали смерть, или отъ штыка собственнаго оружія, или отъ топора нашихъ удальцовъ.

Такъ погибла партія непріятельскихъ фуражировъ — подъ ударами храбрыхъ православныхъ мужичковъ — безъ всякой вѣсти для начальства своего и товарищей.

Иванъ между-тѣмъ отправилъ гонца въ село за докторомъ, для поданія помощи раненному Тимохѣ, котораго въ тоже время перенесъ въ домъ сыровара и уложилъ его на мягкую постелю изъ душистаго сѣна.

Больной бредилъ и мучился... Наконецъ, часу въ 9 вечера, пришедши въ себя, онъ спросилъ у окружавшихъ его: «Чья взяла? кто кого побилъ?»

— Наша взяла, дядя Тимохъ! радостно отвѣчали ему молодцы, бывшіе въ дѣлѣ. Французы побиты всѣ до-единаго.

«Ну, и слава Богу! теперь я умру спокойно».

Боль начинала усиливаться; онъ снова впалъ въ бредъ и, наконецъ, въ безпамятство, — а чрезъ полчаса Тимохи уже не стало.

На другой день, въ село пріѣхала изъ Петербурга помѣщица. Узнавъ о подвигѣ старосты Тимохи и о его смерти, она взяла карандашъ и бумагу, и тотчасъ же отправилась на хуторъ, гдѣ и сняла съ убитаго портретъ.

Чрезъ нѣсколько времени, появилось во многихъ книжныхъ лавкахъ описаніе подвига старосты Тимохи съ партіею удальцовъ, при которомъ былъ приложенъ портретъ его съ надписью:

Староста сельца Левшина, Тимоѳей Архиповъ, подперши плечомъ своимъ дверь избы, въ которой находилось до 10 непріятельскихъ фуражировъ, удержалъ напоръ ихъ».

Этими словами священникъ окончилъ разсказъ свой о старостѣ Тимохѣ.

(Написано, съ разсказа священника, Лейбъ-Гвардіи Гатчинскаго полка унтеръ-офицеромъ — Ѳедоровымъ 2-мъ.)

* * *

Вооружились Подмосковные крестьяне. Съ ними ополчились дьячки и пономари, такъ-что рѣдкій приходъ не ознаменовалъ себя какимъ-либо подвигомъ храбрости. Брали, что попадало: вилы, рогатины, топоры, косы и шли безбоязненно на врага, котораго разбивали вездѣ, гдѣ встрѣчали, нападая неожиданно, съ быстротою молніи, кололи, рубили, захватывали въ плѣнъ просившихъ пощады, отнимали оружіе, и, увѣнчавшись бранною славою, возвращались, съ воинскими доспѣхами, въ родныя селенія. Въ каждой деревнѣ, въ каждомъ селѣ устроены были вокругъ заборы и изгороди съ заставами и съ шалашомъ для сторожа, не впускавшаго никого изъ постороннихъ. Юные отроки гурьбой ежедневно приходили къ престарѣлому Кутузову *), котораго они называли *дѣдомъ,* и просили оружія. Даже женщины, въ отсутствіе мужчинъ, нападали на непріятельскіе отряды, посылаемые для добыванія продовольствія. Особенно прославилась дородная *старостиха Василиса.* Нарядившись въ шинель убитаго ею самою Французскаго солдата, и повѣсивъ чрезъ плечо длинную его саблю, она неутомимо поражала враговъ и была постояннымъ ихъ страшилищемъ.

(Изъ книжки: «Три ополченія земли Русской», разсказанныя Русскому мужичку Викторомъ Фуксомъ.)

БИТВА ПОДЪ СМОЛЕНСКОМЪ И БОРОДИНСКАЯ БИТВА.

(Изъ «Писемъ Русскаго офицера».)

I.

Смоленскъ.

16 Іюля 1812 года, Смоленскъ.

Сейчасъ пріѣхалъ я въ Смоленскъ... Какое смятеніе распространилось было въ народѣ!... Получили извѣстіе, что непріятель уже

*) Князь Михаилъ Иларіоновичъ Кутузовъ-Смоленскій, *главнокомандующій* нашими арміями, въ 1812 году. *Щ.*

близъ Орши. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ корпусы, армію нашу составляющіе, проходя различными путями къ одной цѣли, соединились въ чрезвычайно укрѣпленномъ лагерѣ при Дриссѣ, и ожидали непріятеля, полагая, что онъ непремѣнно пойдетъ на то мѣсто, чтобъ купить себѣ входъ въ древніе предѣлы Россіи цѣною сраженія съ нашими войсками: ибо какъ отважиться завоевать государство, не разбивъ его войскъ? Но дерзкій Наполеонъ, надѣясь на неисчислимое воинство свое, ломится прямо въ грудь отечества нашего. Народъ у насъ не привыкъ слышать о приближеніи непріятеля. Умы и души въ страшномъ волненіи. Уже потянулись обозы: всякій развѣдываетъ, гдѣ безопаснѣе. Никто не хочетъ достаться въ руки непріятеля. Кажется, въ Россіи, равно-какъ и въ Испаніи, будетъ онъ покорять только землю, а не людей.—До-сихъ-поръ Смоленскъ совершенно опустѣлъ бы, еслибъ не успокоило встревоженныхъ гражданъ его — вожделѣнное присутствіе государя. Проѣзжая изъ арміи въ Москву, онъ удостоилъ посѣщеніемъ своимъ нашъ городъ. Я узналъ отъ живущихъ по большой дорогѣ, что государь, проѣзжая тамъ вчерашній день, весьма ласково разговаривалъ съ поселянами, заходилъ въ церкви, молился и приказывалъ народу молиться... Не такъ ли поступали древніе цари, отцы народа!

Смоленскъ, 17 Іюля.

Мой другъ! настаютъ времена Минина и Пожарскаго! Вездѣ гремитъ оружіе, вездѣ движутся люди! Духъ народный, послѣ двухъ-сотъ-лѣтняго сна, пробуждается, чуя грозу военную... Смоленскъ принимаетъ видъ военнаго города. Безпрестанно звенятъ колокольчики; скачутъ курьеры; провозятъ плѣнныхъ или шпіоновъ. Нѣсколько Польскихъ губерній подняли знамя бунта. Недаромъ они твердили пословицу: «*слышитъ птичка весну*!» О, заблужденіе! Они думаютъ воскреснуть среди всеобщаго разрушенія!... Обстоятельства становятся бурны.

---

19 Іюля. Тамъ-же.

Вчера армія двинулась отъ Смоленска, внизъ по теченію Днѣпра, къ окрестностямъ озера Катани. Авангардъ пошелъ къ Руднѣ: оттуда ожидаютъ непріятеля, который теперь толпится на пространствѣ между Двиною и Днѣпромъ. Сіе наступательное движеніе войскъ нашихъ много обрадовало народъ. Всякій сталъ дышать свободнѣе!...

Дай Богъ нашимъ впередъ! Помоги Богъ оттолкнуть дерзкихъ отъ древнихъ рубежей нашихъ!... Однако-жь, идя впередъ, кажется, не забываютъ о способахъ, обезпечивающихъ и отступленіе...

На-сихъ-дняхъ военное начальство требовало у гражданскаго губернатора надежнаго и дѣятельнаго дворянина для особенныхъ важныхъ препорученій. Зная, изъ многихъ опытовъ, усердіе и дѣятельность

брата моего Ивана, губернаторъ представилъ его начальству. Тотчасъ поручено было ему — со всевозможною скоростію, безъ лишней огласки — устроить, сколько можно, болѣе переправъ на Днѣпрѣ, у Соловьева, что на большой Московской дорогѣ. Мосты спѣютъ съ удивительною скоростію. Работаютъ день и ночь. Великія толпы народа, бѣгущія изъ разныхъ занятыхъ непріятелемъ губерній, переправляются безпрестанно. — Но неужели и войска̀ войдутъ чрезъ нихъ? — Уже-ли и Смоленскъ сдадутъ?... Солдаты будутъ драться ужасно! Поселяне готовы сдѣлать тоже. Только и говорятъ о поголовномъ наборѣ, о всеобщемъ возстаніи... «Повели, государь! всѣ до-одного идемъ!» Духъ пробуждается, души готовы. Народъ проситъ воли, чтобъ не потерять вольности. «Дозволятъ, — и мы, поселяне, готовы въ-подкрѣпу воинамъ. Знаемъ мѣста̀, можемъ вредить; засядемъ въ лѣсахъ, будемъ держаться — и удерживать; станемъ сражаться — и отражать!...»

Августа 4 дня, въ 2 часа за полдень. Село Сутоки.

Въ сіи минуты, какъ я пишу къ тебѣ дрожащею рукою, рѣшается судьба Смоленска. Непріятель, сосредоточивъ гдѣ-то великія силы, ворвался вчера въ Красное, и между-тѣмъ-какъ наши смотрѣли на Рудню, онъ полетѣлъ къ Смоленску, чтобъ овладѣть имъ прилично. Дивизія Невѣровскаго принесла сегодня Французовъ на плечахъ, а храбрый генералъ Раевскій встрѣтилъ ихъ съ горстію войскъ и не впустилъ въ городъ. Сегодня всѣ обыватели высланы; баттареи разставлены. Непріятель, съ двумя-стами-тысячъ, наступаетъ на Смоленскъ, защищаемый сто-пятьюдесятью-тысячами нашихъ. Покровская-Гора еще въ нашихъ рукахъ. Теперь сраженіе горитъ подъ самыми стѣнами... Когда получишь сіи строки, то знай, что чей-нибудь жребій уже рѣшился: или отбитъ Наполеонъ, или дверь въ Россію отперта.

Я сейчасъ иду помолиться въ-послѣдній-разъ на гробахъ родителей, и ѣду къ старшему брату моему, Василью: отъ него видно сраженіе. Прощай!

Августа 8. Село Цуриково.

Я видѣлъ ужаснѣйшую картину — я былъ свидѣтелемъ гибели Смоленска. 4-го числа непріятель устремился къ Смоленску, и былъ встрѣченъ, подъ стѣнами его, горстью неустрашимыхъ Россіянъ. 5-го числа, отъ ранней зари до поздняго вечера, двѣнадцать часовъ продолжалось сраженіе предъ стѣнами, на стѣнахъ и за стѣнами Смоленска. Русскіе не уступали ни на шагъ мѣста; дрались какъ львы. Французы, въ бѣшеномъ изступленіи, лѣзли на стѣны, ломились въ ворота, бросались на валы, и въ безчисленныхъ рядахъ тѣснились около города, по ту сторо-

ну Днѣпра. Наконецъ, утомленный противоборствомъ нашихъ, Наполеонъ приказалъ жечь городъ, котораго никакъ не могъ взять грудью. Тучи бомбъ, гранатъ и чиненыхъ ядеръ полетѣли на домы, башни, магазины, церкви. — И домы, и церкви, и башни обнялись пламенемъ — и всё, что можетъ горѣть — запылало!... Опламененныя окрестности, густой разноцвѣтный дымъ, багровыя зори, трескъ лопающихся бомбъ, громъ пушекъ, кипящая ружейная пальба, стукъ барабановъ, вопль старцевъ, стоны женъ и дѣтей, цѣлый народъ, упадающій на колѣни, съ воздѣтыми къ небу руками: вотъ-что представлялось нашимъ глазамъ, что поражало слухъ, что раздирало сердце!... Толпы жителей бѣжали изъ огня, полки Русскіе шли въ огонь: одни спасали жизнь, другіе несли её на жертву. Длинный рядъ подводъ тянулся съ ранеными.

Въ глубокія сумерки вынесли изъ города икону Смоленскія Божія Матери. Унылый звонъ колоколовъ, сливаясь съ трескомъ распадающихся зданій и громомъ сраженія, сопровождалъ печальное шествіе. Блескъ пожаровъ освѣщалъ его. Между-тѣмъ черно-багровое облако дыма засѣло надъ городомъ, и ночь присоединила темноту ко мраку и ужасъ къ ужасу. Смятеніе людей было столь велико, что многіе выбѣгали полунагими, и матери теряли дѣтей своихъ. Казаки вывозили на сѣдлахъ младенцевъ изъ мѣстъ, гдѣ свирѣпствовалъ адъ. Наполеонъ отдалъ приказъ, чтобъ Смоленскъ взятъ былъ непремѣнно 5-го числа; однако жь Русскіе отстояли его грудью, и 5-го числа городъ не былъ взятъ. Но 6-го рано — о, превратность судьбы! — то, что удерживали съ такимъ усиліемъ, отдали добровольно!... Главнокомандующій имѣлъ на то причины. Теперь Смоленскъ есть огромная груда пепла. Наши поспѣшно отступаютъ къ Дорогобужу; но сейчасъ, то-есть 8-го числа, къ вечеру, пріостановились недалеко отъ Бредихи. Третьяго дня дрались, вчера дрались, сегодня дерутся и будутъ драться! Непріятель беретъ однимъ многолюдствомъ... «*Вооружайтесь всѣ, вооружайся всякъ, кто только можетъ!*» — гласитъ, наконецъ, главнокомандующій въ послѣднемъ воззваніи своемъ... Итакъ — народная война!

Жители Смоленска неутѣшны. Несчастія ихъ неописанны... О, другъ мой! сердце твое облилось бы кровію, еслибы ты увидѣлъ злополучіе моей родины... Но судьбы Всевышняго неиспытаны! — Пусть разрушаются грады, пылаютъ села, истребляются дома, исчезаетъ спокойствіе мирныхъ дней; но пусть сія жертва крови и слезъ, сіи стоны народа, текущіе въ облака вмѣстѣ съ куреніемъ пожаровъ, умилостивятъ наконецъ разгнѣванныя Небеса! Пусть постраждутъ области, но спасется отечество... Вотъ общій голосъ душъ, вотъ искренняя молитва всѣхъ Русскихъ сердецъ!

II.

Бородино.

23 Августа.

— Тутъ остановимся мы и будемъ сражаться! — думалъ каждый, увидѣвъ издали высоты Бородинскія, на которыхъ устрояли баттареи. Войска перешли Колочу, впадающую здѣсь-же, при селѣ Бородинѣ, въ Москву-рѣку, и установились на протяженіи холмовъ, омываемыхъ сліяніемъ сихъ двухъ рѣчекъ. Стало войско — и не стало жатвъ, ни деревень: первыя притоптаны, другія снесены. «Война идетъ и метётъ!» такъ говорится издавна въ народѣ. Можетъ ли быть бѣдствіе лютѣйшее войны?...

Наступаетъ вечеръ. Наши окапываются неутомимо. Засѣками городятъ лѣса. Пальбы нигдѣ не слыхать. Тамъ, вдали, непріятель разводитъ огни; вѣтеръ раздуваетъ пожары, и зарево выше и выше восходитъ на небеса! — По послѣднему расположенію войскъ, у насъ на правой сторонѣ Милорадовичъ; на лѣвой князь Багратіонъ; въ срединѣ Дохтуровъ. Глава всѣхъ войскъ князь Кутузовъ, подъ нимъ Барклай-де-Толли. Ожидаютъ непріятеля и сраженія... Прощай!

---

24 Августа.

Отдаленный громъ пушекъ привѣтствовалъ восходящее солнце. Генералъ Коновницынъ, съ передовыми полками, схватился съ непріятелемъ подъ стѣнами Колоцкаго Монастыря. — Вотъ идутъ они: одинъ искусно уклоняется, другой — нагло влечетъ гремящія тысячи свои прямо на насъ. Толпы его, тянувшіяся на дорогѣ, вдругъ распахнулись въ-право и въ-лѣво. Смотрите, какая необозримость сихъ движущихся стѣнъ!...Поля дрожатъ, кажется — гнутся подъ множествомъ плѣнныхъ; лѣса наполнены стрѣлками, пушки вытягиваются изъ долинъ и кустарниковъ, и въ разныхъ мѣстахъ, разными тропами пробираясь, на холмы и пригорки взъѣзжаютъ. — Многочисленное войско непріятельское колеблется, — кажется въ-нерѣшимости: вотъ пошатнулось было въ-лѣво, и вдругъ повалило на-право. Огромныя полчища двинулись на лѣвое наше крыло. Русскіе спокойно смотрятъ на всё съ укрѣпляемыхъ высотъ своихъ. Пыль, взвившаяся до небесъ — осѣдаетъ. Даль яснѣетъ. Непріятель къ чему-то готовится. Посмотримъ, къ чему...

---

24 Августа, поздно въ вечеру.

Непріятель, какъ туча, засинѣлъ, сгустившись, противъ лѣваго нашего крыла, и съ быстротою молніи ударивъ на оное, хотѣлъ всё сбить и уничтожить. — Но князь Багратіонъ, генералъ Тучковъ, храбрый графъ Воронцовъ и прочіе, призвавъ на помощь Бога, укрѣпясь своимъ

мужествомъ и оградясь штыками Русскими, отбросили далеко пѣхоту, дерзко приступавшую къ баттареямъ. Пушки наши дѣйствовали чудесно. Кирасиры врубались съ неимовѣрною отважностію. Раздраженный непріятель нѣсколько разъ повторялъ свои аттаки, и каждый-разъ былъ отражаемъ. Поле покрылось грудами тѣлъ. Во всё время, какъ мелкій огонь гремѣлъ неумолчно и небо дымилось на лѣвомъ крылѣ, князь Михаилъ Иларіоновичъ сидѣлъ на своей деревянной скамеечкѣ (которую за нимъ всегда возили), у огня, на-срединѣ линій. Онъ казался очень покоенъ. Всѣ смотрѣли на него, и, такъ сказать, черпали отъ него въ сердца свои спокойствіе. Въ рукахъ его была нагайка, которою онъ то помахивалъ, то чертилъ что-то на пескѣ. Казалось, что весь онъ превратился въ слухъ и зрѣніе, то вслушиваясь въ гремящіе переходы сраженія, то внимательно обозрѣвая положеніе мѣстъ. Часто пересылался съ нимъ Багратіонъ. Ночь прекратила бой и засвѣтила новые пожары. — Прощай до завтра!

---

25. — Утро.

Всё тихо. Непріятель отдыхаетъ; перевязываетъ вчерашнія раны, и окапываетъ лѣвое крыло свое. — И наши не дремлютъ: готовятся!

---

25. — Сумерки.

Я почти цѣлый день просидѣлъ на колокольнѣ въ селѣ Бородинѣ. Оттуда, въ зрительную трубку — всё, какъ на ладони. Они роются, какъ кроты, въ землѣ; строятъ преогромные редуты, а пушекъ, пушекъ, и сказать страшно! На одномъ только окопѣ насчиталъ я сто! — Но не одинъ я задержанъ былъ любопытствомъ на колокольнѣ; многіе генералы всходили туда же. Общее мнѣніе было, что непріятель для того огораживаетъ лѣвое крыло свое, чтобъ свести всѣ войска на правое, и сугубымъ усиліемъ ударить на лѣвое наше. На средину также ожидали нападенія... Но вотъ уже сумерки. Вѣтеръ поднимается съ воемъ и гудитъ по шалашамъ; Французы отаборились и засвѣтили огни. Я забылъ сказать, что почти цѣлый день шайки ихъ стрѣлялись съ нашими егерями: наши не давали имъ пить изъ Колочи. — Прощай, — темно: иду доставать свѣчи...

Съ 25 на 26. Глубокая ночь.

Всё безмолвствуетъ!... Русскіе, съ чистою безупречною совѣстію, тихо дремлютъ, облегши дымящіеся огни. Сторожевыя цѣпи пересылаютъ одна другой протяжные отголоски. Эхо чуть вторитъ имъ. На облачномъ небѣ изрѣдка искрятся звѣзды. Такъ всё покойно въ нашей сторонѣ.

Напротивъ того, ярко блещутъ устроенные огни въ таборахъ непріятельскихъ; музыка, пѣніе, трубные гласы и крики разносятся по

всему ихъ стану. — Вотъ, слышны восклицанія. Вотъ еще другія... Они, вѣрно, привѣтствуютъ разъѣзжающаго по строямъ Наполеона. Точно такъ было предъ Аустерлицкимъ сраженіемъ. Что будетъ завтра? — Вѣтеръ гаситъ свѣчу, а сонъ смыкаетъ глаза... Прощай!

---

29 Августа. Окрестности Москвы.

Застонала земля, и пробудила спавшихъ на ней воиновъ. Дрогнули поля, но сердца покойны были. Такъ началось безпримѣрное сраженіе Бородинское, 26 Августа. Туча ядеръ, съ-визгомъ пролетѣвшихъ надъ шалашемъ нашимъ, пробудила меня и товарищей. Вскакиваемъ, смотримъ — густой туманъ лежитъ надъ нами и ими. Заря только-что начинала зажигаться. Непріятель подвезъ нѣсколько сотъ орудій, и открылъ цѣлый адъ. Бомбы и ядра сыплются градомъ. Трескъ и взрывы повсемѣстные. Одни шалаши валятся, другіе пылаютъ. Войска бѣгутъ къ ружью и въ огонь. Всё это происходило въ срединѣ, а на лѣвомъ крылѣ нашемъ давно уже свирѣпѣла гроза въ безпрерывныхъ перекатахъ грома пушекъ и мелкаго оружія. Мы простились съ братомъ. Онъ побѣжалъ со стрѣлками защищать мостъ. Большую часть сего ужаснаго дня проводилъ я то на главной баттареѣ, гдѣ находился свѣтлѣйшій, то на дорогѣ, гдѣ перевязывали раненыхъ... Мой другъ! я видѣлъ сіе неимовѣрно жестокое сраженіе, и ничего подобнаго въ жизнь мою не видалъ, ни о чемъ подобномъ не слыхалъ, и едва-ли читывалъ.

Я былъ подъ Аустерлицемъ: но то сраженіе въ-сравненіи съ симъ — ошибка! Тѣ, которые были подъ Прейсишъ-Эйлау, дѣлаютъ почти такое же сравненіе. Подумай только, что до четырехъ-сотъ-тысячъ лучшихъ воиновъ, на самомъ тѣсномъ, по многочисленности ихъ, пространствѣ, почти, такъ сказать, толкаясь головами, дрались съ неслыханнымъ отчаяніемъ; двѣ-тысячи пушекъ гремѣли безпрерывно. Тяжко воздыхали окрестности, и земля, казалось, шаталась подъ бременемъ сражающихся. Французы метались съ дикимъ остервенѣніемъ. Русскіе стояли съ неподвижностію твердѣйшихъ стѣнъ. Одни стремились дорваться до вожделѣннаго конца всѣмъ трудамъ и дальнимъ походамъ, загрести сокровища, имъ обѣщанныя, и насладиться всѣми утѣхами жизни въ древней знаменитой столицѣ; другіе помнили, что заслоняютъ собою сію самую столицу, сердце Россіи и мать городовъ. Оскорбленная вѣра, раззоренныя области, поруганные алтари, и прахи отцовъ, обиженные въ могилахъ, громко вопіяли о помощи и мужествѣ.

Сердца Русскія внимали священному воплю сему: мужество нашихъ войскъ было неописанно! Они, казалось, дорожили каждымъ вершкомъ земли, и бились до-смерти за каждый шагъ. Многія баттареи до десяти разъ переходили изъ рукъ въ руки. Сраженіе горѣло въ глубокой долинѣ, и въ разныхъ мѣстахъ, съ огнемъ и громомъ, на высоты восхо-

дило. Густой дымъ заступилъ мѣсто тумана. Сѣдыя облака клубились надъ лѣвымъ крыломъ нашимъ и заслоняли средину, между-тѣмъ-какъ на правомъ сіяло полное солнце. И самое свѣтило сіе мало видало такихъ браней на землѣ — съ тѣхъ поръ, какъ освѣщаетъ её... Сколько потоковъ крови! сколько тысячъ тѣлъ! «Не заглядывайте въ этотъ лѣсокъ», сказалъ мнѣ одинъ изъ лѣкарей, перевязывавшій раны: «тамъ цѣлые костры отпиленныхъ рукъ и ногъ!»... Въ самомъ дѣлѣ, въ рѣдкомъ изъ сраженій прошлаго вѣка бывало вмѣстѣ столько убитыхъ, раненыхъ и въ плѣнъ взятыхъ, сколько подъ Бородинымъ было оторванныхъ ногъ и рукъ. На мѣстѣ, гдѣ перевязывали раны, лужи крови не изсыхали. Никогда не видалъ я такихъ ужасныхъ ранъ. Разбитыя головы, оторванныя ноги и размозженныя руки до плечъ были обыкновенны. Тѣ, которые несли раненыхъ, облиты были — съ головы до ногъ — кровью и мозгомъ своихъ товарищей.

Сраженіе не умолкало ни на минуту, и цѣлый день продолжался бѣглый огонь изъ пушекъ. Бомбы, ядра и картечи летали здѣсь такъ густо, какъ обыкновенно летаютъ пули, — а сколько здѣсь пролетѣло пуль!... Но это сраженіе неописанно!

Ѳедоръ Глинка.

ДВА АНЕКДОТА ПРО ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПЕРВАГО.

(1812-й годъ.)

I.

Вступивъ въ Москву, Наполеонъ прислалъ къ императору Александру съ предложеніемъ о мирѣ. «*Я скорѣе соглашусь перенести столицу мою на берега Иртыша и ходить въ смуромъ кафтанѣ, нежели заключу теперь миръ съ раззорителемъ отечества*», отвѣтствовалъ Александръ.

II.

По занятіи непріятелемъ Москвы, флигель-адъютантъ, полковникъ Мишо̀, посланъ былъ къ государю императору Александру Павловичу съ донесеніемъ объ этомъ происшествіи. «*Что говорятъ въ арміи?*» спросилъ его императоръ. — «Государь!» отвѣчалъ Мишо̀, «опасаются, чтобы обстоятельства не заставили заключить скораго мира». — «*Объявите именемъ моимъ*», сказалъ ему государь, «*тѣмъ, которые думаютъ такъ, что мира быть не можетъ, и что еслибы даже уничтожены были храбрыя мои арміи, еслибы не имѣлъ я ни-одного уже солдата, то и тогда не заключу я недостойнаго мира: но лучше стану самъ*

въ ряды ополченнаго народа, и, безъ отличенія отъ ратниковъ, буду защищать съ ними независимость нашего отечества».

(Изъ книги: *«Избранныя черты и анекдоты Императора Александра 1-го».*)

БОРОДИНО ЧЕРЕЗЪ 52 ДНЯ ПОСЛѢ БИТВЫ.

17 Октября.

Наполеонъ оставилъ Москву. Войска его, разбитыя подъ Малымъ-Ярославцемъ, спѣшили захватить большую Смоленскую дорогу, и нѣкоторыя колонны взошли на неё близь Можайска. Наконецъ, приблизились они къ полю Бородинскому. Всё было пусто и уныло около этого поля, жившаго нѣкогда страшною, огненною жизнію, теперь — мертваго, оледенѣлаго. Окрестныя деревни сожжены; лѣса, обнаженные осенью и постоями войскъ, изрѣдѣли; свинцовое небо висѣло надъ холмами полу-убѣлёнными.

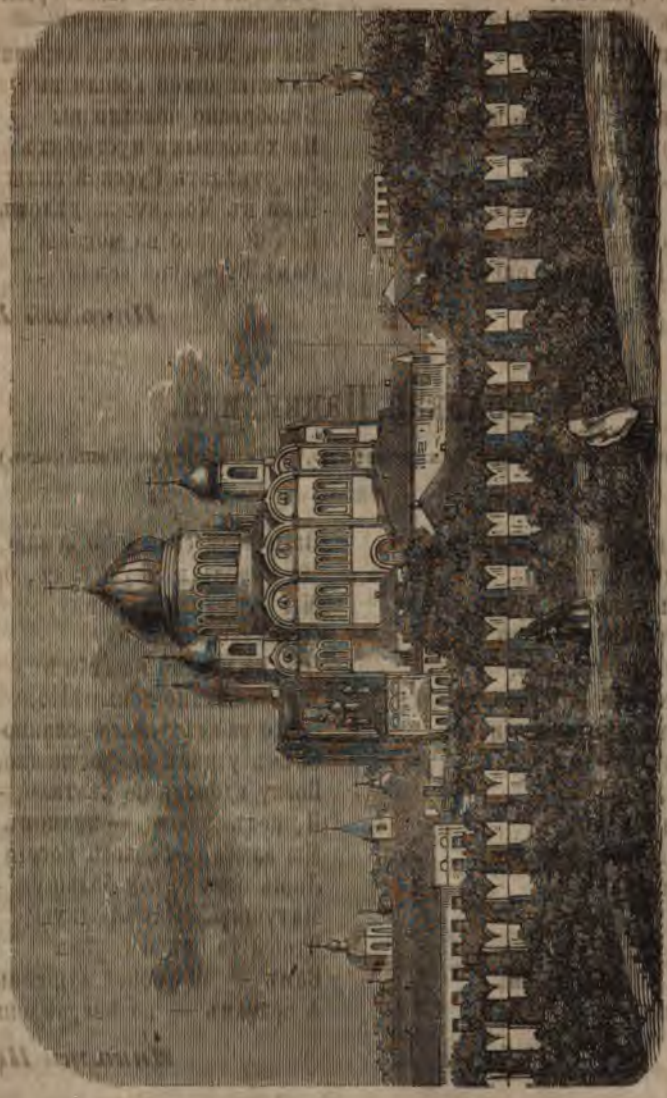
И въ этомъ могильномъ запустѣніи лежали трупы, валялись трупы, страшными холмами громоздились трупы... Это было кладбище безъ гробовъ! Тысячи раскиданы были безъ погребенія.

Пятьдесятъ два дня лежали они. Червь и тлѣніе не прикасались объятыхъ стужею; но явились другіе непріятели: волки стадами сбѣжались со всѣхъ лѣсовъ Смоленской губерніи; хищныя птицы слетѣлись со всѣхъ окольныхъ полей, и часто хищники лѣсные спорили съ воздушными — за право терзать мертвецовъ. Птицы выклёвывали глаза, волки оглодывали кости. Въ одномъ мѣстѣ двадцать-тысячъ тѣлъ лежали лоскомъ въ видѣ мостовой. Остовы лошадей, съ обнаженными ребрами, искрошенное оружіе, разбитые барабаны, каски, сумы, опрокинутыя фуры безъ колесъ, колёса безъ осей, оледенѣлыя пятна крови и, примёрзлыя къ землѣ, разноцвѣтныя лохмотья мундировъ разныхъ народовъ: вотъ убранство поля Бородинскаго! Въ сумеркахъ вечернихъ и при блѣдномъ мерцаніи луны, зрѣніе обманывалось: казалось, что, на вершинахъ оставленныхъ баттарей, мелькали изрѣдка образы человѣческіе. Это дѣйствительно были люди — мертвые, окостенѣлые! Захваченные стужею и прижатые грудами труповъ къ парапетамъ, они, мертвецы, на стражѣ мертвыхъ, стояли прямо, и мутными глазами глядѣли въ поле... Вѣтеръ шевелилъ на нихъ лохмотья одеждъ и придавалъ неподвижнымъ — видъ какой-то мгновенной жизни, обманчиваго движенія. Но на этомъ полѣ смерти и уничтоженія, среди цѣлаго народа мертвецовъ, былъ одинъ — *живой!* Сотни, подобныхъ ему, несчастливцевъ, отстонавъ на берегахъ *Стонца*, пошли сѣтовать и умирать на берега *Сѣтуни*. Этотъ остался вѣрнымъ Бородинскому полю. *Кто ты?* спросили Французы, услышавъ, близь большой дороги, свой родной языкъ? — «Я несчастный — *половинный чело-*

вѣкъ, половинный мертвецъ! За *восемь* недѣль передъ этимъ, раненъ я на *великомъ побоищѣ.* Картечь раздробила мнѣ *обѣ* ноги. Когда я пришелъ въ себя, была уже ночь, и никого не было въ полѣ. Я ползалъ по берегамъ ручья, питаясь травою, кореньями и *сухарями,* которые находилъ въ сумахъ убитыхъ. На-ночь залѣзалъ я въ остовы лошадей и прикладывалъ ихъ свѣжее мясо къ своимъ свѣжимъ ранамъ. Этотъ пластырь чудесно исцѣлялъ мои язвы. Свыкшись съ остротою Русскаго воздуха, я окрѣпъ и почувствовалъ въ себѣ нѣкоторую силу. Кровь не текла болѣе изъ ранъ моихъ. Но я былъ *одинъ,* одинъ *живой* между тысячами мертвыхъ. По ночамъ, правда, оживало это поле: какіе-то странствующіе огоньки блуждали по немъ въ разныхъ направленіяхъ. Это были баталіоны волковъ, приходившихъ кормиться остатками баталіоновъ нашихъ. Я билъ штыкомъ о кремень, по-временамъ сожигалъ понемногу пороху и тѣмъ отгонялъ отъ себя непріятелей... Да зачѣмъ имъ и добиваться меня! У нихъ была богатая трапеза и безъ моихъ еще неостывшихъ костей. Отчужденный отъ міра живого, отъ людей съ теплою кровію, отъ движенія гражданскаго, я, наконецъ, присмотрѣлся къ своимъ неподвижнымъ товарищамъ. Для нихъ уже не существовало время, которое тяготѣло надо мною. Съ исходомъ каждаго дня, я клалъ по одному штыку солдатскому въ *примѣтное* мѣсто, и вотъ ужь ихъ 50 съ тѣхъ поръ, какъ я одиночествую. Если ночью пугали меня волки, то днемъ радовало присутствіе собакъ, изъ которыхъ нѣкоторыя удостоивали меня своими ласками, какъ-будто узнавая во мнѣ *хозяина* поля Бородинскаго. Эти стаи собакъ набѣгали изъ сосѣдственныхъ селеній, но людей нигдѣ не видно было... Иногда, въ тишинѣ длинныхъ безконечныхъ Русскихъ ночей, сдавалось мнѣ, что гдѣ-то закипало сраженіе, сыпалась дробью перестрѣлка; какіе-то звуки — неясные, отдаленные, какіе-то голоса мимолетные, глухой гулъ изъ лѣсовъ и звонъ колокола, не знаю откуда, доносились до меня вѣтромъ... Но скоро шорохъ бѣгающихъ волковъ, щелканье ихъ зубами о кости, заглушало всё. Рѣдко видѣлъ я закатъ солнца на этомъ вѣчно сѣромъ сводѣ: но меня радовали красныя зори, румянившія разсвѣтное и вечернее небо. Иногда по ночамъ, всходили и *другія* зори: гдѣ-то горѣло. Какъ охотно уносилось туда воображеніе мое. — Тамъ есть люди! думалъ я; тамъ *живутъ,* тамъ *говорятъ!*... Вы не повѣрите, какъ грустно не слыхать голоса человѣческаго... Я не любилъ луны; она набрасывала слишкомъ могильную тѣнь на это пространное *кладбище безмогильныхъ...* Между тысячами безпробудныхъ на этомъ полѣ послѣдняго сна, была одна *голова,* въ которой еще таилась *мысль,* были одни *уста,* въ которыхъ могло обращаться *живое* слово; было одно *сердце,* могущее чувствовать и биться, — и какъ тяжело было этому сердцу!... Сего-дня, на утрен-

ней зарѣ, услышалъ я шумъ шаговъ и оружія. Былая жизнь воскресла передо мною; долго прислушивался я, приложа ухо къ звонкой промерзлой землѣ, и вскрикнулъ: «это шаги людей!» И вотъ я, наконецъ, между *живыми!...*»

Ѳедоръ Глинка.



Храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ.

Французы въ Москвѣ.

(1812-й годъ.)

Ну! труба продребезжала....
Русь! тебѣ надменный зовъ.
Вспомяни жь, какъ ты встрѣчала
Всѣ нашествія враговъ!
Созови-жь изъ странъ далёкихъ
Ты своихъ богатырей,
Со степей, съ равнинъ широкихъ,
Съ рѣкъ великихъ, съ горъ высокихъ,
Отъ семи твоихъ морей!
Пламень въ небо упирая,
Лютъ пожаръ Москвы ревётъ: —
Златоглавая, святая,
Ты ли гибнешь?... Русь, впередъ!

Гдѣ-жь вы, незванные гости,
Сильны славой и числомъ?...
Снѣгъ засыпалъ ваши кости;
Вамъ почетный былъ пріёмъ.
Упилися — еле живы —
Вы въ Московскихъ теремахъ:
Тяжелы домой пошли вы,
Безобразно полегли вы
На холодныхъ пустыряхъ.
Вы отвѣдать Русской силы
Шли въ Москву: за дѣломъ шли!...
Иль не стало на могилы
Вамъ отеческой земли?...

Николай Языковъ.

Великая Паннихида.

(Изъ стихотвореній Челяковскаго. — Переводъ съ Чешскаго.)

Не отъ ливня, не отъ града,
И залиты, и побиты,
Полегли хлѣба на полѣ:
То, подъ матушкой-Москвою,
По долам и по равнинамъ,
Много храбрыхъ ратей Русскихъ
И Французскихъ полчищъ много
Ко сырой землѣ приникло,
Переколотыхъ, побитыхъ
Палашами и штыками,
И дождемъ и пулъ, и ядеръ...
Дѣти матери великой,
Милой родины защита,
Доброму царю радѣльцы!
За любовь, за жертвы ваши,
Что вы душу положили
За народъ свой и за землю,
Въ память вѣчную вамъ, братья,
Мы отпѣли паннихиду, —
И такую паннихиду,
Что не видано на свѣтѣ
И не слыхано донынѣ!...
Но за всѣхъ васъ, славно павшихъ,
Свѣчъ у насъ не доставало,
Воску вдоволь не хватало, —
И, подъ небомъ — храмомъ Божьимъ,
Мы зажгли отъ всей Россіи
Лишь одну свѣчу большую —
Матушку-Москву родную:
Чтобы та свѣча горѣла
Вамъ — за упокой душевный,
А врагамъ — на посрамленье...

Николай Щербина.

СКАЗАНІЯ ПРО КРЕСТЬЯНЪ ВЪ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ 1812 ГОДА.

1.

Наполеонъ, желая дополнить уменьшающееся войско свое Русскими, принуждалъ ихъ противъ воли вступать въ Французскую службу, и, чтобы прекратить побѣги этихъ вербуемыхъ имъ солдатъ, повелѣлъ ихъ, подобно какъ лошадей на нашихъ конскихъ заводахъ, клеймить приличнымъ знакомъ, дабы ушедшій и попавшійся вторично, будучи узнанъ, былъ немедленно разстрѣлянъ. Слѣдуя принятому обыкновенію, Французы наложили клеймо на руку одного крестьянина, попавшагося въ ихъ руки. Крестьянинъ, не зная совершенно, что значитъ такое клейменіе, спрашивалъ съ-удивленіемъ, для чего его клеймили? «*Это знакъ*», отвѣчали ему, «*вступленія твоего въ службу Наполеона*». Одна мысль — служить Наполеону, возставшему противъ его отечества, представляетъ ему всю гнусность такого поступка, и вѣрный Русскій, выдернувъ, въ мгновеніе ока, изъ-за пояса топоръ, отсѣкаетъ себѣ клеймёную руку.

2.

Крестьяне сёлъ: *Шубина, Вешнякова, Константинова, Воскресенскаго, Починокъ,* деревень: *Сельвачевой, Жирошкиной, Рогачевой, Чанусовой, Заселья, Галашиной и Жданской,* собирались съ оружіемъ, конные и пѣшіе, до двухъ тысячъ человѣкъ на дорогу, пролегающую къ городу *Подольску.* Пользуясь мѣстоположеніемъ, они скрывались въ лѣсахъ, приставали къ опытнымъ казакамъ, и, вмѣстѣ съ ними, содержали крѣпкую лѣсную засаду. Когда же отъ города *Бронницъ* проходилъ непріятель къ *Подольску,* тогда всякій-разъ воины-земледѣльцы нападали внезапно, быстро и мужественно гнали и разили. Эти храбрые воины встрѣтили однажды непріятельскій отрядъ, изъ семисотъ человѣкъ состоящій, и горя желаніемъ сразиться, обратились къ казакамъ, говоря: «*братья и друзья! ведите насъ; мы будемъ васъ слушаться; мы сдѣлаемъ, что Богъ поможетъ*», — и Богъ помогъ вѣрѣ и вѣрности ихъ. Предводительствуемые казаками, крестьяне стремительно и отважно нападали на враговъ; убили, на мѣстѣ сраженія, тридцать человѣкъ, принудя другихъ положить оружіе. Всѣ повозки непріятельскія достались въ добычу побѣдителямъ; но усердные Русскіе воины-поселяне, отстаивая вѣрною грудью своею родныя свои пепелища, не хотѣли воспользоваться вражескою корыстью, почему и просили казаковъ — всё взятое препроводить, куда слѣдуетъ. При семъ случаѣ, особенно отличались храбростію и мужествомъ: села Константинова старо-

ста *Семенъ Тихоновъ*, деревни Сельвачевой староста *Егоръ Васильевъ* и села Починокъ — *Яковъ Петровъ*. Замѣчательно, что старосты эти, примѣромъ и дѣлами, оправдали имя свое и не посрамили выбора мірской сходки. При приближеніи непріятеля, усердно перекрестясь, они возопили къ сотоварищамъ: «*станемъ крѣпко, Богъ намъ поможетъ! Двумъ смертямъ не бывать, а одной не миновать, не отдадимъ церквей Божіихъ на поруганіе!*» Крестьяне сёлъ *Михайловской слободы и Яганова*, и деревень: *Дурничихи, Чулковой, Кулаковой и Какузуевой* собирались ежедневно, до двухъ тысячъ человѣкъ, къ *Боровскому* перевозу *Москвы-рѣки*, на гору, откуда неусыпно наблюдали переправу непріятельскихъ отрядовъ чрезъ рѣку. Изъ этихъ воиновъ-земледѣльцевъ большая часть, для устрашенія непріятелей, одѣты были по-казачьи; отважно встрѣчали они непріятеля и прогоняли его. 22 сентября, примѣтя, что многочисленный непріятельскій отрядъ тянется къ селу *Мячкову*, дружины воиновъ-земледѣльцевъ, переправясь въ-бродъ черезъ рѣку, съ помощію казаковъ — напали стремительно, разбили непріятеля, взяли сорокъ-шесть человѣкъ въ плѣнъ — съ оружіемъ, лошадьми и повозками. Одиннадцать человѣкъ положены были на мѣстѣ сраженія; прочіе же разсѣялись и спаслись бѣгствомъ. Въ семъ сраженіи особенно отличались — деревни *Дурнихи* крестьяне: *Михайло Андреевъ, Василій Кирилловъ и Иванъ Ивановъ;* села *Михайловской слободы — Сидоръ Тимоѳеевъ, Яковъ Кондратьевъ, Владиміръ Аѳанасьевъ;* села *Яганова* — староста *Василій Леонтьевъ* и крестьянинъ *Ѳедоръ Дмитріевъ*. Они, бросившись первые въ рѣку, кричали: «*Братцы! не бойтесь; Богъ насъ перенесетъ!*» — Въ деревнѣ *Вохринѣ*, въ сельцахъ *Лубкинѣ* и *Выткаринѣ* — жители вооружились противъ небольшихъ непріятельскихъ отрядовъ и истребили ихъ.

3.

Повсемѣстные разъѣзды казаковъ, для уничтоженія непріятельскихъ партій, ходившихъ — какъ на грабежъ, такъ и для фуражированія, а равно и для захваченія разбредшихся повсюду Французскихъ мародёровъ, содѣлали для непріятелей это легкое наше войско столь страшнымъ, что они трепетали при одномъ имени казака.

Въ то время, какъ Французскіе мародёры шатались еще по Бѣльскому уѣзду, нѣсколько человѣкъ вошли въ крестьянскую избу, въ которой не было никого, кромѣ одной старухи. Преслѣдуемые повсюду Русскими, и потому томимые голодомъ, Французы тотчасъ-же начали требовать съ-угрозами, изуродованнымъ Русскимъ языкомъ, *клеба и млёка*. Не смѣя отказать въ просьбѣ, старуха поспѣшила отдать имъ послѣдній свой кусокъ хлѣба; на-счетъ же молока отвѣчала, что у нея

его нѣтъ, потому-что всѣхъ ея коровушекъ и овечекъ прочіе ихъ товарищи забрали и перерѣзали. «Но», присовокупила она, «у меня есть *коза*». — «*Куда коза?*» закричали вдругъ испуганные Французы, подумавшіе, что она говоритъ имъ о казакахъ, которые, быть можетъ, находились въ этой деревнѣ, и, извѣстясь объ ихъ посѣщеніи, шли ихъ захватить. «*Тамъ, на дворѣ, родные*», отвѣчала старуха. «*Казакъ на дворѣ!*» повторили съ-ужасомъ мародёры, и, не говоря болѣе ни слова, кинулись опрометью вонъ изъ избы. Вотъ *лучшая похвала казакамъ!*

(Изъ книги: «*Анекдоты достопамятной войны Россіянъ съ Французами*».)

МѢСТА ИЗЪ МАНИФЕСТА ОБЪ ИЗГНАНІИ ИЗЪ РОССІИ НЕПРІЯТЕЛЯ ВЪ 1812 ГОДУ.

1.

Каковой примѣръ храбрости, мужества, благочестія, терпѣнія и твердости показала Россія! Вломившійся въ грудь ея врагъ, всѣми неслыханными средствами лютостей и неистовствъ не могъ достигнуть того, чтобы она хотя единожды о нанесенныхъ ей отъ него глубокихъ ранахъ вздохнула. Казалось, съ пролитіемъ крови ея — умножался въ ней духъ мужества, съ пожарами градовъ ея — воспалялась любовь къ отечеству, съ разрушеніемъ и поруганіемъ храмовъ Божіихъ — утвердилась въ ней Вѣра и возникло непримиримое мщеніе. Войско, вельможи, дворянство, духовенство, купечество, народъ, словомъ, всѣ государственные чины и состоянія, не щадя ни имуществъ, ни жизни, составили единую душу, душу — вмѣстѣ мужественную и благочестивую, толико же пылающую любовію къ отечеству, колико любовію къ Богу. Отъ сего всеобщаго согласія и усердія вскорѣ произошли слѣдствія — едва-ли когда слыханныя. Да представятъ себѣ — собранныя съ двадцати царствъ и народовъ, подъ едино знамя соединенныя, ужасныя силы, съ какими властолюбивый, надменный побѣдами, свирѣпый непріятель вошелъ въ Нашу землю! Полмилліона пѣшихъ и конныхъ воиновъ и около полуторы-тысячи пушекъ слѣдовали за нимъ. Съ симъ толико огромнымъ ополченіемъ проникаетъ онъ въ самую средину Россіи, распространяется и начинаетъ повсюду разливать огонь и опустошеніе... Но едва проходитъ 6 мѣсяцевъ отъ вступленія его въ наши предѣлы, — и гдѣ онъ? Здѣсь прилично сказать слово священнаго пѣснопѣвца: *видѣхъ нечестиваго, превозносящася и высящася, яко кедры Ливанскіе, — и мимоидохъ, и се не бѣ, и взыскахъ его, и не обрѣтеся мѣсто его*. По истинѣ, сіе высокое изреченіе совершилось во всей силѣ надъ гордымъ и нечестивымъ нашимъ непріятелемъ. Гдѣ войска его, подобныя тучѣ изгнанныхъ вѣтрами облаковъ? — разсыпались, какъ дождь! Великая часть ихъ, на-

поивъ кровію землю, лежитъ, покрывая пространство Московскихъ, Калужскихъ, Смоленскихъ, Бѣлорусскихъ и Литовскихъ полей....

2.

.....Нынѣ, съ сердечною радостію и горячею къ Богу благодарностію, объявляемъ Мы любезнымъ Нашимъ вѣрноподданнымъ, что событіе превзошло даже и самую надежду Нашу, и что объявленное Нами при открытіи войны сей — свыше мѣры исполнилось: уже нѣтъ ни единаго врага на лицѣ земли Нашей, или, лучше сказать, всѣ они здѣсь остались.... но какъ? — мертвые, раненные и плѣненные! Самъ гордый повелитель и предводитель ихъ едва, съ главнѣйшими чиновниками своими, отселѣ ускакать могъ, растерявъ все свое воинство и всѣ привезенныя съ собою пушки, которыхъ больше тысячи, не считая зарытыхъ и потопленныхъ имъ, отбиты у него и находятся въ рукахъ Нашихъ...

НАБѢГЪ ЧЕРКЕСОВЪ.

Осенью, въ 1819 году, Кабардинцы и Чеченцы, ободренные отсутствіемъ главнокомандующаго, собрались, въ числѣ полуторы тысячи человѣкъ, сдѣлать нападеніе на какую-нибудь деревню за Терекомъ, — ограбить её, увезти плѣнниковъ, угнать табунъ. Предводителемъ былъ Кабардинскій князёкъ Джембулатъ. Аммалатъ-Бекъ, пріѣхавшій къ нему съ письмомъ отъ Султанъ-Ахметъ-Хана, былъ принятъ съ-радостію. Правду сказать, ему не дали никакого отряда, но это отъ того, что у нихъ нѣтъ никакого строя, ни порядка въ войскѣ: борзый конь и собственная запальчивость указываютъ каждому мѣсто въ битвѣ. Сначала сдумаютъ, какъ завязать дѣло, какъ завлечь непріятеля, но потомъ — нѣтъ ни повиновенія, ни повелѣнія, и случай доканчиваетъ сраженіе. Обославшись съ сосѣдними узденями [1]) и наѣздниками, Джембулатъ назначилъ сборное мѣсто, и вдругъ, по условному знаку, по всѣмъ ущеліямъ раздался крикъ: «гарай! гарай!» (тревога) и въ-одинъ-часъ слетѣлись, со всѣхъ сторонъ, наѣздники Чеченскіе и Кабардинскіе. Во-избѣжаніе измѣны, никто не зналъ, кромѣ вождей, гдѣ будетъ ночлегъ, гдѣ переправа. Раздѣлясь на небольшія кучки, пошли они по едва виднымъ тропамъ въ мирной аулъ [2]), гдѣ должно было скрыться до ночи. Въ сумеркахъ всѣ отряды уже сошлись туда. Разумѣется, мирные встрѣтили своихъ земляковъ съ распростертыми объятіями, но Джембулатъ, недовѣряя этому, оцѣпилъ селеніе часовыми, и объявилъ

---

[1]) *Уздень* — дворянинъ, подручный какого-либо Черкесскаго князька.
[2]) *Аулъ* — Черкесское селеніе, деревня. *Щ.*

жителямъ, что если кто покусится уйти къ Русскимъ, будетъ изрубленъ въ куски. Большая часть узденей разошлись по саклямъ кунаковъ *), или родственниковъ; но самъ Джембулатъ, съ Аммалатомъ и лучшими наѣздниками, остался на чистомъ воздухѣ, подлѣ разведеннаго огня, покуда освѣжались усталые ихъ кони. Джембулатъ, простершись на буркѣ, опершись рукою объ руку, раздумывалъ распорядокъ набѣга. Звукъ металлическихъ струнъ горской балалайки, сопровождаемый протяжнымъ напѣвомъ, извлекъ его изъ задумчивости: то кабардинецъ пѣлъ пѣсню старинную.

«Послушай, Аммалатъ», примолвилъ Джембулатъ, крутя усъ свой, «не скрою отъ тебя, что дѣло можетъ быть жаркое. Я сей-часъ провѣдалъ, что полковникъ К*** собралъ отрядъ свой; — но гдѣ онъ? но сколько у него войска? — этого никто не знаетъ».

— «Чѣмъ больше будетъ Русскихъ, тѣмъ лучше» — отвѣчалъ Аммалатъ спокойно — «тѣмъ менѣе будетъ промаховъ».

«За то труднѣе добыча!»

— «По мнѣ хоть-бы вѣкъ ея не было: я хочу мести, ищу славы».

Джембулатъ свиснулъ, и свистъ его повторился во всѣхъ концахъ стана... Вмигъ собралась вся шайка. Къ ней присоединились многіе узденн изъ окрестныхъ мирныхъ деревень. Потолковавъ съ ними, гдѣ лучше переправиться, отрядъ въ-тишинѣ двинулся къ берегу. Аммалатъ-Бекъ не могъ надивиться молчаливости, не только всадниковъ, но и самыхъ коней; ни одинъ изъ нихъ не ржалъ, не храпѣлъ и, будто остерегаясь, ставилъ копыто на землю. Отрядъ несся неслышнымъ облакомъ; скоро добрались до берега Терека. Вода въ то время была не высока и бродъ возможенъ. Не смотря на это, часть отряда потянулась выше, для переправы, чтобы оттянуть казаковъ отъ главной переправы и прикрыть ее, ежели-бы дали отпоръ. Тѣ, которые надѣялись на коней своихъ, прыгали прямо съ берега. Другіе подвязывали подъ переднія лопатки по парѣ небольшихъ мѣховъ надутыхъ, какъ пузыри. Быстрина сносила и разносила ихъ, и каждый выходилъ на сушу, гдѣ находилъ удобное мѣсто, чтобы вскарабкаться коню. Непроницаемая завѣса тумана скрывала всё движеніе.

Надобно знать, что по всей горской прибрежной линіи тянется маячная и сторожевая цѣпь. По всѣмъ курганамъ и возвышенностямъ стоятъ конные пикеты. Проѣзжая мимо днемъ, вы видите на каждомъ холмѣ высокій шестъ съ бочёнкомъ на верху: онъ полонъ смолой и соломою, и готовъ вспыхнуть при первой тревогѣ. При этомъ шестѣ обыкновенно привязана казацкая лошадь, и подлѣ нея лежитъ часовой. Въ ночь часовые удваиваются. Но, не смотря на такую предосторожность, Черкесы,

*) *Кунакъ* — пріятель. *Щ.*

подъ мракомъ и туманомъ, нерѣдко малыми шайками протекаютъ сквозь цѣпь, будто вода сквозь сито. Точно-тоже случилось и теперь: зная совершенно мѣстность, *белады* (проводники) изъ мирныхъ вели каждую партію и тихомолкомъ миновали курганы. Въ двухъ только мѣстахъ, хищники, чтобы прорвать линію маяковъ, могущихъ измѣнить имъ, рѣшились снять часовыхъ. На одинъ постъ отправился самъ Джембулатъ, а нашему Беку велѣлъ ползкомъ выбраться на берегъ, обогнуть пикетъ сзади, сосчитать его и потомъ ударить нѣсколько-разъ въ огниво. Сказано — сдѣлано. Чуть поднявъ голову съ забережья, весьма крутого, Джембулатъ высмотрѣлъ казака, дремлющаго надъ фитилемъ, держа въ поводу лошадь. Послышавъ шорохъ, часовой встрепенулся и устремилъ безпокойные взоры на рѣку. Боясь, чтобъ тотъ не замѣтилъ его, Джембулатъ метнулъ вверхъ шапку и припалъ за кряжъ. «Проклятая утица!» сказалъ Донецъ, «имъ и ночью масляница: плещутся да летаютъ, словно вѣдьмы Кіевскія!» Но въ это время искры, мелькнувшія въ другой сторонѣ, привлекли его вниманіе. «Неужто волки?» подумалъ онъ: — «бываетъ, они крѣпко сверкаютъ глазами». Но искры посыпались снова, и онъ обомлѣлъ, вспомнивъ разсказы, что Чеченцы даютъ такіе сигналы, управляя ходомъ своихъ товарищей. Этотъ мигъ изумленія и раздумья былъ мигомъ его погибели: кинжалъ, ринутый сильною рукою, свиснулъ, — и пронзённый казакъ безъ-стона упалъ на землю. Товарищъ его былъ изрубленъ сонный, и вырванный шестъ съ бочёнкомъ кинули въ воду. Быстро соединился весь отрядъ — по данному знаку, и разомъ устремился на деревню, на которую заранѣ предположено было напасть. Набѣгъ совершонъ былъ очень удачно, то-есть вовсе неожидано. Всѣ крестьяне, которые успѣли вооружиться, были перебиты послѣ отчаяннаго сопротивленія; другіе спрятались или разбѣжались. Кромѣ добычи, множество плѣнныхъ и плѣнницъ было наградой отваги. Кабардинцы вторгались въ домы, уносили — что поцѣннѣе или что въ-торопяхъ попадало подъ руку, но не жгли домовъ, не топтали умышленно нивъ, не ломали виноградниковъ. «Зачѣмъ трогать даръ Божій и трудъ человѣка», говорили они, и это правило горскаго разбойника, неужасающагося никакимъ злодѣйствомъ, есть доблесть, которою-бы могли гордиться народы самые образованные, если-бы они её имѣли. Въ часъ всё было кончено для жителей, но не для грабителей; тревога распространилась уже по всей линіи.

Между-тѣмъ нѣсколько человѣкъ опытныхъ наѣздниковъ обскакали большой табунъ, далеко въ степи ходившій. Пастухъ былъ захваченъ съ-разу. Съ крикомъ и выстрѣлами бросились они потомъ на коней съ полевой стороны; кони шарахнулись, взбросили гривы и хвосты на вѣтеръ и стремглавъ кинулись вслѣдъ за Черкесомъ, котораго на лихомъ скакунѣ нарочно оставили на рѣчной сторонѣ, чтобы онъ былъ вожакомъ

испуганнаго стада. Избравъ самое крутое мѣсто берега, онъ спрыгнулъ въ Терекъ со всего разскока: весь табунъ — за нимъ слѣдомъ.... только прыскала шумная пѣна отъ паденія.

Занялась заря, разступились туманы. Главная толпа наѣздниковъ влачила за собою плѣнныхъ, кого при стремени, кого за сѣдломъ, со связанными руками. Плачъ, и стонъ, и вопль отчаянія заглушались угрозами и неистовымъ крикомъ побѣдной радости. Отягощенные добычей, замедляемые въ-ходу стадами рогатаго скота, они медленно подвигались къ Тереку. Князья и лучшіе наѣздники, въ кольчугахъ и шлемахъ, блистающихъ, переливающихся, какъ вода, увивались около поѣзда, словно молніи изъ сизой тучи. Вдали, со всѣхъ сторонъ, скакали Линейскіе Казаки, залегали за дубы, за кустарники, и скоро завязали перепалку съ высланными противъ нихъ удальцами. Тамъ и сямъ сверкали, гремѣли выстрѣлы; порой падалъ Черкесъ съ коня. Между-тѣмъ передовые успѣли переправить часть стада, когда пыльное облако и топотъ коней возвѣстили, что на нихъ несется гроза. Сотъ шесть Горцевъ, предводимыхъ Джембулатомъ и Аммалатомъ, оборотили коней, чтобъ отразить нападеніе и дать время своимъ убраться за рѣку. Безъ всякаго порядка, съ гикомъ и крикомъ, пустились они навстрѣчу казакамъ, но ни-одно ружье не было вынуто изъ нагалища за спиною, ни-одна шашка не сверкала въ рукахъ: Черкесъ до послѣдняго мгновеніе не обнажаетъ оружія. И точно, доскакавъ лишь на двадцать шаговъ, они выхватили ружья свои, выстрѣлили на всемъ скаку, забросили ружья за лѣвую руку и ударили въ шашки; но Линейскіе Казаки, отвѣтивъ имъ залпомъ, понеслись прочь, и, разгоряченные преслѣдованіемъ, Горцы дались въ обманъ, столь часто самими употреблямый. Казаки навели ихъ на скрытыхъ въ опушкѣ егерей храбраго 43-го полка. Будто изъ земли выросли небольшія каре, штыки клонились, и бѣглый огонь посыпался наперекрестъ. Напрасно, спѣшась, хотѣли Горцы занять лѣски и съ-тыла ударить на нашихъ: подоспѣвшая артиллерія рѣшила дѣло. Опытный полковникъ К***, гроза Чеченцевъ, человѣкъ, въ которомъ они равно боялись храбрости и уважали праводушіе и безкорыстіе, распоряжалъ дѣйствіями войскъ, и успѣхъ не могъ быть сомнителенъ. Пушки развѣяли толпы хищниковъ, и картечь прыснула въ бѣгущихъ. Пораженіе было ужасно. Двѣ пушки заскакали на мысъ, невдали отъ котораго Черкесы кидались вплавь съ берега: онѣ пронизывали вдоль всю рѣку. Съ ревомъ прыгала картечь по вспѣненнымъ волнамъ, и за каждымъ выстрѣломъ нѣсколько лошадей обращались вверхъ ногами, утопляя своихъ всадниковъ. Жалко было видѣть, какъ раненые цѣплялись за хвосты и узды чужихъ коней, погружали ихъ и не спасали себя, какъ бились усталые у крутого берега, желая выползть — обрывались, и несытая пучина уносила, поглощала ихъ. Трупы убитыхъ неслись между полуживыми, и кровавыя по-

лосы змѣями вились по бѣлой пѣнѣ; дымъ катился по Тереку, и вдали снѣговыя вершины Кавказа, нахмуренныя туманами, грозно замыкали поле боя. Джембулатъ и Аммалатъ-Бекъ дрались, какъ отчаянные; двадцать разъ опрокинутые и двадцать разъ нападая, утомлены, но не побѣждены; съ сотнею удальцовъ переплыли они за рѣку, спѣшились, сбатовали коней и завели жаркую перестрѣлку съ другого берега, чтобы прикрыть остальныхъ спутниковъ. Занятые этимъ, они поздно замѣтили, что выше ихъ плавятся за рѣку Линейскіе Казаки на-перерѣзъ имъ. Съ радостнымъ крикомъ окружали ихъ Русскіе. Гибель была неизбѣжна. — «Ну, Джембулатъ!» сказалъ Бекъ Кабардинцу: «судьба наша кончилась! Дѣлай самъ, какъ хочешь, но я не отдамся въ плѣнъ живой. Лучше умереть отъ пули, чѣмъ отъ позорной веревки». — «Не думаешь-ли ты», возразилъ Джембулатъ: «что мои руки сдѣланы для цѣпей? Сохрани меня Алла [1]) отъ такого поношенія! Русскіе могутъ полонить мое тѣло, но душу... никогда, никакъ!... Братцы, товарищи!» кликнулъ онъ къ остальнымъ: «намъ измѣнило счастье!... но булатъ не измѣнитъ! Продадимъ дорого жизнь свою гяурамъ! [2]) Не тотъ побѣдитель, за кѣмъ поле, тотъ — за кѣмъ слава, а слава тому, кто цѣнитъ смерть выше плѣна!» — «Умремъ! умремъ! только славно умремъ!» закричали всѣ, вонзая кинжалы въ рёбра коней своихъ, чтобы они не достались врагамъ въ добычу, и потомъ, сдвинувъ изъ нихъ завалъ, залегли за него, приготовляясь встрѣтить нападающихъ — свинцомъ и булатомъ. Зная, какое упорное сопротивленіе встрѣтятъ, казаки остановились, готовясь на ударъ... Ядра съ противоположнаго берега иногда ложились въ-кругъ безстрашныхъ Горцевъ; порой разрывало между нихъ гранату, осыпая ихъ землей и осколками, — но они не смущались, не прятались, и, по обычаю, запѣли грозно-унылымъ голосомъ смертную пѣсню:

«О, братья! творите молитву;
Съ кинжалами ринемся въ битву!
Ломай ихъ о Русскую грудь....
По трупамъ — безстрашнаго путь!
Слава намъ, смерть врагу,
Алла-га, Алла-гу!»
. . . . . .

Поражены какимъ-то невольнымъ благоговѣніемъ, егерѣ и казаки безмолвно внимали страшнымъ звукамъ этихъ пѣсенъ, но наконецъ громкое ура! раздалось съ обѣихъ сторонъ. Черкесы вскочили съ-воплемъ, выстрѣлили въ послѣдній разъ изъ ружей, и, разбивъ ихъ о камни, ки-

---

[1]) *Алла* или *Аллахъ* — такъ называется *Богъ* у всѣхъ магометанъ. — Слово Арабское.
[2]) *Гяурами*, то есть, *невѣрными* магометане называютъ всѣхъ немагометанъ. *Щ.*

нулись на Русскихъ съ кинжалами. Абреки [1]), чтобъ не разорваться въ натискѣ, связались другъ съ другомъ поясками, и такъ бросились въ сѣчу; она была безпощадна: всё пало подъ штыками Русскихъ.

Александръ Бестужевъ.

ПОДВИГЪ ДВУХЪ РУССКИХЪ ОФИЦЕРОВЪ ЗА КАВКАЗОМЪ.

За непрестанные набѣги и разбои Сурхай-Хана Казикумыкскаго, Русскіе, чтобы положить тому преграды, завладѣли частію подвластныхъ ему горъ, въ 1820 году, въ январѣ, когда генералъ Ермоловъ громилъ возмутившихся Акушинцевъ. Сурхай-Ханъ скликалъ къ себѣ своихъ воинственныхъ Кумыковъ, Аварскую вольницу, и съ десяти-тысячнымъ полчищемъ хлынулъ къ крѣпости Чирахской [2]), охраняемой ротою Апшеронскаго Пѣхотнаго Полка, не сомнѣваясь, что онъ возьмётъ её, уничтожитъ другія, — и очиститъ отъ Русскихъ ханства Куринское и Казикумыкское.

Штабсъ-капитанъ Овечкинъ, которому ввѣрено было это передовое укрѣпленіе, видѣлъ мятежное волненіе въ самомъ селеніи, свѣдалъ о возстаніи окрестныхъ, и собралъ роту свою въ крѣпость, грозящую съ утеса Чираху.

Надобно сказать, что селеніе Чирахъ сгромождено по скатамъ горъ, на берегахъ двухъ буйныхъ, ревучихъ рѣчекъ, которыя, сливаясь въ срединѣ его, образуютъ потокъ Чирахъ-Чай. Вблизи крутыми валами встаютъ холмы, кругомъ уходятъ за облака нагіе хребты, изрытые ущельями.

Толпы Лезгинъ, съ дикимъ воплемъ, со всѣхъ сторонъ окружили крѣпость... Сажень 50 ниже ея, на обрывѣ скалы, стояла мечеть съ минаретомъ [3]), обращенная въ хлѣбный магазинъ, — и 30 человѣкъ Апшеронцевъ, защищавшіе этотъ магазинъ, первые приняли на себя огонь враговъ, и первые пали отъ ихъ безумной злости, отстрѣливаясь до послѣдней минуты, защищаясь штыками до послѣдняго вздоха. Мечеть была взята приступомъ, и съ вершины минарета посыпался убійственный градъ пуль внутрь крѣпости. Но кара была готова. Поручикъ Щербина, посланный на вылазку, по трупамъ открылъ себѣ дорогу сквозь толпы враговъ, ворвался въ мечеть, и вырѣзалъ засѣвшихъ тамъ Лезгинъ до-одного. Завладѣвъ снова минаретомъ, стрѣлки Щербины били

---

[1]) *Абреки* — изувѣры, давшіе обѣтъ никогда не отступать отъ непріятеля, но биться до смерти, люди отчаянные, ищущіе смерти, поклявшіеся мстить и убивать.

[2]) Она отстоитъ отъ городовъ Кубы и Дербента верстъ около 120, къ западу.

[3]) *Мечетью* — называется Магометанская церковь. *Минаретъ* — башня на мечети, откуда скликаютъ Магометанъ на молитву. *Щ.*

сверху минарета любого, но за-то десятки пуль проникали въ малѣйшія скважины, и число храбрыхъ рѣдѣло, а толпы Лезгинъ густѣли съ каждымъ часомъ. Видя неминуемую гибель товарищей, безстрашный Овечкинъ сдѣлалъ двѣ вылазки, чтобъ выручить ихъ изъ засады. Но Щербина ему кричалъ: «Возвратись! береги людей для охраны крѣпости,— они нужнѣе меня отечеству. Я обрекъ себя на смерть, но умру не даромъ; и если не станетъ свинцу, то своимъ паденіемъ задавлю непріятеля!» Наконецъ, разсвирѣпѣвшіе Горцы отбили двери, ворвались внутрь, рѣзались тамъ кинжалами и, растерзавъ всѣхъ, по узкой лѣстницѣ устремились къ-верху; но тамъ ждалъ ихъ Щербина: — человѣкъ за человѣкомъ, и каждая голова, которая показалась изъ-подъ пола, слетали на окровавленную площадку отъ удара его сабли. Потерявъ лучшихъ людей, Лезгины отказались отъ приступа, а не отъ мщенія. Два дни держался Щербина не сдаваясь — безъ капли воды, посреди умирающихъ и убитыхъ; но на третій — минаретъ, разжигаемый сухимъ хворостомъ, обратился въ печь. Щербина задыхался отъ дыма и жара, и ожесточенные Горцы стащили его сверху — полумертваго, полуизжареннаго, — подрѣзали ему пятки, вытянули жилы и, въ глазахъ осажденныхъ, замучили до смерти. Такъ кончилъ жизнь свою — образецъ и жертва храбрости, Щербина, юноша, своимъ образованіемъ, умомъ и твердостью духа подававшій блестящія надежды!... Но кровь его пролилась за отечество не даромъ: она вписала красную строку въ лѣтопись военной славы Русскаго народа.

Осажденная крѣпость Чирахъ состояла изъ небольшаго квадрата съ круглыми по угламъ бастіонами, съ высокимъ брустверомъ надъ амбразурами, отъ нечаяннаго нападенія. Подъ убійственнымъ картечнымъ огнемъ, приблизились однако-же Горцы къ крѣпости и залегли подъ самыми ея стѣнами. Завязалась стрѣльба изъ ружей, но чтобы убивать непріятелей, должно было стрѣлять, стоя, съ гребня бруствера, и храбрые воины наши посылали и принимали вѣрную смерть. Не разъ пытались Лезгины на приступъ, но всегда были опрокидываемы съ большимъ урономъ себѣ, съ значительнымъ — для осажденныхъ. Безстрашныя, но напрасныя вылазки, гдѣ неимовѣрная отвага уступала вѣрной силѣ, уменьшали число нашихъ еще болѣе. Остался живъ только заслужонный штабсъ-капитанъ Овечкинъ; при немъ — человѣкъ сто, изъ которыхъ болѣе половины раненыхъ, а онъ самъ — съ пробитою ногой. Положеніе гарнизона становилось часъ-отъ-часу ужаснѣе. Осада длилась уже 3 дня, а у нихъ ни капли воды, чтобы омыть раны, чтобы омочить жаждою запекшіяся уста... Снѣгъ былъ истоптанъ въ грязь и залитъ кровью. Правда, нѣсколько удальцовъ, спускаясь ночью со стѣнъ, прокрадывались до источника: но не многимъ удавалось воротиться, и великодушные воины платили кровью за воду, почерпнутую для спасенія братій.

Солдаты грызли пули, глотали порохъ, думая освѣжить себя: напрасно, — усталость и безсонница множили ихъ страданія; они уже послѣдними пулями посылали месть за павшихъ. Между-тѣмъ Лезгины снова кричали о сдачѣ, сколько предложенной, столько-же-разъ отвергнутой съ-презрѣніемъ, и изнеможенные солдаты стали уже переглядываться между собой.

— Товарищи! — сказалъ тогда Овечкинъ: — я дѣлилъ съ вами труды и славу, заслужилъ съ вами всѣ раны, не однажды водилъ васъ впередъ, и никогда не видалъ въ побѣгѣ... Не дайте же — при концѣ жизни моей — увидѣть васъ, какъ трусовъ, безъ оружія, а себя — въ постыдномъ плѣну. Ужь коли рѣшились вы опозорить имя Русское, то прежде пристрѣлите меня, и тогда дѣлайте, что хотите, если не можете дѣлать, что должно. Вы не слушаетесь приказа, — убейте начальника, когда не хотите бить враговъ!

Говорилъ Русскій и Русскимъ: сказанное съ-жаромъ — было принято съ-восторгомъ. Забыто всё, — и одушевленные солдаты, поклявшись на саблѣ умереть не сдаваясь, снова кинулись на стѣны, и снова загремѣлъ ружейный и пушечный огонь.

Прошло еще нѣсколько часовъ четвертаго дня, и герой Овечкинъ, исходя кровью, изнемогая отъ судорогъ, впалъ въ смертное оцѣпенѣніе. Тогда фельдфебель одной изъ ротъ обратился къ солдатамъ съ предложеніемъ сдаться. — «Надежды на помощь никакой нѣтъ — говорилъ онъ имъ — подумайте, гдѣ мы и гдѣ наши! Помощи ждать невозможно, порохъ на исходѣ, а мы сами, какъ тѣни — отъ жажды, отъ ранъ, отъ истомы! Если не сдадимся теперь, то чрезъ-часъ Лезгины безъ выстрѣла возьмутъ крѣпость, и насъ переберутъ, какъ мерзлыхъ мухъ, руками. Слышите ли, какъ обѣщаютъ они честный плѣнъ или участь Щербины!... Сдадимся, братцы! насъ никто не укоритъ, что не сдѣлали своего дѣла передъ Богомъ и государемъ!»

При этихъ словахъ, жизнь вспыхнула негодованіемъ въ сердцѣ Овечкина. Онъ вспрянулъ неожиданно, подозвалъ къ себѣ фельдфебеля и ударомъ руки повергъ его на землю. «Свяжите, бросьте этого бездѣльника! — вскричалъ онъ: — я застрѣлю перваго, кто помянетъ о сдачѣ.... Поднимайте, принесите меня къ пушкѣ!»

Надобно знать, что амбразуры орудій заслонялись тамъ досками, чтобы при заряжаніи не било артиллеристовъ. Дрожащею рукой схватилъ онъ фитиль, скомандовалъ: «*отнимайте доску!*» и пушка грянула. Но сотни пуль влетѣли въ открытое отверстіе, и онъ, простреленный двумя въ бокъ и въ ухо, покатился долой съ платформы. Воспламененные солдаты дрались съ ожесточеніемъ, и умирали безъ ропота.

Упалъ вечеръ; — тяжкая, роковая, безнадежная ночь протянулась за нимъ, какъ вѣчность. Лезгины готовились на приступъ; гибель храб-

рыхъ защитниковъ крѣпости была неизбѣжна. Немного осталось вживѣ Русскихъ, и тѣ, израненные, ждали съ первымъ лучемъ солнца неизбѣжной, мучительной гибели.

Крики угрозъ и шумъ всю ночь раздавались въ станѣ Лезгинъ: они готовились на послѣдній приступъ.

Къ разсвѣту всё стихло, густой туманъ клубился кругомъ, и наконецъ медленно снялся онъ съ окрестности: все было пусто... *Непріятель бѣжалъ*... Куда? — никто не зналъ, никто не угадывалъ.

Скоро загадка объяснилась: Ермоловъ однимъ ударомъ сокрушилъ полчища Акушинцевъ, — и громъ его отгрянулъ въ сердцахъ мятежныхъ воиновъ Сурхай-Хана; они разсѣялись этой вѣстью, какъ ураганомъ, страшась мести, спѣша защищать дома свои, — но неизбѣжная месть настигла ихъ...

Пусть живетъ сей высокій подвигъ Овечкина въ памяти Русскихъ, въ благодарности отечества, въ примѣръ грядущимъ его защитникамъ.

Государь Императоръ наградилъ штабсъ-капитана Овечкина чиномъ капитана и орденомъ святого равноапостольнаго князя Владиміра съ бантомъ. Георгіевскіе кресты, присланные въ баталіонъ, не многихъ застали въ живыхъ! Миръ праху, слава ихъ имени!

Черезъ четыре мѣсяца Овечкинъ былъ уже въ строю и въ дѣлѣ. Главнокомандующій Кавказскою арміею, генералъ Ермоловъ, назначилъ его, въ награду, въ передовые на приступъ Хойзрека. Крѣпость была взята, и капитанъ Овечкинъ доказалъ, что награда была ему по сердцу, и что онъ стоилъ довѣрія главнокомандующаго.

Александръ Бестужевъ.

ДѢЛО ПОДЪ ЖУРЖЕЙ — 25 ІЮНЯ 1854 ГОДА. *)

(Разсказъ солдата про войну.)

Разскажи-ко, любезный, что̀ вы тамъ дѣлали въ Валахіи?

— По этой Валахіи мы-то безъ малаго съ годъ ходили. Всё больше около Журжи держались, въ баракахъ жили; а какіе — такъ и въ самой Журжѣ стояли. Оттуда батальоны ходили на островъ въ прикрытіе. А островъ этотъ пребольшущій: верстъ семь длины и версты такъ полторы ширины. И другіе острова тамъ тоже есть, — а на этихъ островахъ камышъ растетъ и лозникъ густой-прегустой, только-что пролѣзть. Изъ лозника этого мы все лѣтомъ ѣздили фашины вязать да туры плести; а тотъ же островъ, что самый большой, — какъ-

*) Этотъ разсказъ, записанный военнымъ врачемъ г. *Кузнецовымъ*, сообщенъ ему рядовымъ Колыванскаго Полка *Ивановымъ*, награжденнымъ, за свое мужество въ дѣлѣ подъ Журжею, Георгіевскимъ крестомъ.

разъ противъ Рущука, ихней крѣпости. И крѣпость не очень-бы, сказать, большая, маленькая крѣпость, только у Турка тамъ орудія бомбическія, а у насъ-то полевая артиллерія. Баттареи у насъ были покопаны, — а тамъ-то, по берегу, всё штуцера въ ямкахъ сидѣли, и всякій-день пальба идетъ. Бывало, какъ наши въ прикрытіе идутъ, — батальонъ или рота, — такъ ужь норовишь, чтобъ до-свѣту пробраться къ камышамъ, или камышомъ пригинаешься-идешь: потому опасно — какъ увидитъ, такъ сейчасъ и палитъ. Да и наши штуцера имъ отпаливаютъ; днемъ къ водѣ не подпускаютъ, а ночи какъ дождутся, — къ водѣ-то, изъ крѣпости хлынутъ, только котелками буль-буль-буль, а наши уже знаютъ эти мѣста, куда они за водой прибиваются, и станутъ палить. Ужь сколько-разъ Турокъ хотѣлъ-было переправиться на этотъ островъ, да силы у него было мало; а съ нами прежде были тамъ и волонтеры Греческіе, батальона два, — такъ и тѣ имъ ходу не давали. Разъ они засѣли въ камышахъ, дали проѣхать Турку половину Дуная, а потомъ батальнымъ огнемъ какъ дернули, — самая малость его тутъ и осталась.

А самое-то дѣло было 25-го Іюня. Пушки мы еще прежде взяли съ острова, — только четыре осталось. А онъ, должно быть, узналъ, что насъ силы всего два полка было, да стянулъ сюда своего войска много, — Боже сохрани, сколько! — Турки, Египетскіе Арапы, Поляки, Венгеры, всякаго званія народъ... Ну, и сталъ онъ переправляться на острова съ 23-го еще числа, а 28-го, рано-рано утромъ, сталъ выгружаться и на большой островъ, гдѣ наши были. Тутъ силы его было видимо-невидимо, — просто, всю рѣку запрудили, а у насъ войска-то на самомъ острову всего нѣсколько ротъ въ-прикрытіи (островъ-то длинный!): ну, нельзя было его пустить. Батальонъ-то нашъ всю ночь передъ-этимъ раскапывалъ да заравнивалъ мѣста, гдѣ баттареи наши были, чтобъ ему не за чѣмъ было засѣсть; а въ девятомъ часу утра мы ужь и въ дѣйствіе поступили, не пивши, не ѣвши. Батальонный командиръ у насъ былъ подполковникъ Вислогурскій, — ходитъ по рядамъ, говоритъ: «ну, говоритъ, братцы, намъ нынче жарко будетъ, поработайте дружнѣе: первую цѣпь, говоритъ, пойдете — не стрѣляйте, и вторую, говоритъ, пойдете — не стрѣляйте, а тамъ прямо въ штыки, — такъ-то ловчей будетъ. Богъ благословляетъ васъ, и я васъ, братцы, благословляю. Ну, — говоритъ — съ Богомъ!» Вотъ мы тутъ ужь какъ пошли, видимъ: Турки въ нашу баттарею набились, — какъ галочь чернѣетъ! Ничего, развернулись мы, стали забѣгать и справа, и слѣва. Они сейчасъ батальный огонь открыли: одначе мы таки перескочили черезъ валъ, да въ штыки. Они ужь тутъ видятъ, что неустойка, что наши ужь сзади охватили, — бѣжать! Тутъ мы сотъ до семи ихъ положили. Какъ приперли къ Дунаю, — такъ, какъ тараканы,

съ берега и сыпятся; а тутъ мѣсто глубокое: они аммуницію-то свою замочили, и имъ отпаливать нельзя — какой-какой выстрѣлитъ. А опосля стали мы гнать ихъ еще по водѣ, да какъ подвели подъ нашу баттарею, — то тутъ имъ всѣмъ и лоскъ. Какіе бросались плыть: ружье броситъ, — Дунай-то вѣдь быстеръ, — да такъ шаговъ десять проплыветъ, да и тонетъ, только бульки по водѣ, ажно жалко смотрѣть... Ну, этихъ мы кончили всѣхъ: у насъ потеря самая малость была, а ихъ-то мы тутъ таки положили, — просто, какъ мостъ лежатъ. Пошелъ нашъ батальонъ на другую баттарею, а я съ товарищемъ въ цѣпи остался. Тамъ-то мы видимъ: пальба, дымъ, крикъ, не то ужь, что кричатъ ура, а такъ только гулъ стоитъ, какъ на ярмаркѣ. Ну... и тѣхъ тамъ кончили всѣхъ. — Я и говорю своему товарищу: «пойдемъ, братъ, на берегъ; слыхалъ, какъ въ газетахъ читаютъ про нашихъ солдатъ. Можетъ, и мы отличимся». — «Нѣтъ, говоритъ, можетъ, и отличишься, а можетъ, и жизнь потеряешь». — «Ну, потеряю — потеряю, а я, братъ, пойду». Осмотрѣлъ я ружье и пошелъ къ берегу, а берегъ тамъ-то высокій: такъ, примѣрно, въ ростъ человѣка — крутой. Вотъ я къ этому берегу подползъ, камышомъ пробираюсь и высматриваю, чтобы Турки въ-задъ нашимъ не зашли. И, чортъ его знаетъ, — извините, ваше благородіе, за слово, — какъ я съ берега-то этого оборвался. Вѣдь приключилось же такъ! А подъ берегомъ какъ-разъ Турокъ сидѣлъ: не то онъ раненъ былъ, а, можетъ, и за какимъ дѣломъ сидѣлъ, и ружье-то штыкомъ кверху держитъ. Только какъ съ берега-то я грохнулся, прямо на него шельмовскаго и насѣлъ. Онъ меня испужался, а я его испужался; и штыкомъ-то онъ какъ разъ зацѣпилъ меня за фуражку, — Богъ миловалъ, что не въ глазъ. Вижу, что онъ всё это штыкомъ ковыряетъ, всё фуражку мою хочетъ скопнуть, а я на немъ такъ-то сижу, колѣнками его жму: слышу, ажь крехтитъ, и все это меня сбросить хочетъ. Тутъ-то ужь я штыкомъ ему какъ ударилъ въ шею, только зубомъ дернулъ; чуть было, одначе, и меня въ воду не сунулъ... Ну, вижу я, что подъ берегомъ оставаться неловко, а на берегъ-то никакъ не взберусь, — земля осыпается: такъ я ужь ружье его приставилъ, да по ружью и взобрался. Только-что я въ камышѣ-то сѣлъ, — слышу шелиститъ что-то по камышу. Глянулъ я, офицеръ ихъ крадется и прямо на меня идетъ: сердце-то у меня разобрало, я такъ разомъ какъ кинусь на него: «а ты, говорю, куда, такой-сякой?» — да прямо со штыкомъ къ нему. Онъ оробѣлъ, что-ли, мотаетъ мнѣ такъ-то передъ глазами саблею, какъ собаку дразнитъ, а колоть меня не колетъ. Я кричу ему: «сдавайсь!» онъ же только зубами ляскаетъ, ничего не говоритъ, а самъ все задомъ пятится; а тутъ ужь я вижу, что къ берегу его приперъ: какъ разомъ кинусь на него, да штыкомъ ему прямо подъ правую руку. Тутъ у него сабля и выпала. Ну,

свалилъ я его. Лежитъ онъ и тяжело дышетъ, и кровь у него изо рта пробивается: всё какъ-будто что-то бормочетъ, и видно, что не Турокъ, — изъ себя такой бѣлолицый; а опосля, вижу, сталъ креститься, и всё что-то мнѣ говоритъ. Наклоняюсь я къ нему, прислушиваюсь, — не понимаю. «Можетъ, говорю, воды тебѣ?» а онъ говоритъ: «вода, вода!» Хотѣлъ бы я воды ему принести, да берегъ-то больно крутъ, — боюсь, оборвешься опять, да и набрать нѐ-во-что. Постоялъ я около него, постоялъ, а изъ раны у него кровь такъ и валитъ — Боже мой! Шарфъ на немъ серебряный, сюртукъ — всё это кровью такъ и прошло. И такъ мнѣ это жалко, что я его прокололъ, — ажь я самъ перекрестился... И вижу, что помощь моя уже плохая, и говорю ему: «покайся, братъ, говорю: жить-то тебѣ ужь, видно, не приходится», да только это и говорю ему.... А тутъ, Богу угодно было послать на меня новую бѣду: слышу, подъ берегомъ такъ какъ-будто щолкаетъ, какъ замокъ. Я къ этому къ берегу-то: вижу, Турокъ притаился, ружье этакъ на берегъ-то положилъ и въ меня цѣлится. Вотъ тутъ грѣха таить нечего, я таки дрогнулъ: стрѣлять боюсь — не попаду, а онъ отъ меня въ десяти-то шагахъ всего. Такъ что жь я? — теперь смѣхъ беретъ: сталъ а предъ нимъ кидаться изъ стороны въ сторону, какъ танцую; а онъ-то всё ружьемъ водитъ за мной: самъ прыгаю, да всё ближе къ нему, всё ближе. Такъ я съ-полчаса танцовалъ, аль ни потъ меня прошибъ. Ну, какъ выстрѣлилъ онъ, пуля мнѣ въ правый бокъ и попала, шинель порвала, мундиръ, а по тѣлу какъ обожгла: послѣ синякъ долго былъ. За-то ужь я, какъ почувствовалъ, что не больно, какъ тронулся, подскочилъ къ нему, да хотѣлъ его штыкомъ ударить, — такъ увернулся и прямо въ Дунай: такъ водой его и унесло! Вотъ пошелъ я съ этого мѣста опять туда, гдѣ прежде сидѣлъ, потому тамъ штуцерная ямка была; въ эту ямку я залѣзъ и высматриваю; а на островѣ пальба — Боже мой! — и съ орудій палятъ, и дымъ такъ и стелется по камышу-то, какъ туманъ, и мнѣ далеко не видать. Тутъ наша баттарейная баттарея съ берегу пароходъ ихъ подбила: такъ кубаремъ на одномъ мѣстѣ и завертѣлся... Ну, ужь такое мое счастье: не посидѣлъ я полчаса, вижу, берегомъ идутъ эти Египетскіе Арапы, три человѣка. Въ одного я прицѣлился — прямо ему въ грудь попалъ; онъ-то упалъ, а тѣ какъ закричатъ: «Русъ, Русъ!» да на меня прямо и кинулись. Сейчасъ одинъ штыкомъ ударилъ меня въ грудь, да неловко попалъ: на ремень — только аммуницію порвалъ. Ну, ружье мое опросталось, — а я стволомъ какъ далъ ему по головѣ — ружье и переломилось. Я ружье это бросилъ, выхватилъ тесакъ; а онъ стоитъ, выпучилъ глаза. Подскочилъ я опять къ нему, хотѣлъ зарубить, такъ онъ ужь самъ закачался-закачался и упалъ. А третій — бѣжать отъ меня; я за нимъ, — такъ онъ ружье бросилъ, упалъ на землю, руками и ногами дрыгаетъ

кричитъ *пардона*. Взялъ я его, связалъ ему руки, вывелъ его на чистоту: тутъ офицеръ и наши въ цѣпи уже стояли. Офицеръ меня спрашиваетъ: «куда ты, говоритъ, его ведешь?» — «Въ плѣнъ, ваше благородіе; да, говорю, несчастіе случилось: ружье сломалъ.» — «Какъ, говоритъ, сломалъ?» — «Человѣка четыре, ваше благородіе, прикололъ, да замотался на пятомъ». — «Ну, говоритъ, это несчастіе еще не большое: тутъ ружей много есть, — выбирай любое... Разскажи-ка, говоритъ, какъ ты пятерыхъ-то прибралъ?» Я разсказалъ ему всё, какъ было. — «Ну, молодецъ! говоритъ. Какъ ты прозываешься?» — «Ивановымъ, говорю, ваше благородіе!» Записалъ онъ мое прозвище. — «Спасибо, говоритъ, за службу: царь наградитъ тебя! Ступай, выбирай ружье». Пошелъ я туда на первую баттарею, гдѣ мы дрались, — тутъ и наши таки лежали, и кровь такая по травѣ... Выбралъ я ружье и побѣжалъ опять туда, гдѣ наши около третьей баттареи дрались, тутъ-то мнѣ руку и перебило, какъ-разъ пониже локтя. Я сначала схватилъ ружье въ другую руку, да сунулся было идти: прошелъ немного, такъ меня какъ варомъ обварило, въ головѣ кружится, тошно такъ, да и ноги подкашиваются. Сталъ я, кричу: «братцы, не покиньте!» Тутъ унтеръ-офицеръ Томскаго полка прибѣжалъ ко мнѣ, схватилъ меня за руку: «пойдемъ, говоритъ, скорѣй!» и тащитъ. А у меня такъ ноги и подламываются, идти не могу. Прошли мы, можетъ, саженъ съ двадцать; а сзади въ насъ палятъ. Пули, какъ шмели, жужжатъ. Только-что мы на горочку стали выходить, а тутъ ядро какъ ударитъ въ землю, такъ меня отъ товарища и оторвало. Упалъ я, и силы у меня нѣтъ; чувствую, что ужь дальше не идти; а пить, Боже мой, какъ хочется!... Сердце такъ и горитъ. Сталъ я ворочаться по землѣ, чтобъ животомъ-то на землю лечь, чтобъ не такъ сердце-то горѣло, — слышу, кто-то стонетъ: «землякъ, а землякъ!» говоритъ. — «Что?» говорю. — «Что, говоритъ, твое ружье заряжено?» — «Не помню, братъ! не то заряжено, не то нѣтъ». — «Подлѣзай, говоритъ, сюда, когда можешь». Сталъ я по травѣ лѣзть: рука волочится за мной, кровь льётся, ажно дурно дѣлается. Подлѣзъ я: вижу, этотъ унтеръ-офицеръ, что велъ меня, лежитъ спиною кверху, и вижу, внутренности у него вышли. «Предай, братъ, говоритъ, меня смерти: я ужь не жилецъ на этомъ свѣтѣ. Чѣмъ мучиться, лучше сразу умереть!» — Что ты, говорю, Господь съ тобою, перекрестись! Аль насъ не поднимутъ! Можетъ, доктора зашьютъ, что еще живъ будешь!» — «Нѣтъ, братъ, говоритъ, жить мнѣ, чувствую, недолго». И вижу, онъ всё говоритъ и икаетъ. — «Ты, говоритъ, какой губерніи?» — «Калужской», говорю. — «Ну, братъ, не рука». — «А что?» — «Я, братъ, Кіевскій. Разстегни мнѣ шинель и достань образъ. Ты, можетъ, Богъ дастъ, будешь живъ: самъ отошлешь къ матери или командира попросишь. И отпиши, что приказалъ, молъ, долго жить». — Вѣдь, какая бѣда? — забылъ, ка-

кого уѣзда и какъ звать, а образокъ до-сихъ-поръ у меня сохраняется. Ужь я и въ гошпиталяхъ спрашивалъ, какъ насъ въ Букарештъ перевезли, и образокъ показывалъ — никто не знаетъ. А, вѣдь, до-сихъ-поръ часто онъ мнѣ снится, царство ему небесное... Что жь! бывалъ я и въ Венгріи, а такой раны не видалъ. А и теперь, какъ вспомнишь, ужасно.

— Съ кѣмъ же труднѣе драться — съ Венгерцами или съ Турками?

— Да что жь Вéнгеръ! Съ Венгеромъ легко. Тамъ больше артиллерія дѣйствовала. Противу нашего войска ихъ примѣнить нельзя. Да прежь насъ, какъ мы еще не приходили, Нѣмцевъ они, точно, били, и слышно, что, если-бъ не мы, такъ Нѣмцу бы этому отъ нихъ и не сдобровать.

— Ну, а съ Туркомъ труднѣе, что-ли, драться?

— Да, вѣдь, Турокъ за стѣной боекъ, — онъ всё больше изъ-за валу бьетъ... А кабы онъ на чистое поле вышелъ, тутъ бы ему наши и ходу не дали. Стрѣлять онъ, точно, ничего, — ну, только противъ штыка нашего не стóитъ. А, вѣдь, есть здоровые тожь межь ними, — ну только они противъ нашего народу не-въ-примѣръ хуже... Какъ можно къ Русскому человѣку примѣнить! Наши идутъ, на-примѣръ, на «ура» что-ли, — никто не скажетъ: «страшно», и назадъ не побѣжитъ, а только стоймъ подлѣ товарища, говоримъ — «ну, братъ, дружнѣе, не выдавать; меня ранятъ — подай-помоги, тебя ранятъ — я помогу». А ужь какъ пойдутъ на «ура», такъ тутъ дремать нечего...

(Изъ *«Современныхъ разсказовъ изъ военной жизни Русскихъ солдатъ»*, — *изданныхъ Николаемъ Сокальскимъ.*)

ПОДЪ СЕВАСТОПОЛЕМЪ.

1864 года.

(Отрывокъ изъ «Военныхъ Разсказовъ».)

Чтобы идти на 4-ый бастіонъ [1]), возьмите на-право, по этой узкой траншеѣ [2]), по которой, нагнувшись, побрёлъ пѣхотный солдатикъ. По траншеѣ этой встрѣтите вы, можетъ быть, опять носилки, матроса, солдатъ съ лопатами, увидите проводники минъ [3]), землянки, въ грязи которыхъ, согнувшись, могутъ влѣзать только два человѣка, и тамъ увидите пластуновъ Черноморскихъ батальйоновъ, которые тамъ переобуваются, ѣдятъ, курятъ трубки, живутъ, и увидите опять вездѣ туже вонючую грязь, слѣды лагеря и брошенный чугунъ во всевозможныхъ видахъ. Пройдя еще шаговъ триста, вы снова выхóдите

---

[1]) *Бастіонъ* — нѣсколько земляныхъ укрѣпленій, оборонляющихъ другъ друга и соединенныхъ между собою рвами или насыпями.

[2]) *Траншея* — ровъ глубиною въ человѣческій ростъ, съ валомъ съ непріятельской стороны, для защиты солдатъ отъ выстрѣловъ.

[3]) *Мина* — подкопъ съ положеннымъ въ него порохомъ, для взрыва, въ-случаѣ надобности.

Щ.

на баттарею [1]) — на площадку, изрытую и обставленную турами [2]), насыпанными землей, орудіями на платформахъ [3]) и земляными валами. Здѣсь увидите вы, можетъ быть, человѣкъ пять матросовъ, играющихъ въ карты подъ брустверами [4]), и морского офицера, который, замѣтивъ въ васъ новаго человѣка, любопытнаго, съ-удовольствіемъ покажетъ вамъ свое хозяйство и всё, что для васъ можетъ быть занимательнымъ. Офицеръ этотъ такъ спокойно свёртываетъ папиросу изъ жолтой бумаги, сидя на орудіи, такъ спокойно прохаживается отъ одной амбразуры [5]) къ другой, такъ спокойно говоритъ съ вами, что, не смотря на пули, которыя чаще, чѣмъ прежде, жужжатъ надъ вами, вы сами станóвитесь хладнокровны, и внимательно разспрашиваете и слушаете разсказы офицера. Офицеръ этотъ разскажетъ вамъ — но только, если вы его разспросите—про бомбардированье 5-го числа, разскажетъ, какъ на его баттареѣ только одно орудіе могло дѣйствовать и изъ всей прислуги осталось 8 человѣкъ, и какъ всё-таки на другое утро, 6-го, онъ *палилъ* изо всѣхъ орудій; разскажетъ вамъ, какъ 5-го попала бомба въ матросскую землянку и положила одиннадцать человѣкъ, покажетъ вамъ, изъ амбразуры, баттареи и траншеи непріятельскія, которыя не дальше здѣсь, какъ въ 30, въ 40 саженяхъ.

.....

Даже очень можетъ быть, что морской офицеръ захочетъ при васъ пострѣлять немного. «Послать комендора и прислугу къ пушкѣ», — и человѣкъ четырнадцать матросовъ — живо, весело, кто засовывая въ карманъ трубку, кто дожовывая сухарь, постукивая подкованными сапогами по платформѣ, подойдетъ къ пушкѣ и зарядитъ её. Вглядитесь въ лица, въ осанки и въ движенія этихъ людей: въ каждой морщинѣ этого загорѣлаго скулистаго лицà, въ каждой мышцѣ, въ ширинѣ этихъ плечъ, въ толщинѣ этихъ ногъ, обутыхъ въ громадные сапоги, въ каждомъ движеніи, спокойномъ, твердомъ, неторопливомъ, видны эти главныя черты, составляющія силу Русскаго, — простота и упрямство.

.....

Вдругъ ужаснѣйшій гулъ поражаетъ васъ тàкъ, что вы вздрагиваете всѣмъ тѣломъ. Вслѣдъ-за-тѣмъ вы слышите удаляющійся свистъ снаряда, и густой пороховой дымъ застилаетъ васъ, платформу и черныя фигуры движущихся матросовъ. По случаю этого нашего выстрѣла, вы услышите различные толки матросовъ и увидите ихъ одушевленіе и про-

---

[1]) *Баттарея* — насыпь, прикрывающая собою нѣсколько пушекъ.

[2]) *Туры* — плетеныя изъ хвороста круглыя корзины (безъ дна), набитыя землею или пескомъ, и служащія для прикрытія людей отъ выстрѣловъ.

[3]) *Платформа* — площадка или мостъ, на которомъ стоятъ пушки.

[4]) *Брустверъ* — земляная насыпь.

[5]) *Амбразура* — отверстіе, или, какъ-бы окно, въ которое вставляется дуло пушки для стрѣлянія. *Щ.*

явленіе чувства, котораго вы не ожидали видѣть; можетъ быть, это — чувство злобы, мщенія врагу, которое таится въ душѣ каждаго. «Въ самую *амбразуру* попало; кажись, убило двухъ... вонъ понесли», услышите вы радостныя восклицанія. «А вотъ онъ разсерчаетъ: сейчасъ пуститъ сюда», скажетъ кто-нибудь, и, дѣйствительно, скоро вслѣдъ-за-этимъ вы увидите впереди себя молнію, дымъ; часовой, стоящій на брустверѣ, крикнетъ: «пу-у-шка!» И вслѣдъ-за-этимъ мимо васъ взвизгнетъ ядро, шлёпнется въ землю, и воронкой взброситъ вокругъ себя брызги и камни. Баттарейный командиръ разсердится на это ядро, прикажетъ зарядить другое и третье орудія; непріятель тоже станетъ отвѣчать намъ. Часовой опять закричитъ: «пушка!», и вы услышите тотже звукъ и ударъ, тѣже брызги, — или закричитъ: «маркéла» *), и вы услышите приближающееся къ вамъ и ускоряющееся посвистыванье, потомъ увидите черный шаръ, ударъ о землю, ощутительный, звенящій разрывъ бомбы. Со свистомъ и визгомъ разлетятся потомъ осколки, зашуршатъ въ воздухѣ камни, и забрызгаетъ васъ грязью.

.....

Но вотъ еще часовой прокричалъ своимъ громкимъ, густымъ голосомъ: «маркела!»: еще поствистыванье, ударъ и разрывъ бомбы; но, вмѣстѣ съ этимъ звукомъ, васъ поражаетъ стонъ человѣка. Вы подходите къ раненому, который, въ крови и грязи, имѣетъ какой-то странный, нечеловѣческій видъ, въ-одно-время съ носилками. У матроса вырвана часть груди... И въ то время, когда его поднимаютъ, онъ останавливаетъ носилки, и съ-трудомъ, дрожащимъ голосомъ, говоритъ товарищамъ: «простите, братцы!» — еще хочетъ сказать что-то, и видно, что хочетъ сказать что-то трогательное, но повторяетъ только еще разъ: «простите, братцы!» Въ это время товарищъ-матросъ подходитъ къ нему, надѣваетъ фуражку на голову, которую подставляетъ ему раненый, и спокойно, равнодушно, размахивая руками, возвращается къ своему орудію. «Это каждый день, этакъ, человѣкъ семь или восемь», говоритъ вамъ морской офицеръ, отвѣчая на выраженіе ужаса на вашемъ лицѣ, зѣвая и свёртывая папиросу изъ жолтой бумаги.

.....

Итакъ вы видѣли защитниковъ Севастополя — на самомъ мѣстѣ защиты, и идёте назадъ, почему-то не обращая никакого вниманія на ядра и пули, продолжающія свистать по всей дорогѣ до разрушеннаго театра, — идёте съ покойнымъ возвысившимся духомъ. Главное отрадное убѣжденіе, которое вы вынесли — это убѣжденіе въ невозможности поколебать, гдѣ бы то ни было, силу Русскаго народа.

Графъ Левъ Толстой.

*) *Мортира* — короткая пушка, стрѣляющая *навѣсно* бомбами. *Щ.*

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ОБЪ ОСАДѢ СЕВАСТОПОЛЯ.

(1854 — 1855 годы.)

I.

Непріятель предполагалъ начать атаку на разсвѣтѣ, но теперь было рѣшено начать её въ 3 часа утра, еще до разсвѣта, чтобы Русскіе не замѣтили движенія въ траншехъ.

Когда смерклось, Французскія дивизіи, назначенныя въ атаку — противъ нашего лѣваго фланга, заняли назначенныя мѣста.

Англичане, въ числѣ двухъ дивизій, подъ командой генералъ-лейтенанта Броуна, засѣли въ передовыхъ своихъ траншеяхъ.

Въ то самое время, когда происходило это размѣщеніе войскъ, непріятельскіе корабли, приблизясь къ городу, открыли огонь, пуская залпами бомбы и гранаты, отъ 20-ти до 30-ти разомъ. Я, помню, только-что легъ спать, какъ вдругъ былъ разбужонъ однимъ изъ этихъ залповъ. Это былъ едва-ли не самый страшный залпъ, какой я только слышалъ, потому-что — ни прежде, ни послѣ — я никогда не просыпался отъ выстрѣловъ, даже въ послѣднюю бомбардировку. Услышавъ этотъ необычный громъ и трескъ, я вскочилъ съ койки, наскоро одѣлся и взбѣжалъ на верхнюю палубу. Тамъ уже столпилось нѣсколько офицеровъ. Всѣ глядѣли въ сторону Севастополя, въ эту черную ночь, исчерченную огненными дугами бомбъ. Немного погодя, грянулъ новый залпъ съ одного изъ непріятельскихъ кораблей: бомбы поднялись и полетѣли довольно тихо въ городъ, такъ-что я могъ ихъ считать, и насчиталъ 22. Иныя лопались вверху, другія ложились въ улицы. Городъ загорѣлся въ пяти мѣстахъ. Болѣе-всего пламя распространилось въ Артиллерійской-Слободкѣ, гдѣ, въ одномъ мѣстѣ, лежали у насъ чинёныя бомбы, и вдругъ всё это стало подниматься на воздухъ съ грохотомъ и трескомъ. Говорятъ, взлетѣло бомбъ до 500. Пламя освѣщало улицы, и намъ были видны толпы солдатъ, бѣгущія отъ своихъ бомбъ.

Не могу выразить, съ какимъ тяжелымъ чувствомъ смотрѣли мы на горящій Севастополь, предоставленный произволу пламени. Такъ-какъ непріятель обыкновенно сосредоточивалъ на пожарахъ выстрѣлы многихъ баттарей, то и было запрещено тушить. Люди были дороже и нужнѣе зданій, и безъ-того обреченныхъ на жертву. Разумѣется, пожаровъ не тушили и на этотъ разъ. Пламя лилось свободно, но вскорѣ стало уменьшаться и тухнуть.

Нечего и говорить, что въ эту минуту у насъ на баттареяхъ бодрствовало всё. Войска, назначенныя на исправленіе поврежденій, находились въ самой усиленной дѣятельности. Сбитыя, во время дня, передовыя орудія Малахова-кургана были поставлены вновь, частію Влади-

мірцами, при помощи прислуги тѣхъ орудій, а частію смѣнившими ихъ послѣ — Сѣвцами. Мерлоны*) были очищены. Бруствера смотрѣли свѣжо, какъ-будто и не видали огня. Здѣсь кстати замѣтить однажды на всегда, что всѣ подобныя работы производились на баттареяхъ съ необыкновенною настойчивостью и расторопностью. Это стоило любого боя и приступа. Здѣсь не было и помысла объ отступленіи: люди ложились подъ выстрѣлами непріятеля, который всегда усиливалъ огонь противъ того мѣста, гдѣ замѣчалъ поврежденіе. Ядра сыпались, и часто срывали мерлоны вплоть до земли, а между-тѣмъ стоявшіе сзади рабочіе незадумывались ни-минуты смѣнять своихъ падающихъ товарищей, засыпаемыхъ землей и всякими осколками. Сколько тутъ скрылось витязей, которыхъ именъ не будетъ знать никто...

Въ эти самые дни, когда насъ такъ громили, мнѣ случалось читать замѣчанія непріятелей по-поводу нашихъ работъ на баттареяхъ: «Русскимъ», говорили они, «нельзя давать не только ночи отдыха, но даже ни одного часа. Если хотите имѣть успѣхъ, надо бомбардировать ихъ баттареи самымъ усиленнымъ образомъ въ-продолженіи нѣсколькихъ сутокъ, не умолкая ни на одну минуту, и потомъ сейчасъ идти на приступъ».

Эти замѣчанія непріятель осуществилъ на дѣлѣ въ штурмѣ 27 августа.

II.

.....

Пятый стрѣлковый батальйонъ (1-ой бригады 1-ой дивизіи 1-го корпуса, Французской арміи), засѣвшій противъ баттареи Жервѐ, подъ командой майора Гарнье, выскочилъ изъ траншей, и такъ-быстро пробѣжалъ пространство, отдѣлявшее его отъ баттареи, что она едва успѣла сдѣлать одинъ картечный залпъ. Когда грянулъ второй залпъ, Французы были уже во рву.

Французскій батальйонъ прорвался черезъ баттарею, и занялъ домики, разсыпанные по склону Малахова-кургана.

Наши (батальйонъ Полтавскаго полка, съ прислугой отъ орудій) бѣжали ко второй линіи, которая едва была обозначена камышками — неболѣе-какъ въ полторы четверти отъ земли. Но великое дѣло, въ иномъ случаѣ, проведённая черта! Она выростаетъ съ каменную стѣну, — была бы только такая минута! Въ эту минуту — ни раньше, ни позже — подскакалъ къ этой «стѣнкѣ» нашъ славный Хрулёвъ, и увидѣлъ бѣгущія въ безпорядкѣ войска и растрепанныхъ матросовъ, пометавшихъ шапки. Не давъ имъ перебѣжать линіи, Хрулёвъ крикнулъ: «ребята, стѣна! стой! дивизія идетъ на помощь!» Точно какимъ вѣтромъ пахнули на нихъ эти слова: всѣ остановились мгновенно передъ мнимой стѣной.

*) *Мерлоны* — простѣнки въ брустверѣ баттареи, между двумя амбразурами, или отверстіями, въ которыя вставлены пушки. *Щ.*

Хоть войско и не видало дивизіи, но великò слово «дивизія на помощь!» сконфуженному и бѣгущему солдату и, притомъ, изъ устъ любимаго вождя, котораго всѣ знали въ лицо! Одинъ матросъ, бѣжавшій прытче другихъ, вдругъ обернулся, проникнутый уже совсѣмъ инымъ духомъ, и крикнулъ товарищамъ: «ну, ребята, навались!» — Навались, ребята! повторилъ Хрулевъ, понимая всю силу этого слова, которое жгло какъ огонь. Всё гаркнуло: «навались!» и повернуло назадъ, открывая стрѣльбу изъ ружей по непріятелю, бывшему передъ самымъ носомъ. Глядь, а тутъ Сѣвцы идутъ мимо съ кургана, съ лопатами въ рукахъ (ружья за спиной). «Ребята, бросай лопаты! впередъ, благодѣтели!» крикнулъ Хрулевъ, — и всё это ринулось. За Сѣвцами подошли отъ Бѣлостоцкой церкви двѣ роты Якутцевъ, потомъ еще двѣ, а наконецъ и батальйонъ Елецкаго полка. Имъ уже было легко летѣть по слѣдамъ передового «навались», а передовые видѣли сзади помощь, которая имъ казалась дивизіей, обѣщанной Хрулевымъ. Въ это-же время подошли изъ города 5—6 батальйоновъ разныхъ полковъ. Но и къ Французамъ прибыло подкрѣпленіе: 19-й линейный полкъ съ полковникомъ Манекомъ, — только было уже поздно: всё ломилъ несокрушимый Русскій штыкъ. Мы выбили Французовъ изъ домиковъ кургана.

Часть нашихъ войскъ гналась за непріятелемъ почти до его траншей. Съ-трудомъ воротили разгоряченныхъ солдатъ. Тогда они стали рядами по всему валу баттареи и открыли батальный огонь изъ ружей, между-тѣмъ-какъ мы съ Малахова-кургана громили непріятеля изо всѣхъ своихъ орудій картечью.

III.

.....

— Вы хотите видѣть Севастополь; но я долженъ васъ предупредить, что вы найдете однѣ грустныя развалины.

— «Что бы я ни нашелъ, я всё-таки хочу его видѣть, и видѣть какъ-можно скорѣе».

Мнѣ подвели лошадь.

Мы ѣхали довольно шибко мимо лагерей и какихъ то отдѣльныхъ палатокъ, перемѣшанныхъ съ балаганами. Намъ стали попадаться Русскія ядра и осколки бомбъ. Наконецъ мелькнули строенія города: но я почти ничего не могъ узнать: это были не строенія, а груды разрушенныхъ домовъ — безъ крышъ и безъ оконъ; это были жолтые, глиняные столбики, торчавшіе изъ земли на огромномъ пространствѣ. Мы проѣхали нѣсколько рядовъ непріятельскихъ траншей, большею-частію засыпанныхъ, и очутились передъ заставой. Направо я узналъ 4-й бастіонъ; налѣво хотѣлъ угадать 5-й и 6-й, которыхъ казематы были мнѣ столько знакомы, — и чтò-же?... никакъ не могъ ихъ отыскать — за гру-

дами камней. Искалъ извѣстнаго всѣмъ дома Красильникова, чтобы по немъ добраться хоть приблизительно, — не нашелъ и его. Какъ остовы мертвецовъ, похожи были другъ на друга разбитыя жилища Севастопольцевъ... Въ самой заставѣ, на площадкѣ, собрались какія-то войска: стояли батальйона два въ ружьѣ. Мы проѣхали мимо ихъ и повернули налѣво по Морской. Тѣже развалины, тѣже столбики; но между ними, къ удивленію, попадались совершенно цѣлые дома, съ крышами, какъ-будто нарочно пощажонные выстрѣлами и пожаромъ. Такъ странно было ихъ видѣть посреди опустошенія! Притомъ они еще жили: въ нихъ шевелились люди; иногда у воротъ стоялъ часовой. Ясно было, что домà не столько разбиты выстрѣлами и разрушены пожаромъ, сколько расхищены потомъ непріятелемъ. Я самъ, на третій день послѣ сдачи, когда изчезъ пламень и разсѣялся дымъ, видѣлъ десятки, если не сотни, уцѣлѣвшихъ крышъ: городъ стоялъ, какъ-будто не погорѣвшій; а тутъ не осталось почти ни одной дощечки! Въ домахъ съ уцѣлѣвшими донынѣ крышами жилъ кто-нибудь изъ генераловъ Французской арміи: вотъ почему спаслись эти крыши.

Мы проѣхали почти всю улицу. Я взглянулъ вверхъ на памятникъ Казарскаго: онъ уцѣлѣлъ совершенно; но чугунная рѣшотка, окружавшая бульваръ снизу, почти вся исчезла. Нѣсколько ея кусковъ валялось на гранитныхъ плитахъ тротуара. Лѣстница также была разбита... а налѣво, къ морю — Боже мой! — на мѣстѣ, гдѣ стояла громадная Николаевская баттарея, бѣлѣли кучи мусору — и только! Нѣсколько Французскихъ солдатъ копались въ мусорѣ и подбирали что-то между камнями. Мы повернули направо, мимо бульвара. Вотъ и Собраніе — главное перевязочное мѣсто.

Лѣвѣе, на площадкѣ, стоялъ домикъ государыни Екатерины; но это уже не домъ, а четыре голыя стѣны. Ни крыши, ничего. Уцѣлѣла только часть деревьевъ, окружавшихъ его. Вотъ и графская пристань! Мы слѣзли съ лошадей и спустились по ступенямъ. Внизу лежала разбитая пушка. Направо, за грудами камней, какразъ противъ домика, въ которомъ жили офицеры, смотрѣвшіе за пристанью, свалено было множество ядеръ и картечи. Нѣсколько Французовъ хлопотали около какихъ-то бревенъ. Въ Южной-Бухтѣ двигались Англійскія суда. Морскіе магазины казались цѣлыми. За ними возвышался пустынно Малаховъ, съ вѣявшимъ на немъ Французскимъ флагомъ; но что-то грустное, молчаливое, какъ смерть, было тамъ, на этихъ валахъ.

Я пошелъ по Екатерининской улицѣ. Деревья, у тротуаровъ, были цѣлы; но домà также разрушены. Всѣмъ, бывшимъ въ Севастополѣ во время осады, извѣстно, что скоро, на правой рукѣ, является домикъ, гдѣ жилъ Нахимовъ. Я даже помню номеръ на воротахъ — 14-й. Я едва узналъ этотъ домикъ, стоявшій, какъ и другіе, безъ крыши.

Вотъ домъ Тотлебена... еще дальше — Митрополичье Подворье. Одинъ Михайловскій Соборъ стоялъ невредимъ. Я пошелъ къ нему съ мыслію помолиться. Сколько-разъ я молился въ немъ и передъ нимъ, проходя иногда по улицѣ, когда всё кругомъ гремѣло, и земля колыхалась подъ ногами! Здѣсь мы хоронили нашихъ витязей... сколько воспоминаній! И я пошелъ припомнить ту молитву, которая, бывало, ободряла и просвѣтляла меня, — и что-же? — войдя внутрь, я не могъ помолиться: храмъ не походилъ на храмъ. Голыя, обнажонныя стѣны и столбы были исписаны кругомъ праздными изображеніями и надписями...

Выйдя изъ собора, я сѣлъ на лошадь и поѣхалъ прямо къ 4-му бастіону. По улицѣ волокли Французы какое-то бревно, впрягши трехъ лошадей. Дальше стали попадаться Французскія военныя телеги, четверней и шестерней, по двѣ лошади въ рядъ.

Я проѣхалъ домъ, гдѣ жилъ, въ началѣ осады, графъ Остенъ-Сакенъ. Онъ довольно сохранился.

Я искалъ въ переулкѣ — лавочки, куда ходилъ за кренделями; но тутъ всё слилось въ груду каменныхъ обломковъ... Вотъ, наконецъ, и театръ, предвѣстникъ 4-го бастіона. Торчали однѣ стѣны.

Я сѣлъ опять на лошадь и взъѣхалъ на 4-й бастіонъ. Это были взрытыя груды земли — и больше ничего. Вездѣ валялись ядра и осколки бомбъ, разсыпана картечь.

Чтобы не возвращаться назадъ, Татаринъ мой отыскалъ спускъ прямо съ одного угла бастіона, черезъ ровъ. Мы съѣхали благополучно. Тутъ опять осколки, клочки картечныхъ картузовъ и даже пули. Остановясь на минуту, я набралъ безъ всякаго труда пуль тридцать; взглянулъ на бастіонъ снаружи, откуда, конечно, никогда его не видывалъ; еще ровнѣе валъ; еще невѣроятнѣе, что эти осѣвшіе, разрытые холмы были когда-то — страшнымъ, неприступнымъ 4-мъ бастіономъ, который до-конца выдержалъ бой и сохранилъ свою славу.

Николай Бергъ.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ 19 ФЕВРАЛЯ 1861 ГОДА.

Божіею Милостію

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ,

Объявляемъ всѣмъ НАШИМЪ вѣрноподданнымъ.

Божіимъ Провидѣніемъ и священнымъ закономъ престолонаслѣдія бывъ призваны на прародительскій Всероссійскій престолъ, въ соотвѣтствіе сему призванію, МЫ положили въ сердцѣ СВОЕМЪ обѣтъ: обнимать — НАШЕЮ Царскою любовію и попеченіемъ — всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ всякаго званія

и состоянія, отъ благородно-владѣющаго мечомъ, на-защиту отечества, до скромно-работающаго ремесленнымъ орудіемъ, отъ проходящаго высшую службу Государственную до проводящаго на полѣ борозду сохою или плугомъ.

Вникая въ положеніе званій и состояній въ составѣ Государства, МЫ усмотрѣли, что Государственное законодательство, дѣятельно благоустрояя высшія и среднія сословія, опредѣляя ихъ обязанности, права и преимущества, не достигло равномѣрной дѣятельности въ-отношеніи къ людямъ крѣпостнымъ, такъ названнымъ потому, что они — частію старыми законами, частію обычаемъ — потомственно укрѣплены подъ властію помѣщиковъ, на которыхъ съ-тѣмъ-вмѣстѣ лежитъ обязанность устроять ихъ благосостояніе. Права помѣщиковъ были донынѣ обширны и не опредѣлены съ-точностію закономъ, мѣсто котораго заступали преданіе, обычай и добрая воля помѣщика. Въ лучшихъ случаяхъ, изъ сего происходили добрыя патріархальныя отношенія искренней правдивой попечительности и благотворительности помѣщика и добродушнаго повиновенія крестьянъ. Но — при уменьшеніи простоты нравовъ, при умноженіи разнообразія отношеній, при уменьшеніи непосредственныхъ отеческихъ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, при впаденіи иногда помѣщичьихъ правъ въ руки людей, ищущихъ только собственной выгоды, добрыя отношенія ослабѣвали, и открывался путь произволу, отяготительному для крестьянъ, и неблагопріятному для ихъ благосостоянія, чему въ крестьянахъ отвѣчала неподвижность улучшеніямъ въ собственномъ бытѣ.

Усматривая сіе, и приснопамятные предшественники НАШИ принимали мѣры къ измѣненію на лучшее положенія крестьянъ; но это были мѣры, частію нерѣшительныя, предложенныя добровольному, свободолюбивому дѣйствованію помѣщиковъ, частію рѣшительныя — только для нѣкоторыхъ мѣстностей, по требованію особенныхъ обстоятельствъ, или въ-видѣ опыта. Такъ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I-й издалъ постановленіе о свободныхъ хлѣбопашцахъ; въ Бозѣ почившій Родитель НАШЪ, НИКОЛАЙ I-й — постановленіе объ обязанныхъ крестьянахъ; въ губерніяхъ Западныхъ — инвентарными правилами опредѣлены надѣлы крестьянъ землею и ихъ повинности. Но постановленія о свободныхъ хлѣбопашцахъ и обязанныхъ крестьянахъ приведены въ дѣйствіе въ весьма малыхъ размѣрахъ.

Такимъ-образомъ МЫ убѣдились, что дѣло измѣненія положенія крѣпостныхъ людей на лучшее — есть для НАСЪ завѣщаніе Предшественниковъ НАШИХЪ и жребій, чрезъ теченіе событій, поданный НАМЪ рукою Провидѣнія.

МЫ начали сіе дѣло актомъ НАШЕГО довѣрія къ Россійскому Дворянству, къ извѣданной великими опытами преданности его Престолу и готовности его къ пожертвованіямъ на пользу Отечества. Самому Дворянству предоставили МЫ, по собственному вызову его, составить предположенія о новомъ устройствѣ быта крестьянъ, при чемъ Дворянамъ предлежало ограничить свои права на крестьянъ, и подъять трудности преобразованія — не безъ уменьшенія своихъ выгодъ. И довѣріе НАШЕ оправдалось. Въ Губернскихъ Комитетахъ, въ лицѣ чиновъ ихъ, облеченныхъ довѣріемъ всего Дворянскаго общества каждой губерніи, Дворянство добровольно отказалось отъ права на личность крѣпостныхъ людей. Въ сихъ Комитетахъ, по собраніи потребныхъ свѣдѣній, составлены предположенія о новомъ устройствѣ быта находящихся въ крѣпостномъ состояніи людей и о ихъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ.

Сіи предположенія, оказавшіяся, какъ и можно было ожидать по свойству дѣла, разнообразными, сличены, соглашены, сведены въ правильный составъ, исправлены и дополнены въ Главномъ по сему дѣлу Комитетѣ, — и составленныя такимъ-образомъ новыя положенія о помѣщичьихъ крестьянахъ и дворовыхъ людяхъ разсмотрѣны въ Государственномъ Совѣтѣ.

Призвавъ Бога въ помощь, МЫ рѣшились дать сему дѣлу исполнительное движеніе.

Въ-силу означенныхъ новыхъ положеній, крѣпостные люди получатъ въ-свое-время полныя права свободныхъ сельскихъ обывателей.

Помѣщики, сохраняя право собственности на всѣ принадлежащія имъ земли, предоставляютъ крестьянамъ, за установленныя повинности, въ постоянное пользованіе усадебную ихъ осѣдлость, и сверхъ-того — для обезпеченія быта ихъ и исполненія обязанностей ихъ предъ Правительствомъ — опредѣленное въ положеніяхъ количество полевой земли и другихъ угодій.

Пользуясь симъ поземельнымъ надѣломъ, крестьяне за-сіе обязаны исполнять въ-пользу помѣщиковъ опредѣленныя въ положеніяхъ повинности. Въ семъ состояніи, которое есть переходное, крестьяне именуются временно-обязанными.

Вмѣстѣ-съ-тѣмъ имъ дается право — выкупать усадебную ихъ осѣдлость, а съ-согласія помѣщиковъ, они могутъ пріобрѣтать въ-собственность полевыя земли и другія угодья, отведённыя имъ въ постоянное пользованіе. Съ таковымъ пріобрѣтеніемъ въ-собственность опредѣленнаго количества земли, крестьяне освободятся отъ обязанностей къ помѣщикамъ по выкупленной землѣ, и вступятъ въ рѣшительное состояніе крестьянъ-собственниковъ.

Особеннымъ положеніемъ о дворовыхъ людяхъ опредѣляется для нихъ переходное состояніе, приспособленное къ ихъ занятіямъ и потребностямъ; по истеченіи двухлѣтняго срока отъ дня изданія сего положенія, они получатъ полное освобожденіе и срочныя льготы.

На сихъ главныхъ началахъ составленными положеніями опредѣляется будущее устройство крестьянъ и дворовыхъ людей, установляется порядокъ общественнаго управленія, и указываются подробно даруемыя крестьянамъ и дворовымъ людямъ права и возлагаемыя на нихъ обязанности въ отношеніи къ Правительству и къ помѣщикамъ.

Хотя же сіи положенія, общія, мѣстныя, и особыя дополнительныя правила для нѣкоторыхъ особыхъ мѣстностей, для имѣній мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ и для крестьянъ, работающихъ на помѣщичьихъ фабрикахъ и заводахъ, по-возможности приспособлены къ мѣстнымъ хозяйственнымъ потребностямъ и обычаямъ: впрочемъ, дабы сохранить обычный порядокъ тамъ, гдѣ онъ представляетъ обоюдныя выгоды, МЫ предоставляемъ помѣщикамъ дѣлать съ крестьянами добровольныя соглашенія, и заключать условія о размѣрѣ поземельнаго надѣла крестьянъ и о слѣдующихъ за оный повинностяхъ, съ соблюденіемъ правилъ, постановленныхъ для огражденія ненарушимости таковыхъ договоровъ.

Какъ новое устройство, по неизбѣжной многосложности требуемыхъ онымъ перемѣнъ, не можетъ быть произведено вдругъ, а потребуется для сего времени, примѣрно, не менѣе двухъ лѣтъ; то, въ теченіе сего времени, въ отвращеніе замѣшательства, и для соблюденія общественной и частной пользы, существующій донынѣ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ порядокъ долженъ быть сохраненъ дотолѣ,

когда, по совершеніи надлежащихъ приготовленій, открытъ будетъ новый порядокъ.

Для правильнаго достиженія сего, МЫ признали за благо повелѣть:

1) Открыть въ каждой губерніи Губернское по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіе, которому ввѣряется высшее завѣдываніе дѣлами крестьянскихъ обществъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ.

2) Для разсмотрѣнія на мѣстахъ недоразумѣній и споровъ, могущихъ возникнуть при исполненіи новыхъ положеній, назначить въ уѣздахъ — мировыхъ посредниковъ, и образовать въ нихъ Уѣздные Мировые Съѣзды.

3) Затѣмъ образовать въ помѣщичьихъ имѣніяхъ мірскія управленія, для чего, оставляя сельскія общества въ нынѣшнемъ ихъ составѣ, открыть въ значительныхъ селеніяхъ Волостныя Управленія, а мелкія сельскія общества соединить подъ одно Волостное Управленіе.

4) Составить, повѣрить и утвердить — по каждому сельскому обществу или имѣнію — уставную-грамоту, въ которой будетъ исчислено, на основаніи мѣстнаго положенія, количество земли, предоставляемой крестьянамъ въ постоянное пользованіе, и размѣръ повинностей, причитающихся съ нихъ въ пользу помѣщика, какъ за землю, такъ и за другія отъ него выгоды.

5) Сіи уставныя грамоты приводить въ исполненіе по-мѣрѣ утвержденія ихъ для каждаго имѣнія, а окончательно — по всѣмъ имѣніямъ — ввести въ дѣйствіе въ теченіе двухъ лѣтъ, со дня изданія настоящаго Манифеста.

6) До истеченія сего срока, крестьянамъ и дворовымъ людямъ пребывать въ прежнемъ повиновеніи помѣщикамъ, и безпрекословно исполнять прежнія ихъ обязанности.

7) Помѣщикамъ сохранить наблюденіе за порядкомъ въ ихъ имѣніяхъ, съ правомъ суда и расправы, впредь до образованія волостей и открытія волостныхъ судовъ.

Обращая вниманіе на неизбѣжныя трудности предпріемлемаго преобразованія, МЫ первѣе-всего возлагаемъ упованіе на всеблагое Провидѣніе Божіе, покровительствующее Россіи.

За-симъ полагаемся на доблестную о благѣ общемъ ревность Благороднаго Дворянскаго сословія, которому не можемъ не изъявить отъ НАСЪ и отъ всего Отечества заслуженной признательности за безкорыстное дѣйствованіе къ осуществленію НАШИХЪ предначертаній. Россія не забудетъ, что оно добровольно, побуждаясь только уваженіемъ къ достоинству человѣка и христіанскою любовію къ ближнимъ, отказалось отъ упраздняемаго нынѣ крѣпостного права, и положило основаніе новой хозяйственной будущности крестьянъ. Ожидаемъ несомнѣнно, что оно также благородно употребитъ дальнѣйшее тщаніе къ приведенію въ исполненіе новыхъ положеній въ добромъ порядкѣ, въ духѣ мира и доброжелательства, и что каждый владѣлецъ довершитъ въ предѣлахъ своего имѣнія великій гражданскій подвигъ всего сословія, устроивъ бытъ водворенныхъ на его землѣ крестьянъ и его дворовыхъ людей на выгодныхъ для обѣихъ сторонъ условіяхъ, и тѣмъ дастъ сельскому населенію добрый примѣръ и поощреніе къ точному и добросовѣстному исполненію Государственныхъ постановленій.

Имѣющіеся въ-виду примѣры щедрой попечительности владѣльцевъ о благѣ крестьянъ и признательности крестьянъ къ благодѣтельной попечительности вла-

дѣльцевъ, утверждаютъ НАШУ надежду, что взаимными добровольными соглашеніями разрѣшится большая-часть затрудненій, неизбѣжныхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ примѣненія общихъ правилъ къ разнообразнымъ обстоятельствамъ отдѣльныхъ имѣній, и что симъ способомъ облегчится переходъ отъ стараго порядка къ новому, и на будущее время упрочится взаимное довѣріе, доброе согласіе и единодушное стремленіе къ общей пользѣ.

Для удобнѣйшаго же приведенія въ дѣйствіе тѣхъ соглашеній между владѣльцами и крестьянами, по которымъ сіи будутъ пріобрѣтать въ собственность, вмѣстѣ съ усадьбами, и полевыя угодья, отъ Правительства будутъ оказаны пособія, на основаніи особыхъ правилъ, выдачею ссудъ и переводомъ лежащихъ на имѣніяхъ долговъ.

Полагаемся и на здравый смыслъ нашего народа.

Когда мысль Правительства о упраздненіи крѣпостного права распространилась между неприготовленными къ ней крестьянами: возникали было частныя недоразумѣнія. Нѣкоторые думали о свободѣ и забывали объ обязанностяхъ. Но общій здравый смыслъ не поколебался въ томъ убѣжденіи, что, и по естественному разсужденію, свободно пользующійся благами общества, взаимно долженъ служить благу общества исполненіемъ нѣкоторыхъ обязанностей, и по закону христіанскому, *всякая душа* должна *повиноваться властямъ предержащимъ* (Рим. XIII. 1), *воздавать всѣмъ должное*, и въ особенности, кому должно, *урокъ, дань, страхъ, честь* (Рим. XIII. 7); что законно пріобрѣтенныя помѣщиками права не могутъ быть взяты отъ нихъ безъ приличнаго вознагражденія или добровольной уступки, что было бы противно всякой справедливости пользоваться отъ помѣщиковъ землею и не нести за сіе соотвѣтственной повинности.

И теперь съ надеждою ожидаемъ, что крѣпостные люди, при открывающейся для нихъ новой будущности, поймутъ и съ благодарностію примутъ важное пожертвованіе, сдѣланное Благороднымъ Дворянствомъ для улучшенія ихъ быта.

Они вразумятся, что, получая для себя болѣе твердое основаніе собственности и бо́льшую свободу располагать своимъ хозяйствомъ, они становятся обязанными — предъ обществомъ и предъ самими собою — благотворность новаго закона дополнить вѣрнымъ, благонамѣреннымъ и прилежнымъ употребленіемъ въ дѣло дарованныхъ имъ правъ. Самый благотворный законъ не можетъ людей сдѣлать благополучными, если они не потрудятся сами устроить свое благополучіе подъ покровительствомъ закона. Довольство пріобрѣтается и увеличивается не иначе, какъ неослабнымъ трудомъ, благоразумнымъ употребленіемъ силъ и средствъ, строгою бережливостію и, вообще, честною въ страхѣ Божіемъ жизнію.

Исполнители приготовительныхъ дѣйствій къ новому устройству крестьянскаго быта и самаго введенія въ сіе устройство употребятъ бдительное попеченіе, чтобы сіе совершалось правильнымъ, спокойнымъ движеніемъ, съ наблюденіемъ удобности временъ, дабы вниманіе земледѣльцевъ не было отвлечено отъ ихъ необходимыхъ земледѣльческихъ занятій. Пусть они тщательно воздѣлываютъ землю и собираютъ плоды ея, чтобы потомъ изъ хорошо наполненной житницы взять сѣмена для посѣва на землѣ постояннаго пользованія, или на землѣ, пріобрѣтенной въ собственность.

Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ НАМИ

Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго.

Данъ въ Санктпетербургѣ, въ девятнадцатый день Февраля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ шестьдесятъ первое, царствованія же НАШЕГО въ седьмое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„АЛЕКСАНДРЪ."

На освобожденіе крестьянъ.

(19 Февраля 1861 года.)

День встаетъ багрянъ и пышенъ, —
Долгой ночи скрылась тѣнь;
Новой жизни трепетъ слышенъ:
Чѣмъ-то вѣщимъ смотритъ день!
Съ сонныхъ вѣждъ стряхнувъ дремоту,
Бодрой свѣжести полна,
Вышла, съ Богомъ, на работу
Пробужденная страна.
Такъ торжественно-прекрасно
Блещетъ утро на землѣ;
На душѣ свѣтло и ясно, —
И не помнится о злѣ,
Объ истекшихъ дняхъ страданья,
О потратѣ многихъ силъ
Въ скорбныхъ мукахъ ожиданья,
Въ безвременности могилъ!..

Пусть почіютъ мирно гробы
Тщетно ждавшихъ столько лѣтъ!
Память имъ... Но въ сердцѣ злобы,
Ни вражды, ни мести нѣтъ.
Всё проститъ онъ безъ разсчота,
Устоявшій въ дни тревогъ,
Онъ, чей духъ годину гнёта
Пережилъ и перемогъ...
Слышишь, новому онъ лѣту
Пѣсню радости поётъ: —
Благо всѣмъ, ведущимъ къ свѣту,
Братьямъ, съ братьевъ снявшимъ гнётъ!
Людямъ — миръ, благоволенье!
Долгихъ мукъ исчезнетъ слѣдъ...
Дню вчерашнему — забвенье,
Дню грядущему — привѣтъ!

Иванъ Аксаковъ.

ВСЕПОДДАННѢЙШІЯ ПИСЬМА РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ КЪ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ, ПО ПОЛЬСКОМУ ДѢЛУ*).

(1863 года.)

1.

Отъ Санктпетербургкаго дворянства.

Всеавгустѣйшій Монархъ!

Дворянство Санктпетербургской губерніи, движимое вѣковою любовью къ престолу и отечеству, священнымъ долгомъ считаетъ торжественно выразить предъ Вами, Государь, чувства, коими оно преисполнено.

*) Кромѣ этихъ выбранныхъ нами писемъ, ихъ было множество со всѣхъ краевъ и концовъ земли Русской, какъ отъ Русскихъ людей, такъ и отъ инородцевъ, населяющихъ обширную Россію: отъ Грузинъ, Армянъ, Горцевъ, Евреевъ, Татаръ, Башкировъ, Калмыковъ, Бурятъ — изъ дальней Сибири и изъ прочихъ мѣстъ. *Щ.*

Вызванныя Польскими смутами притязанія на достояніе Россіи возбуждаютъ въ насъ и скорбь, и негодованіе.

Завистники наши мнятъ, что время преобразованій, предпринятыхъ Вами для пользы и преуспѣванія государства, благопріятствуетъ ихъ замысламъ на всецѣлость Русской державы...

Но тщетны были бы ихъ покушенія!

Испытанное въ преданности и самоотверженіи дворянство, не щадя силъ и жертвъ, въ тѣсномъ союзѣ со всѣми сословіями, твердо и непоколебимо станетъ на защиту предѣловъ Имперіи.

Да узнáютъ враги Россіи, что живетъ еще въ насъ тотъ мощный духъ предковъ, коимъ создано государственное единство любезнаго отечества.

(Поднесено 26-го Марта 1863 г.)

2.

Отъ Московскаго дворянства.

Всемилостивѣйшій Государь!

Услышавъ голосъ Вашего Величества, обращённый къ мятежнымъ подданнымъ, дворянство Московской Губерніи поспѣшило собраться необычнымъ порядкомъ: оно хотѣло, Государь, чтобы Русское дворянство немедленно отозвалось изъ самаго сердца Россіи, изъ первопрестольной Москвы, зиждительницы Русскаго Государства.

Государь, мы всѣ передъ Вами, какъ одинъ человѣкъ. Всѣ заботы смолкаютъ и падаютъ предъ всесильнымъ призывомъ отечества.

Враги, возмутившіе западный край Вашихъ владѣній, ищутъ не блага Польши, а пагубы Россіи, призываемой Вами къ новой исторической жизни.

Государь! Ваше право на Царство Польское есть крѣпкое право; оно куплено Русскою кровью, много разъ пролитою въ оборонѣ отъ Польскаго властолюбія и Польской измѣны. Судъ Божій рѣшилъ нашу тяжбу, и Польское царство соединено неразрывно съ Вашею державою, Государь!

Вы произнесли, Августѣйшій Монархъ, слово милости и прощенія, чтобы исторгнуть оружіе изъ рукъ возмутившихся подданныхъ: да будетъ же это слово услышано съ благодарностью и покорностью.

Вы пребываете тверды въ благихъ начинаніяхъ Вашихъ. Вы сохраняете всѣ льготы, дарованныя Вами Царству Польскому; Вы не дѣлаете различія между Поляками и Русскими, и открываете для нихъ одну и ту-же будущность благосостоянія и успѣховъ, которая должна тѣснѣе сблизить и сроднить ихъ между собою.

Ваше милосердіе, Государь, есть — твердость и сила. Такъ понимаетъ

его Ваше вѣрное дворянство, такъ понимаетъ его весь народъ Вашъ, такъ должны понимать его и недруги Россіи.

Мы молимъ Всевышняго, да отвратитъ Онъ отъ нашего отечества бѣдствія войны. Но война не страшитъ насъ. Всё устремится на зовъ отечества, всё поднимется — при малѣйшемъ покушеніи на всецѣлость Вашей державы, при малѣйшемъ оскорбленіи нашей народной чести.

Довѣрьтесь судьбамъ Вашего народа, Государь! положитесь на испытанную преданность Вашего дворянства: какъ всегда, оно будетъ впереди, гдѣ грозитъ опасность.

Во главѣ освобождаемой Вами Россіи Вы могущественны, Государь! Вы могущественнѣе Вашихъ предшественниковъ. Дерзайте, уповая на Бога, на Вашу правду и на любовь къ Вамъ Россіи.

3.

Отъ Московскаго городского общества.

Всемилостивѣйшій Государь!

Собравшись въ первый разъ, Московская Общая Всесословная Дума спѣшитъ подвергнуть предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ изъявленіе непоколебимой преданности престолу и благоговѣйной признательности за дарованное Москвѣ общественное управленіе, которое, съ Божіею помощью, упрочитъ и разовьетъ благосостояніе дорогого Вашему Величеству и всей Россіи первопрестольнаго города.

Въ этомъ городѣ, Государь, глубоко и сильно отзывается всякое торжество и всякая скорбь Русской земли.

Москва, собиравшая Русскую землю, Москва, утвердившая Русское царство, возлагаетъ, въ виду совершающихся и грядущихъ событій, всё свое упованіе на незыблемую твердость Вашего Величества.

Да вѣдаетъ міръ, что великія преобразованія, предпринимаемыя Вами, Государь, на благо отечества, и расширяющія права Вашихъ вѣрноподданныхъ, только новыми крѣпчайшими узами соединяютъ Русскаго Царя съ Русскою землею и даютъ новую крѣпость Его державѣ.

Да уразумѣютъ враги наши, что высокое милосердіе, явленное Вашимъ Величествомъ въ манифестѣ, отъ 31-го марта, свидѣтельствуетъ о силѣ спокойной и твердой, которая, прощая виновныхъ, смиритъ непокорныхъ.

Вы не потерпите, Государь, никакого покушенія на нераздѣльность Вашихъ владѣній: Вы не уступите ничего изъ достоянія Русской державы, Богомъ ей даннаго и купленнаго цѣною Русской крови.

Государь! люди выборные отъ всѣхъ сословій Вашей первопрестольной столицы, мы дерзаемъ свидѣтельствовать предъ лицомъ Вашимъ

объ общемъ чувствѣ, одушевляющемъ Вашихъ вѣрноподданныхъ. Весь народъ Вашъ съ Вами, Государь! Весь народъ Вашъ станетъ крѣпко, не страшась никакой борьбы и готовый на всякія жертвы — за неприкосновенность Вашей державы, за величіе дорогого отечества.

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданные.

(Слѣдуютъ подписи городского головы, старшинъ сословій, товарищей старшинъ и гласныхъ Городской Общей Думы.)

4.

Отъ Московскаго Университета.

Всемилостивѣйшій Государь!

Въ то время, когда разныхъ чиновъ Русскіе люди, заслыша враговъ и руководясь святымъ преданіемъ отцовъ, заявляютъ передъ престоломъ царскимъ готовность пожертвовать всѣмъ — за единство Русской земли, неприкосновенность Русской государственной области, за права Россіи, купленныя великими пожертвованіями, — люди науки, проповѣдники разумѣнія и правды, не могутъ оставаться безмолвными, не могутъ не отозваться на разумныя и праведныя заявленія Русскихъ людей. У насъ — преданія царей и народа, и несокрушимъ престолъ царей, пока существуетъ это единство. Какъ только вмѣсто многихъ князей явился въ Москвѣ государь, онъ уже принялъ именованье государя всея Россіи. Этимъ именованьемъ указанъ былъ дальнѣйшій подвигъ царей, дальнѣйшая исторія народа. Этотъ подвигъ, эта исторія — собраніе земли Русской, разнесенной чужими. Всѣмъ, всѣмъ было пожертвовано для великаго дѣла! Вѣковая, упорная, кровавая борьба шла за него, гибли рати, горѣла Москва, и врагъ хозяйничалъ въ ней; но восторжествовало наконецъ дѣло народа — народа, создавшаго свое единство. Мы свято хранили память этой борьбы: она развила наше народное чувство, наше народное сознаніе, и Московское Государство стало Всероссійскою Имперіей. Теперь хотятъ возобновить эту борьбу: дѣлаютъ запросъ нашему народу, тотъ ли онъ прежній Русскій народъ, помнитъ ли свое прошедшее, достоинъ ли имѣть будущее? И народъ даетъ свой отвѣтъ. Онъ обращается къ Царю съ полною вѣрою, что это — Царь всея Руси, истинный потомокъ своихъ предковъ, и Царь обращается къ народу съ полною вѣрою, что это — старый Русскій народъ, готовый пожертвовать всѣмъ — за эту *единую*, за эту *всю* Русь. Государь! Въ этой вѣрѣ — наша сила, и въ этой вѣрѣ — наше спокойствіе.

(Подлинное подписано ректоромъ и всѣми профессорами Московскаго Университета.)

Императорскій дворецъ въ Москвѣ.

5.

Отъ живущихъ въ Москвѣ временно-обязанныхъ крестьянъ всѣхъ Губерній.

Государь Всемилостивѣйшій!

Денно и нощно молимъ мы Царя Небеснаго за Тебя, Царя, нашего Освободителя, за Тебя, даровавшаго намъ новую жизнь.

Дошелъ до насъ слухъ о смутахъ въ Царствѣ Польскомъ и западномъ краѣ нашего отечества: горько намъ думать, что сердце Твое опечаливается измѣною подданныхъ твоихъ.

Мы, благодарные вѣрноподданные Твои, временно-обязанные крестьяне всѣхъ губерній, живущіе въ Москвѣ, не можемъ не выразить Тебѣ, по сему случаю, что чувствуемъ.

За Тебя и святую Русь, за цѣлость и величіе Твоей державы, готовы мы идти въ огонь и въ воду, не щадя живота своего, хотя-бы поголовно.

За нами — всѣ семьи наши, живущія во всѣхъ краяхъ Россіи.

Пусть льется, если прикажешь, наша кровь за сохраненіе того, что куплено цѣною крови отцовъ и дѣдовъ нашихъ.

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданные.

(Слѣдуютъ подписи крестьянъ.)

6.

Отъ Московскихъ старообрядцевъ.

Великій Государь!

Много голосовъ подъемлется къ Твоему престолу: дозволь и намъ сказать нашу правду.

Измѣнники и возмутители хотѣли оклеветать насъ предъ цѣлымъ міромъ и приравнять насъ къ себѣ. Они лгали на насъ.

Мы хранимъ свой обрядъ; но мы Твои вѣрноподданные. Мы всегда повиновались властямъ предержащимъ. Но Тебѣ, Царь-освободитель, мы преданы сердцемъ нашимъ. Въ новизнахъ Твоего царствованія намъ старина наша слышится. На Тебѣ, Государь, почіетъ духъ нашихъ Царей добродѣтельныхъ.

Не только тѣломъ, но и душою мы Русскіе люди, Россія намъ матерь родная; мы всегда готовы пострадать и умереть за нее. Наши предки были Русскіе люди, работали на Русскую землю и за нее умирали. Посрамимъ ли мы память отцовъ и дѣдовъ нашихъ и всѣхъ Русскихъ христіанъ, отъ которыхъ кровь нашу приняли?

Враги, злоумышляя противъ Твоей державы, возжигаютъ мятежъ въ Польшѣ и грозятъ намъ войною. Великій Государь! Десница Божія возвеличила державу Твоихъ предковъ, она дастъ Царю-освободителю одо-

лѣніе на давнихъ враговъ и притѣснителей Русской земли, которые народъ Русскій отъ корня отрывали и вѣру его насиловали.

Престолъ Твой и Русская земля не чужое добро намъ, а наше кровное. Мы не опоздаемъ явиться на защиту ихъ и отдадимъ за нихъ всё достояніе и жизнь нашу. Да не умалится держава Твоя, а возвеличится, да не посрамятся въ насъ предки наши, да возрадуется о Тебѣ старина наша Русская.

На Тебя всѣ надежды наши, а преданность наша Твоему престолу непоколебима. Царствуй долго, Великій Государь, на славу Россіи и на утѣшеніе Твоихъ вѣрноподданныхъ.

(Слѣдуютъ подписи.)

7.

Отъ Дворянъ города Кіева.

Всемилостивѣйшій Государь!

Вожди Польскихъ мятежниковъ, считая край нашъ Польскимъ, вопреки исторіи, въ противность мыслямъ и желаніямъ вѣрнаго Тебѣ, Государь, Южно-Русскаго народа, задумали отторгнуть этотъ край отъ Твоей державы.

Православное, искони Русское населеніе нашего края успѣло уже — не одними воплями негодованія, но дѣйствительнымъ, горькимъ для мятежниковъ урокомъ — показать жалкое ихъ ослѣпленіе, и уже не словомъ, а кровію засвидѣтельствовать предъ цѣлымъ свѣтомъ свою непоколебимую преданность Твоему престолу.

Считаемъ священнымъ своимъ долгомъ, Государь, заявить предъ Тобою, что насъ, Кіевлянъ, воодушевляютъ, общія всему народу Русскому, чувства негодованія на дерзкихъ возмутителей спокойствія Россіи и чувства безпредѣльной преданности къ Твоему престолу, которыхъ никакая сила поколебать не можетъ.

Борьба, на которую вызываютъ насъ мятежные сыны Польши, для насъ не нова. Ее вели наши предки въ продолженіе многихъ вѣковъ, защищая свою Русскую народность, Православную вѣру и древнѣйшую Русскую столицу, Кіевъ — пастырскимъ словомъ и силою оружія. Мы глубоко убѣждены, что Кіевъ безъ Россіи и Россія безъ Кіева немыслимы, и если многовѣковые уроки не вразумятъ мятежныхъ Твоихъ подданныхъ, если борьба за цѣлость Русской земли и народную честь неизбѣжны, то, по державному слову Твоему, Государь, мы, Кіевляне, за одно со всѣмъ народомъ Русскимъ, не замедлимъ явиться первыми въ ряду защитниковъ цѣлости и неприкосновенности Твоей Имперіи, жертвуя всѣмъ достояніемъ нашимъ и самою жизнію. Мы съумѣемъ показать себя достойными потомками нашихъ предковъ, не-разъ у стѣнъ Кіева проливавшихъ кровь въ борьбѣ съ Поляками. Насъ благословитъ на

брань наша святая Кіевская Лавра, эта Всероссійская святыня, куда стекается народъ со всѣхъ концовъ Твоей обширной державы — молить Бога за Тебя, Государь, и за всю землю Русскую. Насъ будутъ воодушевлять могилы павшихъ въ борьбѣ съ Поляками предковъ нашихъ и развалины древнихъ святынь Русскихъ — эти безмолвные свидѣтели разрушительнаго Польскаго владычества, разсѣянные на всемъ пространствѣ родного нашего края.

Какія бы несчастія ни угрожали намъ, мы, подъ кровомъ Твоей державы, спокойны за наше будущее, питая твердую надежду, что — за святой городъ Кіевъ, древнюю матерь городовъ Русскихъ — возстанетъ вмѣстѣ съ нами, какъ одинъ человѣкъ, вся земля Русская.

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданные.

(Подлинное подписано дворянами города Кіева.)

8.

Отъ Мѣщанъ и Гражданъ города Кіева.

Августѣйшій Монархъ,

Всемилостивѣйшій Государь!

Мы, мѣщане и граждане города Кіева, древней столицы Руси, изумленные легкомысленнымъ посягательствомъ — враждебныхъ возмутителей сосѣдняго намъ народа — исторгнуть родной край нашъ, вмѣстѣ съ роднымъ городомъ нашимъ, матерью городовъ Русскихъ, отъ единства Твоей великой державы, не можемъ не высказать предъ Тобою, Августѣйшій Монархъ, всю полноту вѣрноподданническихъ чувствъ, непоколебимой любви и преданности нашей Русскому престолу, завѣщанныхъ намъ въ-наслѣдіе предками.

Мы твердо знаемъ, что родной край нашъ есть искони земля Русская. Этому научали насъ отцы наши — при гробницѣ святого лѣтописца, на могилѣ Аскольда, на берегу Днѣпра, въ храмѣ святой Софіи и на каждомъ шагу нашего священно-историческаго города. Мы свято храним завѣтъ предковъ — быть вѣрными Православію и престолу земли Русской, и этотъ завѣтъ, какъ святыню, оставимъ въ-наслѣдіе и нашему потомству.

Нынѣ, подъ благотворнымъ правленіемъ Твоимъ, милостивый Монархъ, вкушая новую жизнь, преисполненные вѣрноподданической благодарности и безпредѣльной любви къ Тебѣ, единодушно просимъ Тебя, Государь: возьми всё наше достояніе и жизнь, и располагай ими по Своей державной волѣ.

Жаждущіе Твоего державнаго повелительнаго слова, вѣрноподданные.

(Слѣдуютъ подписи.)

9.

Отъ временно-обязанныхъ крестьянъ Подольской губерніи, Балтскаго уѣзда, Емиловской волости.

Августѣйшій Монархъ,

Всемилостивѣйшій Государь!

Мы, временно-обязанные крестьяне Подольской губерніи, Балтскаго уѣзда, Емиловской волости, собравшись на волостной-сходъ, единодушно постановили заявить письменно Вашему Императорскому Величеству наши вѣрноподданническія чувства и преданность нашу Вамъ и дорогому нашему Русскому отечеству.

Мятежные Поляки задумали пронырливыми путями поднять оружіе противъ отечества нашего; Подольскіе Поляки еще осмѣлились написать къ Вамъ, Государь, что будто-бы и мы хотимъ быть Поляками. До настоящаго времени въ нашихъ мѣстахъ нѣтъ мятежниковъ, но еслибы появились, то докажемъ имъ, что мы всегда были и остаемся вѣрными сынами отечества, Россіи; докажемъ, сколько мы ихъ ненавидимъ; отомстимъ имъ за нашихъ предковъ, которыхъ они замучили. Обѣщанія, лести и выдуманныя ими золотыя грамматы на насъ не подѣйствуютъ. Мы знаемъ, что одинъ нашъ законный Царь, помиловавшій теперь насъ, не оставитъ своею милостію и напередъ. Жизнь наша и имущества принадлежатъ Вамъ и отечеству. По Вашему, Царь, мановенію, мы поголовно ополчимся и пойдемъ на защиту отечества.

Умоляемъ Ваше Императорское Величество — снять Своимъ Царскимъ словомъ съ насъ клевету, что будто мы хотимъ быть Поляками, и считать насъ вѣрными своими подданными и сынами святой нашей Православной вѣры. Готовы мы жизнію и имуществами доказать это на дѣлѣ, и мы не перестаемъ молить Всемогущаго Бога о ниспосланіи — Вашему Императорскому Величеству и всему Августѣйшему Роду — здравія и на враговъ побѣды и одолѣнія.

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданные.

(Слѣдуютъ подписи.)

10.

Отъ временно-обязанныхъ крестьянъ Волынской губерніи, Заславскаго уѣзда, Барбаровской волости.

Августѣйшій Монархъ,

Всемилостивѣйшій Государь!

И наша Православная Волынь, съ мѣсяца мая, стала обуреваться Польскимъ мятежомъ. Но усилія мятежниковъ не въ силѣ поколебать

нашего Православія и преданности Православному Царю, нашему Освободителю.

Минувшаго 10-мая, мы — не словомъ, но дѣломъ — доказали нашу любовь къ отечеству и вѣрноподданное усердіе къ Августѣйшему Монарху нашему, раздѣляя всѣ опасности брани съ Русскими войсками. Объ этомъ знаютъ храбрые воины, поражавшіе враговъ Россіи въ 10-ый день мѣсяца мая.

Съ этой минуты, мы еще сдѣлались мужественнѣе. Притѣснителямъ нашей свободы не взмилилось наше участіе въ рядахъ Русскихъ воиновъ.

Теперь за-то они сильно грозятъ намъ. Но ихъ угрозы, подъ Твоимъ скипетромъ, для насъ не страшны. Мы отъ-того еще сильнѣе кипимъ яростію противъ возмутителей общаго спокойствія.

Повели, Царь, смѣшаться намъ съ Русскими войсками, и мы докажемъ, что мы — и тѣломъ, и духомъ — Русскіе, и враги наши не станутъ болѣе простирать къ намъ своихъ притязаній. Они говорятъ, что мы униты и отстали отъ вѣры предковъ нашихъ. Мы готовы въ настоящее время доказать, что мы — Православные и чисто Русскіе.

Всемилостивѣйшій Государь! Прикажи намъ, и мы готовы поголовно лечь костьми за Вѣру Православную, Царя и отечество; но и слышать не хотимъ о ненавистномъ властвованіи Польши.

Удостой, Царь, принять увѣреніе въ вѣрноподданическихъ чувствахъ временно-обязанныхъ крестьянъ Барбаровской волости, Заславскаго уѣзда, Волынской губерніи, 4-го мирового участка.

Имѣемъ счастье именоваться вѣрноподданными Вашего Императорскаго Величества, уполномоченные отъ цѣлой волости.

(Слѣдуютъ подписи.)

11.

Отъ жителей мѣстечка Почепа, Черниговской губерніи.

Ваше Императорское Величество,

Всемилостивѣйшій Государь!

При настоящихъ смутахъ и безпорядкахъ, совершающихся въ Польшѣ, старинные враги и завистники мощной Россіи измыслили безстыдную клевету, будто-бы и въ Малороссіи есть откликъ Польскаго возстанія.

Но они жестоко ошибаются: Малороссія была, есть и будетъ твердою и непоколебимою въ вѣрности престолу и отечеству. При томъ она еще не забыла всѣхъ бѣдствій отъ Польской анархіи, нѣсколько лѣтъ надъ нею тяготѣвшихъ, и величайшаго зла народнаго — гоненія за вѣру. Иго Польское для нея было невыносимѣе Татарскаго.

Пусть же Польскіе мятежники и ихъ защитники не разсчитываютъ найдти въ Малороссахъ сочувствіе къ себѣ! Малороссы, при первомъ случаѣ, еще постараются заплатить Полякамъ свой давній долгъ. И мы, жители Черниговской губерніи, Мглинскаго уѣзда, мѣстечка Почепа, имѣющіе счастіе принадлежать къ одной великой семьѣ Русской, не отстанемъ отъ своихъ собратій. И если Богу угодно будетъ послать для Россіи какое-либо испытаніе, тогда враги Россіи увидятъ всю нашу безпредѣльную любовь и преданность къ Тебѣ, Государь, и отечеству.

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданные жители Черниговской губерніи, Мглинскаго уѣзда, мѣстечка Почепа.

(Слѣдуютъ подписи.)

12.

Отъ Малороссійскихъ козаковъ Прилукскаго и Пирятинскаго уѣздовъ, Полтавской губерніи.

Всемилостивѣйшій Монархъ!

Узнали мы, Всемилостивѣйшій Государь, что старые ненавистники наши, Поляки, дерзнули посягнуть на отторженіе областей, составляющихъ Богомъ данное Тебѣ Царство, и въ преступномъ изступленіи, производятъ грабежи и разбои, и страшно неистовствуютъ въ западныхъ губерніяхъ. Такія варварства намъ не новы. Воскресли въ памяти нашей тѣ злодѣйства, какими отличили себя Поляки во временное свое господство въ Малороссіи; вспомнили мы, какъ нѣкогда Поляки ругались надъ святыми церквами нашими и издѣвались надъ Украинскими нашими обычаями. Вспомнили мы, какъ они безчинствовали надъ нашими братьями и сестрами, безвинную кровь которыхъ они звѣрски проливали: и вотъ, незлобивыя отъ природы, возмутились сердца наши, возмутились до того, что мы осмѣливаемся повергнуть къ стопамъ Твоимъ наши единодушныя мысли. Повели, Государь! и мы, по одному Твоему слову, оставивъ на-время косу и плугъ, возьмемся за оружіе, и докажемъ врагамъ Россіи, что въ жилахъ нашихъ течетъ та кровь, которою нѣкогда были залиты поля Полтавы; докажемъ, что и мы, такжекакъ дѣды наши — въ годину 1812 года, по одному слову Августѣйшаго Монарха, ополчимся дружною ратью.

Вѣрь, Государь! За честь и славу Твою, за честь и славу земли и народа нашего, мы не пощадимъ жизни, и крѣпкою грудью защитимъ землю, обагренную священною кровью нашихъ предковъ.

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданѣйшіе.

(Слѣдуютъ подписи.)

13.

Отъ Государственныхъ крестьянъ Диканьской волости Полтавскаго уѣзда, Полтавской губерніи.

Всемилостивѣйшій Государь!

Со всѣхъ концовъ обширной Имперіи Вашей слышатся искреннія выраженія сыновней любви и преданности Вашему Императорскому Величеству и дорогому отечеству нашему.

Малороссійскіе Козаки никогда не отставали отъ другихъ подданныхъ Вашихъ въ доказательствѣ этихъ чувствъ своихъ. Еще недавно, въ тяжкую послѣднюю войну, по первому призыву своего Государя, они двинули молодцовъ своихъ на защиту отечества.

До насъ доходятъ слухи о мятежѣ, въ Царствѣ Польскомъ и въ Русскихъ западныхъ губерніяхъ, и дерзкихъ замыслахъ Поляковъ на цѣлость державы Вашей, Государь! Они осмѣливаются распространять беззаконныя притязанія свои на тѣ земли, которыя заселены нашими братьями и ожидаютъ найдти приверженцевъ между нами.

Забыли они давнія войны! Много крови было пролито предками нашими, чтобы освободить Малороссію изъ-подъ временнаго Польскаго владычества, и не изгладились еще изъ памяти Козацкой преданія объ этихъ тяжкихъ временахъ! Изъ дѣдовскихъ разсказовъ знаемъ мы, что Козакъ съ Ляхомъ дружить не могутъ.

Никогда, ничто не поколеблетъ Козаковъ въ вѣрности Государю и родинѣ! Укажите намъ враговъ Вашихъ, Государь, и мы докажемъ всему міру, что въ насъ течетъ кровь Козацкая, и что мы — достойные потомки доблестныхъ предковъ нашихъ.

Мы счастливы, Государь, что можемъ, какъ представители народа Вашего, выразить передъ Вами тѣ чувства, которыя живутъ въ сердцахъ всѣхъ Козаковъ.

(Слѣдуютъ подписи.)

14.

Отъ Государственныхъ крестьянъ Смоленской губерніи, Смоленскаго уѣзда, Боровской волости.

Ваше Императорское Величество,

Всеавгустѣйшій Монархъ!

Когда, въ 1610 году, городъ нашъ Смоленскъ обложенъ былъ полчищами Поляковъ, и ожесточенные враги, угрожая предать всё огню и мечу, требовали сдачи города, храбрые защитники его, наши доблестные предки, отвѣчали врагу: «Пусть жены и дѣти наши погибнутъ въ

стѣнахъ Смоленска, но вѣрнаго города не отдадимъ Ляхамъ». И они не отдали города: непріятель вошелъ въ него по трупамъ защитниковъ его.

Всемилостивѣйшій Государь! Въ виду извѣстныхъ событій въ Польшѣ и въ западныхъ губерніяхъ, мы, вѣрноподданные Твои, Государственные крестьяне Боровской волости, составляющіе часть населенія города Смоленска и его окрестностей, даемъ единодушный и торжественный обѣтъ передъ ликомъ чудотворнаго образа вѣрной заступницы нашей, Смоленской Божіей Матери, Одигитріи, — стать, по призыву Твоему, отъ мала до велика — на защиту Вѣры, престола и отечества, угрожаемыхъ мятежными Поляками и одномысленными съ ними народами запада, и, по-примѣру приснопамятныхъ предковъ нашихъ, защитниковъ Смоленска, сказать, при встрѣчѣ, врагу: — скорѣе дадимъ погибнуть женамъ и дѣтямъ нашимъ отъ пламени и меча, чѣмъ уступимъ мы ему хотя пядь земли изъ того исконнаго достоянія нашего, на которое они, подъ знаменемъ бунта и неслыханныхъ злодѣяній, предъявляютъ свѣту неправыя свои права!

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданные.

(Слѣдуютъ подписи.)

15.

Отъ временно-обязанныхъ крестьянъ Псковской губерніи, Холмскаго уѣзда, третьяго мирового участка.

Августѣйшій Монархъ,

Всемилостивѣйшій Государь.

Дошли до насъ вѣсти, что Поляки опять бунтуютъ, и что шайки ихъ появляются даже въ-смежности съ нашею Псковскою губерніею и производятъ грабежъ. Слышимъ мы и то, что Поляки замышляютъ недоброе — хотятъ отдѣлить царство Польское отъ Имперіи и присоединить къ нему много нашихъ губерній съ народомъ Русскимъ, Православнымъ, и обратить его въ ихъ Польскую Латинскую вѣру, и что въ такомъ худомъ дѣлѣ иностранныя государства, которымъ завидны сила и обширность нашей Россійской Имперіи, оказываютъ Полякамъ покровительство.

Хотя мы и простые люди, почти всѣ безграмотные, однако вѣдаемъ, что народу Русскому много стоило и трудовъ, и крови, чтобы составилось наше царство сильнымъ и могучимъ, и что въ сильномъ царствѣ людимъ лучше жить, чѣмъ въ слабомъ. Сильному царству отъ другихъ государствъ и почетъ, и уваженіе, а если допустить Поляковъ урѣзать

Имперію нашу, то эти же Поляки будутъ намъ вѣкъ покою не давать, и иныя царства будутъ надъ нами верхъ брать, и не будетъ ни покою, ни почетной жизни народу Русскому.

Но тяжелѣе всѣхъ слуховъ намъ тотъ, что Ты, Государь, нашъ батюшка, такими злодѣйскими дѣлами Поляковъ огорчаешься. Мы Тебя любимъ и жалѣемъ пуще отца родного. Ты намъ волю далъ; Ты обезпечилъ бытъ нашъ; Ты такъ устроилъ, что теперь насъ никто обидѣть не можетъ: вездѣ и скорый судъ, и правду, и защиту находимъ. Мы это чувствуемъ, и вѣчно за Тебя Бога молимъ.

Не печалься, Отецъ нашъ! не уступимъ мы Полякамъ ни вершка земли Русской, не дадимъ имъ нашего царства крошить, ни народа Православнаго въ Латинство совращать; ни Полякамъ, ни заступникамъ за нихъ не позволимъ надъ нами куражиться.

Достояніе и жизнь наша принадлежатъ Тебѣ, Государь!

Мы ждемъ только Твоего слова царскаго.

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданные.

(Слѣдуютъ подписи.)

Россія.

(Мѣсто изъ стихотворенія.)

Обширность нашихъ странъ измѣрьте,
Прочтите книги славныхъ дѣдъ,
И чувствамъ собственнымъ повѣрьте: —
Не вамъ подвергнуть нашъ предѣлъ!
Исчислите тьму сильныхъ боевъ,
Исчислите у насъ героевъ —
Отъ земледѣльца до царя,
Въ судѣ, въ полкахъ, въ моряхъ и въ селахъ,
Въ своихъ и на чужихъ предѣлахъ,
И у святого алтаря!..

Михаилъ Ломоносовъ.

Клеветникамъ Россіи.

Чемъ шумите вы, народные витіи?
Зачѣмъ напрасной грозите вы Россіи?
Что возмутило васъ? — волненія Литвы?...
Оставьте: это споръ Славянъ между собою,

Домашній, старый споръ, ужь взвѣшенный судьбою,
Вопросъ, котораго не разрѣшите вы.
Уже давно между собою
Враждуютъ эти племена;
Не-разъ клонилась подъ грозою
То дѣдъ, то наша сторона...
Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ:
Кичливый Ляхъ, иль вѣрный Россъ?
Славянскіе-ль ручьи сольются въ Русскомъ морѣ?
Оно ль изсякнетъ? — вотъ вопросъ!
Оставьте насъ: вы не читали
Сіи кровавыя скрижали;
Вамъ непонятны, вамъ чужда
Сія семейная вражда!
Для васъ безмолвны Кремль и Прага;
Безсмысленно прельщаетъ васъ
Борьбы отчаянной отвага, —
И ненавидите вы насъ....
За что-жь — отвѣтствуйте: — за то ли,
Что на развалинахъ пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, предъ кѣмъ дрожали вы?
За то-ль, — что въ бездну повалили
Мы тяготѣющій надъ царствами кумиръ,
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и миръ?...
Вы грозны на словахъ, — попробуйте на дѣлѣ!...
Иль старый богатырь, покойный на постелѣ,
Не-въ-силахъ завинтить свой Измаильскій штыкъ?
Иль Русскаго Царя уже безсильно слово?
Иль намъ съ Европой спорить ново?
Иль Русскій отъ побѣдъ отвыкъ?
Иль мало насъ?... Или, отъ Перми до Тавриды,
Отъ Финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясённаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанетъ Русская земля?...
Такъ высылайте-жь намъ, витіи,
Своихъ озлобленныхъ сыновъ: —
Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи,
Среди нечуждыхъ имъ гробовъ!

Александръ Пушкинъ.

О ЗЕМСКИХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ 1-го ЯНВАРЯ 1864 ГОДА.

Указъ Правительствующему Сенату.

Признавъ за благо призвать къ ближайшему участію въ завѣдываніи дѣлами, относящимися до хозяйственныхъ пользъ и нуждъ каждой губерніи и каждаго уѣзда, мѣстное ихъ населеніе, посредствомъ избираемыхъ отъ онаго лицъ, Мы повелѣли Министру Внутреннихъ Дѣлъ составить, на указанныхъ Нами началахъ, проекты постановленій объ устройствѣ особыхъ земскихъ, для завѣдыванія упомянутыми дѣлами, учрежденій.

Составленные на семъ основаніи и разсмотренные въ Государственномъ Совѣтѣ проекты: Положенія о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ и временныхъ для нихъ правилъ по дѣламъ о земскихъ повинностяхъ, народномъ продовольствіи и общественномъ призрѣніи, Мы находимъ соотвѣтствующими Нашимъ намѣреніямъ и, въ слѣдствіе того, утвердивъ ихъ и препровождая при семъ въ Правительствующій Сенатъ, повелѣваемъ:

1.) Положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ и временныя правила для сихъ учрежденій ввести нынѣ-же въ дѣйствіе въ губерніяхъ: Владимірской, Вологодской, Воронежской, Вятской, Екатеринославской, Казанской, Калужской, Костромской, Курской, Московской, Нижегородской, Новгородской, Олонецкой, Оренбургской, Орловской, Пензенской, Пермской, Полтавской, Псковской, Рязанской, Самарской, Санктпетербургской, Саратовской, Симбирской, Смоленской, Таврической, Тамбовской, Тверской, Тульской, Харьковской, Херсонской, Черниговской и Ярославской.

2.) Министру Внутреннихъ Дѣлъ, составя немедленно правила, необходимыя для открытія — на семъ основаніи, въ поименованныхъ губерніяхъ — земскихъ учрежденій и для первоначальныхъ ихъ дѣйствій, внести сіи правила на Наше утвержденіе чрезъ Государственный Совѣтъ.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ сдѣлать къ исполненію сего надлежащія распоряженія.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Въ С.-Петербургѣ,
1-го Января 1864 года.

„АЛЕКСАНДРЪ."

О СУДЕБНЫХЪ УСТАВАХЪ 20 НОЯБРЯ 1864 ГОДА.

Указъ Правительствующему Сенату.

По вступленіи на прародительскій престолъ, однимъ изъ первыхъ Нашихъ желаній, всенародно возвѣщенныхъ въ Манифестѣ 19-го марта 1856 года, было: «да правда и милость царствуютъ въ судахъ.»

Съ того времени, среди другихъ преобразованій, вызванныхъ потребностями народной жизни, Мы не переставали заботиться о достиженіи упомянутой цѣли

посредствомъ лучшаго устройства судебной части и, послѣ многостороннихъ предварительныхъ работъ во Второмъ Отдѣленіи Собственной Нашей Канцеляріи, 29-го сентября 1862 года утвердили и тогда-же повелѣли обнародовать въ общее свѣдѣніе основныя положенія преобразованія этой части.

Составленные, въ развитіе сихъ основныхъ положеній, особо учрежденною Нами коммиссіею, проекты уставовъ нынѣ подробно обсужены и исправлены Государственнымъ Совѣтомъ.

Разсмотрѣвъ сіи проекты, Мы находимъ, что они вполнѣ соотвѣтствуютъ желанію Нашему — водворить въ Россіи судъ скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ подданныхъ Нашихъ, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и, вообще, утвердить въ народѣ Нашемъ то уваженіе къ закону, безъ коего невозможно общественное благосостояніе и которое должно быть постояннымъ руководителемъ дѣйствій всѣхъ и каждаго, отъ высшаго до низшаго.

Вслѣдствіе того, признавъ за благо утвердить составленные и разсмотрѣнные въ такомъ порядкѣ: 1.) учрежденіе судебныхъ установленій, 2.) уставъ уголовнаго судопроизводства, 3.) уставъ гражданскаго судопроизводства и 4.) уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, и препровождая всѣ означенныя законоположенія въ Правительствующій Сенатъ, повелѣваемъ ему сдѣлать надлежащія распоряженія для ихъ обнародованія. Порядокъ приведенія ихъ въ дѣйствіе будетъ, неотложно за симъ, особо Нами указанъ.

Призывая благословеніе Всевышняго на успѣхъ этого великаго дѣла, Мы радостно выражаемъ надежду, что намѣренія Наши осуществятся при ревностномъ содѣйствіи Нашихъ вѣрноподданныхъ, какъ каждаго отдѣльно въ кругу личной его дѣятельности, такъ и въ совокупномъ составѣ обществъ, сословій и земства, нынѣ, по волѣ Нашей, на новыхъ основаніяхъ образуемаго.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

Въ Царскомъ Селѣ,
20-го Ноября 1864 года.

„АЛЕКСАНДРЪ."

ГОДЫ, ВЪ КОТОРЫЕ ПРОИЗОШЛИ ВАЖНѢЙШІЯ СОБЫТІЯ ВЪ РУССКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ.

I.

Удѣльная Русь.

— Начало, или основаніе Русскаго Государства призваннымъ Славянами Варяго-Русскимъ княземъ *Рюрикомъ*. . . . . въ 862 году.
— Принятіе (правнукомъ Рюрика) великимъ княземъ *Владиміромъ Святымъ* и народомъ Русскимъ Христіанской вѣры. » 988 »
— Раздѣленіе Руси, по смерти великаго князя *Ярослава Перваго* (сына Владиміра Святого), на удѣльныя княжества. . » 1054 »
— Покореніе Руси Татарами. . . . . » 1243 »

(*** *Русскія столицы:* Новгородъ и, вскорѣ потомъ, Кіевъ.)

II.

Московское Государство.

— Начало *Московскаго Государства* при великомъ князѣ Московскомъ *Іоаннѣ Даниловичѣ*, по прозванью *Калита*, и усиленіе значенія Москвы. . . . . » 1328 года.
— Битва на Куликовѣ-Полѣ и пораженіе Русскими Татаръ, при великомъ князѣ Московскомъ, *Димитріѣ Іоанновичѣ Донскомъ*. » 1380 »
— Губительное нашествіе Татарскаго хана Тамерлана на Московское Государство, при великомъ князѣ Московскомъ, *Василіѣ Димитріевичѣ* (сынѣ Димитрія Донского). . . . . » 1395 »
— Присоединеніе Новгорода къ Московскому Государству, при *царѣ Іоаннѣ Третьемъ Васильевичѣ* (Великомъ). . . » 1478 »
— Сверженіе съ себя Россіею Татарскаго владычества, при *царѣ Іоаннѣ Третьемъ Васильевичѣ*. . . . . » 1480 »
— Присоединеніе Пскова къ Московскому Государству, при *царѣ Іоаннѣ Третьемъ Васильевичѣ*. . . . . » 1510 »
— Покореніе и присоединеніе къ Россіи Татарскаго Казанскаго Царства, при *царѣ Іоаннѣ Четвертомъ Васильевичѣ* (Грозномъ) . . . . . » 1552 »
— Начало книгопечатанія въ Москвѣ . . . . . » 1563 »
— Начальное завоеваніе Сибири казачьимъ атаманомъ Ермакомъ, при *царѣ Іоаннѣ Четвертомъ Васильевичѣ*. . . . » 1583 »
— Установленіе въ Россіи патріаршескаго достоинства, при *царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ* (сынѣ Іоанна Васильевича Грознаго). » 1589 »
— Начало Уніи (соединенія) съ Римско-Католической церковью, насильственно-вводимой Поляками въ Сѣверо-Западной и Юго-Западной Россіи . . . . . » 1596 »
— Восшествіе на Россійскій престолъ дома *Романовыхъ*. . . » 1613 »
— Возсоединеніе Малороссіи съ Россіею, при *царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ* (сынѣ Михаила Ѳеодоровича, перваго царя изъ дома Романовыхъ). . . . . » 1654 »

(*** *Русская столица* — **Москва.**)

III.

Россійская Имперія.

Царствованіе Императора Петра Перваго (сына царя Алексѣя Михайловича).

(1689–1725 г.)

— Учрежденіе въ Россіи регулярнаго войска (то-есть, правильно и искусно-обученнаго, по образцу Европейскихъ войскъ). . » 1689 »
— Введеніе въ Россіи лѣтосчисленія отъ Рождества Христова и начала новаго года съ 1-го января (До этого-же времени у насъ лѣтосчисленіе было отъ сотворенія міра, а годъ начинался съ 1-го сентября). . . . . » 1700 »

— Основаніе Балтійскаго флота. . . . . » 17(
— Основаніе новой Россійской столицы — *Санктъ-Петербурга*. » 17(
— Пораженіе Шведскаго короля Карла Двѣнадцатаго подъ Полтавою Русскими войсками, подъ предводительствомъ Петра Перваго. . . . . » 17(
— Завоеваніе Лифляндіи и Эстляндіи. . . . . » 17:
— Учрежденіе Правительствующаго Сената. . . . . » 17:
— Установленіе Святѣйшаго Правительствующаго Синода (вмѣсто патріарха, до того времени управлявшаго всѣми церковными дѣлами въ Россіи). . . . . » 17:
— Заключеніе со Швеціею Ништадскаго мира, по которому Лифляндія, Эстляндія, Ингрія и часть южной Финляндіи присоединены къ Россіи. . . . . » 17:
— Принятіе царемъ Петромъ Первымъ императорскаго титула. » 17:
— Основаніе Императорской Академіи Наукъ. . . . . » 17:

— Восшествіе на престолъ императрицы **Екатерины Первой Алексѣевны** (вдовствующей супруги Петра Перваго) . . . . . » 17:
— Вступленіе на престолъ Императора **Петра Второго Алексѣевича** (внука Петра Перваго, по сыну его) . . . . . » 17:
— Воцареніе императрицы **Анны Іоанновны** (племянницы Петра Перваго, дочери брата его, Іоанна Алексѣевича) . . . . . » 17:
— Провозглашеніе императоромъ младенца **Іоанна Антоновича** (внука сестры Анны Іоанновны), съ назначеніемъ матери его, Анны Леопольдовны — правительницею Государства . . . . . » 17(

Царствованіе Императрицы Елисаветы Петровн (дочери Петра Перваго).

(1741—1761 г.)

— Заключеніе со Швеціею Абовскаго мира, по которому присоединена къ Россіи часть Финляндіи до рѣки Кюмени. . . . » 17
— Основаніе Московскаго Университета (училища высшихъ наукъ). . . . . » 17:
— Учрежденіе Императорской Академіи Художествъ. . . . . » 17:

— Императоръ **Петръ Третій Ѳеодоровичъ** (внукъ Петра Перваго, по дочери) . . . . . » 17(

Царствованіе Императрицы Екатерины Второй Алекс (вдовствующей супруги Петра Третьяго).

(1762—1796 г.)

— Учрежденіе воспитательнаго дома въ Москвѣ . . . . . » 17(
— Введеніе въ Россіи ассигнацій (бумажныхъ денегъ). . . . » 17(
— Битва Русскихъ съ Турками при Кагулѣ и сожженіе Турецкаго флота при Чесмѣ. . . . . » 17'
— Возсоединеніе Бѣлоруссіи съ Россіею. . . . . » 17'
— Заключеніе съ Турками мира при Кучукъ-Кайнарджи, по ко-

торому Татары Крымскіе, Буджакскіе и Кубанскіе объявлены независимыми отъ Турціи, и Русскимъ кораблямъ предоставлено свободное плаваніе по Черному Морю и Архипелагу. . . . . » 1774 года.
— Присоединеніе Крыма къ Россіи. . . . . » 1783 »
— Заведеніе Черноморскаго Флота. . . . . » 1784 »
— Заключеніе съ Турціею мира въ Яссахъ, по которому утверждено присоединеніе Крыма и Очакова къ Россіи. . . . . » 1791 »
— Возсоединеніе съ Россіею Волыни, Подоліи и Минской Губерніи. » 1793 »
— Присоединеніе Курляндіи и Семигаліи къ Россіи. . . . . » 1795 »
— Возсоединеніе Литвы съ Россіею. . . . . » 1795 »

Царствованіе Императора Павла Петровича.

(1796—1801 г.)

— Обнародованіе акта учрежденія объ императорской фамиліи (законъ престолонаслѣдія). . . . . » 1797 »
— Побѣды Суворова въ *Италіи*, надъ Французами, и знаменитый переходъ Русскихъ войскъ чрезъ Альпійскія горы . . . . » 1799 »
— Присоединеніе Грузіи къ Россіи. . . . . » 1801 »

Царствованіе Императора Александра Павловича.

(1801—1825 г.)

— Присоединеніе Мингреліи къ Россіи. . . . . » 1803 »
— Присоединеніе Имеретіи къ Россіи. . . . . » 1804 »
— Присоединеніе къ Россіи Карабахской и Ширванской областей. » 1805 »
— Возсоединеніе съ Россіею Бѣлостокской области. . . . . » 1807 »
— Заключеніе со Швеціею мира въ Фридрихсгамѣ, по которому къ Россіи присоединена вся Финляндія до рѣки Торнео съ Аландскими Островами . . . . . » 1809 »
— Учрежденіе Государственнаго Совѣта. . . . . » 1810 »
— Принятіе Гуріею подданства Россіи . . . . . » 1810 »
— Заключеніе съ Турціею мира въ Бухарестѣ, по которому Бессарабская область присоединена къ Россіи. . . . . » 1812 »
— Избавленіе Россіи отъ нашествія Галловъ *(Французовъ)* и съ ними двадесяти языкъ *(народовъ)*. . . . . » 1812 »
— Заключеніе съ Персіею мира въ Гулистанѣ, по которому присоединены къ Россіи земли до рѣки Аракса. . . . . » 1813 »
— Взятіе Парижа Русскими и ихъ союзниками . . . . . » 1814 »
— Присоединеніе къ Россіи Варшавскаго Герцогства подъ именемъ Царства Польскаго. . . . . » 1815 »
— Вторичное взятіе Парижа. . . . . » 1815 »
— Рожденіе Его Величества Государя Императора Александра Николаевича, 17 апрѣля. . . . . » 1818 »

Царствованіе Императора Николая Павловича.

(1825—1855 г.)

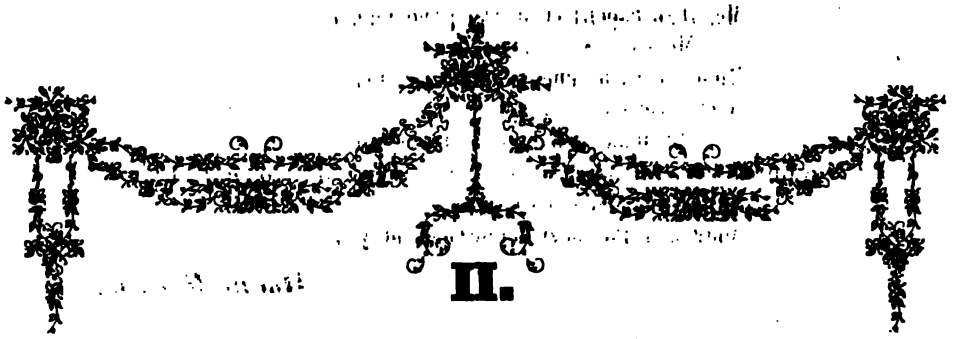
— Заключеніе съ Персіею мира въ Туркменчаѣ, по которому Ханства Эриванское и Нахичеванское присоединены къ Россіи. . » 1828 года.
— Заключеніе съ Турціею мира въ Адріанополѣ. . . . . » 1829 »
— Изданіе «*Полнаго Собранія Законовъ*». . . . . » 1830 »
— Изданіе «*Свода Законовъ Россійской Имперіи*». . . . . » 1833 »
— Возвращеніе Уніатовъ западнаго края Россіи къ Православію Греко-Россійской Церкви . . . . . » 1839 »
— Открытіе Николаевской Желѣзной Дороги. . . . . » 1851 »

Царствованіе Государя Императора Александра Николаевича.

(съ 1855 г.)

— Восшествіе на Всероссійскій престолъ Государя Императора Александра Николаевича, 19 февраля . . . . . » 1855 »
— Присоединеніе Амурскаго Края къ Сибири . . . . . » 1858 »
— Окончательное покореніе всей восточной части Кавказа . . » 1859 »
— Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, 19 февраля 1861 »
— Празднованіе тысячелѣтія Россіи и открытіе, по этому случаю, памятника въ Новгородѣ . . . . . » 1862 »
— Отмѣна откуповъ на продажу питей. . . . . » 1863 »
— Отмѣна тѣлесныхъ наказаній и наложенія клеймъ на преступниковъ, равно и отмѣна наказанія прогнаніемъ сквозь строй, по военному суду . . . . . » 1863 »
— Изданіе положенія о земскихъ учрежденіяхъ . . . . . » 1864 »
— Обнародованіе указа объ устройствѣ быта крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ, 19 февраля. . . . . » 1864 »
— Окончательное покореніе западной части Кавказа и прекращеніе Кавказской войны. . . . . » 1864 »
— Введеніе въ дѣйствіе новыхъ судебныхъ уставовъ . . . . » 1866 »

(*** Россійскія столицы: Петербургъ и Москва.)



II.

БИТОГО.

Крестьянинъ и работникъ.

Когда у насъ бѣда надъ головой,
То рады мы тому молиться,
Кто вздумаетъ за насъ вступиться;
Но только съ плечъ бѣда долой,
То избавителю отъ насъ же часто худо:
Всѣ въ-запуски его цѣнятъ,
И если онъ у насъ не виноватъ, —
Такъ это чудо!
Старикъ крестьянинъ съ батракомъ
Шелъ подъ-вечеръ лѣскомъ
Домой, въ деревню, къ сѣнокосу,
И повстрѣчали вдругъ медвѣдя носомъ къ носу.
Крестьянинъ ахнуть не успѣлъ,
Какъ на него медвѣдь насѣлъ.
Помялъ крестьянина, ворочаетъ, ломаетъ,
И гдѣ-бъ его почать — лишь мѣсто выбираетъ:
Конецъ приходитъ старику.
«Степанушко родной, не выдай, милый!»
Изъ-подъ медвѣдя онъ взмолился батраку...
Вотъ новый Геркулесъ *), со всей собравшись силой,
Что только было въ нёмъ,
Отнесъ полчерепа медвѣдю топоромъ,
И брюхо прокололъ желѣзной вилой.

*) Греческій могучій богатырь, жившій въ незапамятную старину. *Щ.*

Медвѣдь взревѣлъ и замертво упалъ:
Медвѣдь мой издыхаетъ.
Прошла бѣда; крестьянинъ всталъ,
И онъ же батрака ругаетъ...
Опѣшалъ бѣдный мой Степанъ.
«Помилуй», говоритъ: «За что?...» — «За что, болванъ!
Чему обрадовался съ-дуру?...
Знай колетъ: всю испортилъ шкуру!»

Иванъ Крыловъ.

Крестьянинъ и кляча.

Ну, матушка!... о, дьяволъ! стала!»
(Филатъ такъ клячѣ говорилъ,
Въ лѣсу, гдѣ дровъ онъ пропасть нарубилъ,
И возъ престрашный навалилъ.)
«И съ мѣста не сошла еще, уже устала,
Такъ я тебѣ вотъ дамъ!...»
При словѣ семъ схватилъ Филатъ мой хворостину,
И ею ну возить онъ бѣдную скотину
И по спинѣ, и по бокамъ.
Упала кляча на колѣни,
Какъ-будто милости хотѣла симъ просить;
Филатъ неумолимъ, терпѣть не можетъ лѣни,
И продолжаетъ бить.
Приподнялась она тутъ нехотя на ноги
И кой-какъ потащила возъ.
«Пошла! пошла! легко: смотри, какой морозъ!»
Но кляча стала вдругъ опять среди дороги
И далѣе не идётъ.
Опять Филатъ ее съ-плеча дубиной бьётъ.
Упала, бѣдная, ужь не встаётъ,
Не тронется, не шевелится.
Филатъ, примѣтя то, дивится —
Посмотритъ: кляча умерла!...
Какъ взвоетъ мой мужикъ: «Одна лишь и была
Лошадушка — и та вотъ пала!
Пропала голова моя теперь, пропала!
Чѣмъ прогнѣвилъ тебя, о Господи, Филатъ?...»
А самъ, бездѣльникъ, виноватъ.

Александръ Измайловъ.

Крестьянинъ въ бѣдѣ.

Къ крестьянину на дворъ
Залѣзъ осенней ночью воръ;
Забрался въ клѣть, и на-просторѣ,
Обшаря стѣны всѣ, и полъ, и потолокъ,
Покралъ безсовѣстно, что могъ:
И то сказать, какая совѣсть въ ворѣ!...
Ну такъ, что нашъ мужикъ-бѣднякъ
Богатымъ лёгъ, а голью всталъ такою, —
Хоть по-міру поди съ сумою...
Не дай-Богъ никому проснуться худо такъ!
Крестьянинъ тужитъ и горюетъ,
Родню сзываетъ и друзей,
Сосѣдей всѣхъ и кумовей.
«Нельзя ли» — говоритъ — «помочь бѣдѣ моей?»
Тутъ всякій съ мужикомъ толкуетъ
И умный свой даетъ совѣтъ.
Кумъ Карпычъ говоритъ: «Эхъ, совѣтъ!
Не надобно-бъ тебѣ по міру славить,
Что столько ты богатъ.»
Сватъ Климычъ говоритъ: — «Впередъ, мой милый свать,
Старайся клѣть къ избѣ гораздо ближе ставить...»
«Эхъ, братцы, это всё не такъ»,
Сосѣдъ толкуетъ Фока:
«Не то бѣда, что клѣть далёка,
Да надо на дворѣ лихихъ держать собакъ;
Возьми-ка у меня щенка любого
Отъ Жучки, — я бы радъ сосѣда дорогого
Отъ-сердца надѣлить,
Чѣмъ ихъ топить...»
И, словомъ, отъ родни и отъ друзей любезныхъ
Совѣтовъ тысячу надавано полезныхъ,
Кто сколько могъ, —
А дѣломъ ни одинъ бѣдняжкѣ не помогъ.
На свѣтѣ таково-жь: коль въ нужду попадёшься,
Отвѣдай сунуться къ друзьямъ:
Начнутъ совѣтовать и вкось тебѣ, и впрямь;
А чуть о помощи на дѣлѣ заикнёшься,
То лучшій другъ
И нѣмъ глухъ.

Иванъ Крыловъ.

Друзья.

Давно я зналъ, и вновь опять я научился,
Чтобъ другомъ никого, не испытавъ, не звать.

Случилось мужику чрезъ лёдъ переѣзжать,
И возъ его сквозь лёдъ къ-несчастью провалился.
Мужикъ метаться и кричать:
— Ой, батюшки! тону, тону, ей, помогите! —
«Ребята! что же вы стоите?
«Поможемте!» одинъ другому говорилъ,
Кто вмѣстѣ съ мужикомъ въ одномъ обозѣ былъ.
«Поможемъ» каждый подтвердилъ;
Но къ возу между-тѣмъ никто не подходилъ;
А должно знать, что всѣ одной деревни были,
Друзьями межъ собою слыли,
Не-разъ за братское здоровье вмѣстѣ пили;
А сверхъ того, между собой,
Для утвержденія ихъ дружбы круговой,
Крестами даже помѣнялись;
Другъ друга братомъ всякъ зовётъ, —
А братній возъ ко дну идётъ.
По счастью мужика, сторонніе сбѣжались
И вытащили возъ на лёдъ.

Иванъ Хемницеръ.

Мельникъ.

У Мельника вода плотину прососала;
Бѣда бъ невелика, сначала
Когда бы руки приложить...
Но кстати ль?... Мельникъ мой не думаетъ тужить,
А течь день-ото-дня сильнѣе становится:
Вода такъ бьётъ, какъ изъ ведра.
«Эй, Мельникъ, не зѣвай! Пора,
Пора тебѣ за умъ хватиться!»
А Мельникъ говоритъ: «Далёко до бѣды:
Не море надо мнѣ воды,
И ею мельница по весь мой вѣкъ богата.»
Онъ спитъ, а между-тѣмъ
Вода бѣжитъ, какъ изъ ушата...
И вотъ бѣда пришла совсѣмъ:
Сталъ жорновъ, мельница не служитъ,

Хватился Мельникъ мой: и охаетъ, и тужитъ,
И думаетъ, какъ воду уберечь.
Вотъ у плотины онъ, осматривая течь,
Увидѣлъ, что къ рѣкѣ пришли напиться куры.
«Негодныя!»—кричитъ—«хохлатки, дуры!
Я и безъ васъ воды не знаю гдѣ достать,
А вы пришли её здѣсь вдосталь допивать!»...
И въ нихъ полѣномъ хвать.
Какое жь сдѣлалъ тѣмъ себѣ подспорье? —
Безъ куръ и безъ воды пошелъ въ свое подворье...

Видалъ я иногда,
Что есть такіе господа,
Которымъ тысячей не жаль на вздоръ сорить:
А думаютъ хозяйству подспорить,
Коль свѣчки сберегутъ огарокъ,
И рады за него съ людьми поднять содомъ.
Съ такою бережью диковника ль, что домъ
Скорёшенько пойдетъ вверхъ-дномъ?

Иванъ Крыловъ.

Два мужика.

Здорово, кумъ Ѳаддей!» — Здорово, кумъ Егоръ!
Ну, каково, пріятель, поживаешь? —
«Охъ, кумъ, бѣды моей, что вижу, ты не знаешь!
Богъ посѣтилъ меня: я сжегъ до-тла свой дворъ
И по-міру пошелъ съ-тѣхъ-поръ.»
— Какъ-такъ?... Плохая, кумъ, игрушка! —
«Да такъ!... О Рождествѣ была у насъ пирушка;
Я со свѣчой пошелъ дать корму лошадямъ:
Признаться, въ головѣ шумѣло;
Я какъ-то заронилъ, — насилу спасся самъ;
А дворъ и всё добро сгорѣло...
Ну, ты какъ?» — Охъ, Ѳаддей, худое дѣло!
И на меня прогнѣвался, знать, Богъ:
Ты видишь, я безъ ногъ...
Какъ самъ остался живъ, считаю, право, дивомъ,
Я, тожь о Рождествѣ, пошелъ въ ледникъ за пивомъ,
И тоже черезъ-чуръ, признаться, я хлебнулъ
Съ друзьями полугару;
А чтобы во хмѣлю не сдѣлать мнѣ пожару,
Такъ я свѣчу совсѣмъ задулъ:
Анъ бѣсъ меня въ-потьмахъ такъ съ лѣстницы толкнулъ,
Что сдѣлалъ изъ меня совсѣмъ нечеловѣка...

И вотъ я съ той поры калѣка. —
— «Пѣняйте на себя, друзья!»
Сказалъ имъ сватъ Степанъ, — «коль молвить правду, я
Совсѣмъ не чту за чудо,
Что ты сожегъ свой дворъ, а ты на костыляхъ:
Для пьянаго и со свѣчею худо,
Да врядъ, не хуже ль и въ потьмахъ.»

Иванъ Крыловъ.

ФРОЛЪ СИЛИНЪ.

Пусть краснорѣчивые льстецы хвалятъ великодушіе знатныхъ: я хочу хвалить Фрола Силина, простого поселянина, и хвала моя будетъ состоять въ описаніи дѣлъ его, мнѣ извѣстныхъ.

По-сіе-время не могу я безъ сердечнаго содроганія вспомнить того страшнаго года, который живетъ въ памяти у Низовыхъ жителей подъ именемъ голоднаго, того лѣта, въ которое отъ долговременной засухи пожелтѣвшія поля орошаемы были однѣми слезами горестныхъ поселянъ, той осени, въ которую, вмѣсто обыкновенныхъ веселыхъ пѣсенъ, раздавались въ селахъ стенанія и вопль отчаянныхъ, видящихъ пустоту въ гумнахъ и житницахъ своихъ, и той зимы, въ которую цѣлыя семейства, оставя домы свои, просили милостыни на дорогахъ, и, не смотря на вьюги и морозы, цѣлые дни и ночи, подъ открытымъ небомъ, на снѣгу проводили. Щадя нѣжное сердце моего читателя, не хочу описывать ему ужасныхъ сценъ сего времени. Я жилъ тогда въ деревнѣ близь Симбирска; былъ еще ребенкомъ, но умѣлъ уже чувствовать, какъ большой человѣкъ, и страдалъ, видя страданіе моихъ ближнихъ. Въ одной изъ нашихъ сосѣднихъ деревень жилъ — а можетъ-быть живетъ еще и теперь — Фролъ Силинъ, трудолюбивый поселянинъ, который всегда лучше другихъ обрабатывалъ свою землю, всегда болѣе другихъ сбиралъ хлѣба, и никогда не продавалъ всего, что сбиралъ: почему на гумнѣ его стояло всегда нѣсколько запасныхъ скирдовъ. Пришелъ худой годъ, и всѣ жители той деревни обнищали, всѣ, кромѣ осторожнаго Фрола Силина. Но осторожность была не единственною его добродѣтелью. Вмѣсто того, чтобы продавать хлѣбъ свой по дорогой цѣнѣ и, пользуясь, разбогатѣть, вдругъ онъ созвалъ бѣднѣйшихъ изъ жителей своей деревни и сказалъ: «послушайте, братцы! вамъ теперь нужда въ хлѣбѣ, а у меня его много, — пойдемъ на гумно, — пособите мнѣ обмолотить скирда четыре, и возьмите себѣ, сколько вамъ надобно на весь годъ». Крестьяне остолбенѣли отъ удивленія: ибо и въ городахъ, и въ селахъ великодушіе есть рѣдкое явленіе!... Слухъ о семъ благодѣяніи Фрола Силина разнесся въ окрестности.

Бѣдные изъ другихъ жительствъ приходили къ нему и просили хлѣба. Добрый Фролъ называлъ ихъ братьями своими, и ни одному не отказывалъ. «Скоро мы раздадимъ весь хлѣбъ свой» — говорила ему жена. «Богъ велитъ давать просящимъ» — отвѣчалъ онъ. Небо услышало молитву бѣдныхъ и благословило слѣдующій годъ плодородіемъ. Поселяне, одолженные Фроломъ Силинымъ, явились къ своему благотворителю и отдавали ему то количество хлѣба, которое у него взяли, и еще съ лихвою. «Ты спасъ насъ и дѣтей нашихъ отъ голодной смерти», говорили они: «одинъ Богъ можетъ заплатить за твое доброе дѣло; а мы возвращаемъ съ благодарностію то, что у тебя заняли». — Мнѣ ничего не надобно — отвѣчалъ Фролъ: — у меня много новаго хлѣба. Благодарите Бога: не я, — Онъ помогъ вамъ въ нуждѣ. — Напрасно приступали къ нему должники его. «Нѣтъ, братцы, — говорилъ онъ — нѣтъ, я не возьму вашего хлѣба; а когда у васъ есть лишній, такъ раздайте его тѣмъ, которые въ прошлую осень не могли обсѣять полей своихъ и теперь нуждаются: въ нашемъ околоткѣ не мало такихъ найдется... Поможемъ имъ, и Богъ благословитъ насъ!» — Хорошо, (сказали тронутые поселяне, проливая слезы) хорошо. Будь по твоему! Мы раздадимъ этотъ хлѣбъ нищимъ, и скажемъ, чтобы они вмѣстѣ съ нами молились за тебя Богу. Дѣти наши будутъ также за тебя молиться. — Фролъ вмѣстѣ съ ними плакалъ и смотрѣлъ на небо: что онъ тамъ видѣлъ — ему, а не мнѣ извѣстно.

Въ одной сосѣдней деревнѣ сгорѣло четырнадцать дворовъ: Фролъ Силинъ послалъ на каждый дворъ по два рубля денегъ и по косѣ.

Черезъ нѣсколько времени послѣ того, сгорѣла другая деревня. Поселяне, лишонные почти всего имущества своего, прибѣгнули къ извѣстному великодушію Фрола Силина. На-тотъ-разъ не было у него денегъ. «У меня есть лишняя лошадь», сказалъ онъ: «возьмите и продайте её».....

Николай Карамзинъ.

МѢШОКЪ СЪ ЗОЛОТОМЪ.

(Мѣста изъ повѣсти.)

Сочинитель этой повѣсти разсказываетъ, какъ въ одной большой деревнѣ Московской губерніи, жилъ содержатель постоялаго двора, Ѳедосей Панкратьевъ, добрый и честный мужикъ, съ тремя сыновьями. Старшій сынъ, что звался Осипомъ, слылъ бы совсѣмъ хорошимъ малымъ, еслибъ подъчасъ не запивалъ. Средній сынъ, Сергѣй, былъ какой-то, что называется, нелюдимъ, парень молчаливый, задумчивый, о женитьбѣ и слышать не хотѣлъ, — впрочемъ, малый добрый и тродолюбивый. Меньшого сына звали Ванюшей. Онъ былъ красавецъ изъ себя, щоголь, краснобай; первый въ работѣ и первый въ хо-

роводѣ и на посидѣлкахъ. Всѣ дѣвушки на него заглядывались, особливо одна... То была Груня, дочь старосты Филарета, первая красота по деревнѣ. Ванюша, бывало, не отходитъ отъ нея въ хороводѣ иль на посидѣлкахъ. Староста и Ѳедосей, глядя на нихъ, любовались: вотъ — думали они про себя — парочка, такъ парочка, лучше и не надо.... Къ-тому-жь, староста и Ѳедосей изстари были пріятели, и всегда водили межъ собой хлѣбъ-соль.

Вотъ пріѣхалъ въ деревню одинъ молодецъ. Его звали тамъ *Москвичомъ*, оттого-что жилъ въ Москвѣ прикащикомъ въ овощной лавочкѣ. Онъ прибылъ въ

Царь-Пушка въ Московскомъ Кремлѣ.

деревню, получивши извѣстіе, что умеръ отецъ его, крестьянинъ той деревни. Его считали на міру бѣднякомъ, но сынъ, вѣрно, лучше міра зналъ своего отца, и въ хламѣ, что остался послѣ покойнаго, открылъ значительную сумму накопленныхъ денегъ. Въ деревнѣ только и стало разговоровъ, что про богатаго Москвича. Тутъ Москвичъ началъ пыль въ глаза запускать, щеголять, хвастать, особливо передъ дѣвушками. Свелъ онъ дружбу и со старостою; поглядывалъ умильно на дочку его, Груню, разсказывалъ ей про Москву бѣлокаменную... Какъ начнетъ, бывало, говорить про сорокъ-сороковъ церквей Московскихъ съ зо-

лотыми маковками, про Кремль златоверхій, про Ивана Великаго, про царь-пушку, царь-колоколъ, про Сухареву Башню, — всѣ слушаютъ не наслушаются — дивятся Московскимъ дивамъ... Онъ ужь и молву распустилъ, что староста согласенъ за него выдать замужъ Груню, и что Груня не прочь отъ того. Ванюшѣ показалось, что будто-бы и Груня, какъ отецъ ея, льнетъ къ Москвичу. Горевалъ втихомолку Ванюша, но одна бѣда, какъ говорятъ, не приходитъ. Разъ въ-ночь домъ Ванюшина отца сгорѣлъ до-тла. Ѳедосей съ дѣтьми перешелъ жить къ сосѣду въ избу, и изъ зажиточнаго мужика сдѣлался въ одну несчастную ночь бѣднякомъ, безъ своего крова... Гдѣ же ужь теперь Ванюшѣ надѣяться взять за себя Груню, дочку богатаго старосты!... Да и староста, послѣ пожара, когда они обѣднѣли, отвернулся отъ нихъ. Къ-тому-жь и Москвичъ сталъ у Ванюши поперегъ горла.

Пріунылъ, запечалился Ванюша.

Въ это время проѣзжалъ черезъ деревню переѣзжій торгашъ, офеня, что называется, суздалъ. Онъ удивился, когда увидѣлъ, вмѣсто Ѳедосеева постоялаго двора, одни уголья; отыскалъ Ѳедосея въ чужой избѣ, гдѣ Ѳедосей все-таки угостилъ, чѣмъ Богъ послалъ, стараго знакомаго. Слово-по-слову, и офеня взялъ средняго сына Ѳедосеева къ себѣ въ помощники — разъѣзжать по деревнямъ, по ярмаркамъ, да торгъ вести. Далъ офеня Ѳедосею сто рублей впередъ за службу сына, и еще сто обѣщалъ дать черезъ три мѣсяца, а сынъ съ-радостью отправился съ офеней. Тутъ Ѳедосей съ Осипомъ да съ Ванюшей, заручившись деньгами, стали избу строить да сряжать новое хозяйство. Надо сказать, что послѣ пожара Осипъ совсѣмъ перемѣнился — пить пересталъ.

Закипѣла у нихъ, у троихъ, работа.

Разъ Ванюша встрѣтился съ Груней за околицей; долго они молча глядѣли дружка на дружку, потомъ мало-по-малу разговорились. Груня его увѣрила, что любитъ его одного, а Москвича и знать не хочетъ, и что ни за кого другого, кромѣ Ванюши, не вышла бы замужъ. — А если тебя приневолятъ? сказалъ Ванюша. — Не приневолятъ — отвѣчала Груня. — Бабушка моя идетъ на богомолье въ Кіевъ, и я туда съ нею отпрошусь у отца... Тамъ у насъ родственникъ живетъ, заѣзжій дворъ держитъ... Помолюсь за тебя Богу.... Временемъ проволочу, а ты той-порой, дастъ Богъ, денегъ заработаешь, — и батюшка благословитъ насъ идти подъ вѣнецъ.

Послѣ такихъ словъ, ожилъ душою и надеждою Ванюша.

Приходитъ онъ къ отцу, и, разговорясь съ нимъ, спрашиваетъ: — сколько нужно мужику денегъ, чтобъ быть богатымъ? — Да рублей тысячу, сказалъ отецъ. — Эхъ, сынокъ, долголѣтно и трудно добываются такія деньги, да и-то при случаѣ и счастьѣ.

Призадумался Ванюша.

Думалъ-думалъ, да и сказалъ отцу: — Отпусти меня, батюшко, въ Москву на заработки... Дай попытать счастья.... Вся надежда моя на Бога.... Лошадка у насъ лишняя есть: стану на ней извозничать по Москвѣ... Вѣдь у насъ тамъ и родной дядя живетъ: этимъ дѣломъ занимается.

Долго не соглашался Ѳедосей отпустить отъ себя любимаго сына; наконецъ, Ванюша уговорилъ его, и старикъ отпустилъ Ванюшу попытать счастья Московскимъ извощикомъ.

Вотъ пріѣхалъ Ванюша въ Москву, и прямо на дворъ къ дядѣ Пароёну. Не ласково принялъ его дядя: — и безъ тебя, молъ, много всякой деревенщины сюда таскается.... Вотъ, съ-дуру думаютъ, что въ Москвѣ деньги лопатами гребутъ.... Какъ же, — держи карманы!

Озадачилъ дядя Ванюшу на-первый-разъ, такъ-что слезы у него проступили; но потомъ дядя смягчился, далъ ему санки и послалъ извозничать по Москвѣ.

Надо сказать, что Пароенъ держалъ въ Москвѣ ямской дворъ съ артелью извощиковъ.

Церковь Василія Блаженнаго, въ Москвѣ.

Много неудачъ, помѣхъ и обидъ потерпѣлъ Ванюша въ новомъ своемъ дѣлѣ, много, какъ новичокъ, какъ деревенщина, перенесъ онъ насмѣшекъ отъ своей братьи, извозчиковъ, пока, скрѣпя сердце, не привыкъ къ извощичьему побыту и къ городскому обычаю. Произвозничалъ онъ всю зиму, возя сѣдоковъ изъ конца въ конецъ Москвы. Мало-по-малу онъ успѣлъ узнать почти-что всю Москву съ ея площадями, улицами, переулками, закоулками: возилъ онъ и на Таганку, и на Прѣсню, и на Воронцово-Поле, и на Арбатъ, и на Плющиху, и въ Зарядье, — но всего не пересчитать: Москва велика....

Наступила весна. Дядя Пароенъ потребовалъ его къ разсчету. Посчитались, и вышло, что Ванюша не только не заработалъ себѣ денегъ, но еще остался въ долгу у Пароена: всѣ его заработки ушли на харчъ ему, да на прокормъ лошадкѣ.

Жутко стало Ванюшѣ, да какъ вспомнилъ онъ про Груню, про деньги, что надѣялся заработать, —то хоть не жить бы на бѣломъ свѣтѣ.... но нечего дѣлать!

Далъ ему Пароенъ, вмѣсто санокъ, дрожки, и отправилъ его попрежнему извозничать по Москвѣ.

Грустенъ и унылъ разъѣзжаетъ Ванюша по городу, и Божія весна его не радуетъ.

Груня же тѣмъ временемъ пошла съ бабушкой своей въ Кіевъ на богомолье, гдѣ бабушка заболѣла, и она перезимовала съ нею въ Кіевѣ у родственника.

III.

..... Вотъ однажды пріѣхалъ Ванюша, раннимъ утромъ, къ Лобному Мѣсту: тамъ не было еще ни одной души. Тихо повернулъ онъ свою лошадку и поѣхалъ по Ильинкѣ. Вдругъ лошадь его на что-то наступила, что-то заборонило подъ колесами. Ванюша смотритъ — и видитъ на мостовой, среди улицы, кожаный мѣшокъ, небольшой, чѣмъ-то туго набитый. «Находка! сказалъ Ванюша, соскочилъ съ волочка, схватилъ мѣшокъ... Тяжесть необыкновенная! Что̀ это такое? Онъ оглядывается во всѣ стороны: нигдѣ нѣтъ слѣда человѣческаго. Онъ поспѣшно положилъ находку передъ собою, самъ не зная для чего, повернулъ лошадь назадъ, погналъ скорѣе, скорѣе, хотѣлъ остановиться, посмотрѣть, дрожалъ, радовался, боялся встрѣчи, и, между тѣмъ, погонялъ лошадь далѣе, далѣе...

Вотъ онъ за Тверскою Заставою. Ванюша свернулъ въ лѣвую сторону, въ лѣсъ, — оглянулся: никого и ничего не видно, кромѣ деревьевъ. Тутъ онъ снялъ свою находку и думалъ, держа ее въ рукахъ: «Что тутъ... Ну если всё это мѣдныя деньги? Богъ мнѣ послалъ такое добро: я расплачу̀сь съ дядею Пароеномъ, и мигомъ — въ деревню!... О, еслибы далъ Богъ!...» И онъ поспѣшно развязываетъ мѣшокъ, смотритъ: не вѣритъ глазамъ, становитъ мѣшокъ къ дереву, протираетъ глаза, крестится, берётся за мѣшокъ снова... Такъ онъ не ошибся: мѣшокъ полнёхонекъ золота.

«Мѣшокъ съ золотомъ!» вскричалъ Ванюша, и самъ испугался своего голоса, раздававшагося въ лѣсу. Онъ схватилъ мѣшокъ, бросился далѣе въ чащу лѣса.

Ванюша, добрый Ванюша! Куда ты бѣжишь? Если это не твое, — гдѣ скроется хищникъ чужого? Если твое, — зачѣмъ прячешься въ темноту лѣса: иди на бѣлый свѣтъ, передъ добрыхъ людей!...

Но Ванюша самъ не могъ бы тогда сказать, что̀ съ нимъ дѣлалось. — «Что̀ жь это такое?» спросилъ онъ самъ себя; сѣлъ на землю, вынулъ изъ мѣшка одну монету, другую, третью: всё полуимперіалы. «Да,

сколько же въ тебѣ всего?» закричалъ Ванюша, какъ-будто бездушный мѣшокъ могъ понимать слова его.

Долго считалъ Ванюша. Уже насчиталъ онъ тысячу, двѣ, три, пять, десять; онъ и самъ не понималъ: сколько тутъ тысячъ, — тысячъ, когда за два, за три часа у него были въ кошелькѣ копейки.

«Ге! ге! гей! гей!» раздалось вдалекѣ, и Ванюша задрожалъ, не имѣлъ силъ сойдти даже съ мѣста, только закрылъ поспѣшно полами кафтана золото и робко прислушивался. По самой опушкѣ лѣса проходилъ гуртъ воловъ въ Петербургъ. Ванюша только теперь увидѣлъ всю свою неосторожность. Ясно различалъ онъ мычанье воловъ и чуть слышный говоръ Малороссіянъ, проводниковъ гурта... Что̀, если увидятъ его? Онъ поглядѣлъ на небо и увидѣлъ, что уже былъ полдень. Время пролетѣло невидимо.

Но гуртъ прошелъ мимо; всё умолкнуло вдали; всюду тихо: Ванюша собралъ въ мѣшокъ всё золото по-прежнему, и понесъ его къ своей лошади.

Но тутъ Ванюша опять остановился. «Сумасшедшій, что̀ ты дѣлаешь? Куда ты ѣдешь?» сказалъ онъ самъ-себѣ. «Назадъ, назадъ, спрячь мѣшокъ и поѣзжай порожнякомъ.» Онъ поворотилъ лошадь, убѣжалъ въ лѣсъ, выбралъ мѣстечко, замѣтилъ его, палкою вырылъ ямку, положилъ въ неё мѣшокъ, забросалъ землею, хворостомъ, пошелъ, останавливался, ворочался, былъ какъ въ лихорадкѣ, и наконецъ поѣхалъ опять.

Если счастіе сказывается тихою радостію, спокойствіемъ души, веселостью, надеждами на будущее, то золото не сдѣлало Ванюши счастливымъ. Состояніе его нельзя было назвать радостнымъ, — и едва ли спокойна душа, когда — то холодный, то горячій потъ выступаетъ на лицо, сердце колотится, какъ-будто хочетъ выскочить, во рту сухо, горько. Ни одна мысль о счастьи не свѣтила въ душѣ Ванюши. Къ-стыду его, скажу, что онъ ни-разу не подумалъ о Грунѣ, объ отцѣ, о селѣ своемъ... Всё кипѣло, крутилось у него въ головѣ.

«Я нашелъ кладъ; Богъ меня благословилъ имъ,» думалъ Ванюша... «Но кто-нибудь потерялъ эти деньги?... Что̀, если онѣ не пойдутъ мнѣ въ благословеніе, если потерявшій, можетъ быть, вкладываетъ теперь голову свою въ петлю, и душа его падаетъ на мою душу!... Но кто-жь это знаетъ? Береги онъ лучше.... Но не укралъ-ли я эти деньги? Нѣтъ! я взялъ ихъ среди бѣла дня, съ виду. Но трудовыя-ли онѣ твои? Чѣмъ ты заработалъ ихъ? Куда съ ними дѣваешься, какъ скроешь ихъ отъ людей?... Зачѣмъ скрывать?... Нѣтъ, нѣтъ! лучше скрыть: возьму два полуимперіала, расплачу̀сь съ дядей Парѳеномъ, захвачу свой мѣшокъ и уѣду въ деревню. Тамъ закопаю деньги, скую желѣзный ящикъ, складу погребъ: буду караулить ихъ день и ночь... Но дядя Парѳенъ спроситъ: откуда я взялъ два полуимперіала? Скажу — нашелъ. Но если онъ подумаетъ, что я укралъ? — А вотъ посмотримъ....

«Что̀ за чудо; видно, дорога до Москвы растянулась, или я не туда поѣхалъ съ-дуру,» промолвилъ Ванюша, замѣчая, что онъ ѣдетъ весьма долго. Онъ оглядѣлся: невдалекѣ отъ него лѣсъ, гдѣ закопалъ деньги; впереди застава Тверская. Ванюша и не замѣчалъ до-сихъ-поръ, что лошадь его распряглась, стояла на одномъ мѣстѣ и щипала траву, а самъ онъ сидѣлъ неподвижно на волочкѣ своемъ и держалъ вожжи, не чувствуя, что и не двигается съ мѣста.

«Не проклятыя ли это деньги? — Съ тѣхъ поръ, какъ нашелъ ихъ, не вспомнюсь, — брошу ихъ, забуду: пусть гніютъ онѣ до скончанья вѣка! Нѣтъ, лучше возьму, и поѣду прямо въ деревню, — но, нѣтъ, нельзя... Что̀ скажутъ обо мнѣ? Меня поймаютъ....

«Да развѣ я укралъ ихъ?» продолжалъ онъ, приближаясь къ заставѣ. Нѣтъ!...» А тайный голосъ, едва внятно, говорилъ ему другое... Всякъ, кто встрѣчался ему, былъ веселъ, пѣлъ, говорилъ: Ванюша молчалъ, краснѣлъ, блѣднѣлъ.

— «Да, не видишь что-ли ты, Ванька!» закричалъ громко голосъ, и Ванюша увидѣлъ, что онъ ѣдетъ по Тверской Ямской, и наѣхалъ прямо на булочника, разставившаго холстинный навѣсъ надъ своими булками и калачами. Ванюша хотѣлъ взглянуть еще разъ на лѣсъ, гдѣ спряталъ онъ деньги: лѣсъ этотъ не былъ уже видѣнъ, и, безъ памяти, поворотилъ онъ лошадь, погналъ за заставу къ лѣсу, бросился въ лѣсъ, къ знакомому мѣсту: всё цѣло. Снова Ванюша пустился къ Тверской Заставѣ и въѣхалъ въ городъ.

Уже вечерѣло. «Нѣтъ!» сказалъ Ванюша, «не оставаться имъ тутъ. Мнѣ не уснуть, если не положу ихъ подъ голову».

Ванюша не смѣлъ возвратиться въ Тверскую заставу. Онъ вытащилъ свой мѣшокъ, завернулъ тщательно въ холстину, и далекимъ объѣздомъ въѣхалъ въ Заставу Прѣсненскую. Была ночь, когда онъ пріѣхалъ къ дядѣ Парѳентью.

Сколько думалъ, сколько мучился онъ, пока успѣлъ укрыться отъ всѣхъ глазъ, схватить свое золото и спрятать въ старомъ сараѣ, между обломками телѣгъ, дрожекъ, саней. Тамъ, на длинныхъ шестахъ уже давно покоились куры, и появленіе человѣка вспугало ихъ всѣхъ; крылатые крикуны закричали, закудахтали... О! Ванюша готовъ былъ провалиться съ ними и съ золотомъ сквозь землю.

Дикій, мрачный вошелъ Ванюша въ избу, гдѣ собирались всѣ извощики. Онъ боялся встрѣтиться со взорами своихъ товарищей, боялся говорить.

Дядя Парѳентій, каждый вечеръ отбиравшій у него деньги, не встрѣтился съ нимъ. Ванюша залѣзъ въ самый дальній уголъ палатей; ему не хотѣлось ни ѣсть, ни спать; только огромный ковшъ воды проглотилъ онъ; забылъ и лошадь свою: кто-то, добрый человѣкъ, отпрягъ её и поставилъ къ колодѣ съ сѣномъ.

Никто не замѣтилъ положенія его; но какъ не былъ смущенъ, разстроенъ Ванюша, онъ замѣтилъ, что всѣхъ занимало нѣчто необыкновенное: всѣ собирались въ кружки, говорили въ полголоса, чего-то ждали. Наконецъ, явился дядя Парѳентій, — и всё умолкло.

Онъ только-что возвратился домой, и, не скидая платья, сѣлъ на лавку и громко провозгласилъ: «Ну, штука!»

— Что̀? вскричало множество голосовъ.

Ванюша не обращалъ вниманія; но холодъ прошелъ у него по тѣлу, когда дядя Парѳентій началъ разсказывать, что онъ былъ на съѣжей, что ему тамъ объявили о важной потерѣ, и велѣли спросить у всѣхъ извощиковъ: не нашелъ-ли кто потеряннаго, или украденнаго, не видалъ-ли, не слыхалъ-ли кто? Утромъ пропалъ у купца изъ мѣняльнаго ряда кожаный мѣшокъ, въ которомъ находилось сорокъ тысячъ рублей золотомъ.

Общій крикъ удивленія былъ отвѣтомъ.

«Ну! идетъ потѣха!» продолжалъ дядя Парѳентій. «Во всей Москвѣ только и разговоровъ; вездѣ — въ постоялыхъ домахъ, трактирахъ, на улицахъ, смотрятъ, подслушиваютъ, спрашиваютъ...»

А гдѣ былъ тотъ, кто одинъ въ цѣлой Москвѣ зналъ? Онъ лежалъ неподвижно, молча; только тогда, какъ дядя Парѳентій, кончивъ разговоръ, пошелъ въ каморку и началъ раздѣваться, а слушатели, забывая ужинъ, толковали, говорили, сползъ Ванюша съ полатей, кое-какъ доплелся до каморки, и спросилъ Парѳентья: — Неужели, дядя Парѳенъ, нигдѣ никакого слѣда не найдено?... Ну, а что̀ же, дядя Парѳенъ, будетъ тому, кто найдетъ, да утаитъ?

— «Что̀? Обыкновенно: — Сибирь!» отвѣчалъ Парѳентій.

А! какой ужасный свѣтъ озарилъ теперь передъ Ванюшею бездну, зіявшую подъ ногами его! Онъ бросился вонъ, оглушенный, обезумѣвшій, не чувствовалъ, какъ ударился о притолку. Онъ ходилъ подъ сараями, не замѣтилъ, какъ товарищи его отужинали, легли. Всё замолкло; фонарь погасъ. Теперь не корысть, не сребролюбіе терзали Ванюшу, — нѣтъ, — мысль: я преступникъ! тлѣла въ груди его.

«Ну, будь что будетъ!» вскричалъ онъ наконецъ голосомъ отчаянія. «Господи! я не вынесу этого: лучше смерть и мука.»

Онъ вошелъ въ избу. Въ каморкѣ Парѳентья еще свѣтился огонь; Парѳентій, лежа, высчитывалъ продажу, творилъ молитву. Всѣ другіе громко храпѣли.

«Дядя Парѳенъ, дядя Парѳенъ!» сказалъ Ванюша, сѣвши въ безсиліи подлѣ столика въ каморкѣ.

— Ну, что̀ ты? спросилъ Парѳентій.

— «Я... нашелъ пропажу»... едва могъ промолвить Ванюша.

— Какъ? воскликнулъ Парѳентій.

— Дѣлай, что хочешь... Суди меня Богъ и царь: пропажа у тебя на сараѣ.

— Тише, тише! — прошепталъ Парѳентій.

Тихо пересказалъ ему Ванюша, какъ поднялъ онъ мѣшокъ. Но далѣе Парѳентій не могъ вытерпѣть. «Пойдемъ!» сказалъ онъ, зажегъ фонарь, и, не обуваясь, пошелъ къ сараю. «Тише!» твердилъ онъ безпрестанно дорогою. «Полѣзай и принеси», промолвилъ Парѳентій, подошедъ къ сараю.

— «Нѣтъ, дядя Парѳенъ, я не пойду: мнѣ страшно; поди самъ... подъ осью, въ углу, гдѣ корзина...

Быстро полѣзъ Парѳентій. Богъ знаетъ отчего, этотъ мѣшокъ и на дядю Парѳентью произвелъ такое же дѣйствіе, какъ на Ванюшу: дядя блѣднѣлъ, краснѣлъ. Онъ пошелъ молча къ сѣнямъ, перемѣняя руки, какъ-будто держа раскаленныя уголья, и въ сѣняхъ положилъ мѣшокъ на столъ.

— «Хоть бы сосчитать ихъ»... сказалъ онъ глухо.

— Нѣтъ, нѣтъ, дядя Парѳенъ! ради Бога веди меня и неси мѣшокъ — куда хочешь, въ яму, въ острогъ, на съѣзжую...

Парѳентій схватилъ первый зипунъ и шляпу, какіе попались, не выпуская мѣшка, надѣлъ кое-какъ; онъ и Ванюша отправились къ частному приставу.

Ванюшѣ сдѣлалось легче, когда золото, имъ утаенное, было возвращаемо назадъ, — и только въ раскаяніи спасеніе его.

Парѳентій засталъ частнаго пристава еще неспящимъ.

Но какъ измѣнился вдругъ спокойный, важный видъ пристава, куда полетѣла трубка его, когда Парѳентій вытащилъ изъ-подъ полы мѣшокъ, и объявилъ, что племянникъ его нашелъ потерю, занимавшую всю полицію Московскую.

Говорили немного. «Сидоровъ, сюда!» закричалъ приставъ. Явился Сидоровъ, выпучилъ глаза на мѣшокъ, молча общелкалъ перо о столъ и написалъ показаніе со словъ Ванюши.

По данному знаку, явились два казака и стали по обѣимъ сторонамъ Ванюши. Тутъ задрожалъ онъ, какъ осиновый листъ, слезы потекли градомъ, колѣна его подломились.

— «Батюшка, ваше благородіе, помилуйте!» воскликнулъ онъ. «Божусь, что я не взялъ ни копѣйки: всё тутъ, что нашелъ я!»

Мѣшокъ запечатали печатью частнаго пристава, печатью Парѳентья, самъ приставъ понесъ его въ-низъ, въ присутствіе; Ванюшу взяли казаки, — и онъ въ тюрьмѣ, гдѣ приходъ его разбудилъ двухъ или трехъ человѣкъ, крѣпко спавшихъ. «Здорово, товарищъ!» сказалъ одинъ изъ нихъ, не поднимая головы.

Товарищъ!... Ванюша — товарищъ злодѣя, можетъ быть, убійцы! Нѣтъ нѣтъ, — и ангелъ утѣшитель слетѣлъ къ нему въ молитвѣ; тихія слезы смывали пятно съ его совѣсти....

Когда лучи солнца проникли сквозь тусклыя стекла тюрьмы, уже не было отчаянія въ груди Ванюши: скорбная преданность судьбѣ видна была на лицѣ его.

Застучалъ и упалъ тюремный затворъ. Ванюшу вывели изъ тюрьмы, рядомъ съ нимъ пошли два казака и привели его въ домъ оберъ-полиціймейстера.

Въ другой комнатѣ сидѣлъ старикъ въ синемъ Русскомъ кафтанѣ, съ пуховою шляпою въ рукахъ. Почтительно сталъ у дверей приставъ, по другую сторону дверей Ванюша.

— «Григорій Васильевичъ!» сказалъ оберъ-полиціймейстеръ, протягивая руку старику, съ почтеніемъ кланявшемуся, «здравствуйте... Я радъ, что хотя непріятный случай доставляетъ мнѣ удовольствіе васъ видѣть. Сядемте. Кажется, что ваша потеря нашлась... Но разскажите мнѣ сперва дѣло подробно и обстоятельно.»

Старикъ былъ богатый купецъ изъ мѣняльнаго ряда. Онъ промѣнивалъ въ годъ милльйоны, велъ дѣла съ братомъ, жившимъ въ Петербургѣ. Наканунѣ получилъ онъ кибитку серебра и мѣшокъ золота; сложивши всѣ мѣшки на телѣгу, привезъ онъ ихъ въ рядъ рано поутру, когда еще никого не было въ рядахъ. Въ то время, какъ возъ двигали въ рядъ, тяжелый, небольшой мѣшокъ золота скатился съ воза и упалъ на улицѣ; хватились его тотчасъ, бросились смотрѣть на улицу, искать домой: нигдѣ не было; немедленно подано было объявленіе въ управу благочинія.

— «Сколько было въ мѣшкѣ?»

— Сорокъ тысячъ безъ промѣна, отвѣчалъ купецъ.

— «Какою монетою?»

— Полуимперіалами, частію имперіалами; думаю, не много было наполеончиковъ и австрійскихъ.

— «Какой былъ мѣшокъ?»

— Англійской крѣпкой кожи съ буквами: Т. В. Ф.

Тутъ обратился оберъ-полиціймейстеръ къ Ванюшѣ: «Не робѣй, мой другъ, и разскажи мнѣ всё: кто ты, откуда, какъ нашелъ ты мѣшокъ».

И Ванюша заговорилъ краснорѣчиво: какимъ образомъ отецъ его раззорился, какъ онъ думалъ найдти въ Москвѣ свое счастье, какъ нашелъ гибельный мѣшокъ, какъ, изумленный, обезумѣвшій, не зналъ куда съ нимъ дѣваться, и какъ открылъ всё дядѣ. Грѣшный человѣкъ!» продолжалъ онъ: «я не хотѣлъ красть, но умъ за разумъ закатился у меня, и судите теперь меня, какъ вамъ угодно»...

— «Сколько же хотѣлъ бы ты взять себѣ изъ мѣшка, если бы тебѣ дали на волю?» спросилъ его оберъ-полиціймейстеръ. Сколько воображаешь ты себѣ самымъ большимъ богатствомъ?»

— Тысячу рублей, если бы далъ мнѣ Богъ — отвѣчалъ Ванюша, — тысячу рублей, и я былъ бы самое счастливое Божіе созданіе.

— «Тысячу! Много братъ... Вотъ вамъ мѣшокъ, Григорій Васильевичъ!» сказалъ потомъ оберъ-полиціймейстеръ купцу, вставая и сбросивъ салфетку со стола; мѣшокъ съ золотомъ лежалъ подъ нею. «Считайте, всё ли, — но позвольте начать счетъ мнѣ.» Онъ развязалъ мѣшокъ, отсчиталъ пятьдесятъ полуимперіаловъ, отложилъ къ сторонѣ и, обратясь къ купцу, спросилъ: «такъ ли?»

— Нѣтъ, не такъ, ваше превосходительство — отвѣчалъ купецъ; самъ подошелъ къ столу, отсчиталъ еще пятьдесятъ полуимперіаловъ, положилъ къ отдѣленнымъ уже пятидесяти, и сказалъ: «теперь такъ».

— «Благодарю васъ» промолвилъ оберъ-полиціймейстеръ, пожимая снова руку купца. — «Иванъ Ѳедосѣичъ,» сказалъ онъ, смѣясь, «ты чуть было не сдѣлался плутомъ, но за то суди тебя Богъ, а въ глазахъ человѣка ты достоинъ награды за свою честность... Держи шляпу: вотъ это тебѣ двѣ тысячи рублей и разживайся на здоровье!»

Ванюша не говорилъ ни слова: онъ плакалъ... Это были уже слезы радости.

Ванюша тотчасъ оставилъ Москву. Онъ поѣхалъ прямо въ Троицкую Лавру, и тамъ, когда молился у гроба святого Сергія, подлѣ него стала на колѣни и также молилась молодая странница. Ванюша взглядѣлся въ нее: эта была Груня; она пришла къ Троицѣ, по обѣщанію, съ своею бабушкою; Ванюша не хотѣлъ уже съ ними разставаться. При входѣ въ родную деревню попались имъ два человѣка, которые шли обнявшись и на-веселѣ... Кто такіе они были? — Староста Филаретъ и Ѳедосей. Молва прилетѣла въ деревню прежде Ванюши, и самъ староста первый пришелъ пѣнять Ѳедосею, что онъ забылъ пріятеля, а Ѳедосей не хотѣлъ помнить стараго... И Ванюша женился на Грунѣ.

Черезъ три года Сергѣй пріѣхалъ къ отцу веселый, съ молодою женою, и пировалъ тогда на свадьбѣ Москвича, гдѣ тысяцкимъ былъ Ѳедосей, дружкою Ванюша, а староста Филаретъ плясалъ, держа на рукахъ милаго, хорошаго внучка своего, Филарета Ивановича.

Николай Полевой.

РУСАКЪ.

«Нѣмца на всё струментъ есть», говоритъ пословица, которая неоспоримо доказываетъ, что Русскій любитъ браться за дѣло, какъ можно проще, безъ затѣйливыхъ снаридовъ.

..... Кто не знаетъ Телушкина, смѣтливости и смѣлости его, удивившей въ свое время весь бѣлый свѣтъ? Тонкій и высокій адмиралтейскій шпиль въ Петербургѣ, — который еще недавно въ глазахъ нашихъ для починки обставленъ былъ цѣлымъ лѣсомъ лѣсовъ, — потребовалъ и

Адмиралтейская площадь въ Петербургѣ.

въ то время какой-то менѣе значительной починки; но само собою разумѣется, что на вершину шпиля, на эту иглу, одѣтую сверху до низу вызолоченнымъ листовымъ желѣзомъ, нельзя иначе попасть, какъ обгородивъ её цѣлымъ городомъ лѣсовъ, отъ земли до самаго кораблика: издержки огромныя въ работѣ и въ припасахъ. Простой работникъ, кровельщикъ, былъ при разсужденіи объ этомъ, слышалъ о торгахъ, о совѣщаніяхъ подрядчиковъ, пошелъ осмотрѣть еще разъ на-глазомѣръ шпиль

и узнать, высоко ли можно будетъ подняться внутри его въ пространствѣ трехъ мачтовыхъ деревъ, составляющихъ иглу, и, сообразивъ всё это, явился самъ на торги и предложилъ сдѣлать требуемую поправку не за десятки тысячъ рублей, а за нѣсколько сотъ, сколько пожалуютъ изъ милости. Подумавъ, — согласились; но никто не вѣрилъ успѣху. Кровельщикъ отправился въ шпиль, поднялся по желѣзнымъ скрѣпамъ между тремя мачтовыми деревьями до самаго нельзя, тамъ сдѣлалъ осторожно окошечко, вынувъ желѣзный листъ: высунулъ голову и посмотрѣлъ на Питеръ. Насмотрѣвшись, онъ примостился, сталъ твердою ногою снаружи шпиля, закинулъ веревку, размахавъ её вокругъ шпиля, поймалъ другой конецъ, пронялъ въ него веревку удавкой, или петлей, затянулъ её и, подымая шестомъ постепенно всё выше и выше, продолжалъ затягивать, не давая ей опускаться внизъ. Кончивъ пріёмъ этотъ, онъ опоясался концомъ этой веревки, соскочилъ во славу Господню на вольный свѣтъ, будто хотѣлъ полетѣть, и, цѣпляясь босыми ногами за почти отвѣсный шпиль, пошелъ улиткой вокругъ него, подымая шестомъ обороты веревки, какъ можно выше, и ложась вѣсомъ всего тѣла прочь отъ шпиля на воздухъ, чтобы натягивать веревку. Такимъ образомъ, онъ, обвивая веревку вокругъ шпиля и укорачивая её этимъ, подымался всё выше и выше; тамъ примостился снова, какъ ласточка, съ гнѣздомъ своимъ, снаружи шпиля, опять закинулъ оттуда веревку петлей и кончилъ тѣмъ, что добрался до верхушки — до желѣзнаго стержня, на которомъ стоитъ знаменитый корабликъ. Привязавъ къ этому мѣсту стремянку (веревочную лѣстницу), мой кровельщикъ сѣлъ отдыхать, и смотрѣлъ на подножный Петербургъ глазомъ побѣдителя. Весело было ему теперь оглянуться! Въ нѣсколько дней починка была окончена, лѣсенка снята, окно зачинено, и всё незатѣйливые снаряды убраны.

...Десятокъ нашихъ мужиковъ или извощиковъ, возившихъ товаръ на Лейпцигскую ярмарку, удивили Нѣмцевъ въ какомъ-то городкѣ, взявши окрасить высокій, многоярусный домъ, съ такими малыми затѣями и издержками, что весь городъ сходился дивиться и любоваться этимъ необычайнымъ дѣломъ. Цеховые Нѣмецкіе баумейстеры *), сошедшись на торги къ хозяину дома, просили большую цѣну, сообразную съ ихъ способомъ обѣлки и окраски: а они для этого ставятъ лѣса и дѣлаютъ помосты вокругъ всего зданія до самаго верху, какъ у насъ при постройкѣ домовъ. Мужички мои, которые съ-молоду бывали, кто сапожникомъ, кто мостовщикомъ, долго стояли у воротъ заѣзжаго дома, насупротивъ котораго всё это дѣлалось, и когда хозяинъ не сошелся съ мастерами въ цѣнѣ, то наши и стали поговаривать, что дѣло это можно

*) Строительные мастера! Щ.

бы сдѣлать вдвое дешевле противъ Нѣмцевъ. Слово-за-словомъ, ихъ вызвали принять на себя работу, а они, посовѣтовавшись между собою, ударили по рукамъ. Приставивъ съ одной стороны обычный *костыль* нашъ, котораго за-границей и не знаютъ, подвѣсивъ съ другой *койку*, которая спускается и подымается на веревкѣ, на которой внизу стоитъ одинъ работникъ, ради безопасности висѣльника, — да выставивъ изъ оконъ верхнихъ ярусовъ тутъ и тамъ по *плахѣ*, на которую одинъ садится верхомъ внутри окна, а другой снаружи, — мои мастеровые окрасили домъ, къ большому изумленію и даже соблазну туземцевъ, а особенно каменьщиковъ или бѣлильщиковъ.

.... Огромный колоколъ, въ саженныхъ размѣрахъ, былъ отлитъ за нѣсколько сотъ верстъ отъ Петербурга, куда его слѣдовало доставить. Не столько огромный объёмъ, сколько вѣсъ его чрезвычайно затруднялъ дѣло: никакой лѣтній ходъ, то-есть, оси и колеса, не могли выдержать такой тяжести, а на зимнемъ ходу, на полозьяхъ, ее нельзя стащить съ мѣста, потому что она «прилипаетъ», какъ крестьяне выражаются, то-есть, отъ непомѣрнаго давленія своего, не только врѣзывается въ снѣгъ до земли, но и останавливается намертво на каждомъ сучкѣ или камешкѣ, который попадается на дорогѣ, и забивается въ самое дерево полоза. Нашелся однако же крестьянинъ, который принялъ на себя съ торговъ доставку за весьма умѣренную плату, и всѣ отступились, полагая, что онъ поплатится залогомъ. Но онъ ухитрился очень просто, и сдѣлалъ свое дѣло, какъ нельзя лучше: онъ положилъ колоколъ бокомъ, приподнялъ и подперъ уши такъ, чтобы ось колокола лежала по уровню; за тѣмъ онъ придѣлалъ, со стороны ушей, большой деревянный кругъ, того же размѣра, какъ и самое жерло колокола, которое также накрылъ такимъ кругомъ; обшивъ всю поверхность между днами, или кругами этими толстыми досками, и вставивъ въ средину того и другого дна по желѣзному стержню, вмѣсто оси, онъ сдѣлалъ изъ колокола огромный *катокъ*, который не слишкомъ тяжело было катить по дорогѣ, заложивъ нѣсколько десятковъ лошадей за каждый конецъ оси. Ломки не было никакой, и колоколъ прибылъ благополучно къ сроку на мѣсто своего назначенія.

.... При расчисткѣ дороги наткнулись на большой дикій камень, гранитъ, составлявшій гребень подземной скалы, и не знали, какъ его сбыть съ рукъ: вести для него дорогу въ обходъ не хотѣлось, и потому принялись разбивать его въ-ручную молотами. Проработали цѣлый день, щебню набили цѣлую кучу, а между тѣмъ камня почти не убываетъ. Прикинули глазомъ, да и испугались: приходилось заняться однимъ этимъ камнемъ болѣе мѣсяца. Одинъ изъ работниковъ взялся убрать его въ двои либо трои сутки: онъ натаскалъ на него цѣлый костеръ хворосту, зажегъ его и, раскаливъ камень, велѣлъ поспѣшно полить

его водой изъ ближайшей канавы; камень весь растрескался, началъ осыпаться подъ молотомъ, какъ рухлякъ, и когда такимъ образомъ легко сняли верхній пластъ, то повторили тоже въ другой разъ, и камня не стало, — дорогу сравняли.

Еще лучше и проще этого сдѣлалъ загадливый мужичокъ, который за сто рублей убралъ камень, за уборку котораго просили тысячу. Большое мѣсто равняли, проходили на-проглядъ, какъ говорятъ наши рабочіе, и камень въ добрую сажень лежалъ тамъ, гдѣ ему быть не слѣдовало. Рѣшили свезти его подъ гору и свалить на берегъ рѣки; но это обходилось не дешево, и на торгахъ никто не бралъ менѣе тысячи рублей. Выходитъ простой работникъ, наслушавшійся всѣхъ толковъ объ этомъ камнѣ, и говоритъ: — залоговъ у меня нѣтъ, господа, и нѣтъ денегъ на гербовый листъ, на просьбу и на контрактъ; а коли повѣрите не слову, а дѣлу, то завтра камня не будетъ на этомъ мѣстѣ; а вы мнѣ за это что пожалуете, то и возьму.

Согласились. Мужикъ пошелъ, выкопалъ подъ камнемъ яму, подкопалъ и свалилъ его туда, и засыпалъ землей. Всѣ до того изумились, что не знали: посмѣяться шуткѣ этой и подтрунить надъ самими собой, или ужь лучше притвориться, будто никто ничего не видалъ...

....Смышленостью и находчивостью неоспоримо можетъ похвалиться народъ нашъ: но надобно сознаться, что, кромѣ нѣсколькихъ простыхъ и превосходныхъ древнихъ изобрѣтеній, съ которыми уже свыкся Русскій крестьянинъ, онъ не только мало склоненъ къ новымъ, самобытнымъ изобрѣтеніямъ, но вообще, даже не любитъ, собственно для себя, улучшеній и нововведеній подражательныхъ; и это особенно относится до домашняго его быта и хозяйства. За то онъ крайне понятливъ и переимчивъ, если дѣло пойдетъ по промышленной и ремесленной части.

Владиміръ Даль.

ИЗЪ ПОВѢСТИ «РОЙ-ѲЕОДОСІЙ САВВИЧЪ.

Въ этой повѣсти разсказывается, какъ, назадъ тому лѣтъ со сто, жилъ въ своей вотчинѣ, Бѣломъ Колодезѣ, что при рѣчкѣ Оскольцѣ, благочестивый, добрый и разумный помѣщикъ *Ѳеодосій Саввичъ* Пущинъ, прозванный своими родителями *Роемъ*, оттого, что онъ родился на пасѣкѣ, въ лѣсу, подъ дубомъ «верховѣтомъ,» куда его матушка, Палагея Поликарповна, «пришла пчелу кормить,» и въ ту же самую минуту вышелъ молодой рой, который она огребла и посадила въ роёвню, а сама пошла въ свою усадьбу, и принесла на радость мужу новорожденнаго сына.... И другія были у нихъ дѣти, но тѣ умирали во младенчествѣ. Поживши еще нѣсколько лѣтъ, умеръ и родитель Ѳеодосія Саввича, — Ѳеодосій-же Саввичъ выросъ молодецъ-молодцомъ. Срядила его вдова-матушка на службу; пробылъ онъ на службѣ, далеко отъ своего родного пепелища,

двадцать лѣтъ, и служилъ онъ вѣрою и правдою, со всякимъ успѣхомъ и пользою, съ честнымъ прилежаніемъ и раченіемъ.

Вотъ и вернулся Θеодосій Саввичъ на-спокой, въ свою вотчину, къ матушкѣ, и былъ онъ въ чинѣ премьеръ-майора. Осѣлся Θеодосій Саввичъ-Рой въ своей деревнѣ, сталъ тамъ жить-поживать въ добромъ здоровьѣ и благополучіи, хозяйничать, порядки заводить, разумные совѣты подавать, а коли прійдется, то и правый судъ творить. Лѣтомъ онъ живалъ больше что на любимой своей пасѣкѣ, гдѣ и родился, за пчелами самъ уходъ держалъ, всякимъ другимъ хозяйствомъ распоряжался, да читалъ душеполезныя книги.

У матушки его, Палагеи Поликарповны, была любимая прислужница и вѣрная ключница, по прозвищу Лободёнка, и *дѣвка-староста*, Марина Калинишна. Эту Марину Калинишну Θеодосій Саввичъ при себѣ, по-прежнему, оставилъ старостить, не смѣнилъ её: оттого что она была обычна ко всякому хозяйству, пригодна къ добрымъ распорядкамъ, и её любилъ и почиталъ міръ-народъ. Отецъ Марины былъ тоже міромъ излюбленнымъ старостою, и дѣла свои дѣлалъ на глазахъ у дочки, а дочка къ нимъ пріобыкла и помогала ему. За три года до смерти лежалъ онъ больнымъ, не вставалъ, а дочка его старостино дѣло правила, горазда была умные «приказы давать», и міру въ-угоду стала и по душѣ пришлась. Староста умеръ, а дочка стала на мѣсто его старостою, по желанію помѣщицы и мірскому. Разъ, на спросъ Θеодосія Саввича, пришлось къ слову, и Марина Калинична доложила ему, что ихней деревни молодые ребяты, затѣявши вечеринку съ дѣвушками, позвали было изъ сосѣдняго села Заломнаго одну дѣвушку, дочку бѣдной вдовы, — но та не захотѣла быть на этой вечеринкѣ. Ребята, въ-отместку ей за отказъ, выкрали у ея матери овцу, съѣли ее на своей вечеринкѣ, да еще въ насмѣшку воткнули овечью голову на вдовины ворота. Θеодосій Саввичъ, по этому случаю, велѣлъ собрать мірскую сходку и привести на нее виновныхъ ребятъ. *Щ.*

Судъ Θеодосія Саввича и построеніе церкви.

На завтра міръ сошелся къ крыльцу, привели ребятъ, и къ мірскому сходу, на свое дѣдовское хоромное крыльцо, вышелъ Θеодосій Саввичъ во всемъ его майорскомъ одѣяніи. Полы кафтана изподу алымъ сукномъ горятъ, шляпа съ козырями и съ черными съ золотомъ кистями, длинная его, сударя, коса *) съ бантомъ и трость съ хрусталями въ господской бѣлой рукѣ.

— «Такъ ли оно по-правдѣ и по-истинѣ есть, какъ староста-дѣвка сказываетъ?» спросилъ его милость, Θеодосій Саввичъ.

— Такъ-то оно, такъ, — отвѣчали міряне на сходкѣ. — Вѣстимо, дурь нашла. Молодые ребята пошалили.

— «А дѣвка, слышь, въ винѣ и отвѣтѣ?» сказалъ сударь съ крыльца.

— Да дѣвкина никакая вина — говорили голоса, — только намъ батюшка, коли всякую шаль ребятъ съ дѣвками разбирать, оно — и міру не гораздъ.

*) Въ старину господа носили косы, по иностранной модѣ. *Щ.*

— «А овца?» — спросилъ сударь.

— Али что овца?... Дѣвка не воетъ, овца не глаголетъ; а и слово идетъ: дитё не плачетъ, матка не разумѣетъ... Коли твоей милости за великую вину стало, что ребята пошалили, ну, отдать дѣвкѣ овцу, да и дѣло съ концомъ, — рѣшилъ міръ.

— «Одну?» спросилъ его милость.

— Да, вѣстимо, батюшка, не десятеро, — отвѣчала сходка.

— «Ладно, — сказалъ Ѳеодосій Саввичъ. — Теперь мы это судъ судили, себя боронили. У десятерыхъ ребятъ отцовъ и дядьевъ на міру много, а правда у Бога одна... Начнемъ по душевной по правдѣ судъ судить.... Ребята! становись ближе сюда....» Поставилъ своимъ словомъ ребятъ къ самому крыльцу, и самъ Ѳеодосій Саввичъ на краю сталъ. «Ты, Микитка, всему дѣлу проповодникъ, кралъ овцу?»

Микитка повинился, что кралъ.

— И дѣвкина, слышь, краденая овца на тебѣ виной лежитъ, коли, ты, значитъ, кралъ?... И міръ тебя приговорилъ, овцой платить?»

— Меня. — Отвѣчалъ Микитка.

— «За краденное плати жалованное. Давай дѣвкѣ овцу...»

— «А ты, парень, кралъ?» Обратился Ѳеодосій Саввичъ къ другому по ряду парню.

Малый замялся и сталъ отвѣчать, что негдѣ дури дѣть, — съ Микиткой пошалили.

— «Ты Микитку не замай! — а какъ ты есть Васька Перфильевъ сынъ, самъ по себѣ, по-душѣ, отвѣтъ держи: кралъ ты у дѣвки овцу?»

— Кралъ, — винился душою Васька, и всѣ ребята повинились, что хотя они и вмѣстѣ крали, а по душѣ всякъ свою вину сотворилъ.

— «Слышь, какову вину,» сказалъ Ѳеодосій Саввичъ и показалъ на Перфилья... — «Староста-дѣвка! сколь много, примѣрно, у стараго овецъ есть?» спросилъ онъ.

— Примѣрно, сударь, не погнѣвайся, — отвѣчала староста: — Счетанную овцу волкъ беретъ... А ста два съ надбавкою есть, коли будетъ, — говори, Перфилья...

— Съ тѣмъ, али безъ того, будетъ, — отвѣчалъ неохотно Перфилій.

— «А будетъ, — взговорилъ Ѳеодосій Саввичъ: украли бъ у тебя воры изъ дву сту овцу, или, на бѣдности твоей, было бы у тебя, Перфилья, двѣ овцы, да изъ двухъ одну воры украли... Слышь: ровно бы тебя, стараго, раззоромъ раззорили?»

— Что и говорить, батюшка, заговорили на міру. — Пять пальцевъ объ ногѣ: отрѣжь одинъ, четыре остаются, а коли изъ двухъ то ногъ одну отрѣжь — совсѣмъ хромъ.

— «А дѣвкину хромоту мы, слышь, забыли?» сказалъ сударь Ѳеодосій Саввичъ. «Коли на міру правды нѣтъ, — взговорилъ онъ: — Божья

правда за вдову и сироту встаетъ... Слышь, по Божьей правдѣ: взялъ чужого добра пятую-десяту долю — платы своей пятой и десятой... Взялъ Васька Перфильевъ сынъ, съ Миткой и ребятами, дѣвкина половину добра — отдавай всякъ своимъ добромъ половиною.»

Міръ пришелъ въ ужасъ. Отцы, съ Перфильемъ и съ ребятами, повалились въ ноги милости его, Ѳеодосію Саввичу. «Казни и милуй!» воплемъ вопили. «Не раззори въ конецъ. Дѣтямъ и внукамъ закажемъ...»

— «Чтобъ на міру, слышь: мірской правдою жили. Не вздымали Божью на судъ!» Наказывалъ Ѳеодосій Саввичъ: «Божья правда огнемъ палитъ. Не всутернъ намъ... По человѣку судъ суди, а ты, Господи, помилуй!» Говоря это слово, снялъ шляпу и перекрестился сударь Пущинъ... «Вставайте!» — сказалъ онъ. Милуетъ васъ Богъ человѣчьимъ судомъ, что въ Божьемъ словѣ записанъ: «*и аще кого чимъ обидѣхъ, возвращу четверицею.*» За дѣвкину овцу съ ребятъ по четыре овцы, — и Богъ проститъ.»

Но судъ еще не кончился.

— «Микитка!» сказалъ Ѳеодосій Саввичъ. «Ты всему дѣлу голова и приводникъ — что жь ты за одно съ ребятами пойдешь?... А правда гдѣ? Ты былъ голова — и отвѣтъ держи головою... Остричь Микитку, чтобъ на его головѣ правда была.»

Этотъ Соломоновъ судъ колокольнымъ звономъ огласилъ окрестность. Люди приходили видѣть вдову и дѣвку. — «Ты ли это сударя Роя правдой суженая вдова?» — Спрашивали ее. «Дай посчитать овецъ». Считали люди, и счету не вѣрили. Свое крестьянство не знало, что сказать: — «и благъ да грозенъ,» — сказывало. Пальцемъ не тронулъ, а до души, сударь, донялъ.

И сударь Ѳеодосій Саввичъ, можно къ рѣчи сказать, тоже донялъ до души свою матушку тѣмъ, что таковъ ей по самому началу отвѣтъ держалъ: — «Благослови ты сыновнюю руку приложить: по душѣ родителя-батюшки и по твоемъ здоровьѣ, матушка, во славу единой Живоначальной Троицы, начать мнѣ Божій домъ здать.»

И Ѳеодосій Саввичъ въ то время, какъ всякіе порядки заводилъ, по Бѣлому Колодезю мосты мостилъ и Соломоновъ судъ судилъ, — онъ и Божьему дѣлу начало полагалъ. Народъ окружныхъ селъ, прослышавши, что у сударя Роя на Бѣлыхъ Ключахъ благословился храмъ, шелъ, незванный и непрошенный, безъ алтына платы, приложить къ Божьему дѣлу свои трудовыя золотыя руки. Ѳеодосій Саввичъ народъ поилъ и кормилъ, и воздвигалъ онъ храмъ, единую церковь о трёхъ равныхъ главахъ. Даже сударыня Палагея Поликарповна, между народомъ, на телѣжкѣ песокъ возила.

..... Ѳеодосій Саввичъ не забывалъ своего великаго Божьяго дѣла. Сила, въ которую обозомъ шелъ онъ, была не малая сила. Съ нимъ прибыло болѣе шестидесяти человѣкъ рабочихъ: артель плотниковъ, рѣзчики, золотари, иконописцы.

..... Сударь Рой Ѳеодосій Саввичъ душу свою полагалъ въ томъ дѣлѣ. Золотари золотятъ, иконописцы пишутъ; народъ свой и пришлый, отъ стара до мала, кто что сможетъ; на работѣ людомъ, какъ муравьемъ, кипитъ. И всему этому люду-муравью, — отъ старца столѣтне-стараго до дитя младенчески-малаго, что мать при себѣ за ручку вела, и оно въ горсточкѣ землицу несло и песочкомъ играло у новой церкви, — слѣдовало ладъ и урядъ придать, добромъ встрѣтить, путёмъ человѣка проводить. Коли бъ это народъ наймомъ шелъ, забота не велика: алтынъ голова — сунулъ въ руки алтынъ, да и вся твоя... А здѣсь не добывать шелъ и пришелъ народъ; а онъ руки свои трудящія и силу работающую въ-послугу Богу волей и охотою нёсъ.....

..... Нѣтъ! коли не платой платить, такъ слѣдъ было хлѣбомъ-солью, почетомъ привѣтной ласки гостить и привѣтить людей. Не самому пить-ѣсть, прохлаждаться, а всякую прохладу трудящемуся народу отъ себя дать, честью его по Богу честить... И честилъ народъ Ѳеодосій Саввичъ. Своими руками онъ, сударь, людской трапезѣ служилъ. Одинъ онъ, сносливъ да переносливъ: первый у дѣла, послѣдній съ дѣла за народомъ отъ святой церкви идетъ. Ѣлъ ли, кушалъ ли самъ, а подчуетъ. Чаркой обноситъ, пивомъ проситъ — глядитъ, обходитъ вокругъ, чтобъ и отстальный былъ сытъ и, что называется, смирный у каши не забытъ.

..... Но какъ ни бдѣлъ у церковнаго дѣла Ѳеодосій Саввичъ, а не совершилъ онъ дому Божьяго тѣмъ лѣтомъ. Зазимовала «Троица», какъ началъ уже по окрестности называть народъ, зазимовала троеравными выведенными главами и тремя свершенными куполами, — но безъ крестовъ стоятъ и колокольня «безъ гласу»; негдѣ колоколовъ взять: и крестами, и колоколами всѣ города и пригороды, и населенныя мѣста снабжала Москва.

И вотъ, по перевозимью — легокъ путь — собрался и снарядился Ѳеодосій Саввичъ на Москву обозомъ идти, чтобы туда свезти ему свой роевой мёдъ и воскъ, муку и крупу.

..... Народъ окружныхъ мѣстъ, Гущина, Юшкова (о Заломномъ уже не стать поминать), словно онъ однимъ ухомъ послышалъ и однимъ сердцемъ принялъ ту вѣсть, что сударь Рой ѣдетъ, и на Троицу кресты и колокола везетъ.

Вышелъ, повыступилъ на дорогу народъ, шапки снялъ; за десять верстъ лошадей выпрягъ, самъ запрягся, — и что-то значитъ міръ-сила! Не стояли, не погоняли, а уже и Троицу на горѣ видать. Не то вывезли, не то въ гору на плечахъ вынесли мѣдную, да желѣзную тяжесть крестовъ и колоколовъ. Пусть и не свѣтило солнце: но, какъ въ церковныхъ обходахъ со святынею, трижды напротивъ солнца обвезъ кругомъ Троицы кресты и колокола народъ.

— Гдѣ ставить, сударь Рой? — на перекличку вопросъ шелъ.

— «У Божьяго дома всё Божье мѣсто. Гдѣ стоишь, ставь!» Отвѣтъ далъ Ѳеодосій Саввичъ, и густою толпою — мірскою волною отхлынулъ отъ Троицы народъ...

Кто поблизу былъ изъ Заломнаго, домой ночевать пошелъ и кой-кого съ собою повелъ; а прочіе люди набились по всему Бѣлому Колодезю — ни проступить народу! Въ самихъ боярскихъ хоромахъ тѣсно. Гдѣ кто присѣлъ и голову наклонилъ, тамъ и спать лёгъ.

..... На третій день праздника заря встала, а его, свѣта бѣлаго, и въ Бѣломъ-Колодезѣ не бывало. Пришла извѣстка ему, что въ городѣ Старомъ-Осколѣ мастера тѣ, что даетъ имъ Богъ на церкви кресты взносить, установлять и на колокольни колокола поднимать. И вотъ онъ свѣта не ждалъ, и поѣхалъ тѣхъ мастеровъ добывать себѣ. Черезъ три дня добылъ, да едва на четвертый день домой былъ. Въ томъ вся и Свѣтлая недѣля прошла. Съ Ѳомина-Понедѣльника вокругъ крестовъ да колоколовъ всѣми руками работа пошла, и отъ той было отъ работы Ѳеодосія Саввича ни звать-отозвать, ни силой не взять. И еще же нужно ему, сударю, ѣхать къ архіерею себѣ попа просить и самого архіерея на посвященіе разъ звать, а въ другой поднимать...

Подняли кресты, — и что-то, Господи! — выше лѣсу стоячаго встали они...

Одно дѣло съ рукъ, другое на руки поспѣшай-принимай... Церковь, какъ невѣста, вся въ ея уборѣ стоитъ, а освященнаго попа жениха нѣтъ. Слѣдъ Ѳеодосію Саввичу къ Курскому Бѣлу-Городу по попа, спѣшить, о попѣ молить; а владыкою въ Бѣлогородѣ былъ святъ мужъ, Іоасафъ Горленко, строгъ и учителенъ дѣломъ и словомъ.....

(Въ верстахъ около ста отъ вотчины Ѳеодосія Саввича было село Знаменское. Оно принадлежало старинному боярскому роду Ртищевыхъ. На него у Ртищевыхъ хранилась древняя *граммата* еще отъ царя Михаила Ѳедоровича. По этой грамматѣ царь жаловалъ боярина Петра Парменовича Знаменскою вотчиною въ вѣчное, потомственное владѣніе, *«за его службу и осадное сидѣніе, что онъ, памятуя Бога и Пресвятую Богородицу, и Московскихъ чудотворцевъ, въ нуждное и прискорбное время, за вѣру Христі-*

Сухарева Башня въ Москвѣ.

анскую и за святыя Божія церкви, и за всѣхъ православныхъ христіанъ, противъ Польскихъ и Литовскихъ людей и другихъ воровъ, которые Московское государство до конца хотѣли раззорить и вѣру Христіанскую попрать, онъ, Петръ, будучи на Москвѣ въ осадѣ, противъ тѣхъ враговъ нашихъ стоялъ крѣпко и мужественно и всякую осадную нужу терпѣлъ многое время, и на воровскую прелесть, и смуту ни на которую не покусился, стоя въ твердости разума своего, крѣпко и не поколебимо, безо всякія шатости, и, отъ тоея великія службы и крѣпкаго осаднаго сидѣнія, Польскіе и Литовскіе люди и Русскіе воры отъ Москвы отошли.» Такъ было написано въ той царской грамматѣ. Еще хранилась одна семейная драгоцѣнность въ домѣ Ртищевыхъ — *икона Пресвятой Богородицы Неопалимой Купины.*

Въ урочищѣ Удольи, въ Удольской дубровѣ, гласило семейное преданіе, обрѣлъ ту икону бояринъ Петръ Ртищевъ въ дуплѣ стараго дуба, охотясь по Удолью. Говорили, что нѣкогда тамъ спасался пустынникъ, жилъ въ томъ дуплѣ и молился этой иконѣ.

Дѣды и отцы Ртищевыхъ и Пущиныхъ вели межъ собою знакомство и пріязнь. Въ послѣдніе двадцать лѣтъ Палагея Поликарповна какъ-то потеряла ихъ изъ виду, да и слуху о нихъ не было, пока староста Ртищевской вотчины, села Знаменскаго, Дема, наслышавшись объ умѣ-разумѣ и добротѣ Ѳеодосія Саввича, не пріѣхалъ къ нему посовѣтоваться о дѣлахъ этой вотчины и о судьбѣ единственной ея наслѣдницы — сироты, молодой боярышни, Анастасіи Никоноровны Ртищевой.

Староста Дема разсказалъ, между прочимъ, Ѳеодосію Саввичу и Палагеѣ Поликарповнѣ, что послѣдній изъ рода Ртищевыхъ, Никоноръ Парменовичъ, женился, но, женившись, и году дома не побылъ: его потребовали на службу, и онъ пошелъ въ походъ, когда у него родилась дочь Анастасія. Осталась его молодая жена съ дочкою въ вотчинѣ. Всѣ сосѣди вернулись изъ похода: не вернулся только мужъ Ртищевой барыни. Зачахла она, слезами обливаючись, жила вдовой, словно черница какая, пять лѣтъ какъ свѣча таяла.) *Ш.*

Разсказъ старосты Демы. — Освященіе церкви и женитьба Ѳеодосія Саввича.

..... «Видятъ люди *(говорилъ Дема)*, что стала боярыня *(Ртищева)* совсѣмъ изникать: говоритъ слово, а его изъ устъ ея слуху не слышно. Собрался міръ, выбрали стариковъ на сходкѣ (упокойникъ батюшка старостою былъ), — идти старикамъ къ боярынѣ, спросить ея послѣднюю волю, чтобы она сказала-приказала міру: какъ ему въ сиротствѣ жить, и на какихъ порядкахъ повелитъ она крестьянству его мірское-людское дѣло вершить? Кому она ихъ по себѣ уручаетъ, и также сироту свою безродную — на кого она, боярыня, её покидаетъ?

«Пришли старики: боярыня во всей своей вдовьей печали, на бѣлой постели, въ черное платье одѣта лежитъ. Взглянула, повидѣла ихъ; а

слёзы у нея, сударыни, такъ и закапали каплями изъ глазъ..
житъ она, не ворохнется, и слезы своей горькой не отираетъ!
ея, малая боярышня, возлѣ матушки своей, въ смертномъ ея при
номъ часѣ, какъ птенчикъ безкрылый, на постелѣ сидитъ. Хотѣл
будто-бы приподняться, такъ въ силахъ своихъ не смогла, и толь
кою надъ головой своей показала.... А тамъ въ головахъ стар
Ртищевскихъ бояръ образъ Неопалимой Купины стоялъ. Догад
старики, что это сударыня желаетъ родовую Ртищевскую свято
стѣны поднять. Полѣзъ, батюшка, — будучи старостою, — со
её, Владычицу Неопалимую, снялъ и сдалъ старикамъ на руки.
несли старики икону къ боярынѣ, приступили всѣ; она глядитъ
зы ронитъ, и будто, что она сказываетъ — губы у нея шевелятс
слово, каково оно есть, не слыхать его: только будто губами по
ваетъ, чтобъ икону боярышнѣ на руки дали.... «Возьми, мат
возьми твое святое добро, сударыня!» — Словомъ и руками сдал
рики малой боярышнѣ на руки ея святую родовую икону. Влад
съ головою покрыла, заслонила ребенка (велика она есть, Ртищ
Неопалимая Купина). У боярыни матушки сила предсмертная гл
лася. Подвиглась сударыня, на постели сѣла; слова ея нѣтъ въ ус
такъ она обѣими руками поворотила отъ себя дитя свое, боярыш
съ Неопалимою Купиною и подала её, подвинула на стариковъ
сама смотритъ, таково жалостно смотритъ на всѣхъ. — «Матуш
дарыня! — взмолили старики — коли тебѣ Богъ на сердце положил
ты отдаешь міру, уручаешь намъ свое боярское дитя, — дай же ты
боярышню изъ полы въ полу, чтобъ она міру крѣпка была.» Ба
мой, староста, первый подступилъ съ полою, и она, сударыня,
поняла, только слова ея нѣтъ, — а ручку заворотила въ свое
платье и подала упокойнику, родителю: за батюшкою и всѣмъ
камъ изъ полы въ полу, — и уже легла боярыня и закрыла глаза.

«Думали, что она на вѣкъ ихъ закрыла, а нѣтъ! Черезъ но
свѣжѣла боярыня, и гласъ ея дался тихій да умильный: полегча
сударынѣ-матушкѣ, передъ самымъ концомъ. Призвала она к
старосту, упокойника родителя, на-единѣ предъ себя поставила..

«Отворила боярыня сама створчатую скрыньку, и выложила
граммату великую, какъ словно царское, государево письмо; при
граммата на четыре угла. — «Вотъ что я тебѣ Богомъ вручаю,
зала боярыня. «Бери изъ рукъ въ руки,» — и подала упоко
скрыньку и граммату.....

«На глазахъ сударыни уложивши сохранно грамоту въ скры
взялъ её подъ-полу батюшка-родитель и понесъ, не зная куда с
дѣться. Прибѣгъ прытко на свою пасѣку въ лѣсу. И зарылъ скр
съ грамматою въ землю — зарылъ и ульемъ съ пчелами наставил

ху. Спустя время, зарубилъ онъ её въ дубъ на лѣсу, и зарубилъ по осени отъ мокроти въ землѣ; а на весну орёлъ на этомъ самомъ дубу свилъ себѣ гнѣздо....

..... «Пока упокойникъ зарылъ и наизворотъ былъ, а барыня кончаться стала, и тѣмъ часомъ Богу душу отдала, сударыня. Подходитъ батюшка, а ужь вой изъ хоромъ идетъ.»

(Родня ея, старый Гамъ, по прозвищу, пріѣхалъ съ своими шестью дочерьми, какъ только она умерла, и взялъ всё имѣніе подъ свою опеку и управленіе, да и маленькую боярышню увезъ на-житье къ себѣ въ деревню. Этотъ Гамъ былъ злой-лихой человѣкъ, лицемѣръ, скаредъ, сутяга и ханжа. Выбралъ онъ всё добро изъ дому господскаго и къ себѣ перевезъ, даже захватилъ и семейный образъ Неопалимой Купины. Сталъ онъ въ домѣ еще искать чего-то.... Искалъ, искалъ — не сыскалъ. Накинулся на старосту: — гдѣ, молъ, царская граммата на вашу вотчину, ты долженъ знать, подавай её сюда! — Но староста, покойный отецъ Деминъ, всё стоитъ на своемъ: — и знать не знаю, и вѣдать не вѣдаю.... Я человѣкъ темный, неписменный. — Сколько не пыталъ его Гамъ, ничего не допытался: и грабилъ его, и мучилъ его, но ничего изъ него не вымучилъ. Сыщи Гамъ эту граммату, — была бы сиротка Ртищева нищею: онъ ея вотчину себѣ бы присвоилъ, на себя бы записалъ, скрывши граммату. Онъ ужь, и безъ того думалъ, и даже, черезъ нѣсколько лѣтъ, говорилъ, что отдаетъ Знаменское въ-приданое за своею старшей дочькою. Эту граммату теперь привезъ староста Дема къ Ѳеодосію Саввичу и отдалъ ему, сватая за него, по порученію всего Знаменскаго міра, барышню Ртищеву, Анастасію Никоноровну, чтобъ осчастливить ее такимъ мужемъ, какъ Рой, и выручить изъ когтей лютаго Гама.

А каково было житье Ртищевой боярышнѣ въ Гамовомъ домѣ, — и говорить нечего. Заброшенной, забытой сироткой жила она со своей няней, гдѣ-то въ уголку. Только Знаменскіе мужички пріѣзжали навѣщать её, освѣдомлялись о ней, привозили ей гостинцы, да и тѣхъ Гамъ прогонялъ со строгостью и всякимъ насиліемъ. Потомъ ужь одинъ староста началъ навѣщать сироту тайкомъ. Умерла и няня: — сиротѣ стало жить еще горьче. А тамъ умеръ и староста; на мѣсто его былъ посаженъ старостою Дема, и тотъ отъ всего міра, навѣщалъ сироту, которая уже тогда выросла и заневѣстилась. Мужики принаняли въ-тихомолку дьячка, чтобъ выучить её грамотѣ, и грамота хорошо далась нашей сироткѣ.

Ртищева боярышня любила ходить каждое утро на Удолье: это былъ лѣсъ въ долинкѣ и навзгорьи; въ немъ протекалъ ручей и стоялъ колодезь, называемый Купиною. Хорошо тамъ было: и калина, и малина, и липы, и вязы, и птички пѣли, и бѣлки по деревьямъ лазили, и всё это освоилось со Ртищевой сиротой, привыкло къ ней. Птичекъ она кормила пшеничнымъ зерномъ, звѣрковъ-малютокъ пріучила къ себѣ: всё её знало въ лѣсу, ожидало её. Утромъ она приходила туда, умывалась изъ колодезя, въ ручьѣ мыла ноги, чесала косу, по псалтырю пѣла псалмы. Въ Гамовомъ же домѣ никто и не замѣчалъ её: всѣми она была заброшена.... Только тамъ и видѣли её, что за обѣдомъ. Всѣмъ она была чужая, никѣмъ незамѣчаемая, будто её и не было. Всѣ ея родовые жемчуги и другія дра-

годѣнности давно перешли къ Гамовымъ дочькамъ, которыя походили нравомъ на своего отца-лиходѣя, — и не въ-краснѣ ходила Ртищева сирота.

Въ этомъ-то Удольѣ, гдѣ обрѣтена была въ старину предкомъ Анастасіи Никоноровны ея родовая икона Неопалимой Купины, и навѣщалъ сироту староста Дема, и привозилъ ей отъ міра то пироги, то лакомства, то другое-что....

Прежде, чѣмъ посвататься, Ѳеодосій Саввичъ долженъ былъ посмотрѣть невѣсту, — и вотъ онъ поѣхалъ въ Удолье съ Демой. Тамъ Дема скрылъ его въ кустахъ. Анастасія Никоноровна, по обычаю, пришла туда и свидѣлась съ Демой. Ѳеодосій Саввичъ разсматривалъ её изъ-за куста, — и ему полюбилась красота ея дѣвичья. Онъ слышалъ ея сладкій голосъ, вслушивался въ ея умныя, задушевныя рѣчи, видѣлъ смиренную печаль на лицѣ сироты, — и умилился онъ душою отъ доброты и красоты боярышни, и она ему по-душѣ пришлась....

Дема заговорилъ ей, что ужь пора подумать и о замужествѣ ея, и намекнулъ на Роя, Ѳеодосія Саввича. Она же сказала, что, вѣрно, такой женихъ и не взглянетъ на неё — сироту. Боярышня пошла себѣ домой. Рой, вышедши изъ кустовъ, крѣпко обнялъ Дему и поцѣловался съ нимъ. Они поѣхали обратно въ Бѣлый Колодязь.

Пріѣхавши домой, Ѳеодосій Саввичъ посовѣтовался со своею матушкою и что-ни-на-есть искусною по всему околодку свахою и отправился къ Гаму сватать невѣсту; — а кстати, тогда случился и храмовой праздникъ у Гама. Гамъ принялъ съ великою почестью такихъ гостей, и думалъ про себя, что это пріѣхали сватать его старшую дочьку.... Но вышло иное. Дѣло такъ устроилось неожиданно и чудно, что они смогли стать лицомъ къ лицу съ Анастасіей Никоноровной, — и сваха вдругъ сказала Гаму, при всѣхъ гостяхъ, что они пріѣхали сватать не какую-либо изъ его дочерей, а Ртищеву сироту.... — Ну такъ берите нищую въ чемъ она есть, а приданаго у нея никакого нѣтъ, — сказалъ Гамъ, задыхаясь отъ злости. Тогда Ѳеодосій Саввичъ грозно и строго объявилъ ему, что царская граммата на село Знаменское цѣла, и находится у него, Роя. Гамъ остолбенѣлъ, какъ громомъ пораженный; а сваха быстро вошла въ молельню Гамову, подняла оттуда икону Неопалимой Купины, и съ нею, наступая на Гама, вручила её сиротѣ-боярышнѣ, какъ родовую ея драгоцѣнность, — и поспѣшно Рой съ матушкой своей, свахою и невѣстой, съ иконою на рукахъ, уѣхали изъ Гамова дома. Всё другое добро сироты они бросили, этому скареду, только вынесли ея семейную икону — родительское благословеніе.

Старый Гамъ отъ такой неожиданности, отъ досады и злобы въ ту же ночь наложилъ самъ на себя руки.

Палагея Поликарповна и невѣста отправились въ Бѣлый Колодязь сряжаться къ свадьбѣ; а Ѳеодосій Саввичъ съ Демой поѣхали въ село Знаменское, гдѣ Рой долженъ былъ объявить себя міру, и міръ радостно сошелся у избы старосты, завидѣвъ желаннаго Роя.) *Ш.*

— «Здравствовать міру, на мірскомъ житьѣ-бытьѣ и Христовомъ спасеньѣ!» — сказалъ онъ, объявляясь всему міру, на высокомъ порогѣ, поклономъ и милостивымъ словомъ.

— Здравствовать тебѣ, сударь! — отозвались голоса, и стихло всё во дворѣ.

— «Великъ человѣкъ міръ,» — взговорилъ Ѳеодосій Саввичъ.» По мірскому суду и слову, я, сударь, Ѳеодосій Саввичъ Пущинъ-Рой, въ мірскомъ дѣлѣ почтенъ и выбранъ стою....»

— Такъ, сударь, такъ! — заговорили на міру.

— «Почтенъ и выбранъ,» приповторилъ Ѳеодосій Саввичъ: «чтобы мнѣ, слышь, сироту вашу, боярышню Анастасію Никоноровну Ртищеву въ замужество за себя взять и тебѣ міру властною рукою въ оборону стать.»

— Такъ, батюшка, такъ.... Подъ свою руку пріими, отъ Гамовской неправды своею, сударя, правдою міръ заступи и нашу боярскую сироту въ честь и въ любовь твою по Богу пріими, подъ златъ вѣнецъ приведи, — сказывали старики.

— «Такъ, что-ли, міръ честнòй? На томъ своемъ словѣ стоишь?» — Мало ему было, и еще спросилъ сударь Рой.

— Стоимъ, батюшка-сударь, стоимъ! въ одно слово грянули на міру. — Во свои головы чести твоей боярской стоимъ.

— «Такъ!» сказалъ Ѳеодосій Саввичъ. «И я тебѣ міру, на томъ стою: что не въ лесть, не въ честь, а въ Божью правду, я вашу сироту передъ Бога веду, и съ Божьихъ очей, какъ мужъ жену, и тебѣ, Ртищевская вотчина, сказываю — слышь мірскимъ ухомъ: самъ, сударь Рой, не обижу, и тебя, міра, въ обиду не дамъ... Знай, міръ, и вѣдай: не солгу, сударь, себѣ и Богу.»

Міръ, словно пораженный, молчалъ, и не слыша, словно всё еще слышалъ, какъ сударь Рой свой обѣтъ міру на себя полагалъ.

Онъ опять свою рѣчь къ-слову міру сказалъ.

— «Боярышня ваша, Анастасья Никоноровна, изъ неволи сиротства ея выручена. Умѣлая сваха, съ большимъ погромомъ, взяла её у Гама... А мнѣ, сударю, законъ велитъ: великое заученье матери міръ принялъ, и за отца мѣсто сиротѣ сталъ — и мнѣ, въ отцово мѣсто, жалуй и пожалуй свою невѣсту, міръ честнòй, на всей чести и обычьѣ мірскомъ, словомъ и поклономъ прошу.» — Сказавши свое слово, поклонился на сторону и на другую всему міру сударь Рой.

— Истинно, батюшка! Во-истину, отецъ родной! Сказали на міру и зашевелились старики, и Дема подъ-перёдъ вышелъ. — Руками взято, руками и дато. Изъ полы въ полу, честенъ женихъ, невѣсту бери!

— «Милости прошу на честенъ пиръ жениха и невѣсты, на святъ праздникъ, міряне! Домъ Божій новоставленный, въ Бѣломъ Колодязѣ — Троицу чаемъ святить, и стараго и малаго, убогаго, всѣмъ вравнѣ — матушка моя государыня и мы, въ княжьей парѣ, сами, во всеуслышаніе міру, всякаго человѣка зовемъ.» Повелъ рукою на всѣхъ Ѳеодосій Саввичъ и въ избу вошелъ.

..... Крестьянство, провожая его съ хлѣбомъ-солью, поднесло ему

великъ-немалъ даръ: на красномъ деревянномъ блюдцѣ сто рублёвъ, насыпано кучею отъ міра сиротѣ въ приданое.

(Пріѣхалъ Ѳеодосій Саввичъ домой: тамъ ужь сряжаютъ къ свадьбѣ; невѣста знакомится со всѣмъ въ домѣ, всё её привѣчаетъ, всё на неё глядитъ — не наглядится... Вотъ пошла она по саду, и въ саду встрѣтилась съ женихомъ.) *Щ.*

— «Весь Божій міръ ты, Анастасья Никоноровна, здравствовала,— поздравствуй же и меня на міру. Дай ты мнѣ свое слово въ душу,» сказывалъ Ѳеодосій Саввичъ. «Видѣлъ я и слышалъ тебя, какъ ты свою русую косу плела, и словно ты мнѣ свое сиротство на душу отдала, и самъ я безъ тебя сиротой стою.... Взглянь ты, порадуй, свѣтъ мой, Анастасья Никоноровна, твоимъ словомъ меня.»

Но, не дождавшись того слова, сударь Ѳеодосій Саввичъ опять ласкою да тихостію сказывать сталъ. Шляпу и трость свою на землю сложилъ, и Анастасію Никоноровну за правую руку взялъ.

— «Намъ съ тобою, душа Никоноровна, пришла пора совыкатися, въ любви да въ совѣтѣ жить... Полюбишь ты меня?... Взглянь, радость моя! Своими ясными очами погляди: милъ я тебѣ показываюсь, аль не милъ?»

— И рада бъ я глядѣть на тебя, да словно ты, свѣтъ-сударь, ослѣпилъ меня! Не могу я... Мои дѣвичьи очи не глядятъ на тебя, — сказывала она тихо, ему одному слышно, и межь тѣмъ дѣвичьи очи взглянули у Анастасьи Никоноровны... — Словно ты мнѣ херувимъ Божій предсталъ и за руку взялъ... Какъ тебѣ, сударь Рой, не быть милымъ сиротѣ, коли ты не побрезгалъ мною... Ты мнѣ до души, сударь, милъ! — сказала тихими рѣчами и голубыми очами Анастасья Никоноровна.

— «Да горитъ же наша любовь свѣчей предъ Господомъ, отъ земли до неба, отъ нынѣ до вѣку!» Онъ, сударь въ умиленьѣ сказалъ, и въ другой разъ Анастасью Никоноровну въ стыдливыя очи поцаловалъ.

И глядѣть на нихъ въ парѣ: словно то Иванъ-Царевичъ былъ и Настасья Никоноровна — въ пріосмеркшемъ саду лебедью тихою выступая, съ золотой дѣвичьей повязкой на лбу — словно она жаръ-птица золотая была.

(Всё ужь приготовили къ освященію церкви. Народъ сталъ сходиться со всѣхъ сторонъ. Всё обильно приготовлено къ угощенію народа-богомольца. Ждутъ архіерея. Архіерей пріѣхалъ прямо къ пасѣкѣ; благословилъ хозяевъ и народъ, а потомъ въ горенкѣ, на пасѣкѣ поотдохнулъ маленько съ дороги.) *Щ.*

— «Ѳеодосій! на вечерню звонить пора, — повелѣлъ онъ. «На прагѣ церковномъ, прямо подъ небомъ, всенощную служу.... *Кій храмъ мнѣ созиждите? глаголетъ Господь. Небо — престолъ мой, земля же подножіе ногамъ моима.* Сердце наше велелѣпный храмъ ему, дѣти!...»

И велелѣпно, подъ открытымъ небомъ, на порогѣ новосозданной церкви, съ ея распахнутыми дверями и съ сонмами народа вокругъ, шла продолжительно всенощная.

На утро довольно рано началось великое освященіе храма. Помазанный крестообразно елеемъ, окаженный волнами ѳиміама, окропленный и освященный духомъ молитвъ и пѣснопѣній — при звонѣ колоколовъ и хорѣ вопрошающихъ и отвѣчающихъ ликовъ — словно, рукотворный храмъ въ другой разъ нерукотворно, создался благодатію: распахнулись заключенныя двери, и вошелъ въ нихъ Царь Славы...

Освященіе совершилось; великая жертва вознеслась, и новый престолъ благодати объявился на святой Руси, у Пущина, сударя, на Бѣлыхъ-Ключахъ.

..... Преосвященный Іоасафъ, разоблаченный отъ всѣхъ архіерейскихъ одеждъ, въ клобукѣ и въ черной монашеской мантіи, съ одной сіяющей панагіею на груди, стоялъ на предъалтарномъ возвышеніи, что зовется «солею», и, ни кѣмъ неподдерживаемый и неокружаемый, сдавши изъ рукъ свой высокій жезлъ, онъ обѣими руками благословлялъ стремящихся къ нему людей.

(На другой день, отъ церкви сосѣдняго села было перенесеніе праха родителя Ѳеодосія Саввича въ новосооруженную имъ церковь, по его обѣщанію поставить церковь надъ прахомъ покойнаго отца. Послѣ Троицына дня, по совѣту преосвященнаго, при торжественномъ молебствіи и богослуженіи, была перенесена изъ дому Роя въ новоосвященную церковь икона Пресвятой Богородицы, Неопалимой Купины, чтобы она «на весь міръ была, а не ими въ домѣ затаена — Ртищевская звѣздовидная Купина.

Чтобъ не забыть сказать, — староста Дема женился на Маринѣ Калиничнѣ, которая, вышедши замужъ, ужь перестала старостить, и сѣла на свое женское дѣло, на домоводство, а мужъ ея Дема сталъ старостою надъ обѣими вотчинами, Пущинской и Ртищевской.) *Щ.*

..... Ѳеодосій Саввичъ бывалъ ежедневно въ церкви, читалъ и пѣлъ на клиросѣ во всё шестинедѣльное богослуженіе, какъ оно положено правилами святыхъ отецъ для новопосвященнаго храма, и во всѣ эти шесть недѣль — много-ли, мало-ли случалось народу — онъ, сударь Рой, не переставалъ поить и кормить людей, привѣчая ихъ ласкою своей молодой жены, госпожи-сударыни.

И вотъ въ послѣдній день этихъ шести недѣль, давши славу Богу,

и уже отпировавши пиръ на всякую большую и малую душу, — осѣлъ нашъ сударь Рой золотой, и началъ жить себѣ и поживать на домашнемъ своемъ на спокоѣ.

Кохановская.

Косарь.

Не возьму я въ толкъ,
Не придумаю...
Отчего же такъ
Не возьму я въ толкъ?...
Охъ, въ несчастный день,
Въ безталанный часъ,
Безъ сорочки я
Родился на свѣтъ.
У меня ль плечо
Шире дѣдова,
Грудь высокая
Моей матушки.
На лицѣ моемъ:
Кровь отцовская
Въ молокѣ зажгла
Зорю красную;
Кудри черныя
Лежатъ скобкою;
Что работаю —
Всё мнѣ спорится...
Да въ несчастный день,
Въ безталанный часъ,
Безъ сорочки я
Родился на свѣтъ!
Прошлой осенью,
Я за Грунюшку,
Дочку старосты,
Долго сватался:
А онъ, старый хрѣнъ,
Заупрямился!
За кого же онъ
Выдастъ Грунюшку —
Не возьму я въ толкъ,
Не придумаю...
Я ль за тѣмъ гонюсь,
Что отецъ ея
Богачомъ слыветъ?...
Пускай домъ его —
Чаша полная...
Я её хочу,
Я по ней крушусь:
Лицо бѣлое,
Заря алая —
Щеки полныя,
Глаза темные
Свели молодца
Съ ума-разума...
Ахъ, вчера по мнѣ
Ты такъ плакала!
На-отрѣзъ старикъ
Отказалъ вчера...
Охъ, не свыкнуться
Съ этой горестью!...
Я куплю себѣ
Косу новую;
Отобью её,
Наточу её, —
И прости-прощай,
Село родное...
Не плачь, Грунюшка:
Косой вострою
Не подрѣжусь я...
Ты прости, село,
Прости, староста!
Въ края дальніе
Пойдетъ молодецъ...
Что внизъ по Дону,
По набережью,
Хороши стоятъ
Тамъ слободушки;
Степь раздольная
Далеко вокругъ,
Широко лежитъ,
Ковылёмъ-травой
Разстилается...
Ахъ, ты, степь моя,

Степь привольная!
Широко ты, степь,
Порасстинулась,
Къ Морю Черному
Понадвинулась!
Въ гости я къ тебѣ
Не одинъ пришелъ:
Я пришелъ самъ-другъ
Съ косой вострою;
Мнѣ давно гулять
По травѣ степной,
Вдоль и поперекъ,
Съ ней хотѣлося...
Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!
Ты пахни въ лицо,
Вѣтеръ съ полудня!
Освѣжи, взволнуй
Степь просторную...
Зажужжи, коса,
Засверкай кругомъ!
Запуми, трава,
Подкошоная,
Поклонись, цвѣты,
Головой землѣ!
Наряду съ травой
Вы засохнете;
Какъ по Грунѣ я
Сохну, молодецъ!
Нагребу копёнъ,
Намечу стоговъ: —
Дастъ казачка мнѣ
Денегъ пригоршни.
Я зашью казну,
Сберегу казну,
Ворочусь въ село —
Прямо къ старостѣ:
Не разжалобилъ
Его бѣдностью, —
Такъ разжалоблю
Золотой казной!...

Алексѣй Кольцовъ.

Бурлакъ.

Эхъ, пріятель, и ты, видно, горе видалъ,
Коли плачешь отъ пѣсни веселой!...
Нѣтъ, послушай-ко ты, что вотъ я испыталъ,
Такъ узнаешь о жизни тяжелой!
Девятнадцати лѣтъ, послѣ смерти отца,
Я остался одинъ сиротою;
Дочь сосѣда любила меня, молодца,
Я женился — и зажилъ съ женою!
Словно счастье на дворъ мнѣ она принесла...
Дай Богъ царство небесное бѣдной!
Ужь такая-то, братецъ, хозяйка была —
Дорожила полушкою мѣдной.
Въ зимній вечеръ, бывало, лучину зажжотъ
И прядетъ себѣ, глазъ не смыкаетъ;
Пѣтухи пропоютъ, — ну тогда отдохнётъ
И приляжетъ; а чуть разсвѣтаетъ —
Ужь она на ногахъ: поглядишь, побѣжитъ,
И овцамъ, и коровамъ дастъ корму,
Печь истопитъ, и снова за прялкой сидитъ,
Или что прибираетъ по дому.

Лѣтомъ рожь станетъ жать, иль снопы подавать
Съ земли на возъ, — и горя ей мало!
Я, бывало, скажу: не пора-ль отдыхать?»
— «Ничего, говоритъ, не устала.» —
Иногда ей случится обнову купить
Для утѣхи, такъ скажетъ — «напрасно:
Мы безъ этого будемъ другъ друга любить,
Что-ты тратишься, соколъ мой ясный!»
Какъ въ раю съ нею жилъ!... Да не намъ вѣрно знать,
Гдѣ и какъ насъ кручина застанетъ.
Улеглася жена въ землю на-вѣки спать...
Вспомнишь — жизнь не мила тебѣ станетъ!
Вся надёжа была, — словно вылитый въ мать,
Темнорусый красавецъ-сынишка.
По складамъ ужь псалтырь было началъ читать,
Думалъ: «выйдетъ мой въ-люди мальчишка!»
Да не то ему Богъ на роду написалъ:
Заболѣлъ отъ чего-то весною;
Я и бабокъ къ нему, знахарей призывалъ
И поилъ наговорной водою;
Обѣщался рублёвую свѣчку купить,
Предъ иконою въ церкви поставить, —
Не услышалъ Господь... и пришлось положить
Сына въ гробъ, на кладбище отправить...
Было горько мнѣ, другъ, въ эти черные дни!
Опустились совсѣмъ мои руки!
Стали хлѣбъ убирать, — въ полѣ пѣсни, огни,
А я сохну отъ горя и скуки!
Снѣга перваго ждалъ: я продамъ, молъ, вотъ рожь,
Справлю сани, извозничать буду,
Вдругъ — бѣда за бѣдой — на скотину падёжъ...
Чай по гробъ этотъ годъ не забуду! —
Кой-какъ зиму провелъ; вижу, честь мнѣ не та:
То на сходкѣ иной посмѣётся —
«Дескать, всякая вотъ что-ни-есть мелкота
Тоже въ дѣло мірское суётся!»
То бранятъ за глаза: «не съ его-де умомъ
Жить въ нуждѣ, — видишь, какъ онъ лѣнится;
Нѣтъ, по нашему такъ — коли быть молодцомъ,
Не тужи, хоть и горе случится!»
Образумилъ меня людской смѣхъ, разговоръ:
Видно, Богъ свою помочь мнѣ подалъ;
Запросилась душа на широкій просторъ...
Взялъ я паспортъ, подушное отдалъ,
И пошелъ въ бурлаки. Разгуляли тоску
Волги-матушки синія волны!...

Коли отдыхъ прійдетъ, — на крутомъ берёжку
Разведешь огонекъ въ вечеръ тёмный;
Изъ товарищей пѣсню одинъ заведётъ, —
Тѣ подхватятъ, и въ мигъ встрепенёшься,
Съ головы и до ногъ жаръ и холодъ пойдётъ,
Слезы сдержишь, и самъ тутъ зальёшься...
Непогода ль случится, и вдругъ посѣтитъ
Мою душу забытое горе...
Есть разгулъ молодцу: Волга съ шумомъ бѣжитъ
И про волю поетъ на просторѣ;
Ретивое забьется, и вспыхнешь огнёмъ...
Осень, холодъ, — не надобна шуба!
Сядешь въ лодку — гуляй! Размахнешься весломъ —
Силой съ бурей помѣряться любо!...
И летишь по волнамъ, только брызги кругомъ...
Крикнешь: «ну, теперь Божія воля!
Коли жить — будемъ жить, умереть — такъ умремъ!»
И въ душѣ словно не было горя...

Иванъ Никитинъ.

Коробейники.

I.

Эй, Ѳедорушки! Варварушки!
Отпирайте сундуки!
Выходите къ намъ, сударушки,
Выносите пятаки!»
Жены мужнія, молодушки,
Къ коробейникамъ идутъ,
Красны дѣвушки-лебёдушки
Новины свои несутъ,
И старушки важеватыя,
Глядь, туда же приплелись.
«Ситцы есть у насъ богатые,
Есть миткаль, кумачъ и плисъ.
Есть у насъ мыла пахучія —
По двѣ гривны за кусокъ,
Есть румяна нелинючія, —
Молодись за пятачокъ!»
.....
Началися толки рьяные,
Посреди села базаръ,
Бабы ходятъ, словно пьяныя,
Другъ у дружки рвутъ товаръ.

II.

— «Эй, вы, купчики-голубчики,
Къ намъ ступайте ночевать!»
Ночевали наши купчики,
Утромъ тронулись опять.
Полегоньку подвигаются,
Накопляютъ барыши,
Чѣмъ попало развлекаются
По дорогѣ торгаши.
.....
— Вонъ усадьбишка дворянская,
Завернемъ? — «Ты, Ваня, простъ!
Нынче баре деревенскіе
Не живутъ по деревнямъ,
И такія моды женскія
Завелись... куда ужь намъ!
.....
Чортъ побралъ бы моду новую!
А, бывало, въ старину,

Приведутъ меня въ столовую, —
Всѣ товары разверну.
Выйдетъ барыня красивая,
Съ настоящею косой,
Важеватая, учтивая,
Дѣтки выбѣгутъ гурьбой,
Дѣвки горничныя, нянюшки,
Слуги высыплютъ къ дверямъ.
На рубашечки для Ванюшки
И на платья дочерямъ,
Всё сама руками бѣлыми
Отбираетъ, не спѣша,
И беретъ кусками цѣлыми...
Вотъ такъ барыня — душа!
«Что возьмешь за серьги съ бусами?
Что за алую парчу?»
Я тряхну кудрями русыми —
Заломлю чего хочу...
Навалитъ покупки кучею,
Разочтется, — Богъ съ тобой!...
А то разъ попалъ я къ случаю:
За рѣкой на Костромой,
Именины были званые —
Расходилося баринокъ...
Слышу, кличутъ гости пяные:
«Подходи сюда, дружокъ!»
Подбѣгаю къ нимъ скорёхонько:
«Что возьмешь за коробъ весь?»
Усмѣхнулся и легохонько:
— Дорогъ будетъ, ваша честь...
Слово-за-слово, пріятели
Посмѣялись межъ собой
Да три сотни и отпятили,
Не глядя, за коробъ мой;
Ужь тогда товары вынули,
Да въ дѣвичій хороводъ
Середи двора и кинули: —
«Подбирай, честной народъ!»
Закипѣла свалка знатная...
Вотъ такъ были господа!
Уходилъ домой обратно я
На девятый день тогда.

Николай Некрасовъ.

Женихъ.

Три дня купеческая дочь,
Наташа пропадала;
Она на дворъ, на третью ночь,
Безъ-памяти вбѣжала.
Съ вопросами отецъ и мать
Къ Наташѣ стали приступать.
Наташа ихъ не слышитъ,
Дрожитъ и еле дышитъ.
Тужила мать, тужилъ отецъ,
И долго приступали,
И отступились наконецъ,
А тайны не узнали.
Наташа стала, какъ была,
Опять румяна, весела,
Опять пошла съ сестрами
Сидѣть за воротами.
Разъ у тесовыхъ у воротъ,
Съ подружками своими,
Сидѣла дѣвица, — и вотъ
Промчалась передъ ними
Лихая тройка съ молодцомъ.
Конями, крытыми ковромъ,
Въ саняхъ онъ, стоя, правитъ
И гонитъ всѣхъ, и давитъ.
Онъ, поровнявшись, поглядѣлъ —
Наташа поглядѣла,
Онъ вихремъ мимо пролетѣлъ —
Наташа помертвѣла.
Стремглавъ домой она бѣжитъ:
«Онъ! онъ! узнала! — говоритъ —
Онъ, точно онъ! держите,
Друзья мои, — спасите!»
Печально слушаетъ семья,
Качая головою;
Отецъ ей: «милая моя,
Откройся предо мною.
Обидѣлъ кто тебя — скажи,
Хоть только слѣдъ намъ укажи».
Наташа плачетъ снова,
И болѣе ни слова.

На утро сваха къ нимъ на дворъ
Нежданная приходитъ,
Наташу хвалитъ, разговоръ
Съ отцомъ ея заводитъ:
У васъ товаръ, у насъ купецъ,
Собою парень молодецъ,
И статный, и проворный,
Неуздорный, незазорный.
Богатъ, умёнъ, ни передъ кѣмъ
Не кланяется въ поясъ,
И, какъ бояринъ, между-тѣмъ,
Живетъ, не безпокоясь;
А подаритъ невѣстѣ вдругъ
И лисью шубу, и жемчугъ,
И перстни золотые,
И платья парчевыя.
Катаясь, видѣлъ онъ вчера
Её за воротами: —
Не по рукамъ ли, да съ двора,
Да въ церковь съ образами?»
Она сидитъ за пирогомъ,
Да рѣчь ведетъ обинякомъ:
А бѣдная невѣста
Себѣ не видитъ мѣста.
«Согласенъ, говоритъ отецъ, —
Ступай благополучно,
Моя Наташа, подъ вѣнецъ:
Одной въ свѣтёлкѣ скучно...
Не вѣкъ дѣвицей вѣковать,
Не всё косаткѣ распѣвать:
Пора гнѣздо устроить,
Чтобъ дѣтушекъ покоить.»
Наташа къ стѣнкѣ уперлась
И слово молвить хочетъ, —
Вдругъ зарыдала, затряслась,
И плачетъ, и хохочетъ.
Въ смятеньи сваха къ ней бѣжитъ,
Водой студёною поитъ
И льетъ остатокъ чаши
На голову Наташи.
Крушится, охаетъ семья.
Опомнилась Наташа,
И говоритъ: «послушна я, —
Святая воля ваша...
Зовите жениха на пиръ,
Пеките хлѣбы на весь міръ,
На славу мёдъ варите,
Да судъ на пиръ зовите.»
— «Изволь, Наташа, ангелъ мой!
Готовъ тебѣ въ забаву
И жизнь отдать!» — И пиръ горой:
Пекутъ, варятъ на славу.
Вотъ гости честные нашли,
За столъ невѣсту повели;
Поютъ подружки, плачутъ, —
А вотъ и сани скачутъ....
Вотъ и женихъ, — и всѣ за столъ.
Звенятъ, гремятъ стаканы.
Заздравный ковшъ кругомъ пошолъ;
Всё шумно, гости пьяны...

Женихъ.

«А что же, милые друзья,
Невѣста красная моя
Не пьетъ, не ѣстъ, не служитъ;
О чемъ невѣста тужитъ?»
Невѣста жениху въ-отвѣтъ:
— «Откроюсь на удачу...
Душѣ моей покоя нѣтъ,
И день и ночь я плачу:
Не добрый сонъ меня крушитъ.»
Отецъ ей: «что жь твой сонъ гласитъ?
Скажи намъ, что такое,
Дитя мое родное?»
— «Мнѣ снилось, говоритъ *она*,
Зашла я въ лѣсъ дремучій,
И было поздно; чуть луна
Свѣтила изъ-за тучи;
Съ тропинки сбилася: въ глуши
Не слышно было ни души,
И сосны лишь да ели
Вершинами шумѣли....
И вдругъ, какъ будто наяву
Изба передо мною.
Я къ ней, стучу — молчатъ. Зову —
Отвѣта нѣтъ; съ мольбою
Дверь отворила я. Вхожу —
Въ избѣ свѣча горитъ; гляжу, —
Вездѣ сребро, да злато,
Всё свѣтло и богато».

Женихъ.

«А чѣмъ же худъ, скажи, твой сонъ?...
Знать жить тебѣ богато».

Невѣста.

— «Постой, сударь, не конченъ онъ...
На серебро, на злато,
На сукны, коврики, парчу,
На новгородскую камчу
Я, молча, любовалась
И диву дивовалась.
Вдругъ слышу крикъ и конскій топъ...
Подъѣхали къ крылечку.
Я поскорѣе дверью хлопъ,
И спряталась за печку.
Вотъ слышу много голосовъ...
Взошли двѣнадцать молодцовъ
И съ ними голубица,
Красавица-дѣвица.
Взошли толпой, не поклонясь,
Иконъ не замѣчая;
За столъ садятся, не молясь
И шапокъ не снимая.
На первомъ мѣстѣ братъ большой,
По праву руку братъ меньшой,
По лѣву — голубица,
Красавица-дѣвица.
Крикъ, хохотъ, пѣсни, шумъ и звонъ,
Разгульное похмѣлье...»

Женихъ.

«А чѣмъ то худъ, скажи, твой сонъ?—
Вѣщаетъ онъ веселье.»

Невѣста.

— «Постой, сударь, не конченъ онъ...
Идетъ похмѣлье, громъ и звонъ.
Пиръ весело бушуетъ,
Лишь дѣвица горюетъ:
Сидитъ, молчитъ, не ѣстъ, не пьетъ,
И токомъ слезы точитъ,
А старшій братъ свой ножъ беретъ,
Присвистывая, точитъ;
Глядитъ на дѣвицу-красу,
И вдругъ хватаетъ за косу,
Злодѣй дѣвицу губитъ,
Ей праву руку рубитъ.»
— Ну, это, говоритъ *женихъ*,
Прямая небылица!...
Но не тужи, твой сонъ не лихъ,
Повѣрь, душа-дѣвица! —
Она глядитъ ему въ лицо...
«А это съ чьей руки кольцо?»
Вдругъ молвила *невѣста*,
И всѣ привстали съ мѣста.
Кольцо катится и звенитъ,
Женихъ дрожитъ, блѣднѣя;
Смутились гости; судъ гласитъ: —
Держи! вязать злодѣя! —
Злодѣй окованъ, обличенъ,
И скоро смертію казнёнъ.
Прославилась Наташа, —
И вся тутъ пѣсня наша....

Александръ Пушкинъ.

Власъ.

Въ армякѣ съ открытымъ воротомъ,
Съ обнаженной головой,
Медленно проходитъ городомъ
Дядя Власъ, старикъ сѣдой;
На груди икона мѣдная:
Проситъ онъ на Божій храмъ;
Весь въ веригахъ, обувь бѣдная,
На щекѣ глубокій шрамъ,
Да съ желѣзнымъ наконешникомъ
Палка длинная въ рукѣ....
Говорятъ, великимъ грѣшникомъ
Былъ онъ прежде. Въ мужикѣ
Бога не было: побоями
Въ гробъ жену свою вогналъ;
Промышляющихъ разбоями,
Конокрадовъ укрывалъ;
У всего сосѣдства бѣднаго
Скупитъ хлѣбъ, а въ черный годъ
Не повѣритъ гроша мѣднаго,
Втрое съ нищаго сдерётъ.
Бралъ съ родного, бралъ съ убогаго,
Слылъ кощеемъ-мужикомъ.

Церковь Успенія на Покровкѣ. въ Москвѣ.

Нрава былъ крутого, строгаго...
Наконецъ и грянулъ громъ: —
Власу худо; кличетъ знахаря, —
Да поможешь ли тому,
Кто снималъ рубашку съ пахаря,
Кралъ у нищаго суму!....
Только пуще всё не можется.
Годъ прошелъ, — а Власъ лежитъ,
И построить церковь божится,
Если смерти избѣжитъ.
Говорятъ, ему видѣніе
Всё мерещилось въ бреду:
Видѣлъ свѣта преставленіе,
Видѣлъ грѣшниковъ въ аду....
.....
Власъ увидѣлъ тьму кромѣшную, —
И послѣдній далъ обѣтъ.
Внялъ Господь, и душу грѣшную
Воротилъ на вольный свѣтъ.
Роздалъ Власъ свое имѣніе,
Самъ остался босъ и голъ,
И сбирать на построеніе
Храма Божьяго пошолъ.
Съ той поры мужикъ скитается
Вотъ ужь скоро тридцать лѣтъ,
Подаяніемъ питается,
Строго держитъ свой обѣтъ.
Сила вся души великая
Въ дѣло Божіе ушла:
Словно сроду жадность дикая
Непричастна ей была...
Полонъ скорбью неутѣшною,
Смуглолицъ, высокъ и прямъ,
Ходитъ онъ стопой неспѣшною
По селеньямъ, городамъ.
Нѣтъ ему пути далекаго:
Былъ у матушки Москвы
И у Каспія широкаго,
И у царственной Невы.
Словомъ истины Евангельской
Собирая Богу дань,
Побываетъ и въ Архангельской,
Проберется и въ Рязань...
Ходитъ съ образомъ и съ книгою,
Самъ-съ-собой всё говоритъ,
И желѣзною веригою
Тихо на-ходу звенитъ.
Ходитъ въ зимушку студёную,
Ходитъ въ лѣтніе жары,
Вызывая Русь крещоную
На посильные дары, —
И даютъ, даютъ прохожіе...
Такъ изъ лепты трудовой
Выростаютъ храмы Божіе
По лицу земли родной.

Николай Некрасовъ.

Масляница на чужой сторонѣ.

Здравствуй, въ бѣломъ сарафанѣ
Изъ серебряной парчи!
На тебѣ горятъ алмазы,
Словно яркіе лучи...
Здравствуй, Русская молодка,
Разкрасавица-душа,
Бѣлоснѣжная лебедка,
Здравствуй, матушка-зима!
Изъ-за льдистаго Урала
Какъ сюда ты невзначай,
Какъ, родная, ты попала
Въ басурманскій этотъ край?
Здѣсь ты, сирая, не дома,
Здѣсь тебѣ не-по-нутру,
Нѣтъ приличнаго пріёма,
И народъ не на-юру....
Чѣмъ твою мы милость встрѣтимъ?
Какъ задать здѣсь пиръ горой?...
Не съумѣть имъ, Нѣмцамъ этимъ,
Поговориться съ тобой!
Не напрасно дѣдовъ слово
Затвердилъ народный умъ:
«Что для Русскаго здорово,
«То для Нѣмца карачунъ.»
Намъ не страшенъ снѣгъ суровый,
Съ снѣгомъ — батюшка-морозъ,

Нашъ природный, нашъ дешовый
Пароходъ и паровозъ....
Ты у насъ краса и слава,
Наша сила и казна,
Наша бодрая забава,
Молодецкая зима!
Скоро масляницы бойкой
Закипитъ широкій пиръ,
И блинами, и настойкой
Закутитъ крещеный міръ...
Въ честь тебѣ и ей Россія,
Православныхъ предковъ дочь,
Строитъ горы ледяныя,
И гуляетъ день и ночь.
Игры, братскія попойки,
Настежь двери и сердца,
Пляшутъ бѣшенныя тройки,
Снѣгъ топоча у крыльца....
Вотъ взвились и полетѣли,
Что твой соколъ въ небесахъ!
Красота ямской артели
Возжи ловко сжалъ въ рукахъ:
Въ шапкѣ, въ синемъ полушубкѣ
Такъ и смотритъ молодцомъ,
Погоняетъ закадычныхъ
Свистомъ, ласковымъ словцомъ.
Мать дородная въ шубейкѣ,
Важно въ розвальняхъ сидитъ,
Дочка рядомъ въ душегрѣйкѣ,
Словно маковъ цвѣтъ горитъ;
Яркой пылью иней сыплетъ
И одежды серебритъ,
А морозъ, ласкаясь, щиплетъ
Нѣжный бархатецъ ланитъ.
И бѣлѣе, и румянѣй
Дѣва блещетъ красотой,
Какъ алѣетъ на полянѣ
Снѣгъ подъ утренней зарей.
Мчится вихремъ безъ помѣхи
По полямъ и по рѣкамъ,
Звонко щелкаетъ орѣхи
На веселіе зубкамъ.
Разгулялись городъ, сёла,
Загуляли старъ и младъ,
Всѣмъ зима родная гостья,
Каждый масляницѣ радъ.
Нѣтъ конца весельямъ, кликамъ,
Пѣснямъ, удали, пирамъ, —
Гдѣ тутъ Нѣмцамъ-горемыкамъ
Вторить намъ, богатырямъ?...
Сани здѣсь — подобной дряни
Не видалъ я на вѣку:
Стыдно сѣсть въ чужіе сани
Коренному Русаку.
Нѣтъ, красавица, не мѣсто
Здѣсь тебѣ, не обиходъ!
Снѣгъ здѣсь — рыхленькое тѣсто,
Вялъ морозъ и вялъ народъ....
Чѣмъ почтутъ тебя, сударку? —
Развѣ кружкою пивной,
Да копѣечной сигаркой,
Да копченой колбасой?....
Нѣмецъ къ мудрецамъ причисленъ,
Нѣмецъ дока для всего,
Нѣмецъ такъ глубокомысленъ,
Что пропадешься въ него;
Но, по нашему покрою,
Если Нѣмца взять въ-расплохъ,
А особенно зимою, —
Нѣмецъ, воля ваша, плохъ.

Князь Петръ Вяземскій.

Первая пѣсня Лихача-Кудрявича.

Съ радости-веселья
Хмѣлемъ кудри вьются;
Ни съ какой заботы
Они не сѣкутся.
Ихъ не гребень чешетъ —
Золотая доля,
Завиваетъ въ кольцы
Молодецка удаль.
Не родись богатымъ,
А родись кудрявымъ:

По щучью велѣнью
Всё тебѣ готово.
Чего душа хочетъ —
Изъ земли родится;
Со всѣхъ сторонъ прибыль
Ползетъ и валится.
Что шутя задумалъ —
Пошла шутка въ дѣло,
А тряхнулъ кудрями —
Въ одинъ мигъ поспѣло.
Не возьмутъ гдѣ лоскомъ,
Возьмутъ кудри силой;
А что́ худо — смотришь,
По водѣ поплыло!...
Любо жить на свѣтѣ
Молодцу съ кудрями,
Весело на бѣломъ
Съ черными бровями!
Во время да въ пору
Мёдомъ рѣчи льются,
И съ утра до ночи
Пѣсенки поются,
Мягкѣ рѣчи, пѣсни
Дѣвушки всѣ знаютъ,
И о кудряхъ зиму
Ночь не спятъ, гадаютъ....
Честь и слава кудрямъ, —
Пусть ихъ волосъ вьётся:
Съ ними всё на свѣтѣ
Ловко удаётся!
Не подъ шапку горе
Головѣ кудрявой...
Разливайтесь, пѣсни!
Ходи, парень, браво!

Алексѣй Кольцовъ.

Вторая пѣсня Лихача-Кудрявича.

Въ золотое время
Хмѣлемъ кудри вьются:
Съ горести-печали
Русыя сѣкутся...
Ахъ, сѣкутся кудри!
Любитъ ихъ забота;
Полюбитъ забота —
Не чешетъ и гребень!
Не родись въ сорочкѣ,
Не родись талантливъ:
Родись терпѣливымъ
И на всё готовымъ.
Вѣкъ прожить — не поле
Пройдти за сохою;
Кручину, что тучу,
Не уносить вѣтромъ.
Зла бѣда, не буря —
Горами качаетъ,
Ходитъ невидимой,
Губитъ безъ разбору.
Отъ ея напасти
Не уйдти на лыжахъ:
Въ чистомъ полѣ найдетъ,
Въ темномъ лѣсѣ сыщетъ...
Чуешь только сердцемъ:
Прійдетъ, сядетъ рядомъ,
Объ руку съ тобою
Пойдетъ и поѣдетъ....
И щемитъ, и ноетъ,
Болитъ ретивое:
Всё — изъ рукъ вонъ — плохо,
Нѣтъ ни въ чемъ удачи.
То — скосило градомъ,
То — сняло пожаромъ...
Чистъ кругомъ и лёгокъ,
Никому не нуженъ!
Къ старикамъ на сходку
Выйдти приневолятъ: —
Старыя лаптишки
Безъ онучь обуешь,
Кафтанишка рваный
На плечи натянешь,
Бороду всклосматишь,
Шапку надлобучишь,

Тихомолкомъ станешь
За чужія плечи...
Пусть не видятъ люди
Прожитòва счастья!

Алексѣй Кольцовъ.

Чтò ты спишь, мужичокъ?

Чтò ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь весна на дворѣ,
Вѣдь сосѣди твои
Работáютъ давно...
Встань, проснись, подымись,
На себя погляди:
Чтò ты былъ? и чтò сталъ?
И чтò есть у тебя?
На гумнѣ — ни снопа,
Въ закромахъ — ни зерна;
На дворѣ, по травѣ,
Хоть шарóмъ покати...
И подъ лавкой сундукъ
Опрокинутъ лежитъ,
И, погнувшись, изба,
Какъ старушка, стоитъ...
Вспомни время свое,
Какъ катилось оно,
По полямъ и лугамъ,
Золотою рѣкой,
Со двора и гумна,
По дорожкѣ большой,
По селамъ, городамъ,
По торговымъ людямъ,
И какъ двери ему,
Растворяли вездѣ, —
И въ почетномъ углу
Было мѣсто твое...
А теперь подъ окномъ
Ты съ нуждою сидишь,
И весь день на печи
Безъ просыпу лежишь....
А въ поляхъ сиротой,
Хлѣбъ не скошенъ стоитъ:
Вѣтеръ точитъ зерно,
Птица клюетъ его...
Чтó ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь ужь лѣто прошло,
Вѣдь ужь осень на дворъ
Черезъ прясло глядитъ;
Въ-слѣдъ за нею зима
Въ теплой шубѣ идетъ,
Путь снѣжкомъ порошитъ,
Подъ санями хруститъ.
Всѣ сосѣди на нихъ
Хлѣбъ везутъ, продаютъ,
Собираютъ казну,
Бражку ковшикомъ пьютъ.

Алексѣй Кольцовъ.

Въ деревнѣ.

Вязили снопы мужики,
А Дарья картофель копала
Съ сосѣднихъ полосъ у рѣки.
Свекровь ея тутъ-же, старушка,
Трудилась; на полномъ мѣшкѣ
Красивая Маша, рѣзвушка,
Сидѣла съ морковью въ рукѣ.
Телѣга, скрыпя, подъѣзжаетъ: —
Савраска глядитъ на своихъ,
И Проклушка крупно шагаетъ
За возомъ сноповъ золотыхъ.
—Богъ-помочь!.. А гдѣ-же Гришуха?—
Отецъ мимоходомъ сказалъ.
«Въ горохахъ» сказала старуха.
— Гришуха! — отецъ закричалъ,
На небо взглянулъ. — Чай не рано?
Испить-бы. — Хозяйка встаетъ,
И Проклу изъ бѣлаго жбана

Напиться кваску подаётъ.
Гришуха между-тѣмъ отозвался:
Горохомъ опутанъ кругомъ,
Проворный мальчуга казался
Бѣгущимъ зеленымъ кустомъ.
—Бѣжитъ!..у!..бѣжитъ пострѣленокъ,
Горитъ подъ ногами трава! —
Гришуха черёнъ, какъ галчонокъ,
Бѣла лишь одна голова;
Крича, подбѣгаетъ въ-присядку,
(На шеѣ горохъ хомутомъ);
Попотчивалъ бабушку, матку,
Сестрёнку, — вертится вьюномъ...
Отъ матери молодцу ласка,
Отецъ мальчугана щипнулъ;
Межъ-тѣмъ не дремалъ и Савраска:
Онъ шею тянулъ да тянулъ,
Добрался, — оскаливши зубы,
Горохъ аппетитно жуётъ,
И въ мягкія, добрыя губы
Гришухино ухо берётъ...
Машутка отцу закричала:
«Возьми меня, тятька, съ собой»
.....
И Проклушка, ставъ на телѣгу,
Машутку съ собой посадилъ.
Вскочилъ и Гришуха съ разбѣгу,
И съ грохотомъ возъ покатилъ.
Воробушковъ стая слетѣла
Съ сноповъ, надъ телѣгой взвилась,
И Дарьюшка долго смотрѣла,
Отъ солнца рукой заслонясь,
Какъ дѣти съ отцомъ приближались
Къ дымящейся ригѣ своей, —
И ей изъ сноповъ улыбались
Румяныя лица дѣтей.

Николай Некрасовъ.

Пѣсня Пахаря.

Ну, тащися, сивка,
Пашней-десятиной!...
Выбѣлимъ желѣво
О сырую землю.
Красавица-зорька
Въ небѣ загорѣлась,
Изъ большого лѣса
Солнышко выходитъ.
Весело на пашнѣ....
Ну, тащися, сивка!
Я самъ-другъ съ тобою
Слуга и хозяинъ....
Весело я лажу
Борону и соху,
Телѣгу готовлю,
Зёрна насыпаю.
Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вѣю...
Ну, тащися, сивка!
Пашенку мы рано
Съ сивкою распашемъ,
Зёрнышку сготовимъ
Колыбель святую.
Его вспоитъ, вскормитъ,
Мать земля сырая:
Выйдетъ въ полѣ травка...
Ну, тащися, сивка!...
Выйдетъ въ полѣ травка,
Выростетъ и колосъ,
Станетъ спѣть, рядиться
Въ золотыя ткани.
Заблеститъ нашъ серпъ здѣсь,
Заблестятъ и косы:
Сладокъ будетъ отдыхъ
На снопахъ тяжолыхъ...
Ну, тащися, сивка!
Накормлю досыта,
Напою водою,
Водой ключевою.
Съ тихою молитвой
Я вспашу, посѣю...
Уроди мнѣ, Боже:
Хлѣбъ — мое богатство!

Алексѣй Кольцовъ.

Въ праздникъ.

(Изъ повѣсти въ стихахъ).

Выходили Новоторжане
Изо всѣхъ воротъ на улицу...
По посаду — народъ, по людямъ — хороводъ;
Что на парняхъ рубашки кумачныя,
Сарафаны на дѣвкахъ строченые;
Да и солнышко-ярышко
Разгорѣлось для праздника;
Пышитъ красное съ полнеба полымемъ
На лѣса, на дубровы дремучія,
На поля, на луга на поёмные,
На Тверцу-рѣку, на городъ,
И на всё, что ни есть православное...
Ай, люли-люли! льётся пѣсенка,
Ай, люли-люли! хороводная: —
Не одно плечо передернуло,
Не одинъ то взоръ притуманило!...
Веселись, народъ, коль весна цвѣтётъ,
Коль въ поляхъ красно, въ закромахъ полно,
Коль съ-заутрень день подъ росой бѣлѣлъ,
Коль по-вечеру вёдро примѣтливо, —
Да и ночь не скупится казною Господнею:
Разсыпаетъ съ-плеча звѣзды ясныя...
Веселись, народъ!

Левъ Мей.

III.

ОБЩЕ-СЛАВЯНСКОЕ.

Вспомнимъ: мы родные братья —
Дѣти матери одной.

Алексѣй Хомяковъ.

О СЛАВЯНАХЪ.

Далеко на западъ и юго-западъ отъ границы Русскаго царства простираются народы, которыхъ рѣчь понятна Русскому, которыхъ предки составляли съ предками Русскихъ одно племя, и большая часть которыхъ исповѣдываютъ нашу Православную вѣру и молятся Богу на томъ же языкѣ, какъ мы. Эти народы — братья Русскихъ и любящіе Русскихъ, какъ братій, называются *Славянами*. Вмѣстѣ съ Русскими, они составляютъ одно Славянское племя. Въ старину всѣ Славяне были однимъ народомъ, а потомъ раздѣлились на *Русскихъ, Болгаръ, Сербовъ, Хорватовъ, Славинцевъ, Словаковъ, Чеховъ, Лужичанъ и Поляковъ;* прежній, общій Славянскій языкъ раздѣлился на столько же нарѣчій, которыя однако всѣ очень похожи одно на другое.

Русскіе, Болгары, Сербы, Хорваты, Славинцы, Словаки, Чехи, Лужичане и Поляки: вотъ сколько Славянскихъ народовъ. Ихъ девять, и только два изъ нихъ, Русскіе и Поляки, живутъ въ предѣлахъ нашего отечества. Стало быть, за-границей есть семь народовъ, которыхъ рѣчь звучитъ какъ наша, и которые зовутъ насъ своими братьями.

Заграничные Славяне не составляютъ особыхъ государствъ, а находятся подъ властію другихъ народовъ — отчасти Нѣмцевъ, отчасти Турокъ. Нѣмцы и Турки господствуютъ и распоряжаются въ ихъ земляхъ.

Изо всѣхъ Нѣмецкихъ государствъ самое большое Австрія: но въ Австріи только восемь милліоновъ Нѣмцевъ, а семнадцать милліоновъ Славянъ. Нѣмцы располагаютъ этими Славянами, какъ имъ выгоднѣе.

Въ Европейской Турціи Турковъ едва насчитаешь одинъ ми
а Славянъ, подвластныхъ имъ, милліоновъ восемь. Иностранцы
дружбы этихъ восьми милліоновъ Славянъ съ нами, потому что
сдѣлалась бы отъ этого еще сильнѣе.

Хорошо бы было однако намъ знать о нихъ: они родные брат
ши. Что же ближе къ человѣку, послѣ собственной своей судьбы
не судьба родныхъ братій? Что же ближе Русскому народу, пос
ственной судьбы, какъ не судьба Славянъ?

Ихъ судьба печальная.

Двадцать-семь слишкомъ милліоновъ Славянъ живутъ подъ
властью, подъ чужими законами, должны учиться на чужомъ
Изъ нихъ семнадцать милліоновъ принадлежатъ, какъ я сказал
стріи, восемь милліоновъ Турціи; остальныя два съ лишнимъ м
приходятся на долю Пруссіи, а 60 тысячъ живутъ въ Саксонско
ролевствѣ. Внѣ Россіи, только 125 тысячъ Славянъ, именно в
ногоріи, сохраняетъ свою независимость.

Въ старину и за-граничные Славянскіе народы составляли о
ныя и независимыя государства. Первая вина ихъ паденія бы
что они дѣйствовали раздѣльно и другъ друга не поддерживали.
даже каждый изъ Славянскихъ народовъ самъ по себѣ былъ пос
раздираемъ несогласіями и распрями; другая вина была та, что о
довольно крѣпко держась своего быта и своихъ природныхъ учреж
заимствовали отъ иностранцевъ многое такое, что противно бы
духу: такъ составились у Чеховъ и Поляковъ учрежденія на по
Нѣмецкія, на половину Славянскія; у Болгаръ и Сербовъ — на по
Славянскія, на половину Греческія.

Слабѣйшіе изъ Славянскихъ народовъ раньше достались ино
нымъ завоевателямъ.

Первые покорены были Нѣмцами *Словинцы* въ Каринтіи, П
и Краинѣ, именно, въ 788 году, то-есть, слишкомъ тысячу лѣт
назадъ. Эти Словинцы живутъ въ горахъ и долинахъ на сѣвер
Адріатическаго Моря, близь Италіи.

Словаки, населяющіе сѣверную Венгрію, покорены были Мады
или Венграми въ 907 году.

Лужичане, которые сами себя называютъ Сербами, хотя ж
далеко на сѣверъ отъ собственныхъ Сербовъ, въ нынѣшнемъ С
скомъ королевствѣ, покорены были Нѣмцами въ 1002 году.

Хорваты, обитающіе на сѣверо-востокъ отъ Адріатическаго
поддались Венгріи въ 1091 году, а потомъ съ нею поддались Ав

Болгары, населяющіе сѣверо-восточную и среднюю часть Ев
ской Турціи, то-есть, собственную Болгарію и большую часть Ру
покорены были Турками въ 1393 году.

Хорваты.

Сербы, занимающіе сѣверо-западную часть Европейской Турціи и сосѣдніе края Австріи, лишены были Турками своей государственной независимости въ 1389 году, и окончательно покорены ими въ 1463 году *), а часть ихъ перешла во владѣнія Австріи 1690 году.

Чехи, жители Богеміи и Моравіи, то-есть, сѣверо-западной части Австрійской имперіи, поддались Австрійскому государю въ 1526 году, но съ тѣмъ, чтобы оставаться при своихъ прежнихъ правахъ и законахъ, а въ 1620 году покорены были Австрійцами и лишены своихъ правъ.

Вездѣ оправдалось слово, сказанное нашимъ Спасителемъ: *Всякое царство, раздѣлившееся на себя, запустѣетъ, и всякій городъ или домъ, раздѣлившійся на себя, не устоитъ* (Матѳ. XIII, 25).

Было время, когда и Русскій народъ «раздѣлился на себя»; тогда онъ достался въ рабство Татарамъ, а частью долженъ былъ подчиниться Литвѣ, иноплеменное иго пробудило въ Русскихъ память о прежнемъ единствѣ и братствѣ и чувство общаго долга: Москва первая возобновила рѣчь о *всей* Русской землѣ, и стала собирать къ себѣ всѣ удѣлы земли Русской.

Въ Сербіи явился, въ 1804 году, *Георгій Черный,* и освободилъ часть своей родины отъ Турокъ. Первымъ дѣломъ освобожденнаго народа было вспомнить, что у него есть братья, одного съ нимъ происхожденія и одной вѣры, и отправить посольство въ Россію — просить союза и покровительства. Четыреста слишкомъ лѣтъ страдала Сербія подъ игомъ Турокъ, но вышла изъ-подъ этого ига чистою и здоровою: вѣра Православная, которая поддерживала Сербовъ во время невзгодъ, укоренилась у нихъ такъ, что ничѣмъ ея не поколеблешь.

Въ то самое время, когда Сербскій народъ начиналъ освобождаться въ Турціи (должно замѣтить однако, что онъ освобождался не весь: Боснія и Герцоговина, населенная также Сербами, остались подъ властію Турокъ, потому что тамъ Мусульманъ очень много, и Христіанамъ двинуться было трудно), въ то самое время, говорю я, и у другихъ Славянъ дѣла пошли къ лучшему.

Всѣ Славянскіе народы, Чехи, Словаки, Словенцы, Хорваты, находились въ такомъ состояніи, что трудно было даже надѣяться на ихъ возрожденіе. Дворянство было у нихъ иностранное — Нѣмецкое или Венгерское; въ городахъ тоже жило болѣе иноземцевъ, нежели Славянъ: Славянскимъ оставался только простой, деревенскій народъ; образован-

*) У Сербовъ, до покоренія ихъ Турками, было въ-старину свое огромное и сильное царство, при славномъ царѣ, *Стефанѣ Душанѣ*; оно, между прочимъ, занимало собою большую часть нынѣшней Европейской Турціи. При царѣ *Лазарѣ,* это царство рушилось въ кровопролитной битвѣ на *Косовомъ полѣ.* — Сербскія и Болгарскія народныя пѣсни любятъ пѣть про сродственника послѣдняго царя Сербскаго Лазаря, именно про сильнаго и могучаго витязя — *Марка Кралевича*, жившаго въ началѣ Турецкой власти надъ Сербіей. Кралевичъ Марко — ихъ любимый богатырь, какъ, на примѣръ, у насъ, Русскихъ, Илья Муромецъ. Ш.

ныхъ и богатыхъ людей между Славянами было весьма мало. Некому было говорить простому Славянскому народу на его языкѣ, некому было его образовывать. Однако нашлись такіе люди, сначала немногіе, а потомъ ихъ число увеличилось. Эти люди были сыновья простыхъ поселянъ, которымъ посчастливилось получить образованіе въ училищахъ, и которые, образуясь и совершенствуясь, не хотѣли забыть своего рода и племени, а, напротивъ, стали употреблять свою науку и образованность къ пользѣ своего народа. Первый былъ *Добровскій,* сынъ Славянскаго простолюдина въ Венгріи, переселившійся къ Чехамъ, въ Прагу. Онъ первый поставилъ на видъ всѣмъ Славянамъ, что у нихъ у всѣхъ языкъ одинъ и тотъ же, и что, стало быть, они всѣ одно племя. Онъ сказалъ Чехамъ и прочимъ Славянамъ, что всѣмъ имъ нужно знать этотъ языкъ, какъ древнѣйшій и коренной, чтобы разъяснить каждое Славянское нарѣчіе.

Градчинъ въ Прагѣ, Чешской столицѣ.

Затѣмъ между Чехами явились также изъ простонародья великіе ученые и писатели; они ввели въ честь свой родной языкъ, прежде забытый, вызвали въ Чешскомъ народѣ память о его Славянскомъ происхожденіи, братствѣ съ другими Славянами, о минувшей славѣ, и возбудили въ немъ желаніе стряхнуть съ себя сонъ, навѣянный на него Австріею. Эти люди были: *Шафарикъ, Ганка, Юнгманъ, Палацкій* и другіе.

Между Словаками тотъ же подвигъ совершали покойные, *Коларъ,* и *Штуръ,* между Словенцами и Хорватами *Станко, Вразъ, Прешерингъ* (уже умершіе), *Кукулевичъ, Сакцинскій* и другіе.

Имена этихъ людей должны быть произносимы Русскими съ глубокимъ уваженіемъ, ибо ихъ труды воскрешаютъ духовную жизнь въ братьяхъ нашихъ.

Въ то же время и Сербы, подвластные Австріи, приняли участіе въ духовномъ пробужденіи Славянскихъ народовъ, и Русскіе, то-есть, Малороссіяне, въ Галиціи и сѣверо-восточной Венгріи, также подданные Австріи, стали вспоминать о своемъ родѣ-племени, читать Русскія книги, писать по-русски и чувствовать себя опять Русскими людьми.

Гдѣ лучше Славянамъ — въ Турціи или въ Австріи *)? Спросите у Славянина Турецкаго, и онъ вамъ отвѣтитъ, что въ Австріи лучше: «тамъ, по крайней мѣрѣ, скажетъ онъ, правительство устроенное, есть судъ и расправа; тамъ человѣка не подстрѣлятъ на дорогѣ, не придутъ безнаказанно его ограбить и обезчестить его жену и дочь». Спросите у Австрійскаго Славянина, и онъ вамъ отвѣтитъ: «нѣтъ, въ Турціи гораздо лучше, чѣмъ у насъ; правда, тамъ владычествуютъ Турки-варвары, и, если имъ вздумается, они человѣка убьютъ, ограбятъ, опозорятъ, и дѣло съ концемъ; но вѣдь не со всякимъ это случается; это какъ молнія, которая упадаетъ на одного, а другихъ не тронетъ; за то у насъ, въ Австріи, всякаго Славянина притѣсняютъ, хотя вѣжливо, но больно мѣшаютъ ему во всемъ, держатъ его *подъ надзоромъ, передѣлываютъ въ Нѣмца*.

Теперь въ Турціи случаи звѣрскаго свирѣпства противъ Славянъ-Христіанъ рѣже, чѣмъ были прежде, но и такіе случаи бываютъ. Напримѣръ, Туркамъ не понравился учитель Православной школы въ селѣ Обудовцѣ въ Босніи, по имени Иванъ Жувалевичъ; они убили его на порогѣ церкви, бросили его тѣло въ грязное мѣсто, поставили передъ нимъ свѣчу, разложили книгу и, стрѣляя въ тѣло изъ ружей, какъ въ мишень, приговаривали: «ну-ка, читай теперь!» Убійцы остались безнаказанными.

Это доказываетъ, что старинная дикость Турецкая не совсѣмъ изчезла; а съ другой стороны, научившись хитрить и лукавить, Турки стали угнетать Христіанскіе народы утонченнѣе и больнѣе прежняго. Они обѣщаютъ имъ покровительство закона и разныя улучшенія, — и что́ же выходитъ? Прежде Христіане носили оружіе и защищались имъ отъ насилія и самоуправства Мусульманъ; теперь Турки сказали, что насилія и самоуправства не будетъ, стало быть Христіанамъ оружія не нужно, и отобрали у нихъ всё оружіе, а Мусульманамъ его оставили: вооруженный Мусульманинъ можетъ теперь дѣлать что угодно съ безоружнымъ Христіаниномъ, и суда на него нѣтъ. Выдумали мно-

*) Въ 1861 году Австрійское правительство дало новыя льготы и права Славянамъ, какъ и другимъ своимъ народамъ; но это, кажется, мало ихъ удовлетворяетъ. *Ш.*

жество новыхъ поборовъ, и Христіане-земледѣльцы, прежде бывшіе богатыми, сдѣлались теперь въ Турціи нищими.

Таково нынѣ состояніе Христіанскихъ народовъ, Болгаръ и Сербовъ, подъ Турецкимъ владычествомъ (я разумѣю Сербовъ въ Босніи и Герцоговинѣ, гдѣ они вполнѣ подвластны Туркамъ, а не въ Сербскомъ Княжествѣ, гдѣ у нихъ свои законы, свое управленіе, свой князь, и гдѣ народъ отлично успѣваетъ). При всемъ томъ, и въ этихъ Славянскихъ народахъ духъ пробуждается, особенно у Болгаръ: Болгаре заводятъ школы, стараются просвѣтиться, начинаютъ читать и писать книги, вспоминаютъ свою старину, вспоминаютъ, что они народъ Славянскій, который *не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ*. Изъ Сербскихъ земель, вполнѣ подвластныхъ Туркамъ, оживаетъ Герцоговина, сосѣдняя съ независимыми и храбрыми *Черногорцами* *), а въ Босніи, которая особенно угнетена, и гдѣ всего больше Славянъ-отступниковъ, перешедшихъ въ Мусульманскую вѣру, пробужденіе начинается; но и за Боснію нечего отчаяваться, потому что Богъ милостивъ.

Александръ Гильфердингъ.

КИРИЛЛЪ И МЕѲОДІЙ,

просвѣтители Славянъ Христіанскою вѣрою и переводчики книгъ Священнаго Писанія съ Греческаго на Славянскій языкъ.

Изъ «Несторовой Лѣтописи».

Бѣ единъ языкъ Словенескъ: Словене же сѣдяху по Дунаевѣ,—ихже преяша Угре [1]), — и Морава, и Чеси, и Ляхове [2]), и Поляне, яже нынѣ зовомая Русь. Симъ бо перьвое преложена книга въ Моравѣ, яже прозвася грамота Словенская, яже грамота есть въ Руси. И въ Болгарѣхъ Дунайскихъ Словеномъ, живущимъ крещенымъ, и княземъ ихъ, Ростиславу, и Святополку, и Коцелу, послаша ко царю Михаилу [3]), глаголюще: «Земля наша крещена, и нѣсть учителя, иже бы наказалъ насъ и поучилъ насъ, и протолковалъ святыя книги: не разумѣемъ ни Греческу языку, ни Латинску; ѿни бо ны инако учатъ, а ѿни инако. Тѣмъ же не разумѣемъ книжнаго ѿбраза, ни силы ихъ. Да послете ны учителя, иже намъ можетъ сказати книжная словеса и разумъ ихъ». Се слышавъ царь Михаилъ, созва философы вся, и сказа имъ рѣчь Словенскихъ князь. И рѣша философи: «Есть мужъ въ Селуни [4]), именемъ

---

*) *Черногорцы* — народъ Сербскаго племени. Населяютъ они *Черную Гору*. Главный ихъ столичный городокъ называется *Цетинье*. Черногорцы — самый воинственный и храбрѣйшій народъ. Они никогда не покорялись Туркамъ, постоянно воевали и воюютъ съ ними за свою независимость. Ихъ воеводами были митрополиты, *владыки*, изъ рода Петровичей. Теперь же у нихъ *князь* изъ того же рода, но только уже мірское, а не духовное лицо. *Щ.*

Левъ, и есть у него сынове разумиви Словенску языку и хитра два сына у него философа». Слышавъ царь, посла по ня въ Селунь ко Львови, глаголя:—Посли къ намъ сына своя, Меѳодья и Констянтина.— Се слышавъ Левъ, вскорѣ посла я, и пріидоста ко царю, и рече имъ: «Се присла ко мнѣ Словенская земля, просяще учителя собѣ, иже моглъ бы имъ протолковати святыя книги; сего бо желаютъ». И умолена бысть царемъ, и поидоша въ Словенску землю къ Ростиславу и Святополку, и Коцелу. Сима же пришедшима, начаста составливати письмена азбуковная Словенски, и преложиста Апостолъ и Евангеліе, — и ради быша Словене, яко слышаша величіе Божье своимъ языкомъ. По семъ же преложиша Псалтырь и Октаикъ, и прочія книги.....

.... Костянтинъ же возвратися вспять, и иде учити Болгарска языка; а Меѳодій оста въ Моравѣ. По семъ же Коцелъ князь постави Меѳодія Епископа въ Паннонiи [5]), на столѣ святого Андроника Апостола, единаго отъ семидесяти ученикъ святого апостола Павла. Меѳодій же посади два попа борзописца зѣло, и преложиста вся книга, исполнь отъ Греческаго языка во Словенескъ, *въ шесть мѣсяцъ*, наченше отъ Марта мѣсяца до 12 Октября мѣсяца. Окончавъ же, достойну хвалу Богу воздаде, дающу такую благодать Епископу Меѳодію, настольнику Андроникову.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Константинъ философъ, принявшій въ монашествѣ имя *Кирилла*, уроженецъ города Селуни, что въ области Македоніи, принадлежавшей тогда Греческой Имперіи, а нынѣ находящейся въ Турціи, посвятилъ себя проповѣдыванію вѣры Христовой у Славянъ *на ихъ родномъ языкѣ*, для чего онъ составилъ въ 862 году особую Славянскую азбуку изъ азбуки Греческой, дополнивъ ее особыми буквами, которыхъ не было въ азбукѣ Греческой, и перевелъ книги Священнаго Писанія и церковныя книги съ Греческаго на Славянскій языкъ. Совершивъ этотъ трудъ, Кириллъ явился въ Моравіи, какъ проповѣдникъ Слова Божія, гдѣ братъ его Меѳодій былъ архіепископомъ. Кириллъ умеръ въ 869 году, а Меѳодій—въ 885-мъ.—Имя Кирилла и Меѳодія свято и дорого каждому Славянину, и *церковь причислила ихъ къ лику святыхъ*.

[1]) *Угры*—Нынѣшніе Венгры, королевство которыхъ принадлежитъ Австріи.

[2]) *Морава* или *Моравія*, Славянская земля, сосѣдняя съ *Чехіею*, лежащая по рѣкѣ Моравѣ, впадающей въ Дунай, и по Дунаю, этой Славянской рѣкѣ, вдоль которой разселились Славянскія племена. Всё это въ настоящее время, входитъ въ составъ Австрійской Имперіи.

Моравы и *Чехи*—самыя близкія между собою Славянскія племена. *Ляхи*—Поляки.

[3]) Михаилъ, царь Греческой или Византійской Имперіи.

[4]) *Селунь*, называемый теперь *Салоники*, Греко-Славянскій городъ въ Турціи, лежащій при морѣ. Отъ него неподалеку находится святая Гора Аѳонская.

[5]) *Паннонія*—такъ въ-старину называлась *Венгрія*, принадлежащая теперь Австріи.

Щ.

ТУРКИ ВЪ БОСНІИ. [1])

(Мѣстѣ изъ «Лѣтописи», написанной дѣвицею Стакою Скендеровою.)

Стака Скендерова, дочь небогатаго торговца, переселившагося въ Сараево изъ Прѣполя (въ Герцоговинѣ); она еще въ дѣтствѣ почувствовала особенную склонность къ книжному ученію, и, не смотря на то, что грамотность считается въ Босніи совершенно ненужною для женскаго пола, ознакомилась съ церковными книгами (единственнымъ въ этой странѣ предметомъ чтенія) лучше всякаго Босняцкаго священника. Въ дѣтствѣ отецъ одѣвалъ её въ мужское платье, какъ часто тамъ дѣлаютъ и Христіане, и Мусульмане съ своими малолѣтними дочерьми. Стака Скендерова мужскаго платья уже не сняла: это было знакомъ отреченія отъ замужества. Мужское платье освобождало её отъ затворничества въ кругу хозяйства, доставляло ей незазорный доступъ въ общество мужчинъ и, странно сказать, въ церковь (ибо въ Босніи дѣвушки и молодыя женщины посѣщаютъ Богослуженіе только во время говѣнія и иногда въ самые большіе праздники, а въ другіе дни ходить въ церковь почитается для нихъ неприличнымъ), но въ тоже время оно налагало на неё обязанности и къ церкви, и къ народу, которыхъ не носитъ обыкновенная Боснійская женщина. Стака Скендерова живетъ въ мірѣ, но почитаетъ себя монахинею, и была бы въ монастырѣ, если бы находился въ Босніи женскій монастырь. Еще молодою дѣвушкою, она нѣкоторое время читала въ церкви Апостолъ, потому-что Сербскій обычай возлагаетъ эту должность не на взрослаго человѣка, какъ у насъ, а на юношу; грамотнаго же юноши въ ту пору не было въ Сараевѣ между Православными. Страшная участь ея брата, который (въ 1841 году) былъ подвергнутъ Мусульманами неслыханнымъ истязаніямъ, и потомъ въ продолженіи двухъ лѣтъ до своей смерти оставался безпомощнымъ калѣкою на попеченіи сестры, еще болѣе усилила въ ней желаніе посвятиться Богу. Безукоризненное ея поведеніе и готовность помогать Христіанамъ во всякомъ народномъ дѣлѣ доставили ей большое уваженіе между Православными поселянами всѣхъ краевъ Босніи, которые часто обращаются къ ней съ своими жалобами и просятъ ея совѣтовъ. Имѣя доступъ и въ гаремы [2]), и въ мужскіе покои Турецкихъ домовъ, и выучившись говорить по-турецки, она не разъ заступалась съ успѣхомъ за своихъ единовѣрцевъ. Между этими единовѣрцами вся ея любовь, разумѣется, принадлежитъ бѣдному, страждущему сельскому народу, а не тому корыстолюбивому сословію городскихъ жителей, торговцевъ, которые стоятъ на сторонѣ Турокъ. Главнымъ желаніемъ, главною цѣлью жизни Стаки Скендеровой было основаніе въ Сараевѣ дѣвичьей школы, для того, чтобы положить начало образованію женскаго пола въ Православномъ населеніи Босніи. Это желаніе теперь достигнуто помощью одной благодѣтельницы, и Стака Скендерова въ настоящее время занимается своею новооткрытою школою.

Александръ Гильфердингъ.

---

[1]) *Боснія* и *Герцоговина* — Славянскія области, подвластныя Туркамъ. Онѣ управляются пашами, назначаемыми Турецкимъ султаномъ. Боснію и Герцоговину населяетъ Сербское племя и Турки. Многія семьи изъ Сербовъ въ старину потурчились и сдѣлались вмѣстѣ съ Турками владычествующимъ населеніемъ въ этихъ областяхъ. Остальная и самая большая часть Сербовъ исповѣдуютъ Православную Христіанскую вѣру. Въ Босніи главный городъ *Сараево*, а въ Герцоговинѣ *Мостаръ*.

[2]) *Гаремъ* — женская половина въ домахъ богатыхъ или знатныхъ Магометанъ. *Щ.*

Изъ «Сказанія» Стаки Скендеровой.

(Переводъ съ Сербскаго.)

1.

.... Махмудъ-паша управлялъ Босніею 15 мѣсяцевъ; за тѣмъ пришло извѣстіе, что онъ отозванъ изъ Босніи и назначенъ въ Янину, гдѣ возникъ мятежъ. Онъ собралъ войско и отправился туда, а Боснія осталась невполнѣ устроенною. Но нѣкоторые люди между Босняками торжественно обѣщали пашѣ, что всё будетъ сдѣлано по волѣ султана, что они всё приведутъ въ порядокъ. Между этими людьми главные были: Фазли Шерифовичъ и Мустафа Бабичъ. Махмудъ-паша написалъ въ Стамбулъ [1]) о томъ, какъ они обѣщались устроить всё по волѣ султана, и отлично отозвался объ этихъ двоихъ. Въ-слѣдствіе того Фазли Шерифовичу и Мустафѣ Бабичу дана была такая власть, что дѣла проходили чрезъ ихъ руки, и они всѣмъ распоряжались.

2.

.... Въ теченіе полутора года Шерифовичъ предалъ смерти 77 Христіанъ, совершенно невинныхъ; а тѣмъ, за которыми была какая нибудь вина, и счету нѣтъ. Изъ этихъ жертвъ мы приведемъ нѣкоторыя по имени, какъ-то: Нешу Маринковича изъ села Висоевицы, Іована Глевоня изъ села Мокраго, Петру Младеновича изъ-за Требевича [2]). Этотъ Петръ былъ единый сынъ у матери; ему было семнадцать лѣтъ. Онъ пригналъ въ Сараево на продажу одинъ или два вьюка сѣна, чтобы купить то, что было ему нужно. Несчастіе привело его пройдти мимо дома Шерифовича. Шерифовичъ увидалъ его изъ окна и тотчасъ сказалъ своимъ слугамъ: «поведите этого человѣка и повѣсьте». Они его повели и повѣсили. Пришла его мать, оставшаяся безъ кормильца. Она окуталась въ черное покрывало, оплакивала, горемычная, сына, и рыдая спрашивала на базарѣ: — а въ чемъ провинился мой сынъ? — Горемычная била себя камнемъ въ грудь, и мало людей, видя её, могли удержаться отъ слёзъ; жалѣли ея сына и Турки, и Христіане, но отъ сожалѣній уже не было пользы: несчастная мать впала въ безуміе.

3.

.... Во время управленія Даудъ-паши, Фазли Ширифовичъ выдумывалъ всякія неправды. Онъ страшно раззорялъ Жидовъ, чему въ особенности подала поводъ одна Турчанка, жена ремесленника, занимавшагося издѣліемъ трубокъ. Она шла въ базарный день мимо «чифутъ-хане» (Жидовскаго базара), и её повалила на-земь лошадь, навьюченная дро-

[1]) *Стамбуломъ*, по-турецки, называется Константинополь, столица Турецкаго Султана.
[2]) *Требовичъ* — гора надъ Сараевомъ.

вами. Турки бросились къ ней и подъучили ее кричать, что ее повалили Жиды и хотѣли убить. Турки тотчасъ пошли жаловаться Шерифовичу, и онъ далъ имъ разрѣшеніе наказать Жидовъ — бить ихъ, грабить, сколько угодно. Турки бросились на Жидовъ, и стали грабить ихъ сколько могли. Фазли посадилъ въ тюрьму значительнѣйшихъ между ними и грозилъ, что ихъ повѣситъ. Жиды, народъ трусливый, обѣщали заплатить огромныя деньги, и когда деньги были заплачены, ихъ выпустили.

Вскорѣ послѣ того Даудъ-паша былъ отозванъ, и въ Боснію прибылъ Веджидъ-паша. Онъ, по примѣру своего предшественника, предоставилъ дѣла Фазли Шерифовичу и Мустафѣ Бабичу. Во время его управленія эти двое выдумывали всякія неправды, вымышляли разные новые поборы для своего обогащенія. Изъ ихъ головы выходило всё управленіе Сараевомъ и цѣлою Босніею. Но когда Мустафа Бабичъ выдумывалъ одно неправедное дѣло, то Фазли Шерифовичъ выдумывалъ двадцать одно. Этотъ Фазли былъ свирѣпая змѣя; вѣшать и рубить головы онъ ужь не смѣлъ, такъ онъ за то мучилъ людей разными пытками: заковывалъ Христіанъ въ колодки и приказывалъ держать ихъ такимъ образомъ въ водѣ по брюхо, билъ ихъ палками и кнутомъ и выжималъ послѣднія деньги. Они вздумали наложить на Христіанъ *вынчаницу:* когда Христіанинъ хотѣлъ жениться, онъ долженъ былъ брать отъ нихъ письменное позволеніе и платить за то деньги. Прежде давали два-три піастра; но эти господа на піастры и смотрѣть не хотѣли, а подавай имъ червонцы. Іово Неимаревичъ прибылъ изъ Бѣлграда въ Сараево, и случилось, что онъ тутъ женился: въ то время управлялъ въ Сараевѣ Мустафа Бабичъ, и онъ взялъ съ Неимаревича 50 червонцевъ за позволеніе; такъ дѣлали со всякимъ, обирали, какъ только могли.

Мустафа Бабичъ и Фазли Шерифовичъ были пожалованы оба пашами во время Ведшидъ-паши, въ 1840 году. Изъ нихъ то тотъ, то другой всегда пребывалъ въ Сараевѣ, какъ начальникъ; они здѣсь безпрестанно чередовались; другой же временно поселялся то въ Градашцѣ, то въ Банялукѣ, то у визиря въ Травникѣ, когда визирь тамъ находился. — Во время Веджидъ-паши, было приказано, чтобы Христіане пришивали для различія отъ Мусульманъ, темнаго цвѣта кусокъ сукна къ своему фесу или замѣняли темною шапкою, въ родѣ тѣхъ, какія носятъ у насъ попы. Какая тому была причина? — Чтобы Турки имѣли случай чаще бить Христіанъ или разорять пенями: если кто-нибудь забывалъ сообразоваться съ этимъ правиломъ и, можетъ быть, даже не слышалъ о немъ, то его сажали въ тюрьму, и онъ долженъ былъ положить свою голову или свои деньги. Во время Веджидъ-паши, Жиды заплатили много по случаю какого-то Турка, бакалейнаго торговца, по прозванію Чаушъ, который вдругъ исчезъ: сказали, что тѣло его нашлось у Жидовъ, и что Жиды его задушили. Богъ знаетъ, правда ли

это или нѣтъ; но многихъ Жидовъ били и заставили заплатить множество денегъ. Что эти два паши, Шерефовичъ и Бабичъ, дѣлали по случаю харача (поголовной подати)! Они брали его и со стариковъ, и съ дѣтей, которымъ не было и шести лѣтъ, и съ слѣпыхъ, и съ калѣкъ; многихъ заставляли платить харачъ по два раза въ годъ. А когда Фазли-паша, бывало, пошлетъ Феизъ-агу Клемпо собирать харачъ по деревнямъ, то этотъ человѣкъ бралъ харачъ и съ неродившагося еще дитяти; видя беременную женщину, онъ говорилъ: «можетъ быть, родится мальчикъ, такъ мнѣ надобно взять съ него харачъ.» Рѣшительно нѣтъ возможности описать всю неправду и всѣ незаконные поборы этихъ двухъ пашей, Фазли и Мустафы, и ихъ служителей; развѣ тотъ не былъ ими ограбленъ, у котораго за душою ничего не было.

4.

Фазли-паша, получивъ въ управленіе городъ Сараево, сталъ дѣйствовать, какъ закоренѣлый врагъ Христіанъ. Онъ дѣлалъ имъ всякое зло, и наконецъ принялся жарить ихъ на огнѣ. Былъ одинъ молодой человѣкъ, Іованъ Петровичъ, по прозванію Скендеровичъ [1]). Онъ былъ очень красивъ собою и прекрасно учился: онъ выучился читать въ книгахъ, писать, и толковать всякія книги, объяснять съ Славянскаго по Сербски; онъ умѣлъ дѣлать часы, — еще въ дѣтствѣ ходилъ въ Бѣлградъ. Онъ умѣлъ говорить по Турецки, выучился ремеслу мѣховщика, работалъ по этому ремеслу, и получалъ хорошія деньги. Какъ юноша, онъ имѣлъ товарищей, ходилъ съ ними по праздникамъ въ кофейни, и выучился тамъ еще искусству — играть на тамбурѣ [2]), на скрипкѣ, на дудкахъ всякаго рода, и пѣть также хорошо, какъ дѣвушка. Онъ выучился всему легко, потому что былъ понятливъ. Онъ не былъ ни у кого въ услуженіи. — Напротивъ Ташлихана (имя одного постоялаго двора въ Сараевѣ) находился питейный домъ, который содержала одна женщина, по прозванію Чебеджинка: у нея была дочь Савка, необыкновенная красавица, какой не было во всей Босніи. Весь народъ сходилъ съ ума по ней: съ ума сходили и Турки, и Христіане, но Христіане не смѣли подступиться къ ней изъ страха передъ Турками, кромѣ молодого Іована Петровича. Въ него она влюбилась чрезвычайно, и за то Турки стали ему завидовать и искать противъ него обвиненія, но не находили ничего. Въ концѣ сыропустной недѣли, передъ самымъ заговѣньемъ, этотъ юноша пошелъ домой и возвратился во время захожденія солнца; онъ испилъ немного вина и прислонился въ углу подремать. Въ 2 часа послѣ солнечнаго заката одинъ Турокъ, Мустафа Аблагичъ, уговорившись съ товарищами, которые его немного ранили и разорвали

[1]) Братъ сочинительницы этой лѣтописи.
[2]) Родъ балалайки.

вами. Турки бросились къ ней и подъучили ее кричать, что ее повалили Жиды и хотѣли убить. Турки тотчасъ пошли жаловаться Шерифовичу, и онъ далъ имъ разрѣшеніе наказать Жидовъ—бить ихъ, грабить, сколько угодно. Турки бросились на Жидовъ, и стали грабить ихъ сколько могли. Фазли посадилъ въ тюрьму значительнѣйшихъ между ними и грозилъ, что ихъ повѣситъ. Жиды, народъ трусливый, обѣщали заплатить огромныя деньги, и когда деньги были заплачены, ихъ выпустили.

Вскорѣ послѣ того Даудъ-паша былъ отозванъ, и въ Боснію прибылъ Веджидъ-паша. Онъ, по примѣру своего предшественника, предоставилъ дѣла Фазли Шерифовичу и Мустафѣ Бабичу. Во время его управленія эти двое выдумывали всякія неправды, вымышляли разные новые поборы для своего обогащенія. Изъ ихъ головы выходило всё управленіе Сараевомъ и цѣлою Босніею. Но когда Мустафа Бабичъ выдумывалъ одно неправедное дѣло, то Фазли Шерифовичъ выдумывалъ двадцать одно. Этотъ Фазли былъ свирѣпая змѣя; вѣшать и рубить головы онъ ужь не смѣлъ, такъ онъ за то мучилъ людей разными пытками: заковывалъ Христіанъ въ колодки и приказывалъ держать ихъ такимъ образомъ въ водѣ по брюхо, билъ ихъ палками и кнутомъ и выжималъ послѣднія деньги. Они вздумали наложить на Христіанъ *вѣнчаницу:* когда Христіанинъ хотѣлъ жениться, онъ долженъ былъ брать отъ нихъ письменное позволеніе и платить за то деньги. Прежде давали два-три піастра; но эти господа на піастры и смотрѣть не хотѣли, а подавай имъ червонцы. Іово Неимаревичъ прибылъ изъ Бѣлграда въ Сараево, и случилось, что онъ тутъ женился: въ то время управлялъ въ Сараевѣ Мустафа Бабичъ, и онъ взялъ съ Неимаревича 50 червонцевъ за позволеніе; такъ дѣлали со всякимъ, обирали, какъ только могли.

Мустафа Бабичъ и Фазли Шерифовичъ были пожалованы оба пашами во время Веджидъ-паши, въ 1840 году. Изъ нихъ то тотъ, то другой всегда пребывалъ въ Сараевѣ, какъ начальникъ; они здѣсь безпрестанно чередовались; другой же временно поселялся то въ Градашцѣ, то въ Банялукѣ, то у визиря въ Травникѣ, когда визирь тамъ находился.—Во время Веджидъ-паши, было приказано, чтобы Христіане пришивали для различія отъ Мусульманъ, темнаго цвѣта кусокъ сукна къ своему фесу или замѣняли темною шапкою, въ родѣ тѣхъ, какія носятъ у насъ попы. Какая тому была причина?—Чтобы Турки имѣли случай чаще бить Христіанъ или разорить пенями: если кто-нибудь забывалъ сообразоваться съ этимъ правиломъ и, можетъ быть, даже не слышалъ о немъ, то его сажали въ тюрьму, и онъ долженъ былъ положить свою голову или свои деньги. Во время Веджидъ-паши, Жиды заплатили много по случаю какого-то Турка, бакалейнаго торговца, по прозванію Чаушъ, который вдругъ исчезъ: сказали, что тѣло его нашлось у Жидовъ, и что Жиды его задушили. Богъ знаетъ, правда ли

это или нѣтъ; но многихъ Жидовъ били и заставили заплатить множество денегъ. Что эти два паши, Шерефовичъ и Бабичъ, дѣлали по случаю харача (поголовной подати)! Они брали его и со стариковъ, и съ дѣтей, которымъ не было и шести лѣтъ, и съ слѣпыхъ, и съ калѣкъ; многихъ заставляли платить харачъ по два раза въ годъ. А когда Фазли-паша, бывало, пошлетъ Феизъ-агу Клемпо собирать харачъ по деревнямъ, то этотъ человѣкъ бралъ харачъ и съ неродившагося еще дитяти; видя беременную женщину, онъ говорилъ: «можетъ быть, родится мальчикъ, такъ мнѣ надобно взять съ него харачъ.» Рѣшительно нѣтъ возможности описать всю неправду и всѣ незаконные поборы этихъ двухъ пашей, Фазли и Мустафы, и ихъ служителей; развѣ тотъ не былъ ими ограбленъ, у котораго за душою ничего не было.

4.

... Фазли-паша, получивъ въ управленіе городъ Сараево, сталъ дѣйствовать, какъ закоренѣлый врагъ Христіанъ. Онъ дѣлалъ имъ всякое зло, и наконецъ принялся жарить ихъ на огнѣ. Былъ одинъ молодой человѣкъ, Іованъ Петровичъ, по прозванію Скендеровичъ [1]). Онъ былъ очень красивъ собою и прекрасно учился: онъ выучился читать въ книгахъ, писать, и толковать всякія книги, объяснять съ Славянскаго по Сербски; онъ умѣлъ дѣлать часы, — еще въ дѣтствѣ ходилъ въ Бѣлградъ. Онъ умѣлъ говорить по Турецки, выучился ремеслу мѣховщика, работалъ по этому ремеслу, и получалъ хорошія деньги. Какъ юноша, онъ имѣлъ товарищей, ходилъ съ ними по праздникамъ въ кофейни, и выучился тамъ еще искусству — играть на тамбурѣ [2]), на скрипкѣ, на дудкахъ всякаго рода, и пѣть также хорошо, какъ дѣвушка. Онъ выучился всему легко, потому что былъ понятливъ. Онъ не былъ ни у кого въ услуженіи. — Напротивъ Ташлихана (имя одного постоялаго двора въ Сараевѣ) находился питейный домъ, который содержала одна женщина, по прозванію Чебеджинка: у нея была дочь Савка, необыкновенная красавица, какой не было во всей Босніи. Весь народъ сходилъ съ ума по ней: съ ума сходили и Турки, и Христіане, но Христіане не смѣли подступиться къ ней изъ страха передъ Турками, кромѣ молодого Іована Петровича. Въ него она влюбилась чрезвычайно, и за то Турки стали ему завидовать и искать противъ него обвиненія, но не находили ничего. Въ концѣ сыропустной недѣли, передъ самымъ заговѣньемъ, этотъ юноша пошелъ домой и возвратился во время захожденія солнца; онъ испилъ немного вина и прислонился въ углу подремать. Въ 2 часа послѣ солнечнаго заката одинъ Турокъ, Мустафа Аблагичъ, уговорившись съ товарищами, которые его немного ранили и разорвали

[1]) Братъ сочинительницы этой лѣтописи.
[2]) Родъ балалайки.

на немъ платье, отправился прямо къ Фазли-пашѣ и сталъ ему говорить такъ: «на вароши [1]) я пришелъ къ фонтану, чтобы совершить Турецкую молитву, какъ подошелъ этотъ «влашенокъ» [2]), Іованъ Скендеровичъ и ударилъ меня ножемъ въ спину, разорвалъ мнѣ ножемъ одежду. Рана не велика, бѣды нѣтъ; онъ мнѣ пріятель, я на него не жалуюсь: но говорю вамъ только, что дѣлаютъ Влахи». Фазли-паша тотчасъ распорядился, отправилъ за Іованомъ полицейскаго, призвалъ къ себѣ Іована, и говоритъ ему сердито: «Ты ли тотъ человѣкъ, что пыряетъ Турковъ ножемъ»? А Іованъ отвѣчаетъ ему на это: «нѣтъ, паша, это не я, повѣрь мнѣ. Всѣ сосѣди видѣли, что, когда я пришелъ домой и остался тамъ, еще было свѣтло на улицѣ». А паша уже напился ракіи [3]), не понимаетъ ничего, что ему говорятъ; по бородѣ текутъ у него слюни, и онъ говоритъ Іовану: «Ты хорошъ собою, ты молодъ и славный парень,—жалко, если умрешь! Потурчися и поступи ко мнѣ: я позволю тебѣ всё — дѣлай, что тебѣ угодно, трать деньги, сколько угодно»! А Іованъ отвѣчаетъ ему на это: «больше у меня денегъ, нежели дѣтей [4]); всё у меня есть, что угодно, я доволенъ — на здоровье царю [5])». Паша приказалъ своимъ людямъ: «отведите его и постращайте, и хорошенько его испытайте». Собралось двѣнадцать человѣкъ: по шести стали съ каждой стороны, связали ему руки назадъ, — такъ легко притянули, что обѣ лопатки у него сошлися, а грудь выскочила впередъ. Тогда повалили его на-земь, развели огонь изъ уголья, наложили много уголья — слишкомъ пятьдесятъ окъ [6]): въ этомъ огнѣ и грѣютъ желѣзо и мѣдныя вѣсовыя гири. Когда онѣ засіяли, какъ живой огонь, ихъ кладутъ Іовану подъ мышки: снимутъ одну, положатъ опять другую. И еще раскалили другіе куски желѣза, клали Іовану на сердце, — мучили его два часа съ половиною... Двѣнадцать парней мучатъ Іована, кладутъ на него раскаленное желѣзо, прыгаютъ ему на грудь въ сапогахъ и шпорахъ: ребра у него переломились. Сколько было въ тюрьмѣ колодниковъ — всѣ въ тотъ вечеръ заживо помирали, глядя на великую муку Іованову и на его превеликое истязаніе. За тѣмъ оковали его въ цѣпи. Настало утро понедѣльника. Сродники Іовановы собрались къ нему, горюютъ, плачутъ, но проку нѣтъ. По Сараеву разнеслась вѣсть: кто не видѣлъ самъ, не хочетъ вѣрить; дивились и Турки, и Христіане, что приключилася такая бѣда, ибо ничего подобного никто не помнилъ. Дивился Сараевскій муфій [7]), дивился и говорилъ: «это не до-

[1]) Такъ называется торговая часть въ Сербскихъ городахъ.
[2]) *Влахъ* — Христіанинъ.
[3]) Водки.
[4]) То-есть: дѣтей у меня нѣтъ, такъ о деньгахъ нечего заботиться.
[5]) То-есть, султану Турецкому.
[6]) *Окъ* — три фунта.
[7]) Первосвященникъ, начальствующій надъ тамошнимъ Магометанскимъ духовенствомъ.

Черногорецъ.

пускаетъ никакой законъ, чтобы можно было жечь человѣка. Это люди хуже Жидовъ». Къ Фазли-пашѣ явился его капу-кяя, и вмѣстѣ они отправились въ Травникъ, и кехаѣ (дѣлопроизводителю) своему паша приказалъ: «того—спаленнаго пусть отнесутъ домой». Но кехая его не отдалъ роднымъ, пока не прошло сорока дней. Всевозможныхъ страданій натерпѣлся Іованъ; мать съ нимъ спала на каменномъ полу, и она, несчастная, натерпѣлась также горя, получила болѣзнь въ сердцѣ. А съ Іованомъ дѣялись великія чудеса. Ничего не бралъ онъ въ ротъ, кромѣ немножко водки и воды: этимъ онъ жилъ сорокъ дней. Спаленные куски тѣла у него сошли и отвалились. Тяжело сдѣлалось его матери, она стала горевать и плакать, а кехая Абудулла-ефенди-Узунія началъ стращать ее: «если этотъ человѣкъ умретъ, знайте, вамъ будетъ въ злой часъ (то-есть, на бѣду вашу)». Онъ прислалъ Жида-лѣкаря, чтобы сдѣлать Іовану *визитъ;* а лѣкарь говоритъ кехаѣ: «тотъ молодой человѣкъ не можетъ остаться живъ; не знаю, что будетъ съ нимъ до завтра». Тогда кехая говоритъ матери: «дайте нѣсколько денегъ истцу (то есть, Мустафѣ Аблагичу), и возьмите больного, несите домой». Для того-то и держали его столько времени, чтобы сорвать какія нибудь деньги. Отецъ и мать Іована отвѣчаютъ, что у нихъ нѣтъ денегъ, а кехая опять говоритъ имъ: «ну такъ я вамъ отдамъ его на поруки, а вы продайте что-либо изъ дому и доставьте сколько нибудь денегъ». Дали позволеніе и отнесли его въ домъ. Болѣлъ онъ два года [1]; много истратили на лѣкарства, наконецъ продали и домъ, а деньги дали на лѣкарства для больнаго. Онъ остался живъ, но прожилъ эти два года калѣкою, не могъ ничего дѣлать. А мать его болѣла семь лѣтъ *сердоболью,* которую получила, и потомъ скончалась. Семья истратила всё, что имѣла: кромѣ Бога у нея не было помощника.

ИЗЪ ПИСЬМА ВЪ МОСКВУ

Черногорскаго владыки [2]) Петра Петровича Нѣгоша.

Благодарю Москву за вниманіе, за то, что она вспомнила о своемъ искреннемъ поклонникѣ, обитающемъ на краю Славянскаго міра.

О, сколь Москва восхищаетъ меня! Москва—священная скинія великаго народа, въ которой воспитывается завѣтъ нашего величія! Москва—колыбель Донского, Іоанна Великаго, Пожарскаго и Романовыхъ! Москва—мать царей, начало величія Славянскаго! Москва—святой алтарь Православія и Славянства! Москва, которая великодушнымъ всесожженіемъ своимъ показала свѣту имя Славянское,—непоколебимая скала, о которую величіе запада Европы сокрушилось!

---

[1]) То-есть, до своей смерти.

[2]) Владѣтельный князь, митрополитъ и военоначальникъ Черногорскаго народа. *Щ.*

Какъ усладительно вниманіе Москвы для души, пылающей пламенемъ величія и гордости Славянской! Я — ея преданный сынъ; я — ея поклонникъ, я — вѣрный поклонникъ блистательной славы родного племени! Москва — душа души моей и сладостное сновидѣніе, исполненное святыми, великими надеждами! — Судьба моя не согласна съ моимъ намѣреніемъ: я Москвы не видалъ и, можетъ быть, не увижу; но она у меня всегда передъ глазами. То вижу её, пылающею жертвой на алтарѣ великаго народа; то вижу её, возрождающеюся изъ пепла; то вижу священный Кремль — святую обитель царей — сіяющій златыми главами храмовъ, какъ державный вѣнецъ царицы Славянскаго міра! Вотъ единственый кругъ въ мірѣ, гдѣ душа Черногорца можетъ торжествовать и открывать свое прямое чистосердечіе — по чувству одноплеменности!

Вниманіе Москвы неоцѣненно для начальника горсти народа, обреченнаго рокомъ на испытаніе, на жертву за Православіе и за честь имени, — народа, въ продолженіе четырехъ вѣковъ тѣснимаго и истребляемаго государствами иноплеменными, сохранившаго бытіе свое только вѣрою и честію имени, и дожившаго до блаженной эпохи, когда Царь и Матерь величія Славянскаго вспомнили объ немъ, — народа, надъ которымъ ломались громы всѣхъ ужасовъ тиранства, народа, противу котораго злобивый голосъ невѣрныхъ и иноплеменныхъ всегда гремѣлъ и гремитъ хуленіемъ. Для владыки, гордо страждущаго за честь племени, вниманіе Москвы спасительно, какъ для сироты — утѣшеніе родныхъ. Москва — единственная моя святыня, которой я жадно и усердно поклоняюсь...

О, еслибы я могъ всѣ мои чувствованія къ Москвѣ передать бумагѣ!

Вѣна.
1847 года, января 17 дня.

Владыка Черногорскій ***Петръ Нѣгошъ.***

Славянскимъ городамъ.

Не гордись передъ Бѣлградомъ,
Прага, Чешкихъ странъ глава!
Не гордись предъ Вышеградомъ
Златоверхая Москва!
Вспомнимъ: мы родные братья —
Дѣти матери одной:
Братьямъ — братскія объятья,
Къ груди грудь, рука съ рукой!
Не гордися силой длани
Тотъ, кто въ битвѣ устоялъ;
Не скорби, кто въ долгой брани
Подъ грозой судьбины палъ.
Испытанья время строго,
Тотъ, кто палъ, востанетъ вновь!
Много милости у Бога,
Безъ границъ его любовь!
Пронесется мракъ ненастный,
И, ожиданный давно,
Возсіяетъ день прекрасный,
Братья станутъ за-одно,
Всѣ велики, всѣ свободны,
На враговъ побѣдный строй,
Полны мыслью благородной,
Крѣпки вѣрою одной!

Алексѣй Хомяковъ.

Бѣлградъ, главный городъ въ Сербіи.

Чеху, Вячеславу Вячеславовичу Ганкѣ.

Вѣковать ли намъ въ разлукѣ?
Не пора-ль очнуться намъ
И подать другъ-другу руки
Нашимъ кровнымъ и друзьямъ?...

Вѣки мы слѣпцами были,
И, какъ жалкіе слѣпцы,
Мы блуждали, мы бродили,
Разбрелись во всѣ концы...

А случалось ли порою
Намъ столкнуться какъ-нибудь —
Кровь не-разъ лилась рѣкою,
Мечъ терзалъ родную грудь...

И вражды безумной сѣмя
Плодъ сторичный принесло:
Не одно погибло племя,
Иль въ чужбину отошло.

Иновѣрецъ, иноземецъ
Насъ раздвинулъ, разломилъ:
Тѣхъ обезъязычилъ Нѣмецъ,
Этихъ Турокъ осрамилъ...

Вотъ, среди сей ночи тѣмной,
Здѣсь на Пражскихъ высотахъ,
Доблій мужъ *) рукою скромной
Засвѣтилъ маякъ въ потьмахъ...

О, какими вдругъ лучами
Озарились всѣ края! —
Обличилась передъ нами
Вся Славянская земля!

Горы, степи и поморья
День чудесный осіялъ
Отъ Невы до Черногорья,
Отъ Карпатовъ по Уралъ;

Разсвѣтаетъ надъ Варшавой,
Кіевъ очи отворилъ,
И съ Москвой золотоглавой
Вышеградъ заговорилъ:

И родного слова звуки
Вновь понятны стали намъ...
На-яву увидятъ внуки
То, что снилося отцамъ!...

Ѳедоръ Тютчевъ.

Вышеградъ въ Прагѣ, Чешской столицѣ.

*) *Ганка* — Чешскій писатель и ученый. *Щ.*

I.

Народныя сказанія и пѣсни Сербовъ.

Царь Лазарь [1]) и царица Милица.

Перевелъ съ Сербскаго

Николай Вергъ.

Какъ за ужиномъ сидитъ царь Лазарь,
Съ нимъ сидитъ царица Милица.
Говоритъ царица Милица:
«Ты послушай, государь мой, Лазарь,
Золотая Сербская корона!
Ты уходишь завтра на Косово [2]),
Воеводъ и слугъ берешь съ собою,
Никого ты здѣсь не оставляешь,
Кто-бы могъ къ тебѣ съ письмомъ отъѣхать
На Косово и назадъ вернуться.
Ты уводишь моихъ девять братьевъ,
Девять братьевъ, Юговичей храбрыхъ;
Хоть единого изъ нихъ оставь мнѣ,
Чтобъ сестрѣ онъ былъ въ-защиту!»
Ей на это Лазарь отвѣчаетъ:
— Государыня моя, Милица!
Ты скажи, кого жь тебѣ оставить?
«Ты оставь Юговича Бошка!»
Отвѣчаетъ ей на это Лазарь:
— Государыня моя, Милица!
Завтра утромъ, какъ взойдетъ день бѣлый,
День взойдетъ и солнце просіяетъ,
И врата отворятся градскія:
Ты ступай и стань подъ воротами;
Какъ пройдетъ рядами наше войско, —
Передъ ними будетъ Юговъ Бошко,
Понесетъ онъ знамя войсковое,
Отъ меня скажи ему ты милость,
Царское мое благословенье,
Чтобы отдалъ, кому хочетъ знамя,
И съ тобою въ теремѣ остался. —

---

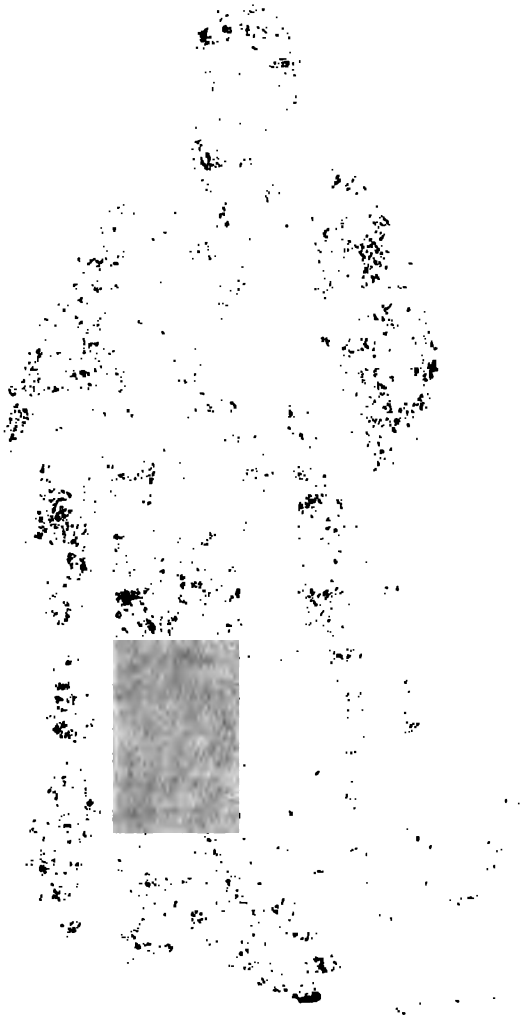
[1]) *Лазарь* — послѣдній Сербскій царь. Онъ правилъ съ 1371 по 1389 годъ. Въ этомъ году, 15 іюня, въ Видовъ день, Косовская битва рѣшила участь Сербскаго царства. — *Милица* — дочь воеводы Югъ-Богдана:

[2]) *Косово Поле* (гдѣ были разбиты Турками Серби и погибло ихъ государство) находится въ Европейской Турціи, оно имѣетъ въ длину около 80 верстъ, а въ ширину до 30. Главный городъ здѣсь Новый-Базаръ (Нови Пазаръ). Со времени несчастной битвы, всё недоброе, въ пѣсняхъ Сербовъ, случается *на зло месту у Косову:* и конь кидаетъ господина, и кончикъ похищаетъ у воробья невѣсту.

Какъ на-завтра утро засіяло,
Отперли ворота городскія,
Выходила госпожа-царица
И въ воротахъ самихъ становилась.
Вотъ идетъ дружина за дружиной,
Борзы кони подъ оружьемъ браннымъ,
Передъ ними былъ Юговичь Бошко
На конѣ червонномъ, весь во златѣ,
И покрытъ онъ знаменемъ крестнымъ,
До коня покрылся до лихова;
А на знамени насаженъ яблокъ,
Золотымъ крестомъ пріосѣненный,
А съ креста висятъ златыя клети,
Падаютъ Юговичу на плечи.
Подошла къ Юговичу царица,
За узду коня остановила,
Обвила руками шею брату,
И сказала ему тихо-тихо:
«Милый братъ мой, дорогой Бошко,
Царь даетъ тебѣ благословенье —
Не ходить съ полками на Косово,
А отдать, кому захочешь знамя,
И со мною въ городѣ остаться —
Быть сестрѣ защитой и помогой!»
Ей на это Бошко отвѣчаетъ:
— «Воротися ты въ свой теремъ бѣлый!
Мнѣ не-слѣдъ съ тобою оставаться,
Покидать святое наше знамя:
Хоть дари мнѣ царь свой градъ Крушевацъ...
Что̀ тогда заговоритъ дружина!
Окаянный трусъ, измѣнникъ Бошко!
Онъ идти боится на Косово
Кровь пролить за честный крестъ Господень,
Умереть за вѣру за святую!»
И съ конемъ промчался онъ въ вороты.
Вотъ и старый Югъ-Богданъ съ дружиной.
Семь за нимъ Юговичей позади;
Всѣхъ она просила по порядку:
Ни одинъ и посмотрѣть не хочетъ!
Малое за тѣмъ проходитъ время,
Выѣзжаетъ и Юговичъ-Воинъ,
Съ царскими ретивыми конями;
Были кони въ золотой попонѣ.
И подъ нимъ она коня схватила,
Обвила руками шею брату,
И сказала ему тихо-тихо:

«Милый братъ ты мой, Юговичъ-Воинъ,
Царь даетъ тебѣ благословенье:
Передай коней, кому желаешь,
И со мною въ городѣ останься —
Быть сестрѣ защитой и помогой!»
Отвѣчаетъ ей Юговичъ-Воинъ:
— «Воротись, сестра, въ свой теремъ бѣлый;
Мнѣ не-слѣдъ съ тобою оставаться
И коней передавать царевыхъ,
Хоть бы зналъ, что лягу на Косовѣ!
Нѣтъ, я ѣду во чистое поле
Кровь пролить за честный крестъ Господень,
Умереть за вѣру за святую!»
И съ конемъ промчался онъ въ ворота.
Какъ царица это услыхала,
Она пала на холодный камень,
Она пала, память потеряла...
Вотъ и Лазарь славный проѣзжаетъ:
Онъ увидѣлъ госпожу Милицу,
Какъ увидѣлъ, онъ заплакалъ горько,
Посмотрѣлъ на-право и на-лѣво,
Громко кличетъ слугу Голубана:
«Голубанъ, слуга ты мой вѣрный,
Ты покинь свою лошадь бѣлу,
Подними на руки царицу
И снеси её въ высокій теремъ,
А ужь грѣхъ тебѣ Господь отпуститъ,
Что не будешь съ нами на Косовѣ!»
Какъ услышалъ Голубанъ тѣ рѣчи,
Залился онъ горькими слезами,
Лошадь бѣлу у воротъ покинулъ,
Взялъ царицу на бѣлыя руки,
И отнесъ её въ высокій теремъ:
Но не могъ онъ одолѣть сердца —
Не идти съ братьями на битву;
Воротился — на коня прыгнулъ,
И пустился прямо на Косово.
Какъ на-завтра зарей, ранымъ-рано,
Прилетѣли два черные врана,
Воронья съ Косова чиста поля,
И на теремъ бѣлый опустились,
На высокій Лазаревъ ли теремъ.
.....
Милутинъ къ воротамъ подъѣзжаетъ,
Держитъ руку правую въ лѣвой;
У него семнадцать ранъ на тѣлѣ,

Сербъ.



Весь и конь его кровью облитъ.
Говоритъ царица Милутину:
«Что́ съ тобою, Милутинъ мой вѣрный?
Что́ лицемъ ты пасмуренъ, невеселъ?
Или выдалъ князя на Косовѣ?»
Милутинъ царицѣ отвѣчаетъ:
«Госпожа, спусти меня на-земь
И умой холодною водою,
Да виномъ облей меня краснымъ, —
Одолѣли меня тяжки раны!»
Тутъ съ коня сняла его Милица,
Чистою водой его умыла
И виномъ облила его краснымъ,
Какъ немного Милутинъ ожилъ,
Стала спрашивать его царица:
«Что̀, скажи мнѣ, было на Косовѣ?
Какъ погибъ тамъ славный князь Лазарь,
Какъ погибъ тамъ Югъ-Богданъ могучій?
Какъ его Юговичи погибли?
Какъ погибъ тамъ Милошъ воевода?
Какъ погибъ Вукъ Бранковичъ смѣлый?
Какъ погибъ Страхинья Бановичъ?»
Тутъ слуга разсказывать началъ: —
«Всѣ остались на Косовомъ полѣ!...
Гдѣ погибъ нашъ славный князь Лазарь,
Много тамъ поломано копьевъ,
И Турецкихъ копьевъ, и Сербскихъ,
Только Сербскихъ больше, чѣмъ Турецкихъ,
Какъ они царя обороняли,
Именитаго Лазаря князя.
Югъ-Богданъ погибъ еще сначала,
Въ самой первой схваткѣ съ бусурманомъ;
Тамъ и восемь Юговичей пало,
Ни одинъ изъ нихъ не выдалъ брата;
Всякій бился, сколько силъ хватило.
Уцѣлѣлъ одинъ Юговичъ Бошко,
По Косову знаменемъ онъ вѣялъ,
Разогналъ и распугалъ онъ Турокъ,
Словно соколъ голубей пугливыхъ.
Гдѣ въ крови бродили по колѣно,
Тамъ погибъ Страхинія Бановичъ;
Милошъ палъ на край рѣки Ситницы,
Край Ситницы, край воды студеной:
Онъ убилъ у нихъ царя Мурата *)
И еще двѣнадцать тысячъ войска...

*) Амурата — султана Турецкаго.

Да проститъ тому грѣхи Всевышній,
Кто родилъ намъ Милоша на-свѣтъ!
По себѣ оставилъ онъ память:
Вѣкъ о немъ разсказывать будутъ,
Пока есть жива душа на свѣтѣ
И стоитъ Косово чисто поле!...
А что спрашиваешь ты про Вука, —
Будь онъ проклятъ и съ отцомъ будь проклятъ!
Проклятъ будь и родъ его племя:
Онъ царя выдалъ на Косовѣ
И увелъ съ собою двѣнадцать тысячъ,
Какъ и самъ, измѣнниковъ лютыхъ».

МАРКО-КРАЛЕВИЧЪ.

Былина Сербская.

Перевелъ

Иванъ Воричевскій.

Рано вышла Туркиня-дѣвица *), до зари и до бѣлаго утра, мыть полотно на Марицу. До солнца протекала вода чистая, а при солнцѣ она замутилася, и мутна потекла и кровавая; по ней понеслись колпаки и лошади, передъ ними плыли витязи израненные. Одного витязя вода унесла въ быстрину. Витязь увидѣлъ дѣвицу у берега, сталъ просить-умолять её:

«По Богу сестра, милая дѣвица! перекинь ко мнѣ конецъ полотна; изъ пучины быстрой извлеки меня; наградить тебя я не забуду.»

Бога-ради дѣвица послушалась: перекинула витязю конецъ полотна, и къ берегу его изъ воды привлекла. На витязѣ было семнадцать ранъ, и платье на немъ чудесное, у бедра сабля окованная: три рукояти изъ золота, а на нихъ три камня драгоцѣнные. Стоила сабля три града царевыхъ.

Взговорилъ витязь Туркинѣ-дѣвицѣ:

«Сестра моя, Туркиня-дѣвица! кто во дворѣ твоемъ бѣломъ находится?»

Отвѣчаетъ Туркиня-дѣвица:

— «Есть у меня тамъ мать престарѣлая, да братъ Мустафъ-Ага.»

Сталъ просить, умолять израненный витязь:

«Сестра моя, Туркиня-дѣвица! попроси ты брата Мустафъ-Агу, что бы во дворъ бѣлый принесъ меня. Есть у меня полныхъ три кошелька по триста червонцевъ въ каждомъ. Однимъ поклонюсь я тебѣ, другимъ — брату Мустафъ-Агѣ, а триста при себѣ оставлю, чтобъ залѣчить мои раны тяжкія. Если, Богъ дастъ, мои раны закроются, наградить тебя не забуду и твоего брата Мустафъ-Агу.»

*) По-сербски *Туркиня* — Турчанка.

Побѣжала дѣвица во дворъ бѣлый, и говоритъ брату Мустафъ-Агѣ:

— «Ты, братецъ мой, Мустафъ-Ага! встрѣтила я витязя раненаго на студеной рѣкѣ на Марицѣ; есть у него полныхъ три кошелька; однимъ хочетъ поклониться мнѣ, а другимъ тебѣ, Мустафъ-Ага; третій — при себѣ оставить, чтобы залѣчить свои раны кровавыя. Не дай, братъ, погибнуть витязю раненому; донеси его во дворъ нашъ бѣлый.»

Сошелъ Турокъ къ рѣкѣ Марицѣ, и, увидѣвъ витязя, сталъ разсматривать его саблю окованную, махнулъ ею, и отсѣкъ витязю голову; снялъ съ него платье богатое и воротился къ своему дому бѣлому.

Какъ увидѣла Туркиня-дѣвица, что совершилося, стала говорить брату Мустафъ-Агѣ:

— «Братъ, Богъ да накажетъ тебя! ты за что погубилъ моего побратима? Чѣмъ ты, безумный, прельстился? — одной только саблей окованной!... Далъ бы Богъ, чтобъ она и твою снесла голову!»

Сказавъ, дѣвица убѣжала въ свой теремъ.

Немного прошло времени, какъ пришелъ фирманъ султана Турецкаго идти на войну Мустафъ-Агѣ. И поѣхалъ Мустафъ-Ага къ султанскому войску, опоясавъ саблю окованную. Какъ пріѣхалъ Мустафъ къ султанскому войску, малъ и великъ сталъ разглядывать саблю, но никому не далась она изъ ноженъ вынуть; изъ рукъ въ руки переходила, и какъ попалась Марку Кралевичу — сама изъ ноженъ выскочила [1]); увидѣлъ Марко на ней три имени Христіанскія: одно имя Новака, ея мастера, другое имя — Вукашина-краля [2]), третье имя — Марка Кралевича.

Марко спросилъ Мустафъ-Агу:

«Молодой витязь Турецкій! Бога ради, скажи, ты откуда добылъ саблю острую?... Аль въ кровавомъ бою получилъ её, или досталась по завѣту отца? Али въ приданое люба [3]) её принесла по-наслѣдству?

Говоритъ ему Турокъ Мустафъ-Ага:

— Во имя Бога, Марко-гяуринъ [4]), если говорить мнѣ съ тобою, — всю правду сказать безъ-утайки.

И всё, какъ съ витяземъ раненымъ было, Мустафъ-Ага разсказалъ ему.

Отвѣчаетъ ему Марко Кралевичъ:

«Турокъ, Богъ да накажетъ тебя! ты зачѣмъ не хотѣлъ излѣчить витязю раны? — у султана высокаго я тебѣ выпросилъ бы агалыкъ.» [5])

Возразилъ ему Турокъ Мустафъ-Ага:

---

[1]) Въ Славянскихъ разсказахъ безъ суевѣрныхъ чудесъ не бываетъ: есть не только *башмаки-самоходы*, ковры-самолёты, но и сабли-самоскоки.

[2]) *Краль Вукашинъ* — отецъ Марка Кралевича.

[3]) *Люба* — милая, жена.

[4]) *Гяуринъ* — невѣрный, неисповѣдующій Магометанской вѣры.

[5]) Должность *Аги* — правителя какого-либо города или села.

— Ба, ба, ба! полно шутить-то, Марко-гяуринъ! Если бъ ты могъ мнѣ агалыкъ добыть, то прежде всего себѣ бы ты добылъ его; — а пока возврати мнѣ саблю окованную.

Саблей взмахнулъ Марко-Прилипчанинъ [1]), и голову снесъ Мустафъ-Агѣ.

Султану обо всемъ донесли, и за Маркой прислалъ онъ прислужниковъ. Марку зовутъ: а онъ, молча, сидитъ, и вино попиваетъ алое. Когда и вино Марку не взмилилось, тогда вскинулъ шубу на плеча, а въ руки схватилъ булаву претяжелую [2]), и прямо пошелъ въ султанскій шатеръ. Тамъ Марко въ-конецъ разъярился: на ковры драгоцѣнные сѣлъ въ сапогахъ, съ-искоса поглядывалъ на султана, — поглядываетъ, а глаза налились у него кровью.

Когда Султанъ на Марку взглянулъ, и при немъ увидалъ булаву претяжелую, то сталъ отсѣдать, а Марко къ нему присѣдать: присѣдалъ до тѣхъ поръ, пока не притеръ султана къ стѣнѣ... Нечего дѣлать! Султанъ запустилъ въ карманъ руки, и добылъ цѣлую сотню червонцевъ...

«На, — говоритъ онъ — Марко, возьми и напейся вина... Да скажи, чѣмъ такъ разъярили тебя?»

— Государь-поотчимъ! — отвѣчаетъ Марко Кралевичъ — чѣмъ такъ разъярили меня, ты не спрашивай: — я узналъ саблю отцовскую.... Если бъ я видѣлъ её и въ твоей рукѣ, — и ты разъярилъ бы меня.

Больше не могъ говорить. Всталъ и пошелъ въ свой шатеръ [3]).

Іово и Мара [1]).

Народная былина Сербская.

Перевелъ

Николай Щербина.

Двое милыхъ, любясь, выростали:
Юный Іово да дѣвушка Мара,
Съ-малолѣтства, отъ третьяго года;
Ихъ увидишь, — такъ радостно станетъ —
Скажешь, это василёкъ со тминомъ...
Умывались одною водою,
Утирались однимъ полотенцемъ,

---

[1]) Изъ города Прилипа.

[2]) О необыкновенной величинѣ булавы Марка — у Сербовъ много разсказовъ.

[3]) О *Маркѣ Кралевичѣ* у Сербовъ весьма много разсказовъ. За силу и молодечество онъ былъ въ большой чести у султана, но познакомился и со Стамбульскими темницами: обстоятельства, требовавшія силы и удали, не-разъ выводили Марку изъ заключенія и опять доставляли ему полное благоволеніе султана. Марко пилъ мертвую чашу, но изумительно былъ крѣпокъ на голову.

Любо въ очи другъ-другу глядѣли,
Будто солнце въ глубокое море;
Пѣли пѣсню одну вечерами,
Темной ночью одинъ сонъ видали.
Впору Іовѣ ужь было жениться,
Можно было отдать Мару замужъ...
Выросъ Іово — удалъ изъ удалыхъ,
Красотою — красивѣй дѣвицы.
Мара — слова для Мары не сыщешь! —
И на свѣтѣ такой не бывало!...
Не увидишь очей ея лучше,
Тоньше стана ея не найдется;
Миловидна, что горная вила [2]),
А гибка-то, что ель молодая:
Годъ на Мару гляди — и всё мало...
Мало бъ вѣку любить эту Мару!
Какъ увидишь её — заболѣешь,
А посмотрить — такъ вылѣчить разомъ...
Но сироткой была наша Мара,
Іово жь былъ изъ богатаго рода,
Не простого — господскаго рода...
Разъ онъ Марѣ, вздохнувши, промолвилъ:
«Такъ ли любишь меня, моя Мара,
Какъ люблю я тебя, мое сердце?»
Тихо Мара ему отвѣчала:
«Милый Іово, ты глазъ мнѣ дороже,
Завсегда ты на мысляхъ у Мары!
Какъ мать сына, ношу тебя въ сердцѣ...»
Ихъ подслушалъ незамѣтный сторожъ —
Мать Іована [3]) тѣ слышала рѣчи;
Злясь на Мару, сказала Іовану:
«Милый Іово, перо дорогое! [4])
Позабудь ты объ этой дѣвчонкѣ...
Есть невѣста и лучше, и краше:
То — Фатима, Атлагича злато. [5])
Фата съ дѣтства взлелѣяна въ клѣткѣ,
И не знаетъ, что солнце, что мѣсяцъ:
Не видала, какъ хлѣбъ зеленѣетъ,
Не видала муравки на полѣ,
Не видала ни-разу мужчины, —
А къ тому жь и богатаго рода,
И въ-подмогу богатствомъ сгодится...»
Отвѣчаетъ тутъ матери Іово:
«Дорогая, безцѣнная майко! [6])
Заклинаю тебя я и небомъ,
Заклинаю тебя и землею:

Не разроешь ты милаго съ милой...
Не богатство — серебро да злато,
А богатство — что дорогое сердцу!...»
Но не хочетъ и слушать старуха.

***

Рада бъ слышать слова эти Мара,
Но далеко отъ ней ея милый.
Мара плачетъ, а вѣтеръ разноситъ:
«Много тьмы есть у пасмурной ночи, —
Больше горя у Марицы [7]) въ сердцѣ...
Ужь извѣстно, какъ молодцы любятъ!
Какъ ласкаютъ — въ любви увѣряютъ,
Перестали — смѣются съ друзьями...
Не таковъ онъ, возлюбленный Іово,
Да ужь, видно, такая мнѣ доля!...
Чуть запахъ мнѣ цвѣтокъ мой душистый, —
И достался другой соколицѣ [8])...
Свѣтъ мой, Іово, свѣтъ, жарко солнце!
Ты лучисто меня освѣтило,
Да и скоро запало за гору...»
Мара плачетъ, а вѣтеръ разноситъ.

***

Одного всё нашъ держится Іово: —
«Нѣтъ, ей Богу, моя мать родная,
Лучше смерть, чѣмъ жениться на Фатѣ, —
Сердце проситъ одну только Мару!...»
Но не хочетъ и слушать старуха,
И не хочетъ высватывать Мари;
Поспѣшаетъ къ Атлагича злату;
Но Фатима [9]), Атлагича злато,
Заклинаетъ старуху святыми;
Чтобъ не сватать её за Іована: —
«Неразумно, грѣшно и жестоко
Разлучать двѣ души неразлучныхъ,
Двухъ немилыхъ заставить любиться...»
Но не хочетъ и слушать старуха:
Заручила, кольцомъ обручила,
Малый срокъ имъ назначила къ свадьбѣ,
Небольшой срокъ — одну лишь недѣлю,
И сзываетъ сватовъ къ тому сроку.
Созвала ихъ, пошла по невѣсту: —
«Сынъ-кормилецъ, пойдемъ по невѣсту!
Мать Фатиму тебѣ заручила,
Заручила, кольцомъ обручила...»

Но не хочетъ послушаться Іово,
Остается въ дому своемъ бѣломъ.
Мать безъ сына пошла со свѣчами;
Къ ней выходитъ Атлагича злато,
И цѣлуетъ ей правую руку:
«Мать-старушка молодого Іовы!
Что за утро, какъ солнце не грѣетъ,
Что за ночь та, какъ мѣсяцъ не свѣтитъ,
Что за сваты, когда жениха нѣтъ!»
Отвѣчаетъ на это старуха:
«Заклинаю, Атлагича злато!
Не заботься о суженомъ Іовѣ...
Онъ женихъ твой, а мой одноровный:
Здѣсь гора есть, въ ней водятся виды;
Между ними есть горная вила,
Та, что злато съ коней выбиваетъ,
А за сына, какъ мать, я боюся,
Чтобы вила его не убила,
Молодого, единаго сына...»

* * *

Какъ въѣзжали во дворъ они къ Іовѣ,
Разомъ сваты съ коней посходили,
Но не сходитъ Атлагича злато,
И сказала Фатинѣ старуха:
«Слѣзь, невѣстка моя дорогая!»
— «Нѣтъ, не слѣзу, ей Богу, не слѣзу,
Если лошадь мою онъ не пріиметъ,
И не сниметъ съ нея меня Іово!...»
И пошла мать къ Іовану на вышку,
И такъ сыну она говорила:
«Сынъ кормилецъ! Сойди-ты отсюда:
Тамъ ты пріимешь Атлагича злато.»
Поднялся онъ, упалъ на колѣни,
Ублажаетъ свою мать родную,
Точитъ слёзы, какъ будто дѣвица,
Точитъ слёзы, рыдаючи молвитъ:
«Не пойду я, ей-Богу, родная!
Въ чемъ клялся я, будетъ тверже камня...»
Но и слушать не хочетъ старуха:
«Проклину я и груди, что вскормила
Мнѣ такого негоднаго сына,
Если злато съ коня ты не сведешь!...»
Что жь тутъ дѣлать, скажите, Іовану?..
Всталъ онъ быстро на легкія ноги,
Отираетъ горючія слёзы,

И выходитъ поспѣшно къ дѣвицѣ.
Онъ снимаетъ съ коня свое злато,
Онъ снимаетъ, и на землю ставитъ...
Не слыхалъ, сказалъ ли что Іово,
Не слыхала, сказала ль что Фата: —
Только сталъ полотна онъ бѣлѣе,
Только Фата бѣлѣй стала снѣга...

* * *

Былъ отправленъ обрядъ по закону.
Вотъ и время садиться за ужинъ:
Чинно сваты за столъ посадились,
Повели ужь наверхъ новобрачныхъ.
Сѣла злато на мягки подушки,
Іово сѣлъ на узорную скрыню [10]);
Самъ снялъ поясъ и самъ раздѣвался,
Самъ онъ вѣшалъ оружье и платье,
Говоритъ самъ и самъ отвѣчаетъ...
«Вѣрно, скажетъ теперь мое злато:—
Іово Фату-невѣсту цалуетъ,
Обо мнѣ же теперь и не вспомнитъ...
Нѣтъ, не будетъ измѣнникомъ Іово:
Легче съ жизнью разстаться для Іовы!»
Это Фата и слышитъ — не слышитъ;
Точитъ слёзы по щечкѣ румяной:
— «Боже правый! Наказа старуху,
Что двухъ милыхъ она разлучила,
Двумъ немилымъ велѣла любиться...»
Это Іово и слышитъ — не слышитъ.

* * *

Завернулся плащомъ онъ широкимъ,
Взялъ подъ плащъ онъ тамбуру [11]) съ собою,
И пошелъ подъ окно своей Мары.
Онъ ударилъ въ пѣвучія струны,
Заигралъ и запѣлъ подъ тамбуру: —

* * *

«Вѣрно, скажетъ теперь моя Мара,
Что съ невѣсты кафтанъ я снимаю...
Не снималъ я, клянусь моей жизнью,
Клянусь жизнью моей и твоею!
Вѣрно, скажетъ теперь моя Мара,
Что съ невѣсты покровъ я снимаю...
Не снимаю, клянусь моей жизнью,
Клянусь жизнью моей и твоею!

Вѣрно, скажетъ теперь моя Мара,
Что цалую невѣсту я въ щеку...
Не цалую, клянусь моей жизнью,
Клянусь жизнью моей и твоею,
Нашей первой любовью клянусь я!...
Можно солнцу упасть бы на землю, —
Но не Іовѣ сломить свою клятву!...»

* *
*

И подъ пѣсню проснулася Мара: —
«Роза пахнетъ, — то вѣрно мой милый...
Роза пахнетъ, тамбура играетъ...»
Но къ Фатимѣ пошелъ уже Іово.
Пала Мара въ пуховы подушки: —
«Сонъ, жестоко меня обманулъ ты!...
Сиротинку и сонъ обижаетъ!»

* *
*

Іово къ Фатѣ своей воротился,
Онъ ей поднялъ съ лица покрывало:
Яркимъ солнцемъ лицо заблистало,
Чорны очи — самоцвѣтнымъ камнемъ,
Чорны очи, слёзъ полныя очи...
Тихо молвитъ Фатима-невѣста:
— «Покарай ты свекровь мою, Боже,
Что двухъ милыхъ она разлучила!»
Смотритъ Іово на Фату-невѣсту,
Между глазъ онъ невѣсту цалуетъ,
Говоритъ ей: — «душа моя, Фата!
Принеси мнѣ чернилъ и бумаги,
Два-три слова хочу написать я,
Чтобъ тебя не обидѣла майка.»
Написалъ онъ письмо свое мелко,
И промолвилъ Фатимѣ-невѣстѣ: —
«Слушай, слушай, Атлагича злато!
Ни полъ-слова до бѣлаго утра...
Пусть напьются вина твои братья,
Сестры въ-волю напляшутся въ коло [12])
И докончитъ свои пѣсни майка!...
Съ Богомъ, злато! Будь на-вѣкъ счастлива!...»
Онъ, цалуя между глазъ свою Фату,
Къ ней безъ-жизни упалъ на колѣни.
Смотритъ Фата — мертвецъ передъ нею;
Горько плачетъ, но слова не молвитъ:
Промолчала до бѣлаго утра...
И тогда, какъ заря показалась,

День зашёлся и солнышко встало,
Разбудить шла котёла старуха,
И на вышку взошла къ новобрачнымъ,
И пошатонъ [13]) ударила въ двери:
— «Встань же, Іово, дитя дорогое!
Вѣдь ужь солнце высоко на небѣ...»
Отворила ей двери Фатима,
Со слезами на личикѣ бѣломъ.
Мать Іована сказала невѣсткѣ:
— «Пусть я плачу по моемъ безъумѣшку!»
Отвѣчаетъ свекрови невѣстка:
«Не брани ты его, дорогая!
Ужь вчера онъ оплаканъ тобою,
Какъ ты силой его обвѣнчала...
Вонъ онъ, Іово лежитъ уже мертвый!..»
И старуха на-взрывъ зарыдала,
Зарыдала, проклиная Фату:
— «Что́, скажи мнѣ, ты сдѣлала сыну?..
Говори же... Будь проклята Богомъ!...
Удушила за что́ ты Іована?...»
И Фатима въ-отвѣтъ ей сказала:
«Не кляни же, Іованова майко!
Не сгубила твоего я сына,
Я себя бы скорѣе сгубила...
Вотъ Іована письмо небольшое:
Для тебя мнѣ его онъ оставилъ»
Мать Іована письмо то читаетъ,
И, читая, слезы проливаетъ,
А въ письмѣ томъ написано было:
«Созови мнѣ, родимая майко,
Созови мнѣ носильщиковъ юныхъ,
Неженатыхъ носильщиковъ юныхъ,
Провожатыхъ дѣвицъ незамужнихъ,
И надѣнь мнѣ тонкую рубаху,
Ту-что Мара по-любви мнѣ сшила,
Повяжи мнѣ шитую мараму [14]),
Что мнѣ Мара, любя, вышивала,
Положи мнѣ цвѣточки гвоздики,
Ими Мара меня убирала:
Подлѣ Мары меня пронесите...
Какъ дойдете до Марына дома,
Положите меня вы на травку:
Пусть увидитъ меня моя Мара,
Пусть хоть мертвымъ меня поцалуетъ,
Вѣдь живого меня цѣловать ей
Не пришлось ни единаго разу...»

Мать Іована такъ письмо читала,
Такъ читала, слёзы проливала;
Пала камнемъ на мертваго сына;
Пала камнемъ, вопила, рыдала,
Куковала жалобно кукушкой
И вдовицей-сиротой стенала.

* * *

По наказу молодого Іовы,
Что сказалъ онъ, то сдѣлано было:
И созвали посильщиковъ юныхъ,
Неженатыхъ посильщиковъ юныхъ,
Провожатыхъ дѣвицъ незамужнихъ;
И надѣли на него рубаху,
Ту, что Мара, любя, ему сшила,
Повязали шитою парамой,
Той, что Мара, любя, вышивала,
И убрали цвѣтами гвоздики
Тѣмъ, чѣмъ Мара его убирала.
Подлѣ Мары несли его тѣло,
И сидѣла она подъ окошкомъ;
На головкѣ алѣли двѣ розы;
И упали тѣ розы на пяльцы...
Мара шила и плакала горько,
И тихонько матери сказала:
«Боже!... Майко! что это такое?
Обѣ розы съ головы упали...
Богъ избави, что-нибудь случится!..
Что-то сильно гвоздикою пахнетъ,
А косою еще больше пахнетъ,
И какъ будто Іовиной косою!...
Пахнетъ розой, дорогая майко!
Пахнетъ розой у нашего дома!..
Не душа ли то носится Іовы?...
Пахнетъ розой: — идетъ ко мнѣ милый!...»
Тихо мать ей на это сказала:
«Не блажи ты, дорогая дочка!
Вѣрь мнѣ, Іово цалуетъ другую,
О тебѣ же теперь и не вспомнитъ!...»
И вскочила, какъ въ безумьи, Мара: —
«Не добро ты вѣщуешь мнѣ, майко!...
Роза пахнетъ: — онъ здѣсь, мое сердце!»
Мигомъ съ вышки спустилася Мара,
За ворота на улицу вышла.
Увидала жемчужную вѣтку,
Побратимовъ заклинаетъ Богомъ:

«Чья то, братья, жемчужная вѣтка?»
Отвѣчаютъ ей два побратима:
—«Это вѣтка молодого Іово.»
Мара проситъ носильщиковъ юныхъ:
«Ради Бога, носильщики-братья,
Опустите на травку Іована, —
Пусть хоть мертвымъ его поцалую,
Вѣдь живого я не цаловала!...»
Ради-Бога услышана просьба:
Крѣпко Мара къ мертвецу прильнула,
И, припавши къ мертвецу живая, —
Ужь безъ жизни осталась у гроба.

* * *

Плачетъ Фата съ матерью Іована,
Бѣдной Мары плачетъ мать родная,
Горько плачетъ, проклинаетъ страшно:
«Богъ накажетъ, Іованова майко!
Не велѣла живымъ ты любиться, —
Такъ ты мертвыхъ теперь не разлучишь...»
Стали Марѣ гробъ тесать мечами, —
И тогда, какъ понесли Іована,
Положили въ домовище Мару;
Какъ Іована принесли къ могилѣ,
Со двора ужь выносили Мару;
Какъ Іована спускали въ могилу,
До могилы доносили Мару.
Ихъ въ могилѣ одной схоронили
И руками ихъ соединили;
Положили имъ яблоко въ руки: — [19])
Пусть же знаютъ, что они любили!
Ихъ одною землею покрыли —
Зеленѣла на нихъ одна травка...
Шли одною дорогой старухи,
Съ ними шла и Фатима-невѣста...
Идутъ вмѣстѣ кладбищемъ въ деревню,
Проклинаютъ молодыхъ и старыхъ,
Кто двухъ милыхъ въ любви разлучаетъ.

* * *

Мало время съ тѣхъ поръ пролетѣло:
Изъ Іована выросъ боръ зеленый,
А борика [20]) выросла изъ Мары,
И по бору вилася борика,
Словно вьются шелковыя нити
По пучку изъ душистаго смиля [21]),

Чемерица жъ — возлѣ ихъ обоихъ[22])...
Боже правый! за всё Тебѣ слава...
Накажи ты молодыхъ и старыхъ,
Кто двухъ милыхъ въ любви разлучаетъ!

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) *Іо́во* и *Ма́ра*, значитъ — Иванъ да Марья.

[2]) *Ви́ла*, по суевѣрію Сербовъ, значитъ тоже, что у нашихъ суевѣровъ *русалка*; но только у Сербовъ она будто-бы живетъ въ горахъ и лѣсахъ.

[3]) *Іованъ* тоже что Іово — *Иванъ*.

[4]) *Перо* — дорого́й головной уборъ у мужчинъ и женщинъ. Перо дѣлается или изъ настоящихъ птичьихъ перьевъ, или бываетъ золотое и серебряное со вправленными въ него жемчужными зернами или драгоцѣнными камнями.

[5]) *Атлагича злато*. Атлагичи — богатый и знатный Сербскій родъ въ Босніи и Герцоговинѣ, принявшій мусульманство. *Злато* — золото, драгоцѣнность, дорогое кому-либо существо. Юноши и дѣвушки для ихъ родителей — злато, жена — для мужа.

[6]) *Майка* — матушка.

[7]) *Ма́рица* тоже, что *Мара* — Марья.

[8]) „*Къ другой соколицѣ*“ значитъ здѣсь — къ другой красной дѣвицѣ, такъ-какъ соколомъ называется добрый молодецъ.

[9]) *Фати́ма* тоже, что и Фата — имя Магометанское.

[10]) *Скриня* — сундукъ.

[11]) *Та́мбура* — балалайка, на которой играютъ маленькою палочкою изъ черешневой коры.

[12]) *Ко́ло* — круговая пляска, хороводъ.

[13]) *Пошма́ги* — остроконечный, нѣсколько поднятый къ-верху, башмакъ. Пошмаги бываютъ сафьяновые и бархатные, шитые золотомъ.

[14]) *Мара́ма* — галстухъ, ширинка, платокъ, шитый по краямъ шолкомъ или золотомъ.

[15]) Цвѣты, нечаянно упавшіе съ головы, принимаются здѣсь, по повѣрью Сербовъ, какъ худое предвѣщаніе.

[16]) Мертвыхъ украшаютъ въ гробу, между прочимъ, и цвѣтами гвоздики.

[17]) Сербы носили косы, или длинные волосы, всѣ зачесанные назадъ и запущенные за уши, для чего они и поддерживались напереди небольшой гребенкой.

[18]) *Жемчужная вѣтка*. — Знатные Сербы носили колпакъ, въ родѣ нашего казачьяго кивера. Онъ былъ изъ собольяго мѣха, съ краснымъ бархатнымъ верхомъ, спускавшимся на бокъ и оканчивавшимся золотою кисточкою. На колпакѣ прикрѣплялась серебряная вѣтка съ листьями, составленными изъ ячеекъ, въ которые вставлялись жемчужныя зерна, или драгоцѣнные камни.

[19]) *Яблоко* здѣсь принимается, какъ даръ любви. Въ Сербскихъ пѣсняхъ часто упоминается, что дѣвушка, намѣтивъ зубомъ яблоко, даритъ его своему милому.

[20]) *Боръ* и *борика* — одно и тоже дерево, изъ породы сосны.

[21]) *Смиль* — сухая душистая трава съ желтыми, нѣсколько больше булавочной головки, цвѣтами.

[22]) Чемерица — *чемерика* по-сербски, извѣстная и у насъ трава, означаетъ у Сербовъ, горе, печаль, горечь. *Щ.*

II.

Болгарская пѣсня.

Перевелъ съ Болгарскаго

Николай Вергъ.

Всё молятъ, всё, матушка, молятъ,
Всё молятъ меня три дѣвицы,
Поповскія дочери молятъ:
Одна — то младая Волошка,
Другая — то руса Гречанка,
А третья — то бѣла Болгарка!...
Волошка-то молитъ и молвитъ: —
Посватай меня у родимой!
За мною приданаго будетъ

Три сотни воловъ круторогихъ,
Пять сотенъ всё яловицъ чистыхъ,
Шесть сотенъ опричь-того стельныхъ,
Двѣ тысячи Крымскихъ барановъ
И новая бойня въ Стамбулѣ.
Ты прасоломъ будешь богатымъ:
Тебя на базарѣ въ Стамбулѣ
Всѣ люди обступятъ, захвалятъ!...
Гречанка мнѣ, матушка, молвитъ:—
Посватай меня у родимой!
За мною приданаго будетъ
Кантарь Шемаханскаго шолку [1]),
Пять-сотъ карагрошей Турецкихъ [2])
И тысяча жолтыхъ червонцовъ;
Ты будешь торговцемъ богатымъ,
И сходишь ко гробу Господню,
Возьмешь и хаджей и хаджинокъ [3]).
Болгарка мнѣ, матушка, молвитъ:—
Посватай меня у родимой!
Пускай и гола, и боса я,
За то хороша и пригожа!
Приданаго нѣту за мною:
А, вмѣсто приданаго, будетъ
Лицо мое бѣло, румяно,
Да черныя брови густыя!...
Когда мы пойдемъ черезъ горы —
Распустится древо сухое,
А то, что цвѣло, призавянетъ!
Какъ вступимъ мы въ Божію церковь —
Попы и дьячки онѣмѣютъ.
.....
— Стоянъ мой, Стоянъ ты мой милый!
Родня тутъ Стояну сказала: —
Присватайся къ бѣлой Болгаркѣ...
Не станутъ распрашивать люди,
Приданаго много-ль за нею?
А скажутъ: пригожая дѣвка!...
Войдете вы въ Божію церковь,
Всѣ люди обступятъ невѣсту,
Хвалить и разглядывать станутъ;
А будешь ты съ нею вѣнчаться, —
Иной обернется и молвитъ:
Пригожую взялъ онъ невѣсту!

III.
Словакская пѣсня.

Перевелъ
Николай Вергъ.

Свѣтлая ты рѣчка,
Рѣчка ты Влетава!
Наше ты веселье,
Красота и слава!
Красное ты мѣсто,
Прага дорогая,
Нашъ престольный городъ,
Родина святая!
Да что̀ намъ Влетава,
Что̀ намъ наша Прага,
Коли въ насъ угасла
Сила и отвага!
Изъ дому насъ гонятъ,
Всё у насъ побрали,
Только лишь съ собою
Библію мы взяли...
Татры, горы-скалы [4]),
Къ вамъ идемъ мы въ гости:
Здѣсь намъ жить въ ущельяхъ,
Здѣсь мы сложимъ кости!

---

[1]) *Кантáрь* — Турецкое слово, мѣра вѣса, равняется 47 окамъ. Окъ — три фунта.
[2]) *Грошъ* — 40 паръ, или 20 копеекъ ассигнаціями. *Карà* — черный, Турецкое слово.
[3]) *Хаджй* — вообще тотъ, кто отправляется на поклоненіе гробу Господню; у Магометанъ — гробу Магомета.
[4]) *Татрамъ* по-словацки называются Карпатскія Горы.

Словаки.

(Съ рисунка извѣстнаго Славянскаго живописца *Ярослава Чермака.*

IV.

Старинныя народныя пѣсни Чеховъ.

Бенешъ Германычъ.

Перевелъ съ Чешскаго

Николай Бергъ.

(1203 годъ.)

Той, ты, солнце наше красно,
Что съ лазоревыхъ высотъ
Нынче такъ печально свѣтишь
Ты на бѣдный нашъ народъ.

Гдѣ нашъ князь? гдѣ людъ военный?
Къ Отту, къ Отту всѣ ушли...
Кто-жь прогонитъ вражью силу
Изъ отеческой земли!

Идутъ Нѣмцы длиннымъ строемъ —
То Саксоновъ злая рать:
Отъ вершинъ Згорѣльскихъ древнихъ
Идутъ край нашъ воевать.
.....
Бенешъ, Бенешъ передъ нами!
Всѣ бѣгутъ во-слѣдъ ему.
«Горе Нѣмцамъ!» Бенешъ крикнулъ:
«Нѣтъ пощады никому!»
Закипѣли гнѣвомъ лютымъ
Въ битвѣ обѣ стороны;
Взволновалися утробы,
Очи злобой зажжены.
Набѣжали другъ на друга,
И давай колоть и сѣчь:
Коломъ колъ тяжелый встрѣченъ,
Зацѣпился мечъ за мечъ!
Страшно рать на рать валила,
Словно лѣсъ пошелъ на лѣсъ;
Отъ мечей летѣли искры,
Будто молнія съ небесъ.
Нивы стономъ застонали,
Всполошило всѣхъ звѣрей,
Всполошило вольныхъ пташекъ
Средь лѣсовъ и средь полей.
До вершины ажно третьей
Слышно было — жаркій споръ;
Копья съ саблями трещали,
Словно падалъ ветхій боръ.
Такъ стояли оба войска,
Сѣвши крѣпко на пяту, —
И пришло отъ лютой битвы
Тѣмъ и тѣмъ не-въ-моготу.
Въ гору Германычъ ударилъ:
Что махнетъ мечомъ своимъ —
Цѣлой улицей ложится
Вражья сила передъ нимъ;
И на-право, и на-лѣво
Такъ и стелетъ онъ народъ;
Поднялся, — и супостата
Сверху камнями онъ бьётъ.
На широкій долъ сбѣжали
Мы опять съ холмовъ крутыхъ, —
Завопили Нѣмцы, дрогнувъ:
Мы пошли — и смяли ихъ!

Людиша и Люборъ.

(1253—1278 года.)

Перевелъ

Николай Бергъ.

Старъ и младъ, внимай разсказу
О бояхъ и ратоборствахъ!
Жилъ когда-то князь за Лабой*),
Князь богатый, славный, добрый.
Дочь-краса была у князя,
И ему и всѣмъ по сердцу;
Красотою свѣтъ дивила:
У нея былъ станъ высокій,
Бѣлый ликъ, а на ланитахъ
Расцвѣталъ живой румянецъ;
Очи были, словно небо;
По плечамъ же бѣлоснѣжнымъ
Разсыпались золотыя
Кудри, въ кольцы завиваясь.
Князь посламъ велитъ сряжаться —
Звать къ нему бояръ окольныхъ
На великій праздникъ въ городъ.
День уставленный приходитъ:
Всё боярство собралося
Изъ земель и странъ далекихъ
На великій пиръ, на праздникъ.
Бубны, трубы загремѣли.
Подошли бояре къ князю,
Подошли и поклонились
Низко князю и княгинѣ,
И княжнѣ — дѣвицѣ красной;
За столы потомъ усѣлись
Всѣ по сану и по роду.
Тутъ прислуга подносила
Яства дивныя боярамъ,

*) *Лаба* — такъ называется рѣка *Эльба*, впадающая въ Нѣмецкое Море.

Подносила медъ шипучій....
То-то былъ веселый праздникъ,
То-то было пированье:
Въ члены сила набиралась,
Душу бодрость напояла!
Князь сказалъ тогда боярамъ:
«Мужи! тайну я открою,
Для чего собралъ васъ нынѣ...
Мужи славные! хочу я
Испытать теперь, извѣдать,
Кто изъ васъ мнѣ всѣхъ нужнѣе...
Благо ждать войны и въ мирѣ: —
Насъ вѣдь Нѣмцы окружаютъ.
Князь сказалъ, — и всѣ бояре
Изъ-за трапезы поднялись
И, поднявшись, поклонились
Низко князю и княгинѣ,
И княжнѣ — дѣвицѣ красной.
Бубны, трубы загремѣли:
Изготовились бояре.
Посреди равнины свѣтлой,
На разубранномъ балконѣ
Князь сидѣлъ передъ народомъ
Со своими старшинами;
Близь него была княгиня
Съ именитыми женами
И съ подругами Людиша.
И воскликнулъ князь къ боярамъ:
«Кто пойдетъ на битву первый,
Самъ я, князь, того назначу!»
Указалъ онъ на Стребора, —
Вызвалъ Стреборъ Людислава.
На коней садятся оба;
Всякъ беретъ по вострой пикѣ;
Другъ на друга поскакали,
Долго бились и боролись.
Оба древка изломили
И, отъ боя истомяся,
Вышли вонъ изъ-за ограды.
Бубны, трубы загремѣли...
И воскликнулъ князь къ боярамъ:
«Кто пойдетъ вторымъ на битву,
Пусть княгиня намъ укажетъ.»
И княгиня указала
На Серпоша. Онъ выходитъ,
Вызываетъ Спитибора.
На коней садятся оба;
Всякъ беретъ по вострой пикѣ,
И помчались другъ на друга.
Выбилъ Серпошъ Спитибора,
Самъ съ коня спрыгнулъ онъ на земь,
За мечи схватились оба, —
И запрыгали удары
По щитамъ ихъ по тяжелымъ,
И посыпалися искры.
Спитиборъ Серпоша ранилъ,
Тотъ на землю палъ сырую.
Истомясь отъ боя, оба
Вышли вонъ изъ-за ограды.
Бубны, трубы загремѣли...
И воскликнулъ князь къ боярамъ:
«Кто пойдетъ на битву третьимъ,
Пусть Людиша намъ укажетъ.»
И Людиша указала
На Любора. Онъ выходитъ,
Вызываетъ Болеміра.
На коней садятся оба:
Всякій взялъ по вострой пикѣ,
И вскакали внутрь ограды.
Другъ на друга понеслися,
Пики вострыя скрестились: —
Люборъ выбилъ Болеміра;
Щитъ его далёко прянулъ;
Самаго жь его прислуга
Понесла изъ-за ограды...
Бубны, трубы загремѣли.
Люборъ въ бой идетъ съ Рубошемъ.
На коня садится Рубошъ,
Быстро скачетъ на Любора;
Люборъ вмигъ копье Рубоша
Пересѣкъ мечомъ тяжелымъ
И врага въ шеломъ ударилъ.
Рубошъ палъ съ коня на землю
И взяла его прислуга.
Бубны, трубы загремѣли.
Люборъ кликнулъ за оградой:
«Кто теперь со мною хочетъ —
Выходи плечо помѣрять?»
И пошелъ въ народѣ говоръ.
Люборъ ждетъ-стоитъ въ оградѣ...
Вотъ Здеславъ качаетъ пикой,
А на пикѣ турій черепъ.

На коня Здеславъ садится,
Горделиво похваляясь:
«Прадѣдъ мой осилилъ Тура,
Разогналъ отецъ мой Нѣмцевъ,
А меня спознаетъ Люборъ!»
Другъ на друга поскакали,
Лбами крѣпкими сразились, —
И слетѣли оба съ сѣделъ,
За мечи схватились быстро
И рубиться ими стали:
Гулъ стоялъ отъ ихъ ударовъ...
Люборъ съ боку вдругъ нагрянулъ!

Мостовая Башня въ Прагѣ, Чешской Столицѣ.

И въ шеломъ врага ударилъ,
И разбилъ шеломъ на части.
Ихъ мечи потомъ скрестились:
Выбитъ мечъ изъ рукъ Здеслава:
Полетѣлъ онъ за ограду,
А Здеславъ на землю рухнулъ.
Бубны, трубы загремѣли...
Обступили всѣ Любора,
Повели предъ очи князя
И княгини, и Людини:
И княжна вѣнокъ дубовый
Возложила на Любора...
Бубны, трубы загремѣли.

V.

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗАНІЯ И ПѢСНИ.

1.

Южно-Русскія, или Малороссійскія:

Самойло Кушка.

Переложилъ съ Малороссійскаго нарѣчія на Русскій языкъ

Александръ Аѳанасьевъ-Чужбинскій.

Изъ города изъ Трапезонта выступала галера, разрисованная, украшенная тремя цвѣтами: что первымъ цвѣтомъ — обита золотосиними киндяками [1]), вторымъ цвѣтомъ — пушками уставлена, третьимъ цвѣтомъ покрыта — бѣлымъ Турецкимъ сукномъ.

[1]) *Киндякъ* — шолковая матерія. *Щ.*

Гуляетъ въ этой галерѣ Алканъ-паша, княжичъ Трапезонтскій *); при немъ избранныхъ воиновъ семьсотъ Турковъ и четыреста янычаръ, да триста-пятьдесять однихъ бѣдныхъ невольниковъ, не считая войсковой старшины. Первый старшина — Самойло Кушка, гетманъ Запорожскій, второй — Марко Рудный, войсковой судья, третій — Моисей Грачь, войсковой трубачъ, четвертый — Ляхъ Бутурлакъ, галерный ключникъ, сотникъ Переяславскій, отступникъ Христіанскій, который тридцать лѣтъ былъ въ неволѣ, двадцать-четыре года, какъ уже на свободѣ, обасурманился для почестей.

Далеко они въ той галерѣ отчаливали отъ пристани, далеко Чернымъ Моремъ гуляли; а противъ Кафы города пристали и держали тамъ очень долгій отдыхъ.

Вотъ и приснился Алкану-пашѣ, Трапезонтскому княжичу, удивительно-странный сонъ, и Алканъ-паша отзывается къ Туркамъ-янычарамъ и бѣднымъ невольникамъ:

— «Слушайте, Турки-янычары и вы, бѣдные невольники! Кто изъ Турокъ-янычаръ отгадаетъ мой сонъ, подарю тому три Турецкіе города; кто угадаетъ изъ невольниковъ — дамъ отпускныя, чтобъ никто и нигдѣ не смѣлъ ихъ трогать».

Услышавъ это, Турки ничего не сказали, а бѣдные невольники, хотя и хорошо знали, однако промолчали. Только изъ среды Турокъ и отозвался Ляхъ Бутурлакъ, галерный ключникъ, сотникъ Переяславскій, отступникъ Христіанскій.

— «Какъ же — говоритъ — намъ твой сонъ, Алканъ-паша, отгадать, когда ты намъ его не разсказываешь?»

— Такой мнѣ, братцы, сонъ привидѣлся, что дай Богъ не видѣть въ другой разъ! Снится мнѣ, что моя разрисованная, изукрашенная галера стала вдругъ ободрана и зажжена. Турки мои, янычары, изрублены въ куски, бѣдные мои невольники свободны, а Самойло Кушка разрубилъ меня на три части и бросилъ въ Черное Море.

Услыхавъ это, Ляхъ Батурлакъ проговорилъ ему:

— «Алканъ-паша, Трапезонтскій княжичъ, молодой господинъ! сонъ этотъ нисколько не повредитъ тебѣ, прикажи мнѣ только получше присматривать за невольниками, по рядамъ сажать ихъ, покрѣпче заковывать, брать по два прута красной лозы, сѣчь ихъ по шеямъ, кровь Христіанскую проливать на землю...»

Послѣ этого далеко отчаливали галеру отъ берега: въ городъ Козловъ, къ дочери Санджака на помолвку поспѣшали.

Вотъ и прибыли въ городъ Козловъ. Дочь Санджака выходитъ на встрѣчу Алкану-пашѣ со всѣмъ войскомъ: зазываетъ въ городъ Козловъ;

*) *Трапезонтъ* — городъ въ Азіатской Турціи, при Черномъ Морѣ.

Алкана-пашу беретъ за бѣлую руку, ведетъ въ каменныя палаты, сажаетъ на бѣлую скамью, а войско размѣщаетъ на рынкѣ.

Алканъ-паша, княжичъ Трапезонтскій, неслишкомъ однакожь пьетъ дорогіе напитки: онъ на галеру посылаетъ двухъ Турокъ на-развѣдку, изъ боязни, чтобъ Ляхъ-Бутурлакъ не отперъ оковъ Самойлу Кушкѣ, и не посадилъ бы его рука-объ-руку съ собою. Турки тѣ прибыли на галеру.

Вотъ Самойло Кушка, гетманъ Запорожскій, и говоритъ: «Ляхъ-Бутурлакъ, старый товарищъ! Когда-то и ты былъ, какъ мы, въ неволѣ, — поблагодѣтельствуй же намъ, отопри оковы хоть намъ, старшимъ: пусть бы и мы побывали въ городѣ, посмотрѣли на господскую свадьбу!»

Ляхъ Бутурлакъ отвѣчалъ: «Кушка Самойло, гетманъ Запорожскій, отецъ козацкій! послушайся ты меня, — топчи подъ ноги вѣру Христіанскую, изломай крестъ на себѣ; а если ты исполнишь это, будешь словно родной братъ у нашего молодого господина.»

Едва услыхавъ это, Самойло Кушка отвѣчалъ:

— «Гей, Ляхъ Бутурлакъ, сотникъ Переяславскій, отступникъ Христіанскій! не дождешься ты, чтобы я топталъ вѣру Христіанскую! Готовъ я на смерть и на рабство, — но буду стараться сложить голову въ землѣ козацкой... Мерзкая вѣра ваша, проклята земля ваша!»

Услыхавъ это, Ляхъ Бутурлакъ ударилъ по лицу Самойла Кушку.

— «О — говорилъ онъ — Самойло Кушка, гетманъ Запорожскій! если ты будешь укорять меня въ отступничествѣ, стану строже, чѣмъ за всѣми невольниками, за тобою присматривать, наблюдать за твоими оковами и тройными цѣпями прикрѣплять тебя!»

Бывъ свидѣтелями этого, Турки-посланцы воротились къ господину.

— «Алканъ-паша, княжичъ Трапезонтскій! — говорили они — веселись безпечно: у тебя вѣрный и хорошій ключникъ, онъ бьетъ по лицу Самойлу Кушку, и обращаетъ его въ нашу вѣру.»

Это очень радуетъ Алкана-пашу, княжича Трапезонтскаго. Онъ раздѣляетъ на двѣ части дорогіе напитки, и одну половину отсылаетъ на галеру, а другую оставляетъ себѣ съ невѣстой.

Началъ Ляхъ Бутурлакъ попивать дорогіе напитки, начали въ головѣ ключника разыгриваться козацкіе помыслы. «Господи! думалъ онъ: есть у меня что пить, есть въ чемъ ходить, только не-съ-кѣмъ поговорить о вѣрѣ Христіанской.» Вотъ онъ идетъ къ Самойлу Кушкѣ, сажаетъ его рука объ руку съ собою, по-два-по-три кубка дорогихъ напитковъ ему наливаетъ.

Беретъ Самойло Кушка по-два-по-три кубка въ руки: но то въ рукава, то за пазуху, то сквозь платокъ выливаетъ ихъ на полъ. Ляхъ же Бутурлакъ, выпивая по одному, до того напился, что свалился съ ногъ.

Тогда Самойло Кушка догадался, — словно ребенка уложилъ на постелю спать Ляха Бутурлака, а самъ вынулъ у него изъ головъ восемьдесятъ-четыре ключа, и, отдавая по ключу на пять человѣкъ товарищей, сказалъ имъ: «старайтесь, ребята, отпирайте другъ-друга, не скидывайте оковъ ни съ ногъ, ни съ рукъ, а ожидайте полуночи!»

И вотъ козаки отперли другъ друга, но, не сбрасывая оковъ ни съ рукъ, ни съ ногъ, ожидали полуночи; а Самойло Кушка, догадавшись о чемъ-то, словно бѣднаго невольника, самъ-себя на тройную цѣпь взялъ, тоже ожидая назначеннаго времени.

Начала полночь приближаться; сталъ Алканъ-паша съ войскомъ подъѣзжать къ галерѣ. Взойдя на галеру, онъ и говоритъ: «Вы, Турки-янычары, потише, — не разбудите моего вѣрнаго ключника; сами же пройдите по рядамъ и хорошенько осмотрите каждаго человѣка. Ключникъ теперь подгулялъ, — то чтобъ онъ не облегчилъ кого-нибудь!

Взявъ свѣчи, Турки-янычары проходили между рядами, осматривали каждаго человѣка, — и видно Богъ помогъ, — не прикасались руками къ замкамъ. «Алканъ-паша! — говорили они — почивай безпечно; у тебя вѣрный и исправный ключникъ: онъ посадилъ въ рядъ невольниковъ, заковалъ ихъ, какъ слѣдуетъ, а Самойла Кушку прикрѣпилъ тройною цѣпью.

Тогда Турки-янычары вошли въ галеру, и легли безаботно спать; а тѣ, которые были пьяны и одолѣваемы сномъ, улеглись возлѣ Козловской пристани.

Дождавшись полуночи, Самойло Кушка всталъ одинъ, съ рукъ и съ ногъ оковы побросалъ въ Черное Море, вошелъ въ галеру, разбудилъ козаковъ, выбралъ булатныя сабли и сказалъ козакамъ:

«Вы, ребята, не стучите оковами, — не надѣлайте шума, чтобъ не разбудить въ галерѣ ни одного Турка.

Козаки хорошо это понимали, сняли съ себя оковы, бросили ихъ въ Черное Море и не разбудили ни одного Турка.

Тогда Самойло Кушка говоритъ козакамъ: «Вы козаки-молодцы, старайтесь: заходите отъ города Козлова и рубите въ куски Турокъ-янычаръ, а иныхъ и живьёмъ бросайте въ Черное Море!»

И козаки заходили отъ города Козлова, рубили Турокъ-янычаръ въ куски, а иныхъ живьёмъ бросали въ Черное Море.

Самойло же Кушка, взявъ съ постели Алкана-пашу, разсѣкъ его на три части, и, бросивъ въ Черное Море, говорилъ козакамъ: «старайтесь, ребята! выбрасывайте всѣхъ въ Черное Море, только не рубите Ляха-Бутурлака, а оставьте его среди войска, для порядку, войсковымъ яризой.

Козаки хорошо старались: всѣхъ Турокъ побросали въ Черное Море,

только не рубили Ляха Бутурлака, оставляя его среди войска, для порядка, войсковымъ яризой.

И, отчаливъ галеру отъ пристани, далеко пустились въ Черное Море.

Вотъ, въ воскресенье Ляхъ Бутурлакъ встаетъ съ постели, идетъ къ Самойлу Кушкѣ и падаетъ ему въ ноги. — «О, Кушка Самойло, гетманъ Запорожскій, отецъ козацкій! не будь для меня тѣмъ, чѣмъ былъ я для тебя при концѣ моего вѣка. Тебя Господь Богъ пособилъ побѣдить врага, но ты не будешь умѣть достигнуть земли Христіанской... А ты вотъ-что сдѣлай: половину козаковъ прикуй къ лавкамъ и посади за весла, а половину наряди въ Турецкую богатую одежду: потому что еще будемъ ѣхать къ Цареграду, а изъ Цареграда будутъ выплывать двѣнадцать галеръ, будутъ Алкана-пашу и невѣсту его поздравлять съ обрученіемъ... А что̀ ты будешь отвѣчать имъ?»

Самойло Кушка, гетманъ Запорожскій, послушался совѣта Ляха Бурлака: половину козаковъ приковалъ онъ къ лавкамъ и посадилъ за весла, а другую половину одѣлъ въ Турецкую дорогую одежду. И начали они отъ города Козлова къ Цареграду путь держать, начали выплывать изъ Цареграда двѣнадцать галеръ, стали привѣтствовать изъ орудій Алкана-пашу и невѣсту его съ обрученіемъ. А Ляхъ Бутурлакъ о чемъ-то догадался, вышелъ на корму, замахалъ бѣлой Турецкой чалмой и заговорилъ по-гречески и по-турецки: — «Вы, братцы, Турки-янычары, потише!... Отворачивайте-ко отъ галеры, потому что онъ подгулялъ и почиваетъ съ похмѣлья: головы не подыметъ, не встанетъ къ вамъ. Онъ говорилъ, что какъ поѣдетъ назадъ, то вашей милости не забудетъ!»

И Турки-янычары отъ галеры отворачивали, плыли къ Цареграду: изъ двѣнадцати орудій гремѣли, честь отдавали.

Тогда козаки постарались: уставили себѣ семь орудій, почесть воздавали; спускались къ Лиману и низко кланялись Днѣпру-словутѣ...

— «Хвалимъ Тебя, Господи, и благодаримъ! Были пятьдесятъ четыре года въ неволѣ, — не дастъ ли намъ Богъ хоть часъ пожить на свободѣ».

* * *

— Что̀ молодцы-козаки, не блуждаетъ ли эта галера, или она горюетъ, или на ней много царскаго народу, или она гоняется за большой добычей? — то вы, смотрите, заряжайте по два орудія, привѣтствуйте её грозно, дайте ей гостинца!»

Тогда козаки отвѣчали: — «Семенъ Скалозубъ, гетманъ Запорожскій, отецъ козачій? Вѣрно ты самъ боишься... Эта галера ни блуждаетъ, ни горюетъ, ни несетъ на себѣ много царскаго народу, ни гоняется за

большой добычей: это, можетъ быть, давнишніе бѣдные невольники уходятъ изъ плѣна».

— «Вы всё-таки не довѣряйте, — хоть по два орудія заряжайте, грозно её привѣтствуйте, пошлите ей гостинца: если Турки-янычары, то въ куски рубите; если же бѣдные невольники, то помогите имъ!»

Тогда козаки, словно дѣти, не хорошо начали: по два орудія заряжали, грозно привѣтствовали галеру, три доски у нея выбили, Днѣпровской воды напустили.

Въ то время Кушка Самойло, гетманъ Запорожскій, о чемъ-то догадался, самъ вышелъ на корму, вынулъ изъ кармана красныя, крестовыя старинныя знамена, распустилъ ихъ, преклонилъ къ водѣ, и самъ низко поклонился.

— «Козаки-молодцы! — сказалъ онъ: — эта галера ни блуждаетъ, ни горюетъ, ни много несетъ на себѣ царскаго народу, ни гонится за большой добычей; а это старинный бѣдный невольникъ, Самойло Кушка, уходитъ изъ плѣна. Были мы пятьдесятъ-четыре года въ неволѣ, а теперь не дастъ ли Богъ хоть часъ пожить на свободѣ.»

Тогда козаки прыгали въ чолны, брали галеру за разрисованные прилавки и вытаскивали на берегъ. Вытащивъ, начали дѣлить добычу: киндяки козакамъ, парчу атаманамъ, Турецкое бѣлое сукно козакамъ-бѣлякамъ; а галеру зажгли и пустили. Серебро и золото раздѣлили на три части: первую часть отложили на церкви, на Межигорскаго Спаса, на Трахтомировскій Монастырь, на святую Сѣчевую Покровъ, храмы, прежде еще выстроенные на счетъ казачій, чтобы въ нихъ непрестанно молились. Другую часть козаки дѣлили между собою, а третью брали — садились въ тростникахъ, пили, пировали, гремѣли изъ семичетвертныхъ пищалей и поздравляли съ освобожденіемъ Самойла Кушка: «Здорово! — говорили — здорово, Самойло Кушка, гетманъ Запорожскій! не погибъ ты въ неволѣ, не погибнешь и съ нами, козаками, на волѣ!»

— Правда, братцы!

Сложилъ Самойло Кушка голову въ Кіевѣ, въ Каневѣ монастырѣ... Но слава не умретъ, не погибнетъ... Будетъ слава славна между козаками, между добрыми молодцами!

Укрѣпи, Господи, народъ царскій, народъ Христіанскій, войско Запорожское, Донское, съ этой чернью Днѣпровскою низовою, на многія лѣта, до конца свѣта.

ТРИ БРАТА.

Переложилъ съ Малороссійскаго нарѣчія

Александръ Аѳанасьевъ-Чужбинскій.

Но не сильные туманы вставали, а три родные брата уходили изъ города Азова, изъ тяжкаго плѣна. Два изъ нихъ на коняхъ, а третій, пѣшій, старается догнать братьевъ, ноги свои козацкія рѣжетъ о сырые корни, о бѣлые камни, кровью слѣдъ свой заливаетъ и говоритъ: «Остановитесь, братцы, покормите коней, меня подождите, съ собой возьмите, въ городà Христіанскіе довезите!» Слыша это, средній братъ спрашиваетъ у старшаго; а старшій отвѣчаетъ: «Вотъ стану я морить лошадь, подавать помощь и живой трупъ брать къ себѣ! Развѣ тебѣ не памятна еще тяжкая неволя? Какъ начнемъ ожидать брата, — будетъ орда догонять насъ, и разстрѣляетъ, изрубитъ, иль снова будемъ пропадать въ работѣ. Если онъ живъ и здоровъ будетъ, самъ дойдетъ въ Христіанскіе городà» — «Если уже не хотите, братцы, ожидать меня — началъ говорить меньшой: — то прошу васъ, сворачивайте на правую сторону, вынимайте изъ ножонъ сабли, сымите мнѣ съ плеча голову, порубите мое тѣло, похороните въ степи и не отдайте на съѣденіе звѣрямъ и птицамъ!» Услышавъ это, средній братъ говоритъ: «это, отъ-роду не слыхано, чтобы родной кровью обмывали сабли, или прощались острымъ копьемъ!... Сабля не возьметъ, рука не поднимется рубить тебя!» — «Если уже, братцы, не хотите умертвить меня, то, прошу васъ, когда будете въѣзжать въ лѣсные овраги, срубите терновыя вѣтки, набирайте съ собою въ полы, разбрасывайте по дорогѣ и оставляйте мнѣ примѣту... Пусть и мнѣ будетъ вѣдомо, куда уходить за вами!»

Вотъ и въѣзжаютъ два козака въ лѣсные овраги. Средній братъ чувствуетъ жалость, срубаетъ верхнія вѣтви терновника и бросаетъ брату на-примѣту. Но какъ начали выѣзжать на Муравскую дорогу и нечего уже было разбрасывать, — онъ красную китайку вырываетъ изъ подъ кафтана, разбрасываетъ по дорогѣ и оставляетъ меньшому брату признакъ.

Началъ пѣшій выходить изъ терновника, началъ находить красную китайку: беретъ её въ руки, кладетъ къ сердцу. «Недаромъ — говоритъ — красная китайка валяется по дорогѣ: вѣрно нѣтъ уже на свѣтѣ моихъ братьевъ!... Охъ, вѣрно за ними изъ города была погоня: миновавъ меня въ терновникахъ, догнала моихъ братьевъ, изстрѣляла, изрубила ихъ. Еслибы хоть милосердный Господь помогъ мнѣ отыскать козацкое тѣло, оплакать братьевъ и похоронить ихъ въ чистой степи... Бѣда мнѣ: нѣтъ хлѣба, нѣтъ воды, — слѣда не вижу, — а буйный вѣтеръ повѣваетъ по степи и сбиваетъ съ ногъ бѣднаго козака... Ахъ, довольно мнѣ гнаться за конными братьями: пора мнѣ дать отдыхъ ногамъ козацкимъ.»

Говоря это, прибылъ онъ къ Сауръ-Могилѣ, и отдыхаетъ подъ нею беззаботно.

Тогда налетали сизые орлы и пристально заглядывали козаку въ глаза. Козакъ видитъ это, и говоритъ: «орлы сизоперые, гости мои милые! Прошу васъ тогда прилетать и выклевывать глаза мнѣ, когда уже не буду видѣть свѣта Божьяго!» Проговоривъ это, бѣднякъ черезъ часъ отдалъ душу милосердому Богу.

И слетѣлись орлы, и выклевали глаза ему; собирались мелкія птицы и оклевали тѣло около желтыхъ костей; сбѣгались сѣрые волки, рвали козацкое тѣло, по терновникамъ, по лѣснымъ оврагамъ глодали желтыя кости, жалобно волки завывали: это они такъ козачьи похороны отбывали!... Вдругъ гдѣ ни взялась кукушка, сѣла въ головахъ и жалостно закуковала — словно оплакивала сестра брата или мать сына...

А конные братья стали подъѣзжать къ Христіанскимъ городамъ, и начала сильная тоска облегать сердца ихъ. Вотъ средній братъ и говоритъ старшему: «не даромъ сильная печаль тяготитъ насъ, вѣрно нѣтъ уже нашего брата на свѣтѣ... А что, братъ, какъ пріѣдемъ домой, и отецъ, и мать начнутъ спрашивать о братѣ: — что мы отвѣтимъ?»

Услышавъ это, старшій братъ говоритъ среднему: «скажемъ, не у одного господина были мы въ рабствѣ, уходили ночью, не могли добудиться соннаго, ждали и не дождались, а начало разсвѣтать, — и мы сѣли на лошадей.»

Услыхавъ это, средній братъ и говоритъ: «если не скажемъ отцу и матери правды, насъ покараетъ Богъ милосердый.»

Старшій братъ отвѣчалъ: «а если мы правду скажемъ, то отецъ и мать проклянутъ насъ. Пусть лучше они не знаютъ объ этомъ, — а умрутъ, такъ мы же раздѣлимъ имѣніе только на двѣ части!»

И вотъ выѣзжаютъ старшіе братья на Самарскія поля и останавливаются надъ рѣчкой Самаркой, возлѣ источника Салтанки отдыхать, и пасутъ лошадей.

Въ то время набѣжали безбожные басурманы и изрубили этихъ духъ братьевъ: тѣло козацкое разнимали на части, разбрасывали по чистому полю, подымали головы на сабли и долго потѣшались.

МАРУСЯ БОГУСЛАВКА.

Переложилъ съ Малороссійскаго нарѣчія

Пантелеймонъ Кулишъ.

На Черномъ Морѣ, на бѣломъ камнѣ стояла каменная темница, и въ той темницѣ сидѣло семь-сотъ козаковъ, бѣдныхъ невольниковъ. Тридцать лѣтъ сидятъ они въ неволѣ, свѣта Божьяго, праваго, не видятъ.

И приходитъ къ нимъ дѣвушка-*бранка* [1]), Маруся, поповна Богуславка [2]), и говоритъ имъ: — «эй, козаки, бѣдные невольники! Угадайте, какой теперь день въ нашей земли Христіанской?»

Слышатъ это бѣдные невольники, узнаютъ дѣвушку-бранку, Марусю, поповну Богуславку по голосу, и говорятъ ей: — «эй, дѣвушка-бранка, Маруся, поповна Богуславка! Почемъ намъ знать, какой теперь день въ нашей землѣ Христіанской?... Мы тридцать лѣтъ сидимъ въ неволѣ, и Божьяго свѣта, праведнаго солнца не видимъ... Не знаемъ мы, какой теперь день въ нашей землѣ Христіанской.»

Тогда дѣвушка-бранка, Маруся, поповна Богуславка говоритъ козакамъ: — «Ой, козаки, бѣдные невольники! Сегодня въ нашей землѣ Христіанской Страстная суббота, а завтра святой праздникъ, годовой день — *Великъ-день...*»

Услыхавъ это, козаки пали бѣлымъ лицомъ на землю, и прокляли дѣвушку-бранку, Марусю, поповну Богуславку: — «о, чтобъ у тебя, дѣвушка-бранка, Маруся, поповна Богуславка, не было ни счастья, ни доли!... Зачѣмъ ты намъ объявила, что сего-дня святой праздникъ, годовой день — *Великъ-день?*»

Тогда дѣвушка-бранка, Маруся, поповна Богуславка, говоритъ имъ: — «ой, козаки, бѣдные невольники! не браните меня, не проклинайте... Какъ будетъ ѣхать нашъ Турокъ-господинъ въ мечеть [3]), то отдастъ мнѣ на руки ключи: тогда я приду къ темницѣ, отопру темницу, и выпущу всѣхъ васъ, бѣдныхъ невольниковъ на волю.»

И вотъ, въ святой праздникъ, въ годовой день — Великъ-день, выѣзжаетъ Турокъ-господинъ въ мечеть, и отдаетъ ключи на руки дѣвушкѣ-бранкѣ, Марусѣ, поповнѣ Богуславкѣ. Тогда она приходитъ въ темницу, выпускаетъ всѣхъ козаковъ, бѣдныхъ невольниковъ на волю, и говоритъ: — «козаки, бѣдные невольники! Уходите вы въ Христіанскіе города; но прошу васъ, не минуйте города Богуслава, и дайте знать моему отцу и матери — пускай мой отецъ не продаетъ земель и имущества, пускай не собираетъ великихъ сокровищъ, и не выкупаетъ изъ неволи меня, дѣвушки-бранки, Маруси, поповны Богуславки... Я ужь отурчилась, обасурманилась, ради роскоши Турецкой, ради несчастнаго лакомства!»

О, Боже! освободи насъ всѣхъ, бѣдныхъ невольниковъ, изъ тяжкой неволи, изъ земли басурманской! Возврати насъ къ яснымъ зорямъ, къ тихимъ водамъ, въ край веселый, межь народъ крещеный!... Выслушай, Боже, наши горячія просьбы, наши несчастныя невольницкія мольбы!

---

[1]) *Бранка* — то-есть, взятая въ полонъ.

[2]) *Богуславка* значитъ — изъ города Богуслава.

[3]) *Мечетью* называется Турецкая и вообще Магометанская церковь.

ИЗЪ ДУМЫ О ПОХОДѢ НА ПОЛЯКОВЪ.[1])

Переложилъ съ Малороссійскаго нарѣчія

Михаилъ Максимовичъ.

Ромко Мушкетъ думаетъ-гадаетъ, говоритъ словами: —

«А что, какъ наше козачество, словно въ аду, Ляхи[2]) спялятъ, да изъ нашихъ козацкихъ костей пиръ себѣ на похмѣлье сварятъ?...

А что, какъ наши головы козацкія, молодецкія по степи-полю полягутъ, да еще и родною кровью омоются, пощепанными саблями покроются... Пропадетъ, какъ порохъ изъ дула, та козацкая слава, что по всему свѣту дымомъ стала, что по всему свѣту степью разлеглась, протянулась, да по всему свѣту шумомъ лѣсовъ раздалась, Туретчинѣ да Татарщинѣ добрымъ лихомъ знать далась, да и Ляхамъ-ворогамъ на копье отдалась?..»

Закрячетъ воронъ, степью летучи,
Заплачетъ кукушка, лѣсомъ скачучи,
Закуркуютъ сизые кречеты,
Задумаются сизые орлы! —
И всё, всё по своихъ братьяхъ,
По буйныхъ товарищахъ, козакахъ...

«Или ихъ сугробомъ занесло, али въ аду потопило, — что не видно чубатыхъ[3]) ни по степямъ, ни по лугамъ, ни по Татарскимъ землямъ, ни по Чернымъ Морямъ, ни по Ляшскимъ полямъ?...

Закрячетъ воронъ, загруетъ, зашумитъ, да и полетитъ въ чужую землю... Анъ, нѣтъ! — Кости лежатъ, сабли торчатъ, кости хрустятъ, пощепанныя сабли бренчатъ...

А черная сивая сорока оскалилась и скачетъ... А головы козацкія — словно швецъ Семенъ[4]) шнуру потерялъ; а чубы — словно чортъ жгуты повилъ: въ крови всѣ засохли... То-то и славы набрались!».....

---

[1]) Походъ этотъ былъ въ 1637 году. — Козаки снова ополчились на Поляковъ, послѣ смерти своего предводителя, Павлюка, замученнаго Поляками.

[2]) *Ляхи* — Поляки.

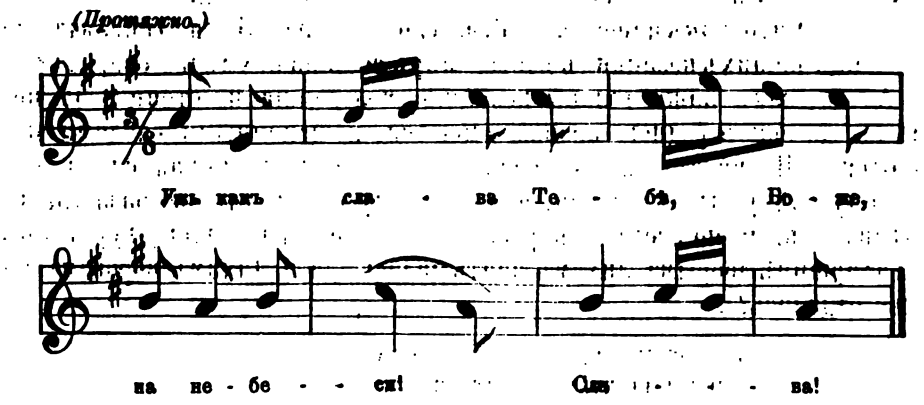
[3]) *Чубомъ*, или *оселедцемъ* называется длинный хохолъ на выбритой головѣ, какъ носили встарину Малороссіяне. — *Чубатый* значитъ хохлатый.

[4]) Этотъ какой-то *Семенъ-швецъ* (то-есть, сапожникъ) вошелъ почему-то въ Малороссійскую поговорку.

2.

Великорусскія:

Народная величальная пѣснь Русскому царю.



Слава.

Ужь какъ слава Богу на небеси,
— Слава! —
Государю Русскому по всей землѣ
— Слава! —
Чтобы нашему государю не старѣться,
— Слава! —
Его цвѣтному платью не изнашиваться,
— Слава! —
Его добрымъ конямъ не изъѣзживаться,
— Слава! —
Его вѣрнымъ слугамъ не измѣниваться,
— Слава! —
Чтобы царёва золота казна,
— Слава! —
Была вѣкъ полнымъ полна,
— Слава! —
Чтобы правда пошла по всей Русской землѣ,
— Слава! —
Краше солнца свѣтла...
— Слава! —
Эту пѣсню мы Государю поёмъ,
— Слава! —
Государю поёмъ, ему честь воздаёмъ...
— Слава! —

О богатырѣ Вольгѣ Святославичѣ и о пахарѣ Микулѣ Селяниновичѣ *).

Когда возсіяло солнце красное
На это на небушко на ясное,
Тогда зарождался молодой Вольга,
Молодой Вольга Святославговичъ.
Сталъ Вольга растѣть-матерѣть;
Похотѣлося Вольгѣ много мудрости:
Щукой-рыбою ходить ему въ глубокіихъ моряхъ,
Птицей-соколомъ летать подъ оболока,
Сѣрымъ волкомъ рыскать во чистыихъ поляхъ.
Уходили всѣ рыбы во синія моря,
Улетали всѣ птички за оболока,
Убѣгали всѣ звѣри во темные лѣса.
Сталъ Вольга растѣть-матерѣть,
Избирать собѣ дружинушку хоробрую,
Тридцать молодцевъ безъ единаго,
Самъ още Вольга во тридцатыихъ.
Жаловалъ его родной дядюшка,
Ласковый Владиміръ стольно-Кіевскій,
Тремя городами со крестьянами:
Первымъ городомъ — Гурчевцомъ,
Другіимъ городомъ — Орѣховцомъ,
Третьіимъ городомъ — Крестьяновцемъ.
Молодой Вольга Святославговичъ,
Со своею дружинушкой хороброю,
Онъ поѣхалъ къ городамъ за получкою.
Выѣхалъ въ раздольице, чисто поле,
Онъ услышалъ въ чистомъ полѣ ратая:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омѣшики по камешкамъ почерживаютъ.
Ѣхалъ Вольга до ратая
День съ утра онъ до вечера,
Со своею дружинушкой хороброй,
А не могъ онъ до ратая доѣхати.
Ѣхалъ Вольга още другой день,
Другой день съ утра до вечера,
А не могъ онъ до ратая доѣхати.

*) Эта древнѣйшая былина записана г. *Рыбниковымъ* въ Кижской волости Петрозаводскаго уѣзда, Олонецкой губерніи, со словъ крестьянина *Рябинина*. Щ.

Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Соша у ратая постриживаетъ,
Омѣшики по камешкамъ почеркиваютъ.
Ѣхалъ Вольга ощё третій день,
Третій день съ утра до пабѣдья,
Наѣхалъ онъ въ чистомъ полѣ ратая:
Оретъ въ полѣ ратай понукиваетъ,
Съ края въ край борозди пометываетъ;
Въ край онъ уѣдетъ, другаго не видать;
Коренья, каменья вывертываетъ,
А великіе-то всѣ каменья въ борозду валитъ.
Кобыла у ратая соловая,
Соша у ратая кленовая,
Гужики у ратая шолковые.
Говорилъ Вольга таковы слова:
«Божья ти помочь, оратаюшко!
«Орать, да пахать, да крестьянствовати,
«Съ края въ край борозди пометывати,
«Коренья, каменья вывертывати!»
Говорилъ оратай таковы слова:
— «Подитко, Вольга Святославговичъ,
Со своею со дружинушкой хороброю;
Мнѣ-ко надобна Божья помочь крестьянствовати!...
Далеко ль, Вольга, ѣдешь, куда путь держишь
Со своею дружинушкою хороброю?» —
«Ай же ты, ратаю, ратаюшко!
«Ѣду къ городамъ за получкою:
«Ко первому городу ко Гурчевцу,
«Ко другому ко городу Орѣховцу,
«Ко третьему городу ко Крестьяновцу.»
Говорилъ оратай таковы слова:
— «Ай же, Вольга Святославговичъ!
А недавно я былъ въ городни, третьёво-дни,
На своей кобылкѣ соловоей,
Увезъ я оттоль соли только два мѣха,
Два мѣха соли по сороку пудъ...
И живутъ-то мужики всё разбойники;
Оны просятъ грошевъ подорожныихъ;
А былъ я съ шалыгой *) подорожною,
Платилъ имъ гроши подорожные:
Который стоя стоитъ, тотъ и сидя сидитъ,
А который сидя сидитъ, тотъ и лежа лежитъ.»
Говорилъ Вольга таковы слова:
«Ай же, оратай-оратаюшко,

*) *Шалыга* — шелепуга, плеть съ пулей, кистень.

«Поѣдемъ со мною въ товарищахъ!»
Этотъ оратай-оратаюшко
Гужики шелковиньки повыстегнулъ,
Кобылку изъ сошки повывернулъ.
Сѣли на добрыіхъ коней, поѣхали.
Говоритъ оратай таковы слова.
— «Ай же, Вольга Святославговичъ!
Оставилъ я сошку въ бороздочкѣ,
И не гля-ради прохожаго, проѣзжаго,
А гля-ради мужика деревенщины.
Какъ бы сошку съ земельки повыдернути,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнути,
И бросить бы сошку за ракитовъ кустъ?»
Молодой Вольга Святославговичъ
Посылаетъ онъ съ дружинушки хоробрыя
Пять молодцевъ могучіихъ,
Чтобы сошку съ земельки повыдернули,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Эта дружинушка хоробрая,
Пять молодцовъ могучіихъ,
Пріѣхали къ сошкѣ кленовыя;
Оны сошку за обжи вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки съ земельки повыдернуть,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Молодой Вольга Святославговичъ
Посылаетъ онъ цѣлымъ десяточкомъ,
Чтобы сошку съ земельки повыдернули,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Оны сошку за обжи вокругъ вертятъ:
Сошки отъ земли поднять нельзя,
Не могутъ изъ омѣшиковъ земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Посылаетъ онъ всю дружинушку хоробрую:
Они сошку за обжи вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки съ земельки повыдернути,
Изъ омѣшиковъ земельки повытряхнути,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Подъѣхалъ оратай-оратаюшко
На своей кобылкѣ соловенькой
Ко этой ко сошкѣ кленовоей:
Бралъ то онъ сошку одной рукой,
Сошку съ земельки повыдернулъ,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнулъ,
Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.

Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
Оратая кобылка-то рысью идетъ,
А Вольгинъ-отъ конь поскакиваетъ;
У оратая кобылка-то грудью пошла,
А Вольгинъ-отъ конь оставается.
Сталъ Вольга тутъ покрикивати,
Колпакомъ Вольга сталъ помахивати:
«Постой-ка ты, ратай-ратаюшко!
«Этая кобылка коньюмъ бы была,
«За эту кобылку пятьсотъ бы дали.»
Говорилъ оратай таковы слова:
— «Глупый, Вольга Святославговичъ!
Взялъ я кобылку жеребчикомъ спадъ матушки,
И заплатилъ за кобылку пятьсотъ рублей:
Этая кобылка коньюмъ бы была, —
За эту кобылку смѣты бы нѣтъ.»
Говорилъ Вольга Святославговичъ:
«Ай же, ты, ратаю-ратаюшко!
«Какъ-то тебя именемъ зовутъ,
«Какъ величаютъ по отчеству?»
Говорилъ оратай таковы слова:
— «Ай же, Вольга Святославговичъ!
А я ржи напашу, да во скирды сложу,
Во скирды складу, домой выволочу,
Домой выволочу, да дома вымолочу,
Драни надеру, да и пива наварю,
Пива наварю да и мужичковъ напою,
Станутъ мужички меня покликивати:
«Молодой Микулушка Селяниновичъ!»

Притча о Горѣ-Злочастіи.

Будетъ молодецъ уже въ разумѣ,
въ беззлобіи,
И возлюбили его отецъ и мать,
Учить его учали, наказывать,
На добрыя дѣла наставливать:
«Милое ты наше чадо,
Послушай ученія родительскаго,
Ты послушай пословицы
Добрыя, и хитрыя, и мудрыя, —
Не будетъ тебѣ нужды великія,
Ты не будешь въ бѣдности великой,...
Не ходи, чадо, въ игры и въ братчины,
Не садися ты на мѣсто большее;
Не пей, чадо, двухъ чаръ за-едину,
Не прельщайся, чадо, на добрыхъ,
красныхъ женъ,
На отеческія дочери;
Не ложися, чадо, въ мѣсто заточное,
Не бойся мудра, бойся глупа;
Что бы глупые на тя не подумали,
Да не сняли бы съ тебя драгихъ портъ,
Не доспѣли бы тебѣ позорства и стыда
великаго,
И племени укору и позору бездѣльнаго.

Не ходи, чадо, къ костаремъ и корчем-
никамъ;
Не знайся, чадо, съ головами кабац-
кими;
Не дружися чадо съ глупыми, нему-
дрыми;
Не думай украсти, ограбити,
И обмануть, солгать и неправду учи-
нить.
Не прельщайся, чадо, на злато и се-
ребро;
Не сбирай богатства неправаго,
И не буди послухъ лжесвидѣтельству;
А зла не думай на отца и матерь,
И на всякаго человѣка, —
Да и тебѣ покрыетъ Богъ отъ всякаго
зла.
Не безчествуй, чадо, богата, и убога,
А имѣй всѣхъ равно по единому,
А знайся, чадо, съ мудрыми
И съ разумными водися,
И съ други надежными дружися,
Которые бы тебя злу не наставили.»
Молодецъ былъ въ то время и малъ,
и глупъ,
Не въ полномъ разумѣ и несовершенъ
разумомъ.
Своему отцу стыдно покоритися
И матери поклонитися,
И хотѣлъ жити какъ ему любо...
Наживалъ молодецъ пятьдесятъ
рублёвъ:
Залѣзъ онъ себѣ пятьдесятъ друговъ;
Честь его, яко рѣка текла;
Друговя къ молодцу прибивалися,
Въ родъ-племя причиталися.
Еще у молодца былъ милъ, надеженъ
другъ,
Назвался молодцу названный братъ;
Прельстилъ его рѣчьми прелестными,
Зазвалъ его на кабацкій дворъ,
Завелъ его въ избу кабацкую,
Поднесъ ему чару зелена вина
И кружку поднесъ пива пьянаго,
Самъ говоритъ таково слово: —
Испей ты, братецъ мой названный,
Въ радость себѣ и въ веселіе, и во
здравіе,
Испей чару зелена вина,
Запей ты чашею меду сладкаго;
Хошь и упьешься, братецъ, до-пьяна,
Ино гдѣ пилъ, тутъ и спать ложися:
Надѣйся на меня, брата названнаго,
Я саду стеречь и досматривать;
Въ головахъ у тебя, мила друга,
Я поставлю кружку пшему сладково,
Вскрай поставлю зелено вино,
Близь тебя поставлю пиво пьяное;
Сберегу я, милъ другъ, тебя накрѣпко,
Сведу я тебя по отцу твоему и матери. —
Въ тѣ поры молодецъ понадѣялся
На своего брата названнаго;
Не хотѣлося ему друга ослушаться.
Принимался онъ за питья за пьяныя,
И испивалъ чару зелена вина,
Запивалъ онъ чашею меду сладкаго,
И пилъ онъ, молодецъ, пиво пьяное.
Упился онъ безъ-памяти,
И гдѣ пилъ, тутъ и спать ложился:
Понадѣялся онъ на брата названнаго.
Какъ будетъ день уже до вечера,
А солнце на западѣ,
Отъ сна молодецъ пробуждается;
Въ тѣ поры молодецъ озирается, —
И что сняты съ него драгіе порты,
Чары и чулочки всё поснимано,
Рубашка и... всё слуплено,
А кирпичекъ положенъ подъ буйну его
голову;
Онъ накинутъ гункою кабацкою,
Въ ногахъ у него лапотки-отопочки:
Въ головахъ мила друга и близко
нѣтъ...
И вставалъ молодецъ на бѣлы ноги,
Учалъ молодецъ наряжатися:
Обувалъ онъ лапотки-отопочки,
Надѣвалъ онъ гунку кабацкую,
Покрывалъ онъ свое тѣло бѣлое,
Умывалъ онъ лицо свое бѣлое.
Стоя, молодецъ закручинился,
Самъ говоритъ таково слово: —
Житіе мнѣ Богъ далъ великое, —

Ясти-кушати стало нечего!
Какъ не стало деньги, ни полуденьги,
Такъ не стало ни друга, ни полдруга;
Родъ и племя отчитаются,
Всѣ друзи прочь отпираются! —
Стало страмно молодцу появитися
Къ своему отцу и матери,
И къ своему роду и племени,
И къ своимъ прежнимъ милымъ другамъ....
Пошелъ онъ на чюжу страну, дальну, незнаему.
Нашелъ дворъ, что градъ стоитъ,
Изба на дворѣ, что высокъ теремъ;
Въ избѣ идетъ великъ пиръ почестенъ:
Гости пьютъ, ѣдятъ, потѣшаются.
Пришелъ молодецъ на честенъ пиръ,
Крестилъ онъ лицо свое бѣлое,
Поклонился чюднымъ образомъ,
Билъ челомъ онъ добрымъ людямъ
На всѣ четыре стороны...
А что видятъ молодца люди добрые,
Что гораздъ онъ креститися,
Ведетъ онъ всё по писанному ученію,
Емлютъ его люди добрые подъ руки,
Посадили его за дубовый столъ, —
Не въ большое мѣсто, не въ меньшее,
Садятъ его въ мѣсто среднее,
Гдѣ сидятъ дѣти гостиные.
Какъ будетъ пиръ на-веселіе,
И всѣ на пиру гости пьяны, веселы,
И сидя всѣ похваляются:
Молодецъ на пиру не веселъ сидитъ,
Кручиноватъ, скорбенъ, нерадостенъ;
А ни пьетъ, ни ѣстъ онъ, ни тѣшится,
И ничѣмъ на пиру не хвалится.
Говорятъ молодцу люди добрые: —
«Что еси ты, добрый молодецъ,
Зачѣмъ ты на пиру невеселъ сидишь,
Кручиноватъ, скорбенъ, нерадостенъ,
Не пьешь ты на пиру, не хвалишься?
Чара ли зелена вина до тебя не доходживала?
Или мѣсто тебѣ не по отчинѣ твоей?
Или малыя дѣти тебя изобидѣли?
Или глупые люди, неумудрые,
Чѣмъ тебѣ, молодцу, насмѣялися?
Или дѣти наши къ тебѣ не ласковы?» —
Говоритъ имъ, сидя, добрый молодецъ:
— Государи вы, люди добрые!
Скажу я вамъ про свою нужду великую
Про свое ослушанье родительское,
И про питье кабацкое, про чашу мерзвяную,
Про лестное питіе пьяное....
Язъ какъ принялся за питье за пьяное, —
Ослушался язъ отца и матери:
Благословеніе мнѣ отъ нихъ миновалося,
Господь Богъ на меня разгнѣвался,
И на мою бѣдность велись великія
Многія скорби неисцѣльныя,
И печали неутѣшныя —
Скудость, и недостатки, и нищета последняя.
Укротила скудость мой рѣчистый языкъ,
Изсушила печаль мое лицо и бѣлое тѣло
Ради-того мое сердце невесело,
А бѣлое лицо уныливо,
И ясныя очи замутилися,
Всё имѣніе и взоры у мене измѣнилися;
Отечество мое потерялося,
Храбрость молодецкая отъ мене миновалася...
Государи вы, люди добрые!
Скажите и научите, какъ мнѣ жить
На чюжой сторонѣ, въ чюжихъ людѣхъ
И какъ залѣзти мнѣ милыхъ друговъ! —
Говорятъ молодцу люди добрые: —
«Добро еси ты и разумный молодецъ!
Не буди ты спѣсивъ на чюжой сторонѣ,
Покорися ты другу и недругу,
Поклонися ты стару и молоду;
А чужихъ ты дѣлъ не объявливай,
А что слышишь или видишь — не сказывай!
Не льсти ты межь други и недруги;

Не имѣй ты упадки вилавые:
Не вейся змiею лукавою;
Смиренiе ко всѣмъ имѣй,
И ты съ кротостiю держися истины съ правдою, —
То тебѣ будетъ честь и воля великая.
Первое, тебе люди овѣдаютъ
И учнутъ тя чтить и жаловать
За твою правду великую,
За твое смиренiе и за вѣжество,
И будутъ у тебя милые други,
Названные братья надежные.» —
И оттуда пошелъ, пошелъ молодецъ на чюжу сторону,
И учалъ онъ жити умѣючи:
Отъ великаго разума
Наживалъ онъ живота больше стараго.
Присмотрилъ невѣсту себѣ по-обычаю:
Захотѣлося молодцу женитися.
Срядилъ молодецъ честенъ пиръ
Отчествомъ и вѣжествомъ,
Любовнымъ своимъ гостемъ и другомъ билъ челомъ.
И по грѣхомъ молодцу, и по Божiю попущенiю,
И по дѣйству дiяволю,
Предъ любовными своими гостьми
И други, и названными браты похвалился...
А всегда гнило слово похвальное,
Похвала живетъ человѣку пагуба:
— Наживалъ де я, молодецъ, живота, больши старово. —
Подслушало Горе-Злочастiе
Хвастанье молодецкое,
Само говоритъ таково слово: —
«Не хвались ты, молодецъ, своимъ счастiемъ,
Не хвастай своимъ богатеством!...
Бывали люди у меня, Горя,
И мудряя тебя, и досужае,
И я, Горе, ихъ перемудрило.
Учинися имъ злочастiе великое:
До смерти со мною боролися,
Во зломъ счастiи позорилися,
Не могли у мене, Горя, уѣхати;
Нонѣ они во гробъ вселилися,
Отъ мене на-крѣпко они землею накрылися,
Босоты и наготы они избыли,
И я отъ нихъ, Горе, миновалось, —
И Злочастiе на ихъ въ могилѣ осталось!
А мнѣ, Горю и Злочастiю, не въ-пустѣ же жить:
Хочю я, Горе, въ людѣхъ жить, —
И батогомъ меня не выгонить;
А гнѣздо мое и вотчина во бражникахъ!» —
Говоритъ сѣро Горе-горинское:
«Какъ бы мнѣ, молодцу, появитися?»
Ино зло то Горе излукавилось,
Во снѣ молодцу привидѣлось: —
«Откажи ты, молодецъ, невѣстѣ своей любимой;
Быть тебѣ отъ невѣсты исправлену,
Еще быть тебѣ отъ тое жены удавлену,
Изъ злата и сребра быть убитому...
Ты пойди, молодецъ, на царевъ кабакъ:
Не жали ты, пропивай свои животы,
А скинь ты платье гостиное,
Надежи ты на себя гунку кабацкую;
Кабакомъ то Горе избудется,
Да то злое Злочастiе останется,
За нашимъ то Горе не погонится,
Да никто къ нагому не привяжется;
А нагому, босому шумитъ разбой.» —
Тому сну молодецъ не повѣровалъ.
Ино зло то Горе излукавилось...
Молодцу по прежнему
Еще въ-ново Злочастiе привязалося: —
«Али тебѣ, молодецъ, невѣдома
Нагота и босота безмѣрная,
Легота, безпроторица великая?...
На себя что купить, то проториться,
А ты, удалъ молодецъ, и такъ живешь!
Да не бьютъ, не мучатъ нагихъ-босыхъ,
И изъ рая нагихъ, босыхъ не выгонятъ,
А съ тово свѣту сюда не вытянутъ,
Да никто къ нему не привяжется;
А нагому, босому шумитъ разбой!» —
Тому сну молодецъ онъ повѣровалъ:

Сошелъ онъ пропивать свои животы,
А скинулъ онъ платье гостиное,
Надѣвалъ онъ гунку кабацкую,
Покрывалъ онъ свое тѣло бѣлое.
Стало молодцу срамно появитися
Своимъ милымъ другомъ.
Пошелъ молодецъ на чужу страну, дальну, незнаему;
На дорогѣ пришла ему быстра рѣка,
За рѣкою перевозчики,
А просятъ у него перевознаго:
Ино дать молодцу нечево, —
Не везутъ молодца безденежно.
Сидитъ молодецъ день до вечера,
Миновался день, ни дообѣднемъ,
Не ѣдалъ молодецъ ни полу-куса хлѣба.
Вставалъ молодецъ на скорыя ноги,
Стоя, молодецъ закручинился:
«Ахти мнѣ, Злочастіе горинское!
До бѣды меня, молодца, домыкало,
Уморило меня, молодца, смертью голодною.
Уже три дня мнѣ были нерадостны,
Не ѣдалъ я, молодецъ, ни полу-куса хлѣба!
Ино кинусь я, молодецъ, въ быстру рѣку:
Полощи мое тѣло, быстра рѣка!
Ино ѣшьте, рыбы, мое тѣло бѣлое, —
Ино лутчи мнѣ житія сего позорнаго!
Удался я у Горя злочастнаго...»
И въ тотъ часъ у быстры рѣки
Скочи Горе изъ-за камени,
Босо, наго, нѣтъ на Горѣ ни ниточки,
Еще лычкомъ Горе подпоясано,
Богатырскомъ голосомъ восклицало: —
«Стой ты, молодецъ, меня, Горя, не уйдешь никуды!
Не мечися въ быстру рѣку,
Да не буди въ-горѣ кручиноватъ...
А въ горѣ жить — некручинну быть!
А кручинну въ-горѣ погинути!
Спамятуй, молодецъ, житіе свое первое:
И какъ отецъ тебѣ говорилъ,
А какъ тебѣ мати наказывала, —
О чемъ тогда ихъ не послушалъ?
Не захотѣлъ ты имъ покоритися,
Постыдился имъ поклонитися,
А хотѣлъ ты жить, какъ тебѣ любо есть!
А кто родителей своихъ на добро ученія не слушаетъ,
Того выучу я, Горе злочастное:
Не къ любому онъ учнетъ упадывать,
И учнетъ онъ недругу покорятися!»
Говоритъ Злочастіе таково слово: —
«Покорися мнѣ, Горю нечистому,
Поклонися мнѣ, Горю, до сыры земли, —
А нѣтъ меня, Горя, мудряя на семъ свѣтѣ, —
И ты будешь перевезенъ за быструю рѣку,
Напоятъ тя, накормятъ люди добрые,» —
А что видитъ молодецъ бѣду неминучую, —
Покорился Горю нечистому,
Поклонился Горю до сыры земли.
Пошелъ, поскочилъ добрый молодецъ,
По круту, по красну по бережку,
По желтому песочику;
Идетъ веселъ, некручиноватъ;
Утѣшилъ онъ Горе-Злочастіе,
И самъ, идучи, думу думаетъ:
— Когда у меня нѣтъ ничего,
И тужить мнѣ не о чемъ!
Да еще молодецъ некручиноватъ,
Запѣлъ онъ хорошую напѣвочку
Отъ великаго крѣпкаго разума: —
— Безпечальна мати меня породила,
Драгими порты меня одѣвала, —
«Хорошо ли, мое чадо, въ драгихъ портахъ?...
А въ драгихъ портахъ чаду и цѣны нѣтъ!»
Какъ бы до вѣку она такъ пророчила!
Ино я самъ знаю и вѣдаю,
Что не класти скарлату безъ мастера,
Не утѣшити дитяти безъ матери,
Не бывать бражнику богату,
Не бывать костарю въ славѣ доброй;

Донской Монастырь въ Москвѣ.

Завѣченъ я у своихъ родителей,
Что мнѣ быти бѣлёшеньку,
А что родился головёнкою! —
Услышали перевозчики молодецкую напѣвочку,
Перевезли молодца за быструю рѣку,
А не взяли у него перевозного.
Напоили, накормили люди добрые,
Сняли съ него гунку кабацкую,
Дали ему порты крестьянскіе,
Говорятъ молодцу люди добрые: —
«А что еси ты, добрый молодецъ,
Ты поди на свою сторону,
Къ любимымъ честнымъ своимъ родителямъ,
Къ отцу своему и къ матери любимой,
Простися ты съ своими родителями,
Со отцомъ и матерію,
Возьми отъ нихъ благословеніе родительское!» —
И оттуда пошелъ молодецъ на свою сторону.
Какъ будетъ молодецъ на чистомъ полѣ,
А что зло Горе напередъ зашло,
На чистомъ полѣ молодца встрѣтило,
Учало надъ молодцомъ граяти,
Что злая ворона надъ соколомъ;
Говоритъ Горе таково слово: —
«Ты стой, не ушелъ, добрый молодецъ!
Не на часъ я къ тебѣ, Горе злочастное, привязалося:
Хошь до смерти съ тобою помучуся!
Не одно я, Горе, — еще сродники,
И вся родня наша добрая;
Всѣ мы гладкіе, умильные,
А кто въ семью къ намъ примѣшается,
Ино тотъ между нами замучится.
Такова у насъ участь и лутчая...
Хотя кинься во птицы воздушныя,
Хотя въ синее море ты пойдешь рыбою,
А я съ тобою пойду подъ руку подъ правую.» —
Полетѣлъ молодецъ ясным соколомъ,
А Горе за нимъ бѣлымъ кречетомъ;
Молодецъ полетѣлъ сизымъ голубемъ,
А Горе за нимъ сѣрымъ ястребомъ;
Молодецъ пошелъ въ полѣ сѣрымъ волкомъ,
А Горе за нимъ съ борзыми выжлецы,
Молодецъ сталъ въ полѣ ковыль-трава,
А Горе пришло съ косою вострою...
Да еще Злочастіе надъ молодцомъ насмѣялося:
«Быть тебѣ, травонька, посѣченой,
Лежатъ тебѣ, травонька, посѣченой,
И буйны вѣтры быть тебѣ развѣянной!»
Пошелъ молодецъ въ море рыбою,
А Горе за нимъ съ частыми неводами,
Еще Горе злочастное насмѣялося:
«Быть тебѣ, рыбонькѣ, у бережку уловленной,
Быть тебѣ да и съѣденой,
Умереть будетъ напрасно смертію!...»
Молодецъ пошелъ пѣшь дорогою,
А Горе подъ-руку подъ-правую;
Научаетъ молодца богато жить:
Убити и ограбити,
Чтобы молодца за то повѣсили
Или съ камнемъ въ воду посадили...

Спамятуетъ молодецъ спасенный путь, —
И оттолѣ молодецъ въ монастырь пошелъ постригатися:
А Горе у святыхъ воротъ оставается, —
Къ молодцу впереди не привяжется...
.....

***

Ахъ, ты, поле мое, поле, чистое,
Ты раздолье мое широкое!
Ахъ, ты всѣмъ, поле, изукрашено:
Ты травушкой и муравушкой,
Ты цвѣточками, василёчками, —
Ты однимъ, поле, обезчещено,
Что посреди тебя, поля чистаго,
Выросталъ тутъ частъ ракитовъ кустъ;

Что на кустикѣ на ракитовомъ,
Какъ сидитъ тутъ младъ сизъ орелъ,
Въ когтяхъ держитъ черна ворона:
Онъ точитъ кровь на сыру землю....
Подъ кустикомъ подъ ракитовымъ,
Что лежитъ убитъ добрый молодецъ,
Избитъ, израненъ, исколотъ весь....
Что не ласточки, не касаточки
Вкругъ тепла гнѣзда увиваются:
Увивается тутъ родная матушка;
Она плачетъ, какъ рѣка льется;
А родная сестра плачетъ, какъ ручей течетъ,
Молодая жена плачетъ, какъ роса падетъ;
Красно солнышко взойдетъ — росу высушитъ.

---

* * *

Ахъ-ти, горе великое!
Тоска-печаль несносная!
Куда бѣжать — тоску дѣвать?...
Въ лѣса бѣжать — листья шумятъ,
Листья шумятъ, часты кусты,
Часты кусты ракитовы....
Пойду съ-горя въ чисто поле:
Въ чистомъ полѣ трава растетъ,
Трава ростетъ шелковая,
Цвѣты цвѣтутъ лазоревы....
Сорву цвѣтокъ, совью вѣнокъ,
Совью вѣнокъ милу дружку,
Милу дружку на головушку....
Носи вѣнокъ — не скидывай:
Терпи горе — не сказывай.
— «Нося вѣнокъ, — самъ скинется:
Терпя горе, — слово молвится.»

Мать.

Свадебная пѣсня.

(Невѣста вопитъ, обращаясь къ своей матери.)

Ты, рѣка ли моя, рѣченька,
Ты, рѣка ли моя быстрая!
Ты течешь, да не колыхнешься,
Желтымъ пескомъ не смутишься...
Ужь какъ что-же ты, Александра-душа,
Александра душа, Ивановна,
Ты сидишь, да не усмѣхнешься,
Говоришь рѣчь — не улыбнешься?
— Я къ чему буду смѣятися,
На что глядя, веселитися? —
У насъ полонъ дворъ коней стоитъ,
Полна горница гостей сидитъ...

Ты, родима моя матушка!
Въ день — денна моя печальница,
Въ ночь — ночная богомольница,

Вѣкова моя сухотница!
Прогляди ты очи ясныя,
На свою на дочку глядючи,
На свою на дочь любимую,
Во послѣдній разъ, въ останешній...

*** Приводимъ здѣсь о томъ же предметѣ одну прекрасную *Бѣлорусскую* пѣсню для сравненія ея съ Великорусскою и для образца *Бѣлорусскаго* нарѣчія Русскаго языка. Изъ нея читатель увидитъ, что *Бѣлоруссы* и Великоруссы, какъ одинъ и тотъ же народъ, и смотрятъ на одни и тѣ-же предметы одинаково. *Ш.*

Мать.

Бѣлорусская народная пѣсня.

(Записана Дисненскаго уѣзда, Виленской губерніи, въ деревнѣ Мильцы.)

За варотми, варотми три садочки, три зеленые:
Въ першимъ садочку зеленымъ — тамъ зязюличка [1]) кукуиць,
А въ другимъ зеленымъ — салавеечка-пташка щабечець,
А въ третимъ зеленымъ — тамъ матулька [2]) съ сыномъ размовляиць:
«Да скажи жь ты мнѣ, сынку, щиру [3]) правду, —
Да хто жь табѣ милый-наймилѣйшій —
Ци [4]) жонка, ци мамка, ци теща?»
— «Мнѣ жонка мила въ совѣтѣ,
А теща мила въ пріѣздѣ,
А моя родная матулька завсегда: —
У смяротной кошульцѣ [5]) ходила,
Пакуль [6]) мине молойца спородила;
Ни одной темной ночки не доспала,
Пакуль мине молойца вскалыхала;
Ни одной ясной свѣчи не гасила,
Пакуль мине молойца уграмила;
Свои бѣлыя ножки притомила,
Пакуль мине молойца оженила.

---

[1]) Кукушка.
[2]) Матушка.
[3]) Настоящую правду, сущую правду.
[4]) Или, ли.
[5]) Въ смертной рубашкѣ, въ саванѣ.
[6]) Покуда, пока.

Дочь къ матери.

Мимо моего садику,
Мимо моего зеленаго,
Пролегала дороженька
Широкимъ не широкая,
Только очень пробоиста.
Какъ по той по дороженькѣ
Дочь отъ матери ѣхала,
Горючо-слезно плакала,
Соловейку наказывала: —
«Ты лети, соловеюшко,
На родиму сторонушку,
Ты и сядь въ зеленомъ саду
На любимую яблоньку,
Утѣшай мою матушку,
Чтобъ она, осударыня,
Не тужила, не плакала,
На чужихъ дѣтей глядючи,
Ко своимъ примѣняючи.»

Супружество.

Ахъ, кабы на цвѣты да не морозы,
И зимой бы цвѣты расцвѣтали:
Ахъ, кабы на меня да не кручина,
Ни о чемъ бы я не тужила;
Не сидѣла бы я, подпершися,
Не глядѣла бы во чисто поле!...
И я батюшкѣ говорила: —
Не давай меня, батюшко, замужъ,
Не давай, осударь, за неровню;
Не мечись на большое богатство,
Не гляди на высоки хоромы...
Не съ богатствомъ мнѣ жить — съ человѣкомъ,
Не съ высокими хоромами — съ любовью,
Не съ частыми переходами — съ совѣтомъ.

Похвальныя пѣсни крестьянину-пахарю.

1.

Ай, же ты, Микулушко Селяниновичъ!
Была у тебя кобыла «Подыми-голова»,
Заздынула она головку подъ оболоко...
Былъ-то онъ во городѣ во Кіевѣ:
Вывезъ онъ соли два мѣха,
А во который мѣхъ воходитъ
Пудовъ по сороку...
А тутъ Микулушка пахалъ да оралъ:
Сосенки да елечки въ борозду валилъ,
Ржи напахалъ да домой выволочилъ,
Домой выволочилъ, дома вымолотилъ...

А я пива наварю, да гостей назову,
Стану пиво пить, да Микулушку хвалить: —
Тебѣ было, Микулушко, пахать да орать,
Тебѣ было, Микулушко, крестьянствовать!

2.

Оратай-то оретъ, да посвистываетъ,
У оратая сошка поскрипываетъ:
У оратая сошка красна-дерева,
А оглешки серебряные,
А присошечка красна золота...
У оратая сапожки на ножкахъ — зеленъ сафьянъ:
Шиломъ пяты, носы востры,
Подъ пяту-пяту воробей пролетитъ,
Около носа-носа яйцо прокатитъ.
Кудри у молодца качаются —
Не скаченъ жемчугъ разсыпается,
Брови чернаго соболя,
Глаза яснаго сокола.

*** Прошло ужь много столѣтій, какъ эти двѣ послѣднія пѣсни и былина о *Микулѣ Селяниновичѣ* сложены нашимъ народомъ... И хорошо, и право понялъ нашъ народъ еще тогда, въ эту незапамятную старь, какъ мощенъ, какъ важенъ въ Русской жизни нашъ *пахарь-крестьянинъ*, и что у насъ на Руси всему корень, суть и основа — наша *деревня*, наше богатство отъ *земли*.

Эту-то силу кажетъ здѣсь собою пахарь-мужичокъ Микула Селяниновичъ.

Въ древней былинѣ про *Илью Муромца* „люди проходящіе старые", давшіе Ильѣ силу богатырскую, сказали, когда Илья, напившись изъ чаши, почувствовалъ, что силы богатырской у него прибыло: —

Бейся-же со всею силою невѣрною
И противъ всея поленицы удалыя: —
А сильнѣе тебя на бѣломъ свѣтѣ
Самсонъ Самойловичъ да Святогоръ Колывановичъ,
Еще сильнѣй, отъ матушки сырой земли,
Микула Селяниновичъ.

Въ другой былинѣ про Илью Муромца и Святогора-богатыря такъ заказано Ильѣ каликами перехожими:

Не бейся и съ *родомъ Микуловымъ:*
Его любитъ матушка сыра земля.

Щ.

IV.

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ.

1.

Пѣсня бѣдняка.

Куда мнѣ голову склонить? —
Покинутъ я и сиръ!
Хотѣлъ бы весело хоть разъ
Взглянуть на Божій міръ...
И я въ семьѣ моихъ родныхъ
Когда-то счастливъ былъ;
Но горе — спутникъ мой, съ тѣхъ поръ,
Когда ихъ схоронилъ...
Сады веселыхъ богачей
И нивы ихъ кругомъ;
Моя жь дорога мимо ихъ,
Съ заботой и трудомъ...
Но я счастливыхъ не дичусь:
Моя печаль въ-тиши;
Я всѣмъ веселымъ радъ сказать
Богъ-помочь, отъ-души...
О, щедрый Богъ, не совсе жь я
Тобою позабытъ!...
Источникъ милости Твоей
Для всѣхъ равно открытъ.
Въ селеньи каждомъ есть Твой храмъ
Съ сіяющимъ крестомъ,

Съ молитвой сладкой и съ Твоимъ
Доступнымъ алтарёмъ.
Мнѣ свѣтитъ солнце и луна,
Любуюсь на зарю,
И, слыша благовѣсть, съ Тобой,
Создатель, говорю,
И знаю: будетъ добрымъ пиръ
Въ небесной сторонѣ, —
Тамъ буду праздновать и я,
Тамъ мѣсто есть и мнѣ!

Василій Жуковскій.

***

Ахъ, ты бѣдность горемычная,
Дома въ горѣ терпѣливая,
Къ куску черствому привычная,
Въ чужихъ людяхъ боязливая!
Всѣмъ ты, робкая, въ глаза глядишь,
Сирота, стыдомъ убитая,
Къ богачу прійдешь, — въ углу стоишь,
Безпривѣтная, забытая.
Ты плывешь, — куда водой несетъ,
Стороной бредешь, — гдѣ путь дадутъ,
Просишь солнышка — гроза идетъ,
Скажешь правду — силой ротъ зажмутъ.
У тебя весна безъ зелени,
А любовь твоя безъ радости,
Твоя радость безо времени,
Немочь съ голодомъ при старости:
Вѣкъ ты мучишься, да маешься,
Всё на сердцѣ грусть великая,
Съ бѣлымъ свѣтомъ ты разстанешься: —
На могилѣ травка дикая!...

Иванъ Никитинъ.

Англичане у Камчатки.

(1855 годъ).

И туда, на грань Камчатки,
Ты зашла для бранной схватки,
Рать Британскихъ кораблей,
И, приставъ подъ берегами,
Яро грянули громами
Пришлецы изъ-за морей...
И, прикрытъ звѣриной кожей,
Камчадалъ на нихъ глядитъ:
Гости странные, похожи
На людей, — такой же видъ...
Только чуденъ ихъ обычай:
Знать, не вѣдая приличій,
Съ-злостью выѣхали въ свѣтъ...
Въ-гости ѣдутъ незнакомы,
И, пріѣхавъ, мечутъ громы
Здѣсь хозяевамъ въ-привѣтъ;
Огнедышащихъ орудій
Навезли — дымятъ, шумятъ: —
«А вѣдь всё же это люди!»
Камчадалы говорятъ.
«Камчадалъ! пускай въ нихъ стрѣлы...
Ну, прицѣливайся... бей!
Не зѣвай! — въ твои предѣлы,
Видишь, вторгнулся злодѣй». —
И дикарь, въ-недоумѣньи,
Слышитъ странное велѣнье:
«Какъ? Стрѣлять? Въ кого!... Въ людей?»
И, ушамъ своимъ не вѣря,
«Нѣтъ — сказалъ — стрѣлу, мою
Я пускаю только въ звѣря:
Человѣка я не бью!»

Владиміръ Бенедиктовъ.

Русскимъ юношамъ.

(Мѣсто изъ стихотворенія).

О, вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество изъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ!
О, ваши дни благословенны!...
Дерзайте, нынѣ ободренны,
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ[1])
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ [2])
Россійская земля рождать...

Науки юношей питаютъ,
Отраду старымъ подаютъ,
Въ счастливой жизни украшаютъ,
Въ несчастный случай берегутъ;
Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха
И въ дальнихъ странствахъ не помѣха,
Науки пользуютъ вездѣ;
Среди народа и въ пустынѣ,
Въ градскомъ шуму и наединѣ,
Въ покоѣ сладки и въ трудѣ.

Михаилъ Ломоносовъ.

Величальная пѣсня работѣ.

Кто идетъ во глубь земли
Или молотомъ махаетъ,
Кто сѣтями для семьи
Хлѣбъ насущный добываетъ,
Кто за плугомъ льетъ свой потъ,
Кто наемникъ господина,
Кто подъ ношей спину гнетъ
Для жены своей, для сына: —
Честь имъ! Слава ихъ трудамъ!
Слава каждой каплѣ пота!
Честь мозолистымъ рукамъ! —
Да спорится ихъ работа...
Не забудемъ и о томъ,
Кто безропотно страдаетъ
И, работая умомъ,
Самъ нерѣдко голодаетъ....
Честь и слава всѣмъ трудамъ!
Слава каждой каплѣ пота!
Честь мозолистымъ рукамъ! —
Да спорится ихъ работа...

Өедоръ Миллеръ.

---

[1]) *Платонъ* — славный мудрецъ Греческій.
[2]) *Невтонъ*, или *Ньютонъ* — великій Англійскій ученый. *Щ.*

II.

ИЗЪ «ПОУЧЕНІЯ»

дѣтямъ своимъ великаго князя Кіевскаго, Владиміра Всеволодовича Мономаха.

(1113 — 1125 года.)

I.

О, владычице Богородице! отыми отъ убогаго сердца моего гордость и буесть, да не возношюся суетою міра сего въ пустошнемъ семъ житьи. Научися, вѣрный человѣче, быти благочестно дѣдатель, научися, по Евангельскому словеси — очима управленье, языку удержанье, уму смиренье, тѣлу порабощенье, гнѣву погубленье, помыслъ чистъ имѣти, понужаися на добрая дѣла.

II.

.... Всего же паче убогихъ не забывайте, но, елико могуще, по силѣ кормите, и придавайте сиротѣ, и вдовицю оправдите сами, а не вдавайте силнымъ погубити человѣка. Ни права, ни крива не убивайте, не повелѣвайте убити его, аще будетъ повиненъ смерти; а душа не погубляете никакоя же хрестьяны.

III.

.... Его же умѣючи, того не забывайте доброго, а его же не умѣючи, а тому ся учите, яко же бо отець мой, дома сѣдя, изумѣяше 5 языкъ: въ томъ бо честь есть отъ инѣхъ земль. Лѣность бо всему мати: еже умѣеть, то забудеть, а его же не умѣеть, а тому ся не учить; добрѣ же творяще, не мозите ся лѣнити ни на что же доброе.

IV.

.... Еже было творити отроку [1]) моему, то самъ есмь сотворилъ дѣла, на войнѣ и на ловѣхъ [2]), ночь и день, на зною и на зимѣ, не дая собѣ упокоя; на посадники [3]) не зря, ни на биричи [4]), самъ творилъ, что было надобѣ; весь нарядъ [5]) и въ дому своемъ, то я творилъ есмь; и въ ловчихъ — ловчій нарядъ самъ есмь держалъ, и въ конюсѣхъ, и о соколѣхъ и о ястребѣхъ; тоже и худаго смерда [6]), и убогія вдовицы не далъ есмь силнымъ обидѣти, и церковнаго наряда и службы самъ есмь призиралъ. Да не зазрите ми, дѣти мои, ни инъ кто прочетъ: ни хвалю бо ся, ни дерзости своея, но хвалю Бога и прославляю милость Его, иже мя грѣшнаго и худаго селико лѣтъ соблюдъ отъ тѣхъ часъ смертныхъ, и не лѣнива мя былъ сотворилъ, худого, на вся дѣла человѣческаго потребна.

V.

.... Молвить бо, иже Бога люблю, а брата своего не люблю — ложь есть [7]),

---

[1]) *Отрокъ* — служитель, или воинъ княжеской дружины.

[2]) *Ловы* — охота.

[3]) *Посадникъ* — управитель, управляющій, намѣстникъ, начальникъ города или области.

[4]) *Биричъ* — здѣсь, вѣроятно, значитъ вообще чиновникъ, прикащикъ; а въ Московскомъ Государствѣ значило человѣка читающаго, или объявляющаго народу на торговыхъ площадяхъ указы и распоряженія правительства.

[5]) *Нарядъ* — порядокъ, распорядокъ, устройство, строй.

[6]) *Смердъ* — простолюдинъ.

[7]) Іоан. IV. — 20.

Щ.

и паки: аще не отпустите, ни вамъ отпустить Отець вашь Небесный [1]). Пророкъ глаголеть: — не ревнуй лукавнующимъ, ни завиди творящимъ беззаконье.... [2]) Что́ есть добро и красно, — братья вкупѣ! [3])

VI.

.... Премудрости наставниче и смыслу давче, несмысленнымъ казателю и нищимъ заступниче! Утверди въ разумѣ мое сердце, Владыко! Ты даждь ми слово, Отче, се бо устнама моима не возбрани вопити Ти: — Милостиве, помилуй падшаго!.., Упованье мое — Богъ, прибѣжище мое — Христосъ, покровъ мой — Святый Духъ.

О ЧТЕНІИ КНИГЪ.

Изъ сочиненій епископа Кириилла Туровскаго [4]), скончавшагося около 1182 года.

Всемъ молю вы, да часто послушаете святыхъ книгъ и въ церквахъ, и въ домехъ. Не глаголите: «жену имамъ и дѣти кормлю, и домъ строю, ли князю служу, ли власть держу, ли ремество, — да не наше есть дѣло почитанье книжное, но чернеческое...» Что́ глаголеши се, о, человѣче, разумѣеши? Въ толицѣ бури и мятежи жива и въ печалехъ міра сего пустошнаго, и не отгониши отъ себе печали почитаньемъ книжнымъ. Чернеци, убѣжавше мірскихъ мятежъ, въ затишьи сидятъ; мы же, живуще въ велицѣ бури, да тѣмъ требѣ, часто почитающе книги, отгоняти печали и искати спасенья. Капля часто каплющи и камень вдолбитъ: тако и почитая часто книги, съ разумомъ, разрѣшитъ грѣховныя союзы. Ты же, брате, друже, глаголеши: «аще и чту, но не разумѣю». Но азъ ти повѣмъ, что ради не разумѣемъ чтомыхъ. Азъ мню, яко имамъ сердце величаво и гордо, непокориво, и гнѣвливо, и пьянчиво: того ради не разумѣемъ писанія. Прилежи почитанью книжнему, и Господь дасть ти разумъ. Сего бо ради устроися даръ духовный, да вси разумѣютъ: рыбари, пастухи, невѣжи и некнижники, да вси пріимутъ спасеніе отъ почитанья книжнаго. Кому бо не явѣ суть евангельская словеса, братье и отци мои? Кто ли въ нихъ не слышитъ Господа, глаголюща: — блаженни кротци, блаженни милостиви, блаженни чисти сердцемъ, блаженни изгнани и поносими Господа ради? — Молю вы, любимици мои, чтите святыя книги: разумно же внимай, а невѣдомаго — иди къ мудрѣйшимъ собе и отъ тѣхъ увѣси. Вся бо писана быша насъ ради, на наказанье намъ: велика польза намъ слышати писанія.

---

[1]) Матѳ. VI. — 15.
[2]) Псал. XXXVI. — 1.
[3]) Псал. CXXXII. — 1.
[4]) *Туровъ* — городъ въ Минской Губерніи. *Щ.*

ИЗРЕЧЕНІЯ,

заимствованныя изъ «Златой Цѣпи», сборника четырнадцатаго вѣка и другихъ Древне-русскихъ сборниковъ.

Братіе, первѣе всего сію заповѣдь должни есмы вси Христіане держати: вѣровати въ Отца и Сына, и Святого Духа. — Любовь имѣйте со всяцѣмъ человѣкомъ, и не буди ино на сердци, а ино на устѣхъ.

— Подъ братомъ ямы не рой: да тебѣ Богъ въ горшая той не вринетъ.

— Претерпите братъ брату и всякому человѣку и не воздайте зла за зло. —

— Помните и милуйте странныя и убогія, и темничники, и своимъ сиротамъ милостиви будете. —

— Съ радующимися радуйся, съ печальными — печаленъ. —

— Почто затворяете врата отъ нищихъ? — тако глаголетъ Господь: — коломъ и санемъ есть мѣсто во дворехъ вашихъ, а мнѣ нѣсть мѣста, гдѣ подклонити главы, скитающася по улицамъ.

— Брате, пріиде ко мнѣ, аки пчела къ цвѣту, да насладиши гортани свои паче меду и сахару словесы моими.

— Брате мой, *(буди)* слѣпымъ око, хромымъ нога, глухимъ ухо, алчущимъ пища; больныхъ посѣщай.

— Не оскорби человѣка, не вложи печали въ сердци человѣку.

— Яко мертвецъ не можетъ на кони удержатися, тако не можетъ удержатися зла слова клеветникъ. —

— Все есть на земли огневи покорено: земля, желѣзо, древо, толико вода, — такъ и человѣку все есть покорено развѣе смерти.

— Не той есть праведенъ, иже не обидитъ, а обиды не терпитъ: но той праведенъ есть, иже обидити можетъ, а не обидитъ.

— Друга ищи, не по тебѣ молвяща, но крѣпкаго думою, противляющеся твоимъ словесемъ, глаголемымъ покриву. —

— Отъ печали всходитъ болѣзнь, а отъ болѣсти смерть; но преклони скорбь сердечну на крѣпость.

— Аще бы Богъ пекся лѣнивыми, то бы велѣлъ былію жито рожати, а лѣсу всякій овощь.

— Яко же ластовица, частяще пѣсни, отгонитъ сладость пѣсненную, такожде и многорѣчивый, часто бесѣдующе.

— Чертогъ аще будетъ златомъ украшенъ, а невѣста злообразна, то нѣсть любы жениху: тако и Богови не угодно есть, иже кто тѣломъ красенъ, а душу имѣя осквернену злыми дѣлы.

ИЗЪ КНИГИ: «О СКУДОСТИ И БОГАТСТВѢ»,

написанной крестьяниномъ Иваномъ Посошковымъ, въ царствованіе императора Петра Перваго.

I.

О всенародномъ обогащеніи подобаетъ пещися безъ уятія усердія, дабы и они даромъ и напрасно ничего не тратили, но жили бы отъ піянственнаго питья повоздержнѣе.

... То самое царственное богатство, ежели бы весь народъ, по мѣрностямъ своимъ, богатъ былъ самыми домовыми внутренними своими богатствами, а не внѣшними одеждами или позументнымъ украшеніемъ: ибо украшеніемъ одеждъ не мы богатимся, но тѣ государства богатятся, изъ коихъ тѣ украшенія привозятъ къ намъ, а насъ въ имѣніи тѣми украшеніями истончеваютъ. Паче же вещественнаго богатства надлежитъ всѣмъ намъ обща пещися о невещественномъ богатствѣ, то-есть, о истинной правдѣ: правдѣ отецъ — Богъ, и правда вельми богатство и славу умножаетъ, и отъ смерти избавляетъ; а неправдѣ отецъ — діаволъ, и неправда не токмо вновь богатитъ, но и древнее богатство отончеваетъ, и въ нищету приводитъ, и смерть наводитъ.

Самъ бо Господь Богъ рекъ: *Ищите прежде царства Божія и правды его;* и, прирече, глаголя: *яко вся приложатся вамъ*, — то-есть, богатства и слава (Матѳ. гл. 6. ст. 33). И, по такому словеси Господню, подобаетъ намъ паче всего пещися о снисканіи правды; а егда правда въ насъ утвердится и твердо вскоренится, то не можно царству нашему Россійскому не богатитися и славою не возвыситися. То бо есть царства украшеніе и прославленіе и честное богатство, аще правда, яко въ великихъ лицахъ, тако и въ мизирныхъ, она насадится и твердо вкоренится, и вси яко богати, тако убозіи, между собою любовію могутъ жить, то всякихъ чиновъ люди, по своему бытію, въ богатствѣ довольны будутъ: понеже правда никого обидѣть не пускаетъ, и любовь принудитъ другъ другу въ нуждахъ помогати, — и тако вся обогатятся, а царсія сокровища со излишествомъ напрянятся.

II.

Богъ правда: правду Онъ и любитъ. Аще кто восхощетъ Богу угодить, то подобаетъ ему во всякомъ дѣлѣ правда творити; наипаче бо всѣхъ чиновъ надлежитъ судьямъ правда хранити, не токмо въ однихъ дѣлахъ, но и въ словахъ лживо ничего не говорити, но что прилично къ правдѣ, то и говорить, а лживыхъ словъ судья никогда не говорилъ бы.

.... Буде судья повѣдаетъ судъ самый правдивый и нелицепріятный, по самой истинѣ, яко на богатаго, такъ на самаго убогаго и безславнаго, то отъ царя будетъ ему честь и слава, а отъ Бога милость и царство небесное.

.... Буде же будетъ дѣлать прямую правду, то подобенъ будетъ Богу: понеже Богъ самая правда. И аще судья не погрѣшитъ въ судѣ, то паче поста и молитвы поможетъ ему правосудіе его: писано бо есть, яко правда избавляетъ отъ смерти.

Судьѣ не подобаетъ ни о чемъ у Бога милости просити, токмо о томъ, дабы Богъ ему открылъ, како между людьми Божіими судъ правдивъ судити, дабы отъ недознанія своего праваго не обвинить, а виноватаго не оправити.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Въ царствованіе Петра 1-го, когда во всѣхъ сословіяхъ Русскаго народа было мало не только ученыхъ, но и грамотныхъ людей, сдѣлался извѣстнымъ царю крестьянинъ *Иванъ Посошковъ* своимъ сочиненіемъ *„О скудости и богатствѣ."* Иванъ Тихоновичъ Посошковъ родился въ подмосковномъ селѣ Покровскомъ. Проживалъ онъ съ братомъ своимъ Романомъ и матерью вдовою Улитою Михайловою въ Москвѣ. Какъ выучился онъ грамотѣ, мы не знаемъ, — знаемъ только, что онъ зналъ не одну грамоту. Ему было хорошо извѣстно и винокуренное, и фонтанное, и другія производства и ремесла, чѣмъ онъ нажилъ себѣ довольно большое состояніе, пріобрѣлъ дома въ Петербургѣ, Москвѣ, Новгородѣ, и деревни въ разныхъ мѣстахъ; заоброчивалъ земли и строилъ на нихъ винокуренные заводы; открылъ гдѣ-то сѣру и сообщилъ свое открытіе правительству, которое тогда вело войну и нуждалось въ порохѣ. Вѣроятно, по соизволенію царя и совѣту вельможъ ему близкихъ, Посошковъ отправилъ сына своего для обученія и образованія въ чужія земли, и, не смотря на всю бережливую разсчетливость, отпускалъ сыну на прожитіе въ чужихъ краяхъ по 90 рублей въ мѣсяцъ, что въ старину составляло большія деньги.

Занимаясь собственными промышленными дѣлами, Посошковъ въ тоже время представлялъ правительству свои рукописи о придуманныхъ имъ улучшеніяхъ разныхъ частей въ государствѣ.

Онъ также подалъ блюстителю патріаршаго престола, архіепископу Стефану Яворскому *„Доношеніе о духовныхъ дѣлахъ,"* въ которомъ онъ описываетъ духовенство того времени, и въ этомъ сочиненіи, между прочимъ, говоритъ и вообще о Русскомъ народѣ.

Рукописную книгу свою *„О скудости и богатствѣ,"* которую писалъ три года *„утаясь отъ зрѣнія людскою,"* и окончилъ въ 1724 году, Посошковъ представилъ Петру 1-му.

Книгу эту Посошковъ раздѣлилъ на три части, въ которыхъ говоритъ *о духовенствѣ, о войскѣ, о правосудіи, о купечествѣ, о ремеслѣ, о разбойникахъ, о бѣдненахъ, о крестьянахъ, о владѣніи землею, о царскомъ, или государственномъ прибытѣ.*

На старости Посошковъ впалъ въ трудныя обстоятельства. Можно думать, что и сочиненіе его, представленное Петру, надѣлало ему много недоброжелателей, да и онъ запутался въ своихъ дѣлахъ, такъ что и умеръ, будучи подъ арестомъ, 1-го февраля 1726 года, черезъ годъ послѣ смерти Петра Перваго. Онъ похороненъ въ церкви Самсонія-Страннопріимца, въ Петербургѣ. Въ тогдашнее время еще не могли оцѣнить этого рѣдкаго Русскаго человѣка: но пришла пора, и мы воздаемъ его имени подобающую память и почести. *Щ.*

ИЗЪ «НАКАЗА» ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ.

Хотите-ли предупредить преступленія? — сдѣлайте, чтобъ просвѣщеніе распространилося между людьми.

— Книга добрыхъ законовъ не что иное есть, какъ недопущеніе до вреднаго своевольства причинять зло себѣ подобнымъ.

— Еще можно предупредить преступленіе награжденіемъ добродѣтели.

— Наконецъ, самое надежное, но и самое труднѣйшее средство сдѣлать людей лучшими есть приведеніе въ совершенство воспитанія.

---

*) «*Наказъ*» (то-есть, наставленіе) былъ написанъ собственноручно государынею Коммиссіи, собранной въ 1767 году, въ Москвѣ, для составленія новыхъ законовъ. *Щ.*

(Глава четырнадцатая: "О воспитаніи.")

— Правила воспитанія суть первыя основанія, приготовляющія насъ быть гражданами.

— Каждая особенная семья должна быть управляема по-примѣру большой семьи, включающей въ себѣ всѣ частныя.

— Невозможно дать общаго воспитанія многочисленному народу и вскормить всѣхъ дѣтей въ нарочно для того учрежденныхъ домахъ: и для того полезно будетъ установить нѣсколько общихъ правилъ, могущихъ служить вмѣсто совѣта всѣмъ родителямъ.

1.

— Всякій обязанъ учить дѣтей своихъ страха Божія, какъ начала всякаго цѣломудрія, и вселяти въ нихъ всѣ должности, которыхъ Богъ отъ насъ требуетъ въ десятословіи Своемъ, и Православная наша Восточная Греческая Вѣра во правилахъ и прочихъ своихъ преданіяхъ.

— Также вперяти въ нихъ любовь къ отечеству и повадить ихъ имѣть почтеніе къ установленнымъ гражданскимъ законамъ и почитать правительства своего отечества, какъ пекущіяся, по волѣ Божіей, о благѣ ихъ на земли.

2.

— Всякій родитель долженъ воздерживаться при дѣтяхъ своихъ не только отъ дѣлъ, но и отъ словъ, клонящихся къ неправосудію и насильству, какъ то: брани, клятвы, дракъ, всякой жестокости и тому подобныхъ поступковъ, и недозволять и тѣмъ, которые окружаютъ дѣтей его, давать имъ такіе дурные примѣры.

3.

— Онъ запретить долженъ дѣтямъ и тѣмъ, кои около нихъ ходятъ, чтобъ не лгали, ниже въ шутку: ибо ложь изо всѣхъ вреднѣйшій есть порокъ.

— Мы присовокупимъ здѣсь для наставленія всякому особо человѣку то, что уже напечатано, какъ служащее общимъ правиламъ, отъ насъ уже установленнымъ для воспитанія училищамъ и всему обществу:

«Должно вселять въ юношество страхъ Божій, утверждать сердце ихъ въ похвальныхъ склонностяхъ и пріучать ихъ къ основательнымъ и приличествующимъ состоянію ихъ правиламъ; возбуждати въ нихъ охоту къ трудолюбію и чтобъ они страшились праздности, какъ источника всякаго зла и заблужденія; научать пристойному въ дѣлахъ ихъ и разговорахъ поведенію, учтивости, благопристойности, соболѣзнованію о бѣдныхъ, несчастливыхъ и отвращенію отъ всякихъ дерзостей; обучать ихъ домостроительству во всѣхъ онаго подробностяхъ и сколько въ немъ есть полезнаго; отвращать ихъ отъ мотовства; особливо же вкореняти въ нихъ собственную склонность къ опрятности и чистотѣ, какъ на самихъ-себѣ, такъ и на принадлежащихъ къ нимъ — однимъ словомъ: всѣмъ тѣмъ добродѣтелямъ и качествамъ, кои принадлежатъ къ доброму воспитанію, которыми въ свое время могутъ они быть прямыми гражданами, полезными общества членами и служить оному украшеніемъ.»

III.

ИЗЪ «ХОЖДЕНІЯ ИГУМЕНА ДАНІИЛА КО СВЯТЫМЪ МѢСТАМЪ»,

или

изъ „Книги, глаголемой: Странникъ."

(*) Путешествіе это совершено было Русскимъ игуменомъ Даніиломъ въ двѣнадцатомъ вѣкѣ, то-есть, 700 лѣтъ тому назадъ.)

I.

О горѣ Елеонстѣй.

Елеонская гора есть отъ Іерусалима на лѣтній востокъ лицъ[1]) отъ Геѳсиманіи, полѣсти на гору высоко вельми, не можетъ встрѣлить на ню трижды[2]), но токмо до Отче-Нашъ толико можетъ встрѣлити трижды отъ Геѳсиманіи; и ту есть церковь вельми создана; исподи-жъ, подъ алтаремъ, есть печера велика, въ той печерѣ научи Христосъ ученики своя: «Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ». То мѣсто тако зовется: Отче-Нашъ. А оттуда до верха самой Елеонской горы, идѣ-же Вознесеніе Господне, на верховьи же Елеонскія горы, прямо къ востоку, есть гора мала, на той горѣ былъ камень круглой выше колѣна: и съ того камени вознесся Христосъ Богъ нашъ на небеса. И есть мѣсто то создано около все каморами[3]) и верху на каморахъ тѣхъ созданъ есть яко дворъ кругомъ, и помощенъ же есть весь дворъ той досками мраморными; посреди-жъ двора того созданъ яко теремецъ круглой безъ верха. Въ томъ же теремцѣ, подъ верхомъ непокрытымъ, лежитъ камень той святой и до сего дни, идѣ-же стояста нозѣ Владычни. И есть на камени томъ святая трапеза; на той трапезѣ и нынѣ литургисаютъ[4]). Исподи-жъ подъ тою святою трапезою камень той святый одѣланъ досками мраморными, да только верхъ его видѣти мало: и ту де цѣлуютъ Христіяне. Двери-жъ имать двои, въ теремецъ той влѣсти-жъ есть по степенемъ къ Вознесенію Господню, всѣхъ же степеней 20 и 2. Есть гора Елеонская высока вельми надъ градомъ Іерусалимомъ: видѣти же съ нея всюду во градѣ и внѣ града, и у Святая Святыхъ, и до Содомска моря, и до Іордана дозрѣти, и всю ту обѣтованную землю, и обонъ полъ Іордана. Выше бо всѣхъ гора-Елеонская Гора — сущихъ горъ около града Іерусалима.

Іерусалимъ градъ великъ и твердъ стѣнами, всямо окаченъ[5]), на 4 углы крестнымъ образомъ созданъ. Дебри же суть мнози и горы каменны около его. Безводно жъ есть мѣсто вельми; ни рѣки, ни источни

---

[1]) То-есть, лицемъ, или передней стороной.
[2]) Разстояніе на три выстрѣла изъ лука.
[3]) На аркахъ особаго стариннаго устройства.
[4]) Служатъ обѣдню, или литургію.
[5]) Со всѣхъ сторонъ округленъ.

ки, ни кладезя близъ Іерусалима, но токмо една купель Силуамля; по дождевою водою живутъ весь людье и скотъ во градѣ томъ и окрестъ Іерусалима. И жита много, и добра рожается граду тому окрестъ Іерусалима, безъ дождя, но благословеніемъ Божіимъ родится пшеница и ячмень изрядно: одну кадь сѣявши, паки вземлютъ 130 и 50 кадей. То нѣсть ли благословеніе Божіе на земли той святей? Ту суть же и винограды мнози около Іерусалима, и овощная древеса безчисленная по всей той земли, и около Іерусалима рожаются смоквіе и масличіе, и рожцы, и яблоки, и инная всякая овощная древеса различная и безчисленная по всей той земли. На той же горѣ Елеонстей есть печера глубоко, близъ Вознесенія Господня, на полдни лицъ: въ той печерѣ гробъ есть Пелагеѣ блудницы. Ту близъ есть столпникъ, мужъ древенъ и страшенъ видомъ, и старъ деньми.

II.

Сказаніе о Іорданѣ-Рѣцѣ.

1.

Іорданъ рѣка течетъ быстро, берега жъ имать обонъ полъ прикрутые, отселѣ пологи. Вода-жъ его мутна, и сладка вельми пить, и нѣсть сыто піющимъ воду ту святую, ни съ нея болитъ, ни покости [1]) во чревѣ нѣсть. Всѣмъ есть подобенъ Іорданъ Сосновѣ рѣцѣ [2]) и въ ширину, и въ глубину, лукарево [3]) жъ вельми и быстро течетъ, болоніе [4]) имать, тако-жъ яко Соснова рѣка; во глублѣ есть 4 саженъ среди самыя купѣли, Яко самъ собою искусихъ, измѣрихъ, пребрадихъ на ону страну Іордана и много походихъ по брегу тому Іорданову любовно. Въ шире-жъ Іорданъ рѣка, яко на устье ко Сосновѣ рѣцѣ. Есть-жъ по сей странѣ рѣцѣ купѣли тоя, яко лѣсокъ малъ, древіе многи превысоки по брегу Іорданову, яко вербѣ подобна, но нѣсть верба; и выше купѣли есть лозіе много по брегу Іорданову, но нѣсть яко лоза наша, но инака, яко кисляжи [5]) подобна есть, и есть ихъ тростіе много; и звѣри мнози живутъ: ту есть свинія дивія, безъ числа много, и пардуси [6]) мнози ту суть. Львове-жъ есть обонъ полъ Іордана, въ горахъ каменныхъ, а львове мнози ту суть рожаются. Друзіи-жъ горы суть подъ тѣми горами, бѣлы суть близъ Іордана; да то зовется обонъ полъ Іордана: земля Завулоня и Невѳалимля; ту жъ печера Ивана Предтечи, ту жъ

---

[1]) Вреда.

[2]) Рѣка *Сосна* протекаетъ по Черниговской мѣстности: изъ этаго нѣкоторые выводятъ, что Даніилъ-паломникъ былъ изъ Черниговскаго Княжества.

[3]) Извилисто.

[4]) Мѣста поёмныя при разливѣ рѣки.

[5]) Полагаютъ, что это — деревцо съ красными ягодами, въ родѣ *кизила*, растущаго у насъ на Кавказѣ и въ Крыму.

[6]) *Барсы* — хищные звѣри, принадлежащіе къ породѣ тигровъ.

потокъ Ильинъ водный, течетъ красно по камени во Іорданъ; вода жъ студена и сладка: ту воду пилъ Иванъ Предтеча Христовъ, егда-жъ ту жилъ въ печерѣ той святой. Ту жъ и другая печера, идѣ-же жилъ Илья пророкъ со Елисеомъ, ученикомъ его. То видѣхъ все очима своима грѣшныма. Сподоби-жъ мя Богъ трижды быть на Іорданѣ, и въ самый праздникъ водокрещенія быхъ на Іорданѣ, со всею дружиною моею, видѣхомъ благость Божію, приходящую на воду Іорданскую. И множество народа безъ числа тогда приходятъ къ водѣ, со свѣщами, и всю ту нощь бываетъ пѣніе изрядно, свѣщемъ безъ числа горяще. Въ полунощи-жъ бываетъ крещеніе водѣ, и егда рекутъ: «Во Іорданѣ крещающутися, Господи», — тогда вси людіе вскочатъ въ воду Іордана, крестящесь во Іорданстѣй рѣцѣ, яко-жъ Христосъ въ полунощи крестися есть отъ Іоанна.

2.

Іорданъ же рѣка пойдетъ изъ Моря Тиверіадскаго отъ двою источнику, кипитъ изъ земли чудно вельми. Имя источнику едину Іеръ, а другому имя Данъ, и оттуду рѣка Іорданъ двума руками изъ Моря Тиверіадскаго поидетъ, еста бо оба потока подолѣе себѣ яко три перестрѣлы межъ себя. Поидоста рѣцѣ тѣ разно себѣ мало, яко полверсты вдалѣе, и потомъ снястася вмѣстѣ обѣ рѣцы тѣ во едину рѣку и идутъ единою рѣкою, и то зовется Іорданъ, по имени двою источнику. Течетъ же рѣка Іорданъ быстро водою и лукарево вельми, и есть подобенъ Іорданъ ко Сосновѣ рѣцѣ и вширину, и лукарево, и болоніе, и всѣмъ подобенъ къ Сосновѣ рѣцѣ. Рыбы-жъ въ немъ мнози зѣло, и есть на самомъ верху Іордановѣ, по обоя потоку, суть два моста каменны, созданы на каморахъ твердо вельми, и подъ та мосты течетъ Іорданъ сквозь каморы моста того.

III.

О кандилѣ отъ всей земли Русской, поставленномъ Даніиломъ у Гроба Господня.

.... Въ великую пятницу, по вечернѣ, потираютъ гробъ Господень, и помываютъ кандила, сущая надъ гробомъ Господнимъ, и наливаютъ кандила вся та масла древянаго чистаго, безъ воды, одного, и вложатъ свѣтильна, и не вжигаютъ свѣтиленъ тѣхъ, но тако оставливаютъ свѣтильна та не возжена, и запечатлѣютъ гробъ Господень во вторый часъ нощи; тогда изгасятъ вся кандила, не токмо ту сущая, но и по всѣмъ церквамъ, иже во Іерусалимѣ. Тогда азъ, худый и недостойный, идохомъ въ пятницу великую, въ первомъ часу дни, ко князю Балдвину *), и по-

*) Христіане западной Европы нѣсколько разъ совершали походы (называемые *Крестовыми походами*) для освобожденія Іерусалима отъ власти Магометанъ. Послѣ долгихъ битвъ имъ

клонихся ему до земли. Онъ же, видѣвъ мя, поклонившась, призва мя къ собѣ съ любовію, и рече ми: «что хощеши, игумене Руссій?» Позналъ бо мя бяше добрѣ, и любяше мя вельми, яко-жъ бяше мужъ благъ и смиренъ вельми и не гордитъ. Азъ же рекохъ къ нему: «Княже мой, господине! молю ти ся, Бога дѣля, и князей дѣля Русскихъ: хотѣлъ быхъ и азъ поставити кандило свое на гробѣ святѣмъ Господнѣмъ отъ всея Русскія земли, и за вся князи наши, и за вся Христіане Рускія земли. И тогда князь, съ радостію, повелѣ ми поставити кандило, и посла со мною мужа своего, слугу лучшаго, ко иконому Святаго Воскресенія и къ тому, ижъ держитъ гробъ Господень. И повелѣста ми оба — икономъ и ключарь святаго гроба Господня принести кандило свое съ масломъ. Азъ же поклонистася има, и шедше на торгъ, съ радостію великою, и купихъ кандило стекляное велико, и наліяху масла древянаго чистаго безъ воды, и принесохъ ко гробу Господню, ужъ вечеру сущу, и умолихъ ключаря того единаго, и возвѣстихъ ему. Онъ же отверзъ двери гроба Господня, и повелѣ ми выступити изъ калитъ, и тако босого введе мя единого во гробъ господень, съ кандиломъ, еже ношахъ азъ, и повелѣ ми поставити своима руками грѣшныма въ ногахъ, а въ головахъ стояше кандило Греческое, а на персѣхъ святаго гроба Господня кандило всѣхъ монастырей, а на средѣ Руское кандило, иже поставихъ азъ грѣшный.

СТРАСТНАЯ СУББОТА И СВѢТЛОЕ ВОСКРЕСЕНІЕ ВЪ ІЕРУСАЛИМѢ.

Изъ книги: «Сказаніе о странствіи и путешествіи по Россіи, Молдавіи, Турціи и Святой Землѣ инока Парѳенія,*) постриженника Святыя Горы Аѳонскія.»

(1846 года.)

Самъ патріархъ началъ утреню по уставу, и роздали всѣмъ Православнымъ свѣщи. Всю каѳисму «*Блаженни непорочніи*» пѣли нараспѣвъ, въ Воскресенскомъ Храмѣ. Читать Евангеліе пошли на гору Голгоѳу. Прочитавши Евангеліе, подняли плащаницу и понесли съ Голгоѳы, съ хоругвями и съ фонарями; было множество духовенства: кромѣ діаконовъ, священниковъ, игуменовъ и архимандритовъ, шесть архіереевъ и патріархъ, и множество пѣвцовъ. Когда снесли съ Голгоѳы, обошли Снятіе трижды. Потомъ положили плащаницу на томъ мѣстѣ, гдѣ Іисуса Христа повивали пеленами, и мазали мѵромъ на погребеніе. Здѣсь говорена была великая проповѣдь. Потомъ понесли пла-

удалось взять его, и они владѣли святыми мѣстами около 100 лѣтъ. Но потомъ опять они перешли въ руки Магометанъ. — Французскій рыцарь, графъ *Балдунъ* назначенъ былъ королемъ Іерусалимскимъ.

*) Нынѣ настоятеля Гуслицкаго Спасо-Преображенскаго Монастыря, въ Московской Губерніи. *Щ.*

щаницу на гробъ Іисуса Христа, и обнесли кругомъ гроба трижды. Потомъ внесли во внутрь гроба, и положили плащаницу на самомъ гробѣ. Все духовенство стало вокругъ кувуклiи Христова гроба. И пѣли весь канонъ «*волною морскою*» и стихи на распѣвъ одно духовенство. Весь народъ держалъ въ рукахъ свѣщи. Тамъ же пѣли и хвалитные, и великое славословіе, и читали Евангеліе; тамъ кончили утреню и часы. Послѣ плащаницу убрали въ свое мѣсто, а гробъ Турки запечатали. Послѣ службы, паки Арабы начали свою работу, но еще и пріумножили: ибо и жители Іерусалимскіе — купцы и старики, поскидали свои чалмы, схватились одни съ другими, и всѣ начали кричать и прыгать. Когда разсвѣло, начали огни и лампады гасить, и нигдѣ не оставили ни единой лампады горящей. Турки отворили Божій гробъ, и внутри погасили всѣ лампады. Потомъ пришло Турецкое начальство и самъ паша: кругомъ Христова гроба стало множество воиновъ вооруженныхъ. И во храмѣ все перемѣнилось: всѣ пріуныли, а Арабы пріохрипли и изнемогли. Вверху, на всѣхъ хорахъ, въ четыре ряда набито народу, и на всѣхъ, иконостасахъ, и въ куполахъ полно людей: всѣ держатъ въ обѣихъ рукахъ по тридцати-три свѣщи, въ образъ Христа всѣхъ лѣтъ. Огня нигдѣ нѣтъ.

Патріархъ съ консулами взошелъ на передній иконостасъ; а Мелетій митрополитъ Заіорданскій съ прочими владыками сидѣли въ алтарѣ, пріунывши и головы повѣсивши. Въ храмѣ распоряжаются Магометане, съ военнымъ оружіемъ; Арабы бѣгать уже перестали, но стоятъ, поднявши руки на небо, и умиленные гласы испускаютъ; Христіане всѣ плачутъ, или непрестанно воздыхаютъ. И кто бы могъ тогда воздержаться отъ слезъ, видя столь множество людей со всѣхъ странъ вселенной, плачущихъ и рыдающихъ, и отъ Господа Бога милости просящихъ?... Но радостно было видѣть, что теперь, и не хотя, прочіе Христіане Православную Греческую вѣру и Православныхъ Христіанъ уважаютъ, и на Православныхъ, яко на пресвѣтлое солнце, взираютъ: ибо всѣ надѣются получить благодать святого свѣта токмо отъ Православныхъ. Пришли въ алтарь Армянскій патріархъ съ двумя архіереями и Коптскій митрополитъ, поклонились митрополиту Мелетію и прочимъ владыкамъ, и просили, чтобы, когда получатъ благодать святого свѣта, удѣлили и имъ. Митрополитъ Мелетій со смиреніемъ отвѣтилъ, и велѣлъ имъ молиться Богу, и они пошли въ свое мѣсто. Потомъ были сняты царскія врата, и повѣшены другія, съ отверстіемъ... Не можно описать, что тогда было въ храмѣ: якобы ожидали всѣ второго пришествія Царя Небеснаго; на всѣхъ напалъ страхъ и ужасъ; сами Турки пріуныли. Больше въ храмѣ ничего не слышно, какъ только воздыханіе и стоны, и митрополитъ Мелетій слезами омочалъ свое лицо. Потомъ самъ Турецкій паша съ прочими начальниками пошелъ во внутрь

ко гробу Божію повѣрять — не осталось ли гдѣ огня. И когда вышли, — гробъ запечатали. Но туда еще прежде отнесли великую лампаду, налитую до самаго верха елеемъ, и въ нее пущена великая свѣтильня, и поставили лампаду посреди Христова гроба. Уже кругомъ кувукліи Христіанъ близко нѣтъ, а одно Турецкое начальство. А съ хоръ спущено было на веревкахъ множество желѣзныхъ рѣшетокъ съ пуками свѣчъ. Когда пробило восемь часовъ, порусски — два часа съ полудня, тогда начали готовиться къ крестному ходу архіереи, священники и діаконы, облачившись во всю священную одежду, взяли всѣ по тридцати по три свѣщи безъ огня. Потомъ подали изъ алтаря, чрезъ царскія врата, двѣнадцать хоругвій, и взяли кто могъ. Воины очистили путь, и пошли за хоругвями пѣвчіе. Потомъ изъ алтаря въ царскія врата пошли по два въ рядъ, діаконы, священники, игумены и архимандриты, потомъ архіереи, а позади всѣхъ митрополитъ Мелетій, и пошли прямо ко гробу Господню. Обошли его кругомъ трижды, поюще: «*Воскресеніе твое, Христе Спасе, ангели поютъ на небесѣхъ, и насъ на земли сподоби чистымъ сердцемъ Тебе славити.*» Кончивши ходъ, все духовенство скоро пошло въ алтарь и съ хоругвями; остался одинъ митрополитъ Мелетій у дверей гроба, въ рукахъ Турокъ. Турки его разоблачили, и сами начальники всего его объискали. Потомъ надѣли на него подризникъ и омофоръ, и отворили Божій гробъ, и впустили его во внутрь... О, какой напалъ тогда страхъ и ужасъ на всѣхъ тамъ бывшихъ! Всѣ рыдали, и воздыхали, и просили Господа Бога, да не лишитъ Своей благодати — небеснаго Своего свѣта. Прошло нѣсколько времени, не знаю много или мало, ибо были всѣ внѣ себя отъ какого-то страха, — только вдругъ около Божія гроба возсіялъ свѣтъ; вскорѣ свѣтъ показался и изъ алтаря, въ царскія врата, въ отверстіе. И текли, яко двѣ огненныя рѣки: одна отъ запада, отъ Божія гроба, а другая отъ востока, отъ алтаря... О, какая тогда въ храмѣ сдѣлалась радость и ликованіе! Сдѣлались всѣ, яко піяны, внѣ себя, и не помнили, кто что говоритъ, или кто куда бѣжитъ. И поднялся по всему храму великій шумъ: всѣ бѣгаютъ, всѣ восклицаютъ, съ веселіемъ и благодареніемъ, а наипаче Арабскія жены. Сами Турки, Магометане, пали на колѣна, и кричали: Алла, Алла, то-есть, Боже, Боже!... О, странное и преславное видѣніе! Весь храмъ обратился въ огонь: больше во храмѣ ничего не видно, кромѣ небеснаго свѣта. Вверху и внизу, и по всѣмъ хорамъ разлился святый свѣтъ, и сдѣлался послѣ по всему храму дымъ. И пошелъ народъ со свѣтомъ, большая половина, вонъ, и понесли по всему Іерусалиму, каждый въ свой домъ, и по всѣмъ монастырямъ.

Въ великой церкви началась вечерня, а потомъ литургія Василія Великаго. Служилъ одинъ митрополитъ соборомъ и хиротонисалъ одного діакона. Литургію стоялъ народъ со свѣчами.

Митрополитъ Заіорданскій, когда входитъ во внутрь гроба, обрѣтаетъ великую лампаду, стоящую на Христовомъ гробѣ, саму о себѣ возжегшуюся, а иногда при немъ нечаянно загорится. Въ Іерусалимѣ я отъ многихъ слышалъ, которымъ самъ митрополитъ сказывалъ, по откровенности сіе: — иногда я взойду, а она уже и горитъ; тогда и я скоро вынесу; а иногда взойду, а лампада еще не горитъ, тогда я паду на землю отъ страха, и со слезами начинаю просить милости отъ Бога. Когда встану, лампада уже горитъ, и я зажигаю два пука свѣчей, выношу и подаю. — Митрополитъ выноситъ свѣтъ въ притворъ, и вкладываетъ пуки въ желѣзные фонари, и подаетъ отъ гроба въ отверстія, для того устроенныя, правой рукой Православнымъ, а лѣвой Армянамъ и прочимъ. Православныхъ Арабовъ цѣлая толпа стоитъ подлѣ отверстія... И какъ только митрополитъ покажетъ святый свѣтъ, одинъ Арабъ, схвативши, бѣжитъ прямо въ алтарь: а оттуда въ царскія врата раздаютъ народу, а подлѣ отверстія — едва только успѣетъ одинъ запалить свѣщи. Митрополитъ же паки обращается ко Христову гробу, и еще зажигаетъ два пука и выходитъ изъ дверей гроба. Арабы же, самые сильные, стоятъ у дверей гроба, и его дожидаютъ. Только онъ выйдетъ, держа въ рукахъ по тридцати по три свѣщи горящихъ, Арабы, взявши его на свои руки, несутъ прямо въ алтарь. Народъ весь бросается къ нему: всѣмъ желательно прикоснуться къ его одеждѣ. И едва, съ великимъ трудомъ, могли его донести до алтаря, и посадили его на стулъ: онъ просидѣлъ всю литургію, яко внѣ себя, наклонивъ главу, очами не смотрѣлъ и устами ничего не провѣщалъ, и никто его не безпокоилъ. Когда унесли его отъ гроба, народъ бросился во внутрь гроба прикладываться, и я сподобился приложиться. Весь Христовъ гробъ былъ мокрый, якобы дождемъ вымоченъ, но я не могъ узнать отъ чего это. Посреди гроба стояла та великая лампада, которая сама зажглась, и великимъ свѣтомъ горѣла.

По литургіи, каждый пошелъ въ свое мѣсто, и одинъ другого поздравлялъ съ полученіемъ новыя благодати святого свѣта.

Вечеромъ всѣ мы пошли ночевать во храмъ ко Христову гробу. Когда же пришли во храмъ, увидѣли дивное и прелестное зрѣлище: весь храмъ, а наипаче Божій гробъ, неизреченно украшенъ разными серебряными и златыми иконами и фигурами, а наипаче множествомъ серебряныхъ и вызлащенныхъ лампадъ, горящихъ великимъ свѣтомъ, обставленъ множествомъ свѣчей бѣлаго воску, но еще не зажженныхъ. Весь храмъ увѣшанъ былъ лампадами: гдѣ прежде была одна лампада, тамъ десять; хотѣлъ я пересчитать, но не могъ. Вездѣ тихо и спокойно. Врата церковныя оставлены были не затворенными на всю ночь. Воины на площади развели огни. И была та нощь веселѣе всякаго дня: куда ни пойдешь, всюду радость найдешь, и не только сія радость во Храмѣ Христова Гроба, но и по всему Іерусалиму; всю ночь по улицамъ ходилъ

народъ толпами; всюду горѣли огни, и всѣ монастыри были отворены. Самые Турки сдѣлались веселы и кротки, и толпами шли посмотрѣть въ Храмъ Христова Гроба. Франки, хотя и враги Восточной Церкви, но и тѣ съ нами торжествуютъ. Въ храмѣ же хотя и стоятъ воины кругомъ Христова гроба, но ко гробу Христову подходить никому не возбраняютъ. Такъ проводили вечеръ до десяти часовъ. Потомъ, за три часа до полуночи, начали благовѣстить къ утрени въ разныя доски, разными переборами, самымъ торжественнымъ образомъ. Пришелъ патріархъ со всѣмъ своимъ соборомъ, и была ему самая церемоніальная встрѣча.

Потомъ начали утреню. Канонъ «*волною морскою*» пѣли весь на распѣвъ по стихамъ и по крилосамъ, съ ирмосомъ на четырнадцать: пѣли два часа. Въ то время зажигали по всему храму свѣщи и паникадила; въ самыхъ куполахъ зажгли не одну тысячу лампадъ.

Мы, монашествующіе, стояли всѣ въ алтарѣ. Потомъ патріархъ и митрополиты, архіепископы и епископы, архимандриты и игумены, священники и діаконы, и весь причетъ церковный, облачившись во всю священную одежду, взяли двѣнадцать хоругвій. Хоругви были богато убранныя; жертвованы древними Греческими и Грузинскими царями, вышиты золотомъ и жемчугомъ; только на пасху и показывали ихъ. Позади патріарха несли одну хоругвь три человѣка, шитую однимъ золотомъ, съ изображеніемъ Воскресенія Христова, Россійской работы, пожертвованную Московскими купцами. Потомъ роздали всѣмъ большія свѣчи бѣлаго воска. Такожде и по всему храму зажгли свѣчи и паникадила. Гробъ Христовъ казался якоже одинъ огненный фонарь. Отъ большихъ свѣчей въ рукахъ каждаго сдѣлался весь храмъ въ огнѣ и освѣтились церковные куполы, подобно солнцу. Бывшіе въ крестномъ ходу взяли Евангеліе, иконы, кресты и зажженныя свѣчи, и пошли изъ алтаря Воскресенскаго Храма въ царскія врата, прямо ко гробу Христову, поюще: *Воскресеніе Твое, Христе Спасе, ангели поютъ на небесѣхъ, и насъ на земли сподоби чистымъ сердцемъ Тебе славити!*» Когда обошли Христовъ гробъ трижды, все духовенство остановилось противъ дверей гроба. Потомъ самъ патріархъ прочиталъ воскресное Евангеліе, которое читается въ вечеру въ субботу на литургіи: отъ Матѳея, зачало 115. Потомъ, взявши кадило, пошелъ внутрь, и покадилъ Божій гробъ: вышедши, покадилъ кругомъ всю кувуклію и всю братію. Потомъ съ архіереями пошелъ во внутрь къ Христову гробу и, тамъ покадивши, возгласилъ: «*слава святѣй, и единосущнѣй, и животворящей, и нераздѣльной Троицѣ, всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ.*» Владыки возгласили «*аминь*». Тогда самъ патріархъ, со всѣми архіереями, внутри надъ самымъ гробомъ, воспѣли: «*Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ, и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ,*» и пропѣли сіе трижды. Пѣли не по-русски, а по-гречески, то-есть: — «*Христосъ анести экъ некронъ,*

ѳанáто ѳáнатонъ патúсасъ, ке тúсъ энъ тúсъ мнúмаси зоúнъ харисáменосъ». — Потомъ пѣли пѣвцы, и всѣ, вокругъ Христова гроба стоящіе, пѣли многажды... О, какая тогда у всѣхъ была радость, и кто отъ радости не могъ плакать, видя гробъ своего Спасителя, Іисуса Христа, предъ очами своими стоящъ празденъ, и самого Его воскресша изъ мертвыхъ! Кто могъ не благодарить своего Создателя, что сподобилъ праздновать святую пасху, Его славное изъ мертвыхъ воскресеніе, во святомъ градѣ Іерусалимѣ, вокругъ самаго Его гроба и на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ совершилось таинство нашего спасенія?... Какое перо можетъ описать нашу неизреченную радость, или кто можетъ ее объяснить устами? Который языкъ можетъ ее разсказать?... Только развѣ тотъ ее понять можетъ, кто вкуситъ той радости въ чистотѣ своего сердца... Какъ намъ было не радоваться и не веселиться? — Собрались мы отъ четырехъ концовъ вселенныя, христіане разныхъ исповѣданій, разные языки, всѣ собрались въ одинъ храмъ, всѣ стоимъ вокругъ гроба своего Спасителя, и всѣ прославляемъ Его славное изъ мертвыхъ воскресеніе... Поистинѣ, нынѣ вся исполнишася свѣта: тогда канонъ Пасхи сдѣлался намъ весь открытъ и явственъ: ибо что поемъ, то и своими очами видимъ... И съ какими чувствами мы восклицаемъ къ Сіону, на которомъ стояли: *«возведи окрестъ очи Твои, Сіоне, и виждь: се бо пріидоша къ Тебѣ, яко Богосвѣтлая, отъ запада и сѣвера, и моря, и востока, чада твоя, въ тебѣ благословящая Христа во вѣки»*. (Пѣсн. 8, ст. 2, Канонъ Пасхи.) Воистину для насъ была священная и всепраздненственная сія спасительная нощь, и «свѣтозарная свѣтоноснаго дне, востанія сущи провозвѣстница, въ ней же безтлѣнный Свѣтъ изъ гроба плотски всѣмъ возсіи.» (пѣсн. 7.)

Потомъ была ектенія. Когда начали канонъ пѣть, пошли въ великую церковь: а на Христовомъ гробѣ одинъ священникъ съ діакономъ начали раннюю литургію. Въ великой же церкви Канонъ Пасхи весь пѣли на-распѣвъ. Послѣ утрени, безъ расходу, начали и литургію. Служилъ патріархъ съ полнымъ соборомъ, въ самомъ великолѣпномъ и торжественномъ видѣ; а потомъ читали на трехъ языкахъ: на Греческомъ, на Славянскомъ и на Арабскомъ. Евангеліе читали на разныхъ многихъ языкахъ: на Славянскомъ читали трое, прочіе на Эллиногреческомъ и на Греческомъ, на Латинскомъ, на Турецкомъ, на Молдавскомъ, на Грузинскомъ, на Сирскомъ, на Арабскомъ, на Египетскомъ и на Абиссинскомъ, читали съ переборами въ доски. Литургію всѣ стояли со свѣщами. Мы утреню и литургію стояли въ алтарѣ.

Когда окончилась литургія, начало разсвѣтать. Всѣ Православные пошли въ патріархію, и тамъ во вратахъ каждому давали по два яйца красныхъ. Потомъ всѣ пошли по своимъ мѣстамъ.

Инокъ Парѳеній.

СВѢТЛОЕ ВОСКРЕСЕНІЕ НА РУСИ.

(Мѣста изъ статьи).

I.

Въ Русскомъ человѣкѣ есть особенное участіе къ празднику Свѣтлаго Воскресенія. Онъ это чувствуетъ живѣе, если ему случится быть въ чужой землѣ. Видя, какъ повсюду въ другихъ странахъ день этотъ почти не отличенъ отъ другихъ дней — тѣ же всегдашнія занятія, таже вседневная жизнь, тоже буднишнее выраженіе на лицахъ — онъ чувствуетъ грусть и обращается невольно къ Россіи. Ему кажется, что тамъ какъ-то лучше празднуется этотъ день, и самъ человѣкъ радостнѣе и лучше, нежели въ другіе дни, и самая жизнь какая-то другая, а не вседневная. Ему вдругъ представятся — эта торжественная полночь, этотъ повсемѣстный колокольный звонъ, который какъ бы всю землю сливаетъ въ одинъ гулъ, это восклицаніе: «Христосъ воскресъ!», которое замѣняетъ въ этотъ день всѣ другія привѣтствія, этотъ поцѣлуй, который только раздается у насъ, — и онъ готовъ почти воскликнуть: «только въ одной Россіи празднуется этотъ день такъ, какъ ему слѣдуетъ праздноваться!»

II.

..... Отчего же одному Русскому еще кажется, что праздникъ этотъ празднуется, какъ слѣдуетъ, и празднуется такъ въ одной его землѣ?... Мечта ли это? — Но зачѣмъ же эта мечта не приходитъ ни къ кому другому, кромѣ Русскаго?... Что̀ значитъ, въ самомъ дѣлѣ, что видимые признаки праздника такъ ясно носятся по лицу земли нашей: раздаются слова «*Христосъ воскресъ!*» и поцѣлуй, и всякій разъ также торжественно выступаетъ святая полночь, и гулы всезвонныхъ колоколовъ гулятъ и гудутъ по всей землѣ, точно какъ-бы будятъ насъ? — Гдѣ носятся такъ очевидно признаки — тамъ не даромъ носятся; гдѣ будятъ — тамъ разбудятъ. Не умираютъ тѣ обычаи, которымъ опредѣлено быть вѣчными.....

Не умретъ изъ нашей старины ни зерно того, что есть въ ней истинно-Русскаго и что освящено самимъ Христомъ.

III.

..... Что есть много въ коренной природѣ нашей, нами позабытой, близнаго закону Христа — доказательство тому уже то, что безъ меча пришелъ къ намъ Христосъ, и приготовленная земля сердецъ нашихъ призывала сама собою Его слово, что есть уже начало братства Христова въ самой нашей Славянской природѣ, и побратаніе людей было у

насъ роднѣе дома и кровнаго братства, что еще нѣтъ у насъ непримиримой ненависти сословія противу сословія и тѣхъ озлобленныхъ партій, какія видятся въ Европѣ, и которыя поставляютъ препятствіе непреоборимое къ соединенію людей и братской любви между ними, что есть, наконецъ, у насъ отвага никому несродная, — и если предстанетъ намъ всѣмъ какое-нибудь дѣло, рѣшительно невозможное ни для какого другого народа, хотя бы даже, на-примѣръ, сбросить съ себя вдругъ и разомъ всѣ недостатки наши, всё позорящее высокую природу человѣка, — то, съ болію собственнаго тѣла, не пожалѣвъ самихъ себя, какъ въ двѣнадцатомъ году, не пожалѣвъ имуществъ, жгли домы свои и земные достатки: — такъ рванется у насъ всё сбрасывать съ себя позорящее и пятнающее насъ; ни одна душа не отстанетъ отъ другой, и въ такія минуты всякія ссоры, ненависти, вражды — всё бываетъ позабыто, братъ повиснетъ на груди у брата, и вся Россія — одинъ человѣкъ.....

Николай Гоголь.

ХРАМЪ СВЯТЫЯ СОФІИ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ.

1.

Храмъ святыя Софіи при Греческихъ Императорахъ *)

Изъ «Странника» Стефана-Новгородца, путешествовавшаго около 1350 года.

Въ недѣлю страстную пріидохомъ въ Царьградъ и идохомъ къ Святой Софіи. И видѣхомъ: ту стоитъ столпъ чуденъ вельми толстотою и высотою, и красотою, издалеча смотря видѣти его, и на верху его сидитъ Юстиніанъ Великій на конѣ, вельми чуденъ, аки живъ, въ доспѣсѣ одѣянъ Срацинскомъ, грозно видѣти его, а въ руцѣ держитъ яблоко злато велико, а на яблоцѣ крестъ, а правую руку отъ себя прострѣ буйно на полдни, на Срацинскую землю къ Іерусалиму. Суть же много и иніихъ столповъ по граду стоятъ отъ камени мрамора, много же на нихъ писанія отъ верха и до долу, писано рытіею великою, и словеси всѣ позлащены быша, а иніи черны. Много бо есть дивитися, и умъ сказати не можетъ: како бо толико лѣтъ камня того ничто не иметъ!

А отъ столпа Юстиніанова внити въ двери Святыя Софіи; въ первыя двери поступивъ мало, идти въ другія, и третьи, и четвертыя, и пятыя,

*) *Софійскій Соборъ* первоначально былъ основанъ императоромъ Константиномъ, но собственно сооружилъ этотъ храмъ окончательно и въ такомъ огромномъ размѣрѣ императоръ *Юстиніанъ*, въ 6-мъ вѣкѣ по Рождествѣ Христовѣ. Юстиніанъ былъ происхожденіемъ *Славянинъ*, и знаменитъ тѣмъ, что собралъ въ одинъ сводъ, составилъ и издалъ гражданскіе *законы*, послужившіе, впослѣдствіи, основою законодательству всѣхъ Европейскихъ государствъ. *Щ.*

и въ шестыя тоже, а въ седмыя двери внити въ Святую Софію, въ великую церковь. И, пошедъ мало, обратитись назадъ, и возрѣвъ горѣ на двери, видѣти: ту стоитъ икона Святый Спасъ, и о той иконѣ рѣчь въ книгахъ пишется, и того всего не мочно исписати. Ту бо погани иконоборцы лѣстницу приставили, восхотѣвъ содрати вѣнецъ златый, и святая Ѳеодосія опроверже лѣстницу, и разби поганина, и ту святую заклаша рогомъ козьимъ. И отъ того мимо пошедъ, видѣхомъ множество народа цѣлующе съ умиленіемъ Страсти Господни, и возрадовахомся вельми; зане бо безъ слезъ не мочно пріидти къ Страстямъ Господнимъ. И ту видѣ насъ царевъ бояринъ, ему же имя простое — Ботарь, и той видя тѣсноту и нужу нашу, допроводи ны къ Страстямъ Господнимъ Бога дѣля, и ту мы цѣловахомъ грѣшніи. Потомъ идохомъ, поступивше мало на сторону, и увидѣхомъ ту на стѣнѣ Спасъ мусіею утворенъ, и вода святая отъ язвъ гвоздиныхъ отъ ногу его идетъ, и ту цѣловахомъ грѣшніи, и помаза ны единъ отъ іеромонаховъ масломъ и напои водою святою. И ту стоятъ многи столпове отъ камени краснаго мрамора, оковани чудно, въ нихъ же лежатъ мощи святыя... И ту виде насъ святѣйшій патріархъ Царяграда, ему же имя Исидоръ, а на патріаршество поставленъ бысть шестое лѣто, и той патріархъ призва ны, и благословихомся, и цѣловахомъ въ руку, и бесѣдова съ нами, понеже бо вельми любитъ Русь. О, великое чудо! колико смиренія бысть ему, ижъ бесѣдова съ странники ны, грѣшніи: не нашъ бо обычай имѣетъ.

И быхомъ довольнѣ въ великой церкви Святой Софіи, оттолѣ идохомъ къ святому Арсенію патріарху и цѣловахомъ тѣло его, — и то все идетъ по-солонь въ церкви той. И оттолѣ пойдти изъ церкви въ двери, идти промежъ стѣнъ со свѣщею, обходя аки кругомъ: тамъ бо стоитъ икона Святый Спасъ, вельми чуденъ, и то зовется Елеонъ-Гора, по подобію, яко же въ Іерусалимѣ. И оттолѣ пошедъ къ алтарю, стоятъ столпи вельми красны, по подобію аспида.

..... Имать же Святая Софія множество кладезей съ сладкими водами опричь тѣхъ, иже въ стѣнахъ церковныхъ и промежъ стѣнъ, и не познать ихъ равно съ дномъ, рекше: помостомъ церковнымъ. Надъ тѣми бо кладези вбиты суть кольцы желѣзныя во мраморъ, а мраморъ ся зоветъ камень гладокъ. Такожъ и кандилъ развѣшено многое множество, несчетно, въ Святой Софіи: иная-жъ въ предѣлѣхъ и коморахъ, а иніи въ стѣнахъ и промежъ стѣнъ, и въ улицахъ церковныхъ, идѣже иконы великія стоятъ, и ту мы грѣшніи приходихомъ со слезами и съ радостію, по силѣ свѣщи подавахомъ, тако-жъ и у мощей святыхъ. Святая Софія имать дверей 365, тако жъ и престоловъ; окованы бо хитро вельми, а иніи бо отъ нихъ заграждены за оскудѣніе. А о Святой Софіи Премудрости Божіей умъ человѣчь не можетъ ни сказати, ни вычести, и что видѣхомъ, то и написахомъ.

2.

Храмъ Святыя Софіи, обращенный въ Магометанскую мечеть, при Турецкомъ владычествѣ.

Изъ «Путешествія въ Святую Землю», въ 1710 году, Московскаго священника Іоанна Лукьянова.

Пришли къ монастырю, и на монастырь взошли *), пришли ко дверямъ западнымъ, а западныхъ дверей 9; ворота всѣ мѣдныя. И въ тѣ поры Турки въ церквѣ молятся; мы же стояхомъ у вратъ и смотрѣхомъ, какъ они сидя молятся. Потомъ Турчинъ, вышедъ, сталъ насъ прочь отбивать: — *гайда, папасъ, гайда!* — пошолъ-де прочь! зачѣмъ-де пришелъ тутъ, глядишь тутъ, басурманъ! — такъ мы и прочь пошли. Потомъ вышелъ иной Турчинъ да и зоветъ насъ: — *гель, Московъ, гель!* — пойди-де сюда! — какъ мы подошли, — и Василій сталъ съ нимъ по Турецки говорить: — Чего-де хочете? — такъ Василій и сказалъ: — *Московъ папасъ варъ тягатъ:* — есть у него указъ; пустите-де его посмотрѣть церкви; — и Турчинъ спросилъ, сколько васъ человѣкъ? — и мы сказали 6 человѣкъ, и онъ молвилъ: *биръ адамъ учь пара,* — по алтыну-де съ человѣка. — Такъ мы дали по алтыну, а онъ насъ и повелъ; а повелъ насъ Турчинъ въ верхнюю церковь (а въ нижнюю не пущаютъ); а когда мы взошли на верхнія палаты, тогда умъ человѣчь премѣнился, такое диво видѣвши, что уже такова дива въ подсолнечной другова не сыщешь, — и, какъ её описать, — невозможно!.... Но нынѣ уже вся ограблена, стѣнное письмо искребено; только въ ней скляничныя кандила Турки повѣсили многое множество, для того что они её въ мечеть претворили. И ходихомъ мы, и дивихомся таковому строенію: — уму человѣчью не вмѣстимо! а чтобы кто теперево самъ видя эту церковь, да могъ бы её описать, — и то нашему бренному разуму невмѣстно, хошь нынѣ и разорена. Но мы собою объ ней не хощемъ писать для того, чтобы не погрѣшить описаніемъ, а иное забудешь, такъ погрѣшно и стало. Мы же ходихомъ и смотрѣхомъ, и дивихомся такой красотѣ, а сами рекохомъ: — Владыко человѣколюбче! како такую прекрасную матерь нашу отдалъ на поруганіе басурманамъ, — да руками розна. Тутъ мнѣ Турчинъ далъ камень съ помосту мраморный, а самъ мнѣ велѣлъ спрятать въ нѣдра: — а то де увидятъ, такъ-де не добре. — Добрый человѣкъ Турчинъ, кой насъ водилъ.

Великій и преславный Царьградъ стоитъ надъ моремъ на седьми холмахъ, зѣло красовито, и зѣло завиденъ градъ, по-правдѣ написанъ:

---

*) «*Монастырь*,» по принятому въ Москвѣ названію, здѣсь значитъ собственно — церковный дворъ. *Щ.*

всей вселенной зѣница ока. А когда съ моря посмотришь, такъ весь будто на дланѣ: Царьградъ отъ моря не крѣпко дѣланъ, и стѣны не высоки, а отъ Едринской степи зѣло крѣпко сдѣланъ, въ три стѣны — стѣна стѣны выше, и ровъ кругъ его копанъ да каменемъ стланъ. А башни, или стрѣльницы, въ Царѣградѣ зѣло часты, башня отъ башни 30 саженъ, 20 саженъ; а ворота узки, у́же нашихъ, для того что у нихъ мало телѣжнаго проѣзда бываетъ, а въ воротахъ у нихъ пушекъ нѣтъ. А всякій снарядъ у нихъ на корабляхъ, и опаска всякая воинская вся на морѣ.

Въ Царѣградѣ, царскій дворъ въ Византіи [1]) стоитъ внутрь града, а Византія подобенъ нашему Кремлю: только башни наши лучше; строенье палаты царской зѣло узорично, дворъ царскій весь въ садахъ, да кипарисовыя древа растутъ зѣло узорично. Царскій дворъ стоитъ на мысу моря зѣло предивно и узорично, а по другую сторону Царяграда, за моремъ, Халкидонъ градъ; такъ много царевыхъ сараевъ, сирѣчь, дворцы царскіе: тутъ цари тѣшатся, и зѣло жило. А по другую сторону Царяграда, за лиманомъ, градъ Колаты [2]), великъ же градъ, кругъ его будетъ верстъ десять.

Въ Царѣградѣ строенье всё каменное, а крыто всё черепицею, а улицы и дворы всѣ каменемъ мощены; такъ у нихъ ни градъ, ни соръ отнюдь не бываетъ; всё вода въ море сноситъ, потому что у нихъ улицы скатистыя: хотя малый дождь прыснулъ — то всё и снесетъ. А строенье у нихъ пошло отъ моря на гору, палата палаты выше, а всѣ окны на море; а чужихъ оконъ не загораживаютъ: у нихъ честно на море глядѣнье. Въ Царѣградѣ зѣло строенье узорично; улица улицы дивнѣе, а по улицамъ, по дворамъ вездѣ растутъ древа плодовитыя и виноградъ зѣло узорично: посмотришь — райское селеніе! А по улицамъ вездѣ по всему граду и у мечетей вездѣ колодези проведены съ щурупами [3]) и ковши мѣдные повѣшены, и корыта каменныя коней поить; а индѣ Турки сидятъ въ палаткахъ, да въ кушницы воды наливаютъ, а Турки пришедъ пьютъ, а иные себѣ это въ спасенье вмѣняютъ.

Въ Царѣградѣ рядовъ зѣло много, будетъ передъ Московскимъ втрое, и по улицамъ вездѣ ряды, а товаромъ Царьградъ гораздо товарнѣе Москвы: всякихъ товаровъ впятеро передъ Московскимъ, а гостиныхъ дворовъ въ Царѣградѣ семдесять. А въ мечетахъ Турецкихъ всё столпы аспидные да мраморные; и воды проведены со многими щурупами хитро очень; а когда Турки идутъ въ мечеть молиться, тогда придетъ всякій къ щурупу, да и умывается: и руки, и ноги, да и пойдетъ въ мечеть.

---

[1]) Часть города, называемая *Стамбулъ*, населенная собственно Турками.

[2]) *Галата* — Лучшая часть города, населенная Европейцами, ведущими обширную заграничную торговлю. *Щ.*

[3]) Кранами.

Въ Царѣградѣ сады въ великій постъ на первыхъ недѣляхъ отцвѣтаютъ; овощь всякій къ Свѣтлому Воскресенью поспѣваетъ: бобъ, свекла, рѣдька и всякій огородный овощь, и всякіе цвѣты, — піонъ съ товарищи. Турки до цвѣтовъ зѣло охочи: у нихъ ряды особые съ цвѣтами, а когда пойдешь по Царюграду, то вездѣ по окнамъ цвѣты стоятъ. По Царюграду и за Царемъградомъ вездѣ древа кипарисовыя ростутъ. По Царюграду, когда пойдешь гулять, — ненасытный градъ, чтобы присмотрѣлся: тутъ хорошо, а индѣ и лутче; паче жъ у нихъ у мечетовъ забудешься, — всё на нихъ смотрѣлъ бы, да около ихъ гулялъ, — да древа такія большія съ плодомъ, — у насъ такихъ въ лѣсу не сыщешь величиною.

СВЯТАЯ ГОРА АѲОНСКАЯ.

Восхожденіе на вершину ея.

Изъ „Писемъ Святогорца."

Вотъ скоро ужь восемь мѣсяцевъ какъ я на Аѳонѣ, да еще не видать конца моихъ восхитительныхъ прогулокъ по его заоблачнымъ высотамъ и увлекательнымъ низменностямъ, среди цвѣтущихъ рощей и умильныхъ пустынь. Рѣшившись всмотрѣться пристальнѣе въ образъ здѣшняго подвижничества, и проникнуть въ сокровенные тайники пустынь, я думаю, если Богъ дастъ жизни и здоровья, не ранѣе отправиться въ Іерусалимъ, какъ въ августѣ или въ сентябрѣ; а теперь пока любуюсь, глядя на Святую Гору и на ея строгія обители.

Во всю мою бытность здѣсь, поразительная вершина самой главной горы, была предметомъ моихъ наблюденій и постояннаго любопытства, — мнѣ крайне хотѣлось побывать на ней; но по началу осень, а потомъ зима не давали возможности взобраться туда, по причинѣ снѣговъ и чрезвычайныхъ вихрей, бурно играющихъ въ недоступныхъ высотахъ. Наконецъ наступилъ май. Солнышко разсыпалось своими жгучими лучами; дыханіе южныхъ вѣтровъ охватило заоблачную высь Аѳона, и снѣгу — какъ не бывало!

18 Мая выступили мы изъ Русика, и, направляясь по южному склону Аѳона, прежде всего прибыли въ сосѣдственный Русику монастырь Ксиропотамъ, посвященный памяти 40 мучениковъ, и замѣчательный тѣмъ, что онъ владѣетъ безцѣннымъ сокровищемъ — значительною частью животворящаго креста Господня.

18 и 19-го дни были жаркіе и ясные, такъ что слегка-игравшій полуденный вѣтеръ не въ силахъ былъ животворить насъ своимъ тихимъ дыханіемъ. Еле-еле тащились мы другъ за другомъ по изумительнымъ высотамъ, чрезъ которыя, по большой части, вели дороги самыя узкія и каменистыя, отъ чего такъ разбились мы въ первый день, что едва

могли добраться къ вечеру до Григоріата. Гостепріимство и истинно-братскій привѣтъ здѣшнихъ старцевъ вознаградилъ насъ вдвойнѣ за тяжелые труды горнаго странствія. На пути мы были въ Симопетрѣ, монастырѣ, основанномъ на отвѣсной скалѣ. Опустившись съ прибрежныхъ Симопетрскихъ высотъ въ глубокую лощину, уже при послѣднихъ лучахъ догорающаго солнца, мы у небольшаго ключа расположились съ самоваромъ, который не забыли взять на-случай и несли поочередно. 19 миновали мы монастыри Діонисіатскій и Святопавловскій. Послѣдній стоитъ при самой подошвѣ Аѳона, на одной изъ отшатнувшихся отъ него скалъ. Въ Діонисіатѣ насъ приняли съ любовью и привѣтливостію.

Въ Святопавловскій монастырь мы пришли очень рано утромъ, и приложившись къ святымъ мощамъ, по обозрѣніи мѣстности и особенно-замѣчательныхъ частей монастыря, удалились въ такъ называемый Новый Скитъ, въ намѣреніи отдохнуть тамъ у архіепископа Ѳеодосія. Къ монастырю Святаго Павла поразительный Аѳонъ имѣетъ главную отвѣсную сторону: къ нему съ этой же западной части прижатъ Диѳонъ, по Русскому выраженію, Аѳонёнокъ, или внукъ Аѳона, значительно уступающій своему сѣдому дѣду въ вышинѣ. Этотъ монастырь имѣетъ важный источникъ продовольствія отъ мрамора, который сбрасывается съ-верху тяжелыми иногда ударами каждогоднаго землетрясенія.

Преосвященнаго Ѳеодосія мы застали дома. Келейный его доложилъ о нашемъ прибытіи, и владыка пригласилъ насъ къ себѣ. Отворяется предъ нами дверь, мы вступаемъ, — и какой умилительный видъ нищеты и смиренія поразилъ насъ! Я едва могъ вѣрить, что мы у архіепископа. Представьте себѣ скромную келейку, сажени три въ длину и столько жь въ ширину, съ двумя маленькими окошечками, передающими взорамъ живописные виды прибрежья и безграничной Архипелагской дали.

По обычаю Востока, владыка принялъ насъ, сидя на постелькѣ и сложивши ноги подъ себя. Съ благоговѣніемъ подступали мы принять его благословеніе и поцѣловать святительскую руку. Онъ пригласилъ насъ сѣсть, и мы размѣстились по сундукамъ, а оставшійся безъ мѣста расположился при ногахъ преосвященнаго. Послѣ обычныхъ привѣтствій, владыка хлопнулъ въ ладоши, и явившійся діаконъ началъ угощать насъ плодами и ракою. Съ нами былъ чай и самоваръ: мы просили у владыки позволенія угостить его по-русски чаемъ, и онъ съ улыбкою изъявилъ на то свое согласіе.

Преосвященный жаловался и скорбѣлъ, что не имѣетъ собственно-архіерейской своей панагіи; наконецъ, умилительно сталъ просить: «не можетъ ли кто нибудь изъ насъ достать ему изъ Россіи, хоть бѣдную, но такую панагію, которую онъ могъ бы возлагать на себя при

священнослуженіи. Жаль было видѣть владыку въ его просительномъ положеніи! Съ непритворною радостію и видимыми знаками искренней признательности, онъ поблагодарилъ одного Русскаго, который пообѣщался выслать ему изъ Кіева панагію хоть *«рублей въ пять»*. Боже мой! — подумалъ я, — до чего доводитъ несчастіе, бѣдность и собственное смиреніе! О деньгахъ нечего говорить: этотъ преосвященный ихъ вовсе не имѣетъ.

Преосвященный Ѳеодосій архіепископствовалъ на островѣ Самосѣ. Тамъ онъ истощилъ все, что имѣлъ, на устройство богоугодныхъ заведеній и училища для дѣтей Греческихъ; но въ послѣдствіи, происками завистливыхъ и неблагонамѣренныхъ людей, искавшихъ его каѳедры, онъ былъ лишенъ епархіи и, давши мѣсто враждебной сторонѣ, удалился на Святую Гору, гдѣ, въ тихомъ уединеніи и безвѣстности, кончаетъ страдальческій вѣкъ свой.

При разставаніи мы, по обыкновенію, дали на поминовеніе родныхъ, каждый по усердію, и преосвященный съ признательностію принималъ предлагаемое, внося имена наши въ свой келейный синодикъ. Онъ такъ былъ привѣтливъ, что проводилъ насъ чрезъ весь дворъ и ворота, гдѣ, оставшись, долго глядѣлъ намъ въ-слѣдъ, какъ-будто жалѣя и сѣтуя по разлукѣ съ нами.

Скитъ Святыя Анны расположенъ на значительной горной высотѣ, и по чрезвычайно-труднымъ путямъ, при необыкновенномъ жарѣ въ лѣтнее время. Насъ приняли здѣсь съ особеннымъ радушіемъ. Мы поторопились на ночь къ келіи святаго Димитрія, расположенной на уступной скалѣ Аѳона и вблизи начинающагося подъёма на самый верхъ его.

Было уже очень темно, когда мы подступили къ кельѣ Святаго Димитрія. Братія этой сокровенной пустыни обласкали насъ, развели каминъ, и разговоръ сдѣлался общимъ. Изъ числа трехъ подвижниковъ, здѣсь отшельничествующихъ, насъ поразилъ своими старческими бесѣдами, отличавшимися строгою истиною и живыми убѣжденіями, престарѣлый авва Іовъ, пятьдесятъ уже лѣтъ проведшій на Святой Горѣ въ изумительныхъ опытахъ самоотверженія.

20 Мая, день нашего всхода на самую вершину Аѳона, былъ прекрасенъ. Часа три поднимались мы въ-верхъ подъ тѣнью вѣковыхъ сосенъ и другихъ деревъ сѣверной природы; тропа была чрезвычайно трудна, и, отъ наносимыхъ на нее древесныхъ листьевъ, безпрестанно скользила по ней усталая нога, такъ что въ крайнемъ изнеможеніи мы добрались наконецъ до небольшой церкви во имя Божіей Матери. До самой вершины Аѳона ходу остается отсюда на три четверти часа; лѣсъ слѣва начинаетъ уже постепенно рѣдѣть, а справа ни кустика: камень и только! При самомъ морѣ, въ разстояніи верстъ, можетъ быть, около двѣнадцати, видны разсыпанныя по скаламъ кельи Кавсокаливскаго

Скита; а гораздо лѣвѣе отъ него, на пустынныхъ равнинахъ, подъ тѣнью деревъ, живописно рисуется келья и самая пещера преподобнаго Нила.

Долго отдыхали мы у Богородичной церкви, долго любовались на восхитительную даль, и не ранѣе, какъ въ десять часовъ, начали подниматься на самую вершину Аѳона. Поразительная высота его еще такъ была далека отъ насъ, что храмъ, красующійся на ней, казался намъ чрезвычайно малымъ; а скатъ на всѣ стороны, какъ-будто усыпаннымъ бѣлою галькою, тогда какъ цѣлые осколки мрамора лежали на немъ. Чѣмъ выше поднимались мы, тѣмъ труднѣе и незамѣтнѣе становилась каменистая тропа, въ безконечныхъ кривизнахъ отмѣченная по мѣстамъ только накладными грудами мрамора. Жгучее солнышко до такой степени разогрѣвало насъ, что мы рады были скинуть съ себя и послѣднюю рубашку; усталость и жажда обезсиливали насъ. Около полу-дня, послѣ тяжелыхъ усилій и крайняго изнеможенія, наконецъ ступили мы на самое темя Аѳона.

Видъ, какой открывается съ вершины Аѳона, безподобенъ. Говорятъ, что, при склонѣ солнца къ западу, отсюда можно замѣтить самый Константинополь, даль котораго, въ наше время, терялась въ полуденномъ сумракѣ, и, съ своими сосѣдственными высотами сливаясь въ одну длинную цѣпь, тянулась въ плѣнительномъ разнообразіи по свѣтлому небосклону. Острова, гóры и берегà, съ неподвижными равнинами Архипелагскихъ водъ, ложились подъ взоръ нашъ во всемъ своемъ очарованіи. Величественная гора Олимпъ, на которомъ сіялъ своею подвижническою жизнію Святый Іоанникій Великій, красовалась надъ Солоникскимъ Заливомъ поразительнымъ челомъ своимъ, покрытымъ еще зимними снѣгами. Всѣ высоты полуострова, или всё равно — Святыя Горы, такъ поразительныя, если смотрѣть на нихъ отъ взморья, теперь казались намъ не болѣе, какъ плоскими пригорками, ничтожною возвышенностію. Разбросанные по прибрежью монастыри представлялись отсюда легкими только очертаніями бѣлизны; а отшельничьи кельи съ ихъ кипарисами — едва замѣтными темными точками. Бѣжавшій у Кавсокаливскаго прибрежья каикъ для простаго нашего глаза былъ не болѣе, какъ чуть видное, движущееся черное пятно, тогда какъ въ зрительную трубу мы замѣтили его, въ ничтожномъ объемѣ, съ двумя гребцами на немъ. Нѣсколько кораблей, съ распущенными вѣтрилами, носилось въ виду нашемъ на зыбкомъ пространствѣ Архипелагскихъ водъ.

Вершина Аѳона въ значительномъ объемѣ по скату, сложена изъ чистаго мрамора; темя ея чрезвычайно сжато и въ длинникѣ, и въ поперечникѣ, такъ что небольшая церковь заняла почти всё его пространство. Церковь воздвигнута въ честь Преображенія Господня, но когда, — этого не могъ я узнать. Длина ея, и съ притворомъ, не болѣе трехъ сажень. При ней, съ запада, устроенъ небольшой водоёмъ, который отъ

снѣговъ и дождей, въ наше время, былъ съ значительнымъ запасомъ холодной воды.

Мы вошли въ церковь, въ которой было чрезвычайно сыро и холодно. Стѣны церкви исчерчены углемъ, съ означеніемъ именъ приходившихъ сюда поклонниковъ, точно также, какъ и въ церкви Богородичной, подъ горою. По обычномъ поклоненіи святому престолу, я озаботился высушеніемъ его покрывалъ, покровцевъ и святаго антиминса. Всѣ эти принадлежности священнослуженія я вынесъ на открытый воздухъ, — и представьте мое удивленіе, при взглядѣ на святый антиминсъ: Онъ Русскій! какими судьбами, — воскликнулъ я, — эта драгоцѣнность перенеслась съ низменностей Православнаго Сѣвера на заоблачную высь священнаго Аѳона. Съ благоговѣніемъ раскинулъ я подъ солнышкомъ, ярко и свѣтло игравшимъ, эту напрестольную святыню, и прочелъ на верху ея слѣдующую надпись: «Антимисъ, сіесть, трапеза священная на приношеніе безкровныя жертвы въ Божественной литургіи, освятися благодатію Пресвятаго и Животворящаго Духа; сего ради имѣетъ власть священнодѣйствовати во храмѣ, верху Аѳона, Преображенія Господня.»

На нижней части святаго антиминса написано:

«Повелѣніемъ Благочестивѣйшія, Самодержавнѣйшія, Великія Государыни Нашея, Императрицы Елисаветы Петровны всея Россіи, благословеніемъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, лѣта мірозданія 7250, отъ Рождества Христова 1742, индикта мѣсяца Іюлія, въ день.»

Потиръ, дискосъ и звѣздица изъ олова; утварь ветха и очень проста; да лучшей и не нужно тамъ, гдѣ служба бываетъ только въ храмовой праздникъ, 6-го Августа, когда стекаются сюда со всей горы усердные иноки, и, совершая всенощное бдѣніе и литургію, спускаются внизъ къ Богородичной церкви обѣдать, потому что на самую вершину трудно заносить съѣстные припасы, да негдѣ и готовить. Служатъ здѣсь, впрочемъ, и въ простое время приходящіе поклонники, но очень рѣдко. Исправивши всё въ церкви, мы прочли въ ней акаѳистъ сладчайшему Іисусу; съ чувствомъ излили признательныя сердца наши предъ Царицею Небесною и помолились о спасеніи и мирѣ всего міра.

МИЛЕШОВА ОБИТЕЛЬ *) ВЪ СТАРОЙ СЕРБІИ.

Изъ сборника, подъ названіемъ: «Боснія, Герцоговина и Старая Сербія», составленнаго Александромъ Гильфердингомъ.

Въ самомъ глухомъ мѣстѣ, среди горъ, отовсюду заслоняющихъ небольшую долину, стоятъ у рѣчки Милешевки, на пригоркѣ, развалины знаменитой въ древности обители Милешевой. Монастырь этотъ, который, по преимуществу, назывался «Сербскою Лаврою», былъ построенъ, въ *жупѣ* (волости)

*) Близь Сербскаго городка — Прѣполе, населеннаго большею частію изувѣрными и воинственными Магометанами и находящагося неподалеку отъ Черной Горы. — Христіанъ въ этомъ городкѣ не болѣе 350 душъ. *Ш.*

Чрьна Стѣна (то-есть, Черная Скала), Сербскимъ королемъ Владиславомъ (1234 — 1240 год.), сыномъ Стефана Первовѣнчаннаго и внукомъ Немани. Онъ создалъ тутъ храмъ Вознесенія Господня, украсилъ его «божественными и человѣческими красотами», и одарилъ «селами и влахами» (крестьянами). Въ 1237 году положилъ онъ здѣсь мощи *святаго просвѣтителя Сербской земли*, Саввы.

Рѣдко подвижникъ добра получалъ такое полное и единодушное признаніе отъ своихъ современниковъ, какъ *Святый Савва*. Онъ возвращался изъ странствія въ Палестину, Египетъ и на Синай, черезъ Болгарію, въ свое отечество, когда застигнутъ былъ смертію въ Болгарской столицѣ, Терновѣ, гдѣ отдыхалъ отъ трудовъ пути, съ честію принятый царемъ Болгарскимъ, Іоанномъ Асѣнемъ. 14 января онъ скончался, и его похоронили тамъ въ соборной церкви 40-ка Мучениковъ. Какъ скоро вѣсть о его кончинѣ пришла въ Сербію, король Владиславъ послалъ своихъ вельможъ въ Асѣню съ письмомъ, прося, чтобы тѣло просвѣтителя было отдано его родинѣ. Получивъ отказъ, король рѣшился самъ ѣхать въ Терновъ; онъ взялъ съ собою «*множество своихъ благородныхъ, епископы же и игумени, посла же предъ собою предвѣстникъ*»: послѣ долгаго колебанія, Болгарскій государь склонился на просьбу своего сосѣда и зятя, короля Сербскаго. Тогда, по словамъ древняго сказанія, «*благочестивы Владиславъ краль, отъ Загорьскіе Земли* *), *цѣла и неразрушима светаго воздвигъ, и въ свое отечество, въ Серпьскую землю понести того повелевъ, самъ же на трапѣзу веселіа, царемъ* (Асѣнемъ)... *позванъ, вниде; многими же дарованніи* (то есть, дарами) *и почьстьми того царь и сущіихъ съ нимъ одаровавъ, и тако любовнимъ провожденіемъ разстаніе сотвориста самодержьца* (то-есть, оба государя). *Скоро же Владиславъ краль светаго несома достиже, и яко древле Давидъ предъ кивотомъ, прѣдъ светими ею мощьми.... предъходе, радовашеся..... псалми же и пѣсньми съ епископи и съ благородними светаго ношаше. Приближьшу же се ему съ светими мощьми светаго, блаженій архіепископъ Арсеніе, съ епископи и съ игумени, и съ многими благородными, соборъ светы, изидоше въ срѣтеніе имъ, съ многими свѣщами и съ кадили благоуханьними, и достолние почести и пѣсни светому на похвалу приносеще, и вси падьше на лици своемъ покланяхуче, светіе мощи его лобизающе, съ многимъ умилніемъ..... Краль же и архіепископъ съ епископи же, игумени и съ благородними многими, вси купно и мали съ великими, въ радости мнозѣ, псалми и пѣсньми светаго ношаху, и дошедъше монастира, его же ть самъ краль Владиславъ созда, въ месте рекомомъ Милешева, и ту въ вьликои церькви Вознесенія Господня, въ свѣтлѣмъ и честьнѣмъ гробѣ, иже бѣ ему Владиславъ краль уготовалъ, псалми же присно и пѣсньми славеще Бога, славно и честьно положише, и великъ же торжествомъ праздникъ благочестивіи Владиславъ о памети светаго сотворивъ, на немъ же архіепископа и епископи и благородних одаровавъ, и нищихъ довольнѣ ущедривъ, и тако вси въ своясі кождо отидоше*».

Съ тѣхъ поръ Милешева сдѣлалась первенствующимъ мѣстомъ поклоненія въ древней Сербіи. *Святой Сава* почитался даже Далматинцами и Хорватами Рим-

*) Загорскою Землею называлась часть Болгаріи на югѣ отъ Балканскихъ Горъ.

скаго исповѣданья; а въ глазахъ Православныхъ Сербовъ онъ сталъ выше всѣхъ угодниковъ Божіихъ. «Знаешь ли ты, въ чемъ разница между Шокцами *(Католиками)* и Риштинами *(Православными)*?» спросилъ я у одного простолюдина въ Сремѣ. — «Какъ же, отвѣчалъ онъ: Шокцы вѣруютъ въ Римъ-папу, мы въ Святаго Савву». — Герцоговина, бывшая удѣломъ Святаго Саввы, когда онъ еще жилъ въ мірѣ, подъ именемъ Растки, и потомъ хранившая его мощи, получила названіе Области Святаго Саввы, и извѣстна была подъ этимъ именемъ всему Западу, еще много столѣтій послѣ смерти Сербскаго просвѣтителя; владѣтели ея, сдѣлавшись независимыми въ пятнадцатомъ вѣкѣ, носили званіе герцоговъ *Святаго Саввы*, величались хранителями его гроба. По этому можно судить, какъ велико было значеніе Мелешевской Обители. Но именно потому и звѣрство Мусульманъ, пощадившихъ другіе Христіанскіе храмы, менѣе знаменитые, обрушилось всею тяжестью на Милешеву. Ея не спасла отъ раззоренія усердная помощь, присылавшаяся Русскими царями въ семнадцатомъ вѣкѣ. Гибель Милешевской Обители начинается съ того дня, какъ, въ 1595 году, знаменитый военачальникъ Султана Мурада Третьяго, Синанъ-паша, вѣроятно, чтобы воспламенить изувѣрство Турокъ, тѣснимыхъ Австрійскими войсками, взялъ мощи Святаго Савы изъ Милешевы и, въ виду Дуная, на Врачорскомъ полѣ, подъ Бѣлградомъ, сжегъ ихъ и развѣялъ по вѣтру.

Всё болѣе и болѣе пустѣла Сербская Лавра. Въ 1735 году, Турки раззорили её страшно; наконецъ, въ 1782 году жилища иноковъ сгорѣли, и они разсѣялись, оставивъ несчастную обитель на произволъ Мусульманъ, которые усердно принялись трудиться по-своему надъ прекраснымъ зданіемъ. Теперь оно — развалина, но такая развалина, которая еще привлекаетъ къ себѣ богомольцевъ, и которую народъ Сербскій всё еще надѣется видѣть когда нибудь обновленною. Милешевская церковь есть длинная и, сравнительно, довольно узкая, постройка: длина ея 47 съ небольшимъ арщинъ, ширина 12. Стѣны сохранились, но крыши нѣтъ; говорятъ, что Турки разломали ее, чтобы взять съ нея свинецъ для покрытія одной мечети въ сосѣднемъ городкѣ Прѣполѣ; отъ обоихъ куполовъ осталась только нижняя часть и куски сводовъ, ихъ поддерживавшихъ. Народъ разсказываетъ, что въ церкви были четыре мраморныхъ колонны, которыя Турки унесли для украшенія мечети. Вся внутренность церкви покрыта остатками стѣнной живописи; живопись украшала также наружную сторону зданія. Образа и картины всѣ ужасно обезображены ножами и пулями Мусульманъ. Однако на наружной стѣнѣ алтаря порядочно сохранилась одна фигура, принадлежавшая, какъ видно, къ большому рисунку, и надъ нею надпись:

Обрѣтеніе мощемъ Святаго Стефана.

Такова теперь Милешевская Лавра. Не смотря на то, что она раззорена и осквернена Турками, окрестные Христіане продолжаютъ чтить ее, какъ великую святыню. До сихъ поръ, къ празднику Вознесенія, идутъ туда толпы народа, какъ на поклоненіе. Иногда приходитъ съ ними и священникъ, и они слушаютъ слово Божіе среди развалинъ. Больные, побывавъ на мѣстѣ, гдѣ лежали мощи *Святаго Саввы*, отправляются въ гору, къ источнику, пьютъ изъ него и погружаются въ его воду. Говорятъ, что даже не рѣдко Мусульмане и Мусульманки ищутъ въ немъ исцѣленія болѣзни.

ДЕЧАНСКІЙ МОНАСТЫРЬ ВЪ СТАРОЙ СЕРБІИ.

Изъ сборника, подъ названіемъ: «Боснія, Герцоговина и Старая Сербія», составленнаго Александромъ Гильфердингомъ.

Дечанскій монастырь есть прекраснѣйшая и самая знаменитая обитель Сербская, лучшій памятникъ древняго Сербскаго величія и благочестія.

Храмъ этотъ есть одно изъ совершеннѣйшихъ произведеній Византійской архитектуры. Когда вы войдете въ эту церковь, вами овладѣетъ какое-то чувство свѣтлой отрады: вамъ, въ этой церкви, будетъ легко, спокойно и весело, но радость ваша будетъ торжественная. Церковь, большая и высокая, построена крестообразно, съ однимъ круглымъ, высокимъ куполомъ. Крыша церкви свинцовая; куполъ также покрытъ свинцомъ. Свинецъ на куполѣ, отъ дѣйствія времени, получилъ какой-то странный отливъ, похожій на цвѣтъ мѣди. На куполѣ стоитъ невредимо древній большой крестъ, какъ говорятъ, весь изъ серебра.

На восточной сторонѣ церкви видна выдающаяся окружность большого алтаря, и, по сторонамъ ея, подвѣ малыхъ окружности, принадлежащія двумъ предѣламъ во имя Святого Николая и Святого Димитрія, проскомидіи большого алтаря и ризницѣ.

Въ церковь ведутъ трое дверей. Надъ западною дверью изображенъ Вседержитель (въ чье имя построенъ храмъ), сидящій на престолѣ, съ запечатанною семью печатями книгою въ одной рукѣ и благословляющій другою; надъ сѣверною дверью изваянъ крестъ, обвитый лиліями (знакомъ дома Неманичей), и надъ нимъ надпись: «Іисусъ Христосъ, Царь Славы»; надъ южною дверью изваяно Крещеніе Господне, а подъ нимъ помѣщена надпись. Куполъ главной церкви поддерживается четырьмя столбами, покрытыми живописью; каждому изъ этихъ столбовъ соотвѣтствуетъ одна прекрасная мраморная осьмиугольная колонна, водруженная по серединѣ, между столбомъ и стѣною церкви. Иконостасъ деревянный, образа на немъ старинные: весь онъ въ позолотѣ. Между образами помѣщенъ ликъ Святаго Симеона Немани, Святаго Саввы и Святаго Стефана Дечанскаго.

На правой сторонѣ царскихъ дверей стоитъ рака, съ крестомъ изъ честнаго древа, принесеннымъ, по преданію, изъ Іерусалима Святымъ Саввою и окованнымъ, какъ гласитъ на подножіи его надпись, въ 1332 году, Святымъ Стефаномъ Дечанскимъ, который завѣщалъ его Дечанской обители. Другой драгоцѣнный крестъ, хранящійся на святомъ престолѣ въ этой обители, сооруженъ былъ для нея царемъ Душаномъ, въ 1348 году. Съ лѣвой стороны царскихъ дверей почиваютъ въ ракѣ мощи Святого короля Стефана Уроша Третьяго, которому народъ придаетъ имя созданной имъ обители. На правой сторонѣ церкви лежатъ мощи Святой Елены, сестры Дечанскаго короля и супруги Болгарскаго царя Михаила. Куполъ весь въ образахъ и въ позолотѣ. Внутренность церкви выложена бѣлымъ мраморомъ. Въ серединѣ виситъ большое паникадило, на цѣпяхъ вылиты слова: «Стефанъ краль» и гербъ Сербскій (крестъ съ обращеннымъ наружу полумѣсяцемъ въ каждомъ изъ четырехъ угловъ); надъ гербомъ вылитъ двуглавый орелъ Сербскій. У столба, съ правой стороны, стоитъ древній престолъ Сербскихъ царей, изъ бѣлаго мрамора. Онъ теперь заколоченъ доскою, и на немъ поставлена икона Святого Стефана. Боковые предѣлы, Святого Николая и Святого Димитрія, отдѣлены отъ главной церкви спереди только небольшою мраморною перегородкою, такъ что, стоя по-

среди главной церкви, вы видите всѣ три иконостаса: этимъ увеличивается красота и свѣтлый видъ церкви. Полъ въ цѣломъ храмѣ сдѣланъ изъ разноцвѣтныхъ мраморныхъ плитъ.

Мѣстность, въ которой построенъ Дечанскій храмъ Вседержителя, превосходна. Онъ стоитъ въ небольшой долинѣ; съ востока ограждаетъ его высокая, мрачная, скалистая гора, Плѣшъ, принадлежащая къ хребту, который тянется отъ Печи до Призрена и отдѣляетъ Старую Сербію отъ Албаніи; съ другихъ сторонъ окружаютъ его красивые пригорки, покрытые живописною зеленью каштановъ; подъ стѣною монастыря течетъ холодный горный потокъ, Быстрица. Монастырь стоитъ въ сторонѣ отъ большой дороги, но вблизи ея.

Этому удаленію Дечанскій храмъ обязанъ, можетъ быть, своимъ сохраненіемъ. Но при всемъ томъ, онъ въ продолженіе болѣе 450 лѣтъ подвергнутъ былъ непрестанной опасности, и нельзя не сказать, съ Сербскимъ народомъ, что самъ Богъ чудесно хранилъ его.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Въ славянской Православной церкви, какъ и въ Россійской, прославились многіе святые мужи своимъ подвижничествомъ, проповѣдью, распространеніемъ Православія, благоустройствомъ церкви и вообще Христіанскими доблестями и добродѣтелями. Не говоря уже о Кириллѣ и Меѳодіи, первыхъ просвѣтителяхъ Славянъ, мы упомянемъ здѣсь еще о нѣкоторыхъ святыхъ Славянской церкви.

Святый *Савва*, архіепископъ *Сербскій*, сынъ Сербскаго короля, „бывшій въ лѣто отъ Рождества Христова 1203“, постриженъ въ монашество на Аѳонѣ и поставленъ во архіепископы Сербамъ патріархомъ Мануиломъ. Этотъ святой — самый народный въ Сербіи.

„Святый краль *Сербскій, Стефанъ Дечанскій*,“ вѣнчанный слѣпецъ, узникъ и страдалецъ, насильственною смертію довершившій свой подвигъ, жилъ въ концѣ 13-го и началѣ 14-го столѣтія.

„Блаженный младый царь“, мученикъ *Урошъ*, былъ „сынъ великаго царя Сербскаго, Душана, которымъ окончилась слава царства Сербскаго“.

Святый царь Сербскій, *Лазарь*, „палъ за вѣру и родину въ Коссовской битвѣ“.

Святый, праведный *Стефанъ Новый* „властитель *Сербовъ*, былъ великимъ мужемъ церкви и земли *Сербской*“.

Изъ Святителей *Сербская церковь* прославляетъ своихъ архіепископовъ — *Савву 2-го* (сына первовѣнчаннаго краля Стефана и племянника Великаго Саввы) и *Никодима*, патріарховъ — *Іоанникія, Ефрема, Спиридона, Макарія* и *Гавріила*.

Царь *Болгарскій Борисъ*, или *Богорисъ*, убѣждаемый сестрою своею, бывшею въ Константинополѣ, и увидѣвшій наказаніе свыше въ голодѣ и морѣ, ниспосланномъ на страну его, попросилъ себѣ христіанскихъ наставниковъ изъ Константинополя и, просвѣщенный Святымъ Меѳодіемъ, принялъ Христіанскую вѣру и окрестилъ *народъ Болгарскій*, въ 9-мъ столѣтіи по Рождествѣ Христовѣ.

Изъ ревностныхъ и самоотверженныхъ дѣятелей *церкви Болгарской*, учителей и просвѣтителей Болгарскаго народа, упомянемъ о Святомъ *Климентѣ*, архіепископѣ Величскомъ, и сотрудникахъ его — *Гораздѣ, Наумѣ, Ангеларіи* и *Саввѣ*.

Упомянемъ также о святыхъ отшельникахъ *Болгарскихъ*, возбудившихъ своими подвигами „сотни и тысячи между Болгарами къ Христіанскому подвижничеству“: таковы — *Іоаннъ Рыльскій, Іоакимъ Осоговскій* и другіе.

Чешская церковь прославляетъ память святыхъ *Чеховъ* — блаженной княгини *Людмилы*, супруги Христіанскаго князя Богеміи, Боривоя, и внука ея, святаго князя *Вячеслава*, жившихъ въ 10-мъ столѣтіи по Рождествѣ Христовѣ. *Щ.*

КІЕВСКІЯ ПЕЩЕРЫ.

Кіевопечерская Лавра, первый и древнѣйшій изъ всѣхъ монастырей Русскихъ, находится въ самомъ Кіевѣ, въ южной сторонѣ города, называемой Печерскою, которая получила наименованіе свое отъ тѣхъ знаменитыхъ пещеръ, гдѣ покоятся мощи святыхъ угодниковъ, прославившихъ святостію житія своего избранное ими мѣсто.

Въ настоящемъ своемъ видѣ, Кіевопечерская Лавра красуется величіемъ храмовъ своихъ, обширностію всѣхъ другихъ зданій, и неисчислимыми драгоцѣнностями. Но для благочестивыхъ поклонниковъ, ежегодно стекающихся тысячами въ Лавру, драгоцѣннѣе всего тѣ священныя пещеры, въ которыхъ почиваютъ мощи святыхъ угодниковъ, большею частію подвизавшихся въ самой Кіевской обители. Онѣ раздѣляются на *ближнія* и *дальнія*.

Начало ближнимъ пещерамъ положено Святымъ Антоніемъ, когда онъ удалялся для уединенія изъ первой пещеры, ископанной Иларіономъ. Входъ въ ближнія пещеры сдѣланъ изъ церкви Воздвиженія Креста Господня. Здѣсь, почти во всякое время дня, встрѣтите толпу народа, стекшагося изъ Украйны, Россіи, съ Дона и даже изъ Сибири, съ своими особенными нарѣчіемъ и одеждою.

Въ рукахъ каждаго теплится свѣча; въ храмѣ тишина, одинъ или два монаха.... Вотъ желѣзная дверь отворилась, и толпа народа тронулась, шагнула и сжалась у входа: но нѣтъ ни шума, ни безпорядка, и всѣ идутъ медленно, руководимые монахомъ.... Переступивши за пещерную дверь, взгляните, какъ живая рѣка народа движется въ этомъ сжатомъ, сѣроватомъ сводѣ, полуозаренномъ однѣми свѣчами молельщиковъ, и склоненномъ отлогою покатостью въ глубину земли; взгляните, какъ этотъ народъ останавливается передъ каждымъ святымъ, творитъ молитвы, распрашиваетъ о его жизни, движется далѣе и далѣе, и исчезаетъ по переходамъ.

Каждый святой покоится въ четырехъ-угольномъ углубленіи пещеры въ деревянной гробницѣ, а иные въ украшенныхъ серебромъ и золотомъ, и надъ каждымъ изображены его имя и жизнь. Въ иныхъ мѣстахъ пещеръ видны на-глухо запертыя двери, съ небольшимъ окошечкомъ: онѣ ведутъ въ келліи почивающихъ тамъ затворниковъ. Въ иныхъ мѣстахъ покажется изъ-за желѣзной рѣшетки огонь, освѣщающій подземную келлію, и слышится молитва и тихое пѣніе: здѣсь совершается служба.... Но вотъ и галлерея, съ окнами и деревяннымъ помостомъ, ведущая къ дальнимъ пещерамъ... При дальнихъ пещерахъ, изъ которыхъ иныя существовали еще до принятія Христіанской Вѣры Святымъ Владиміромъ, а другія начаты Иларіономъ, находятся церкви Рождества Богородицы и Зачатія Святыя Анны, съ главами, позлащенными червоннымъ золотомъ. Входовъ въ пещеры два: западный и восточный. Расположеніе ихъ хотя другое нежели въ ближнихъ, но устройство общее; впечатлѣнія такъ-же сильны, и воспоминанія о первыхъ дняхъ жизни Россіи еще сильнѣе и разнообразнѣе. По народному сказанію, въ нихъ есть завалившійся ходъ подъ Днѣпръ, и даже на противополож-

ный его берегъ. При обѣихъ пещерахъ находятся келліи блюстителей пещеръ и другія зданія. Во всей обители много погребено ея благотворителей и людей великихъ...

Вадимъ Пассекъ.

IV.

НАЧАЛО КІЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЫ.

(Въ 1062 году.)

Изъ «Исторіи Государства Россійскаго».

При Изяславѣ [1]) былъ основанъ славный монастырь Кіевскій, и самъ Несторъ разсказываетъ достопамятныя обстоятельства сего учрежденія. Нѣкто, житель города Любеча, одушевленный Христіанскимъ усердіемъ, захотѣлъ видѣть Святую Гору, возлюбилъ житіе монаховъ Аѳонскихъ, и, постриженный въ ихъ обители, былъ названъ Антоніемъ. Игуменъ, наставивъ его въ правилахъ монастырскихъ, далъ ему благословеніе, и велѣлъ идти въ Россію, предвидя, что онъ будетъ въ нашемъ отечествѣ свѣтиломъ черноризцевъ. Антоній возвратился еще при князѣ Ярославѣ, обходилъ тогдашніе монастыри Россійскіе, и, близь Кіева, на высокомъ берегу Днѣпровскомъ, увидѣлъ пещеру: Иларіонъ, будучи еще простымъ іереемъ Берестовскимъ, ископалъ оную собственными руками, и часто, окруженный безмолвіемъ дремучаго лѣса, молился въ ней Богу. Она стояла уже пустая: Иларіонъ, въ санѣ митрополита, насъ церковь и жилъ въ столицѣ. Антоній плѣнился красотою сего дикаго уединенія, остался въ пещерѣ Иларіоновой и посвятилъ дни свои молитвѣ. Слухъ о пустынникѣ разнесся въ окрестностяхъ: многіе люди желали видѣть святого мужа; самъ великій князь Изяславъ приходилъ къ нему, съ своею дружиною, требовать благословенія. Двѣнадцать монаховъ, отчасти Антоніемъ постриженныхъ, выкопали тамъ подземную церковь съ кельями. Число ихъ безпрестанно умножалось: великій князь отдалъ имъ всю гору надъ пещерами, гдѣ они заложили большую церковь съ оградою. Смиренный Антоній не хотѣлъ начальства: поручивъ новую обитель игумену Варлааму, уединился въ пещеру, однакожь не избавился отъ гоненія. Считая Антонія другомъ Всеславовымъ, [2]) великій князь приказалъ воинамъ ночью схватить его и вывезти изъ области Кіевской. Но добродѣтельный мужъ скоро возвратился съ честію въ любимую свою пещеру, и жилъ въ ней до самой кон-

[1]) *Изяславъ Ярославичъ*, великій князь Кіевскій, внукъ святого равноапостольнаго и великаго князя Владиміра.

[2]) *Всеславъ Брячиславичъ*, родственникъ великаго князя, князь Полотскій, считая себя прямымъ наслѣдникомъ престола велико-княжескаго, былъ врагомъ великаго князя Кіевскаго Изяслава, и даже нѣкоторое время сидѣлъ на его княженіи въ Кіевѣ, когда Изяславъ бѣжалъ изъ него.

Ш

чины, имѣвъ удовольствіе видѣть Лавру Кіевскую въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Щедрость и набожность Ярославичей обогатели сей монастырь доходами и помѣстьями. Святославъ далъ 100 гривенъ, или 50 фунтовъ золота, на строеніе каменнаго великолѣпнаго храма Печерскаго, призвалъ художниковъ изъ Константинополя, и своими руками началъ копать ровъ для основанія церкви. Знаменитый Варягъ Симонъ, вельможа Всеволодовъ, подарилъ Антонію на украшеніе алтаря златую цѣпь въ 50 гривенъ и вѣнецъ драгоцѣнный, наслѣдствіе отца его, князя Варяжскаго. Святой Ѳеодосій, преемникъ Варлаамовъ, заимствовалъ отъ Цареградскаго Студійскаго Монастыря уставъ черноризцевъ, который сдѣлался общимъ для всѣхъ монастырей Россійскихъ. Сей благочестивый игуменъ завелъ въ Кіевѣ первый домъ страннопріимства, и питалъ несчастныхъ въ темницахъ. Добродѣтель Ѳеодосіева была столь уважаема, что великій князь нерѣдко приходилъ бесѣдовать съ нимъ наединѣ, оставался у него обѣдать, ѣлъ хлѣбъ, сочиво, и съ улыбкою говаривалъ, что роскошная трапеза княжеская ему не такъ пріятна, какъ монастырская. Любя Изяслава, Ѳеодосій великодушно обличалъ виновнаго брата, гонителя его, въ беззаконіи. Святославъ терпѣлъ сіи укоризны, оправдывался, и когда святой мужъ входилъ въ шумный дворецъ его, гдѣ часто гремѣла музыка — органы и гусли, тогда всё умолкало. Лежа на смертномъ одрѣ, Ѳеодосій благословилъ Святослава и сына его, Глѣба. — Монахи Печерскіе, возбуждаемые наставленіемъ и примѣромъ своихъ достойныхъ начальниковъ, служили ревностно Богу и человѣчеству; нѣкоторые изъ нихъ пріяли вѣнцы мучениковъ, обращая идолопоклонниковъ: Леонтій — въ Ростовѣ, Святый Кукша — въ землѣ Вятичей (въ Орловской или Калужской Губерніи). Самые вельможи, отказываясь отъ свѣта, искали душевнаго мира въ Печерской обители.

Николай Карамзинъ.

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРГІЙ.

Основаніе Троицко-Сергіевой Лавры. *)

Изъ «Русскаго Временника, сирѣчь, Лѣтописца.»

Тѣ же сей преподобный игуменъ Сергій, родомъ града Ростова, отъ отца Кирилла и матери Маріи, живяше жь прежде той Кириллъ въ нѣкоей веси области оноя, ижъ бѣ въ предѣлехъ Ростовскаго княженія, не зѣло близъ града Ростова, и имяше житіе велико: боляринъ сый, единъ отъ славныхъ и нарочитыхъ боляръ, богатствомъ многимъ изобилуя; но на старость обнища частыми хоженми, и со князи ихъ,

*) Троицкая Сергіева Лавра, основаная въ 1337 году преподобнымъ Сергіемъ Радонежскимъ, находится въ 64 верстахъ отъ Москвы. *Щ.*

во Орду, и частыми нахожеми Татарскими на Русь, и тяжкими даньми и выходы, ежь во Орду.

..... Кириллъ воздвижеся изъ веси оноя, прежереченныя Ростовскія, и собрась со всѣмъ домомъ своимъ и съ супругою, и съ чады своими, со Стефаномъ и Петромъ, и блаженнымъ Варѳоломеемъ, иже послѣди бысть нареченный Сергій, и со всѣмъ родомъ своимъ, и преселися въ Радонежъ, и пришедъ вселися близъ церкви, нареченныя во имя Святого Рождества Христова, еже и до нынѣ стоитъ церковь та, и ту живяше съ родомъ своимъ. Не единъ же сый преселися, но съ нимъ и иніи мнози преселишась отъ Ростова въ Радонежъ; и быша преселницы на земли чужей: отъ нихъ же есть Георгій, сынъ протопоповъ, съ родомъ своимъ, и Иванъ, и Ѳеодоръ Тормосовъ, съ родомъ своимъ, и Дюдень, зять его, съ родомъ своимъ, Анисимъ, дядя его, вельможа бывый въ Ростовѣ, ижь послѣди бысть діаконъ; Анисима жъ, глаголютъ, съ Протасіемъ тысяцкимъ, пришедша въ тужъ весь, глаголемую Радонежъ, юже даде князь великій Иванъ Даниловичъ *) сыну своему мизиному, князю Андрею, отъ него жъ родись князь Владимеръ; а намѣстника постави въ ней Терентія Ртища, и льготу людемъ велику дарова, и обѣщася ослабу велику дати. И тоя ради льготы собрашась людіе мнози въ весь ту, якоже и Ростовскія ради нужи и злобъ разбѣгошась людіе мнози. Отрокъ же Варѳоломей, предобрыхъ родителей чадо сый, по благословенію Богомъ посланнаго къ нему старца, вскорѣ изучися Божественному писанію. Преже убо медленъ бывый ко ученію, и абіе вкуси сладость Божественныхъ писаній, и бысть отроча благолѣпно и благопотребно. По времени же возраста, къ лучшимъ паче преспѣвающу ему, ему же житейскія красоты ни во что же вмѣнившу, и всяко суетство мірское, яко сметіе поправшу, яко же рещи и то самое естество презрѣти и преодолѣти, еще и Давидова словеса начастѣ шептати ему: — Какая польза въ крови моей, внегда сходити ми во истлѣніе? — Нощію же и днію непрестанно Бога моляше со слезами, посту и цѣломудрію прилежаше, и, спроста рещи, всяку добродѣтель прохожаше. Къ сему же худость ризную и память смертную всегда имѣяше, понимая слово Господне, еже рече: — внидите узкими враты, яко пространная врата вводятъ въ пагубу. — Братія же его, сынове Кирилловы, Степанъ и Петръ, женистась; тойже юноша Варѳоломей и сынъ Кирилловъ не восхотѣ женитись, но желаше во иноческій чинъ пострищись, и въ томъ угодити Богу, и прошашесь съ моленіемъ у родителей своихъ, дабы его отпустили пострищись. Они же рекоша ему: — чадо, мало потерпи о нашей

*) Великій князь Московскій Иванъ Даниловичъ, по прозванью Калита, съ котораго и начинается собственно Московское Государство, собираніе Русскихъ княжествъ воедино, вѣсъ и могущество Москвы. Этотъ, по-истинѣ великій государь, княжилъ съ 1328 года по 1340 годъ. *Щ.*

худости и послѣдней нищетѣ, — видиши бо нашу старость и во всемъ скудость и послѣднюю нищету, а братія твоя оженистася и пекутся, како угодити женамъ своимъ, у насъ же нѣсть пекущагося нами. Того ради послужи намъ мало, да и о семъ пріимеши мзду отъ Господа. — Блаженный же Варѳоломей не преслушась родителей своихъ, и работаше имъ отъ всего сердца, со всякимъ смиренномудріемъ и долготерпѣніемъ. Таже по малѣ времени, родители его постригшесь во иноческій чинъ, и ко Господу отъидоша: блаженный же Варѳоломей погребе ихъ, съ надгробными псалмы и пѣсньми, и четыредесятницу отправивъ, начатъ упражнятись отъ міра во иноческое житіе, и призвавъ брата своего меншаго Петра, оставляетъ ему отчее наслѣдіе и прочая вся домовная, яже житейскимъ на потребу, самъ же не взя себѣ ничтоже, по Божественному апостолу рекщему: — сметіе вмѣнихъ вся, да Христа пріобрящу. — Стефану же, брату его старѣйшему, немного лѣтъ поживщу съ женою, и жена его умре, родивши два сына, Климента да Ивана, иже той Иванъ, Стефановъ сынъ, послѣди пострижесь во иноческій чинъ, 12 лѣтъ, у дяди своего, у преподобнаго игумена Сергія, на память святого Ѳеодора Трихины, а нареченъ бысть Ѳеодоръ, таже и священству сподобися, и *монастырь* созда на мѣстѣ, зовомомъ *Симоновъ*, близъ рѣки Москвы, недалече и отъ града, иже послѣди бысть архіепископъ первый граду Ростову, богоугоднаго ради житія его. Стефанъ же, братъ Сергіевъ, по преставленіи жены своея, пострижеся во иноческій чинъ, въ монастыри Покрова Пречистыя Богородицы, на Хотьковѣ, къ нему же пріиде меншій братъ его Варѳоломей на совѣтъ, и моляше его, дабы шелъ съ нимъ на взысканіе пустыннаго мѣста. Стефанъ же инокъ, старѣйшій братъ его, не ослушася меншаго своего брата, еще міряниня суща, иноческимъ же житіемъ живуща. И идоша въ пустыню, въ великій лѣсъ, и избраша мѣсто пустынно, и взяша благословеніе у преосвященнаго Ѳеогноста, митрополита всея Русіи, и поставиша *церковь* во имя Пресвятыя и Животворящія *Троицы*, при великомъ князѣ Симеонѣ Ивановичѣ *), въ началѣ княженія его; Стефанъ же оставляетъ пустыню и брата своего Варѳоломея, пріиде близъ града Москвы въ Монастырь Святого Богоявленія, на посадъ, идѣже бяше въ томъ монастыри инокъ Алексѣй, живый богоугодно, иже послѣди бысть митрополитъ и чудотворецъ, свѣтилникъ всея Русіи, и другій Геронтіе, нѣкто честенъ и славенъ старецъ духовнымъ житіемъ; послѣди же Стефанъ, добродѣтельнаго ради житія его, поставленъ бысть игуменомъ въ тотъ же Богоявленскій Монастырь Ѳеогностомъ, митрополитомъ всея Русіи. Братъ же Стефановъ, блаженный Варѳоломей пустынникъ, призва къ себѣ игумена нѣкоего,

*) Симеонъ Ивановичъ, по-прозванью Гордый, сынъ Калиты, продолжавшій мысль и дѣло отца своего и державшій себя къ другимъ князьямъ важно и повелительно (1340—1353 год.) *Ш.*

именемъ Митрофана, и пострижесь отъ него во святый ангельскій иноческій образъ въ той же церкви Пресвятыя и Живоначальныя Троицы, мѣсяца октября въ 7 день, на память святыхъ мученикъ Сергія и Вакха, и нареченъ бысть блаженный Варѳоломей во иноческомъ чину *Сергіе*. Тако бо тогда спроста нарицаху имена не со имени, но въ который день святого, котораго память прилучашесь, въ того святого прилучившагося, и имя постригающемусь нарицаху. Бѣ же тогда святый возрастомъ 23 лѣтъ. Того жъ дни игуменъ Митрофанъ Божественную литоргію совершивъ, новопостриженный же инокъ Сергіе причастникъ бываетъ пречистыхъ и животворящихъ Христовыхъ таинъ. Поживе жъ нѣсколько время въ той пустыни со преподобнымъ новопостриженнымъ Сергіемъ, той игуменъ Митрофанъ, научая его иноческому житію и терпѣнію, и како сопротивлятись помысломъ вражіимъ и ратемъ сопротивника видимымъ и невидимымъ, и сотворивъ молитву, и благословивъ его, отъиде отъ него, и иде отнюду же пріиде. Преподобный же Сергіе единъ пребывъ въ пустыни той лѣта два или три въ молчаніи, всяко пустынное озлобленіе претерпѣвая и бѣсовская страшенія и мечтанія, Божіею помощію соблюдаемъ отъ нихъ и покрываемъ. И понежъ, по Христову словеси, невозможно укрытись граду верху горы стоящу, нижъ свѣтилнику въ темнѣ мѣстѣ свѣтящу, тако и сего преподобнаго Сергія добродѣтельное житіе вездѣ слышано бысть, и, слышавше окрестъ живущіи его мниси, прихожаху къ нему по единому и по два, иногда же и по три, и моляху его сожительствовати съ нимъ, и душа своя спасти: онъ же съ любовію пріимаше ихъ. Посемъ же собравшимся мнихомъ 12, или болѣ, и молиша преподобнаго Сергія, да будетъ у нихъ игуменомъ, — святый жъ много отрицаяся, недостойна себе нарицая: братія же хотяще разытися отъ него, онъ же едва повинуся воли ихъ, и иде во градъ Переславль ко епископу Аѳонасію Волынскому, и поставленъ бысть отъ него игуменомъ. Бѣ бо въ то время святый Алексѣй митрополитъ во Цари-Градѣ. Пріиде же преподобный Сергіе въ монастырь, и срѣтоша его братія, и поклонишась ему до земля: прославляшежся монастырь его вельми. Посемъ же пріидоша Греки отъ Царя-Града ко святому Сергію въ монастырь отъ патріарха Филоѳея, и даша ему благословеніе — крестъ и парамандъ *), и схиму, и грамоту, и чествова посланники, и отпусти ихъ, и посемъ, по благословенію патріархову и пресвященнаго Алексѣя митрополита, состави въ монастыри своемъ общее житіе. Посемъ-же, нѣкія ради крамолы отъ братіи, изыде отъ монастыря своего тай, и состави церковь въ пустыни, на рѣкѣ Киржачѣ, во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы: и вскорѣ и туто монастырь устроенъ бысть. Потомъ же, по умоленію братіи Ра-

*) *Парамандъ* — монашеское наплечіе, наплечникъ, парамникъ. *Щ.*

донежскаго Монастыря, и по повелѣнію и благословенію Алексѣя митро полита, возвратися въ прежній монастырь къ Живоначальнѣй Троицѣ а на Киржачѣ устрои въ свое мѣсто игумена Романа. Потомъ же, по по велѣнію великаго князя Дмитрія *) и по благословенію Алексѣя митро

Монастыри въ Москвѣ.

*) Великій князь Московскій, Димитрій Іоанновичъ, по прозванію Донской, внук Калиты, побѣдитель Татарскаго хана Мамая у рѣки Дона, въ битвѣ на Куликовомъ полѣ (1363 — 1389 г.) Щ.

полита, и по его Сергіеву благословенію, ученикъ его, братень сынъ, преподобный Ѳеодоръ, составиі монастырь близъ града Москвы, зовомое мѣсто Симоново, и поставленъ бысть игуменомъ, и бысть великому князю духовный отецъ. Посемъ же, бывшу ему во Цари-Градѣ, у патріарха Нила, о управленіи Русскія митрополіи, — патріархъ же возлюби его и постави архимандритомъ, и, почестивъ, отпусти его. Посемъ же поставленъ бысть епископомъ граду Ростову, и потомъ бывшу ему съ Кипріяномъ митрополитомъ, и почтенъ бысть патріархомъ, и нареченъ бысть зватися архіепископомъ, и оттолѣ въ Ростовѣ быша архіепископы; изъ-начала же Епископи быша до лѣта 6898 [1]); а ношаху вси клобуки бѣлые на Руси — и митрополиты, и епископи.

— Бысть же другій ученикъ у преподобнаго Сергія, Андроникъ, родомъ Ростовецъ, и той, по благословенію Алексѣя митрополита, составиі *монастырь* близъ града Москвы, на рѣцѣ на Яузѣ, во имя *нерукотвореннаго образа Господа нашего Іисуса Христа*, и много собра братіи, и устрои монастырь честенъ, и стадо Христово богоугодно упасе, въ старости глубоцѣ ко Господу отъиде, благослови вмѣсто себе и постави ученика своего во игумена, именемъ Савву. Потомъ же, по умоленію князя Владиміра Андреевича, преподобный Сергіе отпусти и благослови ученика своего, именемъ Аѳонасія, родомъ Ростовца, во отчину князя Владиміра, въ Серпуховъ градъ, и тамо, по повелѣнію князя Владиміра, составиі *монастырь* честенъ во имя *Зачатія Пресвятыя Богородицы*, близъ града Серпухова, на мѣстѣ зовомое *Высокое*, надъ рѣкою Нарою, близъ рѣки Оки. Посимъ же, преосвященному Алексѣю митрополиту пришедшу въ старость и изнемогшу, и призва преподобнаго Сергія, и много нудивъ его и благословлялъ, дабы по немъ былъ митрополитомъ. Преподобный жъ отречеся, и отпущенъ бысть въ монастырь.

... Преставижеся преподобный игуменъ Сергіе въ лѣто 6800 [2]), Сентября въ 25, жилъ всѣхъ лѣтъ отъ рожденія своего 78, и положенъ бысть въ созданнѣмъ отъ него монастыри у Живоначальныя Троицы, подавая многа исцѣленія приходящимъ къ нему съ вѣрою.

Святый Сергій благословляетъ великаго князя Димитрія Донского на Куликовскую битву.

Изъ «Русской Лѣтописи по Никонову списку».

... Восхотѣ же князь великій идти въ Монастырь Живоначальныя Троицы и преподобному игумену Сергію, и шедъ благословися у отца своего Кипріана, митрополита всея Русіи, и пріиде въ монастырь мѣсяца августа въ 18 день, на память святыхъ мученикъ Флора и Лавра.

[1]) 1390 года.
[2]) 1393 года.

И восхотѣ паки возвратитись, понеже мнози начаша ускоряти вѣстницы, повѣдующе Мамаево нашествіе. Преподобный жъ игуменъ Сергій умоли его ѣсти у него хлѣба въ трапезѣ: — да дастъ ти — рече — Господь Богъ и пречистая Богородица помощь, и несуще сіе побѣды вѣнецъ съ вѣчнымъ сномъ носити тебѣ есть: прочимъ же мноземъ безъ числа готовятся вѣнцы съ вѣчною памятью. — И повелѣ священную воду уготовити; и, по востаніи отъ трапезы, благослови крестомъ и окропи священною водою великаго князя, и рече ему: — почти дары и честію нечестиваго Мамая, да видѣвъ Господь Богъ смиреніе твое, и вознесетъ тя, а его неукротимую ярость и гордость низложитъ. — Онъ же рече: — вся сія сотворихъ ему, отче, онъ же наипаче съ великою гордостію возносится. — Преподобный же рече: — аще убо тако есть, то убо ждетъ его конечное погубленіе и запустѣніе, тебѣ же отъ Господа Бога и пречистыя Богородицы, и святыхъ его — помощь и милость, и слава. —

И нача просити у него князь великій Пересвѣта и Ослебя, мужества ихъ ради, и полки умѣюща рядити, глаголя сице: — отче, даждь ми два воина отъ своего полку чернеческаго, дву братовъ, Пересвѣта да Ослебя; сіи бо суть вѣдоми всѣмъ ратницы велицы и богатыри крѣпцы, и смысленіи зѣло къ воинственному дѣлу и наряду. — Преподобный же Сергій повелѣ имъ скоро уготовитись на дѣло ратное; они же отъ всея душа послушаніе сотвориша, и преподобному Сергію никакоже отвертошась повелѣнія его. Онъ же даде имъ оружіе, въ тлѣнныхъ мѣсто, нетлѣнное — крестъ Христовъ, нашитъ на схимахъ; и сіе повелѣ имъ вмѣсто шеломовъ возлогати на главы, и крѣпце побораги по Христѣ на враги его, и даде ихъ въ руцѣ великому князю Дмитрію Ивановичу, рекъ ему сице: — се тебѣ, княже, мои оружницы, твои же изволницы, ихъ же изволилъ еси съ тобою быти въ прилучившихъ же ся напастехъ, въ бѣдное и нужное время. — И рече имъ: — миръ вамъ, братія моя возлюбленная о Христѣ, Пересвѣте и Ослебя, постражите, яко добліи воины Христовы, понеже время вашея купли пріиде; — и благослови крестомъ, и окропи священною водою великаго князя и тѣхъ своихъ дву иноковъ, Пересвѣта и Ослебя, и всѣхъ князей и бояръ, и воеводъ. И глагола великому князю: — Господь Богъ будетъ ти помощникъ и заступникъ, и той побѣдитъ и низложитъ супостаты твоя, и прославитъ тя. — Князь великій же пріимъ благословеніе отъ преподобнаго и обвеселись сердцемъ, еже рече ему преподобный Сергій: — Господь Богъ будетъ ти помощникъ и заступникъ, и той побѣдитъ и низложитъ супостаты твоя и прославитъ тя, — и сіе держа во умѣ своемъ, яко нѣкое сокровище, и не повѣда никомуже. И пришедъ во градъ Москву и благословися у отца своего, Кипріяна, митрополита всея Русіи, и повѣда ему единому, еже рече ему преподобный Сергій. Глагола ему митрополитъ: — не повѣждь сіе никому же, дондеже Господь въ

благое изведетъ. — Князь великій же Дмитрей Ивановичъ потщався и уготовався со всѣми, и вниде въ соборную церковь, и паде ницъ предъ образомъ пречистыя Богородицы, юже Лука евангелистъ написа, молясь получити помощь на враги. Та же иде ко гробу святаго чюдотворца Петра, и, припаде со слезами, моляся получити помощь и заступленіе отъ враговъ, и низложити гордость ихъ и суровство. И, кончавъ молитву, иде ко отцу своему, Кипріяну, митрополиту всеа Русіи, прощенья и благословенья прося. Митрополитъ же прости его и благослови, и знаменова его честнымъ крестомъ, и окропи его священною водою. И посла пресвитеры и дьяконы многи съ честными кресты и со священною водою въ Микольскія и во Фроловскія, и въ Констянтиноолеискія врата благословляти всѣхъ: да всякъ воинъ благословится имъ и священною водою окропится.

Князь великій же поиде во святую церковь святаго Архистратига Михаила, и у иконъ знаменася и молися, и у гробовъ родителей своихъ простися и благословися, и изыде изъ церкви, и, всѣдъ на конь, поиде къ Коломнѣ....

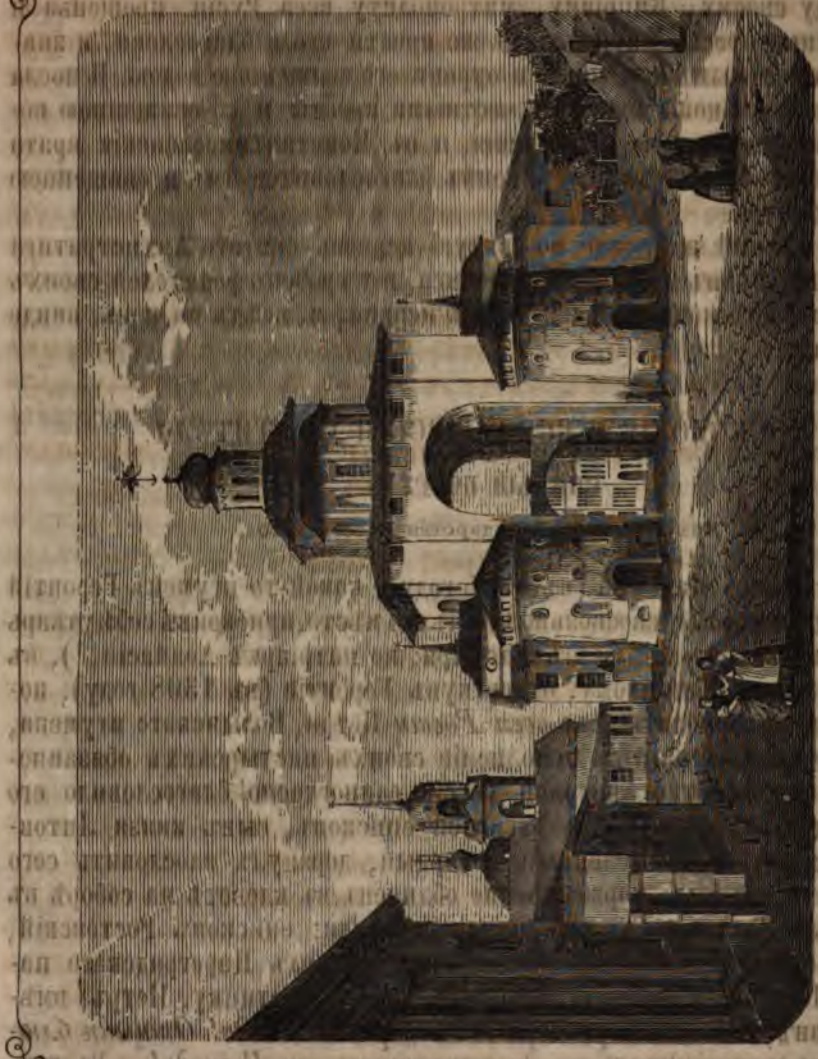
МОСКОВСКІЕ И ВСЕА РУССІИ СВЯТИТЕЛИ.

СВЯТЫЙ ПЕТРЪ [1]).

Изъ «Исторіи Государства Россійскаго».

По кончинѣ Максима (въ 1305 году), какой-то игуменъ Геронтій вздумалъ-было своевольно занять его мѣсто, присвоивъ себѣ утварь святительскую и жезлъ пастыря; но патріархъ Аѳанасій [2]), въ угодность князю Галицкому, отвергнувъ Геронтія (въ 1308 году), посвятилъ въ митрополиты *для всея Россіи* Петра, Волынскаго игумена, мужа столь ревностнаго въ исполненіи своихъ пастырскихъ обязанностей, что духовенство сѣверной Россіи единогласно благословило его высокую добродѣтель. Одинъ Тверской епископъ, сынъ князя Литовскаго Герденя, легкомысленный и гордый, дерзнулъ злословить сего митрополита; но былъ торжественно обличенъ въ клеветѣ на соборѣ въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ, гдѣ присутствовали: епископъ Ростовскій, игумены, священники, князья, вельможи и посолъ Цареградскаго патріарха. Истиною и любовію заградивъ уста клеветнику, Петръ, вмѣсто укоризнъ, сказалъ ему: *миръ ти о Христѣ, чадо! Отнынѣ блюдися лжи; мимошедшая же да отпуститъ ти Господь!...* Въ другихъ случаяхъ сей кроткій архипастырь умѣлъ быть и строгимъ: снялъ епископскій санъ съ Измаила Сарскаго, безъ сомнѣнія, за важное преступленіе относительно къ церкви или отечеству, и предалъ анаѳемѣ какого-то опаснаго еретика Сеита, обличеннаго имъ въ богопротивномъ

умствованіи, но нехотѣвшаго раскаяться. Какъ достойный учитель вѣры Христіанской, Петръ склонялъ князей къ миролюбію, заклиналъ несчастнаго Святослава Брянскаго не вступать въ битву съ Василіемъ, и старался прекратить вражду между князьями Тверскимъ и Москов-



Золотыя ворота во Владимірѣ.

свимъ; не имѣя средствъ избавить народъ отъ ига, желалъ, по крайней мѣрѣ, оградить безопасностью церкви святыя и домы ея служителей; ѣздилъ въ Орду съ Михаиломъ (въ 1313 году), и выходилъ для

нихъ такъ называемый *ярлыкъ*, или грамоту льготную, въ коей Узбекъ, слѣдуя примѣру бывшихъ до него хановъ, подтвердилъ важныя права и выгоды Россійскаго духовенства. Мы имѣемъ сей ярлыкъ и многіе иные новѣйшіе, достопамятные содержаніемъ и слогомъ. Ханъ пишетъ: «Вышняго и безсмертнаго Бога волею и силою, величествомъ и милостію, Узбеково слово ко всѣмъ князьямъ великимъ, среднимъ и нижнимъ, воеводамъ, книжникамъ, баскакамъ, писцамъ, мимоѣздящимъ посламъ, сокольникамъ, пардусникамъ, во всѣхъ улусахъ и странахъ, гдѣ Бога безсмертнаго силою наша власть *держитъ* и слово наше *владѣетъ*. Да никто не обидитъ въ Руси Церковь Соборную, Петра митрополита и людей его — архимандритовъ, игуменовъ, поповъ и проч. Ихъ грады, волости, села, земли, ловли, борти, луга, лѣса, винограды, сады, мельницы, хуторы свободны отъ всякія дани и пошлины: ибо все то есть Божіе, ибо сіи люди молитвою своею блюдутъ насъ, и наше воинство укрѣпляютъ. Да будутъ они подсудны единому митрополиту, согласно съ древнимъ закономъ ихъ и грамотами прежнихъ царей Ордынскихъ. Да пребываетъ митрополитъ въ тихомъ и кроткомъ житіи; да правымъ сердцемъ и безъ печали молитъ Бога за насъ и за дѣтей нашихъ. Кто возьметъ что-нибудь у духовныхъ — заплатитъ втрое; кто дерзнетъ порицать вѣру Русскую, кто обидитъ церковь, монастырь, часовню — да умретъ!»

Николай Карамзинъ.

Изъ „Степенной Книги."

Яко убо прохожаше грады и мѣста Божій человѣкъ Петръ, пріиде въ славный градъ, зовомый Москва, еще тогда малу сущу ему и немногонародну, а не яко же нынѣ видимъ есть нами. Въ томъ убо градѣ бяше обладая благочестивый и великій князь Иванъ Даниловичъ, внукъ Александра блаженнаго [3]), его же виде блаженный Петръ въ православіи сіяюща, и всякими добрыми дѣлы украшена, милостива суща до нищихъ, честь подавающа святымъ и Божіимъ церквамъ и тѣхъ служителемъ, любочестива къ Божественнымъ писаніямъ и послушателя святыхъ ученій книжныхъ: и зѣло возлюби его Божій святитель, начатъ больше инѣхъ мѣстъ жити въ томъ градѣ, совѣщаетъ совѣтъ благъ князю, совѣтуя ему, яко да сотворитъ церковь, каменемъ составленну, во имя Пречистыя Владычица нашея Богородица и приснодѣвы Марія, пророчествовахъ сице: — «Яко аще мене, сыну, послушаеши, и храмъ Пречистыя Богородицы воздвигнеши во своемъ градѣ, и самъ прославишися паче инѣхъ князей, и сынове и внуцы твои въ роды, и градъ сей славенъ будетъ во всѣхъ градѣхъ Русскихъ, и святители поживутъ въ немъ, и взыдутъ руки его на плеща врагъ его, и прославится Богъ въ немъ, еще же и мои кости въ немъ положени бу-

дутъ.» Сія убо словеса князь отъ учителя съ радостію великою пріемъ, начатъ со тщаніемъ о церкви прилежати. Бяше убо веселіе непрестанно посредѣ обою духовное: князю убо во всемъ послушающу, и честь велію подавающу отцу своему, по Господнему повелѣнію, еже рече къ своимъ ученикомъ: — пріемлий васъ, мене пріемлетъ, святителю же, паки толико прилежащу сынови своему, князю, о душевныхъ и тѣлесныхъ, яко съ Павломъ ему глаголати на всякъ день. И яко убо начатъ церковь совершатися, проувѣде святый смерть свою Божіимъ откровеніемъ, начатъ святыми своими руками гробъ себѣ творити близъ святаго жертвенника. И, по совершеніи его, паки видѣ видѣніе, возвѣщающее ему житія сего исхожденіе и къ Богу, его же изъ-млада возлюби, прехожеціе, и весь радости исполнися. И дневи бывшу, самъ входитъ въ церковь и божественную службу совершаетъ, помолився о православныхъ царѣхъ же и князѣхъ, и своемъ сыну, его жъ возлюби, благочестиваго, глаголю, князи Ивана, и за все благочестивое Христіанское множество всея Рускія земля, и о умершихъ такожде воспоминаніе сотвори, и святымъ тайнамъ причастися. По изшествіи его изъ церкви, призываетъ весь причетъ церковный, и довольно поучивъ ихъ, яко же обычай бяше ему творити. Отъ онаго убо часа не преста милостину творити всѣмъ приходящимъ къ нему убогимъ, такожде и монастыремъ, и, по церквамъ — іереомъ и діакономъ. И яко убо позна свое еже изъ міра изхоженіе, и часъ увѣде, призываетъ нѣкоего именемъ Протасія, его же бѣ князь старѣйшину града поставилъ: князь бо тогда не прилучися во градѣ. Бѣ же Протасій онъ мужъ честенъ и вѣренъ, и всякими добрыми дѣлы украшенъ, и рече ему: — «Чадо! се азъ отхожу житія сего. Оставлю же сыну своему возлюбленному, князю Ивану, милость и миръ, и благословеніе отъ Бога, и сѣмени его до вѣка. Елико же сынъ мой мене упокои, воздастъ ему Господь Богъ сторицею въ мірѣ семъ, и животъ вѣчный да наслѣдитъ, и да не оскудѣетъ отъ сѣмени его, обладая мѣстомъ его, и память его да не упразднится;» тако же елико имѣяше влагалища дастъ ему, завѣща на церковное совершеніе истощити то. Всѣмъ вкупѣ миръ давъ, начатъ вечерню пѣти, и еще молитвѣ сущи во устѣхъ его, душа отъ тѣла его исхожаше, самому руки на небо воздѣвшу, и тѣло убо на земли оста, душа же на небеса возлете къ желаемому Христу.

СВАТЫЙ АЛЕКСІЙ. [1])

Изъ «Русской лѣтописи по Никонову списку».

Се убо блаженный Алексѣй митрополитъ родись отъ славныхъ бояръ Черниговскихъ; бываше жъ тогда Божіими судьбами частая варварская плѣненія на градъ Черниговъ и на всѣ епархіа тыя, сирѣчь, страны тыя; и того ради отецъ его Ѳеодоръ и мать его Марія отъ идоша

отъ отечества своего, отъ града Чернигова, и приидоша въ преименитый градъ Москву, и ту пребывающа родъ сего блаженнаго.

..... Блаженный жъ убо Алексѣй старійшій великаго князя Семена — сына Иванова, внука Данилова, правнука Александрова, праправнука Ярославля — седмьюнадесять лѣтъ; крести же его, еще младенца суща, князь Иванъ Даниловичь, еще сый на великомъ княженіи, и наречено бысть имя ему во святомъ крещеніи Елевѳерій-Симеонъ, и еще дѣтищъ сый, изуучися грамотѣ всей, и во благочиннемъ возрастѣ пребываше.

..... Бывшу жъ ему возрастомъ двадесятымъ лѣтомъ, возлюби Бога всею душею, и вся заповѣди его тщашесь хранити, и вжелѣ во иноческое житіе пострищись, и остави отца и матерь, и братію, и сестры, и вся ближніи, и друзи, и женитву, и всякое мірское пристрастіе возненавидѣ, по точію Богу единому работати вжелѣ, глаголя въ себѣ пророче: — изволихъ приметатись въ дому Господни, неже жити ми въ сѣлехъ грѣшніихъ. — И тако изыде изъ міра, двадесяти лѣтъ сы возрастомъ или мало вящши, и вниде въ Монастырь Богоявленія, и пострижесь во святый ангельскій и иноческій образъ, и нарекоша имя ему Алексѣй.

..... Пріиде жъ въ той Монастырь Богоявленія и старецъ Стефанъ изъ Радонежа, духовенъ сый, подвиженъ, ибо той Стефанъ духовнымъ и жестокимъ житіемъ живяше, братъ сый единаго отца и единыя матери блаженнаго игумена Сергія, иже въ Радонежѣ о Господѣ монастырь воздвиже; и тако старецъ Стефанъ съ Алексѣемъ духовнымъ житіемъ оба купно въ единствѣ живяше. И неточію же се, но и въ церкви, и на крылосѣ оба поряду стояща пояху, во мнозей любви о Господѣ и смиреніи. Такоже и Геронтій, нѣхто нарочитъ и честенъ, и славенъ старецъ, духовенъ житіемъ, въ томъ же Монастырѣ Святаго Богоявленія живяще, и съ Стефаномъ, и съ Алексѣемъ во мнозѣй духовнѣй любви о Господѣ смиренне пребываше. Любяше жъ ихъ и Ѳеогностъ, митрополитъ всеа Русіи, и часто къ себѣ призываше и упокоиваше, прохлажаше, и почиташе ихъ добрѣ.

Тажъ потомъ преосвященный Ѳеогностъ, митрополитъ всеа Русіи, взя къ себѣ во дворъ изъ Монастыря Святаго Богоявленія преподобнаго старца Алексѣя, и учини у себя намѣстникомъ, иже спомогати ему и разсужати церковныя люди въ правду по священству правиломъ; и бысть во дворѣ у митрополита Ѳеогноста преподобный старецъ Алексѣй лѣтъ 12 и 3 мѣсяцы, во иночествѣ имѣя 40 лѣтъ. Таже потомъ Ѳеогностъ митрополитъ постави его епископомъ въ Володимеръ, мѣсяца Декабря въ 6 день, хотя его по себѣ на столѣ митрополичестѣмъ быти: любяше бо его зѣло блаженный, добродѣтели сего ради. И пребысть Алексѣй епископомъ 4 лѣта, дѣйствуя святительная, дондеже и преставися Ѳеогностъ митрополитъ.

По преставленіи жъ Ѳеогностовѣ, общимъ совѣтомъ и избраніемъ

святительскимъ и великаго князя Ивана, сына Иванова, внука Данилова, правнука Александрова и бояръ, и велможъ, и всѣхъ людей, паче же Божіимъ изволеніемъ и избраніемъ, понуженъ бысть идти къ патріарху въ Царь-Градъ ставитися въ митрополиты. И сице, и не хотя, поиде въ Царь-Градъ на поставленіе. Поставленъ бысть въ Царѣ-Градѣ блаженнымъ Филоѳеемъ патріархомъ въ митрополиты на Русь. И яко пріиде отъ Царя-Града на свой митрополичь столъ на Русь, и принятъ бысть отъ всего православія Рускаго радостнѣе, и сѣдя на престолѣ своемъ.

..... За премногую добродѣтель святаго происхожаше о немъ слава, неточію въ Христіанскихъ странахъ, но и въ невѣрныхъ Татарскихъ странахъ. Въ та бо времена у Ордынскаго царя Чанибека царица Таидала боляше очима, и тогда пріиде посолъ изо Орды отъ царицы Таидалы, въ лѣто 6865 *), по блаженнаго Алексѣя митрополита всея Русіи, яко да шедъ посѣтитъ ея: видяше бо его мужа свята, и разумѣ, яко Богъ слушаетъ его, и аще проситъ у Бога — дастъ ему.

..... И виде его царица во снѣ, во одеждѣ архіерейстѣй, такоже и священниковъ его во священныхъ ихъ одеждахъ; и якоже виде во снѣ царица Таидала святаго Алексѣя, и потому образу сотвори ему ризы святительскія, и всѣмъ его священникомъ, якоже виде ихъ во снѣ. И посемъ услышано бысть у царя Чанибека во Ордѣ о пришествіи святаго, и въ той часъ самъ царь Чанибекъ, Азбяковъ сынъ, изыде во срѣтеніе его и съ сыномъ своимъ Бердибекомъ, и съ прочими сыны своими, и со князи, и съ вельможи своими, и съ великою честію; тако писанное исполнися: — левъ и агнецъ вкупе почіютъ. — Блаженный жъ, соверша молебное пѣніе, покропи Таидалу царицу священною водою, — и въ той часъ прозрѣ. Видѣвъ же царь Чанибекъ и протчіи Татаровя, и удивишась, и хвалу, и честь велію дарова святому, и дары многими почти его и священниковъ его, и слугъ его, и отпусти его на Русь; а въ Ордѣ великая замятня бысть и неустроеніе. Егдаже святый пріиде на Русь, на свой столъ, и много удивляемъ и хвалимъ бысть отъ всѣхъ, и имѣяху его оттолѣ велика предъ Богомъ. И бысть на святительстемъ престолѣ митрополи всеа Русіи многа лѣта, уча слову Божію, и по благочестію поборая, и неправая содѣвающихъ воспрещая, и поставляя епископы и пресвитеры.

Откровеніемъ Божіимъ внутрь града Москвы созда монастырь, и постави въ немъ церковь каменну во имя Святаго Архистратига Михаила, честнаго его чюдеси, и придѣлъ воздвиже во имя пречистыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Благовѣщенія, и всяческими добротами украсивъ ту, иконами и книгами, и подписью, и златыми сосуды священными, и прочими всякими узорочьи, и монастырь той состави общее житіе, еже есть и до сего дни. Многа жъ села и домы, и люди,

и езера, и нивы, и мѣста подавалъ есть святый, и вся, елика довлѣетъ на потребу монастырю; не токмо же преже реченное даяніе и благодѣянія, но и самого себя въ томъ монастырѣ повелѣ положити преставльшеся, еже и бысть. Есть же и до нынѣ гробъ его въ томъ монастырѣ, входя въ церковь, одесную алтаря, въ немъ же святое его тѣло многая исцѣленія сотворяетъ съ вѣрою приходящимъ. Создаше себѣ таковый монастырь за 12 лѣтъ до своего преставленія.

Внегда жъ видя себя святый отъ старости изнемогша и къ концу приближающесь, и призва къ себѣ преподобнаго игумена Сергія изъ Радонежа. Оному же вскорѣ пришедшу, и бесѣдующимъ имъ, и повелѣ Алексѣй митрополитъ изнести крестъ съ парамандомъ, златомъ же и бисеромъ украшенъ, и даруетъ святому. Онъ же со смиреніемъ поклонися, глаголя: — прости мя, великій архіерею Христовъ, яко отъ юности моея не быхъ златоносецъ, въ старости жъ хощу наипаче въ нищетѣ пребывати. — Архіерей же рече ему: — вѣмъ, чадо, яко и сія исправилъ еси, но сотвори послушаніе. — И тако возложи на него своима рукама крестъ златъ съ парамандомъ, златомъ и бисеремъ украшенъ, якоже нѣкое обрученіе. По сихъ хотящихся ему глаголати, таже начатъ глаголати ему: — преподобне Сергіе, вѣси почто призвахъ тя и что хощу глаголати тебѣ. — Глагола преподобный Сергій: — како могу увѣдети, аще не повѣси ми. — Глагола святый Алексѣй: — се убо азъ вижу себе къ концу приближающась, и желаю при своемъ животѣ изобрѣсти мужа, могуща по мнѣ паствити стадо Христово, и се убо тебя избрахъ правити слово истинное, и вси убо тебе желаютъ и требуютъ; и прежъ убо епископъ поставленъ будеши, по моемъ же преставленіи, на моемъ престолѣ сядеши. — Глагола преподобный Сергій: — прости мя, великій архіерей Христовъ, яко выше моея мѣры есть, еже глаголеши... Хто бо азъ? — грѣшній и худѣйшій паче всѣхъ человѣкъ; но убо молю тебя, да ктому прочее ни мнѣ, ниже иному кому о мнѣ глаголеши, понеже нихтоже сія во мнѣ можетъ изобрѣсти. — Святый же Алексѣй, видя его непреклонна, и не приложи ему къ тому глаголати о семъ, да не опечалився отъидетъ во внутреннюю пустыню, и таковаго свѣтильника лишится, и, утѣшивъ его словесы духовными, отпусти его въ свой монастырь съ честію, съ миромъ и съ любовію.

Самъ же блаженный Алексѣй митрополитъ аще и во глубоцѣ старости бѣ, и во мнозѣ изнеможеніи, но не преста, уча слову Божію и возводя всѣхъ на путь покаянія. И уже къ концу приближись, и священную литоргію соверши, и святыхъ таинъ причастись, и о великомъ князѣ, и о всѣхъ князѣхъ, и боярѣхъ, и воинствахъ, и о всѣхъ людѣхъ помолись, и послѣднее цѣлованіе давъ, отъиде ко Господу въ безконечный вѣкъ, мѣсяца февраля въ 12 день, въ пятокъ, въ заутреннюю го-

дину. Не повелѣ же себе святый положити въ церкви, но внѣ церкви, за алтаремъ, и мѣсто указа, и тамо повелѣ себя положити, великаго и конечнаго ради смиренія. Слышано же бысть преставленіе его, и стекошася князи и вельможи, и иноци, таже и епископы скоропостизаютъ со слезами и рыданіемъ. И удивись князь великій конечному его смиренію, и, разсудившись съ епископы, положиша его въ церкви, въ предѣлѣ Благовѣщенія Пречистыя Богородицы, идѣже суть и до нынѣ честныя его мощи съ вѣрою приходящимъ исцѣленія подаютъ.

СВАТЫЙ ІѢНА.*)

Изъ «Степенной Книги».

Сій святый, великій во Святителѣхъ, Іона бысть родомъ отъ мѣстъ града Галича, близъ предѣлъ Казанскія земли, растояніе имѣя отъ Соли-Галическія, яко шесть верстъ, на рѣцѣ на Святицѣ, родися отъ отца благочестива, именемъ Ѳеодора, зовомаго Одноуша, идѣже нынѣ погостъ по его имени Одноушево именуемо, егоже той Одноушъ далъ въ домъ соборной велицѣй церкви Пречистыя Богородицы, иже на Москвѣ, Рускія митрополія. Блаженный же Іона отъ юны версты отвержеся мірскія любве и родительскаго пребыванія, и Христови любви прилѣпися, постное изволи житіе. И двунадесятимъ лѣтомъ исполнившимся отъ рожества его, во мнишескій образъ облечеся во единемъ отъ монастырей въ Галической земли. По времени же, благословеніемъ Божіимъ, пріиде во обитель Пречистыя Богородицы на Симоново, иже на Москвѣ, и тамо трудолюбно подвизашеся, бдѣніемъ же и злостраданіемъ нудяще себе, и всяцѣ страдѣ монастырстей со тщаніемъ прилежаше, смиренномудріе же и любовь нелицемѣрну и равну ко всѣмъ имѣя, и просвѣтися въ добродѣтелехъ помыслъ его, и свѣтъ благодатный возсія въ сердцы его, еже всяку добродѣтель иноческаго житія исправити. Дастъ бо ему Господь разумъ во всемъ, и слово утѣшенія даровася ему.

Пріиде нѣкогда преосвященный Фотій, митрополитъ всеа Русіи, во обитель Пречистыя Богородицы на Симоново, яко же обычай имяше помолитися, и сущаго ту архимандрита и братію благословити и духовнѣ пользовати себе же и инѣхъ, и въ церкви молитвоваше, и поиде видѣти и благословити тружающихся братію во святыхъ службахъ страны монастырскія. Пріиде же въ некольницу, иже есть хлѣбня, и видѣ сего блаженнаго Іону уснувша отъ великаго воздержанія и отъ прилежнаго труда и молитвы непрестанныя, и десную свою руку на главѣ своей держаше согбену, яко благословляше ею. Святитель же со удивленіемъ зряще нань, и не повелѣ же никому разбудити его. И пророчествуя о немъ, глаголаше: «Разумѣйте, о, чада! яко инокъ сей Іона будетъ великъ святитель во странахъ Рускія земли, и многи отъ

Успенскій Соборъ въ Московскомъ Кремлѣ.

невѣрныхъ обратитъ къ Богу, и просвѣтитъ святымъ крещеніемъ и въ разумъ истинный приведетъ; наипаче же и сему царствующему граду Москвѣ и прочимъ градовомъ многимъ, и всѣмъ истинный пастырь и учитель будетъ»: — еже и бысть.

И по нѣколицѣхъ лѣтѣхъ, благоволеніемъ Божіимъ и избраніемъ освященнаго собора и совѣтомъ самодержца, наипаче же по благодати Святаго Духа, блаженный Іона поставленъ бысть на епископство богоспасаемымъ градовомъ Рязани и Мурому, по пророчеству его, прежебывшаго великаго святителя Фотія, и тамо многія невѣрныя къ Богу обрати, и въ крещеніе введе, великое попеченіе имѣя, всѣхъ на истинный путь спасенія направляше, и безъ лѣности поучаше, и всѣми людьми любимъ, и вси слово его въ сладость пріимаху, и пользу отъ него пріобрѣтаху.

..... По преставленіи Фотія митрополита до Исидора суемысленнаго [7]) семь лѣтъ не бысть митрополита. Исидору же три лѣта мятущуся въ Латынстѣй земли на богопротивномъ соборѣ, на Москвѣ же мало время пребысть во отлученіи, и отбѣже. И потомъ, во осмое лѣто, великій князь Василій Васильевичъ созва архіепископы и епископы и весь священническій соборъ Рускія земли: они же, по прежнему избранію, паче же по благодати Святаго Духа, поставиша митрополитомъ Рустѣй земли сего дивнаго Іону въ лѣто шесть-тысячъ-девять-сотъ-пять-десятъ шестое, мѣсяца декабря въ 15 день, о немъ же преже прореченѣ Фотій митрополитъ, и его же при Исидорѣ нарекоша быть митрополитомъ Цареградскій царь и патріархъ. Блаженный Іона митрополитъ, яко свѣтильникъ свѣтяше на свѣщницѣ, пріимъ жезлъ пастырскій, и начатъ сугубо подвизатися и труды къ трудомъ прилагати, и подвиги къ подвигомъ, и велико попеченіе имѣяше, еже бы вездѣ благочестіе исправити, и богодухновенное ученіе всюду безъ лѣности простирающе, и писанія посылая, утвержая Православную Вѣру.

..... И по сихъ поживе нѣсколько время преосвященный Іона, митрополитъ всея Русіи, исполнь дня, бывъ достигъ глубокія старости, совершивъ святыню во страсѣ Божіи добрѣ, и богоугодно поживе, и прочимъ образъ добродѣтели остави, и мало болѣзнуя, и отъ церкви не отлучашеся: надежда отшествія радостно приближашеся сему, иже отъ тлѣннаго сего и маловременнаго житія души разлученія отъ тѣлеси съ упованіемъ ожидаше. Самодержавному же сынови своему, великому князю Василію Васильевичу и сѣмени его въ родъ и родъ, и всѣмъ людемъ, миръ и благословеніе остави, и молитвѣ со благодареніемъ сущи во устѣхъ его, предаетъ душу свою въ руцѣ Богови, и вселися въ вѣчный животъ, въ свѣтъ невечерній, со ангелы непрестанно зря Святую Троицу: Отца и Сына и Святаго Духа. Тѣло же его честное рукама святительскима и прочихъ священныхъ съ благоговѣніемъ уряжено бысть.

зъ нѣсколько лѣтъ (въ 1584 году), святыя мощи его были перене-
тель Соловецкую, а послѣ (въ 1652 году) въ Москву, въ храмъ Успе-
ери.» Это произошло уже въ царствованіе благодушнаго царя Алексѣя
а, который послалъ отъ себя въ Соловецкій Монастырь, съ другомъ
вгородскимъ митрополитомъ (а потомъ патріархомъ) Никономъ, *мо-*
ммату къ мощамъ святителя. *Ш.*

МОЛЕБНОЕ ПОСЛАНІЕ

ря Алексѣя Михайловича къ мощамъ митрополита Филиппа, отправленное
кимъ митрополитомъ Никономъ и бояриномъ, княземъ Иваномъ Хованскимъ,
ь Соловецкій Монастырь для перевезенія ихъ оттуда въ Москву. — Писано въ
1652 году, въ Мартѣ.

ву подражателю, небесному жителю, вышесестественному и
ангелу, преизящному и премудрому духовному учителю на-
тырю же и молитвеннику, великому господину, отцу отцемъ,
нному Филиппу, митрополиту Московскому и всея Руссіи,
ловенію Вседержителя, Христа Бога, Царь Алексѣй, чадо
олитвъ святыхъ, ти здравствуетъ. Ничто же ми тако печаль
итъ, пресвятый владыко! яко еже не быти тебѣ Богохрани-
вующаго нашего града Москвы во святѣй, велицѣй и пре-
Соборной Апостольской Церкви Пресвятыя, Чистыя и Преблаго-
Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи, святаго
, наполняюща мѣсто съ преждебывшими тебѣ по и тебѣ свя-
о дабы купно, вашихъ ради молитвъ, Святая Соборная и Апо-
Церковь, и яже о Христѣ вѣра, ею же спасаемся, пребывала
движна и стадо вашея святительскія паствы ненавѣтно отъ
ыхъ волкъ; не бо и мы своею силою или много-оружнымъ во-
укрѣпляемся, но Божіею помощію и вашими святыми молит-
амъ на пользу строятся. Второе, молю тя и пріидти тебѣ же-
еже разрѣшити согрѣшеніе прадѣда нашего, царя и великаго
на, нанесенное на тя неразсудно завистію и неудержаніемъ
еже на него твое негодованіе, аки общники, и насъ творитъ
яко же пишется: терпчины бо родительныя оскомины чадамъ
творятъ, обаче превратися отъ Бога се; рече бо пророкомъ не
глаголъ сей, но ядшему терпкая, тому и зубомъ быти оско-
е и неповиненъ есмь досажденія твоего, но гробъ прадѣдный
бждаетъ мя и въ жалость приводитъ, послуществующе списа-
ю и страданію твоему совѣсти моей, яко отъ того изгнанія и
ишается твоея святительскія паствы царствующаго града. И
преклоняю санъ свой царскій за онаго, иже въ тя согрѣшив-
оставиши ему согрѣшеніе его своимъ къ нему пришествіемъ,
тому прощеніе, даже отъ сего и поношеніе на него о твоемъ

изгнаніи ктому упразднится, и вси возненщуютъ, яко мирну ти сущу къ нему, за благодать твою, еже къ намъ твоего пришествія, вкупѣ и бытія во Святѣй Соборнѣй Апостольстѣй Церкви. Сего ради тя молю о семъ, о, священная главо и честь моего царства! твоимъ преклоняю честнымъ мощемъ и повинную къ твоему моленію всю мою власть, да пришедъ, простиши, иже тя оскорби понапрасиству; раскаяся бо о содѣянномъ и онъ тогда, и за того покаяніе къ тебѣ и нашего ради прощенія, пріиди къ намъ, святый владыко! исправи бо ся тобою и евангельскій глаголъ, за него же ты пострада, за еже — *всяко царство, раздѣльшеся на ся, не станетъ*, и нѣсть пререкущаго ти глаголати о свидѣніяхъ Господнихъ, и благодать Божія въ твоей паствѣ, за молитвъ святыхъ ти, въ нашемъ царствѣ присно изобильствуетъ, и нѣсть уже днесь въ твоей паствѣ никотораго раздѣленія. Аще бы убо было, не бы стояло доселѣ раздѣленія ради; но нынѣ вси единомысленно просимъ и молимъ тя, даруй себя желающимъ тя, пріиди съ миромъ во свояси и своя ти съ любовію пріимутъ, и не вмѣни се искусъ быти нѣкій или ино что, яже нами посылаемое моленіе. Вѣси бо, о, священный верше! воистинну, яко чуждо намъ сія, тѣмъ же и уповаемъ на Господа, пріяти тя скоро и облобызати, яже нами уповаемыя честныя ти мощи.

О, священная главо, святый владыко Филиппе, пастырю нашъ! молимъ тя, не презри нашего грѣшнаго моленія, пріиди къ намъ съ миромъ. — Царь Алексѣй, желая видѣти тя и поклонитися мощемъ твоимъ святымъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) Кромѣ доблестей благочестія, иночества и святительства, святой митрополитъ Петръ занимаетъ еще славное и великое мѣсто въ гражданской исторіи Россіи. При великомъ князѣ Московскомъ, Іоаннѣ Даниловичѣ Калитѣ, митрополитъ Петръ, полюбя Москву, *перенесъ свою митрополію изъ Владиміра въ Москву*, и тѣмъ какъ-бы освятилъ и утвердилъ начинающуюся новую столицу Россіи (въ 1326 году).

Карамзинъ говоритъ, что владѣтельные (удѣльные) князья Русскіе смотрѣли на это неблагопріятно. «Они предвидѣли, что наслѣдники Іоанновы *(Калиты)*, имѣя у себя главу духовенства, захотятъ исключительно присвоить себѣ достоинство великокняжеское. Такъ и случилось къ счастію Россіи. Въ то время, когда она достигла высшей степени бѣдствія, видя лучшія свои области, отторженныя Литвою, всѣ другія — истерзанныя Монголами *(Татарами)*, — въ то самое время началось ея государственное возрожденіе: въ городкѣ, дотолѣ маловажномъ, созрѣла мысль благодѣтельнаго единодержавія, открылась мужественная воля прервать цѣпи ханскія *(Татарскія)*, изготовились средства независимости и величія государственнаго. Новгородъ знаменитъ бывшею въ немъ колыбелью монархіи, Кіевъ — купелію Христіанства для Россіянъ; но въ Москвѣ спаслись отечество и вѣра.

[2]) Патріархъ Греческій, Цареградскій, Константинопольскій.

[3]) Святаго, благовѣрнаго и великаго князя, Александра Ярославича Невскаго, мощи котораго, перенесенные во время императора Петра Перваго изъ Владиміра въ Петербургъ, почиваютъ въ Александро-Невской Лаврѣ.

[4]) Святый *Алексій*, митрополитъ, пользовался искреннимъ уваженіемъ Татарскаго хана и вельможъ его, и, какъ радѣлецъ и печальникъ о Русской землѣ, доставилъ ей, черезъ свое ходатайство, многія *облегченія* въ тяжкія времена Татарскаго ига надъ Россіею.

[5]) 1357 года по Рождествѣ Христовѣ, — такъ какъ въ приводимыхъ нами мѣстахъ изъ *лѣтописей* годы считаются отъ сотворенія міра.

[6]) Святый *Іона*, при иноческихъ и святительскихъ подвигахъ своихъ, бывалъ призываемъ къ посредничеству въ важныхъ мірскихъ дѣлахъ и къ умиротворенію князей Русскихъ. Такъ, онъ былъ посредникомъ въ дѣлѣ великаго князя Московскаго, Василія Васильевича *Темнаго* съ честолюбивымъ и властолюбивымъ княземъ Димитріемъ *Шемякою*, который, плѣнивъ и ослѣпивъ Василія, занялъ было на нѣкоторое время его Московскій престолъ. Несправедливость Шемяки произвела народную поговорку о *Шемякиномъ судѣ*.

[7]) Въ Россію назначенъ былъ изъ Константинополя въ митрополиты Грекъ Исидоръ. Когда Турки угрожали завладѣть Греческою Имперіею, то императоръ Іоаннъ Палеологъ, желая пріобрѣсть, черезъ Римскаго папу, защиту себѣ отъ Европейскихъ государей, изъявилъ желаніе о *соединеніи* церквей Греческой и Римской. Папа собралъ соборъ въ Италіи, куда отправились Греческіе святители, императоръ и вельможи, а изъ Россіи митрополитъ Исидоръ. *Соборъ* былъ сначала въ городѣ Феррарѣ, а потомъ *во Флоренціи*. (1439 г.) Съ Исидоромъ отправились изъ Россіи въ Италію нѣкоторые духовные и вельможи. Долго тамъ, при торжественномъ собраніи, происходили пренія, наконецъ порѣшили тѣмъ, что Восточная Греческая Церковь соединяется съ Римскою; но въ Греціи это рѣшеніе и *уступки*, сдѣланныя Греческою церковью Латинской *въ правилахъ вѣры*, не были приняты Православнымъ народомъ, и, такимъ образомъ, это дѣло не состоялось. Исидоръ возвратился въ Россію съ грамматою отъ папы и какъ-бы совсѣмъ окатоличеннымъ. Великій князь и народъ вознегодовали на это. Исидоръ былъ заключенъ, въ Чудовъ Монастырь, но успѣлъ бѣжать оттуда за-границу, и святый Іона былъ избранъ въ митрополиты. *Ш.*

ИЗЪ КНИГИ: «УЧИЛИЩЕ БЛАГОЧЕСТІЯ.»

1.

Святый **Климентъ**, сынъ идолопоклонника и христіанки, въ нѣжной юности лишившись отца и матери, былъ усыновленъ Софіею, благородною и добродѣтельною гражданкою Анкиры [*]), подругою его матери. Руководимый ея примѣромъ, юный христіанинъ воспитывался въ страхѣ Господнемъ.

Тогда сдѣлался въ Галатіи столь великій голодъ, что жители, по большей части, невѣрные, не имѣя чѣмъ питать дѣтей своихъ, оставляли ихъ на произволъ судьбы. Что жь дѣлалъ святый отрокъ? Онъ собиралъ сверстниковъ, повсюду скитающихся, безъ надежды утолить голодъ свой, и младенцевъ, на распутіи испускающихъ послѣдній вопль, училъ грамотѣ и вѣрѣ евангельской, и усовершалъ благодѣянія свои, омывая ихъ въ водахъ крещенія. Такимъ образомъ домъ Софіи, чрезъ святого Климента, сдѣлался гостинницею и училищемъ, а Софія болѣе, нежели матерью; ибо, возвращая бѣднымъ отрокамъ и младенцамъ жизнь временную, предуготовляла для нихъ, чрезъ юнаго благотворителя, и вѣчную жизнь.

2.

Святый **Іоаннъ Богословъ**, достигнувъ глубокихъ лѣтъ и потерявъ силы, не столько отъ старости, сколько отъ великихъ непостижимыхъ для нашего разума трудовъ, приносимъ былъ въ собраніе своими учениками. Апостольская ревность заставляла его проповѣдывать слово Божіе и поучать Христіанъ: но вет-

[*]) *Анкира* — городъ въ Малой Азіи, принадлежалъ нѣкогда Греческой Имперіи, а нынѣ развалины его находятся въ Турецкихъ владѣніяхъ. *Ш.*

хій деньми старецъ говорить не могъ; а потому и довольствовался только сими словами: *«чадца моя! любите другъ друга.»* Удивляясь всегдашнему повторенію одного и того же совѣта, они спросили о причинѣ, и любимецъ Христовъ отвѣчалъ: *«это заповѣдь Спасителя, исполненіе которой, послѣ любви къ Богу, есть совершенное содержаніе всего закона.»*

3.

Святый **Сампсонъ**, урожденецъ Римскій, еще въ юности своей, обучился врачебному искусству, не по нуждѣ, не изъ корысти, но единственно для того, чтобы не быть празднымъ и помогать страждущимъ. По смерти родителей, онъ поселился въ Царѣ-градѣ и совершенно посвятилъ себя упражненію, столь любезному для его сердца. Но неусыпнаго врача наиболѣе украшала благодать Господня, которая всегда благословляла успѣхомъ святые труды его, — чрезъ что человѣкъ Божій такъ прославился, что патріархъ, противу воли, рукоположилъ его въ пресвитера.

Въ то время тяжко разболѣлся Греческій царь Юстиніанъ, и какъ отъ врачей своихъ не могъ получить ни малѣйшаго облегченія, то обратился онъ къ Богу, единому источнику исцѣленій, и, послѣ усердной молитвы, извѣщенъ былъ, что Сампсонъ только можетъ избавить его отъ болѣзни. Не скоро и съ трудомъ благодатный врачъ былъ отысканъ. Обрадованный Юстиніанъ оказалъ ему необыкновенную ласковость, на которую святый Сампсонъ отвѣчалъ съ кротостію: «Всемилостивѣйшій государь! я нищъ и грѣшенъ; самъ требую отъ Христа исцѣленія грѣховъ моихъ... Но вѣра твоя преклонитъ на милость Царя царей; Онъ можетъ сотворить все, что восхощетъ.» Послѣ сего, человѣкъ Божій, конечно не искуствомъ своимъ, но благодатію небеснаго Врача, столь долго-страдавшаго Юстиніана совершенно возставилъ отъ одра болѣзни.

Благодарный государь радовался о исцѣленіи своемъ, столько и о томъ, что столь богоугодный человѣкъ обитаетъ въ царствующемъ градѣ его. Онъ поднесъ ему богатые дары въ сребрѣ и златѣ: но святый Сампсонъ ничего не принялъ. «Если благоволишь мнѣ оказать милость твою, сказалъ онъ, то прошу тебя объ одномъ: во славу Бога и для твоего спасенія, повели близъ хижины моей построить гостинницу, въ которой бы я, пока живъ буду, могъ принимать больныхъ и странныхъ, и, по силѣ моей, успокоивать ихъ; чрезъ сіе исходатайствуешь и себѣ вѣчное воздаяніе отъ Бога, и мою старость утѣшишь.» Юстиніанъ, съ сердечнымъ удовольствіемъ, исполнилъ просьбу человѣка Божія: соорудилъ страннопріимницу и больницу, и опредѣлилъ для нихъ большіе доходы. Здѣсь-то неутомимый врачъ, не только тѣлесный, но и душевный, занимаясь благоденствіемъ ближнихъ, достигъ до глубокой старости и безболѣзненно перешелъ въ жизнь вѣчную.

4.

Преподобный **Макарій**, обитая въ тѣсномъ вертепѣ у Желтыхъ Водъ, молился Богу и благодѣтельствовалъ ближнимъ: не только единовѣрныхъ себѣ Христіанъ, но и приходящихъ, по какому-нибудь случаю, Татаръ успокоивалъ и довольствовалъ пищею и питіемъ, — за что имя его извѣстно было повсюду.

Въ то время Улу-Махметъ, царь Казанскій, устремился съ воинствомъ на Нижній-Новгородъ, и всё, что ни встрѣтилось, опустошалъ огнемъ и мечемъ. Наконецъ разъяренные Татары напали на пустыню преподобнаго Макарія, и всѣхъ,

находящихся тамъ иноковъ и бѣльцовъ, иныхъ изрубили, иныхъ увели въ плѣнъ; обитель выжгли. Плачевное зрѣлище... Четыреста мужей, кромѣ женъ и дѣтей, обремененные оковами, были ведены варварами въ страну дальнюю, въ рабы народу дикому. Между ними находился и святый Макарій.

Когда между прочими плѣнниками представили его предъ лицо гордаго Улу-Махмета, сей вождь, увидѣвъ достопочтенный и кроткій взоръ его, украшенную сѣдинами главу, сверхъ-того узнавъ о его благочестіи и добродѣтеляхъ, умилился въ душѣ своей, и съ гнѣвомъ сказалъ воинамъ: «почто оскорбили столь добраго и святого мужа, который не стоялъ противу васъ съ оружіемъ? почто разорили обитель его? — или не знаете вы, что за сихъ кроткихъ людей гнѣвается Богъ, Единый надъ всѣми царствами и народами?» Умягченный самимъ Богомъ, вождь Агарянскій далъ свободу святому Макарію и прочимъ плѣнникамъ изъ одного съ нимъ мѣста, возвратилъ всѣмъ имущество, и отпустилъ въ Россію, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы ушли далѣе отъ Желтыхъ Водъ, которыя, по праву завоеванія, какъ говорилъ онъ, принадлежали Агарянамъ. Впрочемъ, по просьбѣ праведника, позволилъ ему тамъ остаться на столько времени, сколько потребно для погребенія избіенной братіи.

5.

Преподобный **Іоаннъ** *(Коловъ)* однажды съ нѣкоторыми братьями пошелъ изъ скита. Дорогою застигла ихъ ночь, и провожатый, къ-несчастію, сбился съ пути.... «*Авва, что намъ дѣлать?*» сказали Іоанну спутники: «*скитаясь здѣсь, можно погибнуть.*» — «*Не говорите провожатому ничего,*» отвѣчалъ старецъ: «*бѣдный устыдится и будетъ печалиться, досадовать и, можетъ быть, роптать... Лучше сдѣлаемъ вотъ-что: я притворюсь будто боленъ; скажу, что не могу идти далѣе, и останусь здѣсь, пока не разсвѣтетъ.*» — Такимъ-образомъ и поступилъ. Прочіе объявили, что останутся съ нимъ; всѣ пробыли тутъ до утра, и не причинили сокрушенія брату.

Вотъ высокій примѣръ, какъ должно каждому изъ насъ дорожить спокойствіемъ ближняго!

6.

Одинъ купецъ, для оборота въ торговлѣ, часто у святого **Спиридона** занималъ деньги; когда же, возвращаясь отъ купли, приносилъ ему долгъ свой, святой старецъ обыкновенно приказывалъ ему, чтобы самъ положилъ въ ковчегъ, изъ котораго взялъ. Не уважая временнаго стяжанія, онъ не любопытствовалъ: всѣ ли заимопріимецъ отдаетъ ему деньги.

Многократно купецъ, съ позволенія святого, бралъ и отдавалъ злато, и Господь благословлялъ его торговлю. Но однажды, соблазнившись, не положилъ принесенныхъ денегъ въ ковчегъ и, обманувъ святого Спиридона, удержалъ у себя... Что же вышло? купецъ вскорѣ обнищалъ; ибо утаенное злато не только не принесло ему прибытка, но, какъ огнь, пожрало и его имѣніе. Въ сей крайности купецъ опять пришелъ къ преподобному Спиридону и просилъ у него взаимъ злата. Святый, по-обыкновенію, послалъ его въ свою спальню, чтобы взялъ изъ ковчега самъ; но какъ купецъ ничего не положилъ, то и взять было нечего. Возвратившись съ пустыми руками, объявилъ онъ святому Спиридону, что въ ков-

чегѣ золота нѣтъ.... «*Кромѣ твоей руки, доселѣ ни чьей въ ковчегѣ не было,*» спокойно отвѣчалъ ему святой старецъ: «*если бы ты положилъ тогда деньги, то теперь опять взялъ бы ихъ; роптать не на кого, — самъ виноватъ.*» Пораженный стыдомъ, купецъ палъ къ ногамъ Спиридона. Святой старецъ немедленно простилъ его; но отпустилъ въ домъ уже не съ деньгами, — ибо не имѣлъ ихъ, — а только съ убѣдительнымъ наставленіемъ, впредь не осквернять совѣсти своей корыстью и обманомъ.

V.

ИЗЪ ТВОРЕНІЙ ОТЦЕВЪ ВСЕЛЕНСКОЙ ГРЕКО-ВОСТОЧНОЙ ЦЕРКВИ.

СВЯТАГО ВАСІЛІЯ ВЕЛИКАГО,

Архіепископа Кесаріи Каппадокійскія,

1.

Изъ бесѣды: «о Милости и о Судѣ.»

(Въ переводѣ съ Греческаго на Русскій языкъ.)

Міръ, забывшій Бога, преобладается, братія, несправедливостію къ ближнему и безчеловѣчіемъ къ малосильнымъ, какъ и божественный апостолъ говоритъ: *якоже не искусиша Бога имѣти въ разумѣ, предаде ихъ Богъ въ неискусенъ умъ, творити неподобная, исполненныхъ всякія неправды, лукавства, лихоиманія, злобы, исполненныхъ зависти, убійства, рвенія, лести, злонравія: шепотники, клеветники, богомерзки, досадители, величавы, горды, обрѣтатели злыхъ, родителемъ непокорливы, неразумны, нелюбовны, немилостивны* (Рим. 1, 28—31). А кого Богъ возводитъ въ богочестіе, тѣхъ научаетъ и воздержанію отъ злыхъ дѣлъ и попеченію о милости къ ближнему, какъ училъ пророкъ Исаія, говоря отъ лица Божія: *престаните отъ лукавствъ вашихъ, научитеся добро творити* (Ис. 1, 16. 17.). И въ Законѣ было много какъ повелѣній о томъ, чтобъ не дѣлать вреда ближнему, такъ и заповѣдей о томъ, чтобъ быть человѣколюбивымъ и милостивымъ. Если кто оставитъ одно что-либо изъ этого, то другаго недостаточно къ исправности человѣка. Какъ благодѣяніе нуждающемуся, сдѣланное изъ неправедныхъ прибытковъ, непріятно Богу; такъ не покваленъ воздерживающійся отъ неправды, если никому не удѣляетъ изъ своей собственности.

Милостыню и судъ любитъ Богъ. Поэтому приближается къ Богу, кто имѣетъ попеченіе о милости и о судѣ. Съ этой впредь стороны да испытываетъ себя человѣкъ, и богатый пусть посмотритъ на собственные свои доходы, изъ которыхъ намѣревается приносить дары Богу: не утѣснялъ ли нищаго, не дѣлалъ ли насилія немощному, не покоры-

стовался ли чѣмъ отъ подчиненнаго ему, вмѣсто справедливости употребивъ власть? — ибо намъ повелѣно соблюдать справедливость и равенство и въ разсужденіи рабовъ. Не дѣлай насилій по той причинѣ, что властвуешь; не лихоимствуй, потому что силенъ; напротивъ того, поелику есть у тебя преимущества власти, то покажи права справедливости. Не въ томъ, чего не силенъ ты сдѣлать, можешь представить доказательство послушанія и страха предъ Богомъ, но въ томъ, въ чемъ имѣешь силу преступить и не преступаешь. А если, отнимая собственность нищихъ, подаешь нищимъ: то лучше было бы и не похищать, и не давать. Для чего оскверняешь свое богатство, внося въ него неправедные прибытки? Для чего приношеніе свое обращаешь въ скверну неправдою, намѣреваясь принести то, въ-разсужденіи чего надобно тебѣ пожалѣть другого нищаго? Помилуй того, кому дѣлаешь неправду. Съ нимъ поступи человѣколюбиво; ему окажи милость, и исполнишь милость съ судомъ. Богъ не будетъ имѣть общенія съ любостяжательностію: Господь не сообщникъ разбойниковъ и хищниковъ. Не потому, что Самъ не въ силахъ пропитать нищихъ, оставилъ ихъ намъ, но намъ же въ-благодѣяніе требуетъ отъ насъ правды и человѣколюбиваго плодоношенія. Не бываетъ милостыни отъ неправды, благословенія отъ клятвы, благодѣяній отъ слезъ. Извлекающимъ слезы у обиженныхъ Богъ говоритъ: *сія, яже ненавидѣхъ, твористе, — покрываете слезами алтарь Мой и плачемъ, и воздыханіемъ*. (Мал. 2, 13). Отъ трудовъ своихъ оказывай милости, не желай поступать несправедливо подъ тѣмъ предлогомъ, чтобъ изъ пріобрѣтеннаго неправдою принести въ даръ Богу милостыню. Подобныя дѣла показываютъ тщеславіе и служатъ къ пріобрѣтенію похвалъ отъ людей, а не похвалы отъ Бога.

А тому, кто остерегается дѣлать неправду, однако же нерадитъ о милосердіи, скажемъ, что — *всяко древо, еже не творитъ плода, посѣкаемо бываетъ, и во огнь вметаемо* (Матѳ. 3, 10), и что такое древо никогда не будетъ угодно небесному Земледѣлателю, Который говоритъ: *прежде ища плода* на смоковницѣ, *и не обрѣте*, и повелѣваетъ срубить ее, чтобъ и мѣста не занимала даромъ (Лук. 13, 7). Но осужденнымъ отъ Бога оказывается и тотъ, кто бѣдному не отдаетъ назадъ заклада; на таковаго человѣка изрекается угроза, — сказано: *аще вопіетъ ко Мнѣ* не получившій назадъ своего заклада, *услышу его; милостивъ бо есмь* (Исх. 22, 27). Не только съ полей и изъ доходовъ, но и отъ труда рукъ своихъ апостолъ совѣтуетъ подавать неимущимъ: *дѣлая*, говоритъ онъ, *своими руками благое, да имате подаяти требующему* (Ефес. 4, 28). А желающему слѣдовать за Господомъ далъ Онъ совѣтъ продать все имѣніе на благотвореніе нищимъ, и потомъ уже слѣдовать за Нимъ. Но какъ послѣдователямъ Своимъ и достигшимъ совершества повелѣваетъ

вдругъ и совершенно исполнить дѣло милостыни, чтобъ, совершивъ служеніе своимъ имѣніемъ, приступили они къ служенію словомъ и духомъ: такъ прочимъ предписываетъ всегдашнія подаянія и всегдашнее общеніе того, что имѣютъ, чтобъ чрезъ это, ставъ жалостливыми, общительными и милостивыми, оказались подражателями Божію человѣколюбію. Ибо говоритъ: *дайте и дастся вамъ* (Лук. 6, 38).

2.

Изъ бесѣды: «на упивающихся.»

(Въ переводѣ съ Греческаго на Русскій языкъ.)

Какъ умолчу объ этомъ? Какъ и оплачу, сколько должно? Вино было у насъ причиною погибели сихъ душъ, — вино, по дару Божію, данное цѣломудреннымъ къ облегченію въ немощи, но содѣлавшееся нынѣ для невоздержныхъ орудіемъ невоздержанія. Пьянство — этотъ добровольно накликаемый бѣсъ, чрезъ сластолюбіе вторгающійся въ душу, пьянство — матерь порока, противленіе добродѣтели, дѣлаетъ мужественнаго робкимъ, цѣломудреннаго похотливымъ, не знаетъ правды, отнимаетъ благоразуміе. Какъ вода враждебна огню, такъ неумѣренность въ винѣ угашаетъ разсудокъ.

По этому медлилъ я нѣсколько говорить противъ пьянства, не потому, что это зло мало и можетъ быть оставлено безъ вниманія, но потому, что никакой пользы не принесло бы слово. Если пьяный не владѣетъ умомъ и омраченъ: то дѣлающій ему выговоръ напрасно тратитъ слова для непослушающаго. По этому кому же сталъ бы я говорить, если имѣющій нужду въ увѣщаніи не слышитъ того, что говорятъ, а цѣломудренный и трезвый чистъ отъ этой страсти, и ему не нужна помощь слова? Какое же средство употребить мнѣ въ настоящемъ случаѣ, если и слово безполезно, и молчаніе неприлично? Оставить ли безъ попеченій? Но нерадѣніе опасно.

Чѣмъ отличенъ отъ безсловесныхъ ты, человѣкъ? — Не даромъ ли разума, который получивъ отъ своего Творца, сталъ ты начальникомъ и господиномъ всей твари? По-этому, лишившій себя смысла, по причинѣ упоенія, *приложился скотомъ несмысленнымъ и уподобися имъ* (Псал. 48, 13). А я сказалъ бы лучше, что упившійся несмысленнѣе и скотовѣе.

Самыхъ близкихъ не узнаютъ упившіеся, а къ чужимъ не рѣдко бѣгутъ, какъ къ знакомымъ. Часто прыгаютъ черезъ тѣнь, какъ черезъ ручей или ровъ. А слухъ у нихъ наполненъ звуками и шумомъ, какъ среди волнующагося моря. Имъ представляется, что земля подымается вверхъ, и горы идутъ кругомъ. Они иногда смѣются неумолчно, а иног-

да безпокоятся и плачутъ безутѣшно, то дерзки и неустрашимы, то боязливы и робки. У нихъ сонъ тяжелый, почти непробудный, удушающій, близкій къ дѣйствительной смерти, а бодрствованіе безчувственнѣе самаго сна; потому что жизнь ихъ есть сновидѣніе: у кого нѣтъ одежды, кому нечего ѣсть завтрашній день, тѣ въ упоеніи царствуютъ, предводительствуютъ войсками, строятъ города, дѣлятъ деньги. Такими мечтаніями, такимъ обольщеніемъ наполняетъ сердца ихъ кипящее въ нихъ вино. Другіе бываютъ приведены въ противоположныя симъ страсти: впадаютъ въ отчаяніе, дѣлаются унылы, безпокойны, слезливы, боятся всякаго шума, отъ всего приходятъ въ ужасъ. Одно и то же вино, по различнымъ сложеніямъ тѣла, производитъ въ душахъ различныя страсти.

Упивающіеся же достойны плача, потому что *піяницы царствія Божія не наслѣдятъ* (1 Кор. 6, 10).

Но кто въ состояніи внушить это людямъ, преданнымъ пьянству? Голова у нихъ тяжела отъ опьяненія, они дремлютъ, зѣваютъ, видятъ какъ въ туманѣ, чувствуютъ тошноту. Потому не слушаютъ учителей, которые во многихъ мѣстахъ взываютъ имъ: *не упивайтеся виномъ, въ немже есть блудъ* (Еф. 5, 18); и еще: *невинно вино, укоризненно же піянство* (Прем. 20, 1); а не послушавъ ихъ, вскорѣ собираютъ плоды пьянства. Тѣло у нихъ отекаетъ, глаза влажны, уста сухи и горятъ. Какъ овраги, пока текутъ въ нихъ весенніе потоки, кажутся полными, а по прошествіи наводненія остаются сухими: такъ и уста піяницъ, пока налиты виномъ, полны и влажны, а едва оно протекло чрезъ нихъ, оказываются сухими и лишенными влаги; непрестанно же насилуемыя и наливаемыя виномъ безъ мѣры, теряютъ и жизненную влажность; — ибо какое человѣческое сложеніе будетъ такъ крѣпко, чтобы противиться всѣмъ худымъ послѣдствіямъ пьянства? Есть ли какое средство тѣлу, которое непрестанно разгорячается и всегда бываетъ напитано виномъ, не сдѣлаться слабымъ, хилымъ, истощеннымъ? Отъ сего происходитъ дрожаніе и разслабленіе.

Долго ли будетъ это вино? Долго ли это пьянство? Есть, наконецъ, опасность, что изъ человѣка сдѣлаешься ты грязью. Такъ весь ты растворенъ виномъ, и перегнилъ съ нимъ отъ ежедневнаго опьяненія, издавая отъ себя запахъ вина, притомъ пригорѣлаго, подобно сосуду, ни на что уже негодному. Такихъ людей оплакиваетъ Исаія: — *горе востающимъ заутра и сикеръ гонящимъ, ждущимъ вечера: вино бо сожжетъ; съ гусльми бо и свирѣльми вино піютъ, — на дѣла же Господня не взираютъ и дѣло руку Его не помышляютъ (Ис. 5, 11, 12).*

Горе востающимъ заутра и сикеръ гонящимъ, ждущимъ вечера, и день проводящимъ въ упоеніи: потому что нѣтъ уже у нихъ времени на дѣла Господня взирать, и о дѣлахъ рукъ Его помышлять. *Вино бо сожжетъ я:* — жаръ, производимый виномъ, сообщаясь плоти, дѣлается поджогою для разжженныхъ стрѣлъ врага. Вино потопляетъ разсудокъ и умъ, и возбуждаетъ, подобно рою пчелъ, страсти и сластолюбіе. Какая колесница, влачимая молодыми коньми, такъ безчинно несется, сринувъ съ себя возницу? Всякій корабль, не управляемый кормчимъ и несомый по волнамъ куда случится, — не безопаснѣе ли упившагося?...

СВЯТАГО ГРИГОРІЯ БОГОСЛОВА,

Архіепископа Константинопольскаго,

1.

Изъ слова: «О любви къ бѣднымъ.»

(Въ переводѣ съ Греческаго на Русскій языкъ.)

Для чего не спѣшимъ, пока еще есть время, помогать сродникамъ нашимъ по естеству? Для чего, будучи сами плоть, не покрываемъ безобразія плоти? Для чего предаемся нѣгѣ, видя бѣдствія нашихъ братій? — Не дай мнѣ Богъ ни жить богато, когда они нуждаются, ни наслаждаться здравіемъ, когда не подамъ помощи къ уврачеванію ихъ ранъ, ни имѣть достаточной пищи, ни одежды, ни покойнаго крова, когда не раздѣлю съ ними хлѣба, не снабжу ихъ — по возможности — одеждою, и не упокою подъ моимъ кровомъ!

Воздай что-нибудь Богу въ благодарность за то, что ты принадлежишь не къ числу имѣющихъ нужду въ благодѣяніяхъ, а къ числу тѣхъ, кои могутъ оказывать благодѣянія, что не ты смотришь въ чужія руки, а другіе въ твои. Обогати себя не только имуществомъ, но и благочестіемъ, не только золотомъ, но и добродѣтелью, или, лучше, только ею одною. Заслужи предпочтеніе предъ ближнимъ твоимъ тѣмъ, что ты его благотворительнѣе. Будь для несчастнаго богомъ, подражая милосердію Божію: ибо ничто столько не уподобляетъ человѣка Богу, какъ благотвореніе, хотя Богъ несравненно больше благодѣтельствуетъ, а человѣкъ меньше, сообразно съ своими силами. Богъ сотворилъ человѣка, и снова возставляетъ его изъ тлѣнія; а, ты по-крайней мѣрѣ, не призри падшаго.

Всякій мореплаватель близокъ къ кораблекрушенію; и тѣмъ ближе, чѣмъ съ бо́льшею отважностію плыветъ. Такъ и всякій, обложенный тѣломъ, близокъ къ бѣдамъ тѣлеснымъ, и тѣмъ ближе, чѣмъ безстрашнѣе ходитъ съ поднятымъ челомъ, не смотря на лежащихъ предъ нимъ. Доколѣ плывешь при благопріятномъ вѣтрѣ, подавай руку потерпѣвшему кораблекрушеніе; доколѣ наслаждаешься здоровьемъ и богат-

ствомъ, помоги страдущему. Не дожидайся того, чтобы узнать изъ собственнаго опыта, какое великое зло есть безчеловѣчіе, и какое великое благо есть сердце, отверзтое терпящимъ нужду. Не желай дожить до того, чтобы Богъ вознесъ руку свою (Пс. 73, 3) на возносящихъ выю свою и пренебрегающихъ убогихъ. Вразумись чужими бѣдами. Дай хоть самую малость бѣдному: и то не будетъ малостью для того, кто во всемъ нуждается, и для самого Бога, если подаяніе будетъ по силѣ. Вмѣсто великаго дара принеси усердіе. Ничего не имѣешь? — Утѣшь слезою. Великое врачевство злополучному, когда кто отъ души пожалѣетъ о немъ; несчастіе много облегчается искреннимъ соболѣзнованіемъ. Ты, человѣкъ, не долженъ считать человѣка хуже животнаго, которое законъ велитъ тебѣ поднять, когда оно упадетъ въ ровъ, или привести къ хозяину, когда заблудится (Исх. 23, 4, 5. Второзак. 22, 4). Не скрывается-ли въ семъ повелѣніи и другой, таинственный и глубочайшій смыслъ, подобно какъ и во многихъ изреченіяхъ Закона, отличающихся глубиною и двузнаменательностію: не мнѣ проникать въ это, а все испытующему и все знающему Духу. Я же — сколько понимаю сіе, и сколько относится то къ моему слову — скажу, что здѣсь законъ имѣетъ цѣлію — отъ милосердія къ тварямъ малозначущимъ возвести насъ къ милосердію совершеннѣйшему и важнѣйшему. Въ самомъ дѣлѣ, если мы обязаны и къ безсловеснымъ быть милостивы, то сколь же велика должна быть любовь наша къ тѣмъ, кои одного съ нами рода и достоинства? Такъ учатъ насъ и разумъ, и законъ, и справедливѣйшіе изъ людей, которые полагаютъ, что лучше благотворить, нежели принимать благодѣянія, и что милость дороже корысти.

2.

Мысли.

Старайся узнавать всѣ поступки добродѣтельныхъ.

— Тяжело жить въ бѣдности, но еще хуже разбогатѣть неправедно.

— Дѣлая благотворенія, думай, что подражаешь Богу.

— Милости Божіей ищи себѣ милостями къ ближнимъ.

— Обуздывай гнѣвъ, чтобы не выступить изъ ума.

— Все разумѣй, но дѣлай, что позволительно дѣлать.

— Во время благополучнаго плаванія наипаче помни о бурѣ.

— Лучше наказаніе отъ праведника, нежели честь отъ порочнаго.

— Маловажное не маловажно, когда производитъ великое.

— Береги самъ себя, а надъ паденіемъ другого не смѣйся.

(Изъ повременнаго изданія, подъ названіемъ: «Творенія Святыхъ Отцевъ, въ Русскомъ переводѣ»).

Святаго Іоанна Златоустаго,

Архіепископа Константинопольскаго,

Слово о согласномъ житіи супружескомъ.

(Въ переводѣ съ Греческаго на Русскій языкъ.)

Постараемся, возлюбленные, истребить всѣ причины огорченій и поселить въ домахъ глубокій міръ, наиначе между супругами...

Для чего дана жена мужу? — Для вспоможенія ему, для того, чтобы онъ, при ея утѣшеніи, могъ удобно переносить все съ нимъ случающееся. Если жена честна и ласкова, то сообщество ея не только послужитъ утѣшеніемъ мужу, но и во всѣхъ случаяхъ подаетъ ему великую помощь, все трудное сдѣлаетъ легкимъ и удобнымъ, и не попуститъ почувствовать нисколько тѣхъ неудовольствій, какія случаются ежедневно и внѣ дома, и въ домѣ. Настанетъ ли душевная буря, — добрая жена, какъ искусный кормчій, приведетъ въ тишину и благоразуміемъ своимъ много утѣшитъ тебя. Ничто житейское не можетъ опечалить, ничто нарушить счастія тѣхъ, кои соединены такимъ союзомъ. Тамъ стекается всякое добро, тамъ никакая напасть не имѣетъ силы, гдѣ есть между супругами единомысліе, миръ и любовь: ибо ихъ согласіе, утверждаемое Богомъ, какъ великая и непреоборимая стѣна, служитъ имъ огражденіемъ; оно дѣлаетъ ихъ крѣпчайшими желѣза и адаманта; оно болѣе пользуетъ ихъ, нежели всѣ богатства и имѣнія; это доставляетъ имъ величайшую славу и ходатайствуетъ у Бога преизбыточествующую милость.

И такъ — прошу васъ и молю — не предпочитайте ничего житію согласному, и употребляйте все стараніе для того, чтобъ въ сожитіи вашемъ пребывали миръ и тишина. Если это будетъ такъ, то и дѣти послѣдуютъ добродѣтели родителей, и служители будутъ подражать ей; а такимъ образомъ весь домъ процвѣтаетъ добродѣтелію, и во всемъ явится великое благополучіе: ибо когда то, что есть Божіе, мы предпочтемъ прочему, то все прочее потечетъ у насъ какъ рѣка, и мы не почувствуемъ никакой скорби, потому что благость Божія ниспослетъ намъ все преизобильно. Будемъ же держаться сей добродѣтели, потщимся ввести въ домы наши миръ и единомысліе, попечемся о благочестивомъ воспитаніи дѣтей и объ исправленіи нравственности слугъ, дабы и настоящая жизнь наша была безпечальна, и намъ сподобиться получить обѣтованныя блага, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ которымъ Отцу и Святому Духу слава, власть и честь всегда, нынѣ и во вѣки вѣковъ. Аминь.

(Изъ повременнаго изданія: «*Воскресное Чтеніе*».)

СВЯТАГО ЄФРЕМА СУРИНА

1.

О любви.

(Въ переводѣ съ Греческаго на Русскій языкъ.)

Блаженъ человѣкъ, въ которомъ есть любовь Божія; потому что носитъ въ себѣ Бога. *Богъ любы есть, и пребываяй въ любви въ Бозѣ пребываетъ* (1. Іоан: 4,16). Въ комъ любовь — тотъ вмѣстѣ съ Богомъ, превыше всего. Въ комъ любовь — тотъ не боится, потому что *любовь вонъ изгоняетъ страхъ* (18). Въ комъ любовь — тотъ никѣмъ никогда не гнушается: малымъ и великимъ, славнымъ и безславнымъ, бѣднымъ и богатымъ; напротивъ того, самъ для всѣхъ бываетъ отребіемъ — *вся покрываетъ, вся терпитъ* (1. Кор. 13,7). Въ комъ любовь — тотъ ни предъ кѣмъ не превозносится, не надмѣвается, ни на кого самъ не наговариваетъ, и отъ наговаривающихъ отвращаетъ слухъ. Въ комъ любовь, тотъ не ходитъ лестію, самъ не запинается, и брату ноги не запинаетъ. Въ комъ любовь — тотъ не соперничаетъ, не завидуетъ, не смотритъ ненавистнымъ окомъ, не радуется паденію другихъ, не чернитъ падшаго, но соболѣзнуетъ о немъ, и принимаетъ въ немъ участіе; не презираетъ брата въ нуждѣ, но заступается и готовъ умереть за него. Въ комъ любовь — тотъ исполняетъ волю Божію, тотъ ученикъ Божій: ибо сказалъ Самъ благій Владыка намъ — *о семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есть, аще любите другъ друга* (Іоан. 13, 34, 35). Въ комъ любовь — тотъ никогда ничего не присвояетъ себѣ, ни о чемъ не говоритъ: «это мое»: но все, что ни есть у него, предлагаетъ всѣмъ въ общее употребленіе. Въ комъ любовь — тотъ никого не почитаетъ себѣ чужимъ, но всѣ ему свои. Въ комъ любовь — тотъ не раздражается, не гордится, не воспламеняется гнѣвомъ, не радуется о неправдѣ, не коснитъ во лжи, никого не почитаетъ своимъ врагомъ, кромѣ одного діавола. Въ комъ любовь, тотъ вся *терпитъ, милосердствуетъ, долготерпитъ* (1. Кор. 13, 4—7): посему блаженъ, кто пріобрѣлъ любовь и съ нею преселился къ Богу; потому что Богъ знаетъ своихъ, и пріиметъ его на лоно Свое. Дѣлатель любви будетъ сожителемъ ангеловъ и со Христомъ воцарится. Изъ любви и Богъ-Слово снизшелъ на землю. Любовію отверстъ намъ рай и всѣмъ показанъ входъ въ небо. Любовію примирены съ Богомъ мы, которые были Ему врагами. Поэтому справедливо говоримъ, что *Богъ любы есть, и пребываяй въ любви въ Бозѣ пребываетъ.*

2.

О неимѣющихъ въ себѣ любви.

Злополученъ и жалокъ, кто далекъ отъ любви. Онъ проводитъ дни свои въ сонномъ бреду... И кто не станетъ плакать о такомъ человѣкѣ, который далекъ отъ Бога, лишенъ свѣта и живетъ во тмѣ? — ибо сказы-

ваю вамъ, братія: въ комъ нѣтъ любви Христовой — тотъ врагъ Христу. Не лживъ сказавшій, что *ненавидяй брата своего человѣкоубійца есть* (1. Іоан. 3. 15.), *и во тмѣ ходитъ* (2, 11.), и удобно уловляется всякимъ грѣхомъ. Въ комъ нѣтъ любви — тотъ скоро раздражается, скоро приходитъ въ гнѣвъ, скоро распаляется ненавистію. Въ комъ нѣтъ любви — тотъ радуется о неправдѣ другихъ, не состраждетъ къ падающему, не простираетъ руки къ лежащему, не подаетъ совѣта низложенному, не поддерживаетъ колеблющагося. Въ комъ нѣтъ любви — тотъ ослѣпленъ умомъ, тотъ другъ діаволу, тотъ изобрѣтатель всякаго лукавства, тотъ заводчикъ ссоръ, тотъ другъ злорѣчивыхъ, собесѣдникъ наушниковъ, совѣтникъ обидчиковъ, наставникъ завистниковъ, работникъ гордыни, сосудъ высокомѣрія. Однимъ словомъ: кто не пріобрѣлъ любви, тотъ орудіе противника, блуждаетъ по всякой стезѣ, и не знаетъ, что во тмѣ ходитъ.

(Изъ повременнаго изданія, подъ названіемъ: «*Творенія Святыхъ Отцевъ, въ Русскомъ переводѣ*».)

ПРИМѢЧАНІЯ.

Въ началѣ своемъ, Христіанство было преслѣдуемо язычниками въ Римской Имперіи, владѣвшей почти-что всѣмъ извѣстнымъ тогда свѣтомъ. Христіанъ мучили всяческими муками, заставляя отказываться отъ своей вѣры; но они, презирая муки, открыто ее исповѣдывали, и вѣра Христіанская, не смотря на всѣ препятствія, преслѣдованія и гоненія, распространялась въ Римской Имперіи.

Наконецъ, Римскій императоръ Константинъ Великій, по внушеніямъ и знаменіямъ Промысла Божія, торжественно принялъ вѣру Христову, въ началѣ четвертаго вѣка по Рождествѣ Христовѣ, — и Церковь Христіанская изъ гонимой содѣлалась господствующею въ имперіи Константина.

Съ этой поры начинаютъ время-отъ-времени собираться *вселенскіе соборы* для разъясненія, опредѣленія, утвержденія и очищенія отъ ересей Христіанскаго ученія и вообще для благоустройства церковнаго, и появляются великіе дѣятели и ревностные подвижники вселенской церкви, между которыми особенно прославились своимъ высокимъ богомудріемъ, всеобъемлющею ученостью и необычайною силою духовнаго краснорѣчія, три святителя—*Василій Великій*, *Григорій Богословъ* и *Іоаннъ Златоустый*, жившіе во второй половинѣ четвертаго столѣтія по Рождествѣ Христовѣ, и дѣйствовавшіе въ Константинополѣ, или Царьградѣ, столицѣ Восточной Римской, или Греческой Имперіи.

Изъ многихъ другихъ святыхъ подвижниковъ, дѣятелей и писателей вселенской Православной Греко-Восточной церкви, мы здѣсь, по-мѣрѣ возможности, привели нѣкоторыя мѣста изъ сочиненій упомянутыхъ святителей и изъ твореній Святого *Ефрема Сирина*, инока и пустынножителя, жившаго въ томъ же вѣкѣ. Святый Ефремъ былъ уроженецъ города Едессы, что въ восточной Сиріи. Онъ написалъ многія высоко-назидательныя духовныя книги.

Въ одиннадцатомъ столѣтіи, (въ 1053 году) чрезъ высокомѣріе, мірское властолюбіе и неправильное толкованіе Христіанскаго ученія Римскими первосвященниками, или *папами*, Церковь Христіанская *раздѣлилась* на двое, именно: на Православную Греко-Восточную и Римско-Католическую, или Латинскую, что произошло при папѣ Римскомъ Львѣ Одиннадцатомъ и при патріархѣ Константинопольскомъ Михаилѣ Керуларіи. Съ тѣхъ поръ Римская Церковь, прекративши общеніе съ Восточною, сдѣлалась къ ней враждебною.

Въ послѣдствіе времени, чрезъ нѣсколько столѣтій, отъ Римской Церкви, не стерпя ея злоупотребленій, властолюбія и корыстолюбія папъ, отпали нѣкоторые подвластные ей народы въ Европѣ, большею частію Нѣмецкаго племени, и образовали для себя новыя независимыя вѣроисповѣданія: таково вѣроисповѣданіе Протестантское, или Лютеранское и отъ него происшедшія другія. *Ш.*

СВЯТА́ГО О́ТЦА НА́ШЕГО І̂ѡА́ННА ДАМАСКИНА̀

О святыхъ иконахъ.

Поелику нѣкоторые обвиняютъ насъ за то, что покланяемся и воздаемъ почитаніе иконамъ Спасителя и Владычицы нашей, а также и прочихъ святыхъ и угодниковъ Христовыхъ: то пусть услышатъ они, что Богъ въ-началѣ сотворилъ человѣка *по образу Своему* (Быт. 1, — 26). Не потому-ли кланяемся другъ другу, что мы сотворены по образу Божію? — ибо, какъ говоритъ Богоглаголивый и многосвѣдущій въ Божественномъ Святый Василій Великій: — честь, воздаваемая образу, переходитъ къ Первообразу. — Изображаемое же на иконахъ есть Первообразъ, съ котораго снимается образъ. Для чего народъ, водимый Моисеемъ, отвсюду покланялся скиніи, которая была образомъ и изображеніемъ небеснаго, или, лучше, всей твари, какъ говоритъ Богъ Моисею: *виждь, сотвориши вся по образу, показанному ти на горѣ.* (Исх. XXXIII, 10. Евр. VIII, 5). А херувимы, осѣнявшіе чистилище, — не были-ли дѣломъ рукъ человѣческихъ (Исх. XXV, 18)? И знаменитый храмъ въ Іерусалимѣ, — не былъ-ли рукотворенный и устроенный искусствомъ человѣческимъ (3. Царст. VI, 1.)?

Божественное Писаніе осуждаетъ тѣхъ, которые покланяются кумирамъ и приносятъ жертвы демонамъ. Приносили жертву язычники, приносили и Іудеи; но язычники приносили демонамъ, а Іудеи — Богу. Жертва язычниковъ была отвергаема и осуждаема, а жертва праведныхъ была угодна Богу. Ной принесъ Богу жертву, — *и обоня Господь воню благоуханія* (Быт. VIII, 21), то-есть, принялъ благоуханіе добраго произволенія Ноева и любви его къ Богу. Но языческіе кумиры, какъ изображавшіе демоновъ, были отвержены и запрещены.

При томъ, кто можетъ сотворить подобіе Бога невидимаго, безтѣлеснаго, неописаннаго и безвиднаго? Крайне безумно и нечестиво давать видъ Божеству: а потому въ Ветхомъ Завѣтѣ иконы не были въ повсемственномъ употребленіи. Поелику же Богъ, по Своему благоутробію, для нашего спасенія, истинно содѣлался человѣкомъ, не явился только въ видѣ человѣческомъ, какъ являлся Аврааму и пророкамъ, но существенно и истинно сталъ человѣкомъ, жилъ на землѣ, обращался съ людьми, творилъ чудеса, страдалъ, былъ распятъ, воскресъ и вознесся на небо: и все сіе происходило на самомъ дѣлѣ, было видимо людьми, и описано на памятованіе и наученіе намъ, нежившимъ тогда, чтобы, не видѣвъ, но слышавъ и вѣровавъ, получили мы блаженство, обѣщанное Господомъ... И еще, поелику не всѣ умѣютъ читать и могутъ заниматься чтеніемъ, то отцы и разсудили — всѣ дѣла Христовы, какъ достославныя, изображать на иконахъ, которыя бы служили краткимъ напоминаніемъ. Часто случается, что мы и не думаемъ о страда-

ніяхъ Господа; но какъ скоро видимъ икону распятія Христова, воспоминаемъ о спасительномъ Его страданіи, падаемъ и покланяемся не веществу, а Тому, Кто изображенъ: такъ-какъ покланяемся не веществу, изъ котораго сдѣлано Евангеліе или крестъ, но тому, что ими изображается. Ибо какое различіе между крестомъ, неимѣющимъ изображенія Господа и имѣющимъ? То же должно сказать и о Богоматери. Честь, воздаваемая ей, возводится къ Воплотившемуся отъ нея. Подобнымъ образомъ подвиги святыхъ мужей возбуждаютъ насъ къ мужеству, къ ревности, къ подражанію ихъ добродѣтели и къ славѣ Божіей: ибо, какъ мы сказали, честь, воздаваемая усерднѣйшимъ нашимъ сослужителямъ, доказываетъ любовь къ общему Владыкѣ, и почитаніе образа переходитъ къ Первообразу; — и это есть неписанное преданіе, какъ и преданіе о поклоненіи на востокъ и о поклоненіи кресту, и о другомъ многомъ, сему подобномъ.

....А что Апостолы предали намъ много неписаннаго, о семъ свидѣтельствуетъ Павелъ, апостолъ языковъ, говоря: *тѣмже убо, братіе, стойте и держите преданія, имже научистеся или словомъ, или посланіемъ нашимъ* (2 Солун. II, 15). Еще онъ пишетъ къ Коринѳянамъ: *хвалю же, вы, братіе, яко вся моя помните, и, якоже предахъ вамъ, преданія держите* (1. Коринѳ. XI, 2).

(Изъ книги: «*Иже во Святыхъ Отца нашего Іоанна Дамаскина Точное Изложеніе Православныя Вѣры*», въ переводѣ съ Греческаго языка на Русскій.)

ПРИМѢЧАНІЯ.

Святый Іоаннъ Дамаскинъ, знаменитый отецъ церкви, жившій въ 8-мъ вѣкѣ по Рождествѣ Христовѣ, родился въ городѣ Дамаскѣ, принадлежавшемъ уже тогда Мусульманамъ, отъ которыхъ онъ пріобрѣлъ уваженіе за его высокія добродѣтели. Будучи начальникомъ города, онъ оставилъ мірскія почести и удалился въ Монастырь Святаго Саввы, близь Іерусалима, предавшись тамъ всѣмъ многотруднымъ подвигамъ иноческаго житія. Онъ, изъ своего уединенія, огласилъ весь Христіанскій свѣтъ своими душеспасительными сочиненіями. Святый Іоаннъ Дамаскинъ, изъ Христіанскихъ учителей, первый привелъ въ надлежащій (научный) порядокъ и строй Богословское ученіе Православной Вселенской Церкви, писалъ противу еретиковъ, составилъ Октоихъ, написалъ задостойники и много тропарей и каноновъ. Сей величайшій изъ писателей церкви Христіанской преставился въ 780 году; память его празднуется 4 декабря. *Щ.*

ИЗЪ ТВОРЕНІЙ ОТЦЕВЪ РОССІЙСКОЙ ЦЕРКВИ.

СВЯТА́ГО ДИМИ́ТРІЯ, МИТРОПОЛИ́ТА РОСТО́ВСКАГО

1.

Изъ «поученія перваго въ недѣлю девятуюнадесять по Святомъ дусѣ.»

Любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ.
Лукв. VI, ст. 27.

Се явѣ есть, яко яряйся гнѣвомъ, дѣлаетъ безъ разума, и подобенъ есть слѣпому: той тьмою, овъ безуміемъ помраченъ, не вѣсть камо ходитъ и что̀ творитъ. Таковую слѣпоту уврачевати кій врачъ и кое врачество сильно?... Сильно — незлобіе и любовь, и благодѣяніе того,

наньже гнѣвникъ всуе ярится; видя бо гнѣвникъ онаго, наньже гнѣвается, не противу гнѣвающася, но паче любовь являюща и благимъ злое побѣждающа, престаетъ отъ гнѣва, и самъ въ себѣ стыдится, познавая свой грѣхъ, а онаго неповинность. Сице бысть между Сауломъ гнѣвливымъ и Давидомъ незлобивымъ, — изволяяй да чтетъ въ Книзѣ первой Царствъ, — азъ же приступлю къ чудеси добродѣтели. Аще кто иматъ каковаго себѣ недруга, гнѣвающагося и ярящагося нань всуе, онъ же, того врага своего любя и благодѣтельствуя ему, помалу претворяетъ его изъ недруга въ друга, изъ гнѣвнаго въ любовнаго: той просвѣщаетъ слѣпаго: безумія бо помраченіе отъ умныхъ того очесъ отъемлетъ, и умудряетъ слѣпца, творя его видѣти и познавати свой грѣхъ, яко всуе гнѣвается на неповиннаго. Любяй убо врага своего чудотворецъ есть, слѣпаго просвѣщаяй.

Любяй врага своего море волнующееся въ тишину претворяетъ. Мужъ гнѣвливый нареченъ есть отъ святаго Златоустаго моремъ, вѣтрами возмущеннымъ: якоже бо море волнующееся вся трупы, въ немъ обрѣтающіяся, изметаетъ на сушу, сице гнѣвливый въ ярости своей словесы своими всѣ тайны друга своего, яко трупы, на-яво произноситъ, предъ очи мещетъ, обличаетъ, обезчествуетъ... Таковое море кто утишитъ? — Той, иже отъиметъ вину волненія. Море не волнуется, аще не возстанутъ вѣтры и буря. Утихнетъ вѣтръ бурный, — престанетъ и море отъ волненія своего. Аще гнѣвливый мужъ, по Златоусту, есть море, вѣтрами возмущаемое: то вѣтры, — море то возмущающіи, суть прекословія, свары, противленія. Умолкни отъ прекословія и сваровъ, престани отъ противленія, вину волненія отъими, — и узриши море утихшее отъ волненія. А понеже любяй врага своего не прекословитъ, не сварится, не противится, и тѣмъ отъемлетъ вину волненія таинственнаго моря — недруга своего: убо любяй врага своего чудотворецъ есть, море въ тишину прелагаяй.

2.

Изъ слова: «На освященіе церкви.»

Аще убо кто любитъ Бога — возлюбитъ его самаго, возлюбитъ и ближняго своего, якоже Господь рече: *и вы любите себе.*

Кто же себе любитъ? — Той, иже во изрядствѣ жизнь свою ведетъ, въ церковь Божію притекаетъ часто, посѣщая храмъ Божій, молитвы творитъ, и имя Божіе воспоминаетъ непрестанно; той себе любитъ, иже всякаго злострастія и безчестнаго и неприличнаго человѣку нрава удаляется, и воздержитъ отъ заповѣданныхъ вещей чувствія своя... Какъ же кто навыкнетъ чувства отъ прелести и неправдъ и сердце отъ похотей злыхъ хранити, — аще закона Божія не знаетъ и не учится, и въ

церковь не ходитъ?... И мнози глаголютъ и мнящіися вѣдѣти, что когда гдѣ-либо кто прочелъ — въ церковь идти, молитвъ творити, поминати Бога, яко подобаетъ, книгъ закона Божія и учителей церковныхъ чести въ пользу и во осмотрительство себе како жити: всякъ глаголетъ — недосугъ!... А упиватися, обѣды строити, играти, кощунствовати, срамная словеса вѣщати, исполняти скверныя похоти есть время много, и нощи цѣлыя во всякомъ безчинствѣ, наипаче же въ піянствѣ, просиживаютъ: на то всегда время. И сице творяй не любитъ себе, не любяй же себе, не будетъ любити и ближняго своего, а о Бозѣ, Творцѣ своемъ, и не помыслитъ.

Кое убо наше благочестіе, кое Христіанство, кая любовь къ Богу обрѣтается, егда видимъ церкви праздны, поученіе законное, что слышати нѣкому, оставлено: злобъ, неправдъ, обидъ и безчинствъ и срамословія всюду исполнено? Объяденіе же и піянство многихъ людей не точію оубожило, и бѣсноватися, и ума изступити сотворило, но и смертямъ лютимъ предало безвременно, и совсѣмъ искоренило, и нынѣ держащихся его искореняетъ, — пишется бо: *въ винѣ не мужайся.* Колико много ни пити — вина не одолѣеши: оное же тя одолѣетъ совершенно и въ ничто обратитъ. Звонятъ, гласятъ въ церковь святую на пѣніе и хваленіе Господа Бога, къ нему же всю любовь имѣти подобаетъ: никто же идетъ, яко здѣ и начальная соборная церковь и въ самые праздники, и во всенощное бдѣніе является приходящихъ людей праздна, въ ней же и поющихъ и чтущихъ обрѣтается довольно всегда; но и ту нѣсть любви — нѣсть и хожденія... А на пирахъ, въ питіи и глумленіи просиживай нощи, — и то будто въ дѣло, и досужно, и въ непотребной забавѣ не скучно: — ей, вредно и пагубно, и не токмо душѣ, но и тѣлу своему, превосходящу естественныя мѣры!... И уже нынѣ вымыслиша люди за другихъ людей и заочно много о здравіи пити, а себе чрезмѣрно губити: зане отъ того пьянаго человѣка желанія нѣсть никому ни единыя пользы, яко не имутъ поднесеннаго сердца въ любовь Божію. И аще страсти своя человѣкъ исполняетъ, и въ законѣ Господни не поучается, и лишается святыя церкви, не состраждетъ братіи своей никоимъ добротвореніемъ — согрѣшаетъ. Но Священное Писаніе вѣщаетъ: боящіися Господа не противятся глаголомъ его, и любящіи сохранятъ пути его. Боящіися Господа поищутъ благоволенія его, и любящіи его исполнятся закона. Боящіися Господа уготовятъ сердца своя, и смирятъ предъ нимъ души своя. Сего ради потщися въ сицевой Божіей боязни быти, — и въ молитвахъ нашихъ услышани будемъ, по свидѣтельству пророка Божія, Боговидца Моисея, еже глагола: — и о чемъ помолитеся Богу, то сотворитъ, — Его же благословеніе да будетъ на васъ, Того благодатію и человѣколюбіемъ, всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СВЯТАГО ТУХОНА,

Епископа Воронежскаго и Елецкаго.

1.

Слово о хищеніи.

„Не укради.“ *8 Заповѣдь Божія.*

Взойдите, слышатели! мыслію вашею нынѣ купно со мною какъ бы на превысокою гору, и оттуда, то на пространнѣйшія небеса, то на обширную землю, возводя глаза ваши, посмотрите на весь сей видимый міръ, во единъ союзъ отъ Зиждителя соединенный. Усмо́трите-ль вы, въ соединеніи его, какое нестроеніе, увидите-ль, чтобъ одно свѣтило бранствовало на другое? — не паче ли примѣтить можете, что солнце просвѣщаетъ луну, луна обращаетъ свѣтъ свой на землю, звѣзда звѣздѣ помогаетъ къ просвѣщенію, день дневи отрыгаетъ глаголъ, и нощь нощи возвѣщаетъ разумъ бытія и промышленія Божественнаго. А сіе, между созданными тварьми, отъ самаго Бога утвержденное соединеніе и союзъ, не ясно ли доказываютъ и свидѣтельствуютъ, что одна вещь міра сего создана есть ради пользы другой вещи, а сія другая для третіей, а третія для четвертой, напримѣръ: солнце поставлено на высотѣ на тотъ конецъ, дабы освѣщало и согрѣвало всю поднебесную, и ни единая тварь не преступаетъ того предѣла, который имъ вся премудростію сотворивый Богъ непоколебимо положилъ. Единъ разумомъ одаренный и Закономъ просвѣщенный человѣкъ не повинуется Божіему Закону, дерзновенно преступаетъ Творца своего заповѣдь. Богъ человѣка создалъ по образу и по подобію своему на тотъ конецъ, дабы онъ, какъ разумная тварь, исполнялъ волю Его и былъ верховнымъ украшеніемъ Создателевыхъ дѣлъ: человѣкъ, напротивъ того, грѣхами и беззаконіями своими самовольно дѣлаетъ себя безобразнымъ, и бываетъ нарушителемъ Божественнаго Закона. Богъ человѣку велитъ, дабы другъ другу не только не вредилъ, но еще благодѣтельствовалъ, другъ друга тяготы носилъ, ближняго своего какъ самаго себя любилъ; человѣкъ, напротивъ того, всѣ разума своего силы употребляетъ на изобрѣтеніе коварства — какимъ бы образомъ ближняго своего обмануть, повредить, обидѣть моглъ... О, горе! сколько грѣхъ сей предъ Богомъ великое есть зло, сколько между человѣками умножился онъ на лицѣ земли, сколько хищеніе и воровство вредительно, сколько развращенныя человѣческія сердца обладаемы бываютъ... О, лютыхъ временъ! о, развращенія людей! Иніи отнимаютъ у ближняго своего добро разбоемъ, другіи воровствомъ, третіи обманомъ, четвертые лестію, пятые коварствомъ, другіи другимъ беззаконнымъ образомъ. Дабы убо таковаго развращеннаго рода людей отъ пути сего беззаконнаго отвратить и на путь истиннаго покаянія на-

править, намѣренъ я, по должности моей, въ слѣдующемъ словѣ вамъ предложить — сколько великій грѣхъ есть предъ Богомъ хищеніе, и коликіе суть грѣха сего роды. Послушайте, — три суть главнѣйшіе хищенія роды, а именно: явное, тайное и лестное.

Явное хищеніе есть то, когда кто чужую вещь насильно отнимаетъ, какъ то дѣлаютъ: 1-е,) разбойники, кои насильно другого грабятъ; 2-е,) властелины, которые у своихъ подчиненныхъ, а сильные у немощныхъ отнимаютъ нагло имѣніе, домъ, землю и прочая, или принуждаютъ ихъ продать себѣ то, что они продать не хотятъ, или продать малою цѣною, или принуждаютъ работниковъ къ большимъ трудамъ сверхъ договора и награжденія, или насильно кабалятъ и порабощаютъ свободныхъ людей, или самовольно употребляютъ чужія вещи, на-примѣръ, платья и другія какія орудія, или на чужой землѣ пашутъ, или за работу и службу удерживаютъ мзду и награжденіе; 3-е,) сему хищенію подвержены суть тѣ несовѣстные продавцы, которые въ крайней другого нуждѣ, на-примѣръ, во время глада хлѣбъ не продаютъ, развѣ за несносную цѣну, или домогаются за то нѣкоторой вещи, на-примѣръ, дома, или земли, или коня; 4-е,) связываютъ себе виною явнаго хищенія тѣ, кои въ крайнемъ чьемъ бѣдствіи обѣщаютъ помощь подать, да подъ тяжелымъ договоромъ, хотябъ и не трудно было помочь, на-примѣръ, подъѣхать судномъ къ утопающему въ водѣ, и прочая; 5-е,) сюда надлежатъ и тѣ, кои, видя другого нужду, взаимъ не даютъ денегъ, или хлѣба, или чего другого, развѣ требуя неправедной лихвы и росту; 6-е,) симъ подобны суть тѣ, которые удерживаютъ положенныя имъ въ закладъ вещи, и другими подобными ближняго своего обижаютъ образы.

Другого рода хищеніе есть тайное воровство, когда кто чужую вещь похищаетъ безъ вѣдома господина той вещи: такіе воры суть тѣ, которые окрадываютъ домы, лавки, житницы, дворы скотскіе, рыбныя ловли, сады, лѣса, сѣнокосы и прочая; великіе и несносные воры, которые казну государственную крадутъ: ибо они все общество обиждаютъ; такожде, которые сокровище церковное или монастырское похищаютъ, и сіе воровство называется святотатствомъ. Тайно похищаютъ и тѣ, которые, какую нибудь потерянную вещь нашедши, не объявляютъ, и у себя удерживаютъ, или заблудшую скотину, укрывъ, присвояютъ; безчеловѣчнѣйшіе же суть тѣ воры, которые съ пожара что нибудь крадутъ, и тѣмъ бѣднаго и раззоряемаго раззоряютъ.

Третьяго рода есть лестное хищеніе, когда кто чужую какую-либо вещь себѣ присвояетъ обманомъ; такое хищеніе много-различными бываетъ образы, а именно: 1-е,) Когда кто продаетъ какую вещь большою цѣною, или обманываетъ мѣрою и вѣсомъ, или худой товаръ продаетъ за добрый, на-примѣръ, мѣшаетъ въ хлѣбѣ микину, въ вино воду, или монету ложную даетъ за добрую, хрусталь за алмазъ, куницу за соболя,

или кто больше противъ надлежащаго беретъ пошлины; 2-е,) къ числу таковыхъ хищниковъ надлежатъ судіи, которые на мздѣ судятъ: и потому, праведно ли, или не праведно судятъ — крадутъ, и приказные люди, которые челобитчиковъ долго волочатъ, аки бы другими дѣлами важнѣйшими заняты, а чрезъ то домогаются поклоновъ; 3-е,) порокомъ симъ заражены суть тѣ, которые, будучи казначеями, или приписываютъ большіе расходы, или своимъ небреженіемъ дѣлаютъ господскимъ приходамъ упущеніе; 4-е,) до сихъ поръ принадлежатъ и тѣ, которые ложныя притворяютъ духовныя и неподлежащія присвояютъ имѣнія, или сказываются умершаго близкимъ родственникомъ и его дѣлаются наслѣдниками; 5-е,) хищники почитаемы быть должны тѣ, которые, будучи наняты за довольное награжденіе, невѣрно и нерадиво работаютъ, и время проводятъ въ праздности; 6-е,) къ сему числу принадлежатъ противные нищіи, которые, или будучи здоровы, притворяютъ себѣ немощь, или, имѣя довольствіе, притворяютъ нищету, или нѣкоторую вымышляютъ нужду — аки бы разорилися отъ пожара, или ограблены отъ разбойниковъ, или просятъ милостыни на имя другихъ ложно, напримѣръ, на искупленіе плѣнниковъ, или на подать и прочее, а тѣмъ самымъ и у бѣдныхъ, во-правду нищихъ, отнимаютъ подаяніе: понеже, что имѣлось податься надлежащимъ бѣднымъ, то они своимъ обманомъ отъ подателей похищаютъ; 7-е,) къ симъ похителямъ причисляться должны и лицемѣры, которые, подъ видомъ притворныя святости, или беззаконнымъ вымышленіемъ мощей аки бы святыхъ, или иконъ будто чудотворныхъ, простой народъ обольщаютъ къ подаянію; 8-е,) того рода суть ласкатели и ябедники, которые разными ухищреніями, что за ябеду получаютъ, все то крадутъ; 9-е,) наконецъ, надлежатъ къ числу таковыхъ хищниковъ — картежники, которые, ухищреннымъ искуствомъ, достаютъ ближняго добро: и то ради того, что всякъ, кто чужую вещь себѣ присвояетъ неправедно, какимъ бы то образомъ ни было, тотъ похищаетъ оную, и грѣшитъ противу сей Заповѣди Божіей: *не укради*... Спроси всякаго картежника, ради чего онъ начинаетъ играть, — не для того ли, чтобы чужимъ добромъ покорыствоваться, чтобъ ближняго добро присвоить; а когда такъ, то и занятно сердце его страстію хищенія, и послѣдовательно, хотя и не выиграетъ, однако грѣшитъ противу десятой Заповѣди Божіей, которая ничего не велитъ ближняго своего желать: — *не пожелай;* а когда выиграетъ, то и самой вещію похищаетъ. И такъ, выиграетъ ли картежникъ, или проиграетъ: — ежели выиграетъ — похищаетъ чужое добро; ежели проиграетъ — грѣшитъ желаніемъ чужого добра. Къ тому жъ, сколько картежники проигравшіеся дѣлаютъ другимъ обиды, — исчислити почти не можно. Они никому несносны, и никакого добра, кромѣ зла, обществу сдѣлать не могутъ. Картежникъ проигравшійся дѣлаетъ обиду, вопервыхъ: домашнимъ своимъ, женѣ, дѣтямъ, отни-

мая отъ нихъ надлежащее удовольствіе, и имъ наслѣдіе должное. Ежели будетъ судія и приказный, — устремляется на мздоимство, — преступаетъ присягу, дѣлается измѣнникомъ Богу и монарху своему; а отъ того возносятся плачевные вопли къ Судящему праведно; отъ того послѣдуютъ всякія нестроенія въ обществѣ: насильствующія торжествуютъ, насилуемые унываютъ и плачутъ... А ежели будетъ купецъ, — на обманы и неправды стремится. И такъ, картежникъ ненавидимъ есть Богу, понеже Заповѣди Его разрушаетъ; ненавидимъ своимъ домашнимъ, понеже отъемлетъ у нихъ надлежащее удовольствіе; ненавидимъ и всему обществу, до котораго онъ своею обидою касается. Теперь же сколь пагубная есть роду человѣческому сія политичная и мучительная страсть, — сами вы, слышатели! разсуждайте: а я, между тѣмъ, вамъ предложу, сколь великій есть грѣхъ предъ Богомъ всякое хищеніе, какимъ бы то ни было образомъ. Всякое хищеніе есть обида ближнему нашему, и потому, когда ты какимъ либо образомъ похищаешь ближняго твоего добро, — помысли, кого ты обижаешь тогда? Обижаешь ты того, который единаго есть съ тобою тѣла, и котораго, какъ самаго тебе, любить Богъ тебѣ повелѣлъ; обижаешь ты того, который созданъ по образу и подобію Божіему, и рабъ и слуга есть Царя небеснаго; обижаешь ты того, котораго самъ Богъ возлюбилъ, омылъ, очистилъ, освятилъ, искупилъ честною и дражайшею кровію, яко агнца непорочна и пречиста Христа... А сіе дѣло, чтобъ обижать брата своего, за котораго Сынъ Божій кровь Свою пролилъ, за малый грѣхъ почитаешь: — судите сами. Не противно ли земному монарху, когда кто портретъ, или образъ его, ногами попираетъ, безчеститъ? — не вступится ли царь, когда кто любезнаго слугу его обижаетъ? не будетъ ли мстить сердобольный отецъ, когда кто сына его обнажаетъ и разграбляетъ? — но всякъ ближній твой, о, Христіанине! имѣетъ образъ въ душѣ своей Бога невидимаго, есть онъ слуга и рабъ Царя превѣчнаго, есть любезный сынъ Отца небеснаго: — такъ избѣжишь ли ты гнѣва Божія, когда образъ его, слугу и раба его, и его сына обижать будешь?... Объявляетъ намъ Ипостасная Премудрость, Сынъ Божій, что на судѣ, на страшномъ ономъ судѣ, стоящіи ошуюю, осуждены будутъ и отосланы за то въ геенну на вѣчное мученіе, что нищимъ, страннымъ, бѣднымъ, въ лицѣ Христовомъ, ради Христа, милости въ жизни своей не дѣлали, больного и узника не посѣтили, нагого не одѣли, страннаго въ домъ не ввели, жаждущаго не напоили, алчущаго не накормили. Такъ свидѣтельствуетъ о семъ святое Евангеліе: «тогда речетъ сущимъ ошуюю его — идите отъ Мене проклятіи во огнь вѣчный, уготованный діаволу и аггеломъ его. Взалкахся бо, и не дасте Ми исти, возжаждахся, и не напоисте Мене, нагъ, и не одѣисте Мене, болѣнъ и въ темницѣ, и не посѣтисте Мене. А когда начнутъ

осужденники сіи извиненіе приносить, сказуя: Господи, когда Тя видѣхомъ алчуща или жаждуща, или странна, или нага, или больна, или въ темницѣ — и не послужихомъ Тебѣ; тогда отвѣщаемъ имъ, глаголя: аминь, глаголю вамъ, понеже не сотвористе единому сихъ меньшихъ, ни Мнѣ сотвористе. И идутъ сіи въ муку вѣчную: праведницы же въ животъ вѣчный.» (Матѳ. Гл. 25. ст: 41, 42, 43, 44, 45 и 46). Чтожь, ежели праведнымъ судомъ Божіимъ осуждены будутъ во тму кромѣшную, во огнь неугасающій, всѣ тѣ, которые ближнему своему отъ своего имѣнія не удѣляютъ: то какой уже страшный судъ въ день оный постигнетъ тѣхъ беззаконниковъ, которые и собственное ближняго своего добро похищаютъ — грабятъ, отнимаютъ и раззоряютъ? — сами вы, слышатели, разсуждайте!

Страждетъ неутѣшно Евангельскій богачъ въ пламени геенскомъ, и вѣчно страдать будетъ за то, что нищаго Лазаря, который лежалъ предъ враты его гладный, едва питаясь отъ крупицъ, падающихъ отъ трапезы его, онъ не кормилъ, не помилосердовалъ, не сжалился надъ нимъ: — каковъ же уже плачъ и вопль въ будущемъ вѣцѣ ожидаетъ тѣхъ, которые сами грабленіемъ, хищеніями, ябедами, обманомъ, коварствами и неправдами своими немалое число ближнихъ своихъ до таковаго приводятъ жалостнаго состоянія, въ какомъ представляетъ вамъ Евангеліе святое Лазаря нищаго! Я горести мученія онаго не только словомъ изобразить, но и умомъ понять никакъ не могу, — едино знаю, какимъ образомъ въ сей жизни человѣку избѣжать ея, а именно, чрезъ истинное и неложное покаяніе: то-есть, когда грѣшный человѣкъ истинно обращается къ Богу, умиляется душею, и сокрушается сердцемъ, сожалѣетъ и плачется о бывшихъ своихъ согрѣшеніяхъ, а притомъ и все то, что похитилъ какимъ-либо образомъ у ближняго своего, паки ему возвращаетъ и награждаетъ. Всякому убо, какимъ-нибудь способомъ похищающему, совѣтъ здравый предлагаю престать отъ того зла: ибо, чѣмъ болѣе богатства собираетъ неправдою и хищеніемъ, тѣмъ болѣе собираетъ себѣ гнѣва Божія и послѣдующія вѣчныя казни; а въ примѣръ взять Закхея мытаря Евангельскаго: онъ злѣ собранное добрѣ расточилъ, четверицею — кого чѣмъ обидѣлъ — возвратилъ. Потому и услышалъ отъ Христа: «днесь спасеніе дому сему бысть.» (Луки Гл. 19. ст. 9). Вотъ тебѣ средство и способъ, хищниче, которымъ единымъ отъ грозящаго вѣчнаго несчастія избавленъ быть можешь; но ежели прелестный сей міръ, или плоть ласкательствующая не допускаетъ тебе до сего: такъ ты возьми мечъ непоколебимаго намѣренія, и разсѣки истиннымъ покаяніемъ нерѣшимый сей узелъ грѣховъ твоихъ... Отдай всѣмъ все, у кого ты неправедно что ни присвоилъ. Лучше есть убогу и нищему въ царствіе небесное внити, нежели богату страдати въ пламени геенскомъ: — да и богатымъ никто отъ міра сего не исходитъ, но вси ра-

Якоже Законъ Божій грѣшника устрашаетъ судомъ Божіимъ, тако устрашаетъ и совѣсть, и она грѣшнику внутрь вопіетъ: — человѣче, худо тебѣ будетъ. — Яко же нынѣ дѣйствія Закона Божія и совѣсти сходны, тако сходны будутъ и на судѣ Христовомъ. Тамо обличитъ грѣшника Законъ Божій отъ него раззоренный: обличитъ его и совѣсть, грѣхами его раздраженная. Сіи два, совѣсть и Законъ Божій, всякому грѣшнику будутъ тамо свидѣтели и обличители. Бываетъ, что злая совѣсть аки спитъ; но когда пробудится, и грѣшника начнетъ обличать, когда лютое ему мученіе послѣдуетъ отъ совѣсти: откуда бываетъ, что многіе, не терпя мучительства совѣсти, сами-себе умерщвляютъ. Яко же бо нѣтъ лучшаго покоя, какъ отъ чистой совѣсти, тако нѣтъ бо́льшого безпокойствія и мученія, какъ отъ злой совѣсти. Аще здѣ тако мучитъ совѣсть, — какъ уже будетъ мучить грѣшника въ будущемъ вѣкѣ, гдѣ всѣ его грѣхи будутъ ему представлять, и за нихъ его обличать и мучить... Грѣшники! что̀ мы спимъ? — пробудимся, и покаемся, и очистимъ покаяніемъ и сокрушеніемъ се́рдца грѣхи наши, и исправимъ себе, и престанемъ грѣшить и совѣсть нашу раздражать: да не со злою совѣстію, грѣхами замаранною, на судѣ Христовомъ явимся, гдѣ книги совѣсти разгнутся, и пріиметъ всякъ по дѣламъ своимъ. Аминь.

3.

Слово о двоихъ плодахъ любви къ ближнему.

Любы искреннему зла не творитъ. — Любы милосердствуетъ.

(Римл., гл. 13. ст. 10. — 1 Кор., гл. 13, ст. 4.)

Многіе Христіане въ семъ имени — *ближній,* обманываются. Сего ради, во первыхъ разсмотримъ: кто есть ближній нашъ, да тако позна́емъ, что̀ есть любовь къ ближнему. Вси мы другъ другу ближніе есмы. Власти подвластнымъ, и подвластные властямъ ближніи суть. Пастыри людемъ и люди пастырямъ ближніи суть. Родители дѣтямъ ближніи суть. (Господа̀ крестьянамъ и крестьяне господамъ ближніи суть.) Мужи женамъ и жены мужамъ ближніи суть. Продающіе и покупающіе между собою ближніи суть. Хозяева и наемники другъ другу ближніи суть. Судіи и судимые другъ другу ближніи суть... Словомъ: всѣ человѣки, сродники и несродники, знаеміи и незнаеміи, одноземніи и иностранніи — другъ другу ближніи суть; а паче Христіане, которыхъ едина вѣра, едино крещеніе, едино Божіе Слово, единаго Бога исповѣданіе и призываніе, едино упованіе воскресенія мертвыхъ и вѣчныя жизни связуетъ; паче, говорю, Христіане другъ другу ближніи и братія суть, ибо они къ единому небесному Отцу молятся, и, яко братія между собою, глаголютъ Ему: *Отче нашъ, Иже еси на*

небесныхъ, и прочее. Бесѣдуемъ убо здѣ о Христіанской любви, которая не только своихъ сродниковъ, братію, друговъ, знаемыхъ, но и всѣхъ человѣковъ, а паче присныхъ въ вѣрѣ и братію по духу — Христіанъ, во объятіяхъ своихъ заключаетъ и содержитъ. Таковыя любве два плода здѣ изъясняются: *первый* — никому зла не творить; *вторый* — милость и милосердіе ближнему являть въ нуждѣ. Первая милость и плодъ любве — никого не обидѣть и никому зла не творить. Зло есть и обида родителямъ, когда имъ дѣти не покоряются; зло есть и обида властямъ, когда имъ подвластніи не показуютъ достойнаго почитанія, покоренія и послушанія. *Любы* сего *зла не творитъ.* Кто любитъ своихъ родителей и властей, тотъ повинуется имъ и почитаетъ ихъ. Зло есть не повиноваться пастырямъ и наставникамъ: любитель сего зла не творитъ, но повинуется имъ и покоряется. Зло есть гнѣваться и злобиться на ближняго, и его какъ-нибудь повредить въ здравіи его или въ имѣніи его: любитель сего зла не творитъ. Зло есть блудодѣйствовать и прелюбодѣйствовать, и себе и ближняго осквернять: любитель сего зла не творитъ. Зло есть или явно, или тайно, или коварно и лестно ближняго добро себѣ похитить и присвоить: любитель сего зла не творитъ. Зло есть ложь на судѣ свидѣтельствовать на ближняго своего: любитель сего зла не творитъ. Зло есть ближняго оклеветать и честь имени его получить: любитель сего зла не творитъ. Зло есть ближняго укорить, обругать, и тако оскорбить его: любитель сего зла не творитъ. Зло есть ближняго обмануть и прельстить: любитель сего зла не творитъ. Зло есть коварно и лестно съ ближнимъ обходиться: любитель ближняго сего зла не творитъ. Зло есть и обида дѣтямъ, когда родители ихъ о добромъ воспитаніи и Христіанскомъ наставленіи ихъ нерадятъ: любитель ближняго сего зла не творитъ. Зло есть и обида людемъ, когда пастыри о спасеніи ихъ небрегутъ: добрый пастырь, любитель ближняго, сего зла не творитъ. Зло есть и обида приходящимъ къ суду, когда судія по мздѣ или по лицамъ, а не по правдѣ судятъ: судія, любитель ближняго, сего зла не творитъ. Зло есть и обида мужу, когда къ нему жена его, и обида женѣ, когда къ ней мужъ ея вѣрности супружескія не хранитъ: любитель ближняго сего зла не творитъ. Зло есть и обида хозяину, когда наемникъ лѣностно и лицемѣрно ему работаетъ: любитель ближняго сего зла не творитъ. Зло есть и обида наемнику, когда хозяинъ мзду его удерживаетъ, или даетъ несполна: любитель ближняго зла сего не творитъ. Зло есть и обида купующему, когда продавецъ въ товарѣ его обманываетъ: любитель ближняго зла сего не творитъ. Тако *любы искреннему зла не творитъ!* Се есть *первый* плодъ любве, то-есть, ближнему зла не хотѣть и не творить! — *Вторый* плодъ любве — ближнему бѣдствующему сожалѣть, и ему въ бѣдствіи помогать. Истинный ближняго любитель, видя его въ бѣдности, не можетъ ему не

соболѣзновать, и надъ нимъ не умилосердиться, и ему не подать руку помощи, когда можетъ: ибо *любы милосердствуетъ*. Видитъ алчущаго, и напитаетъ его; видитъ жаждущаго, и напоитъ его; видитъ странствующаго, и введетъ его въ домъ свой; видитъ больного, или сѣдящаго въ темницѣ, и посѣтитъ его. (Матѳ. Гл. 25. ст. 35 и 36.) Словомъ: во всякомъ бѣдствіи поможетъ ему. Страждущему сострадетъ, болѣзнующему соболѣзнуетъ, печальнаго утѣшитъ: ибо *любы милосердствуетъ*. У любителя мятется утроба надъ любимымъ, когда видитъ его въ бѣдствіи; почему и не можетъ ему не соболѣзновать, и — когда можетъ — чтобъ въ томъ бѣдствіи ему не помощи. Тако человѣколюбивый Богъ, видя человѣка, котораго любитъ, въ великомъ бѣдствіи и погибели, умилосердился надъ нимъ, и послалъ Единороднаго Сына Своего въ міръ, спасти его и взыскати погибшаго... А отсюду видимъ, что не имѣютъ любве къ ближнему: 1) тѣ люди, которые какое нибудь зло ближнему своему дѣлаютъ, или хотятъ сдѣлать; 2) которые о ближнемъ, въ бѣдствіи находящемся, не радятъ. Таковые суть тѣ богачи, которые богатство свое на прихоти изнуряютъ, а бѣднымъ людямъ въ бѣдствіи ихъ не помогаютъ. Они любятъ свои прихоти, а не ближняго своего; а не имѣя любве къ ближнему, и къ Богу любве не имѣютъ: ибо кто ближняго своего не любитъ, тотъ и самаго Бога не любитъ, какъ въ вышереченномъ словѣ сказано. Возлюбленніи Христіане! потщимся Христіанскую любовь въ сердцѣ имѣть. Она насъ не допуститъ никакого зла ближнему нашему ни восхотѣть и ни сотворить; она убѣдитъ насъ — богатство наше не на прихоти наши, но на недостатки ближнихъ нашихъ изнурять, и имъ во всякомъ бѣдствіи руку помощи подавать. Будемъ искренніи любители ближнихъ нашихъ, и будемъ истинные, а не ложные Христіане. Отъ сего бо познается истинный христіанинъ, какъ научаетъ Господь: *О семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою.* (Іоан. Гл. 13., ст. 35). Аминь.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Святый Димитрій, митрополитъ Ростовскій родился въ 1651 году, въ городѣ Макаровѣ, что близъ Кіева. Отецъ его былъ Малороссійскій полковой сотникъ. Святый Димитрій учился въ Кіевѣ, и на 18-мъ году возраста своего постригся въ монашество. Въ Черниговѣ посвященъ былъ въ санъ іеромонаха, а потомъ въ санъ архимандрита. Въ 1701 году Петръ Первый вызвалъ его въ Москву и назначилъ митрополитомъ Тобольскимъ и Сибирскимъ. Въ слѣдующемъ году онъ переведенъ былъ оттуда на Ростовскую и Ярославскую митрополію. Святитель Димитрій любилъ науки и зналъ языки Славянскій, Латинскій, Греческій и Еврейскій. Онъ написалъ много книгъ, изъ которыхъ собственно въ народѣ извѣстны и распространены „*Четьи Минеи, или житія святыхъ.*" Святый Димитрій преставился въ городѣ Ростовѣ, въ 1709 году, октября 28, и святыя мощи его почиваютъ въ Ростовскомъ Яковлевскомъ монастырѣ.

Святый Тихонъ, епископъ Воронежскій, называемый Задонскимъ, по монастырю въ городѣ Задонскѣ, въ которомъ онъ жилъ на-покоѣ, родился въ 1724 году, отъ причетника села Короцка, Валдайскаго Уѣзда, Новгородской Епархіи. На 37-мъ году жизни своей Тихонъ рукоположенъ былъ въ санъ епископа, и изъ Новгорода вскорѣ назначенъ на каѳедру Воронежскую, гдѣ главнымъ образомъ и подвизался на пользу

церкви и народа, благотворя и поучая. Удалясь на покой въ Зелонскій монастырь, святитель не переставалъ неустанно трудиться на пользу народную, дружески бесѣдовалъ съ народомъ, оказывалъ помощь бѣднымъ, любилъ дѣтей и пользовался отъ всѣхъ искреннею любовію, будучи самъ исполненъ высокой любви Христіанской. Многочисленныя сочиненія его ясны для народнаго разумѣнія своею краснорѣчивою простотою и убѣдительными назидательными истинами вѣры и нравственности Христіанской. *Щ.*

VI.

ДУХОВНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Самисонъ.

На праздникъ стеклися въ божницу Дагона
Народъ и князья Филистимской земли;
Себѣ на потѣху, они и Самисона
Въ оковахъ туда привели,
И шумно ликуютъ. Душа въ немъ уныла;
Онъ думаетъ думу: — давно-ли жила,
Кипѣла въ немъ дивная, страшная сила,
Израиля честь и хвала?
Давно-ли, дрожа и блѣднѣя, толпами
Враги передъ нимъ повергались во прахъ,
И львиную пасть раздиралъ онъ руками,
Ворота носилъ на плечахъ?...
Его соблазнили Далиды прекрасной
Коварныя ласки, сверканье очей
И пышное лоно, и звукъ любострастный
Плѣнительныхъ женскихъ рѣчей;
Въ объятіяхъ нѣги его усыпила
Далида, и кудри остригла ему:
Зане въ нихъ была его дивная сила,
Какой не дано никому...
И Бога забылъ онъ — и падшаго взяли
Самисона враги, и лишили очей,
И грозныя руки ему заковали
Въ мѣдяную тяжесть цѣпей.
Жестоко мучимъ и презрѣнъ, томился
Въ темницѣ, и мельницу двигалъ Самисонъ:
Но выросли кудри его — но смирился,
И Богу покаялся онъ.
На праздникъ Дагона его изъ темницы
Враги привели, — и потѣха онъ имъ:
И старый, и малый, и жены-блудницы,
Ликуя, смѣются надъ нимъ.

Безумные! бросьте свое ликованье...
Не смѣйтесь, — смотрите, душа въ немъ кипитъ:
Несносно ему отъ враговъ поруганье, —
Онъ гибелью вамъ отомститъ.
Незрячія очи онъ къ небу возводитъ,
И зыблется грудь его, гнѣвомъ полна;
Онъ слышитъ: бывалая сила въ немъ бродитъ, —
Могучи его рамена...
О, дай мнѣ погибнуть съ моими врагами!
Внемли, о, мой Боже, послѣдней мольбѣ
Сампсона! — И крѣпко схватилъ онъ руками
Столбы, и повалъ ихъ въ себѣ...
И вдругъ оглянулись враги на Сампсона, —
И страхомъ, и трепетомъ обдало ихъ, —
И пала божница: и праздникъ Дагона
Подъ грудой развалинъ утихъ.

Николай Языковъ.

Плачъ плѣнныхъ Іудеевъ.

(Псалмомъ 136-ой.)

Когда, влекомы въ плѣнъ, мы стали
Отъ стѣнъ Сіонскихъ далеки,
Мы слёзъ ручьи нераз мѣшали
Съ волнами чуждыя рѣки.

Въ-печали молча мы грустили
Всё по тебѣ, святой Сіонъ!
Надежды рѣдко намъ свѣтили,
И тѣ надежды были — сонъ!...

Замолкли вѣщіе органы,
Затихъ веселый нашъ тимпанъ:
Напрасно намъ гласятъ тираны —
«Воспойте пѣснь Сіонскихъ странъ.»

Сіона пѣсни, — гласъ свободы...
Тѣ пѣсни слава намъ дала:
Въ нихъ тайны мы поемъ природы
И Бога дивнаго дѣла...

Нѣмѣй, органъ нашъ голосистый
Какъ занѣмѣлъ нашъ въ рабствѣ духъ
Не опозоримъ пѣсни чистой:
Не ей ласкать злодѣевъ слухъ!

Увы! неволи дни суровы
Органамъ жизни не даютъ...
Рабы, влачащіе оковы,
Высокихъ пѣсенъ не поютъ.

Ѳедоръ Глинка

Христіанскіе мученики.

(Изъ поэмы «Агасферъ.»)

Когда былъ вѣкъ Траяна. Въ Римъ
Изъ областей прибывшій императоръ
Въ Веспасіановомъ амфитеатрѣ
Кровавыя готовилъ граду игры:
Бой гладіаторовъ и Христіанъ

Преданіе звѣрямъ на растерзанье.
Пронесся слухъ, что будетъ знаменитый
Антіохійской церкви пастырь, старецъ
Игнатій, льву Ливійскому на пищу,
Въ присутствіи Траяна, преданъ: трепетъ
Неизглаголанный, при этомъ слухѣ,
Меня проникъ. Съ народомъ побѣжалъ я
Въ амфитеатръ, — и что̀ моимъ очамъ
Представилось, когда я съ самыхъ верхнихъ
Ступеней обозрѣлъ глазами бездну
Людей, тамъ собранныхъ. Сквозь яркій пурпуръ,
Растянутый надъ зданьемъ легкой тканью,
Которую багрянилъ солнца блескъ, —
И зданье, и народъ, и на высокомъ
Сѣдалищѣ отвсюду зримый кесарь
Казались огненными. Въ это
Мгновеніе послѣдній гладіаторъ,
Народомъ непрощенный, былъ зарѣзанъ
Своимъ противникомъ; съ окровавленной
Арены мертвый трупъ его тащили,
И стала вдругъ она пуста. Народъ
Умолкъ и сталъ, какъ-будто, въ страхѣ, знака
Не подавая нетерпѣнья... Вдругъ
Въ глубокой этой тишинѣ раздался
Изъ подземелья львиный ревъ, и, сквозь
Отверстый входъ амфитеатра, старецъ
Игнатій, съ нимъ двѣнадцать Христіанъ,
Звѣрямъ на растерзанье произвольно
Съ своимъ епископомъ себя предавшихъ,
На страшную арену вышли. Старецъ,
Оборотясь къ другимъ, благословилъ ихъ,
Ему съ-моленіемъ упавшихъ въ ноги;
Потомъ они, прижавъ ко груди руки,
«Тебя, (запѣли тихо) Бога, хвалимъ,
«Тебя едиными устами въ смертный
«Часъ исповѣдуемъ»... О, это пѣнье,
Въ Ерусалимѣ слышанное мною
На праздничныхъ собраньяхъ Христіанъ,
Съ кипѣньемъ злобы — тутъ мою всю душу
Проникнуло внезапнымъ вдохновеньемъ...
Что̀ предо мной открылось въ этотъ мигъ,
Что̀ вдругъ во мнѣ предчувствіемъ чего-то
Невыразимаго затрепетало,
И какъ, въ амфитеатръ ворвавшись, я
Вдругъ, посреди дотолѣ ненавистныхъ
Мнѣ Христіанъ, тамъ очутился, — я

Не знаю... Пѣнье продолжалось;
Ужь на противной сторонѣ арены
Желѣзная рѣшетка опремлена упала,
И ужь въ ея отверстіи зевалъ
Съ цѣпей спущенный левъ и оглядался
И вдругъ, завидя вдалекѣ добычу,
Онъ зарыкалъ, — и всѣхъ пугалъ
И гривою тряхнулъ дыбомъ... Тутъ впередъ
Я кинулся, чтобъ старца заслонить
Отъ звѣря... Онъ уже стремился къ намъ
Прыжками быстрыми и черезъ арену
Но старецъ, крѣпко въ сторону меня
Рукою отодвинувъ, мнѣ сказалъ:
«Должно пшено Господнее въ зубахъ
Звѣриныхъ измолоться, чтобъ Господнимъ
Быть чистымъ хлѣбомъ; ты же, другъ, спосѣлъ
Поди въ свой путь, смирись, живи и жди».
Тутъ былъ онъ львомъ обхваченъ, — не успѣлъ
Еще меня перекрестить, и взоръ
Невыразимый отъ меня на небо
Въ слезахъ возвелъ, какъ бы меня ему
Передавая... О, животворящій,
На вѣчность всѣ присутственный въ душѣ,
Небеснаго блаженства полный взглядъ!
Могуществомъ великаго мгновенья
Сраженный, я безъ памяти упалъ
Къ ногамъ терзаемаго дикимъ звѣремъ
Святителя. Когда я очнулся, — вкругъ
Меня въ крови разбросанные члены
Погибшихъ я увидѣлъ; утомленъ
Терзаніемъ, лежалъ, разинувъ пасть
И быстро грудью жаркою дыша,
Спокойный левъ, вперивъ въ меня свои
Пылающіе очи... Но когда
Я на ноги поднялся, онъ всѣ очи
И заревѣлъ, и въ страхѣ отъ меня
Сталъ пятиться, и быстро вдругъ
Черезъ арену побѣжалъ и скрылся
Въ своемъ заплетѣ. Весь амфитеатръ
Отъ восклицаній задрожалъ, а я,
Отъ мѣста крови, плача, удалился,
И изъ воротъ амфитеатра вышелъ.

Василій Жуковскій.

Филаретъ Милостивый.

I

Въ тѣ времена, когда Христова церковь
Еще едва въ полной отдохнула
Отъ казней, бѣдъ, страданій и гоненій,
И подъ покровъ верховной власти стала,
И на себѣ земля еще хранила
Апостоловъ недавніе слѣды, —
Въ тѣ времена святыя, на Востокѣ
Жилъ человѣкъ, простой умомъ и сердцемъ,
Съ женой своей и чадами своими,
Мужъ праведный и кротій, Филаретъ,
Какъ Іова, Богъ надѣлилъ его
Богатствами и благами земными:
Онъ получилъ въ наслѣдье отъ отца
Обширныя и пастбища, и нивы,
Сады смоковницъ, кедровъ вѣковыхъ
И виноградники, и рощи маслинъ,
И житницы, обильныя пшеницей,
И улья пчелъ, полныя медомъ,
Стада овецъ, верблюдовъ и воловъ,
И древній домъ, всегда какъ чаша полный
Сластей, и винъ, и всякаго добра.
И славенъ былъ далеко Филаретъ,
Въ своей странѣ и странахъ сопредѣльныхъ,
И родомъ, и богатствами своими:
Но чистъ душой и сердцемъ, какъ младенецъ,
Онъ гордостью въ душѣ не превозносился.
Единую любовь онъ въ жизни вѣдалъ —
Любовь ко всѣмъ живущимъ на землѣ,
И, этою любовью полонъ съ дѣтства,
Онъ въ ближняго всю душу положилъ,
И всякаго живого человѣка —
Кто-бъ ни былъ онъ, — мужъ праведный, иль грѣшникъ —
Всѣмъ сердцемъ онъ любилъ нелицемѣрно.
Кого бы онъ ни встрѣтилъ, ни увидѣлъ, —
Знакомаго, иль сродника, рабе ли,
Прохожаго-ль изъ стороны далекой,
Котораго и имени не вѣдалъ, —
Его лице мгновенно озарялось
И радостью, и счастьемъ, и блаженствомъ,
И всѣ свои утѣхи, всё веселье,
Всю жизнь свою онъ въ ближнихъ заключалъ:
Скорбѣлъ ихъ скорбью, счастливъ былъ ихъ счастьемъ,

Жилъ для другихъ.....
Всѣмъ страждущимъ являлся онъ усладой:
Съ любовію онъ алчущихъ питалъ,
И призрѣвалъ и сирыхъ, и бездомныхъ,
И посѣщалъ больныхъ и прокаженныхъ,
И узниковъ въ темницѣ навѣщалъ,
И утѣшалъ скорбящихъ и печальныхъ,
И щедрою рукой свою казну
Онъ отверзалъ съ веселіемъ для нищихъ...
И начали рѣдѣть его стада,
И съ каждымъ днемъ казна оскудѣвала,
И житницы обильныя пустѣли,
И видимо богатство умалялось, —
И наконецъ бѣднѣть сталъ Филаретъ:
Въ дому его уже не видно стало
Обилія, довольства и избытка.
Всѣмъ оскудѣлъ богатый нищелюбецъ,
Лишь сердце у него не оскудѣло
Любовію. Онъ будто и не видѣлъ,
Не замѣчалъ, какъ онъ кругомъ бѣднѣетъ,
И помогалъ попрежнему убогимъ,
И раздавалъ попрежнему, что могъ:
Онъ отказать просящимъ былъ не въ силахъ.
Такъ расточалъ свое имѣнье онъ....
И ужь во всемъ сталъ видѣнъ недостатокъ
Въ его дому, — когда его владѣнья
И всю страну, гдѣ онъ спокойно жилъ,
Нежданное несчастье посѣтило.
Тогда надъ всѣмъ Востокомъ гнѣвъ Господень
Великой карой грозно разразился:
Вдругъ, изъ степей пустынныхъ Аравійскихъ,
Нахлынули толпы Измаильтянъ.
Какъ саранча иль язва моровая,
Изъ края въ край носились они,
И пламенемъ, и остріемъ меча
Всё на пути своемъ опустошали,
И по садамъ и нивамъ Филарета
Они прошли и истребили всё:
Всё житницы сожгли, и порубили
Смоковницы и масличныя рощи,
Угнали скотъ и улья разбросали...
И только чудомъ Божьимъ уцѣлѣли:
Самъ Филаретъ, семья его и домъ,
Рабыня старая, пшеницы закромъ,
Корова, конь, да два вола рабочихъ.

II.

Не впалъ въ печаль и горесть Филаретъ.
Отцовское наслѣдіе утративъ,
И на поля пустынныя взирая,
Не пролилъ слёзъ, не возроптал на Бога...
И, съ радостью на сердцѣ, взялъ онъ плугъ,
Привелъ воловъ, бродившихъ въ ближнемъ полѣ,
И, нѣжными руками богача,
Незнавшаго простыхъ трудовъ доселѣ,
Насилу впрягъ въ ярмо своихъ воловъ,
И, самъ своей неловкости смѣясь,
Онъ весело отправился на ниву.
Въ тотъ самый часъ въ селеніи сосѣднемъ
Пахалъ на нивѣ бѣдный селянинъ.
Своихъ воловъ онъ не имѣлъ, а нанялъ,
И то съ-трудомъ, ихъ у сосѣда въ-долгъ,
И лишь успѣлъ провесть онъ борозду,
Вдругъ волъ одинъ изъ упряжи рванулся
И съ ревомъ палъ на землю, и издохъ.
Въ-отчаяньи, какъ громомъ пораженный,
Стоялъ надъ нимъ несчастный селанинъ —
Безъ словъ, безъ слёзъ, безъ мыслей, безъ сознанья,
И наконецъ онъ горько зарыдалъ:
— «Что дѣлать мнѣ, что станется со мною?»
Воскликнулъ онъ: «какъ покажусь сосѣду
Съ однимъ воломъ! Богачъ жестокосердый
Меня убьетъ своимъ единымъ взглядомъ,
И въ кабалу къ себѣ на-вѣкъ возьметъ
Меня, жену и дѣтокъ малолѣтнихъ,
Невинныхъ дѣтокъ, малыхъ, несмысленныхъ!
О, Господи, кто мнѣ теперь поможетъ?
Кто сжалится надъ бѣднякомъ постылымъ?..
Ахъ, еслибы теперь былое время,
Когда богатъ былъ добрый мой сосѣдъ,
Нашъ Филаретъ — отецъ нашъ, нищелюбецъ,
Не сталъ бы и минуты горевать:
Къ нему бъ теперь отправился я смѣло,
И вмигъ съ воломъ на пашню бъ воротился...
Но времена счастливыя прошли:
Самъ обнищалъ питалецъ всѣхъ убогихъ, —
И радъ бы дать, — да нечего... Что дѣлать?..
Ну, всё-равно, пойду я къ Филарету: —
Хоть дѣломъ онъ и пособить не можетъ,
За то поможетъ лаской и любовью.
Со мною онъ поплачетъ, погорюетъ,

И укрѣпитъ мой духъ онъ мудрымъ словомъ
И сладкою бесѣдой, и любовью
Мою печаль и душу прояснитъ.»
И онъ пошелъ немедля къ Филарету,
Заставъ его на пашнѣ, разсказалъ онъ
Свою бѣду — и Филаретъ мгновенно
Отпрягъ вола, подвелъ его къ сосѣду
И съ радостной улыбкою сказалъ:
— «Возьми скорѣй, веди къ себѣ на ниву!
Когда жь ее допашешь, взборонишь,
Вола отдай сосѣду твоему...
Что жь ты стоишь? Иди скорѣй на пашню,
И торопись теперь съ своей работой,
Пока Господь намъ вёдро посылаетъ!»
Но передъ нимъ, въ глубокомъ изумленьи,
Поселянинъ растроганный стоялъ.
«Мужъ праведный! — сказалъ онъ со слезами —
«Что дѣлаешь? Опомнись ты, и вспомни,
Что ты бѣднякъ такой же, какъ и я,
Что потерялъ ты всё свои богатства,
Что у тебя не тысячи воловъ,
А только два!... Что будешь дѣлать ты
Съ однимъ воломъ, отдавши мнѣ другого?...»
— «Ты думаешь, что бѣденъ я. Напрасно!..»
Прервалъ его съ усмѣшкой Филаретъ:
«Послушай, я тебѣ открою тайну, —
Вѣдь я богатъ!... Богаче несравненно,
Чѣмъ прежде былъ... Есть у меня богатства
Несмѣтныя — ихъ станетъ мнѣ на вѣкъ;
Но, до-поры до-времени, я долженъ
Отъ всѣхъ сокрывать сокровища мои.
Объ участи моей ты не печалься:
Я человѣкъ запасливый и хитрый, —
Кормя другихъ, себя не забываю
И думаю о будущемъ всечасно.
Бери вола и отправляйся съ миромъ!»
И селянинъ повѣрилъ простодушно
Правдивому и праведному мужу,
Облобызалъ его онъ со слезами,
И, взявъ вола, на пашню поспѣшилъ.
А Филаретъ, съ воломъ своимъ и плугомъ,
Пошелъ домой, и, выйдя на дорогу,
Другого онъ сосѣда повстрѣчалъ,
И, слёзы на глазахъ замѣтивъ,
Онъ вопросилъ его — о чемъ онъ плачетъ?
— «Какъ мнѣ не плакать!» отвѣчалъ сосѣдъ:

«Ты знаешь, никогда богатъ я не былъ;
Когда жь на насъ напали Агаряне,
И всё кругомъ пожгли и разорили,
То у меня осталась лишь корова,
И всю семью мою одна кормила;
Но и она сегодня утромъ пала;
И мы теперь безъ всего остались.
Жена моя совсѣмъ убита горемъ,
Кричатъ и плачутъ маленькія дѣти —
Пить-ѣсть хотятъ и молока всё просятъ...
Ихъ плачъ и крикъ мнѣ душу истерзалъ, —
Я зарыдалъ и убѣжалъ изъ дома...
Теперь иду, не зная самъ куда —
До перваго колодца, можетъ быть,
И, привязавъ себѣ на шею камень,
На дно его навѣки опущуся,
Домой же я не-въ-силахъ воротиться,
Чтобы смотрѣть, какъ дѣти и жена,
Другъ къ другу руки съ воплемъ простирая,
Голодной смертью станутъ умирать:
Прощай!»

— «Постой! Постой, слѣпецъ безумный!
Ты позабылъ, что въ небесахъ есть Богъ,
А на землѣ вокругъ тебя есть люди,
Которымъ Богъ велѣлъ любить другъ друга.
Ни къ Богу ты, ни къ людямъ не прибѣгнулъ,
И ужь спѣшишь, какъ бы на пиръ веселый,
Низринуться въ огонь геенны вѣчный!
Подумай, братъ, изъ-за чего ты хочешь
Господень даръ — божественную душу —
Продать врагу Господню, сатанѣ?
Изъ-за чего?... Стыдись, — изъ-за коровы!
Ну стоитъ ли она такой цѣны?
Да и достать ее не слишкомъ трудно...
Иди за мной: я дамъ тебѣ корову...»

— «Я не возьму,» сказалъ бѣднякъ въ смущеньи.
«Какъ отниму послѣднюю корову
У бѣдняка? Я не грабитель...»

— «Слушай!...»
Прервалъ его поспѣшно Филаретъ:
«Мнѣ не нужна совсѣмъ теперь корова,
И если ты возьмешь ее себѣ,
То отъ большихъ хлопотъ меня избавишь: —
Я собрался въ далекій трудный путь
Со всей семьей, — иду я за наслѣдствомъ
Въ далекую богатую страну,

И ничего въ дорогу не беру я...
Тамъ у меня всего довольно будетъ;
Вѣдь та страна кипитъ молокомъ и медомъ;
Но путь въ нее горестный, узкій, трудный: —
Зачѣмъ же мнѣ вести туда корову?
Какъ буду съ ней въ ущельяхъ пробираться?
Утѣшь меня — возьми ее себѣ!»
И Филаретъ повелъ его ко хлѣву,
Гдѣ отъ лучей палящихъ, въ часъ полудня,
Съ тельцомъ своимъ корова укрывалась,
И съ ласкою вручивъ ее сосѣду,
Онъ заперъ хлѣвъ, оставивъ въ немъ теленка...
Ужь селянинъ хотѣлъ вести корову,
Но взаперти оставленный теленокъ,
Осиротѣвъ безъ матери своей,
Сталъ тосковать по ней, рвался изъ хлѣва,
И жалобно мычалъ онъ, къ ней взывая,
И жалобно отвѣтила она
На голосъ дѣтища; — назадъ рванулась
И, вырвавшись отъ новаго владѣльца,
Стучала въ хлѣвъ рогами и мычала...
И смилуялся надъ ними Филаретъ:
— «Какой я человѣкъ жестокосердый!»
Воскликнулъ онъ, съ улыбкой благодушной.
«Нѣтъ, не добро мать съ сыномъ разлучать.»
И, отворивши хлѣвъ, смотрѣлъ онъ долго
На радость двухъ живыхъ созданій Божьихъ,
Которымъ могъ онъ счастье возвратить, —
И весело сказалъ поселянину,
Стоявшему предъ нимъ въ недоумѣньи:
— «Братъ, вспомнуйся, не разлучай коровы
Съ ея тельцомъ... Пусть онъ идетъ за ней!»

III.

.....

Въ тѣ дни былъ голодъ великій въ той странѣ, —
И нищіе толпами приходили
Во дворъ палатъ высокихъ Филарета,
И Филаретъ имъ раздавалъ, что могъ,
И наконецъ всё роздалъ совершенно.
Тогда пришелъ для всей его семьи,
Къ ней медленно и грозно подходившій
Издалека, какъ туча, черный день —
Ужасный день: у нихъ не стало хлѣба!
И въ первый разъ они узнали голодъ,
И въ первый разъ отецъ нищелюбивый,

Самъ нищему скитальцу уподобясь,
Пошелъ просить себѣ на пропитанье.
И вотъ пришелъ къ старинному онъ другу,
И попросилъ взаймы пшеницы мѣру.
Въ-отвѣтъ ему другъ залился слезами,
И бросился онъ въ житницу мгновенно,
И, высыпавъ пшеницы цѣлый закромъ,
Велѣлъ её разсыпать по мѣшкамъ
И отвезти немедля къ Филарету...
И ожила голодная семья,
Увидѣвъ хлѣбъ насущный предъ собою.
Когда же мать, готовясь ставить хлѣбы,
Съ рабынею пшеницу просѣвала,
Къ нимъ въ домъ пришелъ слѣпецъ за подаяньемъ:
Едва успѣлъ онъ слово произнесть,
Какъ Филаретъ, схвативши въ руки мѣру,
Пшеницею её наполнилъ верхомъ
И высыпалъ убогому въ суму.
— «Что̀ мало такъ? Зачѣмъ скупишься ты?»
Съ-досадою ему жена сказала:
«Мы богачи, во всемъ у насъ избытокъ,
Всѣ житницы полны у насъ пшеницей,
А погреба всѣ золотомъ набиты!...
Зачѣмъ же ты добро свое жалѣешь? —
Отмѣрь ему еще хотя двѣ мѣры...
Что̀-жь медлишь ты? — Отмѣрь ему, отмѣрь!»
Но Филаретъ какъ-будто не замѣтилъ
Въ словахъ жены насмѣшки злой и явной,
И, воротивъ убогаго, спокойно
Отмѣрилъ онъ ему еще двѣ мѣры.
— «Да ты совсѣмъ ужь разумъ потерялъ!
Воскликнула жена, дрожа отъ гнѣва; —
«Ты ужь рѣчей простыхъ не понимаешь!
Я надъ тобой хотѣла посмѣяться,
Сказавъ, что къ намъ богатство возвратилось;
А ты, въ своемъ младенческомъ умѣ,
Разслабленномъ давно отъ изувѣрства
И бредящемъ во снѣ и на-яву
Видѣньями, — вообразилъ, что вправду
У насъ въ ларцахъ сокровища хранятся?»
— «А ты меня считаешь бѣднякомъ?»
Сказалъ старикъ разгнѣванной супругѣ,
«Ужели ты еще не догадалась,
Что у меня въ далекомъ тайникѣ
Сокровища великія хранятся?
Вотъ отчего такъ щедръ я и безпеченъ,

И бѣдностью моей не тяготуся,
И о своемъ семействѣ не [illegible]
Я знаю: день настанетъ вожделѣнный,
И вы узнаете, гдѣ кладъ хранится мой.
Изумлена нежданной, чудной вѣстью,
Въ смущеніи умолкнула жена,
И съ этихъ поръ ждала нетерпѣливо,
Когда супругъ откроетъ передъ нею
Невѣдомый доселѣ ей тайникъ.
Но время шло, а вожделѣнный день
Не приходилъ. Пришла въ концу пшеница,
И на душѣ хозяйки домовитой
Ужь снова гнѣвъ на мужа пробуждался,
Когда одинъ изъ ихъ друзей старинныхъ
Давно въ краю далекомъ обитавшій,
О бѣдности друзей своихъ услышавъ,
Отправилъ къ нимъ съ рабами семь верблюдовъ,
Навьюченныхъ пшеномъ и чечевицей,
И всякими плодами и сластями.
Утѣшилась супруга Филарета.

.....

IУ.

Въ тѣ дни владѣлъ Имперіей Восточной
Царь юноша, и правилъ подъ надзоромъ
Правительницы — матери своей.
Едва вступилъ онъ въ возрастъ совершенный,
Какъ мудрая правительница мать
Найдти ему супругу пожелала,
И созвала сановниковъ своихъ,
И выбрала мудрѣйшихъ между ними,
И повелѣла имъ объѣхать царство,
Въ одеждѣ скромной странниковъ простыхъ,
И изо всѣхъ красавицъ Византійскихъ
Двѣнадцать дѣвъ прекраснѣйшихъ избрать,
Достойнѣйшихъ по разуму и сердцу,
И привезти въ Царьградъ, чтобъ государь
Одну изъ нихъ своей невѣстой назвалъ.
Отправились сановники въ дорогу,
И обошли восточныя всѣ страны,
И выбрали одиннадцать невѣстъ,
Всѣхъ — красоты лица необычайной...
И долго имъ подобную искали, —
И, наконецъ, пришли они въ ту область,
Гдѣ Филаретъ страннопріимный жилъ.
Когда жилъ его селенью подошли

И домъ его увидѣли высокій,
Украшенный какъ царскія палаты,
То, повстрѣчавъ прохожую старуху,
Спросили у нея, чей это домъ, —
И приметъ ли хозяинъ именитый
Въ свои палаты странниковъ простыхъ?
— «Ахъ, странники честные, старцы Божьи!»
Со вздохомъ имъ старуха отвѣчала:
«Онъ приметъ васъ, какъ сродниковъ своихъ,
И будетъ радъ, какъ Божьей благодати,
Да только не взыщите вы на немъ: —
Васъ угостить онъ радъ бы былъ, да нечѣмъ;
Быть-можетъ, онъ теперь и корки хлѣба
Въ дому своемъ богатомъ не отыщетъ...»
И не могли сановники повѣрить,
Чтобы въ такомъ большомъ, роскошномъ домѣ
Такой бѣднякъ несчастный обиталъ;
Но имъ въ отвѣтъ старуха разсказала
Подробно всё, какъ добрый Филаретъ
Своё добро на милостыню роздалъ.
Тогда они спросили въ одинъ голосъ: —
«А есть ли дочери-невѣсты у него?»
«Двѣ дочери», старуха отвѣчала.
При сихъ словахъ они перетянулись,
И путь направили къ палатамъ Филарета.
— «Самъ Богъ сюда намъ указалъ дорогу» —
Между собой вельможи говорили.
«Онъ насъ привелъ къ сокровищамъ безцѣннымъ:
Сей Филаретъ, сей праведникъ святой,
И чадъ имѣть благочестивыхъ долженъ, —
И въ дочеряхъ онъ вѣрно поселилъ
Господень страхъ, смиреніе и кротость.»
.....

Когда посолы увидѣли Марію,
Смиренную, цвѣтущую красой, —
Увидѣли въ ликѣ ея и взорѣ
Подобіе живое Филарета,
Его души прекрасной отпечатокъ, —
То не могли скрыть радости сердечной,
И царское велѣніе объявили...
И повезли Марію въ путь далекій,
Какъ царскую невѣсту. Вмѣстѣ съ нею
Отправилась и вся ея семья.
.....

V.

И назвалась царицей Византійской
Безвѣстная и скромная Марія,
И полюбилъ великій Новый-Римъ
Прекрасную и добрую царицу;
И вскорѣ и сестра ея меньшая
Вступила въ бракъ съ префектомъ Цареградскимъ.
Счастливый царь излилъ свои щедроты
На щедраго отца своей супруги:
Велѣлъ отвесть ему дворецъ особый,
Наполненный богатствомъ, и прислугой,
Блистающій и златомъ, и сребромъ,
И всячески ласкалъ благого старца,
И принималъ съ любовью и почетомъ
Во всякій день и часъ въ своихъ покояхъ.

. . . . . .

И царскій тесть, въ своемъ дворцѣ роскошномъ,
Средь шумнаго, блестящаго Царьграда,
Сталъ жить, какъ жилъ въ своемъ селѣ далекомъ.
Попрежнему онъ странныхъ принималъ
И посѣщалъ темницы, богадѣльни
И сирадные вертепы, и больницы,
И помогалъ убогимъ и больнымъ,
А для людей опальныхъ и преступныхъ
Онъ у царя вымаливалъ прощенье.
Когда же онъ преставился, — въ Царьградѣ
Поднялся плачъ великій, неутѣшный:
Восплакали всѣ нищіе, страдальцы,
Восплакали они у вратъ церковныхъ,
Восплакали на торжищахъ и стогнахъ,
Восплакали въ вертепахъ и темницахъ.
Когда жь его въ могилу понесли,
То за его простымъ дубовымъ гробомъ
(Какъ завѣщалъ себя онъ схоронить)
Торжественное шествіе открылось.
За гробомъ шли толпою безконечной
Убогіе, брели слѣпцы съ клюками,
Влачилися хромые и больные,
Ползли безногіе, — и съ громкимъ плачемъ
Взывали всѣ: — «Кто будетъ насъ питать,
Кто призритъ насъ, одѣнетъ и утѣшитъ!»

. . . . . .

Борисъ Алмазовъ.

Всенощная въ селѣ.

ень вечерѣлъ, косая тѣнь
Ложилась низко и широко...
Заутра праздникъ — вѣщій день
и гремящаго пророка...

Приди ты, немощный,
Приди ты, радостный!
нятъ ко всенощной,
молитвѣ благостной, —
вонъ смиряющій
мъ въ душу просится,
естъ взывающій,
поляхъ разносится...

ъ Холмахъ, селѣ большомъ,
ъ церковь новая:
двигла Божій домъ
а торговая;
лужбы Божія,
ато справлены,
нъ подножія
чми уставлены.
гаръ, и младъ войдетъ:
рва помолится,
лонъ земной кладетъ,
гомъ поклонится...
стройно клирное
ется пѣніе,
ьяконъ мирное
Твердитъ глашеніе:
О благодарственномъ
Трудѣ молящихся,
О градѣ царственномъ,
О всѣхъ трудящихся,
О тѣхъ, кому въ-удѣлъ
Страданье задано...
А въ церкви дымъ висѣлъ,
Густой отъ ладона, —
И заходящими
Лучами сильными,
И вкось блестящими
Столбами пыльными
Отъ солнца — Божій храмъ
Горитъ и свѣтится...
Стоитъ Алёша тамъ
И также свѣтится
Довольствомъ, радостью,
Здоровьемъ въ добрый часъ,
Удачей, младостью
И тѣмъ, что въ первый разъ
На кружку вынулъ онъ
Изъ сумы кожаной,
И слышалъ мѣдный звонъ
Копѣйки вложенной,
Въ трудѣ добытой имъ...
Въ окно жь открытое
Несется синій дымъ
И пѣнье слитое.

Иванъ Аксаковъ.

Молитва.

Отцы пустынники и жены непорочны,
Чтобъ сердцемъ возлетать во области заочны,
Чтобъ укрѣплять его средь дольнихъ бурь и битвъ,
Сложили множество божественныхъ молитвъ...
Но ни одна изъ нихъ меня не умиляетъ,
Какъ та, которую священникъ повторяетъ
Во дни печальные великаго поста;
Всѣхъ чаще мнѣ она приходитъ на уста,
И, падшаго, свѣжитъ невѣдомою силой: —

«Владыко дней моихъ! Духъ праздности унылой,
Любоначалія — змѣи сокрытой сей,
И празднословія не дай душѣ моей:
Но дай мнѣ зрѣть мои, о, Боже! прегрѣшенья,
Да братъ мой отъ меня не пріиметъ осужденья,
И духъ смиренія, терпѣнія, любви
И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи.»

Александръ П

Христіанскія мысли передъ битвам

(Въ дни святыя пасхи 1855 года.)

Готовясь въ бой съ врагомъ и ополчась на битву,
Произнесемъ, друзья, смиренную молитву
Къ Отцу и Богу силъ!... Не станемъ возглашати
Что мы идемъ дѣла святыя совершать,
Не будемъ называть святыней — пиръ кровавый,
И славу Божію съ земною нашей славой
Безумно смѣшивать.... Подъ сѣнію креста,
Во имя кроткое Спасителя Христа,
Не могутъ рѣзаться и грызться люди-братья,
Не обновляя язвъ честнѣйшаго Распятья...
И, можетъ быть, Тому, Кто со креста поникъ
Главою мирною, нашъ предпобѣдный кликъ,
Кликъ съ именемъ Его, воинственно-разгульный,
Подъ небомъ слышится насмѣшкой богохульной...
Зачѣмъ же оскорблять Учителя любви,
Взывая къ кроткому, «се ножъ, — благослови, —
Да въ честь Твою его поднимемъ на убійство!»
Уймемъ такихъ молитвъ кощунственныхъ витійство
И, на враговъ возставъ, къ Владыкѣ воззовёмъ:
«Прости, о, Господи, — мы много ихъ побьёмъ!...
О, просвѣти своимъ небеснымъ правосудьемъ,
Всевышній, ихъ и насъ: мы служимъ лишь орудьемъ
Къ явленію твоихъ таинственныхъ судебъ...
Ты правду зришь, одинъ, а бѣдный смертный — слѣп
Дай миръ намъ! Изжени духъ злобы и коварства,
Волнующій враждой земныя наши царства;
Въ нихъ братство водвори: да съ именемъ Христа
Не мечъ подъемлется на злыя состязанья,
Но умиренныя смыкаются уста
Божественнымъ ключемъ пасхальнаго лобзанья...»

Владиміръ Бенед

Богъ.

О, Ты, пространствомъ безконечный,
Живый въ движеньи вещества,
Теченьемъ времени превѣчный,
Безъ лицъ — въ трехъ лицахъ Божества!
Духъ всюду сущій и единый,
Кому нѣтъ мѣста и причины,
Кого никто постичь не могъ,
Кто всё собою наполняетъ,
Объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ —
Кого мы называемъ Богъ!
Измѣрить океанъ глубокій,
Сочесть пески, лучи планетъ
Хотя и могъ бы умъ высокій, —
Тебѣ числа и мѣры нѣтъ!
Не могутъ духи просвѣщенны,
Отъ свѣта Твоего рожденны,
Изслѣдовать судебъ Твоихъ:
Лишь мысль къ Тебѣ вознестись дерзаетъ, —
Въ Твоемъ величьи исчезаетъ,
Какъ въ вѣчности протекшій мигъ.
Хаоса бытность довременну
Изъ безднъ Ты вѣчности возвалъ,
А вѣчность, прежде вѣкъ рожденну,
Въ Себѣ-Самомъ Ты основалъ.
Себя Собою составляя,
Собою изъ Себя сіяя,
Ты свѣтъ, откуда свѣтъ истекъ:
Создавый всё единымъ словомъ,
Въ твореньи простираясь новомъ,
Ты былъ, Ты есь, Ты будешь въ вѣкъ!
Ты цѣпь существъ въ себѣ вмѣщаешь,
Ее содержишь и живишь;
Конецъ съ началомъ сопрягаешь
И смертію животъ даришь.
Какъ искры сыплются, стремятся,
Такъ солнцы отъ Тебя родятся;
Какъ въ мразный, ясный день, зимой,
Пылинки инея сверкаютъ,
Вратятся, зыблются, сіяютъ,
Такъ звѣзды въ безднахъ подъ Тобой
Свѣтилъ возженныхъ милліоны
Въ неизмѣримости текутъ:
Твои они творятъ законы,
Лучи животворящи льютъ.

Но огненны сіи лампады,
Иль рдяныхъ кристалей громады,
Иль волнъ златыхъ катящій сонмъ,
Или горящіе зевры,
Иль вкупѣ всѣ свѣтящи міры —
Передъ Тобой, какъ нощь предъ днемъ,
Какъ капля въ морѣ опущенна,
Вся твердь передъ Тобой сія....
Но что мной зримая вселенна?
И что передъ Тобою я? —
Въ воздушномъ океанѣ ономъ,
Міры умножа милліономъ
Стократъ другихъ міровъ — и то,
Когда дерзну сравнить съ Тобою,
Лишь будетъ точкою одною, —
А я передъ Тобой — ничто....
Ничто! — Но Ты во мнѣ сіяешь
Величествомъ Твоихъ добротъ;
Во мнѣ себя изображаешь,
Какъ солнце въ малой каплѣ водъ...
Ничто! — но жизнь я ощущаю,
Несытымъ нѣкаимъ летаю
Всегда пареньемъ въ высоты;
Тебя душа моя быть чаетъ,
Вникаетъ, мыслитъ, разсуждаетъ:
Я есмь — конечно есь и Ты!
Ты есь — природы чинъ вѣщаетъ,
Гласитъ мое мнѣ сердце то;
Меня мой разумъ увѣряетъ:
Ты есь, — и я ужь не ничто!...
Частица цѣлой я вселенной,
Поставленъ, мнится мнѣ, въ почтенной
Въ срединѣ естества я той,
Гдѣ кончилъ тварей Ты тѣлесныхъ,
Гдѣ началъ Ты духовъ небесныхъ
И цѣпь существъ связалъ всѣхъ мной.
Я связь міровъ повсюду сущихъ,
Я крайня степень вещества,
Я средоточіе живущихъ,
Черта начальна Божества:
Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю...
Я — царь, я — рабъ; я — червь, я — Богъ...
Но, будучи я столь чудесенъ, —
Отколѣ происшелъ? — безвѣстенъ; —
А самъ собою быть не могъ.

Твое созданье я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источникъ жизни, благъ податель,
Душа души моей и царь!
Твоей то правдѣ нужно было,
Чтобъ смертну бездну преходило
Мое безсмертно бытіе,
Чтобъ духъ мой въ смертность облачился,
И чтобъ чрезъ смерть я возвратился,
Отецъ, въ безсмертіе Твое!
Неизъяснимый, Непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображенія безсильны
И тѣни начертать Твоей!...
Но если славословить должно,
То слабымъ смертнымъ невозможно
Тебя ничѣмъ инымъ почтить,
Какъ имъ къ Тебѣ лишь возвышаться,
Въ безмѣрной радости теряться
И благодарны слезы лить.

Гавріилъ Державинъ.

КОНЕЦЪ.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Этимъ сборникомъ представляется опытъ *антологіи* для народнаго чтенія *вообще* и *хрестоматіи* для простонародныхъ школъ всякаго рода и разныхъ вѣдомствъ, гдѣ она можетъ служить настольною книгою, какъ систематическое собраніе матеріаловъ поучительнаго и занимательнаго чтенія, содѣйствующаго развитію нравственнаго чувства и народнаго самосознанія.

Въ подборѣ всѣхъ статей, составляющихъ «*Пчелу*», проведена одна извѣстная идея, при извѣстномъ строѣ, связи и послѣдовательности въ расположеніи и содержаніи статей, изложенныхъ въ разныхъ, болѣе или менѣе *непосредственныхъ* формахъ выраженія, и заимствованныхъ изъ разныхъ періодовъ Русской литературы, въ строгомъ соображеніи съ назначеніемъ книги. Статьи, здѣсь собранныя, заключаютъ въ себѣ нравственно-практическое и духовно-нравственное содержаніе, проникнутое собственно *духомъ Русской народности, основными Русскими началами и историческо-органическимъ развитіемъ — при народно-Русской политической идеѣ.*

Точка отправленія къ подбору статей для этой книги была чисто *объективная,* какъ и слѣдуетъ быть, по мнѣнію составителя, въ подобныхъ случаяхъ, во избѣжаніе преходящихъ воззрѣній, временно-модныхъ мнѣній, или увлеченій извѣстныхъ литературныхъ кружковъ въ данное время. Потому-то составитель, по возможности, старался черпать для своей книги изъ болѣе или ме-

нѣе *непосредственныхъ* матеріаловъ, что даетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, самостоятельность и полную *свободу* читателю въ духовномъ воспріятіи читаемаго.

Въ 1-мъ отдѣлѣ этой книги послѣдовательно и въ органической связи изображены всѣ существенные мотивы и значительныя событія отечественной исторіи.

Такъ-какъ въ составленіи «Пчелы» имѣлась въ виду по-преимуществу *воспитательная* цѣль, то составитель счелъ нужнымъ расширить *историческій* отдѣлъ книги и *въ древнихъ* періодахъ нашей жизни, опираясь, между прочимъ, на эти слова Гёте: «*Коль скоро мы всмотримся въ старину, съ твердымъ намѣреніемъ изучить ее для собственнаго образованія и развитія, то въ насъ поселяется чувство, что мы только съ этого момента сдѣлались человѣкомъ*».

Для бо́льшей полноты, внутренней цѣльности и выдержаности идеи «*Духовно-нравственнаго*» отдѣла книги, составитель, при второмъ изданіи, увеличилъ этотъ отдѣлъ, и помѣстилъ въ немъ еще и нѣкоторыя изъ твореній отцевъ вселенской Греко-Восточной церкви, считая, въ извѣстномъ смыслѣ, возможное знакомство съ этими твореніями своего рода *классицизмомъ* въ собственно-Русскомъ народномъ образованіи.

Не смотря на видимую отрывочность бо́льшей части статей, необходимо обусловливаемую самимъ родомъ книги, всѣ онѣ заключаютъ въ себѣ, въ нѣкоторомъ отношеніи (при извѣстнаго свойства соображеніяхъ и пріемахъ редакціи), цѣлостное, опредѣлительно-законченное, удовлетворяющее читателя содержаніе, и, притомъ, сопровождаемое, гдѣ нужно, *примѣчаніями* и *изложеніемъ*, отъ составителя, вкратцѣ, выпущенныхъ мѣстъ.

Для образности и наглядности при чтеніи, въ книгѣ помѣщено 39 *картинокъ*, изображающихъ народно-историческіе предметы,

или памятники, близкіе Русскому человѣку; при томъ еще въ одномъ мѣстѣ приложены и *ноты* пѣнія, собственно для школъ.

Мы внесли въ нашу книгу только извѣстныя роды содержанія и извѣстныя формы выраженія, въ томъ соображеніи, что уже, съ другой стороны, и своимъ путемъ, изданы и издаются для народа книги, въ *учебномъ* изложеніи, какъ Православно-религіознаго, такъ чисто-историческаго и реальнаго содержанія, болѣе или менѣе приспособленныя ко внутреннимъ и внѣшнимъ средствамъ народа и его современнымъ потребностямъ.

Эта книга названа «*Пчелою*», чтобы сохранить преданіе и преемство: такъ-какъ въ древней, допетровской Руси, подобнаго рода сборники, распространенные въ народѣ, назывались *Пчелами*.

По статьямъ, здѣсь собраннымъ и представляющимъ, по мѣрѣ возможности, совокупностію своею — бытовую, практическую, историческую, патріотическую и нравственную сторону Русской жизни, образцы Русскаго языка и словесности, знакомство съ отечественными писателями, а также и ознакомленіе собственно съ Великорусскимъ народомъ, по всѣмъ этимъ даннымъ — предлагаемую книгу можно, между прочимъ, потреблять *въ видахъ утвержденія и развитія чувства и сознанія Русской народности въ Западныхъ и Югозападныхъ губерніяхъ Россіи.*

Цѣна книгѣ, въ переплетѣ, 1 рубль 25 копеекъ серебр.
Цѣна съ пересылкою 1 рубль 50 копеекъ серебромъ.

ЖЕЛАЮЩІЕ ПРІОБРѢСТЬ ЭТУ КНИГУ БЛАГОВОЛЯТЪ ОБРАЩАТЬСЯ:

Въ С.-Петербургъ.

— *Въ книжный магазинъ Алексѣя Ивановича Давыдова (на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Беггрова).*

— *Въ книжный магазинъ Александра Ѳедоровича Базунова (на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Ольхиной).*

— *Въ книжный магазинъ Дмитрія Ефимовича Кожанчикова (на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Демидова).*

— *Въ книжный магазинъ Якова Алексѣевича Исакова (въ Гостиномъ Дворѣ, № 24).*

— *Въ книжный магазинъ Ивана Ильича Глазунова (по Большой Садовой, въ домѣ Публичной Библіотеки, подъ № 21 и 22)* и къ другимъ книгопродавцамъ.

Въ Москву.

— *Въ книжный магазинъ Ивана Григорьевича Соловьева, бывшій Базунова (на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго).*

— *Въ книжный магазинъ Александра Ильича Глазунова (на Кузнецкомъ мосту, въ домѣ Торлецкаго)* и къ другимъ книгопродавцамъ.